

The image features two crossed swords with silver blades and dark, textured hilts. The blades are crossed in an 'X' shape. The background is a dark, textured surface with a prominent vertical crack running down the center, passing through the intersection of the blades. The overall tone is dramatic and suggests conflict or a significant event.

Сергей Арьнов

**НЕЙТРАЛЬНО
—
ВРАЖДЕБНЫЙ**

Всю свою жизнь Стасик мечтал о правильном мире. О мире отважных воинов и могущественных магов, о мире подвигов и волшебства. Уж в этом-то правильном мире он неизбежно должен был стать великим героем, грозным чародеем и любимцем женщин — то есть своей полной противоположностью. Просто обязан был стать. Иначе и быть не могло. Только бы попасть туда, думал он, в этот правильный мир, а уж там-то ему все преподнесут на блюдечке, сразу и в полном объеме.

Ну, так он думал....

Сергей Арьков

Нейтрально-враждебный

Шум, разбудивший Сендара среди ночи, был ужасен. Тяжелые глухие удары и человеческие крики доносились откуда-то снизу.

Не успел он распахнуть глаза, как почувствовал, что кровать под его телом вдруг запрыгала, словно живая. Паладин в страхе вскинулся, не понимая, что происходит. Когда же он осознал, что подпрыгивает не только кровать, но вся крепость содрогается подобно бьющемуся в предсмертных конвульсиях великану, стало еще страшнее.

За узким окном простерлась полуночная тьма, но в крепости давно не осталось ни одного спящего человека. Сендар слышал людские крики, раскатистый грохот, звон, и странный, набирающий силу, гул.

В первую очередь Сендар подумал о внезапном нападении. Возглавляемая им крепость стояла вблизи границы, и вражеские визиты в ее окрестности являлись обычным делом. Пару раз за свою бытность командиром гарнизона Сендару доводилось отражать настоящие попытки штурма, в ходе которых недруги ломали ворота тараном и лезли на сены по приставным лестницам. Не исключено, что ему придется проделать это и в третий раз.

Проворно вскочив с кровати, он подбежал к окну и выглянул наружу, рассчитывая увидеть под крепостными стенами мечущиеся тени вражеских солдат и яркие крапинки факелов. Но к его немалому удивлению там никого не оказалось. Лишь над темными кронами леса в ночное небо поднялась целая туча птиц, огласила окрестности своим многоголосым криком и устремилась прочь. Пернатые словно почуяли угрозу, и торопились убраться подальше от ее источника.

От нового удара крепость содрогнулась, как живая. По всему сооружению прокатился жуткий звук, смесь стога и скрежета — это огромные каменные блоки сдвинулись со своих мест. Чтобы не растянуться на пляшущем под ногами полу, Сендар крепко вцепился пальцами в подоконник.

Его доспехи сверкающей грудой лежали в углу, но облачаться в них было некогда. Сендар быстро натянул сапоги, схватил меч и бросился к выходу из комнаты. Что бы ни происходило с крепостью, источник вибрации и шума находился внутри нее. И Сендар уже начал догадываться о том, кто именно навлек беду на их головы.

Едва успев покинуть свои покои, Сендар столкнулся в коридоре с одним из рыцарей гарнизона. Тот имел жуткий вид: волосы его стояли дыбом, в глазах застыло выражение дикого страха.

— Там! Там! — с ходу закричал рыцарь, бестолково размахивая руками.

Видя, что подчиненный пребывает в состоянии паники, Сендар тут же воспользовался проверенным методом приведения личного состава в чувства — залепил бойцу крепкую отеческую пощечину.

— Говори, что случилось! — потребовал Сендар.

— Там, в подземелье, — всхлипывая, забормотал рыцарь. — Там что-то происходит. Что-то ужасное. Я слышал чудовищные крики, и видел....

Рыцарь запнулся, дико уставившись на командира круглыми, полными ужаса, глазами.

— Что?

Сендар сгреб бойца за грудки и крепко встряхнул слабонервную особу.

— Что ты видел?

— Огонь, — чуть слышно вымолвил тот.

Огонь!

Сендар побледнел.

У него и мысли не возникло, что причиной всеобщего переполоха мог стать обычный пожар. С обычным пожаром их гарнизонный маг справлялся легко и непринужденно, не отрывая зада от стула, а пивной кружки от губ. Да и к чему было беспокоить гарнизонного мага, когда всякого чародейского сброда в крепость слетелось больше, чем мух на подгнившего мертвеца?

Да, Сендар как чувствовал, что этим все закончится. Этим, в смысле — катастрофой. Он почувствовал это тотчас же, едва увидел подъезжающую к крепости колонну всадников и телег. Произошло это две недели назад, и с тех пор командир гарнизона не ведал покоя, тяготясь ожиданием неминуемой беды.

Вообще-то Сендар не питал никакой особенной неприязни к чародейской братии. В крепости постоянно находился прикомандированный к гарнизону маг, и Сендар успешно ладил с ним. Но те ребята, что нежданно-негаданно нагрянули к ним в гости, оказались не по душе командиру гарнизона. Заносчивые наглецы, молчаливые, привыкшие требовать, приказывать и не терпящие никаких возражений. Эти фрукты явились прямиком из столицы, и привезли с собой бумаги за подписью самого короля. Сендару нечего было противопоставить этим бумагам. В них содержался высочайший приказ оказывать предьявителям любое содействие, исполнять все их повеления и не чинить никаких препятствий. И еще — не задавать лишних вопросов.

Последний пункт королевского распоряжения Сендар все-таки рискнул нарушить. На второй день он отловил в коридоре главу прибывших чародеев, седого белобородого хрыча с обманчиво безобидной внешностью умудренного годами старца, и попытался вытрясти из него ответы. Сендар прямо спросил у деда, какого демона толпа магов забыла в его крепости. Ведь это же, фактически, пограничье. Если взобраться на башню, то в ясный день можно разглядеть с ее вершины темную империю. Отчего магам не сиделось в столице, или в ином месте королевства? Почему они избрали для своих темных дел пограничный форпост?

Но вопросы Сендара остались без ответа. Бородатый чародей высокомерно заявил ему, что выполняет приказ короля, и что если он, Сендар, имеет что-то против этого, то пускай отправляется в столицу, и выскажет свои претензии лично монарху, коли тот пожелает его слушать, а не отправит прямиком в темницу, или сразу на плаху.

Прибывшие маги доставили в обозе множество диковинного оборудования, которое, стараниями слуг, спустили в подземелье. Сендар честно пытался протестовать против творимого произвола. Все-таки подземелье исполняло роль последнего убежища, в котором гарнизон мог укрыться в случае удачного вражеского штурма. Внутри защитники могли пересидеть какое-то время, дожидаясь подхода подкрепления. Это было надежное убежище. Вход в него запечатывался огромной металлической плитой, которая в обычном состоянии была подвешена под полотком, а в случае необходимости, при помощи простого рычага, опускалась вертикально и преграждала путь внутрь катакомб. Согласно уставу, подземелье строжайше запрещалось использовать для каких-либо посторонних нужд. Там всегда должен был находиться запас пищи и воды, там стояли деревянные койки с брошенными на них тюфяками, набитыми свежей соломой. Все это обновлялось и поддерживалось в целости. По крайней мере, Сендар, в бытность свою командиром гарнизона, строго за этим следил.

Явившиеся чародеи силами прибывших с ними слуг вытащили из подземелья все: койки, тюфяки, бочки с водой, ящики с сухарями. И бросили гарнизонное имущество во дворе, будто некий мусор. А в подземелье принялись спускать свое таинственное добро. Делали это по ночам, тайно, будто преступники, и даже Сендар не смог подсмотреть, что же за груз привезли с собой столичные волшебники.

Чародеи не допускали в подземелье никого, кроме прибывших с ними слуг. Сендар пару раз едва не устроил драку, пытаясь спуститься вниз и лично выяснить, чем заняты незваные гости. Гарнизонный чародей тоже не мог ничего сказать по этому поводу. Прибывшие маги не считали его ровней себе, и не посвящали в свои тайны.

Еще несколько раз Сендар подкарауливал белобородого старика и пытался добиться от того объяснений. Наконец, чародей не выдержал, и нехотя сообщил паладину, что они закончат свою работу в течение месяца, а затем покинут крепость навсегда. И посоветовал Сендару набраться терпения, ибо работа их, как заверил старик, близка к успешному завершению.

Какая такая работа? О чем толковал бородатый негодяй? Сендар не знал этого, и знать не хотел. Он с нетерпением ждал того прекрасного дня, когда чародеи погрузят на телеги свое добро, и покинут его крепость. Уж он не поленился отметить этот день с размахом. Плюнет на устав, напьется сам и позволит сделать это всем своим подчиненным.

Теперь же Сендар понял, что долгожданной попойке едва ли суждено состояться. Не просто так чародеи пожаловали сюда, на самую восточную границу Англэзии, подальше от больших городов и населенных областей королевства. Они выбрали пограничную крепость целенаправленно, потому что не было вблизи нее ни населенных пунктов, ни важных торговых путей, ни судоходных рек. Повсюду, вокруг одинокой твердыни, темнели древние леса, а на востоке, милях в двадцати от крепостных стен, лежала мертвая земля, тянущаяся до самых пределов черной империи. Что бы ни произошло здесь, здесь оно и останется, не причинив никому вреда. Кроме, разве что, обитателей крепости. Но их жизнями, похоже, не особо-то дорожили в столице.

Грохот не умолкал. Пол под ногами продолжал ходить ходуном. Крепость тяжело вздрагивала, будто что-то огромное и живое шевелилось под ней в темных земных глубинах. Сендар мчался по коридорам, постоянно натываясь на перепуганных людей. Слуги метались в ужасе, солдаты, растерянные и неорганизованные, не знали, что им делать, и искали командира, который мог бы успокоить их и раздать приказы. Сендар пытался выяснить у них, куда пропал его заместитель, молодой паладин, недавно назначенный в крепость, но никто не видел его со вчерашнего дня. Наконец, старый ключник, заикаясь, сообщил Сендару, что паладин с несколькими солдатами спустился в подземелье сразу же, едва только началась вся эта тряска. Поднялся ли он обратно, старик не знал.

Сендар помрачнел еще больше. Его догадка оказалась верной. Что бы ни происходило в крепости, источник этого находился там, в подземелье. И являлся делом рук столичных чародеев.

Он схватил ключника за плечо, встряхнул чуть живого от страха старика, и приказал тому собирать всех слуг и уводить их в лес. А сам поспешил вниз, к входу в подземелье.

В большом главном зале, где обычно проводились трапезы, пиры и собрания, в воздухе повис едкий запах дыма. Часть столов была опрокинута, на других лежали людские тела, вокруг которых суетились целители. На глазах Сендара четверо слуг внесли в зал молодую волшебницу. Половина ее симпатичного лица обгорела до черноты, а от одежды остались

обугленные лохмотья. Все ее тело покрывали пятна страшных ожогов, будто кто-то выплеснул на женщину расплавленный металл. Все прочие раненые тоже были обожжены. Они страшно кричали и содрогались от боли, дергаясь на столах, словно в жутком танце.

Сендар миновал зал. В тесных коридорах дыма стало заметно больше. Воздух сделался горячим и душным. А зловещий, сотрясающий стены, гул усилился.

На вершине лестницы, ведущей в подземелье, выстроились все уцелевшие маги. Уцелели немногие. Трое из них валялись на каменных ступенях со страшными ожогами, и не подавали признаков жизни. Остальные хором бормотали заклинания, простерши руки навстречу чему-то, что, как показалось Сендару, рвалось из подземелья. А там действительно что-то было. Сквозь дрожащий от жара воздух паладин разглядел алые отблески огня на каменных стенах и валяющий кверху черный дым. И еще услышал какой-то странный звук, пробравший его до мурашек. Это было нечто, похожее на голос, пробивающийся сквозь рев набирающего силу пламени.

Старый чародей тоже был здесь. Наравне со всеми он стоял на ступенях, вскинув руки навстречу рвущемуся из подземелья огню, и распевно произносил заклинания. Пот катился градом по его покрасневшему лицу, на руках старика Сендар заметил вздувшиеся волдыри свежих ожогов.

Паладин подбежал к старцу и грубо вцепился в его плечо.

— Что вы наделали? — заорал он, тряся бородатого чародея. — Что вы, гады такие, наделали?

Старик покосился на него, но заклинания не прервал.

Взбешенный Сендар силой развернул старика лицом к себе, и демонстративно занес для удара сжатый кулак.

— Что там такое? — прокричал он вновь. — Отвечай, старая гнида, что вы сюда притащили?

Чародей прервал заклинание, и в его глазах Сендар прочел страх и невероятную усталость.

— Я не знаю, — чуть слышно вымолвил старик.

Паладин ушам своим не поверил.

— Что ты сказал? — закричал он в бешенстве. — Как ты можешь не знать? Это ваших рук дело!

— Оно пришло извне, — пробормотал старик. — Оно так сильно... Если оно вырвется наружу, тогда...

Он замолчал. Сендар вновь встряхнул его за грудки.

— Что — тогда? — закричал паладин. — Что? Отвечай!

— Тогда весь мир окажется под угрозой гибели, — выдохнул чародей.

Потрясенный Сендар разжал пальцы и выпустил мантию чародея. Затем, повернув голову, посмотрел на уходящую вниз лестницу. Оттуда поднимались волны жара, валил дым, а еще несся набирающий силу голос, роняющий незнакомые страшные слова. Не голос человека или монстра. То был голос самой смерти.

— Как это остановить? — спросил Сендар, обращаясь к старику. — Должен же быть способ. Есть железная дверь. Если опустить ее, мы сможем изолировать подземелье.

— Простая дверь не удержит это, — задумчиво проговорил старый чародей. — Но если мы сумеем создать защитный контур и замкнуть его на двери, возможно, это сработает. Да, надо попробовать. Как опустить дверь?

Сендар покосился вниз, и произнес помертвевшим голосом:

— Рычаг управления находится внутри. Закрыть ее снаружи невозможно.

Старик не раздумывал ни секунды.

— Я пойду, — сказал он, и обратился к прочим чародеям. — Как только опущу дверь, начинайте плести защитный контур.

Сендар схватил старика за плечо.

— Нет, — возразил он. — Ты не пойдешь. Ты понадобишься здесь, чтобы создать надежную защиту. Без тебя они не справятся. Я пойду вниз.

Даже наспех наложенные защитные чары не спасали от опаляющего жара, который рвался наружу из недр подземелья. Воздух при вдохе обжигал легкие, глаза непрерывно слезились. Дыма было столько, что Сендар почти ничего не видел вокруг себя. К счастью, он хорошо знал это место, поскольку много раз спускался в катакомбы прежде.

Когда ступени кончились, он пошел вперед вслепую. Здесь коридор вел все время прямо. Дверь была совсем рядом — она повисла над потолком толстой металлической плитой. Рычаг, опускающий ее, находился чуть дальше.

Сендар почувствовал, как кожа на его ладонях вздувается пузырями и лопается. Ощутил резкую вонь сгорающей бороды. Его шатало. Отравленные дымом и почти сожженные жаром легкие пылали болью. Сквозь клубящуюся черную пелену он разглядел впереди языки пламени, скользящие по полу и лижущие каменные стены. Рычаг должен был находиться где-то здесь. Увидеть его было невозможно, так что Сендар протянул руку, и стал искать его на ощупь, шаря пальцами по раскалившимся блокам стены.

Вдруг огонь вспыхнул ярче, озарив все подземелье и разметав густой дым. Сендару показалось, что в самом сердце бушующего пламени он видит нечто живое, идущее прямо к нему. В этот миг его пальцы легли на рукоять рычага и судорожно сомкнулись на нем. Из последних сил он надавил на него, утопив вниз. Сразу же вслед за этим за его спиной раздался страшный грохот — огромная металлическая плита опустилась и встала вертикально, полностью перекрыв выход из подземелья.

Защитные чары рухнули, и огонь, с жадной яростью охвативший паладина, в мановение ока обратил его тело в горсть серого пепла. Он уже не услышал, как чародеи, едва захлопнулась дверь, принялись ткать мудреный магический узор, произнося одно заклинание за другим и сплетая их в сложнейшую конструкцию. Не узнал, что старый маг, отдав все силы, в какой-то момент рухнул замертво на каменные ступени.

Крепость содрогнулась в последний раз, по всем ее окрестностям раскатился жуткий, идущий из-под земли, глухой рев.

А затем наступила тишина.

Часть первая. Глава 1

Стасик знал — настоящими героями не рождаются, ими становятся. И ключевой секрет успеха в деле становления героем кроется в правильной прокачке.

Прежде чем начать свой путь, наполненный подвигами и приключениями, будущий герой должен определиться с выбором специализации, и затем уже четко и неукоснительно следовать ему. Это основа основ. Лишь тот герой, который точно знает, чего он хочет достичь, обретет славу и величие. Прочим же уготована печальная участь.

Взять, к примеру, воина. Достойный выбор! Воин, он боец ближнего боя, храбрый встречающий врага лицом к лицу. Не каждый осилит эту стезю. Тут требуется недюжинная храбрость, крепость нервов, дабы не поддаться панике, оказавшись в самой гуще жаркого боя. Воин всегда впереди. На его долю выпадает большая часть всех неприятных сюрпризов, которыми так богат любой уважающий себя мир меча и магии. А их ассортимент велик. Можно легко и просто влететь в ловушку, обычную ли — какой-нибудь смазанный ядом капкан, либо в магическую, которую зачастую не видно невооруженным взглядом. Идешь себе такой по подземелью, весь в предвкушении богатой добычи, и вдруг — вспышка, грохот, звон в ушах! И вот ты уже валяешься на каменном полу с резко укоротившейся полоской здоровья, а из всех щелей на тебя большим количеством несутся враги. В такой непростой ситуации у неопытного героя немного шансов. А ведь воину мало выжить самому. Он должен прикрывать своих товарищей. Погибнет он — поляжет весь отряд.

Лично Стасик был отменным воином. Соратники могли смело вверить ему свои жизни. Не в новинку ему было врывать в полные опасностей подземелья, и выходить наружу победителем, неся на плече туго набитый трофеями мешок. А все почему? Потому что, во-первых, огромный опыт, а во-вторых, конечно же, предусмотрительность. Сколь бы легким ни намечалось грядущее приключение, Стасик никогда не бросался с места в пекло без предварительной подготовки.

Та состояла из нескольких важных пунктов.

Первым делом он обязательно чинил у кузнеца все свое снаряжение. Роковая ошибка новичка на геройском поприще — не следить за состоянием брони и оружия. Стоит запустить это дело, как твои доспехи подведут тебя в самый ответственный момент, а меч сломается аккуратно в разгар битвы с финальным боссом.

Затем он шел к алхимику, и заполнял инвентарь лечебными зельями. Вторая ошибка новичка — сломя голову ринуться в приключение без единой бутылки здоровья, в расчете на то, что те обязательно выпадут из поверженных монстров. Уж Стасик-то отлично знал, сколь опрометчиво поступает тот, кто полагается на удачу. Шанс дропа — это одно, но ведь и законов подлости никто не отменял. А они, проклятые, всегда действуют безотказно. И стоит только спуститься в подземелье без единого зелья исцеления, как заветные красные бутылочки тут же перестанут падать с убитых противников. Падать будет все, что угодно — маны насыплется восемь ящиков, хоть упейся, всякая мелочевка на продажу, вроде когтей, клыков и прочей ерунды, а вот бутылочка лечебного зелья не упадет ни одна. Именно так оно и работает: не запас эликсира здоровья — гарантированно помрешь. Стасик неоднократно проверял действие этого правила на самом себе, и успел убедиться в его стопроцентной нерушимости.

Поэтому он, будучи воином бывалым, перед каждым приключением, сколь бы

пустяковым и легким оно ни казалось на первый взгляд, шел и покупал зелья лечения. Притом исключительно самые лучшие и дорогие зелья, не пытаясь сэкономить на себе. Набирал их с запасом, больше, чем должно было потребоваться. А все почему? Потому, что должно потребоваться десять бутылок, а на деле с трудом обходишься тридцатью. Приключение — штука непредсказуемая. Рассчитываешь на одно, а по итогу получаешь другое. Иной раз очень даже получаешь. И если не запастись зельями и не привести в порядок амуницию и оружие, вероятность получить по полной программе резко возрастает.

Или вот взять, к примеру, мага. Маг был любимым классом Стасика. Без ложной скромности он мог бы заявить, что знает о магии все. И, в частности, то, как непросто превратить начинающего мага в настоящую машину смерти, сокрушающую орды врагов могущественными чарами.

Неопытный герой, едва ступивший на этот тернистый путь, и избравший специализацию мага, сильно рискует, не придерживаясь при прокачке четко выверенного плана. Велик соблазн качать все и сразу. От богатого ассортимента заклинаний дух захватывает. Начинает казаться, что чем большее их количество заполучить в свой арсенал, тем будет лучше. А это, между тем, совсем не так. Стасик, настоящий магистр чародейских искусств, непревзойденный эксперт в области боевой магии, точно знал — ключевую роль играет не ассортимент заклинаний, а их убойная сила. Гораздо лучше вкачивать все очки опыта во что-то одно, в огненный шар, к примеру, чем бестолково раскидать их по всей ветке, и в итоге, при богатом арсенале скилов, не уметь нанести врагу сколь-либо ощутимого урона. Ведь маг, он далеко не так живуч и крепок, как воин. Он не создан для того, чтобы сходить с врагами щит в щит, рубиться в ближнем бою, нанося и получая многочисленные удары. Маг существо ранимое. Не в его тряпках принимать на себя сокрушительные удары судьбы. Поэтому успешная тактика в случае мага одна — действовать так, чтобы не позволять никому из врагов приближаться к себе на расстояние удара. Окучивать всех на дальних подступах, притом бить наверняка и с гарантией, чтобы не прибежали за добавкой. Для того магу и требуется мощный урон. Не богатый арсенал заклинаний, а одно, но прокаченное до состояния неотразимой убойности. Впоследствии, по ходу роста уровня, можно разнообразить ассортимент чар, но начинать нужно с одного конкретного, и его-то качать, долго и упорно, не жалея на это дело очков опыта.

В общем, в героизме Стасик разбирался досконально, он был настоящим профи геройских наук. Одна беда — применять свои глубокие знания ему доводилось только в видеоиграх. Реальная жизнь, к его большому сожалению, не оставляла простора для подлинного героизма. В реальной жизни не было места ни магии, ни драконам, ни подземельям, кишасим монстрами. В реальной жизни не было возможности быстро поправить пошатнувшееся здоровье бутылочкой лечебного эликсира. Реальная жизнь была вся насквозь неправильная. А еще, и это особенно возмущало Стасика, в реальной жизни красивые девушки почему-то не вешались на него пачками, хотя вот в правильном мире такое обязательно должно было с ним происходить.

Стасику частенько снился правильный мир, куда он всякий раз попадал различными чудесными путями. И вот там-то все происходило как должно. Не успевал Стасик очутиться в правильном мире, как забитый тюфяк тотчас же преображался в отважного героя. Притом эта метаморфоза всегда случалась мгновенно и сама собой. Стасику не приходилось ни трудиться, ни напрягаться, ни проходить долгий и изнурительный курс обучения. Таланты, умения и боевые навыки сыпались на него, как из рога изобилия. И вчерашний школьник

стремительно преобразался в могучего исполина. Враги трепетали, глядя на него. Откуда ни возьмись, на него слетались красавицы, и принимались дружно сохнуть по пришельцу.

Но и этим дело не ограничивалось. Стасик внезапно обнаруживал у себя небывалую магическую мощь. Вот просто не было ее секунду назад, а потом вдруг раз, и появлялась. И сразу такая громадная, что хоть тотчас же выходи на бой против темного властелина — у того не будет ни шанса на победу.

Короче говоря, в сладких снах Стасик становился своей полной противоположностью. Сам он, однако же, смотрел на это дело иначе. По его глубокому убеждению, проблема, конечно же, заключалась не в нем самом, а в окружающем его мире. Мир был неправильный — вот оно что. Это мир не давал ему проявить все свои многочисленные, но глубоко сокрытые, таланты. Существой в этом неправильном мире магия, Стасик уже давно освоил бы ее и стал верховным чародеем. Водись в этом мире хотя бы драконы, Стасик поубивал бы их сотни три, и снискал бы себе заслуженную славу отважного воина. Девушки в этом неправильном мире тоже были неправильные, не такие, какими им следовало быть. Потому что правильные девушки, едва взглянув на его эпичную персону, снулую, невысокую, слегка полноватую, обязаны были дружно забиться в экстазе влюбленности. Его тело, почти лишенное мышц, и состоящее, преимущественно, из дряблого жирка, прыщей и изнывающих от неуголенной похоти потовых желез, должно было пробуждать в красавицах неодолимое вожделение.

Но каков мир, таковы и девушки. Здешние красавицы не только не вешались на Стасика пачками, не только не бегали за ним толпами, не только не заваливали его любовными письмами — они вообще как будто его не замечали. В буквальном смысле. Стасик иногда чувствовал себя самцом-невидимкой. Ну, разве такое возможно в правильном мире? Разумеется, нет.

Стасику постоянно казалось, что он ошибся реальностью, и родился в каком-то совершенно неподходящем и чуждом для себя месте. Он был создан не для этого унылого мира. Произошел некий вселенский сбой, и потенциальный верховный маг, гроза драконов и эротическая греза юных дев, очутился в трехкомнатной квартире на пятом этаже, в типовой высотке, гордо торчащей посреди спального района, в окружении таких же архитектурных уродцев. Вместо того чтобы зубрить древние руны, изучать магию стихий и познавать благородное искусство мечника, он вынужден был посещать обычную неправильную школу. Там его уже десятый год с переменным успехом пытались научить какой-то бесполезной ерунде, которая навевала на Стасика только скуку. Сидя в классе и поминутно зевая, он думал лишь о том, как вернется домой, запустит компьютер, и с головой окунется в единственный доступный ему заменитель правильного мира — игру.

В его любимых играх все было устроено правильно: в них он без труда обретал геройский статус, а еще почет, уважение, влюблял в себя красавиц и непрерывно спасал вселенную от гибели. В отличие от неправильного мира, в котором латентному чародею приходилось влачить жалкое существование, терпя унижения и побои от обычных школьных хулиганов. Ох и показал бы он своим обидчикам, окажись они в правильном мире. Он обрушил бы на них всю неизмеримую мощь своей магии, окатил бы струями огня, вморозил в ледяную глыбу чарами холода, а на десерт угостил бы их хорошей, сочной молнией. Но самые чудовищные заклинания, относящиеся к области черной, как ночь, магии, запретной и порицаемой по причине ее кошмарности, он бы приберег для своего главного терзателя и обидчика, одноклассника Кольки.

Этот Колька терроризировал Стасика столько, сколько тот себя помнил. Несчастный Стасик со слезами на глазах считал оставшиеся дни до выпускного. Ему просто не верилось, что однажды он навсегда избавится от Колькиной тирании.

Колька был высоким крепким парнем, и хотя бог не одарил его ни большим умом, ни какими-либо талантами, в неправильном мире он чувствовал себя как дома. В классе он являлся единовластным царем: все парни заискивали перед ним, все девочки сохли по нему. Но Кольке оказалось мало всеобщего обожания. Для дополнительного самоутверждения он завел себе личного мальчика для битья, и эта незавидная роль досталась знатоку чародейских искусств и грозе огнедышащих драконов.

На протяжении долгих десяти лет Стасик подвергался всяческому третированию со стороны хулигана Кольки. За это время он успел искренне, всей душой, возненавидеть школу, а заодно и весь этот неправильный мир. Его постоянно одолевало желание сбежать, но не в другой город или даже страну, а в другую, правильную реальность. Иногда ему буквально хотелось закричать во все горло — эй, вы, сволочи! вы все напутали! я должен был родиться не здесь! немедленно отправьте меня в правильный мир!

Его отвращение к родной реальности было столь велико, что даже перспектива скорого расставания с ненавистным Колькой не радовала Стасика. Да и чему тут, в сущности, было радоваться? Ну, сбежит он от этого Кольки, когда окончит школу, и что дальше? Где гарантия, что в следующем месте прозябания, в институте, а потом и на работе, его не будет поджидать новый Колька? Да что там, Стасик наперед знал, что будет. Неправильный мир, он такой. Великие маги и могучие воины, угодив по ошибке в эту преисподнюю, обрекаются на бесконечное страдание. И от чьих рук? Какого-то Кольки, который в правильном мире мог бы, в самом лучшем случае, рассчитывать на карьеру свинопаса. Да и им бы он пробыл лишь до тех пор, пока до него не добрался бы великий магистр и легендарный воин.

Частенько Стасик представлял себе восхитительную картину жестокой мести школьному хулигану за все хорошее. Всего хорошего уже накопилось столько, что Стасик разработал поэтапную и весьма обширную программу мщения. Он не собирался убивать Кольку на месте, это было бы непростительно гуманно с его стороны. Колька не заслужил такого щедрого подарка, как легкая смерть. Для начала, Стасик планировал наложить на обидчика проклятие. Крепкое такое проклятие, из области черной магии. Затем, когда бы Колька хорошенько исстрадался, заменил бы одно проклятие другим. А затем третьим. Его месть была бы ужасающей. Она бы обязательно вошла в легенды. Рассказами об этой эпической мести пугали бы детей и взрослых тоже. Всех бы пугали и все бы страшно боялись. Шепотом передавалось бы из уст в уста леденящее кровь предание о кошмарном возмездии, учиненном великим магом Стасиком над жалким свинопасом Колькой.

Пронзительные трели будильника, вырвавшие Стасика из сладкого сна, были подобны изошренной пытке. Он всей душой ненавидел эту мелодию. Она ассоциировалась с предстоящим походом в школу, где его ждали скука на уроках и издевательства на переменах.

Конкретно сегодня у Стасика имелось небольшое утешение под названием суббота. О, эта благословенная суббота! Суббота была прекраснейшим днем из всех. А все потому, что за субботой неизменно следовало воскресенье — дивный день, когда не нужно было тащиться в ненавистную школу.

Стасик ждал субботы как манны небесной. Фактически, вся его жизнь состояла из сплошного ожидания суббот. Самым страшным днем являлся понедельник. Просыпаясь в понедельник утром, Стасик мечтал о смерти. Потому что осознавал — впереди его ждет шесть дней кремешного ада. Шесть страшных, наполненных муками, дней. Но по мере приближения субботы улучшалось и его самочувствие. Он слово бы всплывал из темных холодных глубин к поверхности, где его ждало спасение в виде живительного воздуха. И этим глотком воздуха была суббота, а точнее, субботний вечер. Лишь в этот вечер Стасик чувствовал себя счастливым. Сидя за компьютером, и совершая очередную порцию героических деяний в любимой виртуальной реальности, он блаженствовал. Ведь завтра ему не нужно было идти в школу и видеть там опостылевшую рожу истязателя Кольки.

Да, сегодня была суббота, долгожданная и прекрасная, но эту субботу ему еще предстояло выстрадать. И что-то подсказывало Стасику, что грядущее испытание не будет для него легким.

Собственно, как в воду глядел. Не он один находился в предвкушении выходных. Все школьники пребывали в чрезвычайном возбуждении, суетились больше обычного, ну и Колька, разумеется, не являлся исключением. С самого утра, еще до начала занятий, он уже заставил Стасика крепко пожалеть о том, что тот имел несчастье родиться на свет. Обычно Колька не отличался изобретательностью, и просто отвечивал Стасику подзатыльник у всех на виду, что неизменно приводило зрителей в неподдельный восторг. И жертве крупно везло, если никто из них не успевал зафиксировать акт унижения на камеру телефона с целью дальнейшего распространения видео в пределах школы и не только.

Но в этот субботний день Колька то ли сам додумался до гнусного креатива, то ли получил совет от кого-то из своих более изобретательных друзей. Так или иначе, но одновременно с выдачей дежурного подзатыльника, Колька, под одобрителный смех детворы, незаметно прилепил на спину Стасика лист бумаги с надписью оскорбительного характера.

Стасик ничего не почувствовал, поскольку пребывал в этот момент в состоянии стыда и горя. Сгорбившись, он брел по школьному коридору, а за его спиной грохотала канонада веселого смеха. С этой отвратительной бумажкой на спине Стасик умудрился отсидеть два урока, прежде чем та отвалилась сама, упав ему под ноги.

Увидев, что за транспарант он проносил на своей спине почти два часа, Стасик едва не разрыдался. Другой на его месте, окажись он в подобной ситуации, обязательно пустил бы слезу, но Стасик, закаленный многолетним мазохизмом, давно выработал привычку сносить унижения с сухими глазами. По крайней мере, внешне. В душе его в этот момент творилась

неистовая истерика, лились водопады слез, звучали проклятия в адрес этого неправильного, насквозь гнилого, мира. Но внешне Стасик остался спокоен. Он подобрал с пола бумажку, скомкал ее и бросил в урну для мусора. Он честно не хотел читать надпись, чувствовал, что ему не следует этого делать. Но не удержался и прочел. И теперь ему казалось, что написанные Колькой отвратительные слова будут звучать в его голове до могильной черты, а то и на том свете станут аукаться.

Но отвалившаяся от спины бумажка уже не могла ничего изменить. Пока он гордо носил ее на себе, половина школы успела запечатлеть это дело на камеры, и теперь ученики показывали друг другу прекрасные фотографии, весело обсуждая, как выложат их во все возможные социальные сети с обязательным указанием паспортных данных виновника торжества. Стасик отлично слышал, как добрые детишки планируют извлекать его в грязи, и мечтал лишь об одном — прямо здесь и прямо сейчас провалиться сквозь землю, притом так глубоко и качественно, чтобы его никакими силами не смогли извлечь на поверхность.

Погрязнув в горе и унижении, Стасик сидел на уроке, подперев рукой щеку, и, не слыша монотонного учительского бормотания, размышлял о своей незавидной доле. С новой силой его одолело возмущение по поводу совершившейся с ним несправедливости. Ну почему он родился в этом неправильном мире? По чьей вине это стряслось?

Если бы ему только удалось как-то сбежать отсюда, напрямик в правильный мир меча и магии. Вот там бы у него все пошло как надо. Едва угодив туда, он бы сразу встретил девушку своей мечты — красавицу эльфийских кровей, которая, конечно же, не сходя с места, влюбилась бы в него по уши. Да и могло ли быть иначе? Как эльфийская принцесса могла не влюбиться в Стасика? Никак. У нее просто не было иного выбора.

Следующим пунктом выяснилось бы, что он является особенным, уникальным и даже избранным: что о нем упоминается в древних пророчествах, что только он способен одолеть местного темного властелина, что от него зависит судьба вселенной и далее в том же избранном духе.

Таланты и умения начали бы пробуждаться в нем с невиданной скоростью. Легким движением руки он освоил бы магию. Нет, не так. Не нужно ему ничего осваивать. Едва ступив на землю правильного мира, он сразу стал бы магом, да не просто магом, а величайшим магом из всех. Следом в нем бы пробудились навыки владения различными видами оружия. Стасик представил себе, как впервые взяв в руки меч, он тут же одолел бы в поединке сразу пятерых громил, притом проделал бы это с изящной и непринужденной легкостью. А иначе и быть не могло. Это всяким посредственным личностям нужно тратить годы на обучение и упорные тренировки, а он, как избранный, получит все на блюдечке в готовом виде — славу, богатство, могущество и гарем обожательниц.

Не успев опомниться, он бы оказался во дворце правителя сказочной страны, куда его нижайше зазвали бы на банкет. Там бы он повстречал еще одну красавицу-принцессу, которая, едва узрев великого героя, тут же присоединилась бы к начавшему формироваться гарему.

А вот, спустя несколько дней, в сопровождении толпы фанаток, Стасик уже врывается в темное и мрачное подземелье, полное опасных противников и ценных сокровищ. Враги ордами набрасываются на него, а он с поразительной легкостью побеждает их под восторженные вопли поклонниц. Но вот из тьмы выступает огромная и жуткая фигура босса — здоровенного злого великана с семиметровой палицей. Один вид этого исполина внушает ужас. Он огромен и страшен. Из пасти его торчат клыки, каждый размером с добрый ятаган.

Доспехи его украшены костями убитых им героев. Он свиреп и беспощаден.

Другой бы, окажись он на месте Стасика, неминуемо струсил и убежал. Но эпический герой не таков. Нет в правильном мире опасности, перед которой бы дрогнул Стасик. Он лишь поводит могучими плечами, предвкушая грядущую потеху, и советует своему гарему отойти в сторонку и восхищаться его триумфом с безопасного расстояния.

Босс надвигается на него, огромный, как гора, но еще не знает он, клыкастый, с кем вздумал помереться силушкой. Ведь в его подземелье пожаловал не кто-нибудь, а сам великий магистр Стасик Невероятный. Вскидывает он свой посох и громко выкрикивает заклинание....

Эпический мечтатель сам не заметил, как задремал, полностью погрузившись в дивную грезу. Он даже начал негромко похрапывать, что, конечно же, не укрылось от внимания педагога. Преподавательница математики подошла к ушедшему в нирвану ученику, и довольно грубо потрясла его за плечо. Стасик дернулся всем телом, распахнул глаза, и все еще продолжая свой яростный поединок с пещерным великаном, громко вскрикнул:

— Огненный шар! Огненный шар!

Класс зашелся веселым смехом. Педагог, сурово посмотрев сверху вниз на побуревшего от стыда героя, дал ему дельный совет:

— Спать по ночам нужно, а на уроке слушать.

— Извините, — промямлил Стасик, не поднимая глаз.

Едва преподавательница отошла от великого мага, как с задней парты прозвучал полный неземного счастья голос Кольки.

— Эй, убогий! — позвал он, после чего, когда Стасик не обернулся на зов, двинул ему кулаком промеж лопаток. — Будет тебе шар на перемене!

Стасик, собственно, в этом не сомневался. Собравшись с силами, он, во что бы то ни стало, решил выстрадать оставшиеся школьные часы, чтобы затем в полной мере насладиться заслуженными выходными.

Поскольку огненными шарами Колька и его подельники не располагали, они успешно заменили их шарами бумажными. Эти шары, иные довольно большие и твердые, всю перемену летели в Стасика со всех сторон. Бомбардировка продолжилась и на следующей перемене. Новая забава пришлась по вкусу всей школе. К ней присоединились ученики параллельных, и даже младших классов. Одна добрая девочка класса, наверное, из пятого, милая, большеглазая, с косичками, не поленилась скрутить огромный шар из целого альбома для рисования, стянула его, для прочности, резинками для волос, и запустила получившееся ядро в Стасика. Что характерно, мелкая гадина сделала это подло, из-за угла и с двух рук. Стасик не успел увернуться и картонный снаряд со страшной силой врезался ему в лицо. Больше от неожиданности, чем от боли, Стасик вскрикнул, запоздало шарахнулся в сторону, зацепился за подло подставленную кем-то ногу и позорнейшим образом растянулся на линолеуме.

Последнюю перемену он провел в туалете, закрывшись в одной из кабинок. Все указывало на то, что привычка кидаться в него бумажными шарами рисковала приобрести статус доброй традиции. Стасик с ужасом подозревал, что когда он вернется в школу в понедельник, то подвергнется новому интенсивному обстрелу. А кто придумал эту милую забаву? Кто дал старт всему мероприятию? Конечно же, вечный его мучитель, Колька.

Восседая на унитазах, Стасик изо всех сил старался не разрыдаться в голос. Он истово, с полной самоотдачей, молил всех богов, каких только навывдумывали люди за свою долгую

историю, о ниспослании ему великой милости. Стасик слезно упрашивал высшие силы немедленно отослать его в правильный мир и восстановить, тем самым, нарушенную много лет назад справедливость. Потому что эту, неправильную реальность, он больше не мог выносить физически. Но его молитва на горшке не возымела результата. Боги, если таковые и имелись в наличие, а не только в воображении людском, проигнорировали поступившую просьбу. А потому Стасику ничего иного не оставалось, кроме как отправиться на последний урок.

После всех пережитых в этот день унижений даже предстоящие выходные перестали радовать его. Да и чему было радоваться? Выходные имели свойство проноситься незаметно, и заканчивались, не успев начаться. А за ними следовала еще одна долгая школьная неделя, очередные шесть кругов ада.

Но пока что ему следовало как-то пережить этот день, а тот и не думал заканчиваться. Подслушав перешептывание одноклассников, Стасик с содроганием выяснил, что милые шалуны затевали в его отношении очередную уморительную шутку. Просто кидаться в него бумажными шарами им наскучило, и они решили привнести в приевшуюся забаву толику новизны. Новое было упасть и не встать — добрые детишки сговорились отловить Стасика после занятий и напихать ему бумажных шаров под одежду. Притом на бумаге, как понял страдалец, садисты экономить не планировали.

Вообразив себе грядущую муку, Стасик попытался избежать ее, и предпринял поползновение отпроситься с урока, сославшись на то, что у него разболелась голова. Но учитель физики, мужик черствый и глухой к чужим страданиям, предложил Стасику потерпеть, благо до звонка осталось всего каких-то пятнадцать минут. После этого Стасику стало ясно, что сегодня его точно нафаршируют бумагой.

Едва прозвенел звонок, как Стасик, который заранее сложил в ранец все свои вещи, сорвался с места и бросился к выходу. Но не он один подготовился к быстрому старту. За своей спиной он слышал топот преследователей, их задорный смех, и ворчливое требование педагога не бегать по классной комнате.

Выскочив в коридор, Стасик со всех ног припустил к выходу. Полученное при раннем старте преимущество могло спасти его, не будь вся школа забита учениками, торопящимися покинуть обожаемое учебное заведение, и с головой окунуться в долгожданные выходные. У выхода на лестницу в дверях образовался плотный копошащийся затор из человеческих тел. Преодолеть его было невозможно, разве что попытаться пролезть по головам. Гонимый страхом, Стасик храбро бросился в самую гущу давки, но тут же отскочил от нее, как от стены. Никто не хотел пропускать его вперед.

А тут нагрянули и его преследовали. Крепкие Колькины руки обхватили Стасика, и школьный садист с радостным смехом потащил добычу к двери в туалет. Трое Колькиных подпевал, что вечно таскались за ним, изображая послушную массовку, как шакалы крутились рядом, оперативно комкая шары из бумаги.

Стасик, обычно робкий и безответный, вдруг рванулся изо всех сил, пытаясь высвободиться из хватки хищника. Ему почти удалось сделать это, но в последний момент Колька успел вновь вцепиться в него, теперь уже действительно крепко, и продолжил тащить к туалету.

— Отпустите! — взмолился Стасик, чувствуя, что он вот-вот разрешится самым позорным образом на глазах у всей школы.

— Не дергайся! — потребовал Колька. — Хуже будет.

Это да, могло быть и хуже. Компания юных садистов, одуревших от безнаказанности, могла сделать с ним много чего ужасного. И Стасик сдался. Он прекратил сопротивление, и позволил Кольке спокойно подтащить себя к дверям уборной. Решил так — пусть на здоровье напихают ему бумаги за шиворот. Пусть снимут все это на камеры, и потом будут весело ржать над фотками три месяца. Лишь бы вся эта гнусная процедура скорее закончилась.

Он постарался думать о чем-нибудь приятном, о том, например, каким крутым и опасным станет в своем вождленном правильном мире. И тогда никто не посмеет издеваться над ним. Все будут бояться его, уважать и любить. А его школьные обидчики — о, они жестоко поплатятся за свои злодеяния. Великий маг Стасик поквитается с ними. Очень, очень сурово поквитается.

Дверь туалета, меж тем, была все ближе. Колька распахнул ее, толкнув спиной, и вместе с удерживаемым за руки Стасиком ввалился внутрь.

Глава 3

Стасик сразу понял, что происходит нечто странное. Вместо интимного сумрака туалетной комнаты, ему в глаза почему-то ударил яркий слепящий свет. Сгоряча он решил, что добрые одноклассники пытаются ослепить его фонариком, нарочно направив его луч прямо в глаза. Но следом подъехали и иные странности. Вместо ядреного аромата хлорки, безраздельно царящего в школьной уборной, повеяло удивительно свежим воздухом. А в уши вдруг хлынул гул множества незнакомых голосов.

Стасик с удивлением осознал, что он лежит на чем-то твердом и неровном. На полу туалета? Пол туалета действительно был тверд, Стасик однажды упал на него, и едва не покалечился. Но откуда взялась неровность? Половая плитка в школьной уборной действительно была положена абы как, ее укладкой занимались какие-то криворукие умельцы, но та поверхность, которую ощущал под своим задом Стасик, совсем не напоминала плитку. Это было нечто выпуклое, небольшого размера. Как будто округлые камни, плотно уложенные друг к другу.

Зрение медленно восстанавливалось. Стасик различил вокруг себя размытые силуэты людей, а над головой голубизну небосвода. Как же так? Он что, каким-то образом очутился снаружи школы? Обидчики тащили его в туалет, а теперь он почему-то на улице.

Тут Стасика пронзило страшное подозрение. Он решил, что в лапах садистов потерял сознание, и добрые одноклассники не придумали ничего лучшего, как вытащить его бесчувственное тело на школьный двор. И вот теперь он валяется здесь в пограничном состоянии, а столпившиеся вокруг школьники дружно насмеваются над ним и делают отменные фотоснимки.

В этот момент он услышал поблизости хорошо знакомый Колькин голос. Стасика поразило, что в голосе этом сквозила не злая радость, а удивление, смешанное со страхом.

— Что происходит? — выпрашивал Колька у кого-то. — Где я? Как я сюда попал?

Некто, незнакомый Стасику, ответил ему:

— Чувак, да я сам ничего не пойму.

Звонко прорезался девичий голос, в котором слышалась настоящая непритворная паника:

— Где я? Кто меня сюда привез? Кто вы все такие?

Стасик потер глаза ладонями, а когда отнял руки от лица, внезапно выяснил, что зрение полностью возвратилось к нему. Теперь он четко видел все вокруг. Но легче от этого не стало.

Он сидел на брусчатке, в окружении незнакомых людей. Все эти люди были молодыми, возраст их варьировался приблизительно от пятнадцати до двадцати пяти лет. Здесь были и парни и девушки, и все они казались растерянными и напуганными. Пробежавшись глазами по толпе, Стасик заметил Кольку. Тот о чем-то беседовал с незнакомым парнем лет двадцати. Выражение лица у школьного хулигана имело крайне озабоченный вид. Сейчас ему явно было не до шуток с бумажными шарами.

Внезапно что-то твердое ударило Стасика под зад, и он, вскрикнув от неожиданности, в страхе обернулся и задрал голову. Над ним нависла девушка, держащая в руке телефон и непрерывно стучащая пальцем по экрану. Бросив на Стасика короткий взгляд, она раздраженно спросила:

— Что ты тут расселся? И так ведь тесно.

Затем она вновь обратилась к своему телефону, нанесла по экрану новую серию нервно-быстрых ударов пальцем, и сердито выпалила:

— Ни связи, ни интернета. Вообще ничего!

Она возвысила голос и прокричала:

— Эй, народ, у кого-нибудь телефон ловит? Мне срочно позвонить надо, у меня важная встреча через час.

Несколько человек повернулись к ней и ответили, что связи здесь нет ни у кого.

— Ну, отлично! — простонала девушка и закатила глаза.

Затем она вновь посмотрела на Стасика, притом с таким неодобрением, что тот невольно почувствовал себя виноватым, и заранее съежился. Незнакомка спросила суровым тоном:

— А у тебя, мальчик, есть связь?

Стасик дрожащей рукой выцарапал из кармана телефон, включил его и выяснил, что аппарат не видит сети.

— Нет, — ответил он тихо.

— Ну, тогда вставай уже! Нечего у людей под ногами путаться.

Привыкший подчиниться всем, кто повышал на него голос, Стасик послушно воздвиг себя на ноги.

Теперь, поднявшись во весь рост, он получил возможность оглядеться по сторонам. Как выяснилось, он находился в самом центре довольно многочисленной толпы людей. Тех здесь собралось сотни три, не меньше. Плотность толпы объяснялась тем, что разбрестись людям мешали окружающие прямоугольное пространство стены. Выглядели те необычно. Вместо привычного силикатного кирпича или бетона они состояли из массивных гранитных блоков. Стены вздымались ввысь метров на десять, так что невозможно было увидеть, что находится по другую их сторону. На одной из стен, на высоте примерно семи метров, внутрь двора выдавался длинный и широкий балкон с каменными перилами, но добраться до него не было никакой возможности. А из подслушанных разговоров Стасик вскоре выяснил, что в этом каменном загоне нет ни одной двери и ни одного окна. Словно всех людей, которые сейчас наполняли его, засыпали внутрь сверху, как картошку в погреб.

Пока Стасик тщетно пытался осознать суть произошедшего с ним перемещения из школьной уборной в неизвестное место, толпа взволнованно зашевелилась, и кто-то крикнул:

— Смотрите! Там! На балконе!

Все, в том числе и Стасик, повернулись в обозначенном направлении и задрали головы.

На балконе появились люди. Очень странные люди. Ярче других на общем фоне выделялся могучий статный красавец, с ног до головы закованный в отливающую золотом рыцарскую броню. Стасику почудилось, что от брони исходит сияние, словно рыцаря окутывала некая волшебная аура. Помимо него на балкон вышли еще двое мужчин в менее броских латах, а вслед за ними....

Нижняя челюсть Стасика самопроизвольно откинулась от изумления. Он увидел девушку ослепительной красоты, всю в белых одеяниях, с длинными золотистыми волосами и огромными глазами в половину миленького личика. Таких красавиц ему не доводилось наблюдать даже по телевизору. До сего момента Стасик искренне верил в то, что подобные волшебные создания вообще не водятся в реальном мире.

Толпа вокруг Стасика взволнованно загалдела. Всем хотелось знать, что происходит. И все догадывались, что только эти люди на балконе способны прояснить ситуацию.

Красавец в золотой броне поднял руку, призывая публику к молчанию, и все рты тотчас же захлопнулись. Над окруженной стенами площадью воцарилась тишина.

— Я знаю, что все вы сейчас пребываете в недоумении, и все хотите знать, как и зачем вы попали сюда, — громким голосом произнес мужчина с балкона. — Проявите толику терпения, и я объясню вам все, что требуется.

— Зачем вы нас похитили? — пронзительно завопила девушка, которая до этого чуть не наступила на Стасика. — Признавайтесь! Вы террористы или просто маньяки?

— Попрошу тишины, — произнес мужчина. Произнес, в общем-то, довольно спокойно, но было в его голосе что-то столь властное и величественное, что никто больше не посмел перебить его и выступить с какой-нибудь репликой.

— Прежде всего, — продолжил оратор, — вы должны знать, что никто не станет удерживать вас здесь силой. Если на то будет ваше желание, вы вернетесь обратно, туда, откуда были призваны, не сохранив об этом месте даже воспоминаний.

Это заявление немного успокоило людей на площади. Они перестали тревожно переглядываться, словно ожидая какого-то подвоха. Но до полного успокоения было еще далеко.

— Вот что я скажу вам, — вновь загредел голос золотого рыцаря. — Выслушайте меня, и постарайтесь понять. Все это не шутка и не розыгрыш. В настоящий момент вы находитесь не в своем родном мире. Вас призвали сюда, потому что мы нуждаемся в героях. Наше королевство Ангдэзия ведет ожесточенную войну с темной империей Кранг-дан. Во главе империи стоит жестокий и властный лидер — Дакрос Безжалостный. Он великий знаток черной магии, и сила его возрастает день ото дня. Дакрос жаждет поработить все, до чего сумеет дотянуться. И если мы не остановим его, дотянется он далеко. В том числе и до иных миров.

Золотой рыцарь подался вперед, опершись руками на каменные перила балкона, и произнес с нажимом:

— В том числе и до вашего мира, ребятки.

Люди, только-только успокоенные сообщением о том, что смогут по желанию возвратиться обратно, вновь испуганно зашептались.

Золотой рыцарь продолжил свою речь:

— Сейчас вы находитесь в Форинге. Это город на самой границе с землями империи. Здесь мы ежедневно ведем бои с войсками Дакроса, не позволяя темным силам продвинуться вглубь нашего королевства. От того, устоим мы или нет, зависит очень многое. Не думайте, что кого-то из вас не касается наша борьба. Если Ангдэзия падет под ударом темного властелина, следующей его жертвой станет ваш родной мир.

Когда золотой рыцарь сделал паузу, из потрясенно молчащей толпы прозвучал чей-то одинокий голос:

— Мужик, а ты вообще кто?

Золотой рыцарь улыбнулся.

— Простите, что забыл представиться, — сказал он виноватым тоном. — Мне так часто приходится объяснять одно и то же потенциальным новобранцам, что я все время забываю — вы чужаки, и ничего не знаете ни о нас, ни о нашей борьбе. Я — Ильнур, верховный паладин Форинга, глава здешнего ордена.

Он поднял руку, и указал на красавицу подле себя.

— А это госпожа Лаура, верховная волшебница нашего города. Мы вдвоем осуществляем руководство Форингом.

Вновь прозвучал все тот же голос:

— А от нас-то вы чего хотите?

— Вы были перенесены сюда при помощи магии, — ответил Ильнур, — чтобы получить шанс принять участие в великой битве со злом. Мы давно ведем эту войну, и наши людские резервы истощены. Поэтому нам пришлось прибегнуть к подобным методам вербовки. Вы можете остаться, приняв наше предложение, и сражаться плечом к плечу с лучшими героями Ангдэзии. Либо сей же час вернуться обратно в свой мир, полностью забыв об этом маленьком приключении.

— Сражаться за вас и гибнуть за вас? — истошно прокричал кто-то из толпы. — Нашли дураков! Ребята, айда до дому.

— Ты что, глухой или тупой? — прозвучало ему в ответ. — Он же сказал — когда этот темный властелин разнесет их королевство, он займется и в наш мир.

— А откуда нам знать, что все это правда? Вдруг они нам в уши льют?

Верховный паладин улыбнулся.

— Если мы сумели вторгнуться в ваш мир, — произнес он, — и призвать вас оттуда, неужели вы думаете, что это не под силу Дакросу Безжалостному? Как я и сказал, император великий знаток черной магии, и если он еще не отыскал дорогу в ваш мир, то благодарить за это стоит нас. Не мешай мы ему, и вы бы уже давно познали на себе разрушительную ярость его бесчисленных легионов.

Эти слова заставили замолчать всех. И не только замолчать, но и крепко призадуматься.

Волшебница Лаура выступила вперед и грациозно повела рукой. В тот же миг в противоположных стенах двора возникли двери. За дверьми не было ничего, там царила пугающая серая пустота.

Ильнур вновь заговорил:

— Через левую дверь вы вернетесь в свой мир. Правая дверь приведет вас на путь доблести, подвигов и славы. Борьба с силами зла нелегка, но если никто не будет вести ее, тьма поглотит все. Выбирайте свою судьбу. Мы не вправе принуждать вас. Нам нужны добровольцы, а не рабы. Мы не требуем от вас остаться в этом мире навсегда. Срок контракта — пять лет. По его истечению вы сможете вернуться домой вместе со щедрым вознаграждением за ваши труды.

Какая-то девушка прокричала из толпы:

— Но нельзя же вот так огорошить людей, и требовать сделать выбор. Тут ведь нужно все обдумать. Это непростое решение. Все-таки пять лет, это долгий срок.

Ильнур кивнул головой, соглашаясь с ней.

— Верно, — сказал он, — решение непростое. И потому мы не станем вас торопить. Думайте, решайте. Но не слишком затягивайте с этим. Вы должны определиться с выбором до заката. В противном случае магия вернет вас по домам автоматически, хотите вы того или нет. А теперь мы оставим вас, чтобы вы могли все взвесить и принять решение.

С этими словами паладин, волшебница и сопровождавшие их рыцари покинули балкон.

— Вы, братцы, как хотите, а я сваливаю! — заявил тот же самый голос, который призывал всех рвать когти.

Парень бесцеремонно протолкался к левой двери, повернулся лицом к толпе и окинул всех сердитым взглядом.

— Иду домой! — сообщил он громко. — Чего и вам советую. Все это какая-то разводка. Он шагнул в дверь и исчез.

Через минуту после его отбытия к левой двери приблизилась худенькая девушка в очках, и виноватым тоном, будто оправдываясь, сообщила:

— Я никак не могу остаться. У меня свадьба через три месяца. И работа. И кредит. И... Она не договорила, быстро юркнув в дверь.

— Да, чувствую, останется наш паладин без добровольцев, — услышал Стасик чей-то негромкий голос.

— Ну, так верно же было сказано — дураков нет, — прозвучало в ответ на эту реплику.

Вот еще кто-то направился к левой двери. За ним потянулись остальные. Люди исчезали один за другим, и толпа на площади постепенно редела. Впрочем, массового бегства не наблюдалось. Большинство по-прежнему оставалось на своих местах.

Стасик стоял на месте, как громом пораженный. Со стороны могло показаться, что ему сделалось плохо. Парень сильно побледнел, его лицо блестело от обильно выступившего пота. Немигающий взгляд смотрел в пустоту. Одна девушка даже обратила на него внимание, подошла ближе и осторожно потрясла Стасика за плечо.

— Эй, ты чего? — спросила она участливо. — В обморок не упадешь?

Стасик, наконец, вспомнил, что нужно моргать, да и дышать заодно, посмотрел на девушку дикими глазами и с трудом вымолвил:

— Нет, нет. Со мной все хорошо.

— А, ну ладно, — сказала та и оставила его в покое.

Потрясение, которое испытал Стасик, было столь велико, что он едва не лишился рассудка. Для всех остальных людей на площади произошедшее с ними перемещение в другой мир тоже явилось немалым сюрпризом, но они и близко не испытывали той бури чувств, которая бушевала в душе Стасика. Чувств этих было так много, и бушевали они так яростно, что Стасик не мог определить, как ему реагировать на все происходящее. Ведь только что, ни много ни мало, сбывлась его заветная мечта. То есть, даже не мечта. Неправильно было бы назвать это мечтой. Мечтал Стасик о вещах попроще: чтобы над ним перестали издеваться в школе, и чтобы какая-нибудь красивая девушка вдруг волшебным образом в него влюбилась. Ну, или вот мечтал о новой видеокарте, но о ней мечтал вполсилы, поскольку и старая была еще ничего. То есть мечтал о том, что хотя бы теоретически с ним могло произойти, пусть вероятность этого и была крайне низка.

А вот его желание перенестись в правильный мир, было чем-то сродни религии. Стасик не мечтал об этом, поскольку в глубине души осознавал всю невозможность подобного чуда. Для него правильный мир был не тем местом, куда он стремился попасть, а неким раем, неким недостижимым идеалом. Он мечтал о нем, думал о нем, его воображение рисовало дивные картины жизни в правильном мире. И именно поэтому Стасик просто не знал, как ему теперь реагировать. Откровенно говоря, он сильно боялся, что от радости его хватит

удар или он повредится умом.

Осторожно протиснувшись сквозь толпу, он добрался до гранитной стены и привалился к ней спиной. Ему просто необходима была дополнительная точка опоры, поскольку ноги в любой момент могли отказаться. Он тяжело дышал, хватаясь руками то за дико колотящееся в груди сердце, то за живот, который скручивало резкими болезненными спазмами.

В голове его царил полнейшая каша. Стасик понял — это шок. Только что сбылась его священная мечта, и от невероятного наката радости и счастья его неподготовленный организм едва не вышел из строя. Ну не был он, его организм, рассчитан на подобные перегрузки. Радость и счастье редко озаряли собой жизнь Стасика. Ему гораздо чаще приходилось плакать, чем смеяться. А тут вдруг такое! Стасика удивило, что он не умер на месте.

Следовало отдышаться и переварить все случившееся. Прижавшись спиной к холодной каменной стене, Стасик стал делать медленные глубокие вдохи, пытаясь нормализовать пульс, подскочивший до космической скорости. Постепенно его стало отпускать. Сердце все тише билось в груди, и уже не было такого чувства, что инфаркт не за горами. Звон в ушах стих, головокружение прекратилось. Стасик поднял дрожащую руку и провел ладонью по потному лицу.

— Я в правильном мире! — прошептал он тихо, и его губы начали расползаться в безумной улыбке.

Мозг все еще отказывался принимать эту невероятную истину. Как? Как такое возможно? Но затем Стасик припомнил свою прошлую жизнь, все пережитые им страдания, все горести, припомнил, как страстно мечтал попасть сюда, и пришел к выводу, что подобный исход был предрешен. Прежний мир являлся для него чуждой средой обитания. Он был рожден великим чародеем, искусным магом, борцом с силами зла и победителем чудовищ. И тот факт, что в итоге он оказался в правильном мире, где мог, наконец, раскрыть весь свой потенциал, теперь представился совершенно очевидным и неизбежным. Так и должно было случиться.

— Я в правильном мире! — повторил Стасик, больше всего боясь, что это происшествие окажется обычным сном. Он поспешил ущипнуть себя несколько раз кряду, притом без всякой жалости, из-за чего даже вскрикнул от резкой боли. Но не проснулся. Да и все вокруг было слишком реальным, чтобы оказаться сном или галлюцинацией.

Тут он словно очнулся. Каша в голове рассосалась, и он возвратил себе ясность мысли. И сразу же страшно испугался. Как долго он простоял у стены? Пребывая в пограничном состоянии, Стасик полностью утратил ощущение времени. Могло пройти несколько минут. А могли утечь и часы.

Он со страхом посмотрел на небо, боясь увидеть на нем признаки скорого заката. Но сумерками пока не пахло. И все же Стасик решил, что ему надо спешить. Липкий ужас охватил его при одной только мысли о том, что он может задержаться на этой площади слишком надолго, и в этом случае магия автоматически вернет его в родной мир. В его ужасный, отвратительный неправильный мир, способный даровать ему лишь непрерывные страдания.

Через секунду Стасик уже ломился сквозь толпу, бесцеремонно расталкивая оказавшихся на пути людей. На него кричали, ругались, требовали проявить вежливость, но он ничего этого не слышал. Впереди замаячили очертания двери, ведущей к его мечте. И все остальное в одночасье потеряло какое-либо значение.

Опасался он напрасно, до вечерних сумерек было еще далеко. Но времени, пока он приходил в себя, все же успело утечь немало. Людей на площади осталось меньше половины от того количества, что было изначально. Большая их часть вернулась домой. Но не все. Нашлись и те, кто пожелал остаться в этом мире и принять участие в борьбе с темными силами.

Запыхавшийся Стасик добрался до нужной двери, и обнаружил возле нее пустое пространство. Люди держались подальше от выхода, словно опасаясь нечаянно провалиться внутрь. Когда же Стасик шагнул к двери, кто-то позади него предостерегающе произнес:

— Эй, мальчик, а ты хорошо подумал?

Стасик резко обернулся. Автором слов оказался парень лет двадцати двух, явно не пренебрегавший в своей жизни интенсивными спортивными упражнениями. Темно-синяя футболка туго обтягивала его мускулистый торс, накаченные руки были сложены на груди. Он был высок и по-мужски красив. Облечи его в доспехи, вручи меч, и готов паладин.

— Что? — произнес Стасик.

— Я спросил — ты хорошо подумал? — повторил парень.

— О чем?

— Да обо всем. Или ты не слышал того рыцаря с балкона?

— Слышал.

— Если слышал, должен понимать, что тебя ждет за этой дверью. У них там война. Настоящая. Где людей убивают. Это не игра.

Тут Стасик понял, к чему клонит этот тип. Дескать, посмотри на себя, мальчик. Посмотри хорошенько. На свое рыхлое сутулое тельце, которое в жизни своей не контактировало ни с турником, ни с брусьями, ни со штангой. На свои тонкие ручки без намека на мышечную массу. На свое лицо, будто бы самой природой созданное для рыданий. А после этого прикинь, на какую такую войну ты собрался со всем этим сомнительным арсеналом. Сумеешь ли ты поднять меч? Нет, не нанести им удар достаточной силы, чтобы хоть как-то навредить врагу, а просто поднять. Не подломятся ли твои слабосильные ножки, когда на твои плечи ляжет тяжесть латной брони? Или, может быть, ты сумеешь натянуть тетиву лука? Нет, не детского лука, стреляющего пластиковыми стрелами с присоской вместо наконечника, а настоящего боевого лука. Или, может быть, ты достаточно ловкий и проворный для того, чтобы драться в легких доспехах, избегая вражеских клинков стремительными отскоками и перекатами? На что ты рассчитываешь, мальчик, идя в эту дверь? Чем ты, тюфяк, можешь помочь воинам добра в борьбе с темным властелином?

Ничто из этого не было сказано вслух, но Стасик все понял и без слов. Да, именно это и думали люди, которые смотрели на него, застывшего у двери. Они считали его глупым ребенком, в чьем известном месте выиграл глупый детский героизм. Ребенком, который, в действительности, ни на что не годен, кроме как быть безропотной мишенью для бумажных шаров.

— Знаете что! — вдруг выпалил Стасик с несвойственной ему дерзостью, и почти все лица повернулись в его сторону. Он смутился, но постарался взять себя в руки. Это там, в неправильном мире, он позволял вытирать об себя ноги всем желающим. Но здесь этого не будет. Пусть эти болваны знают, что им выпала честь беседовать с величайшим магом этого мира, героем, которому суждено сокрушить самого темного владыку.

— А что? — спросила какая-то девушка, глядящая на Стасика с нескрываемым презрением, как на какое-то мелкое и противное насекомое, дерзнувшее подать голос.

То факт, что его не воспринимают всерьез, взбесил Стасика еще больше.

— А то! — выкрикнул он громко. — А вот то! Еще узнаете! Я....

Он запнулся, вдруг осознав, что весьма успешно выставляет себя на посмешище. Но остановиться уже не мог.

— Я вам всем покажу! Я вам докажу! Вы еще услышите обо мне!

Реакция на этот поток бахвальства, прозвучавший из уст жалкого подростка, была ожидаемой. По толпе прокатился смех. Стасик едва не расплакался от злости и обиды. А еще он понял, что лучше остановиться и не позориться дальше.

— Мальчик, иди домой, — посоветовала ему какая-то девушка, не переставая при этом хихикать.

Стасик едва сдержался, чтобы вновь не начать выставлять себя шутком. Он стиснул зубы, гордо повернулся к толпе узкой сутулой спиной, и весь переполненный решимостью доказать каждому насмешнику, как сильно он заблуждался на его счет, шагнул вперед, навстречу новой жизни.

За серой пустотой магической двери открылся длинный, скупо освещенный факелами, коридор. Очутившись в нем, Стасик какое-то время стоял на месте, не без робости прислушиваясь к долетающим откуда-то человеческим голосам. Видимо, на эти голоса ему и следовало идти.

Он двинулся вперед, стараясь хотя бы внешне не выказывать страха. Пусть он и очутился в правильном мире, но слова, брошенные крепышом на площади, несколько отрезвили его. Тут действительно шла настоящая война, а на войне могли и убить. Впрочем, Стасик постарался взять себя в руки и не нагнетать панического настроения. Кого-то, может, и убьют, но только не его. Не с его опытом видеоигр. Уж он-то знал о героизме все. Вот сейчас, с минуты на минуту, в нем пробудится магический дар, он быстренько изучит самые могущественные заклинания, и тогда у темного властелина и его бесчисленной армии не останется ни единого шанса.

Коридор закончился, выведя его в довольно большой зал. Вдоль его стен шли ряды массивных гранитных колонн, с высокого потолка свисали диковинного вида люстры. Освещение создавали небольшие шары, размером с некрупное яблоко, которые явно имели волшебную природу.

В зале оказалось многолюдно. Увидев количество добровольцев, согласившихся поехать за свет и добро, Стасик очень удивился. Ему казалось, что путь героизма изберут немногие, двое-трое от силы. Судя по настроениям, царящим на площади, мало кто рвался остаться в этом мире на следующие пять лет. Но такие все же нашлись. Их набралось уже десятка полтора.

Все новобранцы образовали очередь, голова которой упиралась в большой мраморный стол. У стола стояли два рыцаря в сверкающих латах, и хрупкая светловолосая девушка в мантии волшебницы. А на самом столе высился странный предмет — большой снежно-белый куб с круглым отверстием в одной из его боковых граней.

Стасик скромно пристроился в хвост очереди. Стоящий перед ним парень повернул голову, окинул Стасика взглядом, и на его лице отразилось та же смесь признания и жалости, которую будущий верховный маг наблюдал на физиономиях людей, оставшихся на площади. Не владея искусством телепатии (пока не владея — поправил себя Стасик) он без труда прочел мысли этого парня. А думал он о том, что этот рыхлый заморыш здесь делает. Зачем он явился сюда, зачем откликнулся на призыв, брошенный верховным паладином? Тот же ясно выразился, что нуждается в героях. В героях, а не в беспомощных подростках.

Вслух парень ничего не сказал, но Стасику не стало от этого легче. И все же он обратился к парню, потому что больше было не к кому, а понять, что именно здесь происходит, очень хотелось.

— Это распределение, — ответил ему парень.

— Что? — не понял Стасик.

— Распределение. Вон та штука у них на столе.... Видишь? Вон та коробка.

Стасик, который еще прежде заметил белый ящик с дыркой, утвердительно кивнул головой.

— Это, как я понял, какой-то магический прибор, определяющий человеческий потенциал, — продолжил парень. — То есть, он решает, на что ты годишься, и куда тебя

определить. Ну, как-то вот так. Я просто сам ничего пока точно не знаю. Но люди подходят, суют туда руку, а потом блондиночка озвучивает вердикт.

Блондиночкой он назвал волшебницу, которая обслуживала магическое устройство. Выглядела она очень сексуально. Стасик едва не захлебнулся похотливой слюной, когда представил себе, что все волшебницы в этом мире сплошь красавицы. Наверняка все они дружно влюбятся в него, как только он станет великим магом. А произойдет это, судя по всему, в очень скором времени. Достаточно ему поместить свою кисть в это магическое устройство, как всем вокруг станет ясно, кто почтил их мир своим присутствием.

Стасик представил себе, как изумится волшебница, когда магический прибор выдаст сведения о его потенциале. У них здесь явно не бывало прежде таких героев. А прибор, вне всяких сомнений, выявит целую бездну талантов. Внезапно окажется, что Стасик является всесторонне развитым героем, способным с равной легкостью освоить как путь магии, так и стать, в самом ближайшем будущем, величайшим паладином королевства. А что, он не против всесторонней прокачки. Зачем же останавливать свой выбор на чем-то одном? Он будет героем, какого еще не видывал этот мир. Героем, разящим врагов мечом, и одновременно поливающим их потоками магии. Скорее всего, как только слава о нем достигнет ушей здешнего темного властелина, тот тут же приползет на коленях подписывать капитуляцию. А не приползет, так Стасик не поленится сам к нему нагрянуть, и пусть этот Дакрос тогда не обижается. Стасик заранее решил, что не станет убивать темного властелина. Он его только слегка накажет, привяжет веревкой к седлу, и триумфально доставит униженного злодея в Форинг, дабы верховная волшебница Лаура, к которой Стасик уже успел воспылать страстной любовью, получила возможность оценить его трофеем. Ну и все остальные пускай полюбуются. Все, кто сомневался в нем, считая никчемным и слабым. То-то они мнение свое изменят, то-то прибегут извиняться и просить автограф.

Очередь продвигалась медленно. Процедура распределения была довольно продолжительной. Сунув руку в магический куб, новобранец вынужден был продержаться там более минуты. К тому моменту, когда очередь перед Стасиком сократилась вдвое, за его спиной уже успел нарасти приличный хвост. Все-таки нашлись те, кто откликнулся на призыв верховного паладина. Стасик, прикинув, решил, что из тех трех сотен, что оказались вместе с ним на площади, в добровольцы, дай бог, запишется десятая часть. Не густо. Но это не имело значения. Теперь, когда на защиту королевства встанет величайший чародей и непревзойденный воин, Ангдэзия сможет спать спокойно. Скорее бы ему дали рунический меч и посох верховного мага, и черная империя тотчас же ляжет в руинах.

От сладких мыслей о грядущих подвигах Стасика отвлекли приближающиеся шаги. А затем чья-то подозрительно знакомая ладонь тяжело упала на его плечо. Стасик, вздрогнув, и заранее предчувствуя нечто недоброе, медленно обернулся. И едва не вскрикнул от ужаса, потому что прямо перед ним стоял его вечный обидчик Колька, и широко улыбался.

— Вот спасибо, — сказал он. — Молодец. Обо мне подумал.

С этими словами Колька бесцеремонно вытолкнул Стасика из очереди и сам занял его место.

— Эй, прекращай-ка беспредел! — потребовал кто-то из новобранцев.

— Да мы с ним заранее договорились, — весело отозвался Колька. — Так ведь, Стасик? Стасик покорно кивнул головой.

— Ну, вот все и выяснилось. А ты тут не стой, ты иди в конец. Твое место там.

Стасик уже собрался исполнить приказ, но люди в очереди сжалились над ним и

позволили занять свое прежнее место. Так он оказался сразу за Колькой.

— Не пойму, ты что, дверью ошибся? — спросил Колька, повернувшись к нему вполоборота. — Зачем ты сюда приперся? Мужик в железных шмотках сказал ведь по-русски — им герои нужны. Ты попросись, может, они тебя обратно выпустят, пока еще не поздно.

Стасик стоял, низко опустив голову, и с трудом сдерживал злость. Его мучитель притаился следом за ним в правильный мир, рассчитывая, видимо, на то, что и здесь продолжит издеваться над своей вечной жертвой. Ну, если так, то его поджидает большой сюрприз. Нет, вовсе не темный властелин станет первой жертвой великого мага. Прежде, чем идти на бой с империей зла, он опробует самые могущественные чары на своем старом знакомом. Колька еще пожалеет, что сунулся в этот мир. Здесь ему не место. И надолго он здесь не задержится.

Очередь продвигалась медленно. Новички засовывали руки в отверстие куба, и тот определял их дальнейшую судьбу. Но Стасик не слышал чужих диагнозов. Он всецело отдался планированию жестокой мести. Колька будет страдать — это неизбежно. В неправильном мире Стасик терпел от него всяческие унижения, но ведь то был неправильный мир. А за этот мир, за свою мечту, он готов был сразиться насмерть с кем угодно, хоть с целой сотней черных властелинов. И уж кого он точно не собирался терпеть здесь, так это ненавистного одноклассника.

Наконец, очередь дошла и до них. Колька, нагло влезший вперед, первым шагнул к столу. Стасик наблюдал за ним, отчаянно мечтая о том, чтобы его мучитель прямо сейчас получил заслуженную порцию унижений. Вот бы магическое устройство определило, что Колька совершенно ни на что не годен, что и воин из него никудышный, и маг никакой. Представив себе, как Колька, под дружный хохот новобранцев, весь в слезах и унижении, побредет обратно на площадь, Стасик возликовал. Если это случится, он обязательно бросит вслед своему мучителю какую-нибудь обидную колкость. И это будет его отмщение.

— Пожалуйста, поместите кисть правой руки в отверстие, — предложила волшебница Кольке, указав на белый куб.

— Да я вообще люблю в отверстия помещать, — тут же развязно сообщил хулиган, и послушно сунул руку в дыру. — Дальше что?

— Подождите, — сказала волшебница. — Стойте спокойно, не двигайтесь.

Утекла минута, за ней пошла вторая. Стасик едва не подпрыгивал от предвкушения. Наверняка так надолго затянувшийся процесс говорил о том, что магический прибор не может найти у Кольки ни одного таланта и ни одной извилины. Вот сейчас волшебница откроет рот, и скажет ему....

— Достаточно, — произнесла волшебница, и Колька извлек руку из куба.

— Ну, что там? — спросил он с деланным безразличием, но, как и все прочие добровольцы, конечно же, нервничая в этот ответственный момент.

— У вас не слишком высокие способности к магии, — произнесла волшебница, — но довольно велик воинский потенциал. Думаю, из вас выйдет хороший боец.

Колька самодовольно заулыбался, всем своим видом демонстрируя, что ни на секунду не сомневался в своих талантах.

— Следующий, пожалуйста, — позвала волшебница.

Стасик шагнул к столу.

Колькин результат слегка расстроил его, но, в то же время, и обрадовал. Раз уж мучитель остается в этом мире, появится возможность поквитаться с ним. Это будет куда

приятнее, чем брошенная вслед обидная колкость.

— Пожалуйста, поместите кисть правой руки в отверстие, — предложила волшебница Стасику.

Тот сделал это, чувствуя, как учащенно колотится его сердце. Да, сейчас что-то будет. Куб выдаст результаты, волшебница, увидев их, вскрикнет от изумления. Поднимется переполох, вызовут верховного паладина и верховную волшебницу. Они тоже увидят его результаты и тоже вскрикнут. Ибо не знал этот мир такого героя, как он.

Стасик начал заранее прикидывать, с чего ему начать свое обучение. Он всегда тяготел к магии огня. Всякую базовую ерунду, вроде огненного шара, можно смело пропустить — такому титану, как он, подобные мелочи просто не солидны. Он сразу приступит к изучению тех чар, что соответствуют его заоблачному уровню. Что-нибудь этакое, грандиозно-разрушительное. Какой-нибудь огненный шторм, или огненный дождь, или иное подобное заклинание, способное одним махом обнулить целую армию или обратить в пепелище целый город. Много времени, с его-то талантом, это не займет. Дня за три он освоит всю магию огня, затем переключится на воздух. Заклинание полета — отличная штука. Можно парить в вышине, в недостижимости от вражеских мечей и стрел, и поливать противников огнем. То-то будет весело. А потом....

— Достаточно, — услышал он голос волшебницы. Голос был совершенно спокойным, в нем не сквозили нотки изумления или испуга. Стасик послушно вытащил руку из куба, и вопросительно посмотрел на девушку.

— Так, ага... — задумчиво забормотала та, почему-то отводя от Стасика взгляд.

— Что там? — спросил Стасик, которого охватило тревожное предчувствие. Вдруг его магические способности окажутся не космическими, а всего лишь стратосферными.

— Ну, с вами все хорошо, — изобразив на лице чрезвычайно фальшивую улыбку, выдавила из себя волшебница. — Вы тоже сможете послужить нашему общему делу. Возможно, не на полях сражений....

— Что вы имеете в виду? — протонал Стасик, который решил, что его сразу собираются назначить начальником генерального штаба, верховным главнокомандующим или даже самим королем.

— У вас довольно редкое сочетание характеристик, — произнесла волшебница, продолжая избегать взгляда Стасика. — Откровенно говоря, первый раз такое вижу.

— Правда? — заранее гордясь собой, выпалил Стасик. Он в этом и не сомневался. Всегда знал, что он особенный, избранный и великий человек.

— Да. Ну, вы проходите, проходите. Не задерживайте очередь. Вам там, на выходе, все объяснят.

Стасик удивленно моргнул.

— А почему вы не говорите мне, какие у меня таланты? — спросил он. — Всем другим говорили.

— Да вам потом скажут, — попыталась соскочить с темы волшебница.

— Нет, вы мне сейчас скажите! — потребовал Стасик. Ему хотелось, чтобы все новобранцы, и, главное, Колька, который все еще терся поблизости, стали свидетелями его грандиозного триумфа.

Волшебница тяжело вздохнула, словно решившись на что-то для себя неприятное.

— Только вы, пожалуйста, постарайтесь воспринять все спокойно, — убедительно попросила она.

— Хорошо, — пообещал Стасик, уже совершенно уверенный в том, что сейчас его во всеуслышание официально объявят величайшим героем вселенной. Ну, держись, Колька, не лопни от зависти!

— В общем, — волшебница наклонила голову куда-то к основанию куба, словно там находился дисплей, с которого она и считывала информацию, — у вас полностью отсутствует предрасположенность к магии. Коэффициент предрасположенности равен нулю. Никогда такого не видела.

Стасик вздрогнул, но тут же попытался убедить себя в том, что это он неправильно понял собеседницу, или же та как-то неудачно выразила свою мысль.

— Это значит, что на меня не действует вражеская магия, да? — с надеждой спросил он.

Волшебница смущенно закашлялась.

— Нет, — возразила она, не поднимая глаз. — Это значит, что вы не сможете освоить никакого, даже самого простенького, заклинания.

Мир зашатался перед глазами Стасика. Он не мог поверить тому, что только что услышал. Такого просто не могло быть.

А волшебница, видимо, решив не растягивать удовольствие, вывалила на него весь остальной ушат хороших новостей.

— Ваш воинский потенциал так же крайне низок, где-то в районе погрешности. Ноль целых двадцать шесть сотых. Ну... Скажем так, ваш шанс стать хотя бы средним воином примерно один на миллион. Потенциал всех остальных боевых параметров тоже близок к нулевой отметке. Но вы не волнуйтесь, для вас тоже найдется дело, которым вы сможете послужить на благо королевства. Магический куб в качестве оптимального варианта выбрал для вас профессию свинопаса.

Стасик почти ничего не слышал, и уже мало что видел. Его шатало, по бледному лицу катились слезы.

— Вам нехорошо? — с беспокойством спросила волшебница, заглядывая ему в глаза. — Эй, кто-нибудь, помогите ему, он сейчас упадет.

Уже проваливаясь в обморок, Стасик расслышал Колькин смех, полный чистой незамутненной радости, и его гнусный голос:

— Стас-свинопас!

И тут же, не сходя с места, вечный мучитель выдал невыносимый креатив:

— Свиностас!

На этот раз засмеялись многие из новобранцев. Стасик готов был биться об заклад, что расслышал звонкий смех волшебницы, осуществлявшей распределение. Но больше он ничего не успел услышать, поскольку провалился в глубокий обморок.

Первые две недели в новом мире пролетели как один кошмарный день. За этот недолгий срок Стасик успел погрузиться в такую пропасть беспросветного отчаяния, что уже не надеялся когда-либо всплыть на поверхность.

Если прежде, живя в неправильном мире и подвергаясь издевательствам со стороны бездушных одноклассников-садистов, он имел в качестве отдушины воображаемый правильный мир, то теперь у него безжалостно отняли и эту спасительную мечту. Стало невозможным обманывать себя тем манером, что сам-то он, дескать, большой молодец и на все руки чародей, да только мир ему попался неправильный. Вот бы ему оказаться в мире меча и магии, там бы он обязательно развернулся во всю безразмерную ширь своих многочисленных талантов.

И вот, когда он наконец-то очутился в том самом мире, где отважные герои сталью и магией сокрушали чудовищ, где доблестные воины света сходились в жарких битвах со слугами тьмы, все эти сладкие фантазии вдребезги разбились о суровую действительность. Правда во всей своей тошнотворной красе предстала перед ним и оказалась столь невыносимой, что Стасик только чудом удержался от попытки суицида.

Всю свою сознательную жизнь он мнил себя латентным героем, которому просто не повезло с миром. А на деле выяснилось, что даже в самом правильном из всех миров он годен только на то, чтобы исполнять обязанности свинопаса.

Стасик, разумеется, попытался облапошить себя повторно и внушить себе идею, что и этот мир какой-то неправильный. Но дело не выгорело. Мир был правильный. Он содержал в себе все то, о чем Стасик мечтал долгими годами страданий и одиночества. Это был мир отважных воинов и искусных магов. Мир приключений и подвигов. И этот правильный прекрасный мир приговорил его к невыносимой и постыдной участи.

Первые дни в новом мире почти не отложились в его памяти. Стасик пребывал в контуженом состоянии, и ничего не соображал. Затем, когда его немного отпустило и пришло осознание произошедшей с ним трагедии, в его душе начало зреть страшное решение — положить конец этому кошмару вместе с собственным существованием. Он даже стал прикидывать, каким бы образом осуществить суицидальное намерение наименее болезненным путем, но, в итоге, выяснилось, что для самоубийства он слишком труслив. Его скудных способностей не хватало даже на то, чтобы прикончить самого себя.

Все это время он трудился на ферме, расположенной за пределами городской оборонительной стены. Занимались там разведением свиней. Начальник сего предприятия оказался мужиком грубым и суровым. Рук не распускал, но орал на подчиненных так, что не каждая психика выдержит. После первой же качественной выволочки, организованной Стасику новым шефом, вчерашний школьник чуть умом не тронулся. А он-то всегда считал, что самый суровый человек во вселенной это его теперь уже бывший физрук. Куда там! Физруку было очень далеко до нового начальника.

Владелец фермы был уроженцем этого мира, а вот работники почти поголовно происходили извне и являлись пришельцами по контракту. Среди них отыскался и земляк Стасика — парень двадцати семи лет по имени Васек. Он провел в правильном мире уже два года и был весьма доволен новым местом жительства. До того как угодить сюда Васек прозябал в какой-то депрессивной деревне, где из всех способов самореализации были

доступны только алкоголизм и тюрьма. В новом мире Ваську понравилось. Возиться со скотиной ему, сельскому жителю, было не в диковинку, к тому же на новом месте условия проживания были приятнее, кормили лучше, плюс он уже год как крутил бурный роман с озорной дояркой, проживавшей на соседней ферме.

Когда же немного пришедший в себя Стасик спросил у коллеги, не жалеет ли он, что не стал ни воином, ни магом, тот лишь презрительно усмехнулся в ответ. По глубокому убеждению Васька все эти паладины в их святых доспехах и все эти маги с их могущественными чарами занимались какой-то непонятной и опасной для жизни ерундой. В то время как он, живя в покое и безмятежности, делал полезное дело, досыта ел и вдоволь спал, плюс по вечерам, после работы, бегал на свидания к своей зазнобе. И эту прекрасную жизнь он, Васек, не променял бы ни на карьеру паладина, ни на стезю чародея. В том числе и потому, добавил он веско, что паладины да маги то и дело гибли в боях с монстрами и войсками темной империи, а вот со свинопасами такого не случалось.

Стасику было совершенно ясно, что коллега Васек оказался на ферме абсолютно справедливо. Здесь не было никакой ошибки. Он и сам этого хотел и дело свое любил — даже придумал для каждой хрюшки, а тех на ферме было сто пятнадцать голов, ласковое прозвище, и более того, умудрялся как-то различать своих подопечных.

Но вот с чем Стасик никак не мог смириться, так это со своим назначением. Не хотел он быть свинопасом и не умел этого. В его рыхлом теле шестнадцатилетнего подростка таился могучий, но глубоко запряганный, дух легендарного героя. Стасик никак не мог отделаться от мысли, что в его конкретном случае произошла какая-то непросительно чудовищная ошибка. Распределяющая магия дала сбой и вместо того, чтобы определить его в боевые чародеи, запихнула на свиноферму.

Он, разумеется, попытался добиться справедливости. Обычно робкий и бесхребетный, в данной ситуации Стасик просто не мог смириться с совершившимся кошмаром. Спустя несколько дней после распределения, когда шоковое состояние немного отпустило его, он отправился в город на поиски правды. Следовало отдать должное местному руководству — его не прогнали взащей, а вполне приветливо приняли, внимательно выслушали и даже согласились провести повторную проверку. Как оказалось, иногда, очень редко, но ошибки в ходе магической процедуры действительно случались.

Но едва вспыхнувшая надежда недолго согревала душу Стасика. Повторная процедура состоялась, и ее результат оказался для страдальца еще одним сокрушительным ударом под дых. Магия вновь определила его в свинопасы, выявив полнейшую непригодность соискателя к героической деятельности, в чем бы та ни выражалась.

После повторной проверки отпали последние сомнения. Не было никакой ошибки. Он не паладин и не волшебник. Он Стас свинопас. Или же Свиностас — именно этим отвратительным прозвищем заклеил его ненавистный одноклассник Колька.

Касательно Кольки Стасик не сомневался в том, что этот болван после первого же боевого задания получит мощного пинка под зад и вылетит из числа героев. Если бы обидчик опростоволосился, если бы он оказался конченным неудачником, если бы его разжаловали из героев и направили на должность младшего чистильщика туалетов, это бы послужило для Стасика пусть крошечным, но утешением.

Но действительность оказалась невыносимо жестока. После интенсивной недельной подготовки Колька, в числе крупного отряда, отбыл на свое первое боевое задание, с которого возвратился настоящим героем. Поговаривали, что в бою он лично уложил пятерых

воинов империи. Когда же ранили их капитана, Колька взял на себя командование отрядом и фактически выиграл сражение. Его воинское искусство и полководческий дар так потрясли всех, что в городе несколько дней только и судачили, что о невероятно талантливом новичке, коему предрекали большое будущее и великую славу. Сам верховный паладин Ильнур заметил Кольку, пригласил его на ужин и усадил с собой за один стол.

Эта ужасная новость повергла Стасика в боль и страдание. Узнав о том, что Колька стремительно выбился в герои, он проплакал в подушку всю ночь. А затем весь следующий день. Пас свиней и плакал. Буквально не мог остановиться. Все вокруг напоминало какой-то бесконечный страшный сон. Сбылась его мечта, и он попал в правильный мир, но героем почему-то стал не он, а его школьный обидчик.

В свой первый полноценный выходной, который случился у него только на исходе второй недели, Стасик потащился в город. По своей инициативе он ни за что не пошел бы туда — вид тамошних обитателей вызывал у него буквально физическую боль. Парни и девушки, попавшие в этот мир в один с ним день, уже стали воинами, магами и целителями. Они весело кутили в тавернах, отдыхая после боевых вылазок и просаживая на развлечения щедро выплачиваемое жалование. На фоне этих эпических героев — закованных в латы воителей, волшебников в расшитых таинственными узорами одеяниях, Стасик в своей простой крестьянской одежде выглядел совершенно неуместно. Окажись он в таверне, среди кутящих там воинов света, на него бы неизбежно стали коситься все посетители, как на бомжа, проникшего в дорогой ресторан. А потом, чего доброго, подошел бы трактирщик, да вежливо предложил крестьянину покинуть респектабельное заведение. И вся процедура изгнания сопровождалась бы насмешками, болью и унижением. А их в жизни Стасика хватало и без того.

Но о походе в таверну оставалось только мечтать. Скучное жалование начинающего свинопаса не позволяло ему посещать зланные места. Единственная роскошь, которую он мог позволить себе на честно заработанные копейки, это какой-нибудь замусоленный пирожок с повидлом или крошечный пакетик медовых леденцов.

В общем, в город Стасик не рвался. Но Васек буквально силой потащил его за собой, грозясь показать все достопримечательности и намекая на возможность бесплатно поглазеть на красивых девушек. Нашел, что называется, чем соблазнять. Да на красивых девушек Стасик за свою жизнь посмотрелся досыта — спасибо интернету. Ему хотелось не смотреть, а хотя бы чуть-чуть потрогать. Но куда ему, презренному свинопасу, было рассчитывать на успехи в любовных делах?

Он упирался, как мог, безошибочно предчувствуя, что этот выход в свет обернется чем-то ужасным, но будучи человеком бесхарактерным в итоге сдался и согласился составить коллеге компанию.

Осмотр городских достопримечательностей закончился, не успев начаться. Васек как раз тащил его к обители чародеев, большому дворцу, где заседала верхушка колдовской братии Форинга, когда Стасик, случайно повернув голову, увидел нечто такое, что едва не отправило его в коматозное состояние.

Возле одной из таверн, которых в городе было множество, по случаю теплой погоды прямо на улице расставили столики и стулья. Все места были заняты — герои за обе щеки уплетали всевозможные вкусности, пили, кто пиво, кто безалкогольные напитки, и выглядели невыносимо счастливыми. Но Стасика потрясло иное. За одним из столиков сидел собственной персоной Колька. Но как же сильно он изменился! Вместо привычных

джинсов и футболки он был облачен в очень дорогой и шикарный, по здешним меркам, наряд. Одни его сапоги стоили больше, чем Стасик мог заработать на ферме за три вечности без выходных и отпусков.

Но не только внешний вид преуспевающего обидчика поверг Стасика в жгучую зависть. Все оказалось еще страшнее. Вокруг Кольки, плотно облепив новоявленного героя со всех сторон, обосновалась группа девиц очаровательной наружности. Они взирали на Кольку влюбленными глазами, отталкивая друг друга, пытались оказаться поближе к геройскому телу, заливисто смеялись над каждой Колькиной шуткой.

Пронаблюдав весь этот кошмар, Стасик понял, что Колька не только издевался над ним десять долгих лет, но и подло украл его заветную мечту. Ведь это Стасик грезил чем-то подобным. Что вот он вдруг попадает в правильный мир, тут же становится эпическим героем и обзаводится целым гаремом прекрасных воздыхательниц.

От вида чужого успеха у Стасика потемнело в глазах, и он вынужден был схватиться рукой за стену дома, чтобы колодой не рухнуть на брусчатку тротуара. Пытаясь отдышаться и нормализовать сердцебиение, он стал невольным свидетелем разговора двух торговцев фруктами, шедшего поблизости. Те внезапно обсуждали Кольку.

— Это ведь он и есть? — спросил один из торговцев, обозначив направление кивком головы.

— Он самый, — ответил ему собеседник. — Я слышал, люди прозвали его Николаем Сокрушителем.

— Оно и не даром, — согласился первый. — Шутка ли — всего-то две недели как впервые взялся за меч, а уже записал на свой счет три десятка злодеев, плюс горного тролля.

— Как? — удивился второй. — Тролля одолел? Да ведь с этой скотиной не всякий паладин совладеет.

— То-то и оно, что одолел. Говорю тебе — таких перспективных героев у нас давненько не бывало. Не удивлюсь, если его через месяц примут в орден паладинов.

— Этак он, чего доброго, и темного владыку сразит....

— А почему бы и нет? Сразу видно — этот герой далеко пойдет. Попомни мои слова — будет его слава греметь по всему миру, еще и легенд насочиняют.

Тут торговец понизил голос до той преступной громкости, какую используют для передачи всяческих пикантных сведений недостоверного характера, проще говоря — слухов и сплетен.

— Поговаривают, — прошептал он, но Стасик, тем не менее, прекрасно расслышал каждое слово, — что сама верховная волшебница равнодушна к нему. Не успеешь оглянуться, как они и свадебку сыграют....

Стасик не смог и дальше выносить эту пытку. Давясь слезами, он бросился бежать из города, вернулся на ферму, забился в свою крошечную, аскетически обставленную, хибарку и здесь дал волю рыданиям. Верховная волшебница, сказочная красавица, девушка его мечты в кубе, будет принадлежать гнусному Кольке. А сам Колька станет паладином. А он так и останется свинопасом.

Стасик запрокинул голову, и слезы водопадами хлынули из его покрасневших глаз.

И еще две недели прошли в атмосфере тошнотворной рутины. Стасик пребывал в состоянии перманентного траура. Свои обязанности свинопаса он исполнял чисто механически, напрягаясь ровно настолько, насколько это было необходимо, чтобы не вылететь со своей почетной должности. Хозяин фермы в приватной беседе прозрачно намекнул молодому сотруднику, что если Стасик в самом скором времени не возьмется за ум, и не начнет обрабатывать свой хлеб, он серьезно рискует попасть под кадровое сокращение.

— Смотри у меня, — грозил хозяин, нависнув над Стасиком и подавляя его морально своим огромным животом, — продолжишь в том же духе, мигом вылетишь. Не нравится хрюшек пасти, пойдешь в золотари.

Стасик знал, кто такие золотари. Это была та самая точка, ниже которой просто некуда падать. И хотя жизнь свинопаса казалась ему адской мукой, он не хотел опускаться на самое дно. Поэтому, стиснув зубы, пришлось ему исполнять свои служебные обязанности. Целыми днями он пас свиней вместе с Васьком, а по ночам плакал в подушку и горьким шепотом сетовал на вопиющую несправедливость бытия. В город он больше не ходил и вообще решил для себя, что весь положенный срок, то есть все пять лет, на которые он подписался, проведет на ферме. Это было лучше, чем вновь становиться свидетелем грандиозного успеха ненавистного Кольки.

Но городские новости доходили и до фермы. Так, в конце четвертой недели, когда Васек вернулся из города, где он провел время со своей дояркой, коллега, найдя Стасика, осчастливил его последними известиями.

Случилось нечто грандиозное, о чем, вероятно, слух уже успел распространиться далеко за пределы Форинга, растекшись по всему королевству. Отряд героев, отправившись в очередной рейд на вражескую территорию, угодил в коварно расставленную западню. Силы были неравны, вражеский контингент насчитывал сотни три бойцов. А самое худшее заключалось в том, что верховодил вражеским отрядом настоящий черный рыцарь.

Здесь Васек сделал отступление и объяснил неопытному Стасику, что черные рыцари в империи это что-то вроде наших паладинов. То есть самые крутые и элитные воины, виртуозно владеющие всеми видами оружия и обученные колдовству. Один черный рыцарь в бою стоил сотни рядовых бойцов и мог натворить немалых бед. Не всякий паладин отважился бы сойтись в бою с этакой бестией.

И вот, значит, угодил отряд в засаду. Закипела жаркая сеча, полилась рекою кровь. Вроде как начали силы света брать верх, преодолевая не числом, но умением, но тут на поле брани пожаловал сам черный рыцарь. В этот момент у многих героев добра опустились руки. Кто-то даже впал в отчаяние и заговорил о необходимости панического бегства. И лишь один герой не дрогнул перед лицом грозного недруга. Вскинул он свой меч и отважно бросился на черного рыцаря. И был этим героем собственной персоной Николай Сокрушитель.

У Стасика сердце зашло в радостном предвкушении.

— И он погиб да? — выпалил он с такой надеждой, будто бы от ответа зависела его жизнь.

— В том-то и дело что нет! — радостно выкрикнул Васек, чрезвычайно довольный тем

эффектом, какой произвела на коллегу его история.

Оказалось, что Колька не погиб. Даже не был изувечен или обезображен шрамами. Отважно бросился он на черного рыцаря и скрестил с ним мечи. О том, как происходила их битва, по городу уже гуляло тридцать три разных версии, но кончались они все одинаково — в какой-то момент Колька изловчился и всадил свой клинок в щель между латными пластинами черного рыцаря. Меч скользнул под шлем, вошел противнику в горло, двинулся выше, и не остановился до тех пор, пока не уперся во внутреннюю часть свода черепа. После чего черный рыцарь хрюкнул, квакнул, да и грохнулся наземь замертво. А как только это случилось, все прочие злодеи, деморализованные потерей командира, обратились в бегство. Так и была выиграна эта битва.

Такого, чтобы новобранец, всего месяц как взявший в руки меч, сумел уложить один на один полноценного черного рыцаря, не случалось вообще никогда за всю историю Англдэзии. Если до данного эпизода Кольку считали просто очень талантливым и перспективным героем, то отныне ему в открытую пророчили славу величайшего воителя королевства. Ильнур, верховный паладин города, объявил о беспрецедентном решении — принять Кольку в орден. И никто не дерзнул сказать, что это стремительное карьерное продвижение несправедливо. Ибо все понимали — уж если человек способен убить черного рыцаря, он уже по факту паладин, а принятие в орден не более чем простая юридическая формальность.

Известие об очередном блистательном Колькином успехе едва не отправило Стасика на тот свет. Заливаясь слезами, бросился он в сарай, куда загоняли на ночь свинское поголовье и здесь вдоволь выплакался. Но вместе с отчаянием в нем, подстегнутая лютой завистью, начала пробуждаться злобная решимость. Если уж обитатели этого мира не хотят видеть его многочисленных талантов, он продемонстрирует их сам. Он им всем докажет, как сильно они ошиблись, засунув его на ферму.

Стасик расставил ноги, вскинул руки, и попытался пробудить в себе магическую энергию. Он твердил снова и снова:

— Огненный шар! Огненный шар! Огненный шар!!!

Ему почудилось, что ладони как будто нагреваются, и Стасик возликовал. Вот-вот в нем проснется крепко спавший прежде магический дар. Вот сейчас как полыхнет, как грянет пламя, и разлетится вдребезги ненавистный свинарник, а то и вся ферма.

Стасик напрягся сильнее. Глаза его выпучились, жилы на лбу вздулись. Он чувствовал, как невероятная магическая мощь рвется из него наружу.

— Огненный шар! — заорал он во все горло.

Но вместо вспышки пламени перед глазами Стасика засверкали искры. Он пошатнулся, слегка повернул гудящую после крепкого подзатыльника голову, и увидел стоящего за своей спиной хозяина фермы.

— Ты чего здесь разорался, а? — грозно спросил тот.

Стасик мигом оробел. Он глянул на огромные, крепко сжатые, кулаки начальника и смекнул, чем может кончиться дело. О нормах трудового кодекса в этом мире даже не слышали, так же, как и о правах человека.

— Да я... я... — неразборчиво забормотал покрасневший Стасик. — У меня....

— Ты какого демона тут сидишь? — вновь загремел начальник, надвигаясь на него своим огромным брюхом. — Я тебе за что плачу? За то, чтобы ты, скотина ленивая, по сараям от работы прятался?

— У меня живот заболел, — попытался, как умел, оправдаться Стасик.

— У тебя сейчас все заболит, от ушей до пяток! — пообещал ему хозяин, и прозвучало это очень убедительно. — Свиньи по всей округе разбрелись, на поля зашли. Васек уже с ног сбился. А ты что? Что, я тебя спрашиваю?

— Да я...

В глазах Стасика заблестели слезы, но он не дал им хода. Догадался, что рыданиями сделает себе только хуже.

— Живо принимайся за работу, дармоед! — рявкнул хозяин. — Еще раз увижу, что бездельничаешь, вот еще хоть один раз, мигом у меня вылетишь в золотари.

Давясь слезами, Стасик бегом помчался на свое рабочее место. Хозяин не соврал — свинское стадо подверглось очередному коллективному приступу свободолобия и разбрелось по всей округе. Вымышленный Васек выгонял подопечных с чужих полей и из яблоневого сада, но свиньи, словно издеваясь над ним, тут же разбредались по новой.

— Что мне делать? — спросил подбежавший к коллеге Стасик.

Васек, тяжело дыша, сказал ему:

— Иди в дубовую рощу. Чую, пара-тройка хавроний точно там. Гони их обратно, зараз таких.

Стасик кивнул и отправился по указанному адресу.

Дубовая роща произрастала возле реки и представляла собой самые дремучие заросли в окрестностях Форинга. Несмотря на то, что площадь ее была невелика, там реально можно было заблудиться. Еще поговаривали, что в рощу забегали хищные звери, такие, например, как волки. Васек божился, что однажды видел в роще медведя. В общем, местечко было небезопасное, и для свиней в том числе. А их, проклятых, тянуло туда, как магнитом. То и дело несколько отважных хрюшек, отбившись от стада, совершали вылазку в рощу с целью вдоволь полакомиться желудями. И не всегда они возвращались оттуда в полном составе.

В соответствии с инструкцией Стасик, прежде чем идти в рощу, прихватил с собой длинную прочную палку, прислоненную к стене сарая. Этим жалким орудием полагалось отбиваться от волков и даже медведей в случае непредвиденной встречи с ними. Стасик сомневался, что палка окажется эффективна даже против разгневанного бурундука, а уж в его-то руках и подавно. Но опасаясь вновь прогневить руководство, палку он взял и вместе с нею побрел к роще.

Под густой сенью дубовых крон царили прохлада и сумрак. Под ногами не было видно земли — ее скрывал толстый ковер из палой листвы и крупных, с грецкой орех, желудей. Деревья стояли довольно часто, из-за чего видимость в роще была скверная.

Стасик шел вперед, постоянно при этом оглядываясь. Какое-то время он видел край рощи, а затем деревья сомкнулись за его спиной, и он очутился словно бы в дремучем лесу. Откуда-то неподалеку доносилось мычание коров и лошадиное ржание, но эти звуки были плохим ориентиром, поскольку невозможно было определить на слух, в какой конкретно стороне находится их источник.

Свинок видно не было. Стасик уже десять минут бродил по роще, но не заметил никаких следов их пребывания. Тот же Васек, к примеру, находил свиней в этой роще в два счета. Он словно бы обладал каким-то волшебным чутьем, и всегда безошибочно выходил к месту преступного кормления беглых хрюшек. То есть даже свинопас был наделен каким-то талантом, а он, латентный магистр белой магии, не умел даже такой ерунды.

Стасик присел на ствол упавшего от старости дуба. На него навалилось отчаяние. От одной мысли, что впереди его ждут долгие пять лет крестьянской жизни, ему хотелось

биться головой об пень. Правильный мир оказался еще более несправедливым местом, чем его родная реальность.

— Почему? — хныча, спросил Стасик, и задрал голову кверху, как бы желая обратиться с этим животрепещущим вопросом к всезнающим, но вечно молчащим, небесам.

Небес он не увидел, их скрывали плотные древесные кроны. Зато увидел кое-что другое. Нечто такое, что заставило его скатиться со ствола и испустить пронзительный визг.

На толстом суку дуба-исполина, на высоте шести или даже семи метров, прямо над ним, сидела девушка с темно-красными волосами, заплетенными в две толстые, спускающиеся до ягодиц, косы. Сидела и смотрела на него сверху вниз, беззаботно болтая ногами. Скотившись со ствола и растянувшись на ковре из сухих дубовых листьев, Стасик уставился на незнакомку с откровенным страхом. Он знал, что в эту рощу редко кто заходит. По правде говоря, сюда навевывались только пастухи с целью поиска пропавшей скотины. Но девушка не казалась пастушкой. На ней было дорогое платье, белые шелковые чулки, и туфельки на высоком каблуке. Никакая работница с фермы не могла позволить себе подобный наряд.

Но что еще больше потрясло Стасика, так это сам факт пребывания незнакомки на дереве. Как она туда взобралась? Ведь нет ни лестницы, ни веревки, а первые ветви на дубовом стволе начинались метрах в пяти от земли. Сам бы он на это дерево ни за что не вскарабкался. А девушка как-то смогла. Да еще в таком, мягко говоря, неподходящем для альпинизма наряде.

— Здравствуйте, — наконец, сумел выдать из себя Стасик.

Девушка мило улыбнулась ему.

— Ну, здравствуй, здравствуй, — ответила она на приветствие.

После чего спрыгнула с ветки и медленно, как невесомое перышко, опустилась на землю.

Тут Стасику стало ясно, что перед ним волшебница.

Он глядел на девушку с удивлением и страхом. И причина страха крылась не только в том, что в присутствии красивых девушек, а эта девушка была очень даже красивая, Стасик всегда робел настолько, что лишался дара разумной речи. Сам факт аномального появления этой особы в дубовой роще тревожил его. Зачем она забрела сюда? Не замышляет ли она худого? И не стоит ли ему начинать беспокоиться за свою жизнь?

Заложив руки за спину, девушка неспешно прошлась вокруг Стасика, внимательно осмотрев юношу со всех возможных ракурсов. Тот не знал, на чем ему сконцентрироваться: на смущении или страхе. Наконец, собравшись с силами, он осторожно спросил:

— А что вы тут делаете?

— Гуляю, — тут же ответила девушка. — Люблю, знаешь ли, иногда побыть в одиночестве.

— Я вам, наверное, помешал, — виноватым тоном предположил Стасик. — Я лучше пойду.

— Да нет, все нормально, — остановила его незнакомка. — Я же эту рощу не купила. А ты, значит, тоже пришел сюда погулять?

Прежде чем мозг Стасика успел придумать что-нибудь путное, язык, опережая его, вывалил всю правду, как есть.

— Я тут свиней искал, — ответил он.

Девушка удивленно приподняла брови.

— Свиней? — переспросила она. — Разве в этой роще водятся дикие свиньи?

— Они не дикие, — нехотя объяснил Стасик. — Они с фермы. Просто сюда забрели, а меня послали....

— А, все понятно, — перебила его девушка. — Ты новичок, а это твое первое задание.

Она посмотрела на него с возросшим любопытством. Стасик почувствовал, что его физиономия стремительно наливается краской. С девушками у него никогда не клеилось, по правде говоря, он их дико боялся. Притом чем более красивой была девушка, тем больше был его страх перед ней.

— Ты у нас?.. — вопросительно протянула незнакомка, пройдясь взглядом по крестьянским лохмотьям Стасика. — Ты воин или маг? Что-то не могу определить. Больно твой наряд чудной.

Очень не хотелось Стасику сознаваться в своем постыдном социальном статусе, но обманывать девушку он побоялся. Вдруг он сейчас наговорит на себя, а после горькая правда вылезет наружу в самый неподходящий момент. А ведь так обязательно и случится, с его-то везением.

— Я не воин и не маг, — признался он.

— Целитель, что ли?

— И не целитель.

Девушка озадаченно посмотрела на него.

— Тогда кто же ты?

С огромным трудом и душевной болью Стасик вытолкнул из себя ненавистное слово:

— Свинопас.

— Вот оно что, — понимающе кивнула незнакомка. — И давно ты в этом мире? Вас,

пришельцев, сразу видно.

— Где-то месяц, — ответил Стасик.

Тут он вспомнил, что ему предстоят еще пять лет работы свинопасом, и едва не закатил истерику на глазах красавицы. От рыданий каким-то чудом удержался, но лицо его, похоже, все же отразило великую скорбь. Незнакомка заметила это и произнесла сочувственным тоном:

— Да, понимаю. Наверное, тебе сейчас паршиво.

Паршиво-то Стасику было, это факт, но он очень сильно сомневался в том, что девушка действительно способна его понять. Она-то явно волшебница, у нее все отлично. Ей не довелось изведать на собственной шкуре, каково это, когда попадаешь в мир меча и магии, а становишься свинопасом.

И вновь, хоть он и промолчал, выражение лица выдало его мысли.

— Уж поверь, я тебя прекрасно понимаю, — сказала девушка.

— Не думаю, — пробормотал Стасик, в глазах которого заблестели рвущиеся наружу слезы.

— Понимаю, понимаю, — с нажимом повторила знакомка. — Для меня не секрет, о чем ты сейчас думаешь. Дескать, что она может знать о том, каково это, быть свинопасом, когда все мои товарищи стали воинами и чародеями!

Стасик пожал плечами — девушка его раскусила.

— Но я понимаю, — повторила знакомка. — Потому что когда-то сама была на твоём месте.

Стасик с такой скоростью вскинул голову, что едва не вывихнул себе шею. Он потрясенно уставился на собеседницу, не вполне понимая, о чем она говорит. Как она могла быть на его месте? Если ее тоже признали негодной в герои, и определили работницей на ферму, каким же образом она выбилась в люди и стала волшебницей?

— Да, отлично помню, как проходила проверку, — с улыбкой произнесла девушка. — Магических способностей нет, воинский потенциал никакой. Но вы не волнуйтесь, все хорошо. Мы найдем для вас подходящее дело.

Рот Стасика открылся от изумления. С ним ведь произошло ровно то же самое. Только его еще добил мерзавец Колька, придумавший несостоявшемуся верховному чародею отвратительное прозвище.

— Так тебя тоже направили на ферму? — быстро спросил Стасик.

— Если бы! — фыркнула девушка. — На ферме не так уж и плохо.

Стасик невольно вздрогнул. На ферме неплохо? Где же, в таком случае, плохо? В какой же ад угодила эта бедняжка?

— Определили официанткой в трактир, — проворчала знакомка.

— Разве это так ужасно? — удивился Стасик.

— А ты попробуй как-нибудь. Целый день на ногах, бегаешь, вывалив язык, на твою задницу непрерывно сыплются шлепки, а вслед звучат скабрзные шуточки и предложения интимного характера.

Стасик подумал, что это, пожалуй, действительно хуже, чем на ферме. Если бы его определили в официанты, он бы точно там долго не выдержал. А если бы и его принялись шлепать по задку, то и вовсе хоть топись.

— А как же вы... — начал он.

— Вы. Мы. Не нужно этого официоза. Можешь обращаться ко мне по имени.

— Но я его не знаю, — признался Стасик.

Девушка, спохватившись, рассмеялась и сказала:

— Ну, вот. Болтаем уже десять минут, а до сих пор не познакомились. Меня зовут Риана. А ты у нас?

— Стас.

— Стас. Хорошо. Ну, Стас, теперь мы с тобой знакомы.

Риана присела на дерево, на котором прежде восседал и горько плакал безутешный свинопас, и похлопала ладонью по стволу рядом с собой. Стасик пристроился рядом, но не слишком близко. Он опасался, что если коснется рукой, ногой или плечом прекрасного девичьего тела, его обязательно хватит удар.

— Так что, как видишь, я знаю, каково тебе приходится, — произнесла Риана. — Знаю, каково это, каждый день видеть тех, кто пришел в этот мир вместе с тобой. Они становятся могучими воинами, познают искусство магии. Их карманы полны золота. Барды слагают песни об их подвигах. А ты продолжаешь разносить пиво и подставлять зад под шлепки. И так день за днем.

Она посмотрела на Стасика, и спросила:

— Наверное, свинопасом тоже быть несладко?

И тут Стасика словно прорвало. Он не привык жаловаться на жизнь другим людям, поскольку, в общем-то, было и некому. В своем родном мире у него не было даже нормальных друзей, по крайней мере, таких, которым можно смело излить душу. Родители с утра до ночи занимались то работой, то своими делами, да Стасик никогда и не был близок с ними настолько, чтобы вести разговоры за жизнь. Однажды Стасика заслали к школьному психологу, и он подумал, что вот хоть сейчас сумеет велять выговориться обо всем наболевшем. Но психолог повел себя странно. Вначале, прямо с порога, спросил у Стасика, мочится ли тот в постель, и если да, то на каких оппозиционных ресурсах его к этому подтолкнули. Вопрос настолько шокировал школьника, что тот едва не бросился вон из кабинета. А за первым странным вопросом последовали другие, столь же странные и даже пугающие. Психолог стал зачем-то выспрашивать, не посещает ли Стасик сайты террористических организаций. Стасик ответил, что нет, и то была чистая правда. Что он забыл у этих террористов? Ладно бы они выкладывали эротические фотографии, или держали бесплатные сервера его любимых игр, тогда другое дело. Потом психолог спросил, нет ли у Стасика мыслей о самоубийстве, и если есть, то какие иностранные агенты привели его на грань суицида.... Короче, Стасик едва унес ноги от этого психованного психолога.

В общем, до сего момента поплакаться ему было некому. А оно, похоже, накипело. Потому что из Стасика хлынула настоящая слезная исповедь, и он на одном дыхании пересказал малознакомой девушке всю свою жизнь. История вышла короткая и очень грустная. Всю жизнь в неправильном мире он страдал от одиночества и издевательств одноклассников, а когда оказался в правильном мире, куда мечтал попасть с рождения, его доби́ли назначением на свиноферму.

— Ну, ну, перестань, все еще наладится, — пыталась утешить его Риана.

Но Стасик ей не верил. С недавних пор ему стало казаться, что он страшно проклят, и потому обречен на вечное несчастье. Если даже правильный мир мог предложить ему только жалкую участь свинопаса, то рассчитывать на что-то хорошее не было никакого смысла.

Десять минут он рыдал и каялся, а затем иссяк и замолчал. Истерика закончилась, и Стасику стало дико стыдно за себя. Он боялся даже представить, что думала о нем новая

знакомая. Наверное, сейчас она изо всех сил придумывала предлог, чтобы немедленно уйти.

— Мне очень хорошо знакомы твои чувства, — призналась Риана. — Я сама через все это прошла. Но ты напрасно думаешь, что все кончено, и ты обречен на то, чтобы остаться свинопасом до конца жизни.

— Но ведь распределяющий куб сказал, что больше я ни на что не годен, — вытирая со щек слезы, сообщил Стасик. — Разве это не значит, что у меня нет выбора?

— Ну, куб и меня определил в официантки, — напомнила Риана. — Но я ненадолго задержалась в том трактире.

— Не понимаю, — удивился Стасик. — Как же так? Разве можно пойти против воли распределения? Да и как я смогу? Раз во мне нет магических способностей, я, в любом случае, не стану магом.

— Во мне их тоже не было, — сказала Риана.

После чего подняла руку, и на ее ладони заплясал возникший из воздуха язычок пламени. Девушка легонько дунула на него, и огонек тотчас же погас.

— Выходит, куб может ошибаться? — с заново вспыхнувшей надеждой спросил Стасик. Риана улыбнулась.

— Не совсем так, — ответила она. — Куб довольно точен. Он определяет, в каком качестве ты сумеешь лучше послужить делу добра.

— Но если так....

— Делу добра! — с нажимом повторила Риана.

Стасик со страхом покосился на девушку. До него медленно и со скрипом, но все же начал доходить прозвучавший в ее словах намек.

В этот мир его призвали силы добра и света, ведущие беспощадную войну с конкурентами. До сего момента Стасик воспринимал темную империю Кранг-дан как некое абстрактное зло, а ее лидер, Дакрос Безжалостный, виделся ему ничем не примечательным владыкой тьмы, коих в разных фильмах, играх и комиксах он наблюдал достаточно. Откровенно говоря, за минувший месяц он толком и не думал о силах зла, поскольку был всецело поглощен своим горем. Да и зачем бы ему, свинопасу, интересоваться подобными вещами? Его же не пошлют в рейд на вражескую территорию в составе геройского отряда.

Только сейчас, когда Риана довольно толсто намекнула ему на возможность смены стороны, Стасик взглянул на империю зла как на что-то реальное. Знал он об этой империи мало. Всю информацию о противнике он почерпнул от коллеги Васька. Ну а того трудно было назвать осведомленным лицом. Васек этой империей никогда и не интересовался. За два года своего пребывания в этом мире он не видел ни одного воина зла. Все они были где-то там, далеко-далеко, за нейтральной полосой, шириной почти в сотню километров. Так что рассказать он сумел немного, только то, что столица империи называется Черный Ургорт, что император Дакрос страшная злюка, а напоследок посоветовал не забивать голову всякой мрачной ерундой. Сражаться с силами тьмы — удел героев. А удел свинопасов — пасти свиней.

— О чем ты говоришь? — спросил побледневший Стасик, на тот случай, если он вдруг как-то неправильно понял собеседницу.

— Я говорю о том, что у тебя еще есть выбор, — объяснила Риана. — Ты можешь оставить все так, как есть, и следующие пять лет исправно пасти свиней.

Стасик вздрогнул. Пять лет! Пять лет продлятся долго, а на ферме они покажутся ему вечностью.

— Или? — спросил он осторожно.

— Или ты можешь попытаться счастье по ту сторону нейтральной полосы, — улыбнулась Риана. — Я так и сделала. И, как видишь, не прогадала.

— Так ты злодейка? — выпалил Стасик.

Прозвучало это очень глупо и как-то по-детски. Риана расхохоталась.

— Ну, такая уж и злодейка? — кокетливо уточнила она.

— Нет, я не то имел в виду. Ты, значит, за империю?

Риана подалась ближе к нему, прижавшись своим плечом к плечу Стасика. Тот вздрогнул, но отстраниться не посмел.

— Я знаю, что вам, новобранцам, рассказывают об империи, — произнесла она. — На мои уши вешали ту же лапшу. Но на деле все совсем не так. Там, по ту сторону, такие же люди, как и здесь.

— Но мне сказали, что Дакрос желает поработить всю вселенную и повсеместно утвердить власть тьмы, зла и ужаса, — пробормотал Стасик.

— А еще они сказали тебе, что ты годен только в свинопасы, — напомнила Риана. — Не стоит верить всему, что говорят. Особенно, не стоит верить людям, когда те говорят о своих врагах.

— Значит, империя не злая? — силился понять Стасик.

— Злая, добрая, — пренебрежительно отмахнулась Риана. — Эти слова обычные пустышки-абстракции. За ними, подчас, ничего не стоит. То есть, стоит то, что каждый сам ставит туда. Ну, вот ты сейчас в королевстве добра и света. Хорошо тебе здесь живется, милый мальчик?

Стасик, не задумываясь, отрицательно покачал головой. Хорошо ему не было. Более того, так погано он себя давненько не чувствовал. Даже в неправильном мире было лучше.

— Свет, тьма — это все пустые слова, — заверила его Риана. — Самое главное — где хорошо тебе. Останься я в Форинге, до сих пор разносила бы напитки в трактире. А теперь я ведьма, владею колдовством, и чувствую себя превосходно. Ну а что насчет тебя? Какое будущее желаешь себе ты?

Обычно Стасик был тяжел на подъем. Принятие каких-либо, даже самых пустяковых, решений давалось ему с трудом. Но сейчас он решил почти без усилий. В самом деле, если уж свет отверг его, если королевство добра ввергло его в унижение и боль, определив свинопасом, то пускай катится ко всем чертям. Да, ему не стать паладином, не стать светлым магом. Ну и ладно. Зато он станет злым колдуном, величайшим черным чародеем. И тогда он всем отомстит. И Кольке, и всей Ангдэзии. Они еще увидят, кого определили в свинопасы! Они еще пожалеют об этом! Очень-очень горько пожалеют. Плакать будут, в ногах валяться, прощение просить. Но он не пощадит никого. Все королевство света сгорит в огне его ярости. Великий черный маг Стас Кромешный сокрушит его.

— Так что ты обо всем этом думаешь? — повторила вопрос Риана, вырывая Стасика из пучины подростковых мечтаний о великом могуществе и жестокой мести.

— Я думаю, что свинопасом я быть не хочу, — ответил тот. — А если я соглашусь переметнуться на сторону зла, как это все будет происходить на практике? Ты заберешь меня с собой?

— Я бы с радостью, — призналась Риана. — Хоть сейчас. Но послушай моего совета, милый Стасик — лучше бы тебе явиться в Кранг-дан с кое-каким багажом заслуг. Понимаешь?

— Не совсем.

— Будет лучше, если ты сделаешь что-нибудь полезное для империи. В этом случае и отношение к тебе будет иным, нежели к обычному новобранцу. Там ведь тоже не все подносят на блюдечке.

Теперь Стасик сообразил, чего от него хотят. Риана предлагала ему каким-то образом сослужить службу темной империи. Вот только что он мог?

— Я даже не знаю, как мне сделать что-то полезное для вас, — признался он горьким голосом, ощущая себя в этот миг полнейшим ничтожеством. — Я ведь всего лишь свинопас.

— Ты себя недооцениваешь, — заверила его Риана. — Ты вполне можешь сослужить нам очень хорошую службу. И она не потребует от тебя ничего невозможного.

— Правда? — загорелся Стасик, рассчитывая на то, что его попросят о какой-нибудь пустяковой мелочи.

Риана шевельнула пальцами, и в ее руке из воздуха возник небольшой деревянный тубус. Она сняла с него крышку, и Стасик увидел, что внутри он туго набит свернутой в рулон бумагой.

— Что это? — спросил Стасик. — Какое-то оружие, да?

— Нет, успокойся. Обычная шпионская примочка.

Риана вытряхнула бумагу наружу. Оказалось, что это не один свиток, а стопка небольших листов. Каждый лист был густо покрыт загадочными письменами.

— Сделать следует вот что, — негромко пояснила Риана. — Эти листы необходимо прикрепить к городским стенам. Приклеивать их не требуется, они прилипнут сами, достаточно просто прижать их к стене ладонью.

— А если их кто-то заметит?

— На этот счет не беспокойся. После приклеивания лист становится невидимым. Расклей их по всему периметру стены, справа и слева от главных ворот. Клей гуще, не экономь. Листов здесь больше, чем кажется. Лепи через каждые три-четыре метра. А еще лучше — через два.

Стасик с опаской поглядел на стопку бумаги. Он понимал, что загадочные символы, покрывающие ее, какие-то темные заклинания. Ничем иным они и быть не могли.

— А это точно не оружие? — вновь уточнил он. — И не какое-то страшное проклятие, которое накроет весь город и окрестности?

Риана рассмеялась.

— Вот же ты параноик! Нет, сказала же. Это что-то вроде шпионской аппаратуры. Подслушать, подсмотреть, все такое. Империя и королевство постоянно следят друг за другом.

Она поместила стопку листов обратно в тубус и протянула его Стасику.

— Ну, справишься? — спросила Риана.

Стасик секунду колебался, а затем взял тубус. Тот оказался неожиданно тяжелым.

— Справлюсь! — произнес он, вспомнив, что от защитников добра и света до сих пор терпел одни унижения. Сами виноваты, что не признали в нем героя. Пускай теперь не обижаются.

— Постарайся не попасться, когда будешь расклеивать листы, — посоветовала Риана. — Если тебя поймают с этим, неприятности неизбежны.

— Буду осторожен, — пообещал Стасик. — А как же потом? Ну, когда я все сделаю. Ты за мной вернешься?

— На этот счет не переживай, — успокоила его Риана. — Тебя не забудут. Как только возникнет возможность, мы заберем тебя отсюда.

У Стасика было еще много вопросов, но тут Риана посмотрела куда-то мимо него, и радостно произнесла:

— Смотри-ка, твои хрюшки нашлись!

Стасик повернул голову, и действительно увидел пропавших свиней. Те топтались под дубом, жевали желуди и терпеливо ждали, когда их поведут обратно на ферму.

Вновь посмотрев на Риану, Стасик едва сдержал возглас удивления. Девушка исчезла. Только что она сидела рядом с ним на бревне, и вдруг растаяла в воздухе. Единственным свидетельством того, что вся эта встреча ему не приснилась, оставался тубус в его руке.

Стасик спрятал его под одежду, поднял с земли палку и погнал свиней на ферму. Вид постарался принять самый невинный, дабы своим поведением не выдать себя. Но волноваться было не о чем. Никто и не думал присматриваться к очередному неприметному свинопасу. Васек, чуть живой от усталости, как раз закончил сгонять стадо в кучу, а появившийся хозяин наорал на обоих работников, и пригрозил им штрафами, если те опять выпустят подопечных из-под контроля.

— Ну и денек сегодня! — посетовал Васек, опершись спиной на ограду пастбища.

— Это точно, — согласился Стасик, щупая рукой тяжелый тубус под своей мешковатой одеждой. — Это точно. Денек еще тот.

Следующим утром Стасик проснулся в несуетную рань. И первым чувством, посетившим его в этот новый день, стал всепоглощающий ужас.

Вчера он был самоуверенным и отчаянным парнем, готовым на все, лишь бы добиться успеха в правильном мире. Предстоящее дельце казалось ему пустяковым, Стасик был уверен, что справится с ним играючи. Что там надо? Расклеить какие-то бумажки внутри города? Считайте, что они уже расклеены.

Но вот сегодня, на трезвую голову, он увидел предстоящее дело под иным углом.

Запустив руку под солому, которой был набит его тюфяк, он дрожащими пальцами нащупал там тубус. Прикосновение к этому предмету удвоило и без того неслабый страх. Стасик резко отдернул руку и вскочил с лежанки. Он со страхом поглядел на дверь, желая убедиться в том, что та заперта на засов, затем подбежал к крошечному пыльному оконцу, и выглянул наружу. Там было пусто. Час был ранний, и даже сельские жители, имевшие привычку пробуждаться с первыми лучами солнца, продолжали сладко спать.

Стасик прошелся по своей келье, держась руками за голову и постукивая зубами от страха. Он не мог поверить в то, что согласился на это самоубийственное безумие. Чтобы он, да пошел расклеивать свитки с черной магией в Форинге? В том самом Форинге, где каждый второй житель маг, и, наверняка, без труда учует у него этот тубус. Да и как можно сделать это незамеченным? В городе полно народа — торговцы, ремесленники, герои. Днем там яблоку негде упасть. А ночью городские ворота закрываются, и попасть внутрь не представляется возможным. К тому же по ночам город патрулирует стража, и она очень ответственно относится к своим обязанностям. Все-таки идет война, а по ту сторону границы самые настоящие темные силы, такие, что темнее некуда. И ждать от них нужно всего, чего угодно плохого.

На Стасика удушливой волной навалилась сводящая с ума паранойя. Ему вдруг стало казаться, что о его встрече с Рианой уже известно компетентным органам, и что с минуты на минуту за ним придут. В самом деле, разве могла черная ведьма очутиться в окрестностях Форинга, и остаться незамеченной? Кто-нибудь что-нибудь да видел. Либо светлые маги ощутили ее присутствие. Да и его им вычислить, что плюнуть. Этот чертов тубус, в нем ведь содержится колдовство. Его почувствуют, найдут, и тогда....

Стасик попытался представить себе, какое наказание ожидает его за связь с врагом. И по всему выходило, что суровое. В лучшем случае, его упрячут в темницу, где он проведет следующие пять лет жизни. Или вообще всю оставшуюся жизнь, если верховный паладин сочтет его вину достаточно серьезной, чтобы по истечению срока контракта не отпустить предателя обратно в родной мир, а сгноить в застенках. Но что-то подсказывало Стасику, что ему не стоит и мечтать о тюремном заключении. Он знал, как поступают со шпионами во время войны. Для них припасена одна единственная кара — смертная казнь.

На работу он вышел в состоянии панического ужаса. Старался вести себя естественно, но выходило строго наоборот. Васек несколько раз справлялся у него, не случилось ли чего, на что Стасик, истерически смеясь и всеми силами изображая беззаботность, отвечал, что у него все отлично. При этом у Стасика дергался правый глаз, а голос прыгал от шипящего шепота до истошного крика. Даже хозяин фермы обратил внимание на странное поведение работника, и справился, не болен ли тот.

— Если заболел, сходи к целителям, — посоветовал он. — Они тебя живо на ноги поставят.

Но Стасик отказался, заверив руководителя, что ничем не болен и чувствует себя превосходно. Ему совсем не хотелось идти к целителям, которые, в сущности, тоже маги, и могут легко учуять последствия его недавнего контакта с черным колдовством.

Рабочий день тянулся долго и выдался непростым. Нет, свиньи-то сегодня вели себя удивительно смирно и не предпринимали попыток растечься по всей округе. И хозяин ни разу не наорал. Даже Васек не докучал разговорами. Но терзающий Стасика страх не давал ему покоя. Ему все время казалось, что он уже разоблачен, что за ним вот-вот придут. Не могло такого быть, чтобы злая колдунья подобралась к самому Форингу, и никто этого не заметил. Знают! Конечно же, знают! Возможно, прямо сейчас верховный паладин подписывает приказ о его аресте. А заодно и о пытках. Ведь наверняка будут пытаться. Хоть Стасик и решил для себя, что сразу же расскажет все, что ему известно, он сомневался, что ему поверят на слово. Наверняка решат, что о чем-то умалчивает, пытается что-то утаить. И начнут вытягивать из него информацию вместе с жизнью.

Но вот миновал полдень, день пополз к вечеру, а из города так и не явился отряд воинов, дабы арестовать вражеского агента и препроводить в камеру пыток. Стасик немного успокоился. Судя по всему, все обошлось, и его встреча с Рианой осталась для всех тайной.

В течение дня он и думать боялся о порученном ему деле. То есть, он твердо решил, что не станет его выполнять, а тубус выбросит куда-нибудь, где его никто никогда не найдет. В какое-нибудь гиблое место, вроде болота. Болот, правда, поблизости не было, так что Стасик решил зарыть компрометирующий предмет в дубовой роще. Но когда настал вечер, а за ним так и не пришли, Стасик расхрабрился. Риск был велик, попадись он, и его неминуемо постигнет суровая кара. Но Стасику ужасно хотелось стать в правильном мире героем. Пусть и героем зла. Эта цель стоила любого риска.

Почти каждый вечер Васек отправлялся в город с целью выпить дешевого пива и поболтать со своими знакомыми. Стасика он звал с собой ежедневно, но тот всегда отказывался. Но сегодня в ответ на поступившее предложение совместной прогулки в Форинг он ответил неожиданным, даже для себя самого, согласием. Стасик решил осмотреться, и прикинуть, возможно ли осуществить порученное ему дело, то есть тайком расклеить на стенах бумажки с невинными, как ему хотелось думать, заклинаниями.

Вечерами в Форинге жизнь была ключом. Герои гуляли в тавернах, горожане бродили по улицам, торговцы, перекрикивая друг друга, нахваливали свои товары. Васек повел Стасика в свое любимое питейное заведение, которое по совпадению оказалось и самым дешевым из всех. Воины и маги сюда не заходили — это был не их уровень. Трактир, темный, бедный и засаленный, предназначался для тех счастливиц, в ком не оказалось никаких выдающихся способностей. И стали они не паладинами и чародеями, а свинопасами и дворниками, подмастерьями у ремесленников и грузчиками. Никто из них по сему поводу не унывал, набившаяся в трактир публика была весела и беззаботна. Дешевое пиво лилось рекой, стремительно развязывая языки.

На этом празднике жизни Стасик был единственным, с чего лица не сходило выражение глубочайшей скорби. По пути к трактиру он внимательно осматривал стены, и чем дальше, тем больше приходил к выводу, что Риана взвалила на его узкие плечи невыполнимую миссию. Не было никакой возможности подобраться к стене незамеченным. Днем об этом и думать было нечего — город кишел людьми, и какой-то мальчишка в крестьянской одежде,

прижимающий непонятные бумажки к защитным стенам, тут же привлёк бы к себе всеобщее внимание. Ночь тоже исключалась — Форинг в темное время суток хорошо и непрерывно патрулировался. Так что выходило, что даже захоти он этого, то никак не сумел бы осуществить задание темных сил.

Лишившись последней надежды на перемены к лучшему, Стасик совсем пал духом. Когда они вместе с Васьком возвращались из трактира обратно на ферму, он едва сдерживал слезы. Его траурное настроение не укрылось от внимания коллеги.

— Ты сегодня сам не свой, — заметил тот. — У тебя точно все хорошо?

Стасик пропустил вопрос Васька мимо ушей, поскольку был полностью погружен в собственные безрадостные мысли. Он уже голову сломал, пытаясь придумать способ прилепить к стенам эти чертовы бумажки так, чтобы не попасться стражникам. Вот если бы под городом пролегли какие-нибудь тоннели, проходящие параллельно фундаменту стен.... Нет, рассчитывать на такое чудо было бы слишком наивно. А если тоннели и есть, то входы в них наверняка хорошо охраняются.

— Эй, что с тобой? — возвысил голос Васек, и тронул Стасика за плечо.

— А? — вздрогнул тот. — Что?

— Я спрашиваю, что с тобой случилось?

— Со мной? Нет, со мной ничего.

— Так уж и ничего. Весь день сегодня ты какой-то не такой. Ну, признавайся!

— Да все хорошо, — заверил коллегу Стасик. — Просто настроения нет.

Тут он решил, что если полюбопытствует у коллеги на тему тоннелей, то ничего страшного не случится. Вдруг Васек что-то знает?

— Я вот тут спросить хотел, — заговорил Стасик, стараясь придать своему голосу максимально беззаботную тональность, словно предмет обсуждения его самого ничуть не интересовал, — а нет ли под Форингом каких-либо подземелий? Просто город вроде бы старьёй, а я слышал, что под всеми старыми городами обязательно есть древние и заброшенные катакомбы. Ну, мне так говорили. В детстве.

Васек остановился, внимательно посмотрел на собеседника, после чего улыбнулся и понимающе кивнул головой.

— Вот теперь мне все ясно! — заявил он.

Стасик уставился на коллегу со страхом.

— Что тебе ясно? — проблеял он, чувствуя, как трусливый пот течет по его спине.

— Все! — самодовольно повторил Васек. — Теперь понятно, почему ты весь день сам не свой. Я думал, ты заболел или влюбился, а ты вон чего.

Мир закружился у Стасика перед глазами. Вот и все! Вот и конец! Васек раскрыл его. Он все знает. Сейчас он пойдет прямо к верховному паладину, и расскажет ему о предательстве. А дальше допросы, пытки, виселица....

— Это неправда! — едва шевеля губами, пролепетал позеленевший Стасик. — Это не так!

— Ну да! Рассказывай! Я точно знаю, что так! Можешь не отрицать.

Мысли лихорадочно закружились в голове Стасика. Что делать? Что же делать? Заставить Васька замолчать навеки? Это было даже не смешно. Крепкий и мускулистый Васек, который, к тому же, старше на десять лет, ему не по зубам. Тогда что? Умолять коллегу, чтобы тот не сдал его? На коленях умолять, со слезами. Наврать что-нибудь. Что, дескать, бес попутал, обманули, задурили....

Но Стасик чувствовал, что его уже ничто не спасет. Пусть они с Васьком и сблизились за проведенное рядом время, но пособника тьмы свинопас, не раздумывая, отдаст на растерзание паладинам.

Почувствовав отчаяние, Стасик выразил его единственным способом, каким умел — расплакался.

— Эй! Эй! Ты чего? — услышал он взволнованный голос Васька. — Перестань! Не ты первый, не ты последний. Да что там, я ведь и сам, в свое время, тоже об этом подумывал.

Стасик уставился на коллегу диким взглядом.

— О чем подумывал? — спросил он, вытирая слезы со щек.

— Да о том же, о чем и ты, — добродушно усмехнулся коллега. — О сокровище первого паладина.

Стасик открыл рот, не зная, что сказать. Какое еще сокровище? Какой первый паладин? Постепенно до него начало доходить, что он неправильно понял Васька, и тот вовсе не раскусил его.

— Кто его только ни искал, это сокровище, — доверительным тоном сообщил Васек. — Я таких историй о нем наслушался.

— Сокровище? — переспросил Стасик.

— Да говорю же — не притворяйся. Я понял, что ты собрался отправиться на его поиски. С чего бы еще ты заговорил о подземельях под городом? Ну, ведь собрался же?

— Собрался, — тупо подтвердил Стасик, еще не вполне понимая, о чем идет речь. Одно только он осознал четко — его связь с темными силами до сих пор остается для всех тайной. А остальное было уже не важно.

Но Васек, будучи парнем словоохотливым, каковое свойство усилилось поглощенным в таверне пивом, тут же сам ему все и рассказал. Дело состояло в том, что под Форингом действительно располагалась обширная сеть катакомб, большей частью давно заброшенных. Город много раз перестраивался, планов подземелий не сохранилось, так что сегодня никто не мог сказать наверняка, какая часть проходов уцелела, какая давно обвалилась, да и вообще туда старались не соваться. Никто бы и не совался, поскольку делать в катакомбах было нечего, если бы не одна легенда, давнишняя, придуманная неизвестно кем в незапамятные времена. Она гласила, что в подземельях под Форингом спрятаны сокровища первого верховного паладина города, который жил на свете сотни лет назад. Якобы, когда армия империи подступила к городу, и возник риск не отбить штурм, верховный паладин собрал все сокровища в один большой мешок, и вместе с ним ушел в тоннели. Обрато вернулся нескоро и уже без мешка. Город в тот раз удалось отстоять, и верховный паладин, конечно же, сходил бы за припрятанными богатствами и принес их обратно, если бы только он не погиб в той битве. А поскольку сокровища прятал он один, и карты после себя не оставил, их так и не удалось найти. Хотя искали, долго искали. И тогда, и после. И до сих пор находились отчаянные храбрецы, которые проникали в древние тоннели в поисках старинных богатств. Все-таки мешок золота, это мешок золота. Ведь он же там лежит, ждет какого-то счастливчика. Ну и каждый, разумеется, полагал, что он-то этим счастливчиком и окажется.

— Вот оно что, — протянул Стасик, с души которого упал огромный камень. Васек ошибочно решил, что он собрался отправиться на поиски клада, потому и завел разговор о подземельях.

— Дело, конечно, твое, — сказал Васек, — но послушай моего совета — брось эту

затею. Ерунда все это. Если бы можно было найти сокровища первого паладина, их бы давно нашли. А в этих тоннелях, между прочим, люди пропадают.

— Что? — вздрогнул Стасик. — Там живут монстры?

— Монстров там нет. Откуда бы им взяться под Форингом, где паладин на паладине? А вот заблудиться там можно в два счета. И навсегда. Забудешь обратную дорогу, и станешь бродить по катакомбам, пока не погибнешь от жажды. Я вот сам год назад загорелся этим кладом, будь он неладен, да вовремя одумался. Ерунда все это, поверь мне.

— Ладно, как скажешь, — не стал возражать Стасик.

Если у него и была мысль воспользоваться подземельями для расклейки данных Рианой листовок, то после беседы с Васьком она благополучно улетучилась. Раз уж в этих катакомбах можно остаться навечно, то незачем туда соваться. И вообще, Стасик уже почти смирился с тем фактом, что не сумеет выполнить задание темных сил. Что ж, в таком случае, впереди его ждет пятилетняя карьера свинопаса. Пятилетка позора и отчаяния. Но это все же лучше, чем сгинуть в подземельях или попасться стражникам и угодить под суд. А пять предстоящих лет.... Ну, пройдут и они. Стасик же как-то сумел перетерпеть десять лет в школе, а там ему приходилось хуже, чем на ферме. Там над ним ежедневно издевался Колька со своими подручными, а здесь всего-то и нужно, что следить за хрюшками. Он выдержит. Пусть ему обидно и горько из-за того, что правильный мир отверг его, не признав героем, но это еще не повод бросаться с головой в самоубийственные авантюры.

В течение следующих трех дней состоявшийся с Васьком разговор полностью вылетел у Стасика из головы. Он постарался забыть о встрече с Рианой, и теперь раздумывал над тем, как бы ему избавиться от тубуса с компрометирующими бумагами. Потрясение, вызванное назначением на ферму, прошло, и Стасик понял, что он кое-как сумел смириться со своей участью. Да, не стать ему отважным паладином, святым воителем, повергающим врагов силой оружия и магии. Не быть ему волшебником, повелителем могущественных чар. Даже целителем ему не стать. Ну и пусть. Не лезть же из-за этого в петлю, в конце-то концов. Хотя, по правде сказать, время от времени на него накатывало такое отчаяние, что возникала охота подвергнуть себя суициду. Но Стасик держался. Он решил быть сильным. Если не на поле боя, то хотя бы под натиском житейских невзгод.

Подошел очередной выходной день. На него у Стасика не было никаких планов. Идти в город он не планировал — вид тамошних героев, довольных и успешных, пирующих в тавернах, вызывал у него изжогу и нежелание жить. Решил провести свободный день с пользой — проваляться в своей хибарке, отдавшись мечтам о самом правильном мире. О таком мире, где бы он точно стал великим чародеем. Где-то наверняка должен быть и такой мир. А если его и не было, почему бы его не выдумать?

Но все его планы оказались сорваны с самого утра. Едва за окошком забрезжил рассвет, как в дверь его хибарки постучали. Стасик разомкнул веки и нехотя оторвал голову от жесткой подушки. Кого могло принести к нему в такую рань, да еще и в выходной?

Стараясь подавить вновь вспыхнувшие тревожные предчувствия, он подошел к двери и негромко спросил:

— Кто там?

— Открывай, соня! — прозвучал снаружи голос Васька.

Шумно выдохнув, Стасик отпер засов.

Коллега выглядел непривычно возбужденным, глаза его странно блестели нездоровым азартом. Рядом с ним, перед входом в домик Стасика, стояла небольшая ручная тележка. Ее содержимое скрывалось под куском старой мешковины, но Стасик заметил выглядывающие из-под тряпки рукояти каких-то инструментов.

— Неужели и сегодня работать? — спросил он с болью в голосе.

Обычно хозяин не покушался на законные выходные работников, но иногда принуждал-таки тех к субботникам. Как-то раз в выходной день они с Васьком рыли выгребную яму под отхожее место. За переработки честно платились сверхурочные, но Стасик в гробу видал эти лишние гроши. Он предпочел бы бесплатно поваляться на своей койке, чем горбатиться за дополнительную горсть медяков.

— Нет, расслабься, никакой работы! — поспешил успокоить его Васек. — Ну, давай уже, собирайся. Нам пора.

— Куда? — растерялся Стасик.

Он не понимал, что происходит. Если их не ждет очередной принудительный субботник, то куда они направляются? Точно не в город. Для выходов в Форинг Васек всегда наряжался в свою лучшую одежду. А сегодня на нем был старый рабочий комбинезон, густо усеянный разноцветными заплатками.

— Еще спрашиваешь! — выпалил Васек. — Будто не знаешь?

— Нет, — честно признался Стасик.

Вся эта загадочность ему не нравилась. Он вообще не любил сюрпризов. Поскольку если те и происходили с ним, то всегда оказывались неприятными.

— Идем искать клад! — шепотом сообщил ему Васек.

Стасик вздрогнул.

— Клад? — переспросил он. — Имеешь в виду....

— Да, его самого. Клад первого паладина. Черт! Ты меня просто раздражил. Как поговорили об этом, так я до сих пор успокоиться не могу.

— Но ведь ты сам сказал, что это дело безнадежное, да и опасное, к тому же, — напомнил Стасик.

— Ерунда, — отмахнулся Васек. — Мы же с тобой не дети. Я все подготовил. У меня тут фонари, инструмент, мешочек угля, чтобы оставлять метки на стенах. Плюс есть еще карта катакомб.

— Ты же говорил, что такой карты не существует.

— Официальной не существует. Мне ее продал один старик из Форинга. Он в молодости много времени провел в подземелье, все клад искал. Вот и составил ее. Она, конечно, неполная и неточная, но лучше уж такая, чем совсем никакой.

Васек возбужденно потер руки.

— Вот прямо чувствую, что нам с тобой точно сегодня повезет! — выпалил он. — Кому-то же должно повезти. Столько лет уже эти сокровища ищут. Я вот и сам, одно время, собирался. Тогда раздумал. А теперь прямо сам не свой. Опять азарт охватил. Сегодня ночью почти не спал, все думал, думал.... Ну, что ты стоишь? Одевайся! Нам пора идти!

Не будь Стасик бесхарактерной тряпкой, он бы обязательно наотрез отказался от участия в этой затее. Ему совсем не хотелось лезть в опасные катакомбы, в которых периодически пропадали люди. Но к своим шестнадцати годам он так и не выучился говорить простое слово из трех букв.

— Дай мне минутку, я соберусь, — попросил он Васька.

— Давай, только живее, — потребовал тот, покидая домик. — Уйдем, пока все спят. Не нужно, чтобы нас видели.

— А что, если увидят, то накажут? — встревожился Стасик.

— Да не бойся ты. Не увидят. Ты, главное, шевелись.

Когда за Васьком захлопнулась дверь, Стасик облачился в свой рабочий комбинезон, натянул на ноги старые сапоги, в которых пас свиней, и уже приготовился выйти наружу. Но тут он вспомнил о тубусе, спрятанном под кроватью. Рискованно было брать эту штуку с собой, да и Васек мог заметить ее. Но Стасик отдавал себе отчет в том, иного шанса выполнить просьбу Рианы у него просто не будет.

После секундного колебания Стасик опустил на четвереньки, влез под кровать и нащупал рукой тубус, лежащий в самом пыльном и темном углу. Для себя решил так — если получится, он расклеит бумаги, а если нет, то выбросит тубус там, в катакомбах. Лучшего места для того, чтобы избавиться от этой опасной улики, не придумаешь.

Выйдя из дома, Стасик застал Васька в состоянии болезненного нетерпения. Похоже, его нешуточно разобрала золотая лихорадка, и он сгорал от желания скорее приступить к поиску сокровищ. Сокровищ, в реальность которых лично Стасик не больно-то и верил. Впрочем, напомнил он себе, это ведь правильный мир. В его родной реальности поиск кладов, о которых повествуют старинные легенды, дело глупое и безнадежное. А здесь

возможно все. Вдруг они и впрямь отыщут мешок с золотом, припрятанный первым паладином Форинга? В этом случае им больше не придется гнуть спину на ферме. Вряд ли за деньги можно стать героем, но уж лучше провести следующие пять лет уважаемым горожанином, чем низкооплачиваемым свинопасом.

— И как мы попадем в катакомбы? — спросил Стасик. — Вход где-то в городе?

— В городе вход есть, — ответил Васек. — Даже несколько. Но все они запечатаны. Поэтому нам придется пойти длинным путем. Долго, зато безопасно.

— Безопасно?

— Ну, власти Форинга запретили лазать в подземелья. За это даже полагается какое-то наказание.

— Отлично, — мрачно проронил Стасик. Не так, так этак, но он точно наживет себе проблемы с законом.

— Да не хмурься ты! — хохотнул Васек. — Никто нас не увидит. А теперь идем, пока все еще спят.

Вместе с тележкой, высокая честь катить которую выпала Стасику, они направились не в сторону города, а к небольшому озерцу в его окрестностях. Озерцо это считалось безопасной территорией, сюда часто наведывались жители Форинга и близлежащих ферм с целью поудить рыбу. Водоем был невелик, по берегам он густо зарос камышом и деревьями. На первый взгляд могло показаться, что местечко это небезопасное, но, в действительности, с посещающими его людьми никогда не случалось ничего плохого. Сюда не забредали ни хищные звери, ни злодеи из враждебной империи.

До озера они добрались примерно за час. Никто не заметил их, поскольку в выходной день все обитатели ферм, разбросанных вокруг Форинга, мирно спали. Они спустились по пологому склону, и очутились напротив стены деревьев, окружающей озеро. Тропа, по которой они шли до этого, сворачивала влево и вела к участку чистого от зарослей берега. Там, на песке, лежали небольшие лодчонки здешних рыбаков. Но Васек уверенно свернул вправо, и Стасику ничего иного не оставалось, как последовать за ним.

Как только они сошли с тропы, катить тележку стало заметно труднее. Никакой дорожки тут проторено не было, и, судя по всему, люди редко посещали это место. Но Васек решительно двигался вперед, и Стасик не задавал ему лишних вопросов. Он полностью сконцентрировался на том, чтобы тележка не опрокинулась, и ее содержимое не высыпалось на землю.

Вскоре стало еще веселее — Васек нырнул в густые заросли. Стасик, чуть не плача, последовал за ним. Упругие ветви деревьев тут же начали нещадно хлестать его по лицу, стебли кустарника, усеянные острыми шипами, хватали за одежду. В какой-то момент Стасик не выдержал этой пытки, и спросил:

— Далеко еще?

— Почти пришли, — ответил ему Васек. — Об этом месте никто не знает, поэтому все здесь так сильно заросло. Потерпи немного.

Легко ему было говорить, сам-то он шел порожняком. А вот Стасик намучился с тележкой, которая то упиралась колесом в замаскированную травой корягу, то проваливалась в ямку и упорно отказывалась катиться дальше. Они еще не добрались до входа в подземелье, а Стасику уже расхотелось и сокровища искать, и листовки расклеивать.

Когда ему начало казаться, что этой пытке не будет конца, Васек вдруг остановился и сказал:

— Это здесь. Мы на месте.

Стасик огляделся по сторонам. Они забрались в густые заросли, где едва ли стоило рассчитывать найти вход в какое-то подземелье. Да и до Форинга отсюда было довольно далеко.

— Тот старик, что продал мне карту, сообщил и об этом месте, — поведал Васек, разгребая наваленные кучей сухие ветви. — Он сказал, что этот ход прорыли в старину. Через него можно было выбраться из осажденного города.

— И о нем сейчас никто не знает? — удивился Стасик.

— Вряд ли. Если бы знали, давно бы его завалили. Представь, что будет, если о нем проведуют силы зла!

Стасик умолчал о том, что силам зла ни к чему лазать по каким-то старинным тоннелям. Они действуют проще и изящнее: вербуют сторонников и поручают им грязные дела. Вот как ему, к примеру.

Но сам Стасик не считал себя предателем. Это его предали. Предали, когда отказали ему в возможности стать героем, и запихнули на свиноферму. Силы добра первые повернулись к нему задом. Он же всего лишь отвечает им взаимностью.

Растащив в стороны последние ветви, Васек, присев на колени, разгреб руками толстый слой сухой листвы. Под ним показалось что-то бурое. Стасик, присмотревшись, понял, что это покрытая ржавчиной металлическая пластина. Люк. Люк в земле.

— Помоги-ка, он тяжелый, — попросил Васек.

Вдвоем они ухватились руками за железное кольцо, потянули его на себя, и, с немалым трудом, подняли крышку, а затем откинули ее на землю. За ней открылся черный квадрат входа. Вглубь земли вела довольно узкая нора.

Заглянув в нее, Стасик испытал сильнейшее желание немедленно отказаться от участия в этой сомнительной затее. Страшно было подумать о том, как давно прорыли этот ход. Он ведь может обвалиться в любой момент, и похоронить заживо не обремененных умом кладоискателей.

— Слушай, может не надо? — с надеждой спросил Стасик. — Это ведь опасно.

— Да ты не бойся, — подбодрил его Васек. — Подземный ход в порядке. Строили на века.

— Ну, так века и прошли, — напомнил Стасик.

— Говорю тебе — бояться нечего. Я там уже ходил.

И вновь слабохарактерность Стасика сыграла против него. Ему бы сказать твердо и решительно — нет. Сказать, и стоять на своем. Не потащит же Васек его с собой силой. Но, вместо этого, Стасик привычно подчинился чужой воле.

Они разобрали инструмент и зажгли фонари. Васек первым опустился на четвереньки, и стал протискиваться в нору.

— Ты не бойся, тут дальше будет просторнее, — пообещал он, оглянувшись. — Лаз узкий только здесь, на входе.

Стасик еще никуда не залез, а уже ощутил набирающую обороты клаустрофобию. Он нащупал заткнутый за пояс тубус, затем взял в руку фонарь, встал на полный привод и вполз в нору следом за коллегой.

Васек не соврал. Нора, узкая и темная, с сыплющимся за шиворот грунтом и бьющими по лицу корнями, проросшими сквозь земляную толщу, продлилась недолго. Миновав ее, они оказались в рукотворной пещере, созданной столетия назад, но все еще сохранившейся каким-то чудом и поныне.

Стасик поднялся на ноги, выпрямился во весь рост, поднял над головой фонарь и осмотрелся. Он очутился в узком, но довольно при этом высоком подземном коридоре. Над головой он разглядел сводчатый потолок, сформированный из тех же глиняных кирпичей, которыми были выложены стены. Сквозь щели в кладке сверху вниз проросли многочисленные корни, которые свисали по всему коридору белыми, от покрывающей их пыли и паутины, щупальцами.

Тут только Стасик сообразил, что в подземельях, помимо ценных сокровищ и лихих приключений, можно встретить и их всегдашних обитателей — всевозможных насекомых и грызунов. Надо ли говорить, что и тех, и других, он не переваривал патологически и слегка побаивался. Побоялся даже на поверхности. А уж в замкнутом пространстве древнего подземелья, где в панику могла успешно повергнуть даже собственная тень, и крошечная мышка легко покажется огромным плотоядным монстром.

В этот момент рядом со Стасиком появился Васек. Свой фонарь он тоже поднял высоко над головой.

— Видишь — сказал он. — Я же тебе говорил, что тут хорошо.

Ну, чего-то особенно хорошего Стасик в этом тоннеле не наблюдал. Наверное, коллега имел в виду то, что коридор достаточно высокий, чтобы идти по нему в полный рост. Что ж, это действительно было лучше, чем проделывать весь путь на четвереньках. Тем более что до города отсюда было далековато.

— Ну, идем? — предложил Васек.

— Я даже не знаю... — замялся Стасик.

— Да ладно тебе. Мы уже внутри. Поздно отступать.

— Ничего не поздно. Вон же выход.

— А как же сокровища первого паладина?

— Да мне уже расхотелось их искать. И не хотелось никогда, если честно.

Но Васек не принял во внимание этот детский лепет.

— Вперед! — скомандовал он. — Золото ждет нас!

Шли они медленно, с понятной осторожностью прощупывая пол под ногами, и внимательно изучая потолок. Кое-где кирпичи свода заметно просели и могли обрушиться в любой момент. При этом Стасик затруднялся сказать, возможность чего пугает его больше — мгновенной гибели под завалом, или того, что рухнувший свод может отрезать им путь наружу. Все-таки быстрая смерть выглядела предпочтительнее, чем медленное угасание от голода и жажды в темных и сырых катакомбах. Но на самом деле Стасик не хотел ни того, ни другого. Он бы предпочел выбрать жизнь, желательно долгую и счастливую.

Паутинок в иных местах было столько, что приходилось прорубаться сквозь них лопатой. Однако сами пауки на глаза пока не попадались. То ли они давно вымерли или откочевали в другое место, то ли затаились и выбирали удачный момент для атаки. Стасик содрогался от ужаса и отвращения, когда представлял себе, что на его макушку шлепнется огромный паук и

начнет шевелить его волосы своими мерзкими мохнатыми ножками.

Воздух был затхлым и сырым, на кирпичных стенах поблескивали капельки конденсата. Пол, некогда выложенный тем же кирпичом, давно покрылся слоем просыпавшейся сквозь щели земли.

— Ты уже придумал, на что потратишь свою часть клада? — спросил Васек, переполненный каким-то нездоровым оптимизмом.

Стасик счел, что строить подобные планы несколько преждевременно, но все же ответил:

— Уволюсь с фермы первым делом. Может, переберусь в город.

— А я свою ферму куплю, — размечтался Васек.

— И будешь разводить свиней?

— Нет. Свиньи, это хорошо, но надо смотреть в перспективу. Поверь мне — будущее за говядиной. Поэтому заведу коровок.

Стасик вновь поразился несправедливости бытия. Вот взять их двоих, его и Васька. Обоих распределяющая магия направила на ферму. Но Васек здесь счастлив и не мечтает об иной судьбе, а он, Стасик, живет, словно в аду. Разве это правильно? Разве так должны обстоять дела в правильном-то мире? И разве не могли высшие силы, или кто там все решает, сделать его крутым магом? Что им, трудно, что ли, было? Случись это, и он бы не лазал сейчас по каким-то старым подвалам в компании свинаря, а жил бы во дворце. И прекрасная Лаура ухаживала бы за ним. То есть Стасик знал, что это кавалеру положено ухаживать за дамой, но он не был силен в этой дисциплине, вообще не знал, с чего следует начать и как продвигать дело. А потому решил, что пусть лучше девушка его мечты ухаживает за ним. И не только она одна. Все волшебницы сохли бы по нему, бегали бы за ним стайкой, изо всех сил пытались бы привлечь к себе его высочайшее внимание....

Стасик настолько погрузился в любовные грезы, что утратил бдительность. И это незамедлительно аукнулось. Его нога внезапно провалилась в какую-то подло возникшую на пути ямку, и он едва не полетел носом в пол. Хорошо, успел схватиться рукой за поросшую противным влажным мхом стену, и лишь чудом предотвратил катастрофу. А она вполне могла бы состояться, сломай он себе нижнюю конечность. Не факт, что Васек сумел бы вытащить его наружу, а если бы и смог, то впоследствии могла бы вскрыться история с их проникновением в подземелье. За что наверняка последовало бы наказание.

— Осторожнее, дружище, — посоветовал коллега. — Смотри-ка лучше под ноги. Здесь совсем не то место, чтобы мечтать о девчонках.

Стасика прошиб холодный пот.

— Я что, говорил вслух? — с ужасом простонал он, готовясь самовоспламениться от стыда.

Васек засмеялся.

— Нет, расслабься.

— А как ты узнал, о чем я думаю?

— О чем еще в твоём возрасте можно думать? Помню, когда мне было шестнадцать, я к подруге в соседнее село на свидания бегал. Туда восемь километров и обратно столько же. Пешком. Обратно возвращался уже ночью. А места там были глухие и темные. Справа лес чернеет, слева болото темнеет. Идешь, земли под собой не чувствуешь. Страх такой, что так и подмывает на бег перейти. И думаешь — нет, больше я не пойду. Ну их, эти свидания! Пока домой вернешься, за малым не поседешь. А на следующий день все равно идешь.

Стасик попытался поставить себя на место коллеги и понял, что он бы ни за что на свете не пошел на свидание в таких нечеловеческих условиях. Васек храбрый, он всего лишь боялся. А окажись Стасик темной ночью между лесом дремучим и болотом жутким, он бы там навеки и остался. Нашли бы поутру его хладный труп с разорванным от страха сердцем и запятнанным исподним. Нет уж, нет уж, лучше как-то своими силами обходиться, без свиданий, чем погибнуть лютой смертью.

Подземный коридор тянулся вперед, и казалось, ему не будет конца. По ощущениям Стасика они успели отшагать приличное расстояние, и давно должны были оказаться под Форингом.

— Далеко еще? — спросил он у спутника.

— Нет, уже скоро, — ответил тот довольно неопределенным образом.

Скоро могло означать все, что угодно, но Стасик не стал добиваться конкретики. Раз уж ему не хотелось лезть сюда, следовало проявить твердость и отказаться еще на поверхности. А теперь уже поздно сожалеть о содеянном.

Тем не менее, Васек сказал правду. Минут через пять их коридор влился под прямым углом в другой тоннель. Тот оказался значительно шире, а стены его были выложены не глиняными кирпичами, а крупными каменными блоками.

— Ну вот, — сказал Васек, — мы уже под городом. Над нами Форинг.

Стасик задрал голову к потолку и невольно съежился от нахлынувшего страха. Над ними Форинг. Тысячи и тысячи тонн камня, кирпича и дерева. И как до сих пор эти тоннели не обрушились под давящей на них тяжестью? И что куда важнее, не сделают ли они этого прямо сейчас?

— Ну-с посмотрим, — произнес Васек, извлекая из кармана карту катакомб. — Так, в настоящий момент мы здесь.

Стасик подошел к коллеге и тоже бросил взгляд на карту. И невольно содрогнулся, потому что никакая это была не карта. Больше всего это хаотичное нагромождение линий разных форм и размеров напоминало результат творческих потуг душевнобольного или же маленького ребенка, еще не научившегося твердо держать в руке карандаш. По мнению Стасика, с такой картой их шанс заблудиться только возрастал.

— Ты хоть что-нибудь понимаешь из того, что здесь нарисовано? — прямо спросил он Васька.

— А как же! Все понимаю. Да тут ничего сложного, я сейчас объясню. Смотри: жирные линии обозначают пригодные для прохода тоннели, те, что тоньше — это частично обвалившиеся коридоры. Пунктирной линией обозначены тоннели, ведущие в тупики. Волнистая линия обозначает пути к выходам. Правда, все выходы в черте города запечатаны, так что это нам неинтересно.

— А этот большой темный круг, что он означает? — спросил Стасик, указав пальцем на карту.

— Это? Это я вчера жиром капнул. Изучал, понимаешь, карту вечерком, а заодно свинину кушал.

Стасик, выслушав коллегу, понял ровно одно — если с Васьком что-то случится, он в одиночку ни за что на свете не сумеет выбраться из этих подземелий, и мутная карта ему в этом нисколько не поможет.

Когда они миновали пятый по счету поворот, Стасик счел нужным озвучить предложение, которое давно уже вертелось у него на языке.

— Может, давай вернемся? — обратился он к Ваську.

И добавил как бы между делом:

— Пока еще не слишком поздно.

— Да не трусь ты, все будет хорошо! — с наигранным воодушевлением подбодрил его Васек. — У меня все под контролем. Идем строго по карте. Я все повороты запоминаю.

Но Стасика эти слова ничуть не обнадежили. Его клаустрофобия продолжала разрастаться, плюс к тому он никак не мог решиться на то, чтобы начать расклеивать колдовские бумажки. Васек шел впереди, и глаз на затылке не имел, но ведь он в любой момент мог обернуться. И если коллега увидит, как Стасик приклеивает к стенам какие-то листки бумаги, исписанные подозрительными символами, то может заподозрить неладное.

Стасик подумал о том, что, может быть, будет лучше вернуться сюда в другой раз, но уже одному, но быстро понял, что у него не хватит духу совершить этот подвиг. Подземелья, это не его. То есть, будь он великим магом, искусным знатоком могущественных чар, он бы вообще не вылезал из подземелий. Но так уж сложилось, что он свинопас. И единственным, чем он может отпугнуть гипотетических монстров, это своим совершенно невкусным видом.

Стасик нащупал под рубахой тубус, и попытался откупорить его. Пробка, как назло, встала намертво. А подключить вторую руку Стасик не мог, поскольку ею он держал фонарь. Предприняв несколько безуспешных попыток, он сдался. Удача вновь была не на его стороне. Как, впрочем, и всегда.

Они миновали еще два поворота. Тревога Стасика возросла. Он не верил, что им удастся отыскать здесь какие-то мифические сокровища, а вот что они вполне могут найти в этом подземелье крупные неприятности, вполне допускал.

— Слушай, ну пойдём уже обратно, — взмолился он.

— Да погоди ты! — отмахнулся Васек. — Давай вначале проверим одно место.

Вот не хотелось Стасику в одно место, но бесхребетный характер не позволил ему воспротивиться с непоколебимой настойчивостью. И он покорно поплелся за Васьком.

Еще три поворота остались позади. Тоннель, в котором они очутились, выглядел совершенно заброшенным, будто сюда уже столетиями не ступала нога человека. Паутины было столько, что сквозь нее приходилось прорубаться с боем. На полу темнел щебень и мелкие косточки какой-то почившей живности.

— Да, тут точно никто никогда не ходил! — радостно произнес Васек. — Чует мое сердце, мы на верном пути.

Сердце Стасика чувало несколько иное. Конкретно то, что они все больше подвергают себя риску заблудиться в этих катакомбах навсегда.

Они миновали метров сорок тоннеля, когда в нос им ударил отвратительный смрад явно животного происхождения. Будто они приблизились к логову крупного и нечистоплотного зверя. Тут даже Васька взяли сомнения. Он в нерешительности остановился.

— Идем обратно! — умоляюще простонал Стасик.

— Давай хоть одним глазком глянем, — неуверенно предложил коллега, охваченный азартом кладоискателя. — Вдруг в двух шагах от нас лежит мешок, полный золота? Ты что себе купишь в первую очередь?

Но у Стасика не было ни сил, ни желания заниматься дележкой шкуры неубитого медведя. В настоящий момент он хотел только одного — покинуть эти подземелья живым и здоровым.

Они стали осторожно пробираться вперед. Смрад усиливался с каждым шагом. Вдруг

Васек выпалил:

— Я что-то вижу впереди!

От этих слов Стасик едва не поседел.

— Никак не пойму, что это, — пробормотал Васек, выставляя перед собой фонарь на вытянутой руке. — Неужели все-таки мешок с золотом....

Вдруг из темноты тоннеля прозвучал незнакомый хриплый голос:

— Кто здесь?

Хоровой крик ужаса прокатился по катакомбам. Васек и Стасик попятились, уверенные в том, что судьба свела их с каким-то монстром. Да и кто еще мог обитать в этих древних подземельях?

— Люди ли вы? — вновь произнес голос.

— Люди, — пискнул Васек. Стасик ничего не пискнул — от страха у него отнялся язык.

Из темноты в свет фонаря вдруг выступила сгорбленная фигура, густо облепленная паутиной. В первую секунду Стасику показалось, что это точно какой-то монстр, но мгновение спустя, присмотревшись, он понял, что ошибся. Под густой свалывшейся бородой и толстым слоем грязи смутно угадывалось человеческое лицо.

— Люди, — прохрипел жуткий незнакомец, показавшийся Стасику глубоким столетним старцем. — Давно я не видел живых людей.

Васек первым оправился от потрясения, и спросил:

— Мужик, что ты тут делаешь?

— Живу, — ответил незнакомец.

— Живешь? Здесь? Но почему?

— Так уж вышло, — ответил тот. — Я ведь не из этого мира, ребятки. Меня призвали. Сказали, что нужны воины для борьбы со злом. Обещали славу и подвиги. Я и согласился. Кому же не хочется славы?

— Мы тоже неместные, — сообщил Васек. — Ты из какого мира? Там Россия есть?

Старик скривил губы в некое подобие улыбки.

— Земляки, значит, — произнес он. — Вот ведь довелось пересечься.

— Да земляки-то земляки, — сказал Васек. — Но почему ты здесь торчишь?

Старик нахмурился, собираясь с мыслями. Это дело давалось ему с видимым трудом.

— Говорю же — предложили бороться со злом, — повторил он. — Согласился я. А меня на распределении оформили в свинопасы.

Стасик вздрогнул. Эта страшная история была хорошо ему знакома. Он и сам пережил подобную трагедию.

— Но свинопасом-то я недолго пробыл, — продолжил дед. — Не справлялся с работой. Разжаловали в золотари. Вот однажды начальник меня сюда послал, засор почисть. А я взял да и заблудился.

И старик зашелся совершенно безумным смехом.

— И сколько ты уже здесь кукуешь? — спросил Васек.

— Не знаю, братцы. Я на пять лет нанимался.

Тут, словно опомнившись, он быстро спросил:

— Мужики, вы мне только одно скажите: почем сейчас ваучер?

— Кто? — не понял Васек.

Стасик тоже не понял, о чем идет речь. Но догадался, что этот бедолага провел в подземелье не пять и даже не десять лет.

— Мужик, — осторожно сказал Васек, — давай мы тебя наружу выведем.

— Не, не надо, — отмахнулся тот. — Я уже здесь обвыкся. Там снаружи суета. Работать надо. Все на тебя кричат, что-то требуют. А тут хорошо, спокойно. И еды хватает. Вы как сами, не голодные? А то у меня там сушеная крыса есть, почти целая.

Васек и Стасик медленно попятились от странного деда.

— Спасибо, мы как-нибудь в другой раз, — отказался от угощения Васек. — Мы спешим. Нам уже пора.

— Ну, как знаете, — прохрипел дед. — А то заглядывайте, я специально для вас мокриц наловлю. Сочные, вкусные. Пальчики оближешь.

Но кладоискатели уже не слушали старика. Они бежали прочь, желая лишь одного — как можно скорее покинуть ужасное подземелье.

Васек оказался более проворным, и быстро выбился в лидеры. Стасик едва поспевал за ним. Когда он выбежал в длинный коридор, одна из стен которого состояла из громадных блоков, то выяснил, что коллега умчался далеко вперед. Свет его фонаря был едва различим. Но Стасик не испугался. Он помнил этот тоннель, и знал, что тот ведет к выходу.

Поставив на пол фонарь, Стасик суетливо вытащил из-за пазухи тубус, снял крышку и вытряхнул из него листы бумаги. Взял один из них и ладонью прижал к стене. Ожидал, что придется держать долго, но лист, едва соприкоснувшись с камнем, тут же впитался в его поверхность.

Бросив тубус на пол, Стасик подхватил фонарь и пошел по коридору, лепя листы через каждый шаг. Он успел приклеить пятнадцать штук, когда вновь увидел впереди свет фонаря Васька. А затем прозвучал и голос коллеги.

— Эй, ты там где? — позвал тот.

Стасик прижал к стене шестнадцатый лист, а остальную пачку бросил на землю. У него не было времени на то, чтобы расклеивать их все. Сколько успел, столько успел. Пусть Риана скажет ему спасибо и за это.

Васек подбежал к нему и спросил:

— Что с тобой? Почему ты здесь застрял?

— Да я оступился, — соврал Стасик.

— Идем отсюда скорее! Ты видел этого мужика? Вот же бедолага. Если заблудимся тут, станем такими же, как он.

Стасику тоже не хотелось задерживаться в катакомбах. Он сделал порученную ему работу в том объеме, в котором сумел. Ему хотелось надеяться, что этого будет достаточно, и Риана в благодарность заберет его с собой в империю зла. Там, по крайней мере, у него появится шанс стать кем-то, кроме безнадежного свинопаса. Свинопаса, которого в любой момент могут разжаловать в золотари. А затем отправить чистить засор в катакомбы. И когда золотарь не вернется с опасного задания, никто не заметит его исчезновения. Он же не паладин и не маг. Он пустое место. И будет несчастный школьник бродить во тьме подземелья, оглашая тоннели своими криками и рыданиями. Вскоре страх и отчаяние сведут его с ума. Он забудет свет солнца, забудет о самом существовании внешнего мира. Одичав и обезумев, он станет наощупь охотиться на крыс и мокриц, а затем пожирать их заживо. И таким вот нехитрым манером проведет остаток своей несчастной жизни.

От подобной перспективы Стасика бросило в пот. Он схватил Ваську за руку и выпалил: — Давай выбираться! Сейчас же!

И они заспешили к выходу. Стасик едва не наступал Ваську на пятки, постоянно

оглядываясь за спину. Ему чудился позади звук чьих-то шагов. Уж не безумный ли дед преследует их? Вот как подкрадется, как схватит, и утащит во тьму.

В общем, свой первый поход в данж правильного мира Стасик оценил на двойку с минусом. Уже позднее, когда они выползли из норы на свет божий и облегченно выдохнули, Стасик поспешил ободрить себя. Чего он, собственно, ждал, идя в подземелье в качестве свинопаса? Вот когда он станет великим черным магом, некромантом или еще каким-нибудь крутым парнем, тогда и начнет проносить подземелья в соло. А пока он свинопас, лучше бы держаться от них подальше. И от них, и от всех иных возможных опасностей.

— Как это — не хочешь идти? — удивленно воскликнул Васек. — Да ведь это важнейшее событие в жизни Форинга! Такой праздник случается не каждый день.

— А мне все равно, — сердито проворчал Стасик, и отвернулся от коллеги.

— Нет, ты это брось! Когда еще нас, свинопасов, станут угощать бесплатно? Да не абы чем, а пивом и пирогами.

Стасик поморщился, с отвращением наблюдая стадо свиней, которое разбрелось по лугу в пределах наспех возведенного ограждения. Это ограждение им с Васьком приходилось переносить с места на место каждые две недели. Хрюшки подьедали и вытаптывали всю растительность на каком-то участке, после чего происходила смена дислокации их стада.

— Посвящение в паладины — великое и значимое событие, — пафосно изрек Васек. — Даже магов и целителей не чествуют так, как святых рыцарей, посвятивших себя служению добру. И ты хочешь это пропустить? Пропустить бесплатное угощение, танцы, песни и волшебный фейерверк? А девчонки! Дружище, там же будут девчонки. Все, и из самого Форинга, и с окрестных деревень. Может, найдешь себе подругу и сразу повеселеешь.

Траурная физиономия Стасика приобрела еще более кислое выражение. Что-то подсказывало ему, что при его-то престижной профессии у него нет ни малейшего шанса на успешный пикап. И это уже не говоря о том, что в общении с девушками он всегда был робок и неумел. Как только оказывался в опасной близости от представительницы противоположного пола, сразу глупел впятеро, даже два слова связать не мог. Стань он великим магом, этот почетный статус придал бы ему уверенности в себе. Но он свинопас, и этим все сказано. А должность свинопаса рушила его и без того жалкую самооценку ниже уровня грунтовых вод.

— Ты как хочешь, а я тебя на праздник хоть силой, но потащу! — пригрозил ему Васек. — Даже не думай отсиживаться в своей берлоге, когда весь Форинг будет веселиться.

Праздник! Как же! Возможно для всех жителей Форинга, и для Васька в том числе грядущее торжество действительно было праздником. Но для Стасика намечался один из самых черных дней в его недолгой жизни. Ибо в этот день его злейший враг, его вечный обидчик Колька станет паладином. Притом этого потрясающего успеха он достиг за рекордно короткий срок. Никому прежде даже не снился столь стремительный взлет по карьерной лестнице от обычного рядового новобранца до элитного рыцаря. А ведь это только начало. Если так пойдет и дальше, то Колька через пару лет выбьется в верховные паладины Форинга, а потом, чего доброго (об этом даже думать было тошно) возглавит рыцарский орден Ангдэзии. То есть станет третьим, после короля и королевы, человеком во всей державе. А еще Васек недавно рассказал Стасику, что у короля есть молоденькая дочка, как и полагается — красавица невероятная. Ну и вот оно все и сходится. Кому же еще взять в жены наследницу престола, как не величайшему герою Ангдэзии? В общем, не успеешь оглянуться, а Колька уже король.

Самое ужасное заключалось в том, что вся эта леденящая кровь фантазия вполне могла обернуться явью. Вообразив себе, что ненавистный Колька выбьется в короли, Стасик только чудом не разрыдался. Его обидчик взойдет на трон Ангдэзии, а он, всю жизнь проведенный в мечтах о правильном мире и геройской карьере, останется все тем же ничтожным свинопасом.

Впрочем, у Стасика еще оставалась крошечная надежда на перемены. Он ведь расклеил злодейские свитки. Правда, прилепил их не на саму стену, а на ее фундамент. Но Стасик надеялся, что это не так уж и важно, и черная магия сумеет сработать даже из-под земли. Еще бы Риана не оказалась обманщицей, и не забыла о нем. Он готов был покинуть Форинию же минуту и смело отправиться в новую жизнь, что ждала его по ту сторону нейтральной полосы. Не сложилось ему стать героем добра, ну и ладно. На добре свет клином не сошелся. Отныне путь его — зло! Трепещи же, ненавистный Колька, недолго тебе почивать на лаврах и купаться в женском обожании. Великий черный маг Стасик Мрачный однажды явится по твою душу. И заставит тебя ответить за все! А там ведь много всего накопилось. Оно долго копилось. Целых десять лет.

— Ну, так что ты решил? — вторгся в его мысли голос Васька.

— Ты о чем? — не сразу сообразил Стасик, чья фантазия унесла его далеко, в иной, очень правильный мир, где он стал могучим черным магом и жестоко поквитался с жалким и трусливым паладином Колькой. А потом в него влюбилась Лаура, они поженились, и вместе отправились на поиски безопасных приключений.

— Да все о том же, — проворчал коллега. — Надумал идти на праздник посвящения, или мне придется тащить тебя туда на аркане?

Стасик осознал, что Васек не отцепится от него с этим праздником, и сдался. Не хотелось ему становиться свидетелем триумфа ненавистного Кольки, но, похоже, придется. Ну и ладно. Тем сильнее станет его злоба. Тем жарче в его сердце разгорится огонь мести. И когда пробьет час расплаты, могучий черный маг Стасик Ужасающий воздаст Кольке и за это.

— Ладно, так и быть, схожу, — согласился он.

— Ну! Давно бы так! — обрадовался Васек. — Вот увидишь — будет круто. На прошлое посвящение волшебники полчаса запускали фейерверки, да такие, каких ты прежде не видел. Это тебе не китайская просроченная пиротехника. Настоящая магия!

Весь город готовился к предстоящему торжеству. Днями напролет со всех окрестных ферм в Форинг нескончаемой вереницей шли телеги с продовольствием. Повара трудились без отдыха, готовя бесчисленные угощения. Горожане скупали дорогие ткани и заказывали себе наряды для предстоящего торжества. Герои не вылезали от портных. Каждый стремился выделиться своим внешним видом. Особенно усердствовали волшебники, придумывающие себе совершенно невероятные мантии. У одних узорная вышивка светилась магическим огнем, у других на плечах сидели крошечные фантомные дракончики и извергали язычки пламени. А когда разнесся слух, что в одну из лавок завезли шелковые чулки из самой столицы, девушки взяли торговую точку штурмом и опустошили ее запасы за пятнадцать минут.

Все, от первого паладина до последнего крестьянина, были счастливы ожиданием торжества. И лишь один человек во всем Форинге ждал этот день как свою казнь. Стасику очень хотелось, чтобы Риана забрала его в империю прежде, чем произойдет посвящение Кольки в рыцари, но время торжества все близилось, и ему стало ясно — чуда не случится. Похоже, ему все-таки предстояло стать свидетелем триумфа своего кровного врага.

День посвящения приближался, приближался и, наконец, настал. Всю ночь накануне Стасик спал плохо. Ему непрерывно снились какие-то ужасы, роль главного монстра в которых досталась ненавистному Кольке, так что проснулся он чуть свет, разбитый, больной и уставший, будто всю ночь напролет самоотверженно пас свиней. Выглянув в окно, Стасик

заметил снаружи ясное небо без малейшего облачка на нем. Будто сама природа подыгрывала Кольке, организовав, как по заказу, самую лучшую погоду. А ведь Стасик так надеялся на дождь, а еще лучше град, а еще лучше, чтобы разразился конец света, и все, включая Кольку, умерли бы страшной смертью. Но нет, не сбылось. Даже в вопросе осадков правильный мир был на Колькиной стороне.

— Не пойду я на этот шабаш, и точка! — проворчал обиженный на весь белый свет Стасик, рухнул обратно на кровать и накрылся с головой своим старым одеялом.

Он стал страстно мечтать о том, как однажды покарает Кольку за все хорошее, и сам не заметил, как вновь задремал. Из этого состояния его вырвал громкий стук в дверь.

Автором его оказался Васек — нарядный, лучащийся улыбкой, твердо настроившийся повеселиться сегодня в городе.

— Только не говори, что ты еще не вставал! — потребовал он у Стасика.

— А который час? — спросил тот, щуря на свет опухшие глаза.

— Давно за полдень. В Форинге уже гудят, даже отсюда слышно. Я вот сам задержался, дела возникли. Думал, ты уже ушел без меня.

— Да я, наверное, не пойду, — заюлил Стасик. — Что-то мне нездоровится. Голова болит....

Но врать он никогда не умел. Его школьные учителя могли бы это засвидетельствовать. Сколько он ни пытался отпроситься с уроков по причине внезапно возникшего недомогания, у него ни разу не выгорело. Вот и Васек без труда раскусил его ложь.

— Да ты просто заспался, вот и все! — заявил коллега. — Шутка ли — целый день дрыхнуть. Что ты ночью делал?

— Спал, — ответил Стасик.

— Ну, все ясно. Если сутки проспять, то любой себя больным почувствует. Ты вот что — собирайся, одевайся, и погнали в город. Сейчас как ударим по пирогам, да как пройдемся по колбасам, да как пивом все это дело смочим. Сразу оживешь!

Стасик сомневался в том, что даже самые лучшие угощения способны вернуть ему бодрость духа и вкус к жизни. Но упираться и дальше он не стал. Решил — будь что будет.

На сборы не ушло много времени. Его скромный гардероб не оставлял простора для импровизаций, поскольку состоял всего из двух комплектов одежды: крестьянской рабочей и крестьянской парадной. Различались они только степенью изношенности. Умываться, причесываться и наводить прочий марафет Стасик не стал. Ради чего? В своем наряде свинопаса он свинопасом и останется, хоть умытый, хоть нет. Да и вряд ли кто-то обратит внимание на него, простого крестьянина. Там ведь будет на кого посмотреть и помимо свинопасов.

— Ну, ты хоть бы причесался, — укоризненно сказал Васек, когда Стасик вышел из своего домика и прикрыл за собой дверь. Выражение лица у него при этом было такое, будто он собрался на собственные похороны.

— Да ладно, — отмахнулся Стасик. — И так сойдет.

Со стороны Форинга неслась задорная музыка, ей вторили радостные крики. Похоже, пирушка была в самом разгаре.

Вдвоем они направились по дороге в сторону главных ворот. Васек договорился встретиться со своей подружкой в городе, а все остальные окрестные крестьяне уже давно были внутри — пили, ели и веселились.

По мере приближения к воротам настроение Стасика мрачнело все сильнее. Пару раз

его одолевало страстное желание развернуть оглобли и броситься обратно в свою хижину. Но он сдержался. Сам не знал, почему. Ему совершенно нечего было делать на этом празднике. Даже обещанные угощения не прельщали его. Грандиозный Колькин успех навеки отбил у Стасика аппетит.

— Ты бы хоть улыбнулся, — посоветовал ему Васек. — Нельзя с такой кислой миной идти на торжественное мероприятие.

Стасик едва сдержался, чтобы не излить коллеге душу. А слова признания так и рвались из него. Очень бы хотелось ему объяснить хоть одной живой душе на всем белом свете, что этот праздник должны были устроить в его честь. Это он должен был стать героем, это его должны были чествовать и воспевать. Но Колька, ненавистный Колька, украл у него все: славу, успех, девушек, мечту. Весь этот правильный мир.

— Не хмурься, — посоветовал Васек и похлопал его по плечу. — Грянет еще праздник и на нашей улице.

Но Стасик отлично знал, что улица свинопасов никогда не станет местом проведения праздничных мероприятий. Торжества устраивают в честь героев — благородных паладинов, великих чародеев и искусных целителей. В честь свинопасов праздников не устраивают. Ни в этом мире, ни в любом другом.

Миновав ворота, Стасик понял, что сегодня он будет единственным хмурым человеком во всем Форинге. В городе уже полным ходом шла гулянка. Прямо на улицах были расставлены столы, к которым каждый желающий мог подсесть и вволю угоститься всем, что ему приглянется. Всяческих угощений наготовили столько, что в иных местах они высились настоящими горами. Бочонки с пивом, еще почему-то полные, и уже опорожненные, образовывали настоящие баррикады. На сооруженной перед резиденцией ордена сцене выступали вокалисты разной степени одаренности. В тот момент, когда Стасик с Васьком влились в бурлящую толпу горожан, на сцене блистала дарованием худенькая девушка в полупрозрачном платье, которая тоненьким, но неожиданно громким, голосом тянула приятную уху балладу о любви отважного паладина и прекрасной волшебницы. Музыкальное сопровождение создавалось усилиями ансамбля, сносно обращавшегося с нехитрыми инструментами.

— Как поет, а! — не сдержал эмоций Васек. — Я эту балладу уже слышал прежде. Она такая романтическая. Паладин и волшебница любили друг друга, но злая судьба разлучила их. Пройдя через невыносимые испытания, они вновь встретились....

— После чего жили долго и счастливо, — мрачным тоном проворчал Стасик.

Васек неодобрительно покосился на него.

— Да какая муха тебя укусила? — спросил он прямо. — Весь город веселится, а ты, как будто, не рад.

— Да рад я, рад, — заверил его Стасик, только чтобы прекратить допрос. — Говорю же — голова разболелась. Пойду, съем что-нибудь.

— Вот это правильно. А мне надо свою волшебницу найти. Ты тут не теряйся. Давай позже встретимся вон там, ближе к сцене. Не хочется пропустить посвящение.

— Хорошо, — согласился Стасик, и Васек отправился искать свою подругу.

Отделавшись от коллеги, Стасик вновь помрачнел. Звучащая песня, несмотря на всю ее красоту и вокальный талант исполнительницы, люто бесила. Конечно, если петь, то о паладинах и волшебницах. О свинопасах тут точно не споют.

Просочившись сквозь толпу, Стасик достиг бесконечно длинного стола. Почти все

места были заняты, но ему удалось втиснуть свое незначительное тельце между двумя горожанами. Здесь, вдали от сцены, пил-гулял простой люд: ремесленники, торговцы и крестьяне с ферм. Публика почище, то есть герои и знать, обосновалась ближе к резиденции ордена. Там и столы были лучше, и блюда изысканнее, и сидели господа и дамы не на грубо сколоченных скамьях, а каждый на своем персональном стуле, обязательно со спинкой и даже подлокотниками. Героев обслуживала прислуга, черни приходилось справляться своими силами.

Стасик решил утопить горе в еде, и тут же обрушился на пирог с мясом. Он старался не слышать ни пения исполнителей, ни разговоров за столом, но уши ведь не отключишь. А потому невольно становился свидетелем чужих бесед. Говорилось, в основном, о Кольке. О том, какое же это счастье, что судьба послала Форингу столь эпического героя. Многие прямо предрекали скорый конец войне, потому как Колька со дня на день непременно должен был расправиться с темным властелином, и прижать к ногтю всю империю. Особо невыносимы были женские разговоры о Кольке. Тот, похоже, успел выбиться в секс-символы всего Форинга и обзавелся многочисленной армией фанаток.

Почувствовав, что его вот-вот стошнит от всей этой хвалебной болтовни в адрес мучителя, Стасик покинул стол и решительно направился к городским воротам. Хватит с него! Лучше вернуться домой, упасть на кровать и залить слезами подушку.

Но унести ноги не удалось. Его заметил Васек, нашедший, к тому времени, и свою подругу, и своих друзей. Стасика силой взяли под руки, и потащили ближе к сцене, где компания успела застолбить себе местечко.

— Да я лучше пойду! — упирался Стасик. — У меня живот болит.

— Пройдет! — обнадежил его Васек. — Сейчас на героев посмотришь, сразу забудешь о своих болячках.

Место, которое подыскала себе компания Васька, действительно располагалось неподалеку от сцены. И неподалеку от длинного стола, за которым разместились герои Форинга — отважные воины и могучие маги. Вот за каким столом он должен был восседать. Ну как, как только он мог не оказаться ни паладином, ни чародеем? Почему у него не нашлось никаких геройских способностей? Это было до слез обидно и несправедливо, и Стасик отвернулся, лишь бы не мучить себя видом чужого успеха.

Так прошло несколько часов. Васек и его приятели отрывались на полную катушку — ели, пили, плясали, даже ввязались в драку, которая завершилась совместным распитием пива. Отовсюду несся смех, город буквально переполнился радостью. И лишь один человек был мрачен и угрюм. Стасика пытались вовлечь во всеобщее веселье, но он упорно отказывался участвовать в плясках, конкурсах и прочих нехитрых забавах. Его не тронули ни выступления бардов, ни номера акробатов, ни жонглер, ловко держащий в воздухе пятнадцать горящих факелов одновременно. Он все пытался уличить удобный момент, и сбежать, но Васек не спускал с него глаз. Кажется, коллега все еще лелеял надежду развеселить юного приятеля. Если так, то он зря старался. После того, как правильный мир обрек его на участь свинопаса, из жизни Стасика навеки ушла вся радость.

Незаметно подкрались сумерки. Форинг вспыхнул тысячами огней — как простых фонарей, так и магических шаров, запущенных в воздух волшебниками. Те повисли над кишачими людьми улицами, изливая сверху яркий свет. Шары были разноцветными, из-за чего город окрасился в целую палитру оттенков.

Приближалось время посвящения. Его нарочно назначали на вечер, чтобы церемония

стала достойной кульминацией эпического праздника. Впрочем, народ явно собирался гулять до утра, а кое-кто уже решил продолжить это дело и на следующий день. Но только не Стасик. Уж он-то точно не планировал задерживаться в городе на ночь. Посмотрит посвящение, и пойдет к себе в хибару, плакать, горевать и проклинать судьбу.

Вот, кончив выступление, сцену покинул очередной исполнитель, и на ней появился верховный паладин Ильнур. Его прекрасное тело покрывали золотые латы, начищенные, по случаю торжества, до зеркального блеска. Отражая свет фонарей и магических шаров, доспех рыцаря сиял так, что на него было больно смотреть.

Вместе с Ильнуром на сцене появилась верховная волшебница Лаура, как всегда ослепительно прекрасная. Взглянув на нее, Стасик невольно прикусил губу. По всем законам жанра красавица должна была достаться ему. Ну, по крайней мере, именно так и случалось в историях о никчемных олухах, чудесным образом попавших в мир меча и магии. Стасик очень любил эти истории, пока жил в своем неправильном мире. И в тайне надеялся на то, что и с ним однажды произойдет нечто подобное. Вот оно и произошло. Только дальше все пошло не по канону. Это Колька должен был стать свинопасом, а он великим магом. Это Кольке полагалось влачить жалкое существование крестьянина, а ему совершать невероятные подвиги и купаться в море женского обожания. А вышло наоборот. Колька, который и в неправильном мире был успешен и крут, и здесь оказался на коне. А он сам.... Да, сам он кем был, тем и остался. Никем. Пустым местом. А в довершение всего правильный мир окончательно втоптал его в грязь назначением в свинопасы.

Стасик спрятал лицо в ладонях, чтобы никто не увидел его слез. Но старался он напрасно. Никто на него и не смотрел. Все лица дружно обратились к сцене. Люди прекратили наворачивать пироги и хлестать пиво, прекратили шуметь и плясать. Над Форингом воцарилась тишина.

Верховный паладин начал произносить свою речь. Говорил он громко, с неподдельным воодушевлением, периодически срывая бурные овации слушателей. Но Стасик был слишком сильно поглощен своим горем, чтобы вникать в эту болтовню. Да и речь, как он понял, не несла в себе никакой ценной информации и всего лишь составляла часть церемонии.

Ильнур говорил о том, как все они храбро сражаются со злом, как стойко противостоят силам темной империи. Говорил о том, что враг силен, но таких героев, как он сам и его подчиненные, не сломить ни императору Дакросу, ни всем его легионам. Затем старательно перечислил всех тех, кто вносил свой посильный вклад в дело борьбы с силами зла. Поблагодарил рыцарей, магов, целителей, затем переключился на ремесленников, торговцев, трактирщиков. Не забыл никого, кроме свинопасов. Чему Стасик был только рад. Потому как если бы и их с Васьком прилюдно нарекли героями, это бы неизбежно вызвало взрыв истерического хохота.

Постепенно, в своей речи, Ильнур стал подбираться ближе к теме мероприятия. Заметил, что хоть империя Кранг-дан и сильна, но против нее каждый день восстают все новые и новые герои. Да какие герои! Настоящие исполины, словно вышедшие напрямик из древних легенд.

Очень бы хотелось Стасику быть одним из этих героев. Но он прекрасно понимал, что речь идет вовсе не о нем. Верховный паладин имел в виду его вечного обидчика, ненавистного Кольку. Это именно ему был посвящен сегодняшний праздник.

В этот момент Стасика охватило страстное желание изменить свою жизнь собственными силами. Раз уж Риана забыла о нем, а в этом он уже не сомневался, почему бы не попытаться добраться до империи самостоятельно? Вот прямо сегодня вернуться домой, собрать свои жалкие пожитки, которые легко уместятся в небольшой мешок, и уйти навстречу новой жизни. Уйти смело и решительно, не оглядываясь назад. Прочь от всех этих героев добра, приговоривших его к худшей из пыток — наблюдать за каждодневными успехами ненавистного Кольки, оставаясь безнадежным свинопасом.

Но намеченное дело было непростым и опасным. Между Ангдэзией и Кранг-даном пролегла так называемая нейтральная полоса — ничейная земля, шириной в сотню километров. На этой территории происходили частые стычки между воинами добра и зла. Также со слов Васька Стасик знал, что на ничейной земле обитают всякие жуткие твари, считающие людей вполне приемлемым источником протеина. Нейтральная полоса была гиблым местом, разоренным бесконечной войной. Даже паладин или искусный маг побоялся бы отправиться туда в одиночку.

Вот Стасик и прикинул, каковы его шансы пересечь нейтральную полосу живым. По всему выходило, что они невелики. А даже если каким-то чудом он совершит этот подвиг и достигнет империи, где гарантия, что его не убьют на месте тамошние обитатели? Их ведь недаром называют злодеями.

В общем, желание сбежать было, а вот возможности нет. Стасик даже не попытался впасть в самообман, и убедить себя в том, что он сильный, ловкий, смекалистый и справится с любыми трудностями, вставшими на его пути. Все это было не так. Стоит ему ступить на нейтральную полосу хотя бы одной ногой, как тамошние монстры тотчас же учуют его, выследят и съедят живьем.

Ильнур, тем временем, подвел свою речь к представлению героя торжества. Под оглушительные крики толпы и грохот аплодисментов на сцену ступил Колька. Стасик невольно поднял голову и взглянул на своего врага. За недолгое время, проведенное в правильном мире, тот сильно изменился. Черты его лица стали жестче и мужественнее, и вообще было заметно, что Колька сильно повзрослел за прошедшие недели. Похоже, многочисленные битвы со злом послужили ему неслабой закалкой.

Колька был облачен в новенькие, сияющие сталью, доспехи паладина. Он имел вид настоящего воина, и Стасик вдруг осознал, что почти не узнает своего школьного учителя.

На сцене состоялся положенный обмен любезностями. Следом произошло долгое и подробное перечисление совершенных Колькой подвигов, которое многократно прерывалось восторженным ревом толпы. Затем, по знаку Ильнура, Колька опустился перед ним на одно колено. Люди жадно подались вперед, желая увидеть все подробности церемонии. Верховный паладин обнажил свой сверкающий белизной меч. Он коснулся клинком Колькиных плеч, затем головы, и торжественно провозгласил его рыцарем ордена паладинов. Толпа, только того и ждавшая, зашлась в восторженной истерике.

Мрачный Стасик, в чьих очах блестели слезы обиды и черной зависти, понял, что теперь ему точно пора. Он и так успел увидеть больше, чем могла вынести его истрадавшаяся душа. Триумф ненавистного Кольки наверняка повергнет его в депрессию на весь следующий месяц, а то и год. Все-таки следовало проявить твердость характера, и остаться дома. По крайней мере, так бы он сумел избежать очередной психологической травмы.

Стасик быстро изучил пути отступления. Он бросил взгляд на коллегу, но Васек был всецело поглощен происходящим на сцене действием, и не следил за ним. Появился шанс слинять по-тихому. Вот только дорога к воротам была плотно запружена людской массой, пробиться через которую будет нелегким делом. А тут еще стоящий на сцене Колька поднял руку, призывая к тишине, и все рты разом захлопнулись. Стасик замер на месте — начини он сейчас проталкиваться сквозь толпу, и сразу же привлечет к себе всеобщее внимание. А ему этого совершенно не хотелось. Он панически стеснялся оказываться в центре внимания даже школьного класса. А уж если на него разом уставятся сотни глаз, он, вероятно, просто помрет на месте от смущения.

Колька начал произносить свою, заготовленную заранее, речь. В ней он проявил несвойственную ему прежде скромность. О собственных достижениях тактично умолчал, зато стал, не экономя комплименты, превозносить всех вокруг. Сообщил, как дорожит своими соратниками, с которыми сражался плечом к плечу с силами зла, и заверил, что без них бы он никогда не оказался на этой сцене. Затем, на пример Ильнура, осыпал любезностями простой люд — ремесленников, торговцев, всех, кто, так или иначе, вносил свой вклад в дело борьбы с темной империей. Стасик сидел с низко опущенной головой, смотрел в землю и убеждал себя в том, что не расплатится. Столпившиеся вокруг него люди пожирали новоиспеченного паладина влюбленными глазами. Колька виделся им святым и благородным героем. И лишь один Стасик знал правду. Он на собственной шкуре изведal Колькину святость. Этот упырь десять лет издевался над ним, и продолжил бы делать это до самой смерти, представься ему такая возможность. И Стасик ни за что на свете не поверил бы в то, что Колька радикально изменился за прошедшие недели. Он просто говорил и делал то, что ждали от него другие. Прикидывался ангелочком, а в действительности оставался тем же гадом, каким и был всегда.

Новоявленный паладин долго благодарил всех, потратив на это дело не меньше десяти

минут. Кажется, он не забыл обласкать никого, кроме, разве что, свинопасов. Когда же Стасику показалось, что Колькина речь подходит к финалу, он приготовился взять низкий старт. Ему хотелось скорее оказаться дома, в убогой тесной избушке, и обрушиться на свою подушку водопады горьких слез.

— Да, я благодарен вам всем, — возвысив голос, произнес Колька. — Вы все боретесь со злом, кто-то мечом и магией, кто-то своим каждодневным трудом. Но всякий вклад в наше правое дело ценен. Даже тот, который из-за своей малости зачастую остается незамеченным. А ведь это несправедливо. Разве не больно тому, кто трудится каждый день на общее благо, но никогда не получает в ответ никакой благодарности?

Люди не поняли, на кого намекает новоявленный паладин, и начали громко перешептываться. Вроде бы он уже успел поблагодарить всех, ни о ком не забыв. Так кто же этот загадочный, вечно забытый, некто?

Стасик, меж тем, начал осторожно просачиваться сквозь толпу в сторону ворот. К Колькиным речам не прислушивался — он и без того сегодня услышал достаточно. Теперь ему предстояло хорошенько, в тори ручья, оплакать все это.

— Я хотел бы, — продолжил Колька, — вручить особую награду одному маленькому человеку. Вы едва ли знаете его. Он не воин и не маг, не кузнец и не алхимик. Но его работа тоже важна для нас всех. Он свинопас.

Толпа дружно ахнула. Стасик резко остановился, словно налетев на невидимую преграду. Смертельно побледнев, он почувствовал, как его несчастное сердце медленно сползает куда-то вниз, ближе к пяткам. Ужасное предчувствие овладело им.

— Я знаком с ним давно, — вновь заговорил Колька. — Не могу сказать, что мы друзья, но я всегда относился к нему с теплотой и оказывал посильную поддержку. И сегодня, в этот торжественный день, мне хочется отметить его скромный вклад в наше общее великое дело. Кому-то из вас он может быть известен под новым именем, которое он взял себе, придя в этот мир. Имя его — Свиностас.

Колька обвел взглядом толпу.

— Ты здесь, Свиностас? — позвал он громко. — Кто-нибудь видел его? Иногда он называется своим старым именем — Стасик.

— Кто? Свинопас Стасик? — раздался над толпой радостный голос Васька. — Да конечно я его знаю. Мы с ним вместе работаем, каждый божий день хрюшек пасем. Золотой парень! Свинопас от бога.... Да вон же он сам!

И Васек указал пальцем на Стасика, которому почти удалось раствориться в толпе.

Люди тут же расступились вокруг него, и Стасик очутился в центре пустого пространства, как амеба под окуляром микроскопа. Сотни глаз уставились на него со всех сторон. Трое волшебников даже поднялись в воздух при помощи своей магии, чтобы оттуда полюбоваться гвоздем программы.

— Свиностас, будь добр, поднимись на сцену, — попросил Ильнур. — Паладин Николай хочет вручить тебе какой-то подарок.

— Иди же, не стесняйся, — поддержала его Лаура. — Нам всем очень приятно поприветствовать тебя. В самом деле, мы часто чествуем героев, но забываем о простых людях. А ведь без них мы не смогли бы выстоять против империи и дня.

— Да Стасик лучший свинопас во всем королевстве! — не унимался Васек, которому выпитое пиво отключило все тормоза и часть мозга. — Нет, он лучший свинопас во всем мире! Он король среди свинопасов. Я так и знал, что его наградят медалью. Как увидел его

впервые, сразу понял — предо мной прирожденный свинопас. Ему на роду написано пасти свиней. И он, черт возьми, отлично с этим справляется!

На людских лицах стали расцветать улыбки. Послышались веселые смешки. Две юные волшебницы глядели на Стасика, перешептывались и хихикали. А тот стоял, как громом пораженный, и мучительно пытался вспомнить о том, как и чем ему следует дышать.

Кто-то обратился к нему и сказал:

— Ступай на сцену, тебя ждут.

— Давайте все вместе попросим Свиностаса, — задорно предложил Колька, и, подавая пример остальным, стал хлопать в ладоши, и повторять. — Свиностас! Свиностас! Свиностас!

— Свиностас! Свиностас! Свиностас! — охотно подхватила толпа.

Каким чудом душа Стасика не покинула в этот момент его несчастное тело, он потом и сам не мог понять. Потому что все предпосылки к тому, чтобы отъехать окончательно, были налицо.

Он стоял в окружении толпы людей, чуть живой от накативших эмоций и кожей ощущал каждый нацеленный на него взгляд. Все вокруг упрашивали его подняться на сцену, но Стасик впал в ступор и не двигался с места. В этот момент он пытался убедить себя в том, что все это просто сон. Невыносимо страшный сон, после которого еще три дня ходишь и вздрагиваешь. Это что угодно, но только не реальность. Реальность просто не могла быть настолько чудовищной.

Чьи-то заботливые руки легли на его плечи и повлекли в сторону сцены. Повернув голову, Стасик помутневшим взглядом разглядел широко улыбающееся лицо Васька. Коллега не подкачал в трудную минуту, пришел, что называется, на помощь. Стасик предпочел бы, чтобы Васек просто убил его на месте. Но тот делал кое-что похуже — тащил его прямо к сцене. И все это под пристальным взором сотен глаз.

— Да ты не робей, дружище! — весело советовал Васек, толкая Стасика руками в мокрую от пота спину. — Не каждый день нашего брата чествуют с таким размахом. Откровенно говоря, я подобного вообще не помню. Ты будешь первым свинопасом, достигшим такого успеха. Видишь, и двух месяцев не проработал, а тебя уже заметили. Гордись!

Стасик не мог определиться, как ему поступить — расплакаться или закричать диким криком. Но он заставил себя сдержаться. Еще не хватало выставить себя истеричкой на глазах всего города. Разве мало ему той порции унижений, которую приготовил ненавистный Колька.

Перед самым подъемом на сцену Стасик уперся, не желая идти дальше. Он попытался вырваться из объятий Васька и броситься наутек, но тут его приняли стражники и вежливо, но настойчиво, повели вверх по деревянной лестнице.

Стасик будто восходил на эшафот. Голова кружилась, живот прихватывало. Он чувствовал, что может в любой момент потерять сознание. Возможно, это стало бы не самым плохим выходом из положения. По крайней мере, таким способом он избегнет того, что уготовил ему злобный Колька. А уж от этого субъекта Стасик ничего хорошего не ждал.

На сцене его тепло встретили лучшие люди Форинга. Ильнур пожал ему руку, верховная волшебница нежно потрепала по плечу. Колька стоял, смотрел на бледного, как смерть, Стасика, и чуть заметно улыбался. Любому, кто плохо знал Кольку, эта улыбка могла бы показаться исполненной доброты. Но Стасик хорошо изучил своего мучителя за десять

долгих лет. Колька наслаждался его унижением, он буквально ликовал, наблюдая за тем, как трясет и корежит несчастную жертву.

— Ну, так какой же дар ты приготовил для нашего дорогого Свиностаса? — спросил Ильнур у новоявленного паладина.

— Награду, которой я хотел бы отметить его заслуги, — с серьезным видом ответил Колька. — Сейчас, она у меня здесь, за кулисами.

Стасику с новой силой захотелось удариться в бегство, но он не видел ни одного пути отступления. Все подступы к сцене были запружены плотной человеческой толпой. Люди напирали все ближе, желая разглядеть приготовленную для свинопаса награду.

— Не волнуйся так, — ласково сказала Лаура, тронув Стасика за руку.

Тот сильно вздрогнул и с ужасом уставился на верховную волшебницу.

— Что? — прохрипел он.

— Я сказала, чтобы ты не волновался, — улыбнулась красавица. — Ты, видимо, смущен всеобщим вниманием, но бояться не нужно. Все эти люди рады за тебя. И Николай тоже рад. Он ведь для тебя старался.

Стасик поразился тому, как такая глупая девушка могла освоить магию. Неужели она не понимала, что Колька просто издевается над ним? Это ведь было ясно, как день. Но все вокруг будто ослепли, и, глядя на школьного садиста, видели на его месте благородного человека и доблестного воина, отличающегося примерной святостью.

Возвратился Колька. Он нес в руках какой-то предмет, накрытый сверху большой белой салфеткой. Стасик почувствовал слабость в ногах и желание покончить с собой. Что там у него? Что он ему приготовил? Что-то отвратительное и ужасное — это ясно. Но что? Неизвестность пугала больше, чем предстоящее унижение.

— Мы давно знакомы с тобой, Свиностас, — сахарным голосом заговорил Колька, глядя своей жертве прямо в глаза, — и пусть нам не довелось стать друзьями, я всегда относился к тебе с большим уважением и считал достойным человеком.

А вот Стасик помнил иное. Начиная с первого класса, этот негодяй только и делал, что издевался над ним, повышая свой статус среди одноклассников за счет чужих страданий.

— Оказавшись в этом мире, ты добросовестно исполнял обязанности свинопаса, — продолжил Колька. — Я рад, что ты нашел себя, нашел дело всей своей жизни. И потому прими от меня эту награду в знак признания твоих заслуг.

Он резким движением сдернул с предмета салфетку. Стасик взглянул на свою награду, и почувствовал, что сейчас его точно стошнит.

Перед ним был отлитый из меди и начищенный до блеска свиной пяточок, торчащий из круглой деревянной подставки. Мастер, изготовивший эту гадость, подошел к делу с душой. Пяточок выглядел точь в точь как настоящий, казалось, что он вот-вот оживет и начнет жадно нюхать воздух в поисках желудей.

— Какая прелесть! — умилилась Лаура. — Тебе ведь нравится, милый Свиностас? Ты сможешь поставить эту награду в своем домике и каждый день любоваться ею.

— Прекрасная вещица, — согласился Ильнур. — Ты хорошо поступил, Николай, что догадался почтить этой наградой Свиностаса. В твоем поступке я усматриваю глубокий и мудрый символизм. Так мы показываем, что все в королевстве, от первого паладина до последнего крестьянина, едины в борьбе со злом.

Стасик с ненавистью таращился на сияющий свиной нос, и осознавал, что сдержать слезы ему не удастся. Только бы суметь покинуть город прежде, чем из его груди хлынут

потоком горькие и безудержные рыдания. Он не хотел позориться еще больше, распутив нюни у всех на виду. Хотя, после вручения ему такой награды, опозориться еще больше будет непросто. Больше, потому что, уже некуда.

Колька с широкой улыбкой, которая так и рвалась исторгнуть из себя полный злорадства хохот, протянул ему награду. Будь у него выбор, Стасик ни за что не взял бы в руки эту дрянь, но он прекрасно понимал, что иначе его просто не отпустят со сцены. А ему хотелось только одного — чтобы все это скорее закончилось. Ему бы доползти до своей избушки, запереться на засов, а после упасть на пол и тихо умереть от стыда.

Никогда еще он так сильно не ненавидел этот проклятый правильный мир.

Стасик медленно поднял дрожащие руки и принял омерзительную награду. Та оказалась неожиданно тяжелой — мастер, изготовивший это недоразумение, не пожалел на него металла. Зрители, толпящиеся вокруг сцены, радостно зааплодировали. Ильнур и Лаура тоже хлопали в ладоши.

Решив, что все самое страшное уже позади, Стасик приготовился направиться к лестнице. Но он недооценил своего мучителя.

— А теперь речь! — потребовал Колька, схватив Стасика за плечи и толкнув к краю сцены.

Тот оказался перед целым морем людских лиц, смотрящих прямо на него, и почувствовал сильнейшее головокружение. Все-таки он точно грохнется в обморок, этого-то Колька и добивался.

— Давай, дружище, не стесняйся! — донесся до его ушей радостный крик нетрезвого Васька. — Рубани всю правду-матку!

— Да, давай! — подхватила толпа.

Стасик попятился от края сцены. В его широко распахнутых от ужаса глазах стояли слезы. Он чувствовал, что вот-вот сорвется, упадет на доски помоста и расплачется самым позорным образом.

— Ну же, — подбодрил его Ильнур, — скажи пару слов.

Но Стасик сейчас находился в таком состоянии, что не сумел бы вытолкнуть из своего горла и одно коротенькое словечко. Он вообще забыл навык разумной речи.

— Свиностас! Свиностас! — принялась скандировать толпа, дружно хлопая в ладоши.

Стасик попятился, прекрасно понимая, что сейчас он побежит. Неважно куда. Лишь бы забиться в какую-нибудь нору и скрыться от людских глаз. Он чувствовал себя загнанным зверем. Ну, не совсем зверем. Зверьком. Некрупным и трусливым. Кем-то вроде маленькой мышки или хомячка.

Он был так поглощен своими переживаниями, что не почувствовал, как сцена вздрогнула под его ногами. А вот все остальные жители города ощутили это очень хорошо.

— Что это было? — удивленно спросил Колька, вопросительно глядя на Ильнура. — Землетрясение?

— Их здесь никогда не случилось за всю историю Форинга, — ответила Лаура, на чьем прекрасном лице возникло выражение тревоги.

Толчок повторился, и, в этот раз, вышел сильнее прежнего. Кое-где с крыш посыпалась черепица, со звоном лопнуло несколько оконных стекол. Всю веселость разом вынесло из голов горожан. На их лицах теперь застыли тревога и страх.

— Если это землетрясение, мы должны вывести людей из города, — сказал Ильнур. — Внутри оставаться небезопасно. Мы...

Следующий толчок оказался такой силы, что сцену буквально подбросило в воздух. Ильнур и Колька удержались на ногах благодаря тренированным телам, Лауру выручила магия. Стасика никто не выручил, и он со всего маху грохнулся задом на доски. От боли у него потемнело в глазах. Он выронил из рук медный пяточок и обхватил ладонями отбитые при падении ягодицы.

Последствия третьего толчка оказались разрушительными. Несколько городских зданий опасно просели, а одно наклонилось так, что с его кровли дождем ссыпалась вся черепица. Толпа людей разразилась криками. Народ, толкаясь, бросился к воротам.

— Сохраняйте спокойствие! — громовым голосом прокричал Ильнур. — Не создавайте давки!

Вскочившие со своих мест герои попытались организовать эвакуацию гражданского населения, но не смогли пробиться сквозь плотную толпу. Маги парили в воздухе, отдавали приказы, призывали не поддаваться панике, но их никто не слушал. А затем над городом прозвучал чей-то истошный крик:

— Ворота не открываются! Их заклинило!

— Проклятье! — выругался Ильнур. — Лаура, нужно сломать ворота. Только сделай это осторожно. Там повсюду люди.

Чародейка кивнула, готовясь исполнить поступивший приказ. Но сделать этого не успела.

Вся сцена вдруг заходила ходуном. Город сотрясся от непрерывной серии мелких толчков. Стасик, забыв о своем отбитом заде, с ужасом увидел огромную толпу, мечущуюся в ужасе перед неведомой опасностью. Людей толкали, сбивали, затаптывали ногами. Вопли, рыдания, крики и мольбы слились в один жуткий звук, который оказывал сокрушительное воздействие на психику. Страх толпы передался и Стасику. Ему захотелось бежать. Почему-то родилась глупая мысль, что если он сумеет добраться до своего домика и запереться в нем, то окажется в полной безопасности. Ничего не соображая, он поднялся на ноги и заковылял к лестнице. И если бы ему удалось осуществить задуманное, то есть влиться в людскую толпу и попытаться пробиться к заклинившим воротам, на этом бы, вероятно, его приключения в правильном мире и закончились. Обезумевшая людская масса могла раздавить в лепешку даже закованного в латы паладина, а уж его, шестнадцатилетнего свинопаса, размазала бы и не заметила.

Но покинуть сцену Стасик не успел.

Раздался жуткий треск, исходящий откуда-то из-под земли. А затем по несокрушимым стенам Форинга стали расползаться извилистые полосы трещин. Притом исходили они откуда-то снизу, будто сила, сокрушающая каменную кладку, находилась где-то под городом.

— Стены! — закричал Ильнур. — Они разрушаются!

— Я чувствую черную магию! — выдохнула Лаура.

— Но как? — воскликнул верховный паладин. — Как это возможно? Ни один черный маг не смог бы проникнуть в наш город. Мы бы сразу об этом узнали.

В следующий миг стены со страшным грохотом начали рушиться. Зловещая сила размалывала в щебень огромные каменные блоки, кладка расползалась, как подцепленные вилкой макароны. К небу взметнулись клубы пыли. Крики толпы заглушил шум падающих камней. Стасик рухнул на четвереньки и визжал от ужаса. Он не сомневался в том, что пробил его смертный час. То, что происходило вокруг, больше всего напоминало конец света, и Стасик не надеялся его пережить.

— Нужно выводить людей! — закричал Ильнур. — Всех, кого сможем!

— Но ворота же заклинило, — напомнил Колька.

— Мама! — выл Стасик. — Хочу домой!

И вдруг тряска и грохот прекратились. Слышались только людские крики да шелест скатывающихся каменных обломков. Шум обвала стих. Весь город заволокло густым облаком поднятой пыли.

— Все закончилось? — недоверчиво спросил Ильнур.

Но верховный паладин ошибся. Все только начиналось.

Оглушенный грохотом обвала Стасик не сразу различил странный монотонный гул, зазвучавший где-то по ту сторону стены. А даже когда и различил, не сумел опознать его, поскольку никогда не слышал подобных звуков прежде. А вот Ильнур, похоже, слышал, и неоднократно.

— Имперский боевой рог! — выпалил он.

— Неужели это нападение? — воскликнула Лаура.

— Чем еще это может быть? — удивился верховный паладин.

Он выхватил из ножен меч с ярко сияющим белизной клинком.

— Собирайте героев, — приказал Ильнур, обращаясь к Лауре и Кольке. — Мы должны отбить атаку. Судьба всего Форинга зависит от нас.

Вновь завыл рог, на этот раз заметно громче. К этому моменту пылевая завеса стала чуть жиже, и Стасик разглядел на месте некогда несокрушимой стены огромный вал каменного крошева. Стена не просто рухнула, некая загадочная сила превратила мощные каменные блоки в мелкий щебень. То есть, почему же — некая? Пусть Стасик и был напуган до икоты, он быстро связал одно с другим, и догадался, кого конкретно следовало поблагодарить за обрушение городских стен. Все-таки бумажки с письменами, приклеенные им к фундаменту стен, оказались не какими-то безобидными шпионскими штуками.

Ильнур вскинул меч, и тот ослепительно засиял в его руке. Верховный паладин Форинга вскричал громовым голосом:

— Герои! Все сюда!

Стасик решил, что ему необходимо где-то спрятаться. С минуты на минуту здесь могла закипеть битва, и он мог случайно пострадать в ней. Сам Стасик в бой не рвался. Но война, она такая — не разбирает, участник ты, или просто мимо проходил.

Из пылевой завесы стали появляться герои Форинга. Выглядели они неважно. Парадные доспехи воинов превратились в измятый и исцарапанный металллом. Роскошные мантии чародеев висели на них изорванными лохмотьями. Сами герои имели такой вид, будто уже успели пройти через суровую битву, славно измотавшую их и лишившую большей части сил.

Несколько героев подняли на сцену бесчувственную девушку в окровавленной чародейской мантии. Целители склонились над ее телом, попытались залечить раны, но быстро поняли, что их вмешательство уже не требуется. Девушка была мертва. А воскрешать мертвых не умел ни один целитель.

— Что же я наделал? — в ужасе пробормотал побледневший Стасик, представив себе всех тех, кто погиб под завалами. Стены рухнули прямо на толпу и похоронили под собой сотни людей.

Но в полной мере проникнуться чувством вины ему помешала новая напасть. Сквозь пылевую завесу Стасик разглядел какие-то тени, взбирающиеся на гору обломков, что высилась на месте рухнувшей стены. Вначале он решил, что наблюдает выживших людей, пытающихся в спешке покинуть город. Но вскоре понял, что ошибся.

На вершину каменного вала выехал всадник. Пыль достаточно рассеялась, чтобы Стасик смог во всех подробностях разглядеть этого человека. Вез его огромный черный конь, а сам всадник был с головы до ног закован в вороненые латы. Сквозь прорези его шлема пробивался свет горящих красным огнем глаз.

Всадник поднял руку, держащую огромный меч. Темный клинок вдруг вспыхнул жутким зеленым пламенем, которое хорошо осветило копошащиеся подле всадника тени. Нет, это были не спасающиеся бегством жители города. Через пролом в Форинг плотной толпой лезли солдаты в черных шлемах. На их щитах красовался намалеванный белой краской череп, насаженный на копье.

— Убить всех! — ужасающим голосом взревел черный всадник.

Его солдаты ответили командиру дружным ревом и бросились в атаку. Горожане, едва пережившие одно бедствие, столкнулись с новой напастью. Послышались крики, вопли, рыдания — ворвавшаяся в город армия начала чинить расправу над мирным населением.

— Маги! — закричала Лаура. — Огонь по завалу! Все вместе!

Уцелевшие чародеи, еще способные держаться на ногах, выстроились в линию на краю сцены. По команде верховной волшебницы они подняли свои посохи и жезлы. Стасик, селезенкой чуя недоброе, добрался до лестницы и стал сползать вниз по ступеням. И правильно сделал. Останься он на прежнем месте, это могло стоить ему жизни.

Когда полторы дюжины волшебников ударили залпом, воздух задрожал от магии, а Стасика окатило волнами жара и холода. Эффект был довольно необычен — он почувствовал, как на его теле скручиваются опаленные волоски, и в то же время едва не покрылся инеем от накатившего мороза. Над его головой проносились огненные шары и ледяные копья, летящие в сторону завала. Там они врезались в каменную гору, взрываясь со страшным грохотом или вмораживая в лед вражеских солдат. Но огромный черный всадник не сдвинулся с места. Ни один магический снаряд не достал его. А те, что летели в цель, разбивались о невидимую преграду, не причиняя зловещему типу никакого вреда.

— Не прерывайте обстрел! — приказал Ильнур, успевший собрать вокруг себя нескольких паладинов и уцелевших воинов. — Задержите их на валу. А мы разберемся с теми, которые успели прорваться в город.

Стасик успешно скатился с лестницы и на четвереньках пополз вперед, ища подходящую норку, в которую он мог бы забиться и переждать весь этот ужас. Над его головой проносились магические снаряды и свистели стрелы. Где-то рядом прозвучал боевой клич верховного паладина, поведшего воинов в атаку.

Стасик посмотрел на вершину вала. Зловещий всадник продолжал стоять там, целый и невредимый. Вокруг него громоздились кучи трупов его polegших солдат. Какие-то обуглились, угодив под огненные шары, другие вмерзли в ледяные глыбы. Но черный всадник, похоже, не особо заботился о жизнях подчиненных. Стасику показалось, что магический обстрел забавляет его. В какой-то момент он поднял меч, нацелив острие клинка на сцену. Оружие ослепительно вспыхнуло зеленым пламенем, вслед за чем одна из волшебниц, стоявшая рядом с Лаурой, вдруг пронзительно вскрикнула и выронила из рук посох. Из носа, глаз и ушей бедняжки хлынула кровь. Прежде чем целители успели что-то предпринять, девушка издала последний вскрик и бездыханным трупом упала со сцены.

Не успел Стасик переварить этот жуткий эпизод, как увидел бегущего в его сторону крестьянина. Глаза и рот бедняги были широко распахнуты. Он что-то кричал, но Стасик не сумел разобрать слов. Да этого и не требовалось, ведь причина панического поведения крестьянина была очевидна. За ним, зверски ухмыляясь, гнался жуткий тип в черном шлеме. Он настиг крестьянина в двух шагах от Стасика, и с ходу ударил того топором в спину. Мужчина хрипло закричал и рухнул на брусчатку. Злодей в черном шлеме сгорбился над ним, воздел над собой топор и обухом размозжил жертве голову. А затем, едва прикончив

одного, повернулся к Стасику. Зверская улыбка убийцы стала заметно шире. Он обнаружил перед собой легкую добычу.

Добыча была легче, чем могло показаться. После всех увиденных ужасов Стасик впал в глубокий ступор, и даже не попытался спастись, когда тип с топором шагнул по его душу. Тот уже успел замахнуться окровавленным оружием, готовясь записать на свой счет еще одну загубленную душу, но за миг до удара вдруг пронзительно вскрикнул, выронил топор и повалился на брусчатку рядом со Стасиком. Из его спины торчала стрела с черным оперением. Никто из лучиков Форинга не пользовался такими стрелами, ибо черный цвет среди воинов добра считался моветоном. Походило на то, что злодея случайно уложил кто-то из его же подельников. И в этом не было ничего удивительного. В городе давно кипел жаркий бой: воины добра сражались с прорвавшимися в Форинг злодеями, мирные жители метались по улицам, стремясь найти безопасное укрытие. Улицы устилала окровавленные трупы, воздух гудел от заклинаний и стрел.

Стасик тупо посмотрел на убитого злодея с торчащей из спины стрелой, затем на несчастного крестьянина с разmozженной головой, после чего его обильно вырвало на брусчатку. Потрясенный пришелец все никак не мог понять, что же это происходит вокруг него. Весь этот кромешный ужас совсем не напоминал битву. А уж Стасик-то знал, как должна выглядеть настоящая, правильная битва. Он ведь принимал участие во многих эпических сражениях. И ни в одном из них даже близко не было такого лютого ада. В правильном сражении противоборствующие силы стояли друг напротив друга, и занимались взаимным нанесением урона. Входящий урон выглядел как столбики возносящихся к небу красных цифр. Лекари исцеляли раненых, убитые не валялись под ногами соратников, смущая оных своим ужасным видом, а растворялись в воздухе и переносились к ближайшей точке воскрешения. Ну, то есть, вот так вот, культурно и чистенько, и должна была происходить правильная битва. Без всяких тебе разmozженных черепов и крови, рекою льющейся по городским улицам.

Стасик поднял взгляд и увидел Ильнура с другими воинами, которые вступили в бой с прорвавшимися в город вражескими силами. Верховный паладин был хорош. Его ярко сияющий меч не совершал ни одного холостого движения — каждый удар отнимал чью-то жизнь. Солдаты в черных шлемах грудами сыпались к его ногам. Не отставали от командира и прочие защитники Форинга. Герои действовали слажено и умело. На их фоне выделялся Колька, который рубился плечом к плечу с Ильнуром, и рубился успешно. Мастерством и физической подготовкой он, разумеется, уступал верховному паладину, но дрался искусно и хладнокровно. Пока Стасик наблюдал за ним, Колька успел уложить пятерых. Остальные герои работали не менее продуктивно.

Видя, как тают силы вторжения, Стасику стало ясно, что внезапное нападение отбито. Прорвавшиеся в город злодеи ничего не могли противопоставить Ильнуру и его отряду, и пачками умирали под ударами мечей. Тех же, кто пытался прийти к ним на помощь через пролом в стене, оперативно отстреливали маги. Весь каменный склон покрылся телами убитых, и только черный всадник, совершенно невредимый, продолжал возвышаться на нем. Стасика удивило, почему этот тип, который, вероятно, и являлся начальником атаковавших город злодеев, до сих пор не сделал ноги. Ведь было очевидно, что его затея провалилась, и как только Ильнур с компанией разделается со всеми прорвавшимися в город врагами, он примется за него. Разве что черный всадник был уверен в своей силе и не боялся отряда паладинов. Но кем, в таком случае, он может быть? Неужели этим черным всадником

являлся сам император Дакрос Безжалостный?

Но Стасик тут же отмел эту нелепую версию. Будь это император, он бы привел с собой неисчислимую армию, а не ту жалкую кучку солдат, которую уже практически успели перемолоть защитники города.

Сражение подходило к концу. Последние злодеи погибали под ударами паладинов, а новые не спешили лезть через пролом в стене. Возможно, потому что поняли всю бесперспективность подобных поползновений, а возможно, что вражеский контингент попросту закончился. Оставался только черный всадник. Но возможно ли, чтобы он в одиночку сумел выстоять против коллективной мощи паладинов и магов Форинга? Если бы на стороне империи имелись такие могучие герои, Ангдэзия уже давно проиграла бы эту войну.

Вот последний из прорвавшихся злодеев пал под клинком Ильнура. Верховный паладин выпрямился, поднял свой меч, и направил его на черного всадника:

— Спускайся сюда и прими свою гибель, Мортус! — потребовал Ильнур.

Мортус? Стасик впервые слышал это имя. Но раз Ильнур знал этого типа, черный всадник определенно являлся какой-то важной имперской шишкой.

— Много чести, Ильнур! — прокричал в ответ черный всадник, и в его голосе Стасик расслышал веселые нотки. Это показалось ему странным. Потому как, на первый взгляд, причин для веселья у Мортуса было немного. Как-никак, а битву-то он проиграл.

— Все кончено, Мортус! — сказал верховный паладин. — И ты напрасно думаешь, что сумеешь унести ноги.

— О, нет, нет, нет, — раскатисто засмеялся черный всадник. — Ты ошибаешься. Все только начинается!

Он вскинул свой меч, и за его спиной появились закованные в черные латы всадники. Их было много — десятка два, пожалуй. А вместе с ними появились те, в ком Стасик безошибочно опознал магов. Похоже, именно они защищали Мортуса от летевших в него заклинаний. А уже за ними огромной, ошетилившейся копьями, толпой лезла пехота.

— Ну, что теперь скажешь? — хохотнув, спросил Мортус. — Сдавайся, Ильнур. Сдавайся, и я пощажу горожан. Почти всех.

— Я не так глуп, чтобы верить слову злодея! — бросил ему верховный паладин. — Особенно такого лживого, как ты.

Мортус привстал на стременах, и указал мечом на Ильнура.

— Принесите мне его голову! — загредел он страшным голосом. — И головы всех героев Форинга. Жителей — в расход!

Черные всадники сорвались с места и лавиной ринулись вниз по завалу. В них полетели заклинания, но все они бессильно разбились о поставленные черными магами щиты. Да и чары воинов добра потеряли свою прежнюю силу и интенсивность. Стасик понял, что Лаура и другие волшебники попросту выдохлись. Да и Ильнур со своей командой, вероятно, устали, рубя врагов на площади. Похоже, именно в этом и состоял изначальный план Мортуса. Он послал вперед тех своих подчиненных, которых не слишком ценил, а все козыри расчетливо поберег в тылу. В итоге защитники Форинга растратили все свои силы на истребление пешек. И только после этого в ход пошли серьезные фигуры.

Черные рыцари верхом на черных лошадях пронеслись сквозь толпу бестолково мечущихся горожан, оставив за собой море крови и кучи мелко порубленной человечины. Ильнур повел в бой свою бригаду, но силы оказались неравны. Черные рыцари ничем не

уступали паладинам в бою, к тому же, сражаясь верхом, они имели ощутимое преимущество. Вот, получив мечом по голове, рухнул на брусчатку один из паладинов. Следом за ним одновременно полегли два воина. Ильнур крутился, как волчок, отражая сыплющиеся на него удары. На Кольку напали два черных рыцаря, и он едва успевал отбиваться от них.

У магов на сцене тоже начались проблемы. Имперские колдуны обрушили на них целый шквал заклинаний. Волшебники из последних сил держали щит, сохраняющий в целости их и сцену. Но вот все вокруг, в том числе и парочка расположенных поблизости зданий, превратилось в оплавленные руины. Воздух содрогался от мощи пронзающих его чар. Мортус сатанински хохотал, продолжая наблюдать за битвой с безопасного расстояния. Немногих уцелевших горожан добивала вторая волна пехоты, ворвавшаяся в город вслед за черными рыцарями и колдунами.

Стасик до сих пор был жив, но чувствовал, что это ненадолго. От того кошмара, что творился вокруг него, он полностью утратил связь с реальностью. Даже забыл, что нужно хотя бы попытаться спрятаться. Вместо чего валялся на брусчатке, как коврик, и взирал на битву полными ужаса глазами. А смерть, тем временем, подбиралась к нему все ближе. Имперские пехотинцы методично истребляли все живое, не глядя на пол, возраст и прочие малозначимые детали. Кровь лилась рекой по улицам Форинга. Факелы, брошенные в окна домов, спровоцировали несколько пожаров. Над городом поднялись столбы черного дыма. Отовсюду слышался звон оружия, крики жертв и радостный хохот убийц, да еще, сотрясая воздух, проносились заклинания и с оглушительным грохотом разбивались о магический щит.

Вот под ударом черного рыцаря пал еще один паладин. На ногах остались только Ильнур и Колька. Оба были с головы до ног в крови, их доспехи утратили первоначальную форму, превратившись в изрубленный и мятый металлолом.

А Стасик валялся на брусчатке, и гадал о том, сколь болезненной будет его неминуемая смерть. Размозжат ли ему голову, как несчастному крестьянину, что пал на его глазах, или поступят более изощренно и жестоко — возьмут живым и подвергнут мучениям? Злодеи это могут, на то они и злодеи.

И стоило попадать в правильный мир меча и магии только ради того, чтобы отработать пару месяцев свинопасом, а затем погибнуть ни за что в чужой битве?

— Ильнур! — закричала Лаура. — Надо уходить!

— Нет! — прохрипел верховный паладин, отбивая очередной удар. — Мы не отдадим им Форинг! Ни за что!

Но волшебница уже приняла решение. Она воздела над головой свой посох, и кристалл на его вершине засиял ярче солнца. Вспышка на миг ослепила всех — и черные рыцари и колдуны и рядовые пехотинцы невольно закрыли лица ладонями. А когда свет померк, все уцелевшие волшебники исчезли со сцены, а вместе с ними исчезли и Ильнур с Колькой.

— Труссы! — презрительно рявкнул Мортус.

Он вскинул свой меч, и обратился к подчиненным:

— Мужики! Город наш! Грабьте досыта, а затем сожгите все, что останется.

Злодеи ответили своему начальнику счастливым ревом. И тут же бросились по домам, принялись вышибать двери и шарить внутри, жадно набивая мешки трофейным добром и устраивая стычки за особо ценные находки.

Чуть живой Стасик с ужасом увидел, что к нему приближается всадник. То был один из черных рыцарей — закованный в вороненые латы исполин на черном, как ночь, коне. В руке

он держал меч с опущенным в землю клинком. С клинка на брусчатку капала свежая кровь.

Стасик попытался выдать из себя какие-то заведомо бесполезные слова, попросить пощады, или что-то в том же напрасном духе, но в этот момент перед глазами у него все расплылось, и он наконец-то потерял сознание.

Часть вторая. Глава 15

Не думал Стасик, что ему суждено очнуться от этого обморока. Проваливаясь в беспамятство, он быстренько простился с жизнью, и даже успел порадоваться тому обстоятельству, что хотя бы не станет свидетелем своего убийства. А оно представлялось ему неизбежным. Злодеи, захватившие Форинг, не тяготели к захвату пленников. Возможно, они бы взяли живьем кого-нибудь из крупных шишек, Ильнура, к примеру, или Лауру. Да и то лишь для того, чтобы затем устроить им веселый аттракцион боли и кошмара в камере пыток. А его, жалкого свинопаса, даже пытаться неинтересно. Стукнуть мечом по голове, чтобы под ногами не пугался, и все дела.

Но опасения его не подтвердились. И после неопределенного времени, проведенного в блаженном забытии, он вновь вернулся в правильный мир.

Первым, что ощутил очнувшийся Стасик, была тряска. Тело его покоилось на чем-то твердом и предположительно деревянном, и эта загадочная поверхность непрерывно содрогалась. Ощущения оказались неприятные. Стасик понял, что нужно что-то делать и открыл глаза.

Над собой он разглядел затянутое тучами небо. В вышине парил какой-то пернатый хищник, кажущийся с брэнной земли крошечной, едва заметной, точкой.

Затем Стасик различил звуки окружающего мира. Тех было много. До его ушей донесся топот многочисленный ног, тяжелая поступь лошадей, скрип тележных колес и человеческие голоса. Сам он, как тут же выяснилось, изволил лежать в телеге. Его тело покоилось на дне, между туго набитыми мешками. Поверхность мешков была выпачкана в подсохшей крови.

Задрав голову, Стасик разглядел сгорбленную спину возницы. Его куда-то везли. Кто-то вез. Но кто? Неужели в последний момент в Форинг прибыло подкрепление, и атаку злодеев удалось отбить? И вот теперь его везут в другой город Ангдэзии, подальше от нейтральной полосы и подальше от ужасной империи.

Но эта наспех сформированная версия тут же разбилась о твердь суровой реальности. Еще не успев поднять головы над бортом телеги, Стасик, в глубине души, уже догадался, кто и куда его везет.

— А, очухался, — услышал он над собой чей-то противный скрипучий голос.

Автором его был возница. Он повернулся к Стасику лицом и буравил пассажира пристальным взглядом. Физиономия у этого типа была такая жуткая, что Стасик только чудом не закричал. Интернет дал ему доступ к информации, стекающейся со всего мира, и он повидал там всякого. Но такие жуткие рожи даже в сети не встречались.

— Эй, как сам? — спросил возница. — Ничего не болит?

— Нет, — ответил Стасик, приятно тронутый проявленной к нему заботой. Похоже, он поспешил с выводами, основанными на внешних данных. Вдруг за этой ужасающей харей скрывается подлинный кладезь отзывчивости и доброты?

— Не болит — заболит! — прокаркал возница и злобно захохотал.

Стасик содрогнулся. Нет, он не ошибся. Возница монстр, что внешне, что по своей сути.

Теперь отпали последние сомнения — он оказался в лапах злодеев. Воины империи, атаковавшие Форинг, взяли его живым. Отныне он пленник, и ждет его горькая участь.

Стасик осторожно приподнялся и высунул голову над бортами телеги. И невольно

вздрагнул.

Повозка, в которой он ехал, ползла по какому-то отвратительному подобию дороги, состоящему из ям и ухабов. Провозка была не одна. Тех выстроилась целая вереница, и все они были доверху загружены мешками, сундуками и ящиками.

Посмотрев вперед, Стасик увидел колонну пехоты. Точнее, видел он только хвост этой колонны, да раскачивающийся лес поднятых пик. Он узнал этих солдат — это они резали мирных жителей в разоренном Форинге.

Дорога, по которой следовала колонна, тянулась через удивительно неприветливую местность. Выглядела она так, будто подверглась безжалостному и неоднократному вандализму. Вся земля была изрыта воронками, от деревьев остались обломанные пеньки. В низинах чернела какая-то вязкая жижа, напоминающая нефть. Вдалеке Стасик разглядел руины неопознанного строения. Уцелело от него полторы стены и два метра забора, да и те имели такой вид, будто постройку обработали из огнемета.

— Боже мой! — простонал Стасик. — Где я?

— Где? — усмехнулся возница. — А ты не знаешь?

— Нет.

— Не бывал тут прежде? Я думал, ты один из героев.

— Я свинопас, — честно признался Стасик, решив не приукрашивать свое ничтожное социальное положение. Что-то ему подсказывало, что у Свиноста́са больше шансов уцелеть в плену, чем у Ста́са паладина.

— Свинопас? — удивился возница. — Не понимаю! Зачем мы тебя взяли? У нас, разве, своих свинопасов нет? Или все дело в шашлыке?

— В чем? — вздрогнул Стасик, понадеявшись, что он ослышался.

— В шашлыке, — охотно повторил возница.

— Почему шашлык? — забеспокоился Стасик. — Зачем шашлык?

— А вот узнаешь, как на привал остановимся. Мы-то люди простые, нам кроме каши да бражки и не надо ничего. Но вот черные рыцари публика иного сорта. Есть у них одна... как бы это сказать... особенность.

— Какая особенность? — пропищал Стасик, хотя он не был уверен в том, что действительно хочет это знать.

Но возница все равно ответил. Притом было видно, что ответ доставил ему огромное удовольствие.

— Любят они, понимаешь ли, человечину трескать, — сообщил он. — Верят, что от этого становятся сильнее и злее. Вот я и думаю, что тебя для этой цели прихватили. Так оно или нет — привал покажет. Если придут за тобой, дружочек, и если увидишь шампуры да угли — все, прощайся с жизнью. Нарезут и насадят. Да, кстати — нарезают они заживо....

В полной мере осмыслить страшные слова Стасик не успел. Его тело среагировало быстрее мозга. С диким воплем он спрыгнул с телеги и со всех ног помчался прочь от дороги. О том, куда он бежит, не думал. Зато знал — откуда. От шашлычной участи.

— Стой! Куда? — прокричал ему вслед возница.

Стасик даже не обернулся. Наоборот, прибавил ходу. В прежней жизни его физическая форма оставляла желать лучшего, но двухмесячная работа свинопасом пошла ей на пользу. Проводя целые дни на ногах, Стасик несколько окреп, и теперь уже не падал без сил после двадцатиметровой пробежки.

— Эй, народ, шашлык уходит! — во все горло завопил возница.

Эти страшные слова подстегнули Стасика, и он побежал быстрее. Он уже почти летел, не касаясь подошвами земли, когда вдруг ноги полностью вышли из-под его контроля. Он буквально перестал их чувствовать, словно они отвалились и остались где-то позади. С криком ужаса Стасик полетел носом вперед и рухнул на твердую каменистую почву. От удара из него едва не вынесло все внутренности вместе с душой. Но он уцелел, даже не потерял сознания. Ноги по-прежнему не повиновались ему, но страх перед шашлычной участью был так велик, что Стасик пополз вперед на руках. А за своей спиной он уже слышал топот ног преследователей и их сердитую ругань.

Его настигли, грубо схватили под руки и поволокли обратно. Непослушные ноги волочились по земле, как две тряпки. Глотая слезы, Стасик умолял отпустить его, обещал, что ничего никому не расскажет, но два солдата в черных шлемах лишь грубо требовали, чтобы он захлопнул варежку, если ему хоть немного дороги зубы.

Его доставили обратно к дороге и бросили на землю возле телеги.

— Пожалуйста! — стонал Стасик, копошась в серой пыли. — Не ешьте меня! Не надо!

— Ну, и что здесь происходит? — вдруг услышал он поблизости знакомый женский голос.

Стасик поднял голову, и увидел Риану. Ту самую девушку, которую он встретил в дубовой роще. Ту самую обманщицу, которая попросила его расклеить листовки, нужные, по ее словам, для каких-то шпионских задач. А на деле выяснилось, что это не так. Стасик еще тогда, в Форинге, сообразил, почему пали городские стены, открыв дорогу захватчикам. Это все черные заклинания, начертанные на тех бумажках, которые он прилепил к фундаменту.

Но даже после того, как Риана его обманула, он был счастлив увидеть знакомое лицо.

— Это я! — закричал Стасик. — Помнишь меня? Я тот самый....

— Помню, помню, — ответила Риана.

Она сидела верхом на черной кобылке, и смотрела на Стасика сверху вниз.

— Больше не пытайся убежать, — попросила она Стасика. — Наши лучники привыкли стрелять во все излишне подвижное. Особенно в этом краю.

— Меня подстрелили? — захныкал Стасик. — Я ранен? Ног не чувствую. У меня стрела в спине, да? Позвоночник перебит? Я умру в муках?

— Да не ранен ты, — поспешила успокоить его Риана. — Это я тебя обездвижила.

— Ты?

— Да. Ты же оказал мне услугу, и я это ценю. Поэтому и не позволила тебе сбежать. Без обид, конечно, но здесь, на нейтральной полосе, ты едва ли долго протянешь. Но если настаиваешь, я могу тебя отпустить. Ты ведь не пленник.

Она что-то негромко прошептала, и Стасик вновь почувствовал свои ноги. Он медленно и не без опаски поднялся на них, а затем воззрился на Риану.

— Я не пленник? — переспросил он.

— Нет, разумеется, — пожала плечами та. — У нас ведь был договор: ты помогаешь мне с бумажками, а я помогаю тебе попытать счастье в империи.

Стасик тактично умолчал о том, что в рамках заключенного договора Риана подло обманула его. Но, похоже, этот упрек проступил на его лице. Девушка все поняла.

— Да, да, знаю, я не сказала всей правды, — без намека на раскаяние произнесла она. — Но ведь я это сделала ради тебя.

— Ради меня? — удивился Стасик. — Это как?

— Упростила тебе задачу. Для тебя было бы сложно согласиться помочь нам в штурме

Форинга. Ты бы страдал, метался в сомнениях, заранее мучился угрызениями совести. Мог даже передумать. А так все прошло гладко. Все довольны. Мы устроили добрякам хорошую трепку, а ты заслужил право на второй шанс. Разве не этого ты хотел?

— Ну, да, наверное, — вынужден был согласиться Стасик. — Но там погибло столько невинных людей. И все из-за меня.

— Ты тут не при чем, — поспешила утешить его Риана. — Ты ведь лично никого не убивал.

— Но я все равно соучастник.

Девушка улыбнулась.

— Чувство вины не самое приятное, — сказала она. — Незачем возбуждать его в себе. Просто считай все произошедшее несчастным случаем. И да, ты ведь не знал, что делаешь, когда помогал нам. Так что твоей вины тут, пожалуй, и нет. И вообще, раз уж ты собрался связать свою жизнь с империей Кранг-дан, то завязывай с угрызениями совести. Они у нас не в моде.

— А вы меня вправду к себе возьмете? — спросил Стасик.

Он посмотрел на возницу, который внимательно прислушивался к их разговору с телеги, и добавил:

— Потому что вон тот мужик сказал, что черные рыцари из меня на привале шашлык приготовят.

Риана метнула на возницу злобный взгляд. Тот трусливо съежился и виновато забормотал:

— Госпожа, да я просто так сболтнул! Дай, думаю, пошучу. Я ведь без всякого умысла.

— Еще раз дашь волю своему глупому языку, и я поджарю тебя на медленном огне, — пообещала ему Риана ледяным тоном.

Возница чуть в обморок не упал, услышав угрозу, и Стасик понял, что его знакомая не шутит. Действительно, возьмет и поджарит. Возможно, она уже проделывала это с кем-то, не воспринявшим ее угрозу всерьез.

Риана повернулась к Стасику. На ее хорошеньком лице вновь заиграла дружелюбная улыбка.

— Никто тебя не съест, — пообещала она. — Не слушай всяких идиотов.

— Значит, вся эта история про шашлык из человечины, это байка? — облегченно выдохнув, спросил Стасик.

— Ну, не то, чтобы байка... — уклончиво ответила Риана. — Ты, главное, помни, что лично тебе ничего такого не грозит.

Стасик позволил себе робко улыбнуться.

— А что мне теперь делать? — спросил он у своей покровительницы.

— Ничего. Полезай в повозку и отдыхай. Как только достигнем замка лорда Мортуса, пройдешь проверку на способности. А после, в зависимости от результата, получишь назначение на обучение или службу.

Стасик так и поступил — вернулся в повозку и устроился среди мешков с награбленным в Форинге добром. Возница, получивший от Рианы внушение, больше не пытался заговорить с пассажиром, даже головы ни разу не повернул. За что Стасик был ему бесконечно благодарен. Если он захочет найти себе друзей, этот скверный тип с неприемлемым чувством юмора никогда не окажется в числе кандидатов.

Все время до вечернего привала Стасик провел в телеге, отдавшись размышлениям о своей непростой судьбе.

Окрестные пейзажи оставались однообразно-депрессивными на всем протяжении их пути. Вокруг простерлась выжженная земля, где все живое было убито, а все целое сломано. Иногда вдалеке показывались жалкие руины давно разрушенных построек или крошечные островки чудом уцелевшей зелени, но в целом нейтральная полоса производила тягостное впечатление.

На то, чтобы выглядеть подобным образом, у этой земли имелась вполне очевидная причина. Нейтральная полоса активно использовалась героями Ангдэзии и воинами империи для кровопролитных разборок. Именно сюда отправлялись отряды из Форинга, именно здесь пришельцы из иных миров, решившие послужить делу добра и справедливости, добывали себе славу, сходясь в жестоких битвах с силами тьмы. Пережив тысячи и тысячи боевых заклинаний, выдержав поступь тысяч и тысяч закованных в латы воинов, эта земля просто не могла выглядеть никак иначе.

Стараясь не вспоминать о заваленных трупами улицах Форинга, Стасик задумался о том, что стало с Ильнуром, Лаурой и другими уцелевшими. Похоже, верховная волшебница перенесла их всех в какое-то безопасное место, подальше от захваченного врагами города. Всех, кроме него.

Стало так обидно, что Стасик чуть слезу не пустил. Почему же его не взяли? Неужели прекрасная Лаура не захотела тратить на него, жалкого и ничтожного свинопаса, свои магические силы, и просто бросила его на растерзание злодеям? Как же это было жестоко с ее стороны. И эти люди еще называют себя героями, защитниками добра!

Стасик понял, что отныне не желает иметь с ними ничего общего. Раз уж королевство добра отвергло его, он ответит ему взаимностью. Пусть потом не обижаются Лаура, пусть не кусает локти Ильнур, когда однажды они встретятся в бою с великим черным магом Стасиком. И пусть не ждут от него пощады. А в особенности пускай не ждет ее ненавистный Колька, который вверг его в жуткое унижение, вручив при всех этот отвратительный свинский нос. Это ж надо было додуматься! А еще паладин. Да где были глаза Ильнура, когда он принимал этого юного садиста в орден? Или....

Тут Стасик вздрогнул от страшной догадки. А что, если Ильнур все знал и тоже принимал участие в этой отвратительной затее? А что, если и Лаура тоже? Потому они и бросили его, что считают несчастного свинопаса жалким и презренным существом, над которым только и нужно делать, что издеваться в свое садистское удовольствие.

У Стасика непроизвольно сжались кулаки и заскрипели зубы. О, он им всем отомстит! Он их всех найдет! Отыщет где угодно, даже если для этого ему придется перерыть всю Ангдэзию. А когда эти лицемеры, эти злодеи, талантливо притворяющиеся добряками, окажутся в его руках, он воздаст им за все хорошее. Каждому из них. Но в особенности Кольке.

В страстных мечтах о скором воздаянии своим обидчикам Стасик провел время до вечера. Войско лорда Мортуса остановилось на привал задолго до сумерек, избрав для этой цели развалины постоянного двора. До того, как стать нейтральной полосой, эта земля была кипящим жизнью краем, полным тенистых рощ, возделанных полей и журчащих кристально-

чистой водой ручьев. Что за люди тут жили — подданные ли королевства или рабы империи, этого уже давно никто не помнил. А спросить было не у кого, поскольку самые расторопные из автохтонов успели разбежаться, а всех остальных постигла печальная участь. Бои на нейтральной полосе кипели непрерывно, по ней во все стороны следовали отряды, а иногда, как в данном случае, целые армии. Местные жители кончились стремительно. От тенистых рощ остались торчащие из земли пеньки. Поля, некогда радовавшие обильными урожаями, превратились в безжизненные пустыри. А воду в здешних ручьях сменила какая-то вязкая черная субстанция с резким неприятным запахом, сильно похожая на отходы химического производства.

Но природа не терпит пустоты. И на место прежних обитателей, на нейтральную полосу пришли новые, неприхотливые жильцы. Их сюда сползло великое множество, и все они попадали под одну категорию — чудовища. Даже большое войско лорда Мортуса вынуждено было сохранять бдительность, потому что даже многочисленность контингента не гарантировала полной безопасности.

От бывшей придорожной гостиницы осталось немного — фрагментарно уцелел забор из плитняка, да чудом еще стояла одна стена некогда большого, в два этажа, дома. Самые лучшие люди войска расположились на ночь во дворе, где для них поставили шатры, развели костры и стали готовить вкусный ужин. Рядовой состав устроился снаружи. При этом караульных выставили столько, будто ожидали нападения многочисленного неприятеля.

К тому времени, как повозка Стасика прибыла на место, обустройство лагеря уже шло полным ходом. Спрыгнув на землю, Стасик растерянно огляделся по сторонам, не зная, куда ему идти и кто его покормит. Рядом прозвучал голос возницы. Говорил он ласково и предельно вежливо. Похоже, Риана хорошо его припугнула.

— Ты далеко-то не отходи, малой, — посоветовал он Стасику. — Держись рядом со всеми. И забралом не щелкай.

— А что такое? — заранее испугался Стасик.

— Да места тут скверные. Чуть отойдешь от лагеря, и того.

— Кого — того? — пискнул Стасик.

— Того — того, — объяснил возница. — Съедят, то есть, вот чего.

Стасика и так-то не тянуло на прогулку, а после прозвучавшего предостережения и вовсе расхотелось.

— Что мне теперь делать? — спросил он возницу. — Где ночевать?

Тот пожал плечами.

— Тебе бы госпожу Риану найти, — посоветовал возница. — Вы вроде как с ней знакомы, пусть она тебе все объяснит.

Стасик решил поступить именно так, и отправился на поиски Рианы. Он уже догадался, что его знакомая занимала в злодейской иерархии не самое последнее место, и раз уж ее величали госпожой, искать ее следовало среди прочих господ.

До двора бывшей гостиницы Стасик добрался без приключений, но вот проникнуть внутрь не сумел. На входе дежурили караульные, которые в грубой форме посоветовали ему катиться отсюда подобру-поздорову.

— Я бы хотел увидеть госпожу Риану, — робко сообщил Стасик, боясь приближаться к двум мрачным типам в черных шлемах, которые преграждали ему путь на господскую территорию.

— Хоти, — великодушно позволил ему один из стражников, а второй сплюнул под ноги

и тихо ругнулся.

— А вы бы не могли ей передать, что я здесь?

— Не могли бы, — ответил караульный.

— А я...

Второй караульный вдруг резко шагнул к Стасику, направил на того наконечник копья, и зверски рывкнул:

— А ну пошел отсюда, сопляк!

Стасик подпрыгнул от страха и отбежал прочь на пятьдесят метров.

Как неприкаянный он бродил по лагерю, но везде его встречали крайне неприветливо. Солдаты, сидящие вокруг костров, над которыми в котлах варился их ужин, при его приближении прекращали свои разговоры и обрушивали на Стасика такие суровые и красноречивые взгляды, что тот благоразумно обходил их большим кругом. Меж тем над лагерем распространился запах пищи, и Стасик, который уже успел забыть, когда ел в последний раз, начал истекать голодной слюной. Его до слез обидело подобное с собой обращение. Ведь он же оказал всем этим людям немалую услугу, обрушив стены Форинга. Фактически, даровал им легкую победу и богатую добычу, которая ехала вместе с ними в многочисленных телегах. Неужели за все свои подвиги он не заслужил даже тарелки каши? Неужели ему придется коротать эту ночь на голой земле, твердой, каменной и не слишком теплой?

Так, бродя по лагерю, он добрался до костра возниц. Среди них оказался его старый знакомый, жуткий тип, в телеге которого он ехал весь сегодняшний день. Не надеясь ни на что хорошее, Стасик уже приготовился пройти мимо, и поискать себе местечко для сна, когда услышал окрик.

— Эй, ты, — позвал возница.

Стасик вздрогнул и обернулся.

— Я? — переспросил он осторожно.

— Да, да, ты. Иди к нам. Ты ел?

Стасик отрицательно мотнул головой.

— Ну, мужики, дайте ему чашку и ложку. Садись, садись, не стесняйся.

Стасик прекрасно понимал, что возница делает все это не от избытка душевной доброты. Он заботился о нем, потому что боялся Риану. Но это было не столь уж важно, особенно на фоне того, что он, наконец-то, получил свой ужин — глубокую тарелку, полную каши с кусочками мяса. Вкус блюда оставлял желать лучшего, но оголодавший за день Стасик приговорил все и тщательно выскреб ложкой стенки тарелки. Затем ему предложили большую флягу, содержащую некий алкогольный продукт, но от этого угощения Стасик вежливо, но решительно отказался. Еще не хватало отравиться каким-нибудь здешним самогоном, что запросто могло произойти с его организмом, непривычным к экзотическим видам спиртного.

Возницы, которые вначале недоверчиво косились на него, вскоре забыли о новичке и вернулись к прерванному разговору. Тут же поступило дельное предложение сыграть партию-другую в кости, каковому занятию все и отдалось с невиданным азартом. Стасик сидел в сторонке, одним глазом наблюдая за игрой. Та протекала бурно. Каждый бросок костей едва не оборачивался поножовщиной. Все обвиняли всех в нечестной игре, угрожали расправой, бросались оскорблениями, однако было видно, что забава доставляет участникам непередаваемое удовольствие. Благо было что просаживать — в ходе разграбления Форинга

каждый из людей лорда Мортуса набил себе мешочек трофейного добра.

Воцарилась ночь, темная и жуткая, по причине затянувших небо туч. Стасик сидел и зевал, подумывая о том, чтобы отправиться спать в телегу. Он уже собирался так и поступить, когда к их костру побежал запыхавшийся солдат и хриплым голосом выпалил:

— Эй, вы. У вас тут Квас есть?

— Нет у нас никакого кваса, — ответил ему один из возниц. — Брага есть. Будешь?

— Сам пей свои помои! — грубо рявкнул солдат. — Я спрашиваю, есть среди вас Квас?

Стасик поднялся на ноги и подошел ближе.

— Может, Стас? — спросил он осторожно.

— Может и так. Стас, Квас.... Не все ли едино? Так это ты, что ли, и есть?

— Если вам нужен Стас, то это я.

Физиономию солдата исказила гримаса ярости. Он грубо схватил Стасика за руку и потащил за собой.

— Я тебя, паразита такого, бегаю, ищу, уже с ног сбился! Сам лорд Мортус тебя требует.

— Я ведь не знал, — виновато проблеял Стасик.

Им овладело беспокойство. Зачем он, интересно, понадобился лорду Мортусу, да еще в столь поздний час? И не является ли все это приглашением на внезапный шашлык?

— А что хочет от меня лорд? — спросил Стасик у солдата, который продолжал тащить его за собой на буксире.

— Он мне не докладывает, что и от кого хочет. Сам у него спросишь.

На этот раз стражники беспрепятственно пропустили Стасика и сопровождающего его солдата на господскую часть лагеря. Тут все было дорого и богато. Большие шатры, в которых можно было разместиться с максимальным комфортом, расставленная вокруг костров походная мебель. Черные рыцари и чародеи кушали с чистой посуды, притом закидывались не какой-то кашей, а вполне приличным набором разносолов. Пили не какую-то сомнительную брагу, а благородные вина.

Шатер лорда Мортуса гордо высился в самом центре лагеря. Перед входом в него в землю был воткнут шест со знаменем. С полотнища на Стасика смотрел уже знакомый белый череп, насаженный на копье.

Лорд Мортус сидел в большом удобном кресле, закинув ногу на ногу. В правой руке он держал золотой кубок, левой рукой небрежно дирижировал частично обглоданной гусиной ножкой. Стасику этот человек запомнился как оживший ночной кошмар — черный всадник на вороном коне, да еще и с огромным магическим мечом. Без своих вороненых доспехов лорд Мортус уже не казался воплощением ужаса. Впрочем, назвать его внешность приятной все равно было затруднительно. Это был высокий крепкий мужчина лет сорока пяти, с суровым лицом и очень недобрым взглядом.

Компанию ему составляли незнакомые Стасику люди, вероятно из числа черных рыцарей и магов. Среди них оказалась и Риана. Увидев знакомое лицо, Стасик испытал робкое облегчение. Был шанс, что сегодня его не съедят.

Солдат подтащил Стасика к шатру главнокомандующего и вытолкнул вперед. Разговоры тотчас же смолкли. Все лица повернулись в сторону бывшего школьника. Лорд Мортус медленно оторвал взгляд от своего кубка и устремил его на Стасика.

— Так это и есть тот самый свинопас, оказавший нам некоторую помощь во взятии Форинга? — спросил Мортус.

Голос у него тоже оказался на любителя — низкий, суровый, привыкший отдавать

приказы о казнях и репрессиях.

— Он самый, — подтвердила Риана. — Его зовут Стасиком.

— Имечко в самый раз для поросенка, — изволил сострить лорд Мортус и оскалил крепкие белые зубы.

Все сидящие подле него люди тут же громко рассмеялись, будто только что услышали невероятно уморительную шутку. Захихикал даже солдат, который привел Стасика на аудиенцию.

— Вот что я скажу тебе, свинопас, — вновь заговорил Мортус, и в голосе его прозвучали безжалостные интонации. — Я ненавижу предателей!

У Стасика прихватило живот. Да, как ни крути, а он ведь точно предатель. Предал Англэзию, Форинг, предал тех людей, которые призвали его в этот мир. Правда, клятвы верности он им, вроде как, не давал, да и не просил, чтобы его призывали для работы свинопасом. Паладином или магом — на это он согласен. А свиней пасти можно и в неправильном мире.

Лорд Мортус подался вперед. Стасик попытался попятиться, но уперся спиной в солдата, который пресек его попытку отступления.

— Но, на твое счастье, добряков я ненавижу сильнее.

— Господин, не будьте строги со Стасиком, — мило улыбаясь, попросила Риана. — Дайте ему шанс.

Лорд Мортус откинулся на спинку своего походного трона.

— Шанс дам, — согласился он. — Но запомни, Стасик, хорошенько запомни — если вздумаешь предать меня, если только сама эта мысль зародится в твоей голове, то лучше сразу же покончи с собой. Потому что иначе я доберусь до тебя. Доберусь, где бы ты ни скрылся. Я достану тебя на краю света, выковырну из любой крепости, отыщу в дремучих лесах. Тебе не спастись. Попытаешься изменить свою внешность с помощью магии — это не поможет. Превратишься в животное, растение или камень — все равно найду. И когда я найду тебя....

Стасика трясло от ужаса. Он едва не падал в обморок. Еще никогда ему не доводилось встречать таких ужасающих людей, как лорд Мортус. Тот одной своей непродолжительной речью сократил его жизнь лет на пять.

Глянув на бледное, как мел, лицо своего нового подданного, лорд Мортус одобрительно кивнул головой.

— Вижу, свинопас, мы друг друга поняли, — сказал он. — Служи мне верой и правдой, и твои труды будут вознаграждены. А вздумаешь предать меня, и тогда....

— Я не предаю! — выпалил Стасик.

Он желал одного — чтобы этот кошмарный человек прекратил его запугивать. У лорда Мортуса хорошо получалось. Возможно, он долго этому учился на платных курсах. И достиг в своем деле завидного мастерства. Всего-то сказал несколько слов, а Стасик уже не знал, что ему делать — то ли описаться, то ли сразу упасть наземь замертво.

— Вот и хорошо, — улыбнулся лорд Мортус. Улыбка у него была на редкого любителя. Стасик таковым не являлся, и ему она показалась злобным оскалом чудовища, подстерегшего среди леса одинокую и беспомощную жертву.

— В таком случае, ступай! — повелел Мортус. — Как прибудем в замок, пройдешь проверку. Выясним, на что ты годен, после чего получишь назначение.

— Хорошо! Спасибо! Большое спасибо! Я вам так благодарен! — забормотал Стасик, но

тут солдат ухватил его за руку и потащил с господской территории.

Аудиенция была окончена. И хотя она стоила Стасику сотни-другой седых волос, все прошло неплохо. Его, во-первых, не съели, а во-вторых, злодеи приняли его к себе. А то, что его новый господин оказался страшнее дьявола, так это не беда. Каким же еще должен быть злодейский лорд? И все же Стасик в тайне надеялся, что его следующая встреча с Мортусом произойдет очень нескоро. Хорошо бы вообще никогда. А то ведь на такие жуткие встречи с руководством никакого здоровья не напасешься.

На то, чтобы пересечь нейтральную полосу, войску лорда Мортуса понадобилось трое суток. Возможно, одинокий всадник, не жалея коня и собственного зада, мог бы покрыть это расстояние за день-полтора. Но только не пехотинцы и не тяжело нагруженные телеги. Да и особой спешки заметно не было. Войско возвращалось домой с победой, увенчанное славой и обремененное богатой добычей. Торопиться злодеям было некуда, а опасаться погони не стоило. Ее теперь некому было организовывать. Форинг лежал в руинах, все его жители и почти все герои были перебиты. А чудом спасшимся Ильнуру, Лауре и ненавистному Кольке сейчас явно было не до того, чтобы преследовать своих обидчиков.

Это путешествие не доставило Стасику удовольствия, на что имелась масса причин. Главным образом его тяготила совесть. Сколько бы он ни пытался убеждать себя в том, что ни в чем не виноват, и был лишь марионеткой в чужих руках, трюк не срабатывал. Это он, своими руками, разрушил стены города. Это он открыл дорогу войску лорда Мортуса. Следовательно, он имел непосредственное отношение ко всему тому, что силы зла устроили в Форинге. А уж они постарались там на славу. Стасик пытался заставить себя забыть ужасные картины, виденные в захваченном городе, но те крепко засели в его памяти. Судя по всему, они останутся там навсегда, и будут являться ему в ночных кошмарах. И полностью отделаться от чувства вины ему не удастся никогда.

Так же его очень сильно тревожило собственное будущее. Он направлялся напрямик в неизвестность. Что ждет его там, по ту сторону нейтральной полосы? Он ведь почти ничего не знал об империи Кранг-дан, кроме, разве что, того, что она населена злодеями, а возглавляет ее некий Дакрос Безжалостный, черный маг, изверг и властелин тьмы, одержимый желанием захватить вселенную. Цель императора не отличалась оригинальностью, насколько помнил Стасик, все властелины тьмы хотели одного и того же. Но не идея-фикс нового верховного начальника беспокоила Стасика. Он думал о своей судьбе, и о том, как сложится его карьера черного мага.

Черную магию Стасик уважал, и чувствовал, что сумеет достичь в этой дисциплине немалых высот. Но кое-что его все-таки тревожило. Ведь он, как черный маг и слуга императора, будет вынужден принимать участие в военных операциях, подобных захвату Форинга. То есть, ему придется убивать людей. Кое-кого он с удовольствием прикончил бы копьем тьмы или жутким проклятием, одного мерзкого школьного хулигана, к примеру. Но заниматься хладнокровным геноцидом незнакомцев, да еще и мирных жителей, горожан и крестьян.... Сумеет ли он? Не дрогнет ли его рука? Вот прикажет ему лорд Мортус — обрушь на эту ферму огненный ливень. А на той ферме живет себе тихо и мирно какой-нибудь свинопас, который никому ничего плохого не сделал. Призвали его из иного мира, где он был забитым тьюфяком. Мечтал он о новой жизни в правильном мире, о судьбе героя или мага, а его определили в свинопасы. И что же, Стасику придется подчиниться, и убить этого беднягу? Такого же, как он, страдальца, многократно обиженного жизнью. А ведь придется. Иначе лорд Мортус заподозрит его в измене, и сделает все то, что уже успел пообещать Стасику, и, главное, все то, что не успел. Стасик не сомневался в том, что лорд Мортус садист, каких мало. И попадать к нему в немилость было смертельно опасно.

Но Стасик попытался утешить себя тем аргументом, что он все-еще продолжает смотреть на мир глазами школьника, выросшего в неправильном мире. И для него

теперешнего массовое истребление человеческого ресурса есть невообразимый ужас. Но останется ли он при том же мнении, когда немного поживет среди злодеев и пройдет курс обучения черной магии? Возможно, получив черный диплом колдуна, рунический посох, зловещую мантию и эпический амулет, он будет уже совсем другим человеком. Да и человеком ли? И то, что сейчас кажется ему ужасным и невозможным, станет восприниматься им как будничная рутина. Что надо сделать, лорд Мортус? Сжечь ферму огненным ливнем? Считайте, что ее уже нет. А соседнюю ферму заодно сжечь не надо? Ну, просто, раз уж начали, давайте сожжем все и убьем всех. А уцелевших пленников подвергнем пыткам.

Стасик невольно вздрогнул. Неужели он станет таким вот бессердечным чудовищем? И есть ли у него выбор? Силы добра отказали ему в возможности стать воином света, героем, защищающим простых людей. Они обрекли его на ужасную участь — назначили свинопасом. А следом подвергли публичному унижению, вручив в качестве награды отвратительный свинский нос. После такого он решительно не хотел иметь ничего общего с королевством Ангдэзия. Если он и вернется туда, то лишь в составе армии зла, дабы сеять смерть, разрушение и отчаяние. Но главной его целью будет отыскание ненавистного Кольки, и свершение над ним эпической мести.

Пейзажи нейтральной полосы навевали тоску. Все здесь выглядело безжизненно и жутко. Казалось, что на этой навеки убитой земле не обитают даже насекомые, не говоря уже о более крупных представителях животного царства. И лучше бы так оно и было. Потому что на деле выяснилось, что безжизненность нейтральной полосы мнимая.

Об этом Стасик узнал в первую же ночь, когда войско остановилось на привал. Переговорив с лордом Мортусом, который по-отечески запугал нового подданного до икоты, он вернулся к возницам, забрался в телегу и тут же уснул. Но проспать ему удалось недолго. Среди ночи он был разбужен громким звуком, таким страшным, что у Стасика поднялся дыбом весь волосяной покров. Когда же до Стасика дошло, что этот звук издает какое-то живое существо, ему резко захотелось в туалет, притом так сильно, как ни разу в жизни до того.

Возница, спавший рядом с ним, тоже проснулся и поднял голову.

— Явились, не запылились! — проворчал он. — А я уж надеялся, что хоть сегодня обойдется.

— Кто явился? — чуть слышно прошептал Стасик. — Кто там, дяденька?

— Не знаю, — беззаботно отозвался собеседник. — Тут много кто водится. На глаза они не показываются. Приходят по ночам, и кружат вокруг лагеря. Высматривают добычу.

Стасику доводилось слышать о том, что нейтральная полоса является местом обитания различных монстров, но он полагал, что речь шла о волках или чем-то в этом духе. Судя же по вою, к ставшему на ночь войску пожаловало что-то запредельно жуткое. Некое чудовище, способное отправить на тот свет любого школьника одним своим ужасным видом.

— Они не нападут? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Нет, сюда не сунутся. Слишком много людей. А вот караульным на периметре я не завидую. Там только зазевайся, как сразу же утащат. Мы пока в Форинг шли, пятерых вот так недосчитались.

Стасик истек холодным потом. С него слетел весь сон.

— А почему они не нападали на земли королевства? — спросил он. — Я о таком не слышал, когда жил на ферме.

— Не знаю, — отозвался возница, и накрылся одеялом с головой. — Спи. Не обращай на них внимания.

Он, скорее всего, пошутил, потому что игнорировать жуткий вой неведомых чудовищ было невозможно. Стасик лежал на дне телеги, слушал, и дрожал от страха. И это правильный мир? В правильном мире все самые сильные чудовища должны спокойно сидеть в своих подземельях, и ждать, когда по их души явится отряд хорошо прокаченных и укомплектованных героев. А по поверхности должны бродить слабые и ранимые существа, с которыми без труда справится и новичок.

Возница, разбуженный воем, довольно быстро захрапел, а Стасик еще часа два таращил глаза в затянутое тучами ночное небо, и больше всего на свете боялся услышать рядом с телегой мягкие шаги крадущегося хищника. И лишь когда вой прекратился, а чудовища, вероятно, убралась восвояси, он вновь сумел заснуть. Но сон его был беспокойным. До самого утра Стасика терзали кошмары. Впрочем, рассчитывать на иные сновидения после такой колыбельной было бы странно.

Следующий день ничем не отличался от предыдущего. Войско, растянувшись в длинную колонну, двигалось по разбитой дороге. Стасик, сидя в телеге, со страхом поглядывал по сторонам. Он опасался, что ночные чудовища явятся и днем, но те, похоже, орудовали только в темное время суток. При свете дня нейтральная полоса вновь возвратила себе иллюзию безжизненности.

Следующая ночь оказалась еще страшнее. Вновь в определенный час зазвучал жуткий вой, а через какое-то время раздался страшный человеческий крик. Продлился он недолго, и резко оборвался на самой пронзительной ноте.

— Вот и утащили кого-то, — буднично прокомментировал ситуацию проснувшийся возница. — Не повезло. Интересно, кому достанется его часть добычи?

Стасика интересовал ответ на иной вопрос — кто будет следующим в списке жертв? Он сжался от ужаса, с теплотой и нежностью вспоминая свою жизнь в неправильном мире. Как же хорошо было в школе! Там его всего лишь унижали, оскорбляли, осыпали подзатыльниками и использовали в качестве мишени для метания бумажных шаров. Благодарь! А здесь его, страшно сказать, могут в любой момент съесть. Живьем! Вот ведь только что кого-то съели. Где гарантия, что следующим на корм монстрам не пойдет он? Владей он мощной магией, ему, возможно, не было бы так невыносимо страшно. Но собственная беспомощность усиливала чувство ужаса. Если чудовища придут за его мясом, он никак не сумеет предотвратить ночной перекус. А все потому, что свинопас это не боевой класс. Это полный отстой. Магии нет, силы нет, самоуважения нет, харизма на донном днище, а из всех скилов только способность не сгореть со стыда за свою жалкую участь.

Стасик понял — его единственный шанс на выживание в этом суровом мире заключается в скорейшем обретении могущества. Чем быстрее он освоит весь курс черной магии, тем выше вероятность дотянуть до следующего дня рождения.

В этот момент точную тьму пронзил еще один страшный вой монстра, и Стасик дернулся так сильно, что едва не пробил затылком дно телеги.

— Что-то чертяки сегодня расшумелись, — заметил возница. — Нужно было прихватить из Форинга десятков пленников, и скармливать тварям штуки по три за ночь. Нет же, всех вырезали под корень. Лорд Мортус славный господин, грех жаловаться. Но уж больно кровожаден. Если уж начинает истреблять население, то пока всех не перебьет, спать не ляжет.

У Стасика загрохотали зубы. Уж не ослышался ли он? Скармливать пленников чудовищам? Бросать живых людей не растерзание этим невообразимым тварям, воющим в ночной тьме? Да это же уму непостижимо! Вот, значит, какие методы практикуют силы зла. И ему, похоже, тоже придется их перенять.

В третий день пути Стасик чувствовал себя скверно из-за накопившегося недосыпа, и пару раз даже задремывал сидя, привалившись спиной к мешкам. В первый раз его разбудила кочка, на которую повозка наскочила колесом. Во второй раз дрему его прервал возница.

— Продери-ка зенки! — крикнул он. — Смотри! Показался дом родной! Хвала богам — добрались.

Широко зевая, Стасик высунулся из-за высокого тележного борта. Вокруг, как и все прошлые дни, простиралась выжженная земля. Зато впереди, на самой линии горизонта, виднелась узкая полоска зелени. А еще он заметил несколько струек дыма, поднимающихся к небесам. Похоже, там располагалось селение.

Территория империи была отделена от нейтральной полосы рекой. Через реку имелся мост — капитальное каменное сооружение с мощными опорами. За мостом стояла сторожевая крепость, а чуть в стороне от нее раскинулась большая деревня.

Дозорные в крепости еще издали заметили приближение войска и сразу же узнали знамена лорда Мортуса. А затем разглядели и его самого — тот торжественно ехал впереди колонны на своем вороном жеребце, в сопровождении двух знаменосцев. Ехал победителем, нанеся ощутимый урон вражеской державе.

Гарнизон крепости высыпал к дороге и приветствовал героев радостными криками. Мортус даже головы в их сторону не повернул, но когда подтянулся обоз, с одной из телег солдатам бросили туго набитый чем-то мешок. Те тут же устроили за гостинец яростную потасовку.

Сторожевая крепость ничего особенного собой не представляла. Это было капитальное сооружение из массивных каменных блоков, построенное с таким расчетом, чтобы даже небольшой гарнизон мог некоторое время удерживать в нем оборону от сколь угодно превосходящих сил. Деревня, расположенная чуть поодаль от крепости, и вовсе ничем не отличалась от деревень по ту сторону нейтральной полосы. Те же домики, сараи, огороды. Стасик разглядел луг, а на нем небольшое стадо свиней. Контролировал животных, как и положено, свинопас.

Вид типичной деревеньки немного успокоил Стасика. Пусть Кранг-дан и считался империей зла, но простые люди жили тут так же, как и в Ангдэзии. Возможно, злодеи проявляли свою злобность только в войне с врагами, а промеж собой имели нормальные человеческие отношения. Это бы Стасика устроило. Он был согласен стать злодеем, но только при том условии, чтобы не совершать каждый божий день всяческие зверства и ужасы. Короче, числиться злодеем по паспорту, а на деле оставаться самим собой. Его не тянуло на массовые убийства. А весь запас своей злобы он копил и берег лишь для одного человека.

За рекой потянулись вполне типичные пейзажи — засеянные поля, рощи, луга. Так продолжалось примерно два часа, но когда стало смеркаться, пейзаж вновь претерпел изменения. На смену пышной зелени пришла местность, которую словно бы перепахали огромным плугом. Грунт и камни образовывали жуткий ландшафт из бесформенных бугров и глубоких ям. Ничего живого здесь не было — ни кустика, ни травинки.

— Мы сейчас где? — спросил Стасик у возницы.

— Подъезжаем к замку. Скоро покажется.

— А что здесь произошло?

Возница огляделся по сторонам, затем, сплюнув в сторону, ответил:

— Битва. Добряки как-то раз большим числом осадили черный замок, но тогдашний хозяин, прадед нынешнего лорда, был колдуном, каких мало. Сколько жил, столько и учился. Таких экспертов в черной магии, как он, по пальцам можно пересчитать. Вот он и продемонстрировал добрякам свое мастерство.

— Что же он сделал?

— Да вот кое-что сделал. Вышел на стену, да как начал заклинание читать. Говорят, два часа рта не закрывал — вот какое заклинание! А потом как хлопнул в ладоши....

— И? — сгорая от любопытства, потребовал продолжения Стасик.

— И тут-то добрякам пришел конец. Вся земля закипела, забурлила, и поглотила все войско до последнего кашевара. Вот с тех пор вокруг замка такой пейзаж. Пробовали его выровнять, да быстро бросили.

— Почему же?

— Только начали копать, как из-под земли полезли трупы. Да ладно бы обычные трупы, это ерунда. Что мы, трупов, что ли, не видели? А те, которые полезли, они кусаться начали. Ну и плюнули тогда на это дело. Незачем лихо будить. Кто его знает, что за заклинание прежний лорд сотворил. Оно, может, начни копать здесь, так и сам рад не будешь.

Тут возница прервал свой рассказ, и радостно воскликнул:

— О! Смотри-ка! А вот и дом родной!

Стасик задрал голову и увидел черную громаду замка, застывшую на фоне закатного неба. На стенах горели факелы, тусклый свет изливался из немногочисленных окон. Но в целом замок был будто высечен из куска антрацита.

Сквозь широкие ворота колонна начала вползать внутрь, как змея в свою нору. Стасика охватили страх и возбуждение. Вот то место, где ему дадут второй шанс. И он изо всех сил постарается его не упустить.

Ночевать ему пришлось во дворе, в той же самой телеге, на которой он и прибыл сюда. На следующий день, с рассветом, в замке началась великая суэта. До полудня происходил шумный дележ добычи, что вылилось в два десятка драк и один поединок насмерть. Затем, когда трофеи были распределены, солдаты со своими порциями награбленного добра стали покидать твердыню, расползаясь по окрестным деревням, откуда они, в большинстве своем, и происходили. Что же касалось доли лорда Мортуса, то та оказалась воистину львиной — шесть доверху груженных телег. Стасика, который не знал, что делать и чем заняться, привлекли к полезному труду и заставили таскать добычу на склады. И эта процедура затянулась до самого вечера.

Знакомый возница покинул замок еще в полдень, а больше Стасик никого здесь не знал. Была, правда, Риана, но она, как сообщил ему один из стражников, отдыхала после похода в своих покоях. А на вопрос Стасика, не может ли он ее побеспокоить, стражник, весело хохотнув, ответил, что побеспокоить госпожу Риану хотели бы многие, но лучше этого все-таки не делать.

После разгрузки телег Стасик, всеми забытый, сидел во дворе возле крепостной стены. Никто не обращал на него внимания. Казалось, захоти он покинуть замок, то сможет беспрепятственно сделать это. Ему не терпелось скорее приступить к изучению черной магии, и дорости до того же могущества, коим обладал прадед нынешнего лорда, уничтоживший одним заклинанием целое войско. Но пока что его не спешили даже кормить. Стасик за весь день не имел во рту маковой росинки, и его желудок не был доволен подобным положением дел.

Но напрасно он тревожился о том, что о его существовании все забыли. Ближе к закату к нему подошел стражник, потребовал встать и идти за ним следом. Стасик попытался вызнать, куда и зачем его ведут, но служивый не был склонен к дружеским беседам, и не снизошел до ответа.

Еще больше встревожил Стасика тот факт, что стражник повел его в подземелье, расположенное под замком. Туда вела крутая каменная лестница, нижний конец которой растворялся в зловещем полумраке. Стасик знал, что в подземельях, помимо прочего, обычно располагают камеры пыток. Уж не ждет ли его какой-нибудь неприятный сюрприз?

Чтобы потянуть время, он соврал стражнику, что ему нужно в туалет. Тот отнесся к просьбе с пониманием. Так и сказал:

— Понятно.

И продолжил путь. Стасику ничего иного не оставалось, как следовать за ним. Более того, он жутко боялся отстать и потеряться. Подземелья черного замка были мрачными, и своим устройством напоминали лабиринт. Возможно, здешние обитатели умели ориентироваться в хитросплетении однообразных коридоров, но Стасик чувствовал, что если отобьется от своего провожатого, то вовек не отыщет выхода наружу.

Их путь завершился у массивной двери, сколоченной из толстых дубовых досок и окованной полосами железа. Выглядела дверка жутко. За ней вполне могла скрываться камера пыток, или темница, или там жил питомец лорда Мортуса — ручной дракон-людоед, которому живьем скармливали наивных школьников. В общем, чем дальше, тем больше Стасик тревожился за свою жизнь.

Стражник поднес к двери руку и громко постучался. Спустя мгновение изнутри прозвучал неприятный скрипучий голос:

— Прошу!

Толкнув дверь, стражник распахнул ее и вошел первым.

— Давай за мной, — буркнул он, покосившись на Стасика через плечо.

Трясаясь от страха, Стасик шагнул внутрь. И сразу же испытал немалое облегчение, потому что в помещении, в котором он очутился, не было ни пыточных орудий, ни плотоядных монстров. А был в нем стеллаж, занимающий почти всю стену, чьи ячейки заполняли многочисленные свитки пергамента. Был так же небольшой постамент в центре, на котором покоился странный предмет декора — черный каменный череп. И еще был стол, заваленный свитками. За столом сидела сухая старуха с длинным крючковатым носом. Облачена она была в темно-синий балахон, ее седую макушку покрывала широкополая остроконечная шляпа. А когда старуха подняла голову, Стасик заметил на ее носу большую мохнатую бородавку.

Все признаки совпали — перед ним была эталонная ведьма.

— Кого это ты ко мне привел? — проскрипела старуха, обращаясь к стражнику, который, едва проникнув в помещение, тут же уселся на небольшую скамеечку у стены, вытащил из-за уха тонкую щепку и принялся ковыряться ею в своих желтых зубах.

— На проверку, — буркнул стражник, не прерывая своего занятия.

— Понятно, — протянула старуха, и перевела взгляд на Стасика. Тот невольно вздрогнул. Ему почудилось, что ведьма прикидывает его вкусовые качества.

— Ну, проверка, так проверка, — сказала старуха, встав из-за стола и проковыляв к постаменту с черным черепом на нем. — Давненько ничего хорошего не попадалось. Может, хоть ты, дитя, окажешься на что-то годным. У нас большой спрос на черных рыцарей.

— Я бы хотел стать магом, — робко признался Стасик.

— Похвальное желание, — одобрила ведьма. — Я тоже считаю, что хороший маг стоит дюжины черных рыцарей. Ну, подходи сюда. Давай-ка проверим, кто ты и на что годишься.

Стасик в великом волнении подступил к постаменту с черепом.

— Давай, — предложила ему старуха.

— Что давать? — растерялся Стасик.

Бабка мерзко захихикала.

— Ты что, вчера родился? Суй руку в рот башке, и жди, пока не позволю вытащить.

Стасик опустил взгляд на черный череп, и увидел, что рот его действительно приоткрыт настолько, чтобы внутрь можно было поместить человеческую кисть. Но делать этого почему-то не хотелось. Стасика не оставляло подозрение, что стоит ему сунуть руку в рот черепу, как тот тут же сомкнет челюсти.

— Не бойся ты, дурень! — начала сердиться старуха. — Он не кусается. Ты что, никогда в проверках не участвовал?

— Участвовал, — ответил Стасик. — Только там был куб....

— Куб, череп.... Какая разница? Это всего лишь внешний вид. А суть одна. А теперь живо суй руку в рот, иначе я сама тебя покусая. У меня через полчаса смена заканчивается, я ради тебя ее продлевать не собираюсь.

Ничуть не доверяя старухе, Стасик все же подчинился, и осторожно поместил свою кисть в рот каменной голове. Невольно зажмурился, ожидая чего угодно, но ничего страшного не произошло.

— Теперь жди, — приказала ведьма. — Сейчас выясним твой потенциал.

Стасик и без всяких проверок прекрасно знал, что потенциал его чрезвычайно велик. Всю свою жизнь, с момента знакомства с жанром фэнтези, он ощущал себя великим волшебником. Даже внешность располагала к магическому пути, ибо силушкой Стасик не вышел. И так уж было угодно судьбе, что стать ему предстояло именно черным магом. Могущественным заклинателем, повелевающим темными чарами. Как только завершится процедура распределения, и ведьма, крестясь от страха, объявит Стасика величайшим злым колдуном всех времен, он тут же потребует себе боевую мантию — снаружи черную, как ночь, а с изнанки красную, будто кровь. И еще ему потребуются посох. Не абы какой посох, а самый мощный, какой только смогут отыскать. Наверняка где-то в запасниках империи хранится древняя и немисливо могущественная реликвия — чародейский посох столь грозный и непостижимый, что никто доселе не рисковал прикоснуться к нему. Он-то Стасику и подойдет. Попутно можно будет быстренько проштудировать фолианты с заклинаниями. Всякую ерунду для первоклашек, вроде шара тьмы и черной молнии Стасик решил пропустить — оно ему надо, это детское баловство? Его изучать, только время тратить. Он сразу начнет с заклинаний среднего, а лучше так высокого уровня. Если проклятие, то такое, коим можно сразу накрыть огромную площадь. И не какое-то пустяковое проклятие, вызывающее у жертв бессонницу, потерю аппетита и диарею. Его проклятия будут сродни казням египетским. Люди, попавшие под воздействие его черных чар, покроются гнойными язвами, утратят волю к жизни, лишатся остатков сил и в недельный срок сойдут в могилу. О его могуществе и жестокости будут слагать легенды. Жители Англэзии станут трусливым шепотом произносить его грозное имя. Сам император Дакрос пригласит его в столицу, усадит с собой за стол и наречет лучшим другом.

Тут Стасик, как с ним частенько бывало, подпустил в свои фантазии романтическую струю, и представил, что у императора Дакроса Безжалостного, о котором он ровным счетом ничего не знал, обязательно есть дочь. Естественно, принцесса окажется сказочной красавицей — на что-то меньшее Стасик был не согласен. И едва слава о Стасике Мрачном дойдет до ее ушей, как принцесса тотчас же влюбится в него. Да и папа едва ли будет против брака любимой дочурки и величайшего черного мага в мире. Еще и уговаривать станет, потому что тут ведь еще неизвестно, кто круче — император или величайший черный маг.

Дело уверенно шло к свадьбе, когда замечтавшийся Стасик услышал скрипучий голос старухи:

— Все, достаточно.

Он извлек кисть из пасти черепа, и с облегчением убедился в том, что все пальцы по-прежнему остаются на месте.

Ведьма, склонившись над черепом, вполголоса пробормотала:

— Так.... Ага.... Понятно....

— Что там? — осторожно спросил Стасик, переживая о том, что его магический потенциал окажется не безграничным, а всего лишь огромным.

— Все нормально, — заверила его старуха. — Проверка прошла успешно.

— И?

Бабка спохватилась.

— А, тебе интересно знать, на что ты годишься, — сообразила она. — Это не секрет. Обычно череп выдает неоднозначный результат. Столько-то процентов того, столько-то сего. Вот и думай-гадай, куда человека послать — в черные рыцари, в некроманты, или в

иное, хе-хе, местечко. Но с тобой, голубь сизый, все предельно ясно.

— И кто же я? — теряя терпение, спросил Стасик.

Он прекрасно знал ответ. Просто хотелось услышать о своей исключительности и уникальности из чужих уст.

И он услышал.

— Тут написано — свинопас, — широко улыбаясь, ответила ведьма.

Комната закружилась перед глазами Стасика, и он почувствовал, что его тело падает вниз. Когда оно соприкоснулось с холодным каменным полом, в нем уже не было сознания — Стасик потерял его в полете.

Впрочем, недолго он провалялся в обмороке. Его быстро привели в чувства. Сделала это старая ведьма, сунув ему под нос склянку с какой-то мутной жидкостью. Аромат, источаемый ею, смог бы, пожалуй, поднять и покойника. Стасик тут же очнулся, закашлялся и замахал руками, пытаясь отстранить от себя источник невыносимого зловония.

— Что с тобой, мальчик? — удивленно спросила ведьма, тряся клиента за плечо. — Ты не больной? Сходи к целителям, тебя осматрят.

— А проверка уже была? — спросил Стасик, которому очень бы хотелось, чтобы все это ему только померещилось. На самом деле, все пребывание в правильном мире казалось ему страшным сном.

— Только что состоялась, — обрадовала его старуха. — Пляши, малец! Ты теперь свинопас.

Стасик с криком повалился на пол и забился в рыданиях. Это был конец! Конец всему! Теперь все, что ему остается, это придумать для себя наименее болезненный способ суицида. Он не видел ни одной уважительной причины жить дальше.

— Да что с тобой? — удивилась старуха.

Стражник, который привел его, поднялся со скамьи и с беспокойством наблюдал за истерикой Стасика.

— Припадочный он, что ли? — проворчала ведьма. — Сто раз ведь говорила, чтобы всех новичков по прибытию в замок осматривали целители. Этак недолго и чуму занести.

— Эй, — произнесла она требовательно, ткнув рыдающего Стасика своим скрюченным пальцем, — у тебя ведь нет бубонной чумы? А оспы?

— За что? — закричал Стасик, елозя по полу и разбрызгивая вокруг себя фонтаны слез.

— Да что с ним такое? — проворчал стражник. — Нормально же все было. Он, часом, не проклят?

— Вот потому и нужен обязательный медицинский осмотр, — проскрипела ведьма. — Мало ли что они на себе притащить могут.

Продолжая биться в рыданиях, Стасик мысленно согласился с предположением стражника. Похоже, на нем действительно лежало какое-то ужасное проклятие. А чем еще можно было объяснить тот факт, что, попав в правильный мир, он только и делает, что непрерывно страдает? Ни тебе великой силы, ни магической мощи, ни гарема поклонниц. Одни обломы и унижения.

— Да объясни ты, шельмец, в чем дело? — потребовала старуха. — Что с тобой не так? Если у тебя припадок, могу жабий настой дать. Он от всего помогает.

Опасаясь, как бы его не напоили жабьим настоем, или еще какой-нибудь отравой, Стасик прекратил рыдать и, сквозь рвущиеся из груди всхлипы, спросил:

— Скажите, а ваш череп может ошибаться?

— Ошибаться? — удивилась старуха. — Ну, да, бывает. Но редко. На моей памяти такое случилось всего трижды.

Стасик так резко подался к ведьме, что та невольно отпрянула от неадекватного посетителя.

— Проверьте меня повторно! — взмолился Стасик. — Пожалуйста! Мне очень надо. Я просто уверен в том, что произошла чудовищная ошибка.

— Да у меня смена уже закончилась, — проворчала старуха.

Стасик рухнул на колени, обхватил руками бедра старой ведьмы, и, орошая их слезами, вскричал:

— Пожалуйста, бабуля! От этого зависит моя жизнь!

Старуха высвободилась из его объятий и проворчала:

— Ну... ладно. Хорошо. Раз ты так просишь....

Не дожидаясь ее команды, Стасик резво вскочил на ноги и сунул руку в рот каменному черепу.

— Не знаю, с чего ты взял, что результат ошибочный, — бормотала старуха, настраивая магический прибор. — Говорю же, что это очень редкое явление. Да и чем тебя не устраивает участь свинопаса? Работа тихая, на природе, опять же. Свежий воздух, дружный коллектив. И в армию свинопасов не берут. Будешь себе тихонько хрюшек пасти и горя не знать.

— Я бы пошел в свинопасы, — подал голос стражник. — Делать ничего не надо — сиди на травке да за свинками присматривай. Завидная доля.

Стасик не понимал, говорят ли они это всерьез, или просто издеваются над ним. От злодеев можно было ожидать чего угодно. Но сейчас его куда больше волновал результат повторной проверки. Впервые в жизни Стасик искренне взмолился богу. Какому именно богу, он точно не знал. Молился всем высшим сущностям, что могли его услышать. И просил их лишь об одном — избавить его от ужасной участи. Он был согласен на что угодно, лишь бы не оставаться в свинопасах.

На этот раз ожидание затянулось почти на две минуты, и Стасик чувствовал, что если оно продлится еще немного, его точно хватит удар.

— Так, — нарушила молчание ведьма. — Так. Посмотрим....

Спустя мгновение она вскинула на Стасика удивленные глаза, и выпалила:

— А ведь ты был прав, малец! Первый результат действительно оказался ошибочным. Как узнал?

Стасик испытал такое невероятное облегчение, что едва не упал в обморок повторно. Пожалуй, подобным образом чувствует себя человек, которому, в самый последний момент, смертный приговор заменяют пятнадцатью сутками домашнего ареста. Он даже расхохотался, нервно и дико — настолько сильно было пережитое им эмоциональное потрясение.

— Да, бывает же! — произнесла ведьма. — Но зато теперь точно все ясно. Повторная проверка никогда не ошибается. Никакой ты не свинопас.

Стасик и сам прекрасно об этом знал. Оставалось выяснить, кто же он: черный рыцарь или злой колдун?

— Кто же он тогда? — спросил стражник, которому тоже стало любопытно.

— Посудомойка! — торжественно провозгласила старуха. — Это точно. Теперь никакой ошибки нет.

Стасик почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Он ощутил резкую боль в груди, и понял, что его с минуты на минуту накроет инфаркт.

— Посу... су... до... — пролепетал он непослушными губами.

— Мойка! — радостно закончила ведьма. — Что, малыш, от радости лишился дара речи?

— Посудомойка тоже неплохо, — заметил стражник. — Будешь трудиться на кухне, а тамошние работники, как я слышал, не голодают. Хорошее местечко. Повезло тебе.... Эй! Эй! Ты чего опять?

Стасик зашатался, и колодой рухнул на пол. И в этот раз ведьме пришлось долго держать тубик со зловонной жидкостью у его носа, прежде чем глаза Стасика вновь открылись. Но едва это случилось, как он пожалел о том, что не умер. Посудомойка! Чертова посудомойка! Правильный мир будто издевался над ним.

Ощущая вопиющую несправедливость бытия, Стасик горько и безутешно разрыдался.

Кухня в замке лорда Мортуса была огромной и мрачной. Впервые шагнув под ее закопченные своды, Стасик сгоряча решил, что ошибся местом и случайно угодил в темницу или камеру пыток. Все помещения тонули в сумраке и удушливом дыму. В нос пудовым молотом ударяла сногшибательная смесь ароматов жареного лука, подгорелого мяса и ядерного пота. В удушливом чаду, как мученики в преисподней, копошились многочисленные работники. Вкалывали они так, будто им пообещали тройной оклад, но на деле рецепт трудолюбия оказался прост, как пять копеек. Темные силы не церемонились с нерадивым персоналом, и если какой-то работник не демонстрировал положенного усердия, с ним обходились сурово и радикально.

Новое рабочее место повергло Стасика в ужас и отчаяние. В еще больший ужас его поверг вид своей новой начальницы — огромной страшной бабы неопределенного возраста. Звался этот прямоходящий кошмар Грыжей Антрекотовной, и первый совет, который дали Стасику новые коллеги, заключался в том, чтобы никогда и ни за что не огорчать верховную кухарку. Да Стасику и самому не хотелось. Всякий раз, когда он видел эту чудовищную женщину, у него тут же прихватывало живот. Грыжа Антрекотовна, двухметровая и широкоплечая, имела в своем роду горных троллей, и еще бог знает каких монстров. В наследство от предков ей достался чудесный набор генов, сформировавших феерическую внешность. Одно лицо чего стоило. Этаким рожей можно было пугать людей насмерть. В ножнах, обтянутых кожей убитого ею в юности паладина, она вечно носила ужасающий тесак, являвшийся переломленным надвое мечом черного рыцаря. Но куда более грозным оружием в ее арсенале был старый фартук из шкуры дракона.

Фартуку этому было уже лет двести, он считался чем-то вроде реликвии. Тем не менее, вещь сохранилась отменно и до сих пор своей прочностью не уступала лучшим стальным доспехам. Но фартук не только защищал округлый живот и огромные груди верховной поварахи от капель кипящего масла и прочих жизненных невзгод. Эта штука была двойного назначения. И ее вторую функцию Стасик вскоре познал на собственной шкуре.

После трех дней на кухне черного замка Стасик конкретно заскучал по ферме близ Форинга. Выпас свиней, как выяснилось, был делом легким и ненапряженным. А вот стезя посудомойки оказалась нелегка. С раннего утра он вставал к огромной раковине, и отходил от нее только поздним вечером. Не успевал он осилить одну порцию грязной посуды, как ему подтаскивали следующую. И порции эти были истинно богатырскими. Целые горы посуды проходили за смену через его руки. Казалось, обитатели черного замка только и делают круглые сутки, что непрерывно жрут. Уже после первой смены Стасику приснился кошмар, главными героями которого оказались грязные тарелки, кубки, кастрюли и сковороды. Он проснулся в холодном поту и с душераздирающим криком, после чего с ужасом осознал, что сон его был вещим.

От воды и песка, который использовался в этом мире в качестве чистящего средства, руки Стасика стали опухшими и болезненно-бледными, как у утопленника. К концу смены он едва держался на ногах. Духота и смрад, что царили на кухне, усугубляли усталость. У несчастной посудомойки едва хватало сил на то, чтобы доползти до своей койки. Даже тот факт, что работники кухни неплохо питались, ничуть не спасал положения. Ад, он и есть ад, даже если в нем хороший стол.

На третий день Стасик совершил свою первую производственную оплошность. Тарелка, которую он только начал мыть, выскользнула из его непослушных пальцев, пролетела мимо раковины и грянулась об пол. Естественно, от удара о твердую поверхность она тут же разлетелась вдребезги.

Стасик быстро присел на корточки и стал собирать осколки, ошибочно посчитав, что ничего страшного не произошло. Посуды в замке было немерено и едва ли кто-то станет делать трагедию из-за одной разбитой тарелки. Да и тарелка была так себе, не самая лучшая.

И вот он сидел, собирал себе осколки, как вдруг на его сторбленную спину обрушился такой страшный удар, что он едва не вышиб из Стасика дух. Крича от нестерпимой боли, он покатился по полу. Лишь через несколько секунд, немного придя в себя, он сумел разглядеть своего обидчика сквозь пелену слез. Им, а точнее ею, оказалась Грыжа Антрекотовна собственной персоной. Тут же нашелся ответ на вопрос, чем именно его ударила эта жуткая садистка. Стасику показалось, что его приложили железнодорожной шпалой, но, как выяснилось, орудием экзекуции послужил фартук верховной кухарки. Убойность у этой штуки была страшная. Стасик после прилетевшего гостинца еще полчаса не мог встать на ноги.

Выписав работнику внеочередную премию, Грыжа Антрекотовна подошла к нему. Корчащему на полу Стасику показалось, что к нему подступает сама смерть. Не классическая смерть — нечто в черном одеянии и с острой косой. К нему смерть явилась в ином, более ужасающем, облиции. Она предстала перед ним в образе огромной страшной бабы, сменившей косу на сокрушительный кожаный фартук. Видит бог, Стасик предпочел бы быть зарезанным, чем забитым насмерть этим страшным предметом гардероба.

Верховная кухарка нависла над ним, огромная, как скала. Ее и без того жуткое лицо исказила гримаса злобы. Стасик зажмурился, ожидая самого худшего. Но вместо новой порции побоев над ним прозвучал глухой бас, раскатившийся по всей кухне, подобно грому:

— Разобьешь еще одну тарелку — пойдешь на гуляш!

Сообщив работнику ожидающую его участь, Грыжа Антрекотовна временно позволила ему жить и удалилась.

Когда Стасик пришел в себя после выговора, и вновь сумел вернуться к работе, он попытался выяснить у коллег, что имела в виду верховная кухарка. Но коллеги при одном только упоминании госпожи Грыжи съеживались от страха и отказывались идти на контакт. Лишь один старик, который занимался выносом помоев и мытьем полов, согласился удовлетворить любопытство Стасика. И, как выяснилось, никакой загадки в словах верховной кухарки не было. Пообещав пустить Стасика на гуляш, она именно это и имела в виду.

— Был тут один паренек до тебя, — шамкая губами, пустился в воспоминания беззубый старожил. — Сразу он госпоже Грыже не приглянулся. Невзлюбила она его, ой, невзлюбила. Придиралась, что посуду плохо моет и усердием не блещет. А когда он разбил тарелку....

Старик замолчал, покачав головой. Стасик слушал с замиранием сердца, и у него не было уверенности в том, что он точно хочет знать, чем закончилась история его предшественника.

— В общем, пропал мальчишка, — подытожил старик. — Больше мы его не видели. Вот только на следующий день госпожа Грыжа принесла целый тазик свежего мяса и приготовила из него гуляш. А потом сама его и слопала. Ела, и нахваливала. Вот, приговаривала, какой был негодный работник, а на вкус вполне себе недурен.

Стасик побледнел и зашатался. Наверное, именно в этот момент в нем окончательно оформилось желание рвать когти из черного замка. Одно дело, это скверные условия труда и проживания, и совсем другое — перспектива стать гуляшом. А что-то подсказывало Стасику, что и он не приглянулся госпоже Грыже. Точнее говоря, не приглянулся как работник. А вот как еда — вполне возможно.

Но возжелать чего либо, и осуществить это — не одно и то же. Черный замок хорошо охранялся, ни войти в него, ни выйти из него незамеченным было невозможно. На стенах постоянно дежурила стража, в том числе и черные маги, непрерывно сканирующие все подступы к твердыне. Да и подступы там были еще те — голая выжженная земля, ни тебе холмика, ни кустика. Ближайшим местом, способным послужить укрытием, была едва различимая роща, и располагалась она довольно далеко от замка. То есть на первый взгляд побег представлялся Стасику делом невозможным.

Помимо этого у него возник еще один немаловажный вопрос — куда ему, собственно, бежать? То, что задерживаться в империи он не хочет, Стасик для себя уже решил. Оставалось только вернуться обратно, в стан защитников добра и света. Там его, скорее всего, опять заставят пасти свиней, но после нескольких дней работы на кухне под началом Грыжи Антрекотовны, карьера свинопаса уже не казалась Стасику карой божьей. Потому как пять лет на ферме он выдержит, а вот пять лет на кухне черного замка едва ли. Какое там! Сатанинская кухарка со дня на день помянет его в гуляше, а если и нет, так он сам загнется от невыносимых условий труда.

В общем, представься ему такая возможность, Стасик непременно бы пошел в побег. Но пока что он не видел способа осуществить свой замысел.

Спустя неделю пребывания в замке он впервые встретил Риану. Столкнулись они во дворе, куда Стасик вышел, чтобы вылить в ров чан с помоями. Ведьма только что прибыла откуда-то и едва успела спешиться. Завидев ее, Стасик, сломя голову, бросился к старой знакомой.

— Госпожа! Госпожа! — закричал он.

Риана была не одна. Ее сопровождали два черных рыцаря. И один из них показал завидную реакцию, ловко притормозив Стасика кулаком в ухо. Паренек с болезненным криком растянулся на земле.

— Куда прешь, червь? — взревел рыцарь, схватившись за рукоять меча.

Стасик сжался от ужаса, вдруг осознав, что черный рыцарь может зарубить его легко и просто и ничего ему за эту шалость не грозит.

— Тише, тише, — прозвучал рядом голос Рианы. — Ну что вы тут устроили?

Тут она разглядела Стасика и узнала его.

— А, это ты, — добродушно произнесла ведьма. — Еще живой.

В ее последних словах прозвучало искреннее удивление. Кажется, она ожидала иного.

— Здравствуйте, госпожа, — пробормотал Стасик, не торопясь подниматься с земли. В этих краях было не принято разговаривать с начальством, стоя перед ним в полный рост.

— Здравствуй, здравствуй, — ответила Риана. — Ну, вставай же. Нечего валяться в грязи.

Стасик медленно поднялся на ноги, не спуская испуганного взгляда с черных рыцарей.

— Ну, как тебе живется? — спросила Риана. — Все ли у тебя хорошо?

Стасику показалось, что ведьма над ним издевается. Как будто по нему и так не было видно, как обстоят его дела и насколько ему хорошо.

— Госпожа, можно вас кое о чем попросить? — слезно взмолился Стасик.

Риана улыбнулась, явно наслаждаясь унижением собеседника.

— Ну, конечно же, — ответила она. — Ты ведь мне однажды помог. И я тебе помогу.

Что ты хочешь?

Стасик собрал всю свою смелость в кулак, еще раз трусливо глянул на застывших за спиной Рианы черных рыцарей, и, на одном дыхании, выпалил:

— Госпожа, а нельзя ли перевести меня из кухни куда-нибудь в другое место?

— В другое, это, например, в какое? — уточнила Риана.

Стасик замялся.

— Ну, я бы мог стать... — забубнил он чуть слышно. — Мог бы я... Я бы... Черная магия... Я бы...

— Будь добр, говори громко и разборчиво! — потребовала ведьма.

Стасик послушался и заговорил громче:

— Я бы мог стать воином или магом. У меня получится, правда. Поверьте в меня!

Риана устало выдохнула.

— Послушай, — произнесла она мягко, — распределяющий череп ведь определил твои способности. Понимаю, ты хочешь большего, но нужно смотреть правде в глаза. Магом ты стать не сможешь, поскольку в тебе нет никаких способностей к этому ремеслу. Целителем, соответственно, тоже.

— Ну а воином? — с гаснущей надеждой спросил Стасик, и в его глазах заблестели слезы отчаяния.

Риана закатила глаза. Ей явно надоело тратить время на эту беседу, да и Стасик, похоже, был ей не слишком интересен. И все же она переступила через себя.

— Вот что, — сказала она. — В этом замке есть старый воитель, бывший черный рыцарь. Настоящая живая легенда. Он уже на пенсии, но иногда берется тренировать перспективных юнцов. Лучшего учителя, чем он, не сыскать во всей империи. Давай поговорим с ним. Он взглянет на тебя и скажет, годишься ли ты в воины или нет. Если уж ты не доверяешь распределяющему черепу, то такому легендарному воину, как Трокус, ты поверить обязан. Если он разглядит в тебе хоть какой-то потенциал, я, так и быть, похлопочу за тебя. Но если нет — извини. Тебе придется смириться со своей участью.

Стасик с радостью ухватился за эту соломинку. Все-таки живой человек, это не бездушный магический прибор. Его, возможно, удастся убедить в своей профессиональной пригодности.

— Поступим вот как, — сказала Риана, задумчиво поглаживая подбородок кончиками пальцев. — Жди меня на этом месте после ужина. Я приду, и мы вместе сходим к Трокусу.

— Меня, наверное, верховная кухарка не отпустит — признался Стасик.

— Передай мымре, что это мой приказ — ответила Риана. — Ну, все, ступай, делай свои дела. А мне нужно отдохнуть после долгой дороги.

Она удалилась в сопровождении рыцарей, а Стасик потащил дальше бадью с отбросами. Душа его ликовала. Наконец-то у него появился хоть какой-то шанс, хоть какой-то свет в конце черного, как ночь, туннеля. И пусть этот свет был довольно тусклым, Стасик цеплялся за него руками и ногами. Поскольку, кроме этого, надеяться ему было не на что.

Как и ожидал Стасик, его намерение отлучиться с кухни после ужина не привело Грыжу Антрекотовну в восторг.

Едва услышав о том, что новенький отпрашивается уйти в самый разгар вечерней смены, она свирепо посмотрела на него и страшным голосом спросила:

— Далеко ли ты намылился, гуляш?

Она дразнила Стасика гуляшом последние три дня, и тот нутром чувствовал, что это не к добру. Можно было бы предположить, что это какое-то ласковое прозвище для молодых сотрудников, но ласка была глубоко чужда верховной кухарке. Стасик догадывался, что гуляшом его нарекли неспроста. Уж что-то эта кошмарная женщина затевала. Что-то она замыслила на его счет.

— Мне надо, — проямлил Стасик, стараясь не смотреть на Грыжу Антрекотовну, которая высилась перед ним, подобная башне ужасов.

— Вот что, гуляш, — прорычала верховная кухарка, и в ее руке внезапно появился тесак, который она выхватила из ножен с умопомрачительной скоростью. — Если хочешь отлучиться, я, так и быть, тебя отпущу. Но прежде давай-ка прогуляемся в мой кабинет и немножко побеседуем там. Наедине.

Стасик быстро глянул на прочих работников кухни. Стоило Грыже Антрекотовне упомянуть свой кабинет, как с лиц ее подчиненных мигом сошла вся краска. Стасик прежде не бывал в кабинете верховной кухарки, и не слышал, чтобы кого-то приглашали туда с целью проведения приватной беседы. И что-то подсказывало Стасику, что ему следует держаться от этого зловещего места подальше.

— Знаете, мне госпожа Риана приказала ждать ее во дворе после ужина, — поспешил сообщить он. — Она сама это сказала.

Ужасающая кухарка подалась вперед, впялила в Стасика взгляд своих крошечных злобных глаз и уточнила:

— Не врешь ли ты мне, гуляш?

— Это правда! — выпалил Стасик. Как будто бы можно было соврать этой inferнальной женщине.

Верховная кухарка отстранилась от него и медленно, с явной неохотой, убрала тесак в ножны.

— Ладно, — великодушно позволила она, — можешь идти. Увидимся завтра, гуляш.

Стасик очень надеялся, что этого не произойдет. Чужало его сердце, что если он задержится на кухне еще хотя бы на неделю, страшная женщина точно совершит с ним что-то несовместимое с дальнейшей жизнью.

Покинув обиталище Грыжи Антрекотовны, Стасик поспешил во двор. Снаружи, к тому времени, уже стемнело и на крепостных стенах зажгли многочисленные факелы. После удушливого чада кухни свежий уличный воздух показался Стасику опьяняюще вкусным.

Ждать пришлось довольно долго. Он стоял у стены, нарочно скрывшись в тени, дабы не привлекать к своей скромной персоне внимание здешних обитателей. По двору то и дело проходили подвыпившие воины, один раз на рогах прошел в стельку трезвый черный рыцарь, и скрылся в конюшне, откуда вскоре зазвучал мощный богатырский храп. Стасик все ждал, а время все шло. В какой-то момент ему стало казаться, что Риана забыла о своем обещании

или просто передумала. Но вот послышались чьи-то легкие шаги, и в поле зрения Стасика появилась ведьма. Спрятавшийся в тени Стасик не укрылся от ее взора.

— Выходи оттуда, нам пора, — сказала Риана. — Ну, готов?

— Давно готов — ответил Стасик, и это была чистая правда. До сих пор в этом мире его подвергали проверкам только при помощи бездушных магических приборов. Впервые его будет оценивать живой человек. Вдруг хоть он сумеет разглядеть в нем глубоко сокрытые таланты и невероятный потенциал.

Стасик последовал за своей покровительницей, явно спешащей скорее покончить с этим делом. Наверняка у нее были более интересные занятия. Возможно, ее ждала горячая ванна, или дороге вино, или какой-нибудь молодой и горячий черный рыцарь скучал в ее кровати, поджидая запропавшую где-то любовницу. Знатные особы в этом мире умели пожить в свое удовольствие. И не только умели, но и могли себе это позволить.

Их путь завершился у небольшого приземистого строения, вплотную примыкающего к крепостной стене. В крошечном окошке горел красноватый свет. Внутри было тихо.

Риана постучала в дверь, громко и решительно. Через непродолжительное время скрипнул засов, и вечерний сумрак разрежала полоса света. Из-за приоткрывшейся двери прозвучал недовольный мужской голос:

— Кого там принесло?

— Это я, Трокус, — отозвалась Риана. — Впустишь?

Дверь открылась шире. На пороге Стасик увидел высокого стройного мужчину. Своей подтянутой фигурой он как-то слабо напоминал пожилого ветерана.

— Входи, красивая, — позволил Трокус. — Кто это тут с тобой?

— Мальчишка, — ответила Риана. — Хочу, чтобы ты его посмотрел.

Когда все трое оказались внутри домика, Стасик, наконец, получил возможность рассмотреть лицо бывшего черного рыцаря. И оно оказалось потрепанным. Вся физиономия ветерана состояла из сплошного нагромождения морщин и шрамов. Глаза у него были льдисто-голубые, взгляд недобрый. Впрочем, какого еще взгляда можно было ожидать от бывшего черного рыцаря?

— Вот, привела мальчика, — сообщила Риана, указав рукой на Стасика. — Хочу, чтобы ты на него поглядел своим профессиональным взором, и вынес вердикт. Что думаешь, выйдет из него хоть что-то путное?

Трокус покосился на Стасика, окинул его безразличным взглядом, и произнес:

— Ну, судя по внешнему виду, его можно сразу отправлять на мыловарню. Но внешность бывает обманчивой. Надо будет оценить его в деле. Пусть приходит завтра утром.

Риана повернулась к Стасику и сказала:

— Понял? Придешь сюда завтра утром, после завтрака. На кухню можешь не ходить, лучше выпишь, наберись сил. Они тебе понадобятся.

На этом визит закончился и они, распрощавшись с Трокусом, побрели обратно.

— Ты уж постарайся завтра, — посоветовала Риана, когда им пришла пора расставаться. — Выложись на полную. Потому что если и это не сработает, то останется тебе только смириться с участью посудомойки. На кухне, как, еще не обвыкся? Может и там стерпится?

— Меня верховная кухарка гуляшом обзывает, — пожаловался Стасик.

— Это плохо, — покачала головой Риана. — Так-то Грыжа от своих вредных привычек избавилась, но иногда все же срывается. Раз в два месяца стабильно.

— О чем ты говоришь? — побледнел Стасик. — О каких привычках?

— О людоедских. Она ведь в начале карьеры специализировалась только на блюдах из человечины. Даже держала свой трактирчик, имела постоянную клиентуру. Когда ее в замок на службу брали, она клялась и божилась, что с людоедством все. Только соврала она, потому что люди на ее кухне постоянно пропадают. Вначале она им какие-нибудь вкусные прозвища придумывает — ну, котлетка, там, или пельмень, или рагу, а потом они пропадают. И никто ничего не знает. Пробовали внутреннее расследование провести, но весь кухонный персонал молчит. Одного хлебореза почти раскололи, но за день до того, как он должен был дать показания, пропал с концами. Пришли на кухню, а Грыжа холодец варит. Спросили у нее — где, мол, хлеборез? А она в ответ — нет его больше, уволился по собственному желанию.

Выслушав эту историю, Стасик понял, что завтра он вылезет из кожи вон, но заставит Трокуса взять себя в ученики. Либо это, либо возвращение на кухню, где его не ждет нечего хорошего. У Стасика отпали последние сомнения в том, что Грыжа Антрекотовна присмотрела его на ужин.

Ночевал Стасик в общей комнате, вместе с другими слугами. Та располагалась в подвальном помещении и отличалась отсутствием всяческого комфорта. Помещение было большое, с голыми каменными стенами и низким, давящим на психику, потолком. Мебель, наполняющая ее, отличалась спартанским минимализмом — двухъярусные деревянные нары да сундуки для хранения личного имущества. Стасику тоже выделили сундук, в который тот поместил все свое нажитое в правильном мире добро, то есть ровно ничего.

В этот вечер он прибыл в спальню первым, прочие слуги все еще были заняты на работах. Стасик, не раздеваясь, лег на жесткий, лоснящийся грязью, матрас и постарался заснуть. Завтра ему понадобятся все его силы, чтобы не ударить в грязь лицом. Либо он совершит невозможное, и убедит престарелого мастера меча взять его в ученики, либо....

Стасик тревожно засопел и перекатился на другой бок. О том, что будет, если завтра его постигнет неудача, он даже думать боялся. Точнее, что будет, он прекрасно знал. Он просо останется там же, где и был — на кухне. Рядом с Грыжей Антрекотовой. Но едва ли ему суждено надолго задержаться в посудомойках. Нет, на повышение он не пойдет, это вряд ли. А вот на гуляш запросто.

С этими тревожными мыслями Стасик заснул. Спал он беспокойно — постоянно снились разные ужасы. Когда очередной кошмар выбросил его из состояния сна, он распахнул глаза и обнаружил, что лежит в темноте. Снаружи стояла глубокая ночь. На соседних кроватях храпели и сопели измученные пролетарским трудом коллеги.

Стасик уже приготовился вновь отойти ко сну, но тут какой-то звук донесся со стороны входа. Вроде как шаги, или что-то похожее на них. Поначалу Стасик не придавал этим звукам значения. Черный замок буквально кишел крысами, да такими здоровыми, что на них следовало спускать не кошек, а тигров. Грызуны ночи напролет бродили по подземелью, как у себя дома. Вот Стасик и решил, что услышал во тьме очередную крысу.

Но затем, когда звук повторился и прозвучал заметно ближе, он усомнился в том, что слышит грызуна. По проходу между кроватями явно продвигалось нечто крупное и двуногое. Стасик расслышал тяжелое человеческое дыхание, и ему стало не по себе. Кто это крадется во мраке ночном? Какой мотив привел этого неизвестного в комнату слуг?

И тут он услышал голос. И узнал его. Это был голос его начальницы — Грыжи Антрекотовны.

— Гуляш? — ласково звала верховная кухарка. — Где ты гуляш? Отзовись.

Разбрызгивая ледяной пот, Стасик стек на пол и быстро заполз под кровать. Там было грязно и пыльно и он, чтобы не чихнуть, зажал себе пальцами нос.

Шаги приблизились, и Стасику показалось, что в темноте он различает огромные ноги верховной кухарки.

— Гуляш? — позвала та. — Пойдем со мной.

Одной рукой Стасик зажал себе нос, второй рот, дабы случайно не издать никакого звука. Пожалел, что нет третьей руки, и для нее нашлась бы работа.

— Гуляш? Где ты прячешься, проказник?

В этот момент вдруг прозвучал сонный голос одного из слуг:

— Что такое? Кто здесь ходит? Кто....

Раздался негромкий чавкающий звук, и речь человека оборвалась. Судя по всему, оборвалась вместе с жизнью. Затем чуть живой от ужаса Стасик услышал шелест влачимого по полу тела. Верховная кухарка не сумела найти приговоренного к гуляшу подчиненного, но и без добычи не осталась.

А Стасик лежал под кроватью, умирал от страха и думал о своем будущем. Если завтра с ним не произойдет чуда и бывший черный рыцарь не возьмет его в ученики, то не миновать ему превращения в гуляш. Разве что сбежать... Но об этом и думать было нечего. Будь побег из черного замка возможен, Стасик уже давно бы взял ноги в руки.

Сразу после завтрака Стасик отправился к апартаментам Трокуса. Дверь в жилище была заперта, внутри царила темнота. Стасик робко потоптался у входа, не решаясь постучать. Он подумал о том, что бывший черный рыцарь может еще спать и если он своим стуком пробудит его, ветеран едва ли этому обрадуется. Черные рыцари не отличались добротой и пониманием, ни действующие, ни бывшие. Да и вообще, с такой штукой, как доброта, в империи зла ощущался жесточайший дефицит.

После получасового несения почетного караула возле двери в жилище Трокуса, Стасик привлек к себе слишком много нежелательного внимания. Стражники начали подозрительно коситься на него и перешептываться. Возможно, у них возник следующий вопрос: что этот слуга забыл здесь и почему стоит без дела? Не зная, кого ему бояться сильнее, Стасик решился и постучал в дверь.

Стучать пришлось долго. У него уже заболели костяшки пальцев, когда из дома донеслось недовольное ворчание, будто там пробудился рассерженный медведь. Затем дверь с грохотом распахнулась, и на пороге возник Трокус, взъерошенный, с помятым лицом, и в одних застиранных кальсонах.

— Я тебе сейчас по почкам постучу! — заревел он на Стасика, и паренек едва не кончился от страха на том же месте, где стоял.

— Чего тебе надо, заморыш? — зарычал Трокус. — Ты кто такой?

Стасик попытался ответить, но от страха его язык надежно прилип к сфинктеру. Он таращился на Трокуса круглыми от ужаса глазами и молил бога только об одном — чтобы не пришлось сильно страдать перед смертью.

Впрочем, убиение так и не состоялось. Окончательно продрав глаза, Трокус сам признал его.

— А, это же тебя приводила Риана, — сказал он менее враждебно. — Вроде бы вчера ты был выше на полголовы.

— Извините, что разбудил, — нашел в себе силы вымолвить Стасик.

— Ладно, чего уж, — отмахнулся Трокус. — Ты, вот что, посиди где-нибудь тут, подожди немного. Мне надо умыться и одеться.

Ожидание затянулось еще на полчаса. По их истечении Трокус появился из своего домика полностью одетым. В руке он держал два деревянных меча.

— Идем на арену, — сказал он. — Посмотрим, на что ты годен.

Тренировочная арена располагалась в пределах крепости, вдали от жилых построек. В столь ранний час она пустовала, если не считать оголенного по пояс черного рыцаря, упражнявшегося с мечом. Он обменялся с Трокусом приветственными кивками, когда тот проследовал мимо. Стасика кивка не удостоили.

Арена представляла собой круг голой утопанной земли метров пятнадцати диаметром, огороженный деревянным забором. Воины устраивали там тренировочные бои, а так же дрались взаправду, когда их одолевала скука после продолжительного отсутствия боевых операций.

Трокус, даром что ветеран, легко перескочил через ограду арены. Стасику на это понадобилось куда больше времени, и он лишь чудом не упал, когда его левая нога предательски зацепилась за одну из перекладин.

Бывший черный рыцарь повернулся к нему лицом и бросил на землю один из двух деревянных мечей, что он принес с собой. Стасик, наклонившись, подобрал его. Даже будучи деревянным, меч показался ему излишне тяжелым.

— Прежде чем мы приступим, — произнес Трокус, — мне хотелось бы узнать о твоём боевом опыте. Чем можешь похвастаться?

— Простите? — уточнил Стасик, который не совсем понял суть прозвучавшего вопроса.

— Что умеешь? Чем владеешь? Какое оружие предпочитаешь? В скольких стычках участвовал? — перечислил Трокус список интересующих его тем.

О, Стасик мог бы ему порассказать о своём богатейшем боевом опыте. Чем и где он только ни дрался. Да как дрался! Пиксели лились рекой, горы высокополигональных трупов громоздились под его ногами. В каждой таверне барды пели ему хвалу. Правда, все время одну и ту же — разработчики поленились разнообразить репертуар исполнителей.

— Я, в общем-то, новичок в этом деле, — смущенно признался Стасик.

— Ну, хотя бы раз в жизни ты сражался? — с гаснущей надеждой спросил Трокус. — Ты ведь уже взрослый. Сколько тебе? Двенадцать?

— Шестнадцать, — поправил его Стасик.

— Шестнадцать? А выглядишь максимум на десять. Я в твои годы уже собрал коллекцию вражеских голов и имел восьмерых трофейных коней. Не мог же ты дожить до таких лет и ни разу никого не убить.

— Я просто издалека, — заюлил Стасик. — Я неместный. Там, откуда я родом, нет войны.

— Война есть везде! — отрезал Трокус. — Искать надо уметь.

Он тяжело вздохнул и произнес:

— Ладно. Сражался ты прежде, или нет, это не так уж и важно. Если в тебе сокрыт воинский потенциал, он неизбежно проявится.

Трокус поднял деревянный меч, отсалютовал Стасику, и потребовал:

— Нападай на меня.

— Что сделать? — испугался Стасик.

— Нападай. Ударь меня своим мечом.

Стасик сделал крошечный шагок в направлении Трокуса и в нерешительности остановился. Он никогда в жизни никого не бил. Ему даже в голову подобное не приходило. Его били, это да, но о том, чтобы дать сдачи, он никогда не думал.

— Давай же! — нетерпеливо потребовал Трокус.

Деревянный меч затрясся в руке Стасика. Он вдруг понял, что не сможет ударить учителя. Не в том смысле, что не сумеет его достать, а в том, что его не хватит даже на попытку.

— Ты что, уснул? — начал сердиться Трокус. — Какого паладина ты разбудил меня в такую рань, если не хочешь тренироваться?

Стасик уже был близок к тому, чтобы бросить меч на землю и разрыдаться, но тут он вспомнил о Грыже Антрекотовне. Если сейчас он отступит, верховная кухарка неминуемо сделает из него гуляш. Она уже приходила за ним этой ночью и придет еще. Будет приходиться до тех пор, пока не добьется своего.

Издав визгливый клич, Стасик бросился на Трокуса. Замахнулся мечом, приготовился рубануть противника с плеча, но вдруг почувствовал, что ноги его оказались выше головы, голова в районе пупка, а затем он мощно грянулся спиной об землю.

От боли у Стасика потемнело в глазах. Он корчился на земле и горько плакал, судорожно щупая руками свое несчастное туловище. Только одно он хотел знать — цел ли позвоночник? Если нет, то у него не будет никаких шансов сбежать от Грыжи Антрекотовны, когда та вновь явится по его несчастную душу.

— Ты вообще когда-нибудь держал в руках оружие? — прозвучал над Стасиком удивленный голос Трокуса. — Хоть какое-нибудь?

Естественно, никакого оружия Стасик в руках не держал, если, конечно, не считать оружием столовые приборы.

— Это была самая бездарная атака, которую я видел за свою жизнь, — признался Трокус. — А я их повидал немало. Был у меня один подчиненный — без одной руки, горбатый и слепой. Так даже у него получалось лучше.

Стасик корчился от боли и из последних сил пытался сдержать слезы. Над ним гремел безжалостный голос наставника:

— Если бы я тебя не притормозил, ты бы точно оступися и насадился брюхом на собственный меч. И да, скажи мне, пожалуйста, зачем ты в момент нападения глаза зажмурил? Это какой-то модный тактический трюк?

Стасик кое-как поднял себя на ноги. Спина болела так, будто по ней прошелся полк солдат, и каждый из них счел нужным хорошенько впечатать каблук в чужое мясо.

— Покажи, что ты умеешь! — вновь потребовал Трокус. — Давай! Представь, что я твой злейший враг! У тебя же есть злейший враг. Должен быть. Он у каждого есть.

Да, у Стасика был злейший враг. Ненавистный Колька, подло просочившийся вслед за ним в этот мир и укравший его мечту. В глубине души Стасик верил в то, что во всех его неудачах виноват злой одноклассник. Не ворвись он в правильный мир, и все у Стасика сложилось бы хорошо. Его обязательно признали бы великим магом и лучшим паладином, и красивые девушки бегали бы за ним стайками, добиваясь внимания героя. Но Колька лишил его всего. Он украл его способности, его удачу, его поклонниц. И сейчас ненавистный Колька наслаждался жизнью в Англэзии. Возможно, веселился на королевском пиру, кушая деликатесы и заигрывая с верховной волшебницей.

Стасик злобно уставился на Трокуса и увидел на его месте своего заклятого врага. В душе закипела такая ярость, что аж дурно стало. Ревя зверем, Стасик бросился на противника, бестолково размахивая перед собой мечом. Трокус не стал ни парировать его атаку, ни сбивать ученика с ног. Он просто шагнул в сторону, пропустив Стасика мимо себя. Тот промчался дальше, ударился об ограждение арены и упал на землю.

Лежа на грунте и тяжело дыша, Стасик ожидал услышать новую порцию критики, но вместо нее до его ушей донесся веселый смех наставника. И не его одного. Вместе с Трокусом хохотал и тот черный рыцарь, что тренировался возле арены помимо них.

Стасик поднялся на колени и сквозь пелену слез посмотрел на этих бесчувственных мужланов. Оба стояли и ржали, о чем-то негромко переговариваясь. Наверняка обсуждали его оригинальный боевой стиль. Затем Стасик расслышал, как черный рыцарь сказал Трокусу:

— Пойду, позову остальных.

И действительно куда-то ушел.

— И долго ты собрался валяться? — крикнул ему Трокус. — Где твой воинский дух?

— Я же сказал, что ничего не умею! — не выдержав, грубо ответил Стасик. — Меня учить надо.

— Дело вовсе не в умении. Умение — пустяки. Обучить можно и медведя. Но если в тебе нет воинского духа, если в твоей груди не бьется сердце настоящего черного рыцаря, то никакие тренировки не сделают тебя героем зла. Докажи, что Риана в тебе не ошиблась!

К этому моменту возвратился ухившийся куда-то черный рыцарь. И возвратился он не один. Мужчина привел с собой пятерых приятелей. Судя по суровым лицам и мускулистым телам, все они тоже были черными рыцарями.

Компания выстроилась по ту сторону ограждения и стала внимательно наблюдать за происходящим на арене представлением.

— А что, они так и будут смотреть? — спросил Стасик, который всегда стеснялся делать что-либо на публику.

— Не обращай на них внимания — посоветовал Трокус. — Сконцентрируйся на победе. Только это имеет значение.

Легко ему было раздавать советы. Он ведь не прошел через весь тот ад, который Стасик отмерил своими ногами вдоль и поперек. Когда в школе ему доводилось отвечать на вопрос, или, не дай бог, читать по памяти заданные стихи, Стасик впадал в ступор и не мог выдать из себя ни единого слова. До его ушей доносился злорадный смех добрых одноклассников, а сам он в это миг позора желал лишь одного — стать невидимкой. И вот он будто вновь очутился в ненавистной школе. Только теперь, вместо Кольки и его подпевал, за его действиями внимательно следили черные рыцари, готовые дружно высмеять любую его неудачу.

— Воин должен сконцентрироваться на битве, — поучал его Трокус. — Для воина есть только его меч и противник, которого нужно повергнуть. Давай!

Стасик стиснул зубы и пошел на наставника, двумя руками держа деревянный меч перед собой. Он уже понял, что стремительные атаки не его сильная сторона. Следовало действовать осторожно и с умом. Возможно, Трокус и великий воин, но и он не всемогущ. Да и Стасик не впервые взял в руки меч. Сколько игр было пройдено, сколько боссов повержено! А ведь те боссы тоже были сильнее его персонажа. Но ведь он как-то справился с ними. А все потому, что действовал с умом, а не лез в слепой размен.

И тут в голове Стасика сложился коварный план. Он применит свой излюбленный прием, который неоднократно выручал его в жестоких боях с могучими недругами. Прием был прост, но эффективен: стремительный перекат за спину врагу с последующим ударом в незащищенный тыл. В играх этот фокус всегда срабатывал. Почему бы ему не сработать и в реальной жизни?

Спустя двадцать секунд, катаясь по земле, крича от боли и держась за вывихнутое при перекате плечо, Стасик начал подозревать, что его богатый игровой опыт является очень плохим подспорьем, и в реале неприменим. Черные рыцари дружно жрали, Трокус ржал, а Стасик, у которого от жуткой боли потемнело в глазах, даже не пытался сдерживать слезы.

Наконец, наставник сжалился над ним. Он подошел к агонизирующему ученику, схватил его за вывихнутую руку, дернул ее и вправил на место.

— Даже не буду спрашивать, что ты только что пытался исполнить, — сказал Трокус, чем вызвал у зрителей новый взрыв хохота.

Стасик поднялся на ноги и, утирая слезы, побрел к выходу с арены. Шел, не поднимая головы, поскольку не хотел видеть сияющие чистым злорадством рожи черных рыцарей, ставших свидетелями его эпического унижения.

— Куда это ты? — крикнул ему вслед Трокус.

— Ну, пойду обратно на кухню, — пробормотал Стасик. — Я ведь не гожусь в воины, верно?

— Воин ты, конечно, специфический, это да, — согласился Трокус и черные рыцари вновь заржали. — Но я ведь не говорил, что отказываюсь тебя учить.

Стасик так резко повернулся к Трокусу, что едва не потерял равновесие и не шлепнулся на землю.

— Так вы возьмете меня в ученики? — выпалил он, не веря своим ушам и больше всего боясь, что эти слова окажутся очередной злой шуткой.

— Об этом говорить рано, — остудил его пыл Трокус. — Но я с тобой позанимаюсь. Очень трудно оценить твой потенциал, на это нужно больше времени.

Стасик просиял. Выходит, он все же на что-то способен, раз Трокус согласился учить его. Впрочем, почему бы и нет? Он ведь сам не знает своих возможностей, поскольку никогда не испытывал их в деле. Вдруг пожилой мастер разглядел в нем задатки черного рыцаря? Черными рыцарями ведь тоже не вдруг становятся, этому надо долго и упорно учиться. Стасику, конечно, хотелось бы получить все и сразу — и мастерство мечника и магические способности, и гарем воздыхательниц. Но, похоже, придется добиваться всего этого долгим и упорным трудом.

— А теперь бери меч и возвращайся на арену! — приказал ему Трокус. — Мы еще не закончили на сегодня. Мы только начали.

Стасик очень рассчитывал на то, что его крепко спящие воинские таланты пробудятся стремительно, после первого же занятия. Ждал быстрого прогресса, зримого результата. Но очень скоро понял, что в его случае на чудо рассчитывать нечего.

Ни первое, ни второе, ни даже третье занятие не сделали его лучшим воином, чем он был изначально. А изначально воином он был ровно никаким, способным только выставить себя на посмешище своими нелепыми попытками достать противника деревянным мечом.

Но он не сдавался. Запретил себе сдаваться. Это прежде была у него такая милая привычка — если что-то не выходило, он бросал дело сразу же, даже не пытаясь напрячься в достижении результата. Иногда бросал заранее, до того, как попробовать. Но теперь он находился не в том положении, чтобы пасовать перед трудностями. Стасик и рад бы был спасовать, видит бог, ему много раз хотелось опустить руки в ходе занятий с Трокусом. Но страх удерживал его от этого шага. Ведь если он провалит свою едва начавшуюся карьеру воина, то неизбежно вернется на кухню к ужаснейшей женщине во всех мирах — Грыже Антрекотовне. А та продолжала лелеять надежду полакомиться его юной плотью. И на третью ночь верховная кухарка вновь пожаловала в общую спальню.

Со времени ее первого визита Стасик спал только под кроватью. Как чуял, что над ним довлеет страшная опасность. И он не ошибся. Спустя три ночи после того, как Грыжа Антрекотовна утащила вместо него одного из слуг, он вновь услышал в проходе между кроватями ее тихие шаги и зловещий шепот. Опять она звала его гуляшом, приглашала к себе на чай с бубликами. Ласковым голоском обещала, что не обидит его.

Забившийся под кровать Стасик был чуть живым от ужаса. Шаги верховной поварахи звучал все ближе. Она шумно втягивала носом воздух, пытаясь по запаху определить местоположение жертвы. И тут она вполне могла рассчитывать на успех, поскольку под воздействием страха Стасик начал ощутимо попахивать.

— Гуляш? — звучал во мраке зловещий голос Грыжи Антрекотовны. — Пойдем со мной, гуляш. Я отведу тебя в волшебную страну.

Стасик чуть не умер от ужаса. Ему было известно, что волшебной страной верховная кухарка называет свою любимую кастрюлю.

Но и в эту ночь ему улыбнулась удача. Помощник конюха, юный паренек лет четырнадцати, на свою беду проснулся и решил сходить по нужде. И не вернулся обратно. Только и было слышно во тьме, что глухой удар да звук влачимого по полу тела. Грыжа Антрекотовна вновь не осталась без добычи.

Затем в тренировках, которые и так шли без видимого результата, наступили частые перебои. В черный замок начали прибывать обозы. Это случалось и прежде, но не в таком масштабе. Обычно те состояли из пяти-шести больших телег. Их груз — всяческое продовольствие, никто не скрывал и не прятал. А охранялись эти обозы силами трех-четырех ветеранов, способных напугать только малолетнюю шпану.

А вот новые обозы оказались иными во всем. Они были велики — телеги нескончаемой вереницей вползал в ворота замка, их бывало и три и даже четыре дюжины. Груз был упакован так, что нельзя было узнать его содержимое. Все было зашито в плотные мешки, запечатано в бочки, заколочено в ящики. Охраняли обозы многочисленные отряды легкой конницы, притом было видно, что это настоящие воины, а не дембеля на подработке. Груз,

доставленный этими обозами, складировался отдельно, причем под него выделялись лучшие помещения, самые прочные и сухие, куда сразу же запускали нескольких матерых котов, дабы те не дали разгуляться крысиному поголовью.

Стасика мало заботили и зачастившие обозы, и их груз. Его печалило лишь то, что он постоянно был занят на разгрузке и перетаскивании, и не мог посещать занятия Трокуса. На разгрузку телег бросали всех, кого можно, и из разговоров других слуг Стасик выяснил, что эти поставки являются чем-то необычным и не сулят ничего хорошего.

— Попомни мои слова, — сказал ему один старожил, когда они вместе дотащили и установили на складе тяжеленный ящик, — неспроста это. Вот что там, в ящиках этих?

Стасик пожал плечами. Он не знал ответа. И не хотел знать. Охранники обоза предупредили всех грузчиков, что если те попытаются вскрыть упаковку, то поплатятся за это жизнями.

— Какие-то припасы, — сказал коллега. — Еда, должно быть. Что же еще? А зачем концентрировать еду на границе?

— Зачем? — спросил Стасик, который плохо разбирался в тонкостях международной политики.

— А вот сам и подумай! — предложил собеседник, так ничего и не объяснив.

Впрочем, в неведении Стасик пробыл недолго. Вскоре случилось происшествие, пролившее свет на загадку таинственных обозов.

Произошло это ночью. Спал Стасик плохо, часто пробуждаясь и прислушиваясь к царящей в замке тишине. Ему постоянно мерещились зловещие шаги верховной кухарки, чудилось, что эта кошмарная женщина идет по его мясу. Но в этот раз все было тихо. И очень кстати, поскольку Стасику приспичило посетить уборную. Не хотел он испытывать судьбу и выползать из-под кровати, крепился, сколько мог, но в итоге стало ясно, что до утра он или лопнет или даст течь. Преодолев ужас перед Грыжей Антрекотовой, Стасик выполз из-под кровати и на цыпочках вышел из общей спальни.

Поскольку такую роскошь, как канализация, в этом мире могли себе позволить только знатные господа и дамы, Стасик, ярчайший представитель черни, вынужден был пользоваться услугами уличного нужника, расположенного возле крепостной стены. Преодолев темный двор, Стасик сделал все свои дела и побрел обратно, ежась от холодного ночного воздуха. Он успел войти в замок и начал петлять узкими мрачными коридорами, пытаясь отыскать дорогу в свои покои, когда вдруг услышал поблизости чьи-то голоса. Стасик застыл на месте, боясь дыхнуть и постыдно помышляя о бегстве. На секунду ему почудилось, что впереди его поджидает сама верховная кухарка с разделочной доской. Но, прислушавшись к голосам, он понял, что обознался. Оба собеседника были мужского пола. Причем одного из них Стасик довольно быстро опознал, по каковому поведению очень сильно удивился. Ведь это был ни кто иной, как сам лорд Мортус — хозяин черного замка. Второго говоруна Стасик опознать не сумел — голос был решительно незнакомый и очень неприятный. Слышались в нем какие-то шипящие, змеиные интонации, будто говоривший тип наполовину принадлежал к роду рептилий.

Стасик прижался к стене, больше всего боясь того, что собеседники направятся в его сторону и обнаружат невольного свидетеля своего разговора. Трудно будет объяснить им, что он не замыслил ничего худого и подслушал беседу чисто случайно. Да и лорд Мортус не из тех людей, что вникают в нюансы. Этот сначала отрубит голову, а уже потом, возможно, будет разбираться, что к чему.

Оба собеседника стояли на месте и вели разговор негромкими голосами. Стасика удивило, что сам хозяин замка треплется с неизвестным в каком-то узком темном коридоре, а не в своих покоях, где делать это было бы куда удобнее и приятнее.

— Я тебе в последний раз говорю — выкладывай все! — требовал лорд Мортус.

Хозяин замка был из тех, кому непросто отказать. Но его собеседник оказался очень храбр и решился на это.

— Я рассказал вам все, что мог, милорд, — прошипел он. — А кроме этого ничего говорить не велено. Вы и сами должны понимать, что все делается в обстановке строжайшей секретности.

— Да от кого секреты? — повысил голос Мортус. — От кого? От меня? Уж не подозреваешь ли ты меня в измене?

— Милорд, я всего лишь исполняю приказ.

— Да плевал я восемь раз на твои приказы!

— Они не мои, они императора.

Это замечание немного остудило Мортуса, и тот заговорил тише:

— Если готовится широкомасштабное наступление, мне необходимо об этом знать. Войска пойдут через мои земли. Я мог бы подготовиться....

— Милорд, ну не могу я вам ничего сказать, — виноватым тоном произнес собеседник.

— Да и не говори, и пожалуйста, — фыркнул Мортус. — Я и без тебя понял, что будет крупная операция. Но откуда такая секретность? Никогда прежде ничего подобного не было.

— Так ведь прежде ни одна операция не увенчалась полным успехом, — напомнил собеседник. — Да что там — успехом. Большая их часть вообще провалилась. Потому как враги наперед о наших планах знали и были к ним готовы. Вот почему император приказал в этот раз принять самые строжайше меры секретности.

— То есть, ты полагаешь, что в моем замке орудуют шпионы врага? — прямо спросил Мортус.

— Было бы странно, если бы оказалось иначе. Ваши владения у самой нейтральной полосы. Можно сказать — на передовой. Наверняка враги сумели внедрить сюда своих агентов.

— Ну, не знаю, — засомневался Мортус. — Я за этим зорко слежу. Недавно заподозрили одного стражника в измене, подвергли пыткам, но он оказался невиновен. Зря только с парня кожу содрали.

— Всех ведь пыткам не подвергнешь, — заметил собеседник.

— Ну отчего же? — удивился Мортус. — Но, может быть, ты и прав. За всех своих людей я поручиться не могу. Но мне-то, мне, ты сказать можешь? Вот сейчас, когда мы наедине.

— А вы уверены, милорд, что мы наедине? И у стен ведь бывают уши.

После этого замечания у Стасика чуть не остановилось сердце. Он уже услышал больше, чем на одну смертную казнь. Если его обнаружат, то сдирание кожи это меньшее, на что он может рассчитывать.

— Ладно, — произнес Мортус после некоторой паузы. — Раз это приказ императора, то молчи. И все же я надеюсь, что меня предупредят обо всем заранее, а не в самый последний момент.

— На все воля императора, — ушел от ответа собеседник.

На этом разговор и кончился. Послышались удаляющиеся шаги, которые вскоре

растворились в бесконечных коридорах черного замка. Вновь воцарилась тишина. Стасик медленно отлепился от стены и на дрожащих ногах поспешил в общую спальню. Там он, по сложившейся привычке, юркнул под кровать, забился в пыльный угол, и только здесь позволил себе перевести дух.

Услышал он немного, но и этого было достаточно, чтобы опасаться за свою жизнь. Из беседы лорда Мортуса и некоего неизвестного типа, возможно, одного из людей, пришедших с последним обозом, следовало, что империя готовила крупномасштабное наступление на Ангдэзию. Готовила тайно. И дельце явно намечалось крупное, поскольку тот же Форинг лорду Мортусу удалось взять своими силами, при помощи предателя Стасика. Уж не собирался ли император одним могучим ударом разнести вдребезги все королевство добра?

Тут бы Стасику порадоваться, ведь вместе со всей Ангдэзией конец настанет и ненавистному Кольке, но его, вместо этого, охватил страх. Все-таки там, у добряков, ему жилось куда лучше, чем в логове злодеев. И выпади такая возможность, он бы, пожалуй, попытался пробраться обратно в Форинг. Глядишь, к этому времени его уже успели восстановить. А с той информацией, которой он случайно завладел этой ночью, в Ангдэзии его встретят, как героя. Если бы ему удалось выбраться из черного замка, пересечь нейтральную полосу и предупредить королевство о готовящемся нападении, он своим достижением заткнул бы за пояс даже ненавистного Кольку.

Если бы... если бы... если бы....

— Вставай, воитель! — потребовал Трокус. — Тут ночью куры гадят, а ты валяешься, их гостинцы собираешь.

Очередная остроумная шуточка ветерана была встречена дружным смехом зрителей. А тех собралось немало. Помимо черных рыцарей, которые завели себе привычку наблюдать за тренировками Стасика, полюбоваться на это зрелище сбегалась порядочная толпа. Были тут и свободные от работы слуги, и свободные от дежурств стражники, и даже две молоденькие ведьмы. Те явились как на пикник — расстелили на земле плед, устроились на нем и стали угощаться лакомствами, которые доставили в небольшой корзине. Что интересно, никто из зрителей не желал Стасику добра и успеха, никто не болел за него, никто не выказывал сочувствия. Все приходил сюда лишь с одной целью — поржать над его неудачами. А уж в тех-то недостатка не было.

После недели интенсивных тренировок у Стасика стали возникать сомнения в профессионализме подобранного ему тренера. Трокус занимался с ним охотно, всякий раз, когда у Стасика появлялось свободное время. Он не бранил его за отсутствие положительной динамики, а лишь отпускал в адрес подопечного разные обидные колкости. И, тем не менее, у Стасика не было ощущения, что его действительно чему-то учат.

Конечно, он не имел понятия о том, как обучают воинскому делу. В своей прежней жизни ему доводилось сражаться только в видеоиграх. И все-таки что-то подсказывало Стасику, что любое обучение, будь то обучение бою на мечах или вышиванию крестиком, должно базироваться на примерно схожих принципах. То есть учитель должен объяснить ученику азы, показать ему все на личном примере, а после предложить повторить за собой. Насколько знал Стасик, именно так и происходило обучение всему, чему угодно.

Но у Трокуса, похоже, была какая-то своя, инновационная, система преподавания. Он ничего не объяснял. Вообще. Ни как держать меч, ни как наступать, ни как обороняться. Он не показывал Стасику стойки, переходы, не посвящал в различные тонкости и нюансы.

Весь учебный процесс состоял в том, что Стасик, приходя на тренировку, брал в руки деревянный меч и пытался достать им своего учителя. Пытался безуспешно уже целую неделю. Он уже сбился со счета, сколько раз промахивался мимо цели. Притом, в большинстве случаев, именно промахивался. Лишь трижды Трокус подключил свой меч и парировал его атаки. Да и то лишь потому, что ему лень было сделать шаг в сторону.

Поначалу Стасику казалось, что все идет в верном направлении. Его бесчисленные попытки в конечном итоге должны были повысить его мастерство. Иногда ему начинало казаться, что он стал искуснее, и у него вот-вот все получится. Но это была иллюзия. Неделя изнурительных занятий не дала ему ровным счетом ничего. Стасик не раскатывал губу на то, чтобы за семь дней стать высококлассным мечником, но ведь хоть чему-то же он должен был научиться. Хотя бы одному приему. Но он не научился ничему. И в данном случае ему не в чем было себя упрекнуть. Сам-то он еще как старался, в поте лица. Пятнадцать вывихов, которые он получил в ходе занятий, могли бы это засвидетельствовать. Беда была в том, что его наставник ничему его не учил. Просто заставлял нападать на себя раз за разом и отпускал обидные шуточки. И больше ничего не делал.

Единственными, кто получал искреннее удовольствие от его, так называемых, тренировок были зрители. С каждым днем их становилось все больше. На каждую неудачу

Стасика они реагировали радостным смехом и аплодисментами, а в какой-то момент организовали тотализатор. Ставки делали на то, сколько раз он сегодня упадет и что именно вывихнет, и раскровенит ли нос, и расплачется ли.

— Давай! — потребовал Трокус. — Докажи, что ты воин! Как ты собираешься сражаться с паладинами, если не можешь достать этой деревяшкой седого старика?

Стасик поднялся на ноги. По сторонам старался не смотреть — всюду были радостно ржущие рожи. Он вскинул над головой меч и бросился на Трокуса. В глазах его вспыхнул огонь ярости.

— Удар титана! — заорал он визгливо, налетая на противника и обрушивая на того меч.

Ну, то есть, он задумывал налететь и обрушить. Но что-то пошло не так. Потому что вместо этого он сам обрушился на землю, да так лихо, что отшиб себе все от сосков до колен.

Публика взорвалась радостным хохотом. Зазвучали овации. Кто-то потребовал повторить удар титана на бис.

— Неплохо, неплохо, — прокомментировал очередной публичный позор ученика Трокус. — Если доведется насмерть биться с навозной кучей, ты точно не промажешь мимо цели.

Зрители залились смехом. Стасик медленно поднялся на ноги, и с обидой посмотрел на пожилого зубоскала.

— Может, вы меня начнете хоть чему-нибудь учить? — спросил он сердито. Бывший черный рыцарь внушал ему страх, но заниматься какой-то бесполезной ерундой надоело настолько, что Стасик превозмог свою вечную робость.

— Учить? — удивленно переспросил Трокус. — Тебя?

— Да меня. Потому что до сих пор никакого учения не было. Как же я стану воином, если вы мне ничего не показываете?

— Юноша, о чем ты говоришь? — изумленно произнес Трокус. — Ты в любом случае никогда не станешь воином.

— Что? — выпалил Стасик, стараясь не слышать хохота, звучащего со всех сторон. — Но когда вы это поняли? Только что? Вас осенило? А вдруг ошибка?

— Я это понял сразу же, едва увидев тебя впервые.

Пораженный Стасик выронил из руки деревянный меч. Он стоял и тупо смотрел на Трокуса, не понимая, что происходит. Наконец, он немного пришел в себя и нашел в себе силы, чтобы спросить:

— Если вы сразу поняли, что воина из меня не выйдет, то чем мы тут занимались целую неделю?

— Чем ты занимался, я сказать затрудняюсь, — сообщил Трокус под дружный смех зрителей.

— Ну, хорошо. А чем занимались здесь вы?

Седовласый ветеран устало вздохнул.

— Ну, вначале мне просто было забавно наблюдать за тем, как ты падаешь на ровном месте, — признался он с убийственной откровенностью. — Потом выяснилось, что за этим нравится наблюдать не только мне одному. Мужики меня уговорили продолжить твоё, с позволения сказать, обучение, потому что им очень нравилось на это смотреть. А я чего? Я только рад доставить людям удовольствие. А если люди за представление еще и платят, так тут уже двойное удовольствие выходит.

Стасик ушам своим не поверил.

— Вы за это еще и деньги брали? — завопил он.

— Ветеранская пенсия невелика, а пиво и шлюхи стоят дорого. Да и потом, я ведь брал-то самую малость, чисто символически.

— Ну, уж ты на себя не наговаривай! — весело закричал из-за ограды арены один из черных рыцарей. — Содрал, будь здоров! Но оно того стоило. Такой потехи я даже в столице не видел.

— Вам двоим вступать надо, — подсказал другой черный рыцарь.

— С гастролями, — присоветовала юная ведьма. — Отправляйтесь в тур по всей империи — озолотитесь!

Стасик понял, что надо уходить отсюда, пока он самым позорным образом не грохнулся в обморок. А это очень даже могло произойти. Всякого он ожидал от Трокуса, но тот сумел его удивить. Прикинулся, что взял в ученики, а сам превратил его в какую-то цирковую мартышку, да еще и деньги брал за просмотр. Знал Стасик, что черные рыцари это бездушные изверги и сволочи, но не подозревал, что они настолько нелюди.

— Но ведь вы обещали! — завопил он срывающимся голосом, уже не пытаясь сдержать слез.

Трокус криво усмехнулся.

— Не будь ребенком! — произнес он сурово. — Тебя черепом проверили? Проверили. Способностей воина или мага не выявили? Не выявили. Так на что ты, олух, рассчитывал?

— Я думал... — начал Стасик и замолчал. Он не знал чем закончить это предложение.

— Что думал? — заинтересовался Трокус. — Думал, что произойдет чудо? А их не бывает, дружок. Если уж ты ни на что не годен, то никакие тренировки и никакое волшебство этого не изменят. Череп, он ведь определяет потенциал. Понимаешь? Не имеющиеся способности и параметры, а потенциал. А у тебя его нет. Вот поэтому череп и определил себя в посудомойки. Это единственное, на что ты годишься. Так что хватит пачкать арену своими соплями. Дуй на кухню, тебя заждались грязные тарелки.

Под радостный хохот злодеев рыдающий Стасик перелез через заграждение и поплелся прочь от арены. Он до сих пор не мог поверить в то, что Трокус обошелся с ним так жестоко. Это просто в голове не укладывалось. А все остальные тоже хороши — платили деньги, чтобы полюбоваться на его нелепые падения. Нашли клоуна!

Но обида на липового учителя быстро сменилась страхом. Раз его карьера мечника закончилась, не успев начаться, ему предстояло вновь вернуться на кухню. Прямо во владения Грыжи Антрекотовны. Фактически на верную смерть.

Пока Стасик стоял посреди двора и прикидывал, на каком бы суку ему повеситься, он заметил вползающую в главные ворота вереницу телег. В черный замок прибыл очередной обоз с секретным грузом.

Обгоняя телеги, в ворота ворвались всадники в легкой броне. Один из них крикнул:

— У нас на тракте повозка стоит. Ось сломалась. Собирайте людей, нужно перенести груз.

— Далеко это? — спросил у него один из стражников.

— Нет. Тут, в окрестностях. Милях в двух от замка.

Быстро организовали пустую телегу, в которую планировали переместить груз, и группу работяг. В ее состав оказался включен и Стасик.

Впервые за все время своего пребывания в черном замке он покинул его пределы.

Повозка, громыхая на кочках, ползла впереди, Стасик с другими слугами шел следом за ней. Шел, и воровато косился по сторонам. А в голове его, тем временем, зрел дерзкий план побега. План спонтанный, сумбурный, непродуманный, но Стасик четко понимал, что это, возможно, его единственный шанс спасти свою несчастную шкуру. Если он не сделает этого сегодня, то рискует не дожить до завтрашнего дня. Стоит ему вновь оказаться во владениях Грыжи Антрекотовны, и эта людоедка точно добьется своего.

Вышедшая из строя телега поджидала их километрах в двух от замка. Стасик, быстро осмотрев местность, пришел к выводу, что побег вполне возможен. По сторонам от тракта шло нагромождение огромных камней, в котором легко можно было спрятаться и отсидеться. Правда, если его все же начнут искать, то, скорее всего, найдут, но Стасик в тайне надеялся, что его исчезновение заметят не сразу.

Добравшись до места, он, вместе со всеми, стал перегружать мешки из сломанной телеги в прибывшую из замка. Перегружал, а сам косился за спину. Прямо за ним высились два больших валуна, между которыми можно было прошмыгнуть и тут же скрыться с глаз людей, оставшихся на дороге. И вот, уличив момент, когда никто не смотрел на него, Стасик взял с телеги небольшой мешок и вместе с ним попятился назад. А затем, с несвойственной ему прытью, прошмыгнул мимо гранитных валунов и спрятался за одним из них.

Он просидел в своем укрытии все то время, пока слуги занимались переносом груза. Его так никто и не хватился. Затем телеги тронулись в путь. И вновь никто не обратил внимания на то, что один из грузчиков пропал.

Когда скрип повозок смолк вдалеке, Стасик отбежал от дороги и нашел под камнями небольшую пещерку. В нее-то он и забился. Радоваться было рано, его еще могли хватиться и послать на поиски отряд. И в числе отряда обязательно будет колдун, который легко отыщет его при помощи черной магии. Так что Стасик сидел в своем убежище и со страхом ждал, когда услышит со стороны тракта приближающийся грохот копыт. Ему просто не верилось, что никто не заметит его исчезновения. После того вороха бед, который обрушился на него в этом чертовом правильном мире, он уже не возлагал никаких надежд на такой скилл, как удача. Если кто-то и обладал ею, то точно не он.

Стасик ждал, что вот-вот услышит грохот копыт и голоса преследователей, вот прямо сейчас, в следующую секунду.

Но время шло, а никто так и не явился из черного замка на его поиски.

До поздней ночи Стасик просидел в своем убежище. С замиранием сердца прислушивался он к каждому звуку, доносящемуся до его ушей, и с ужасом представлял, какой переполох сейчас происходит в черном замке. Наверняка его исчезновение уже обнаружилось, и вся стража, все черные рыцари, и все маги давно стоят на ушах. Сам лорд Мортус трубит тревогу и лично организует погоню. Он требует любой ценой изловить беглеца и доставить обратно живым или мертвым. Если мертвым — насадить его голову на пику и выставить на всеобщее обозрение у главных ворот. Если получится изловить дезертира и шпиона живым — отдать его на растерзание Грыже Антрекотовне.

В общем, к ночи Стасик успел знатно накрутить себя паническими думками. Но тревоги его были напрасны. Он сильно переоценил собственную значимость. Для черного замка он был всего лишь одним из младших слуг, жалкой посудомойкой. Этих слуг никто особо и не считал, и если они по каким-то причинам таинственно исчезали, из этого не делали событие. Та же Грыжа Антрекотовна при Стасике убила двоих работников, и никто не поднял по сему поводу никакой шумихи. Подумаешь, пропал помощник конюха. Один пропал, другого назначили на его место. А почему пропал? куда делся? жив ли или нет? — подобными вопросами никто не тяготился.

Только с наступлением вечерних сумерек страх, давивший на протяжении всего дня, немного отпустил Стасика. Он позволил себе пошевелиться, затем, расхрабрившись, осторожно высунулся из своей пещеры.

Безрадостный окрестный пейзаж стремительно погружался в темноту. Стасик разглядел вдалеке черный замок — тот, вопреки своему названию, ярко светился множеством огней на фоне окружающей его тьмы. Было тихо, будто все живое давно вымерло на этой земле.

Осознав, что погони за ним, похоже, не будет, по крайней мере, до утра, Стасик присел на камень и развязал мешок, вместе с которым пошел в побег. Он не рассчитывал найти внутри ничего ценного, твердо уверовав в свое фантастическое невезение, но внезапно просчитался. В мешке оказались пресные лепешки. С этим типом хлебобулочного изделия Стасик уже успел познакомиться. Готовили их с применением магии, из-за чего лепешки имели высокую калорийность и не портились месяцами. Благодаря секретным ингредиентам, добавленным в тесто, на лепешках никогда не заводилась плесень. Они считались универсальным сухим пайком, герои брали их с собой в походы и подкрепляли ими силы. Эти замечательные лепешки имели лишь один существенный недостаток — у них почти полностью отсутствовал вкус. Но в военном походе не до деликатесов. Главное, это восполнять растраченные силы и утолять голод, а всякими вкусностями можно отъестся после возвращения домой.

Стасик вытащил из мешка лепешку, отделил от нее ломоть и стал медленно жевать. Вкус у кушанья был как у старого картона. Но стоило проглотить несколько кусков, как болезненно урчавший весь день желудок Стасика замолчал и приступил к работе.

Утолив голод, Стасик прикинул вес мешка и понял, что весь его он с собой не понесет. Пришлось выложить из него часть лепешек и спрятать их в той самой пещере, что служила ему убежищем весь минувший день. Когда мешок приобрел тот вес, который Стасик мог долгое время без проблем транспортировать на себе, он забросил запас пищи за спину и взглянул на небо. Довольно быстро он заметил яркую, отливающую синевой, звезду,

повисшую необычайно низко над горизонтом. Названия этой звездочки он так и не запомнил, как и названия здешних созвездий, но это было и не важно. Самое главное заключалось в том, что эта звезда всегда оставалась неподвижной и указывала точно на запад — как раз туда, где находилась Ангдэзия. Стасик знал, что если будет идти строго на эту звезду, то рано или поздно доберется до королевства добра. Возможно, выйдет прямо к Форингу. Точнее, к тому, что осталось от города после внезапного визита Мортуса с компанией.

Вначале он долго пробирался через земляное месиво. Легендарное место, на котором бывший владелец черного замка истребил армию добра, и днем-то казалось жутким. А в ночном мраке Стасик едва не поседел, пока преодолевал его. Ему все время чудились страшные звуки, исходящие, как будто, из-под земли. И Стасик всякий раз замирал на месте, готовый к чему угодно. Хотя бы, например, к тому, что прямо сейчас из земли пролезут мертвецы — покойные воины добра, паладины и волшебники, заживо похороненные великим колдуном. Выберутся они из-под слоя грунта, страшные, злобные, давно уже не люди и не звери, а какие-то потусторонние существа, и набросятся на одинокого путника. Прозвучит во тьме ночной предсмертный крик несчастного школьника, и на этом завершатся все его приключения в правильном мире.

Но хоть и умирая от страха, Стасик продолжал идти вперед. И когда каменно-земляное месиво закончилось, а под ногами его зашуршала обычная трава, Стасик понял, что пересек жуткую территорию, и не был при этом съеден. В кой-то веки ему хоть в чем-то повезло.

С ночным освещением в империи было туго. Вокруг стояла такая темень, что хоть глаз коли. Стасик несколько раз навернулся в какие-то ямы, едва не переломав себя всего сверху донизу. Потирая ушибы, он на ощупь добрался до небольшого деревца и отломал от него длинную прямую ветку. Ее он использовал как шест, прощупывая путь перед собой.

Стасик знал, что слева от него пролегла дорога, та самая, по которой он некогда прибыл в черный замок. Идти по дороге было бы несравнимо удобнее, чем рисковать здоровьем по лугам да рощам, но Стасик опасался столкнуться с отрядом солдат. Точнее говоря, он вообще не хотел ни с кем встречаться. В конце концов, империя находилась в состоянии войны, и одинокой путник на приграничных землях, идущий куда-то среди ночи, мог вызвать закономерные подозрения. Его могли схватить и доставить в черный замок, прямо к лорду Мортусу. А уж тот бы не подвел. Он ведь обещал умучить Стасика, если тот, не оценив великодушия нового господина, предаст его. И Стасик склонен был верить этому страшному человеку. А если Мортус его не прикончит, то это сделает Грыжа Антрекотовна. Уж в ней-то Стасик не сомневался. От верховной кухарки не приходилось ждать милосердия.

Он миновал небольшую деревню, которая выделялась на фоне крошечной ночной тьмы несколькими тусклыми огнями. Стасик обошел ее большим кругом, боясь тамошних собак. Затем на пути его встал лог, глубокий, с крутыми склонами, густо заросший лесом. Преодоление его обернулось настоящим подвигом. Стасик сам не понял, как не покалечился, пока перебирался через эту естественную преграду. Без потерь, впрочем, не обошлось. Он обзавелся несколькими глубокими царапинами, в том числе и одной на щеке. Та упорно продолжала кровоточить, несмотря на то, что Стасик оторвал полоску ткани от своей рубахи и надолго прижал ее к ране.

Перебравшись через лог, он сделал небольшой привал и съел еще один кусочек лепешки. Велик был соблазн задержаться здесь до утра, даже, возможно, немного поспать, а дальше идти уже при свете дня. Но Стасик не мог позволить себе такой роскоши. До утра ему

следовало покинуть земли империи и достичь нейтральной полосы. Задержавшись во владениях лорда Мортуса, он рисковал угодить в руки преследователей или же просто случайных людей, в которых его вид неизбежно возбудит подозрения.

Сторожевую крепость, стоящую возле моста, он заметил в тот момент, когда готовился устроить третий перекус. Устал он, к тому времени, как собака. Крепость ярко светилась огнями факелов, и была видна на многие мили. Заприметив ее слева от себя, Стасик возрадовался. Значит, он поступил верно, идя строго на синюю звезду. Она не позволила ему сбиться с пути, и он вышел туда, куда хотел, а именно к реке, отделявшей империю от нейтральной полосы. Воспользоваться мостом он, разумеется, не мог, но Стасик не сильно переживал по сему поводу. Плавать он умел. Не слишком хорошо, но умел. Его навыков должно было хватить, чтобы форсировать не особо широкую речушку.

Добравшись до берега, он стащил с себя всю одежду и затолкал ее в мешок, в котором нес трофейные лепешки. Затем осторожно вошел в воду, стараясь не поднимать плеска. Вода оказалась теплая, дно песчаное, чистое. Стасик зашел на глубину, и погреб, ухватившись одной рукой за мешок с добром, который внезапно оказался плавучим и хорошо держался на воде.

Не успел начать заплыв, как ноги его уже нащупали дно. Стасик вышел из воды, поднялся на берег и спрятался за огромным гранитным валуном. Здесь он постоял немного, дожидаясь, пока его тело обсохнет на прохладном ночном воздухе, затем вытряс из мешка одежду и облачился в нее. Та почти не намочка, что очень его порадовало.

К тому моменту, когда восток окрасился огнем зари, Стасик отдалился от реки километра на три. Земли империи остались далеко позади, а перед ним раскинулся мрачный пейзаж нейтральной полосы. По пути ему еще попадались клоки зелени, либо заросли кустарника, либо одиноко стоящие деревья, окруженные плешками чахлой травы. Но признаков жизни с каждым шагом становилось все меньше. Под ногами захрустел темно-серый песок, вокруг, насколько хватало глаз, простерлась изрытая воронками равнина.

Стасик остановился и присел на камень. Он уже целые сутки был на ногах и зверски устал. Порядочно отдалившись от земель лорда Мортуса, он мог, пожалуй, не опасаться погони. Стасик ее и не опасался. Он опасался иного — чудовищ, населяющих нейтральную полосу.

Все время, пока осуществлялся его спонтанный побег, Стасик как-то не думал о них. Ему, по правде, не верилось, что он вообще сумеет достигнуть нейтральной полосы. Думал, что его обязательно схватят, либо посланная из черного замка погоня, либо местные жители, принявшие его за шпиона. Но теперь, когда он благополучно миновал земли империи, страх перед населяющими нейтральную полосу монстрами пробудился в нем с новой силой.

— Да о чем я только думал? — простонал Стасик, с ужасом глядя перед собой на безжизненную, уходящую за горизонт, равнину. — Меня же тут съедят.

Он вспомнил, какой страх пережил в обозе, когда пересекал нейтральную полосу в прошлый раз. Вспомнил, как жутко были во тьме ужасные монстры. И как они утащили и порвали кого-то из людей лорда Мортуса.

Проникнувшись ужасом, Стасик едва не повернул обратно. Но не повернул. Потому что там его тоже не ждало ничего хорошего. Стоит ему вернуться в замок, как он угодит в лапы к Грыже Антрекотовне. А та давно и откровенно сообщила ему, какие планы имеет на счет новой посудомойки.

— Провались ты пропадом, чертов правильный мир! — сквозь слезы выплюнул Стасик.

Он поднялся с камня, взвалил на спину мешок с лепешками и побрел в сторону нейтральной полосы. Как ни странно, но неведомые чудовища пугали его гораздо меньше, чем невыносимо кошмарная верховная кухарка-людоедка.

Впервые вой чудовища он услышал вскоре, после заката. Тот донесся издалека, зловещей волной раскатившись по всей равнине. Стасик, который к этому времени успел задремать, вскинулся и выпучил глаза.

Не успело стихнуть эхо первого воя, как прозвучал второй, теперь уже с другой стороны. От жуткого звука, сотрясающего ночную тьму, Стасик едва не отдал богу душу. Он крепче прижался спиной к каменной стене и постарался дышать как можно тише и реже. Теперь у него уже не было никакой уверенности в том, что принятые им меры предосторожности спасут его этой ночью. Что-то подсказывало Стасику, что лишь чудо поможет ему вновь увидеть рассвет.

Меры, принятые им, не отличались оригинальностью, но ничего лучше Стасик придумать не смог. Когда дело запахло вечерними сумерками, он натер свое тело здешней почвой, в надежде на то, что та перебьет его телесный запах. К делу подошел со всей возможной ответственностью. Он полностью разделся и тщательно натер землей каждый участок своего тела. Затем хорошенько вывалял в земле одежду, мешок, а под конец, подумав немного, и лепешки. Те покрылись серой пылью, которая противно скрипела на зубах и отдавала горечью, но Стасик решил, что это он переживет. Куда важнее было самому не пойти на корм грядущей ночью.

Весь день он брел через нейтральную полосу, очень надеясь на то, что держит верный курс. В ночное время у него был надежный ориентир — синяя звезда, указывающая строго на запад. Но при свете дня определять направление Стасик не умел. Приходилось надеяться на то, что если он и отклонится от курса, то не намного, и затем сумеет его скорректировать.

Ближе к полудню пригрело солнышко, и Стасика начала мучить жажда. В последний раз ему довелось напиться при переправе через реку, а взять воды с собой ему было не в чем. В глубоких ямах, которыми была испещрена вся равнина, чернела некая зловонная жидкость, но Стасик скорее предпочел бы хлебнуть собственной мочи, чем этой токсичной гадости. Когда жажда стала нестерпимой, он так и поступил — помочился в собственный сапог и выпил все до капли. Напиток не порадовал своими вкусовыми качествами, но Стасик заставил себя проглотить его.

Затем ему улыбнулась удача. Он набрел на развалины фермы, от которой остался один фундамент да разбросанные вокруг кирпичи. Там он обнаружил колодец — узкую дыру в земле, чьи стенки были выложены плитняком. Пошарив по развалинам, Стасик отыскал старый глиняный кувшин с отколотой ручкой и нескольких обрывков гнилой веревки. При помощи этих предметов ему удалось добыть воду из колодца. Вопреки его опасениям та оказалась самой обычной, и не пахла химической лабораторией. Она, разумеется, могла быть тухлой или отравленной, или вообще проклятой, но Стасик не видел иного способа спасти свою жизнь. Либо он будет пить здешнюю воду, либо завтра же помрет от жажды.

Напившись, он наполнил кувшин водой, закупорил его смотанной в клубок веревкой, и побрел дальше.

Во второй половине дня он стал высматривать укрытие на ночь. О том, чтобы ночевать под открытым небом, не могло быть и речи. Так его точно найдут чудовища. Он миновал еще две разрушенные фермы, ни одна из которых не годилась на роль убежища, а затем, сильно в стороне от своего маршрута, разглядел развалины некоего монументального сооружения.

Выбора не оставалось, и Стасик заковылял к ним.

Когда-то, в незапамятные времена, тут была башня, стоящая на высоком холме. С ее вершины, которая ныне обвалилась, открывался, должно быть, отличный вид на всю эту местность. Сложенная из крупных каменных блоков башня выглядела достаточно надежной, чтобы послужить укрытием на ночь. Была только одна проблема — при обрушении верхней части в башне образовался широкий пролом, сквозь который внутрь мог проникнуть кто угодно. Стасик, забравшись в развалину, понял, что та способна послужить ему защитой только в психологическом плане. На деле же ночевка в ней ничем не отличалась от ночевки на голой земле, среди равнины.

И все же на ночь он остался в башне. Обмазавшись землей, Стасик нашел небольшую нишу, образованную двумя упавшими блоками, втиснул в нее свое хилое тельце, сунул под голову мешок с лепешками и прикрыл глаза. И тут же провалился в сон. Сказалась скопившаяся усталость.

Но проспать ему довелось недолго. Его разбудил вой чудовищ. И хотя тот явно доносился издалека, Стасику показалось, что монстры учуяли его запах, и уже идут по его душу. Скоро они будут здесь, проникнут в башню, найдут его, затаившегося между двух блоков, и с радостью вопьются зубами в свежее мясо.

Трясаясь от ужаса, Стасик прислушивался к ночной тишине. Здесь, на нейтральной полосе, тишина и впрямь была гробовая. Тут не водились птицы и насекомые, здесь не было растений, чьи листья могли бы шуршать на ветру. Вокруг простиралась мертвая земля, навеки убитая бесконечными битвами между добром и злом.

Добрую половину ночи обитатели нейтральной полосы не давали Стасику покоя. Стоило ему немного расслабиться и сомкнуть веки, как какая-то очередная тварь взывала в дали, и от этого жуткого звука со Стасика слетал весь сон. И вновь он, замерев, ждал, что сейчас расслышит где-то рядом мягкие шаги чудовища и его хриплое жадное дыхание. Но никто так и не пришел за его плотью.

Лишь ближе к рассвету чудовища утомонились и престали выть. Стасик провалился в сон, и тот оказался довольно долог. Проснувшись, и выбравшись из развалин, Стасик выяснил, что солнце стоит прямо над его головой, и час, вероятно, полуденный. Возник соблазн остаться в башне до завтрашнего утра, но Стасик отверг эту идею. Ему следовало как можно скорее покинуть нейтральную полосу. Задерживаться в этом месте не стоило. Чудовища не дремлют. Рано или поздно они учуют его. И тогда его не спасет никакая маскировка.

Еще ночью заметив направление, он вновь двинулся в путь. И опять, как и вчера, нейтральная полоса казалась безжизненной пустыней. Все чудовища, которые орудовали здесь по ночам, при свете дня прятались в каких-то норах. Впрочем, у Стасика не было уверенности в том, что здесь не водятся и дневные монстры. Но даже если и так, он не мог прятаться еще и от них. Ему нужно было идти, либо днем, либо ночью. Он выбрал день, и не жалел об этом.

Вторую ночь он провел в погребке разрушенной усадьбы. Несмотря на то, что от самого строения осталась только кучка кирпичей, и сам погреб, и люк, ведущий в него, сохранились удивительно неплохо. Стасику было страшно лезть под землю, погреб мог служить логовом какому-нибудь чудовищу, но у него не осталось иного выбора. Подняв тяжелую дубовую крышку, Стасик спустился вниз по деревянным ступеням. Света, проникающего снаружи, оказалось достаточно, чтобы осмотреть все пространство погреба и убедиться в том, что

здесь никого нет. Никого и ничего. Стасик явно был не первым посетителем этого места, потому что в погребке не осталось ничего ценного, только несколько гнилых досок. Из них Стасик соорудил себе постель, затем захлопнул крышку люка, лег, сунул под голову мешок с лепешками, и тут же заснул.

В этот раз то ли сон его был невероятно крепок, то ли монстры вели себя тихо, но Стасик благополучно проспал до самого утра.

Третий день он шел через нейтральную полосу. Ничего живого по-прежнему не попадалось ему на глаза, зато то и дело встречались признаки того, что здешняя безжизненность является мнимой.

Вначале, не успев отшагать и часа, он наткнулся на цепочку следов, оставленную кем-то явно живым, и, хуже того, прямоходящим. Прошедшие здесь существа имели широкие, но непропорционально короткие, ступни, завершающиеся четырьмя толстыми пальцами. Кто это мог быть? Какие-то человекообразные монстры? Стасика, как свинопаса и посудомойку, не учили ничему, необходимому для геройской деятельности. В частности, он не посещал лекций, где рассказывалось бы о всевозможных монстрах, населяющих этот мир. Так что опознать следы он не сумел. Отметил только, что прошедших существ было не меньше дюжины, то есть, целая стая.

Следующая находка, сделанная ближе к полудню, оказалась более пугающей. Задумавшийся о своей горькой доле Стасик едва не наступил на присыпанный серым песком скелет неизвестного существа. Приглядевшись к останкам, Стасик едва не поседел от ужаса. Похоже, именно родичи этого покойника и выли по ночам, они же рыскали во тьме, ища двуногую добычу.

Стараясь держать себя в руках, Стасик обошел скелет по кругу. Эта тварь была чем-то вроде волка, только в два раза крупнее, и с такими огромными зубами, что они казались излишне большими на фоне всего остального тела. Когти тоже были ужасающе огромными. Этаким монстр мог убить человека легким движением лапы. Да что там, он мог без труда перекусить пополам даже закованного в латы паладина.

Да, такие вот зверюшки бегали здесь по ночам. Такие, и, возможно, еще ужаснее. Хорошо укомплектованный отряд героев мог отбиться от них, он одинокий путник, чья трудовая книжка была осквернена позорными клеймами свинопаса и посудомойки, не имел никаких шансов, столкнувшись он с подобными бестиями.

Стасик заспешил вперед с удвоенной скоростью. Если бы физическая подготовка позволяла ему, то он давно перешел бы на бег. Все, чего он желал, это скорее пересечь ужасную нейтральную полосу. Герои королевства добра и империи зла, сами того не желая, создали худшее место на свете — жуткую землю, пропитанную смертью и населенную чудовищами. Стасик мечтал скорее покинуть ее. Он с надеждой вглядывался в линию горизонта, ожидая увидеть долгожданную полоску зелени. Но впереди, насколько хватало глаз, тянулась все та же мертвая равнина.

Вкусив всех прелестей правильного мира, Стасик больше не хотел становиться великим магом, любимцем красавиц и кумиром толпы. С него довольно, если Ангдэзия вновь примет его в свои объятия и восстановит в прежней должности. Он с радостью будет пасти хрюшек следующие пять лет, и ни разу не возропщет на несправедливость судьбы. Лишь бы больше никогда не видеть ни нейтральной полосы, ни Грыжи Антрекотовны, ни прочих чудовищ, населяющих этот мир. Приключения в мире меча и магии хороши лишь тогда, когда ты крутой воин, закованный в непробиваемые латы и вооруженный волшебной секирой, или

могущественный волшебник, способный сокрушить любого врага силой своих чар. А вот если ты свинопас или посудомойка, лучше всего сидеть в безопасном месте и беречь здоровье. Этим Стасик и планировал заняться после возвращения в Форинг.

Форинг. Стасику становилось тошно всякий раз, стоило вспомнить бойню, устроенную в городе лордом Мортусом и его подручными. Притом тошноту рождали не только жуткие картины кровавых расправ, что навеки запечатлелись в его памяти, но и осознание собственной вины. Пусть и невольно, но он оказал злодеям немалое содействие. Не обрушь он стены при помощи заклинаний Рианы, Мортус со своей шайкой едва ли сумел бы взять Форинг приступом. И, следовательно, не случилось бы зверской резни. Но она случилась. Люди умерли. Много людей. От этого нельзя было отмахнуться.

И все же Стасик решил попробовать. Он принялся бороться с угрызениями совести своим излюбленным методом — убеждая себя в том, что ничего этого, на самом деле, не было. Если не думать о проблеме, не вспоминать о ней, то она со временем рассосется сама. Так он и решил поступить. Забыть обо всем, и точка. Перевернуть измазанную кровью страницу своей биографии. Никто в Ангдэзии не знает о том, что это он был виновником обрушения стен. Там его встретят, как героя, сумевшего не только сбежать из вражеского плена, но и добывшего ценные сведения, касающиеся готовящейся крупномасштабной военной операции империи. Его станут хвалить, превозносить, жалеть. Возможно, наградят медалью. И это будет правильно. Стасик искренне полагал, что настрадался уже на целый орден. А то, что он когда-то давно был пособником злодеев... Ну и пусть. Об этом никто не знает и не узнает никогда. Это пройденный этап его жизни.

На четвертый день Стасик набрел на рощу. Точнее, на то, что когда-то было рощей, а ныне являлось скопищем торчащих из земли пней. Там им было обнаружено старое кострище. Кто-то жег здесь огонь. Кто-то разумный, ведь монстрам он без надобности. Возможно, здесь останавливался отряд героев, задержавшихся на нейтральной полосе на ночь. Эта находка воодушевила Стасика, он решил, что Ангдэзия уже близко.

Так оно и оказалось. Полоску зелени на горизонте он разглядел во второй половине дня. Та приближалась мучительно медленно. Иногда Стасику начинало казаться, что он не движется вперед, а топчется на одном месте. Но это было не так. Через два часа полоска приобрела узнаваемые очертания, а ближе к вечеру под ногами Стасика зашуршала настоящая живая трава. Стали появляться деревья: вначале хилые и больные одиночки, затем целые рощицы. Он набрел на ручеек с безумно вкусной ледяной водой, и выхлебал не меньше ведра. А когда оглянулся назад, то понял, что давно уже миновал нейтральную полосу. Та осталась за спиной, а он уже шагал по безопасным и мирным землям Ангдэзии.

На ночь он остановился в густой рощице. Жуя лепешку, Стасик решил завтра же идти напрямик в Форинг, до которого едва ли было слишком далеко. А если в разоренном городе никого не окажется, он отправится в ближайшее селение и потребует, чтобы его немедленно доставили к паладинам. У него имелась для них бесценная информация.

Предвкушая грядущие почести и славу отважного разведчика, Стасик свернулся калачиком под деревом и уснул с улыбкой на устах.

Поутру Стасик проснулся бодрым и жизнерадостным. Он быстренько позавтракал куском лепешки, покинул рожицу и побрел дальше на запад, в надежде вскоре обнаружить признаки цивилизации. Географию прилегающих к нейтральной полосе земель Ангдэзии он не знал, а потому ему требовалась помощь, чтобы отыскать путь в Форинг. Стасик рассчитывал набрести на какое-нибудь селение, небольшую деревеньку или даже сторожевую крепость, и там узнать нужное ему направление, но через пару часов после выступления в путь ноги вынесли его на дорогу.

Та, насколько можно было судить, тянулась параллельно границе. Нейтральная полоса была отсюда достаточно далеко, чтобы не опасаться появления тамошних чудовищ. Стасик понял, что раз есть дорога, притом дорога популярная, с глубоко пробитыми колеями, он, пойдя по ней, неминуемо упрется в какую-нибудь деревню.

Так он и сделал. Выбрал направление наугад и зашагал по дороге с мечтательной улыбкой на устах. Стасик представлял себе, как поразятся паладины и маги Ангдэзии, когда он сообщит им о коварных планах императора Дакроса. То-то вытянутся их лица! Он, жалкий свинопас, не обученный ни воинским искусствам, ни могущественным заклинаниям, сделал то, что им, прославленным героям, даже не снилось. Это он, Стас-свинопас, дерзко и бесстрашно внедрился в ряды вражеской армии, проник в черный замок лорда Мортуса, и выведал все секреты империи зла. Не воспетый всеми Колька, которого ошибочно произвели в паладины, а он, Стасик. Ну и кто после этого настоящий герой?

Стасик вообразил себе, в какой эпический стыд повергнутся все эти воины и маги, чьей храбрости хватало лишь на то, чтобы поехать большой толпой и немного подражаться на нейтральной полосе. А слабо вам, мастера меча и знатоки чар, проникнуть в самое логово зла? Достаточно ли толста ваша кишка для того, чтобы внедриться в черный замок лорда Мортуса? Сумели бы вы, храбрые и прославленные, пережить знакомство с Грыжей Антрекотовой? И да, кто из вас, незаслуженно возвеличенных, рискнул бы в одиночку пересечь нейтральную полосу, и сделать это без оружия и без магии?

Стасик чувствовал, что час его грандиозного триумфа близок. Подвиг его велик. Да что там — он беспрецедентен! Наверняка такого героя сразу же, с почетным эскортом, отправят в столицу, где его лично встретит и приласкает сам король. И принцесса, королевская-то дочка, та самая, что числилась первой красавицей и умницей Ангдэзии, конечно же, заинтересуется отчаянным храбрецом Стасиком. Потому как в зачарованных доспехах, да со святым мечом в руке, любой олух станет героем. А ему, настоящему, величайшему герою, не нужны ни латы прочные, ни меч священный, ни магия могущественная. Хватило голый отваги.

Бодро вышагивая по дороге, Стасик вконец замечтался. Ему вообразилось, как после торжественного пира, устроенного в королевском дворце в его честь, принцесса зазвала его погулять в саду. Стасик, разумеется, не отказался от поступившего предложения. Это в реальной жизни он шархался от красивых девушек так, будто те могли загрызть его заживо, а в своем богатом воображении поступал иначе. Там он был и галантен, и красноречив, и невероятно уверен в себе. А потому, когда принцесса начала сбивчиво, краснея и заикаясь, признаваться ему в высоких чувствах, Стасик быстро взял инициативу в свои руки.

В тот момент, когда Стасик уже готовился породниться с самим королем, он разглядел

впереди перепутье, а на нем высокий деревянный столб. К столбу были приколочены дощечки с указателями направлений. Обрадовавшись, Стасик прибавил ходу. Наконец-то появилась возможность выяснить, далеко ли он от своей цели.

У столба его поджидала хорошая новость — избранный им наугад путь оказался верным. Дорога, по которой он двигался последние часа полтора, вела напрямик в Форинг. Если указатель не врал, от города его отделяли всего четыре мили.

Стасик уже приготовился продолжить свой путь, навстречу славе, почестям и влюбленным в него принцессам, когда случайно заметил с противоположной от указателей стороны столба приколоченный гвоздиком лист пергамента. Он бы, вероятно, не обратил на него внимания, если бы на листе не была изображена чья-то физиономия.

Стасик остановился и присмотрелся. Лицо, взиравшее на него с листа плотной бумаги, определенно было ему знакомо. Он точно уже встречался с этим типом прежде. Пухлые щеки, капризно искривленные губы, вечно напуганный взгляд...

Холодея от ужаса, Стасик шагнул ближе и присмотрелся к изображению. За проведенное в правильном мире время он ни разу не глядел в зеркало, а потому успел забыть, как выглядит его собственное отражение.

— Это что такое? — пробормотал Стасик, силясь понять, почему его портрет приколочен к столбу на перепутье.

Нижний край пергамента завернулся, и Стасик дрожащей рукой расправил его. Расправил, и прочел надпись под своей физиономией, которую неизвестный художник изобразил довольно талантливым образом.

Написано там было следующее:

«По высочайшему королевскому приказу разыскивается живым или мертвым предатель и злодей Свиностас. Награда за сего негодяя: за живого — 1000 золотых; за голову — 800 золотых; за информацию, что поспособствует поимке мерзавца — 500 золотых. Всякого, вздумавшего оказать злодею Свиностасу содействие или помощь, или предоставить укрытие, или имевшего информацию о нем, но не сообщившего, ждет суровая и беспощадная кара!»

Ниже стояли имя и подпись Ильнура, верховного палатина Форинга, и еще какая-то незнакомая Стасику печать, возможно — королевская.

Минуты, примерно, три Стасик стоял на месте и тупо таращился на объявление о розыске себя любимого. До него все никак не могла дойти суть происходящего. Затем, постепенно, дошло. Он попятился назад, остутился на ровном месте и уселся задом на дорогу.

— Что происходит? — пробормотал Стасик, чувствуя, как на него накатываются волны дурноты.

Ответ на этот вопрос был яснее ясного. Происходило то, что его объявили в розыск. Ангдэзия считала его злодеем, предателем и желала заполучить в свои карающие лапы. Либо живого, либо только его голову по чуть меньшей, но все равно довольно привлекательной цене. Восемьсот золотых были не просто большими, но огромными деньгами. По меркам свинопаса они являлись космическим, недостижимым богатством. Да даже по меркам героя восемьсот золотых были лакомым кусочком. Роскошный дом в Форинге, двухэтажный, со всеми удобствами и комплектом прислуги, стоил две сотни золотых монет. Цены на самое лучшее оружие, созданное кузнецами-чародеями из столицы, начинались с четырехсот золотых за штуку. То есть герой, добывший и предъявивший властям его голову, мог решить жилищный вопрос, приодеться и оснаститься самой крутой пушкой из всех возможных.

Заманчиво, очень даже заманчиво. Мало кто устоит перед таким соблазном.

Едва Стасик сообразил это, как он тут же вскочил на ноги, сбежал с дороги и спрятался в кустах. Его трясло, в голове царила сумятица. Он никак не мог сообразить, каким образом в Англэзии догадались о его причастности к падению Форинга. Ведь никто ничего не знал. Разве что Васек.... Да нет, тот ни о чем не догадывался. К тому же того Васька, скорее всего давно уже не было живых. Кроме горстки чародеев и паладинов, телепортированных Лаурой в безопасное место, во всем городе и его окрестностях едва ли кто-то уцелел. Отпечатков пальцев тоже найти не могли. Да и какие отпечатки, если листы с заклинаниями, которых он касался, впитались в блоки фундамента. Был, правда, еще тубус, брошенный в катакомбах, но его наверняка раздавало в лепешку при обрушении городских стен.

И все же страшная правда каким-то непостижимым образом всплыла на поверхность. То ли были обнаружены некие улики, хоть Стасик и не мог представить, какие именно, то ли для установления истины воспользовались магией. Впрочем, способ не имел большого значения. Главное заключалось в том, что теперь его считали страшным злодеем, и быстрая казнь без предварительной пытки была лучшим, на что он мог рассчитывать в лапах поборников добра.

— Нет! Нет! Не может быть! — забормотал Стасик, лихорадочно тряся головой. — Это какая-то ошибка! Или....

Тут его осенило.

Вдруг объявление о розыске фальшивое? И повесил его здесь Колька. Ну, конечно. Это вполне в его духе. После торжественного вручения свинского носа Стасик ожидал от своего заклятого врага всего, чего угодно плохого.

Стасик решил, что должен во всем убедиться лично. Пока он не получит неопровержимых доказательств того, что его разыскивают, как преступника, он в это не поверит. Следовало достичь Форинга, и выяснить, что там происходит.

Теперь не могло быть и речи о том, чтобы свободно идти по дороге и мечтать о принцессах. Стасик пробирался к городу кустами да рощами, а поляны с высокой травой пересекал на четвереньках. То и дело его охватывал липкий ужас, наваливалось отчаяние, но он запрещал себе поддаваться им. Еще ведь ничего не известно наверняка. Объявление вполне могло оказаться Колькиной шуткой. Или каким-то недоразумением. Или ошибкой. Или еще чем-нибудь в том же духе. Стасик руками и ногами цеплялся за это объяснение. Он просто не мог допустить мысли, что объявление настоящее. Поскольку, в этом случае, ему останется одна дорога — дайвинг с камнем на шее.

Окольными путями Стасик пробирался к Форингу. Он сам не знал, что обнаружит на месте. Город был разорен войсками империи, частично сожжен и основательно разграблен. Вернулись ли на развалины люди, или бывший оплот сил добра поныне стоит покинутым и пустынным?

Вскоре ответ на этот вопрос был получен. Стасик очутился в знакомых местах — набрел на речушку, на соседнем берегу которой темнела судьбоносная дубовая роща. Там он однажды повстречал Риану. Это случилось недавно, но Стасику казалось, что с той поры минула вечность. Встреча эта определенно не была случайной. Похоже, ведьма нарочно пряталась в роще и высматривала доверчивого олуха, которого планировала соблазнить щедрыми обещаниями и озадачить простеньким дельцем — всего-то прилепить к стенам Форинга какие-то бумажки, покрытые загадочными письменами. И один такой олух успешно ей попался.

Оказавшись в дубовой роще, Стасик сразу же услышал людские голоса. Те свидетельствовали о том, что окрестные фермы вновь были обитаемы. А еще до его слуха донеслись звуки стройки — стук молотков, визг пил, отдаваемые громким властным голосом команды. Низко пригнувшись, Стасик стал пробираться сквозь рощу к ее краю. Когда между деревьями показался просвет, он вначале опустился на четвереньки, затем лег на землю и медленно пополз вперед. Преодолея последние метры, слегка раздвинул стебли кустарника и выглянул наружу.

Он увидел одну из ферм, что стояла совсем рядом с дубовой рощей. Там, насколько он помнил, прежде выращивали кур. Силы зла, в ходе своего налета на Форинг, сровняли ферму с землей. От нее осталось пятно черной от золы земли. Но таким оно пробыло недолго. И когда Стасик осторожно выглянул из зарослей, он обнаружил на месте бывшей фермы бурно кипящую стройку. Масса людей, суетясь, возводила жилое здание, сарай, курятники. На лугу, отделяющем ферму от рощи, играли дети. Они бегали друг за другом и что-то кричали. Стасик невольно присмотрелся к ним и прислушался. Игра, на первый взгляд бывшая невинной забавой, оказалась натуральной травлей. Милые малыши выбрали из своей группы жертву, и принялись весело издеваться над ней. Заплаканный мальчишка пытался убежать от своих обидчиков, а те гнались за ним, кидались в его пучками травы и выкрикивали обидные оскорбления.

Стасику стало тошно от этого зрелища. Кое-что оставалось неизменным во всех мирах, например, зверская, переходящая все пределы, детская жестокость. И, конечно же, как и во всех мирах, взрослые не обращали никакого внимания на эти милые шалости своих малышей. Или еще хуже — обращали и потакали им, выращивая новую партию нелюдей.

Расстроенный воспоминаниями о своих школьных годах мрака и ужаса, Стасик не сразу расслышал, каким именно прозвищем детишки обзывают избранный объект травли. А когда расслышал, ему стало нехорошо.

— Свиностаc! Свиностаc! — визжали малолетние садисты, забрасывая жертву травой.

Несчастный мальчишка разревелся в голос и побежал прочь от своих мучителей. Те с радостными криками пустились за ним в погоню.

Стасик вновь вполз в рощу и прошел вдоль ее края, пытаясь выбрать лучшую позицию для наблюдения. Ему хотелось знать, как обстоят дела в городе.

Спустя какое-то время ему удалось найти точку, с которой, предположительно, был виден Форинг. Он вновь подполз на брюхе к краю рощи и выглянул из кустов. И сразу же увидел городскую стену. Со дня штурма минуло не так уж много времени, но восстановительные работы шли полным ходом. Рабочие успели полностью разобрать завал, сложили фундамент и начали заново возводить стены. Весь Форинг был покрыт сеткой строительных лесов, по которым, суетясь, ползали крошечные, как муравьи, человечки.

Выходило, что разрушенный и опустошенный Форинг решили не бросать. Эта твердыня была слишком важным оборонительным пунктом для королевства. Город восстановят заново. Возможно, заметно усилят его защитные характеристики.

Увлечшись наблюдением, Стасик чуть не вскрикнул от неожиданности, когда услышал поблизости знакомый голос. Вначале он не поверил своим ушам — голос этот, вне всяких сомнений, принадлежал его бывшему коллеге Ваську. А ведь этого попросту не могло быть. В день падения Форинга Васек находился в городе, и едва ли мог пережить устроенный злодеями геноцид.

Стасик, на всякий случай, отполз глубже в заросли, и правильно сделал, потому что

сразу вслед за этим увидел своего бывшего коллегу. Тот прогуливался вдоль края роши в компании какой-то незнакомой Стасику молодой женщины в крестьянском платье. Выглядел Васек скверно — его правая рука лежала в шине на перевязи, а левой он опирался на костыль. На лице его Стасик заметил пятна затянувшихся ожогов. И все же это был Васек. Живой!

Стасику стоило немалого труда удержать себя на месте. Его так и подмывало выскочить к старому знакомому и расспросить его обо всем. Уж Васек-то сумеет объяснить ему, что за дичь тут происходит, и почему его, Стасика, разыскивают как какого-то преступника.

Но благоразумие взяло верх, и Стасик не покинул своего убежища. И, как вскоре выяснилось, правильно сделал.

Васек со своей дамой как раз оказались напротив того места, где затаился Стасик. Тот без труда смог подслушать их беседу.

— Так ты действительно знал этого Свиностаса? — с нескрываемым интересом спросила женщина. — Мне говорили, что вы с ним работали вместе.

— Еще бы! — ответил Васек. — Два месяца прожили бок-о-бок. Свиной пасли.

— И ты ни о чем не догадался?

Васек покачал головой.

— Ни о чем! — с горечью произнес он. — Так этот гаденыш прикидывался, что и подозрений не возникло. Все косил под беспомощного, несчастного. Мне его постоянно было жалко.

Стасик затаил дыхание, боясь выдать себя каким-нибудь неосторожно произведенным звуком. Васек с женщиной проходили от него в четырех шагах. Стоило им повернуть головы и присмотреться, как они непременно разглядели бы в кустах его испуганную физиономию. Но парочка, к счастью, была поглощена беседой, и по сторонам не глазела.

— Я и потом, когда мне все рассказали, не сразу поверил, что он пособник темных сил, — вновь заговорил Васек. — Не мог поверить, понимаешь. Так этот урод ко мне в доверие втерся....

Васек гневно сплюнул через плечо.

— Его, наверное, специально для этого готовили, — заметила женщина. — Там, в империи.

— Конечно! Мне паладин Николай все за этого Стасика разъяснил. Стасика этого, да покарают его боги, с первых дней завербовали. То есть, он два месяца на империю работал. Паладин Николай сказал, что Свиностас вызнал и передал врагам кучу секретов. Да он один больше вреда нанес, чем сотня черных магов. А вся эта затея с разрушением Форинга вообще была его идеей. Спелся он с проклятым душегубом Мортусом, вот они вдвоем это все и провернули. Но Мортус был просто исполнителем, а спланировал все Свиностас. Паладин Николай сказал, что удалось найти и расшифровать секретные записи Свиностаса. Он, подлец, еще и записи вел — как тебе, а? Вот из них-то и узнали, что он планировал, что успел сделать, а чего нет. А ведь этот гад собирался похитить верховную волшебницу Лауру.

— Неужели? — воскликнула спутница Васька, схватившись руками за пышную грудь.

— Да, да, — печально закивал Васек. — Похитить, а потом и надругаться над нею. Такой у него, мерзавца, был план.

— Да он же просто выродок!

— Хуже, намного хуже! Я знаю, паладин Николай не все мне рассказал о Свиностасе и его черных делах. Видимо, чувства мои берег, не хотел шокировать. Но намекнул, что этот

тип еще в нашем мире успел отметиться. Вроде как произошли убийства. Кто-то по ночам подстерегал и зверски расправлялся с девушками. Манька так и не поймали.

— Неужели это был Свиностаc? — воскликнула пышногрудая крестьянка.

— А кто же еще?

Васек сжал кулак здоровой руки и процедил сквозь зубы:

— Эх, попадись он мне! Я бы его, гада, на вилы поднял!

Он еще раз сердито сплюнул через плечо.

— Как целители на ноги поставят, пойду в армию записываться! — признался Васек. —

Очень мне хочется повстречаться с этим Свиностаcом на поле боя. Раньше мне эта война была побоку, а теперь во мне обида люта я кипит. Мести жажду! За всех убитых, покалеченных, за все, что он, подонок, натворил! Уж я его....

Дальнейшие слова Стасик не расслышал, поскольку бывший коллега и его новая подруга миновали его лежку и скрылись из виду. Но ему и так все было ясно. Если уж Васек, безобидный и веселый парень, проникся к нему такой невероятной ненавистью, то остальные жители Ангдэзии просто разорвут его на части, окажись он в их добрых и светлых руках.

Стасик полежал еще какое-то время, тупо не зная, что ему делать дальше, а затем отполз глубже в рощу. Одно было ясно — оставаться в окрестностях Форинга нельзя. Если его поймают, он изведает немало новых, доселе непознанных, ощущений. Вся Ангдэзия для него теперь запретная, смертельно опасная, территория. Наверняка его портреты уже развешаны по всему королевству.

Таясь кустами да оврагами Стасик стал пробираться обратно, к нейтральной полосе. Кроме нее идти ему было некуда.

Ночь он провел в роще, на самой границе Ангдэзии. За этим клочком чудом уцелевшей зелени начиналась выжженная солнцем трава, которая тянулась на восток примерно километр и сменялась безжизненной землей нейтральной полосы. Место это было опасное, как ни крути. Притом Стасик сам не знал, кого ему опасаться больше — чудовищ с нейтральной полосы или воинов добра и света. Если даже Васек, добрый друг Васек, с которым они два месяца пасли свиней, намеревался при первой же встрече водрузить его на вилы, что же следовало ждать от суровых паладинов? Впрочем, чего ждать, Стасик догадывался без подсказок. Окажись он в лапах воинов добра, те тут же подвергнут его пыткам. Не со зла, нет. Какое там зло! Они же все добрые, хорошие, все кругом сугубо положительные. Пытать будут вынужденно. Надо же выведать, с каким новым гнусным заданием архизлодей Свиностаc вернулся в Ангдэзию. И сколько бы он ни повторял правду, ему никто не поверит. А если пытать его поручат Кольке....

Стасик невольно содрогнулся, вообразив себе весь тот ужас, что будет ждать его в лапах бывшего одноклассника. На фоне неминуемо грозящих ему мучений суицид, как выход из положения, уже не выглядел излишне радикальной мерой.

Рассвет Стасик встретил в состоянии паники, ужаса и всепоглощающего отчаяния. Он буквально не знал, что ему делать дальше. О возвращении в Ангдэзию не могло быть и речи. Там его считали злодеем уровня лорда Мортуса, а то и хуже. Окажись он в руках добряков, те разорвут его на мелкие кусочки. Ну и Колька, вечный мучитель, тоже внес свою лепту, насочиняв каких-то жутких небылиц и окончательно очернив доброе имя Стасика. Нет, о королевстве добра ему следовало забыть.

Вчера Стасик раздумывал о том, чтобы податься обратно в империю зла, но сегодня, на трезвую голову, отверг и эту затею. В какую еще империю он собрался? Ту самую империю, из которой он сбежал, не попросившись. Наверняка там его уже считали шпионом и предателем. И тоже успели заклеить все столбы объявлениями о розыске и награде за его аккуратно отделенную от тела голову. А еще в империи проживала Грыжа Антрекотовна, едва ли отказавшаяся от идеи приготовить из него гуляш. А еще там обитал лорд Мортус, пообещавший Стасику ужасные кары в случае предательства последнего. И он наверняка сдержит слово. Сказал, что умучает, и умучает.

Стасик обхватил себя руками и пустил слезу. В этот миг он страстно мечтал вернуться в свой родной мир. Потому что больше идти ему было некуда. Но отправить его на историческую родину могла только магия Ангдэзии. А там его уже ждали... с вилами наизготовку.

Он понимал, что торчать на границе королевства не лучшая идея. В любой момент здесь мог объявиться дозор или какой-нибудь отряд героев, идущий на нейтральную полосу в поисках приключений. Нужно было уходить. Но куда? По обе стороны от нейтральной полосы его поджидала смерть. Сама же нейтральная полоса тянулась в длину на сотни миль, пересекая материк от океана до океана. В этом мире были другие земли, острова и континенты, но Стасик почти ничего не знал о здешней географии. Да и как он сумеет достичь безопасных земель? Один. Без оружия. Без магии. Без пищи и умения ее добывать. А даже если каким-то чудом он и достигнет побережья, не вплавь же ему добираться до другого материка. И где гарантия, что война сил добра и сил зла не захлестнула весь этот

мир, каждый его уголок? И куда бы он ни направился, везде его будут ждать либо паладины, либо черные рыцари, готовые с радостью изрубить вчерашнего школьника своими огромными мечами.

Весь день Стасик провел под деревом, с каждой минутой все глубже проваливаясь в бездну отчаяния. Слез пролил столько, что дело уверенно шло к обезвоживанию. Мешок с остатками лепешек валялся рядом с ним — к еде Стасик за минувшие сутки даже не притронулся. Кусок в горло не лез, да и голода он не чувствовал. Чувствовал только страх и обреченность, больше ничего.

День миновал, сменившись вечером, а затем и ночью. Стасик продолжал сидеть под деревом, прикидывая, не попытаться ли как-нибудь свести счеты с жизнью. Он всегда дико боялся смерти, но за минувший день успел пересмотреть свои взгляды на данный вопрос. Окажись он в лапах паладинов, те обязательно станут его пытаться. А пытка куда хуже смерти. Смерть мгновенна, а истязание может затянуться на дни и даже недели. А если к делу подключится Колька, то и на месяцы.

Весь погруженный в пессимизм и суицидальные думы Стасик не сразу понял, что слышит какие-то звуки, выбивающиеся из привычного шумового фона окружающего мира. Не успел он опомниться, как рядом с ним громко хрустнула сухая ветка, раздавленная чьей-то неосторожной ногой. Вслед за этим из ночной тьмы долетело сердитое ворчание:

— Грыбан, единорог тебя затопчи, я тебе точно однажды ноги переломаю!

В ответ прозвучал виноватый голос:

— Да я-то что, Зархад? Темень такая, хоть глаз коли.

— А вот я возьму и выколю твои зенки, раз ты ими все равно не пользуешься, — пригрозил первый голос. — Вечно от тебя одни проблемы. Я не посмотрю, что свояк, я...

Тут голос резко оборвался, а когда зазвучал вновь, в нем зазвучали хищные интонации:

— Братцы мои, а ведь где-то рядом человек! Тут он, голубчик. Близко-близко.

Стасик содрогнулся — неведомые существа учуяли его присутствие. Сделать это было нетрудно. Стасик уже забыл, когда в последний раз принимал ванну.

— Обшарьте тут все! — приказал голос резко. — Может, подранок затаился.

Роща наполнилась шелестом шагов. В просветах между деревьями Стасик заметил мелькающие тени — невысокие и сгорбленные. Эти существа говорили и ходили на двух ногах, но, судя по всему, не являлись людьми.

Не успел Стасик помыслить о необходимости бегства, как рядом с ним вдруг возникла черная зловещая фигура. Она нависла над ним, обдав крепким запахом пота и несвежим дыханием.

— Нашелся! — прозвучал рядом сочащийся недоброй радостью голос.

Стасик отреагировал на появление очередного чудовища единственным способом, каким умел — пронзительно завизжал. Успел взять высокую ноту и израсходовать половину набранного в легкие воздуха, когда чья-то рука зажала ему рот, а к горлу прижалось что-то холодное и острое. Похоже, это был клинок то ли ножа, то ли меча.

— А ты неплох! — произнес неизвестный, сокрытый тьмой. — Я прямо заслушался.

Судя по звукам, вокруг Стасика собралась целая группа неведомых существ.

— Давайте уже скорее его на вертел! — прогудело одно из них. — Зархад, что ты там возишься? Кончай его.

— Я тебя сейчас кончу! — рявкнул монстр, которого звали Зархадом. — Вы что, не слышали, какой талант нам попался?

— Два дня уже голодаем, — пожаловался кто-то из существ. — Давай съедем этого, а?

— Вот что вы за болваны? — рассердился Зархад. — Вечно вы меня не слушаете, а веде я поумнее всех вас буду, вместе взятых. Разве плохо вам жилось с прошлым зазывалой?

— Жилось-то хорошо, твоя правда. Да только что старое вспоминать? Я сейчас голоден. Давай малыша съедем. Я отсюда чую, какой он сочный и молоденький.

— Вот не доводите до греха! — свирепо прикрикнул на коллектив Зархад. — Кто человека тронет, тот сам на вертеле окажется. Без шуток, парни.

Похоже, угроза подействовала. По крайней мере, больше не прозвучало ни одного предложения съесть пленника на месте.

— Пойдем с нами, человек, — предложил Зархад обманчиво ласковым тоном.

Говоря это, он вцепился в плечо Стасика своими длинными пальцами и крепко сдавил тело пленника.

— Пойдем, — повторил он. — Мы тебя не обидим.

Стасик не мог ничего ни сказать, ни сделать, поскольку от страха с трудом удерживался на этом свете.

— Пойдем! — с нажимом произнес загадочный Зархад.

После чего рывком поднял Стасика на ноги.

— И больше не шуми, — предупредил он. — Будешь шуметь, придется тебя зарезать. А я этого не хочу.

По странному совпадению Стасик тоже этого не хотел.

Не выпуская его плеча из своей хватки, Зархад потащил его из рощи. Прочие существа следовали рядом. Когда вся группа вышла на простор, Стасик разглядел в скупом свете звезд каких-то странных коренастых существ антропоморфного типа. Они не могли похвастать высоким ростом — самый дюжий из них, тот, что звался Зархадом, был на голову ниже Стасика. Зато в плечах он оказался вдвое шире бывшего школьника. Да и прочие существа выглядели крепкими и сильными. Все они горбились, отчего казались ниже, чем на самом деле. Их руки были необычайно длинными, и опускались ниже колен. Кривые ноги, даром, что непропорционально короткие, двигались удивительно проворно. Когда вся компания заспешила в сторону нейтральной полосы, Стасику стоило большого труда держать заданный темп. Отстать ему мешала рука Зархада, продолжающая сжимать его предплечье в железной хватке.

Кто эти существа и куда они его ведут, Стасик не понимал. Ничего хорошего он не ждал. Подозревал, что его собираются либо съесть, либо просто убить. Хорошо, если не решат помучить перед смертью. Не будь он до смерти напуган, то, наверное, уже кричал и звал бы на помощь, но от страха язык его прирос к небу.

Сухая трава под ногами сменилась голой безжизненной землей. Они вышли на нейтральную полосу и заспешили по ней. Здесь неведомые существа сторбились еще больше, а Зархад, покосившись на Стасика горящими во тьме злыми глазами, посоветовал и тому не отвечивать.

Путь их продолжался часа два. За это время Стасик совершенно вымотался, поскольку ему приходилось почти бежать, чтобы поспевать за пленившими его монстрами.

Один раз по беззвучной команде Зархада все дружно залегли, и выжидали примерно минут пятнадцать, пока вожак не счел возможным продолжить путь.

В какой-то момент Стасик понял, что он сейчас упадет и уже не встанет. Ноги налились свинцом, спина болела, частое дыхание с хрипом вырвалось из груди. Он догадывался, что

жаловаться этим существам на усталость довольно глупо, но все же решил предупредить их, что полностью вымотался.

— Я больше не могу, — тихо выронил он.

— Потерпи, — бросил ему Зархад, не поворачивая головы. — Почти пришли.

Пришли куда? Стасик одновременно и хотел и не хотел этого знать. Ни на что хорошее в лапах чудовищ ему рассчитывать не приходилось. Впрочем, на него ополчился весь этот неправильно правильный мир. Даже сторонники добра и света теперь считали его исчадьем ада и жаждали нанизать на сельскохозяйственный инструмент.

Путь их завершился у подножия невысокого холма, некогда поросшего деревьями. Теперь же от деревьев остались одни обломанные пеньки. Существа остановились, двое из них склонились и оттащили в сторону сколоченный из досок щит. За ним открылся узкий черный лаз пещеры.

— Ты пойдешь первым, человек, — сказал Стасику Зархад. — Я буду за тобой. Если сделаешь глупость, воткну ножик в бедро.

Дрожащим голосом Стасик заверил монстров, что у него и в мыслях не было делать какие-то глупости. Затем он опустился на четвереньки и первым сунулся в лаз. Зархад, как и обещал, последовал за ним. Стасик слышал его напряженное сопение, а иногда монстр случайно касался лапами его ног. Стасик всякий раз вздрагивал, и начинал слезно клясться, что никаких глупостей не делает, и не надо его резать ножиком.

— Ползи-ползи, — приговаривал Зархад. — Уже скоро.

Стасик содрогнулся. Недобрые предчувствия овладели им. Что имел в виду пленивший его монстр? Что уже скоро? Уж не смерть ли?

В какой-то момент лапа Зархада ухватила Стасика за лодыжку, а прозвучавший во тьме голос провозгласил:

— Мы на месте. Не шевелись. Я свет зажгу.

Стасик покорно ждал, ничего не предпринимая. Из темноты доносились загадочные звуки, судя по которым в нору, вслед за ними, проникали и другие существа. Затем кромешный мрак рассеяло слабое свечение. Оно постепенно набирало силу. Источником света оказался небольшой стеклянный шар, установленный на грубо сколоченном из старых досок столе.

— Вот мы и дома, — сказал Зархад. — Проходи, человек, садись. Гостем будешь.

Только теперь Стасик получил возможность разглядеть своего собеседника. Он честно пытался быть сильным, но крик ужаса все же сорвался с его губ. Потому что Зархад, как он и подозревал, человеком не являлся. Это было странное, коренастое и широкоплечее существо, с короткими кривыми ногами и длинными, ниже колен, руками. Особо ужасало лицо — вытянутое, с огромным крючковатым носом, широким лягушачьим ртом и глубоко посаженными глазами, которые зловеще мерцали, отражая свет волшебного шара. Из копны густых волос выглядывали длинные островерхие уши. Кожа у Зархада и его приятелей была темно-зеленого цвета.

— Что ты так испугался? — добродушно спросил Зархад. — Неужели прежде гоблинов не видел?

Кого-кого, а гоблинов Стасику до сих пор наблюдать не доводилось. Ему казалось, что он уже привык ко всякому фэнтези, ведь и магию успел повидать, и паладинов, и черных рыцарей, но к столкновению с гоблинами он готов не был.

Пещера, в которой они очутились, была невысокой, но просторной. Ее укрепленный

досками свод подпирало несколько толстых бревен. Внутри было не то, чтобы бедно, но как-то неряшливо. На земляном полу тут и там валялся какой-то хлам. Стасик разглядел сапоги, штаны, несколько изорванных плащей, сломанный пополам длинный лук. Еще в пещере попахивало, и не только самими гоблинами. Существа эти, судя по всему, не отличались чистоплотностью, и не утруждали себя выносом мусора. Во всех углах кучками валялись почерневшие кости, обглоданные и брошенные туда небрежной рукой. Из мебели имелись лежанки из досок и набитых травой тюфяков. Был стол, на котором покоился светящийся шар. У дальней земляной стены, прислоненное к ней, стояло знамя на коротком древке. Разглядеть, что изображено на стяге, Стасик не смог.

Вскоре в пещере оказались и остальные гоблины. Все они были более-менее на одно уродливое лицо, отличаясь только комплекцией и ростом. На их фоне выделялся гoblin, которого, как впоследствии узнал Стасик, звали Грыбаном. Он имел солидное брюшко противного бледно-зеленого цвета, отчего напоминал лягушку, и округлые, как у хомяка, щеки.

— Садись, человек, садись, — повторил предложение Зархад. Он, похоже, был в этой шайке главным.

Стасик послушно сел прямо на земляной пол, продолжая с удивлением и страхом глазеть на невиданных доселе существ. Его поразило то обстоятельство, что все гоблины были одеты, причем одеты неплохо. И точно так же неплохо вооружены. Впрочем, одежда явно была позаимствована ими с чужого плеча. Да и их мечи как-то подозрительно напоминали те, что ковались в Форинге и продавались в тамошних оружейных лавках.

Пока Стасик пытался переварить очередной культурный шок, гоблины сунулись в его мешок, обнаружили там лепешки и тут же с жадностью набросились на них. Запас провизии, которого одному Стасику хватило бы на две недели, гоблины подмели за считанные секунды. Похоже, они были очень голодны, так как не только съели лепешки, но и старательно подобрали и отправили в свои рты каждую крошечку, выпавшую из мешка.

— Ну, вот видите, — сказал Зархад, обращаясь к своим товарищам, — не нужно было человека есть.

— Мясо-то оно вкуснее будет, чем лепешки, — заметил один из гоблинов, и тут же получил за это по лбу от начальника.

— Молчи! — прикрикнул на него Зархад. — Этот человек не для еды! Ясно?

Зархад обвел подельников свирепым взглядом. Его правая рука, при этом, поигрывала пальцами на рукояти меча. Подчиненные трусливо закивали головами, признавая волю вожака.

Восстановив субординацию, Зархад повернулся к Стасику.

— Как тебя зовут, человек? — спросил он.

— Стас, — ответил тот тихо.

— Смешные у вас, у людей, имена. Ну, рассказывай, Стас, откуда ты: из Ангдэзии или из злодейской империи?

Вопрос этот был непростой. Во всяком случае, для Стасика. Он успел побывать и там, и там, но не принадлежал ни к тем, ни к другим. И не позиционировал себя ни свободным гражданином Ангдэзии, ни презренным рабом императора Дакроса Безжалостного.

— Я точно не знаю, — признался он со всей откровенностью.

Его ответ несколько не удивил главаря гоблинов.

— Беглец, значит, — сделал вывод он.

Стасик вскинул голову и удивленно посмотрел на Зархада. Тот ухмыльнулся, обнажив два ряда узких длинных зубов.

— Из империи бегут в Ангдэзию, — произнес Зархад. — Из Ангдэзии в империю. А кому бежать некуда, те оседают здесь.

— Мне как раз некуда, — убитым голосом произнес Стасик, и едва не расплакался от жалости к себе. — Я не знаю, что мне теперь делать. В Ангдэзии за мою голову назначили награду. Я ничего плохого не совершал, меня оклеветали. А в империи.... Туда мне тоже нельзя.

Гоблины переглянулись. Зархад произнес с воодушевлением:

— Ну, так тебе повезло, человек Стас! Оставайся с нами.

— С вами? — удивился Стасик.

— Да, с нами. Мы такие же, как ты. Также изгнанники. Когда-то жили на своем острове, никого не трогали. А потом туда пожаловали добряки, и решили устроить на нашей родине базу для своего флота. Мы, конечно, пытались сопротивляться, но где тут устоять против мощи всей Ангдэзии? Я, и вот Грыбан, три года в партизанском отряде геройствовали. Но, в итоге, пришлось бежать. А куда нам бежать? Слева Ангдэзия, где нас считают монстрами и убьют на месте, едва увидев. Справа Кранг-дан. В империи еще хуже — там всех нелюдей сразу заковывают в цепи и отправляют работать в шахты. Вот и торчим здесь, на нейтральной полосе.

Гоблины были страшны, Стасик боялся их до икоты, но, как ни странно, поступившее предложение показалось ему заманчивым. Не потому, что ему хотелось влиться в этот странный коллектив. Просто иной альтернативы правильный мир ему не оставил.

— Соглашайся! — настаивал Зархад. — Не пожалеешь. У нас компания веселая, дружная. А одному на нейтральной полосе выжить непросто.

Это была чистая правда. Один он здесь и недели не протянет.

— Хорошо, — согласился Стасик. — Я с вами.

— Отлично! — радостно воскликнул Зархад. — Ну, мужики, довольны? Есть у нас новый зазывала! Да какой! Заслушаешься!

— Простите, кто? — переспросил Стасик.

— Зазывала.

— Я не понимаю. Что такое зазывала?

— А это, брат Стас, такая должность. Самая важная должность в нашем коллективе. И вот ты-то на эту должность и назначаешься. От всей души тебя с этим поздравляю!

Недолго Стасику пришлось гадать о том, кто же такой зазывала и в чем состоят его служебные обязанности. Зархад охотно объяснил ему все.

Как выяснилось, гоблины промышляли разбоем, каковое ремесло было единственным, способным обеспечить пропитание на нейтральной полосе. Жертвами их становились отряды новичков-героев, которые отправлялись в эти земли на заработки.

— Есть тут одно место, — по секрету рассказал Зархад, — куда люди частенько захаживают. Старый могильник.

Стасик вздрогнул. Раз уж он пребывает в мире меча и магии, то от всяческих могильников следует держаться подальше. Известно ведь — где могильники, там и нежить.

Заметив, как побледнело лицо собеседника, Зархад поспешил успокоить его.

— Не-не, не бойся. Могильник ерунда. Лезут, конечно, оттуда эти.... Ну, ты понял. Понял, да? Вот эти....

Гоблин выставил перед собой руки, склонил набок голову, вывалил язык и весьма талантливо изобразил типичного зомби.

— Но они совсем дохлые, — продолжил Зархад. — Иного из них камнем можно зашибить. Нам-то с парнями они без надобности, ибо не употребляем в пищу тухлятину, а вот люди туда постоянно захаживают.

— Зачем? — удивился Стасик.

— Я так понял, что кости этих мертвецов хороших денег стоят. Алхимики их скупают, и платят золотом. Вот и пытаются молодые да зеленые наскоро деньжат срубить. А оно ведь и вправду несложно. Руби их, мертвецов этих, или магией окучивай. Они же совершенно безобидные, неповоротливые, ни куснуть с душой не могут, ни поцарапать.

Затем Зархад объяснил, что они с парнями устраивают засады на отряды новичков, и если видят, что группа им по зубам, нападают на них.

— С этих героев всегда прибиток, — пояснил вожак гоблинов. — У каждого одежда, оружие, сумка, туго набитая едой или даже зельями.

— Да и сами они из мяса, — счел нужным добавить Грыбан.

Зархад метнул на подчиненного строгий взгляд, и посоветовал тому пуще беречь оставшиеся зубы.

— Ты не подумай, мы знаем, что людей кушать плохо, — виноватым тоном признался Зархад. — Нам и самим не очень хочется. Иной раз ешь кого-то, и слезы наворачиваются.

— У меня тоже такое было, — опять встрял Грыбан. — Тому назад две недели ел похлебку из наваристого лучника, так весь слезами истек. Это все потому, что кто-то из вас в котелок целую банку перца высыпал.

— Кончай, Грыбан! — прорычал на него Зархад. — Не пугай нашего нового зазывалу. Его мы никогда не съедим. Больше этому не бывать!

Стасик уставился на собеседника с нескрываемым страхом.

— Что значит — больше? — пропищал он.

— Да не бери ты в голову. Вышел несчастный случай с бывшим нашим зазывалой. Прямо беда. Трагедия, я бы сказал. Но впредь этого не повториться.

Однако Стасика не устроил подобный ответ. Он потребовал конкретики. Его чрезвычайно интересовали обстоятельства гибели своего предшественника.

— Да что там старое вспоминать, — махнул рукой Зархад. — Кто из нас без греха?

— Так что же, все-таки, с ним случилось?

— Да я и сам точно не знаю, — признался вожак гоблинов. — Взяли мы тогда знатную добычу, в том числе и пять бутылок крепкого вина. Отметили, значит, операцию. Я утром просыпаюсь, глядь — а от зазывалы нашего одни обглоданные косточки остались. Кто его съел, зачем — ума не приложу. Я этих вон и так и сяк допрашивал. Признавайтесь, говорю, у кого рука поднялась! Молчат, паразиты. А ведь точно кто-то из них.

Заметив, что Стасик находится в шаге от трусливого обморока, Зархад заверил его:

— Нет-нет, такого больше не повторится. С тех пор у нас в коллективе сухой закон. Больше никаких попок. Тебе не о чем волноваться.

Стасик так не считал. Трагическая судьба своего предшественника ужаснула его. Он понял, что гоблины, это не самая лучшая компания. К сожалению, иной у него не было.

Затем Зархад наконец-то объяснил, в чем состояли обязанности зазывалы. Зазывалой в их отряде называлась живая приманка.

Нападения осуществлялись следующим образом: устраивалась засада, в центре, вместо приманки, помещался зазывала, и начинал талантливо, полным ужаса и отчаяния голосом, звать на помощь. Молодые и неопытные герои спешили на его зов, искренне веря, что человек попал в беду, и гибли, угодив в тщательно расставленную западню.

— Только ты не думай, что зазывала, это так, ерунда, — наставительно произнес Зархад. — Это дело не каждому по силам. Тут талант нужен. Я бы даже сказал — дар. Вот прошлый наш зазывал был настоящим гением. Когда он принимался на помощь звать, то так это делал, что даже мне самому хотелось из засады выскочить и спасти его.

— Не знаю, смогу ли я так же, — неуверенно произнес Стасик.

— Сможешь! — заверил его Зархад. — Ты сможешь. Я когда твой визг там, в роще, услышал, сразу понял, что передо мной прирожденный зазывала. Никто не сможет проигнорировать твои вопли.

Стасик не был уверен в том, что его так уж манит карьера зазывалы. Ведь ему предстояло стать соучастником убийств. Заманивать на верную смерть таких же людей, как и он сам. То есть, не совсем таких же. Он был отверженным изгоем, жертвой этого жестокого мира. А герои, ходящие в рейды на могильник, напротив, получили все то, о чем он мечтал. И Стасик вдруг с удивлением понял, что ему не особо-то жалко этих людей. Они были ничуть не лучше Кольки, а тот уже успел показать себя во всей своей подлой красе. Вначале публично унизил отвратительным подарком, а затем еще и оклеветал с головы до ног, выставив Стасика серийным маньяком и подельником самого императора Дакроса.

Зархад, кажется, понял его без слов.

— Знаю, решиться непросто, — сказал он. — Нам тоже все это не нравится. Но как иначе тут выжить? Вся нейтральная полоса — выжженная земля. Корешков да орешков, и тех нет. А на здешнюю живность охотиться себе дороже. Вот и остается старый добрый разбой. Ну, так ты с нами?

Будь у Стасика хоть какая-то альтернатива, он бы отказался. Но обстоятельства не оставили ему иного выбора.

— Да, с вами, — безрадостным тоном ответил он.

Ночь они провели в подземном логове, а ближе к утру, еще до рассвета, выдвинулись в путь. Шли гуськом, ведомые Зархадом, часто останавливаясь и прислушиваясь к доносящимся звукам. В одном месте Стасик зазевался, и едва не скатился в глубокую яму,

наполненную зловонной черной жижей. Но Зархад успел вовремя схватить его за руку и предотвратил падение.

— Будь осторожнее, человек Стас, — посоветовал он, угрюмо глядя на дно ямы. — Окунаться в эту жидкость не стоит.

— А что будет? — задал глупый вопрос Стасик.

— Ничего хорошего. Был у нас в отряде один невнимательный юнец. Очень он любил считать ворон. Однажды, как и ты, оступился и упал в такую яму, прямо в эту черную дрянь. Передать тебе не могу, как он, бедный, орал.

— Он умер? — тихо спросил Стасик.

— Добили его, из жалости. Потому как он так орал, что....

Зархад покачал головой.

— Так, как вообще не орут, — добавил он. — Не могу представить, какую боль нужно испытывать, чтобы так орать.

Стасик со страхом посмотрел на черную гладь лужи, скрывавшей дно ямы. Возможно, по своему воздействию на живой организм эта субстанция была сродни кислоте. Или даже хуже. В любом случае, погружаться в черную жижу Стасику расхотелось навсегда.

Путь их занял часа три. Стасик с трудом поспевал за гоблинами, которые, при своей кажущейся неуклюжести, передвигались с удивительным проворством. Он уже хотел вымолить небольшой привал, поскольку совершенно выдохся, но тут Зархад сказал:

— Мы на месте, человек Стас. Вон, видишь?

С невысокого холма, утыканного пеньками, Стасик разглядел впереди какое-то рукотворное строение. До него было метров пятьсот, и с такого расстояния трудно было понять, что это такое. Одно было ясно — сооружение окружал высокий, но сильно поврежденный, каменный забор. Над ним возвышались крыши каких-то строений и голые скелеты мертвых деревьев.

— Могильник, однако, — сообщил Зархад.

— То есть, кладбище? — уточнил Стасик.

— Можно и так сказать. Там древние погребения, старинные склепы. Остались с давних времен.

— А тамошние обитатели сюда не придут? — забеспокоился Стасик.

Вожак гоблинов усмехнулся.

— Об этом не тревожься, — посоветовал он. — Они никогда не покидают пределов могильника.

Затем Зархад отправил часть своих гоблинов на разведку, а остальные, растянувшись на земле, отдались отдыху. Стасик лежал вместе с новыми соратниками и глядел в небо, по которому медленно ползли плотные белые облака. Правильный мир действительно был тем местом, о котором он мечтал. Тут отважные герои боролись с силами зла, в диких землях обитали чудовища, а в древних могильниках водилась злобная нежить. Были в этом мире и подземелья, полные опасностей и сокровищ и прекрасные волшебницы. Вот только сам Стасик оказался лишним в этом правильном мире. Настолько лишним, что не прижился ни в королевстве добра, ни в империи зла. И вот он, тот, кто мечтал о карьере великого мага и отважного героя, очутился в составе шайки гоблинов, промышляющей разбоем. Докатился, что называется. Еще хорошо, если на этом завершится его падение. Хотя, хуже, как казалось Стасику, уже и быть не может.

Ждать пришлось долго, и в процессе Стасик задремал. Разбудили его уже за полдень.

Зархад растолкал его, а когда Стасик продрал глаза, то обнаружил на физиономии жоака широкую счастливую улыбку.

— Вставай, вставай человек Стас! — требовал он, и в голосе его слышалось возбуждение. — Нам повезло.

Стасик, ничего не понимая, послушно сел и умыл слипающиеся глаза поспявшим пальцем.

— Что случилось? — спросил он.

— Разведка сообщила, что отряд героев вошел в могильник, — сообщил Зархад. — Вроде как зелень, сильных бойцов нет.

— Сколько их?

— Всего пятеро. Мало. Обычно новички ходят большими группами. Эти, похоже, совсем глупые. О, смотри!

Он указал в сторону могильника, и Стасик, повернув голову, увидел, как над оградой кладбища вспыхивают разноцветные всполохи.

— Да, вот так, — заулыбался Зархад. — Тратьте, тратьте магическую энергию. Чем больше ее израсходуете, тем нам лучше.

Вскоре возвратились последние разведчики. Они дерзнули подойти к самому могильнику и заглянули внутрь сквозь дыру в ограде. По их словам, отряд героев был с головой погружен в истребление нежити.

— Один воин, — доложил разведчик, — два мага, лучник и целитель. Воин крепкий, с хорошим щитом. Остальные — ничего особенного.

— Главное, что среди них нет паладина, — заметил Зархад. — Так, ребята, пора выдвигаться. Кто знает, когда они наиграются и двинут обратно.

Место для засады выбрали несколько в стороне от тропы, ведущей к могильнику. То была небольшая яма, окруженная с трех сторон холмиками. Зархад, осмотрев место, остался им доволен.

— Ты будешь здесь, — сказал он Стасику, указав на дно ямы. — Мы спрячемся вокруг. Когда подам сигнал, начинай кричать.

— А что кричать? — спросил Стасик, которому все меньше и меньше хотелось принимать участие в этом сомнительном мероприятии.

— Ну, что обычно кричат люди, когда оказываются в беде. Стенай, рыдай, зови на помощь. Не мне тебя учить. Только с душой, с талантом. Понимаешь?

— Вроде того.

— Нет, ты к этому делу подойди со всей ответственностью. Тут нужно хорошо звать, искренне. Чтобы люди поверили. Если сфальшивишь, они могут что-то заподозрить.

— Я постараюсь, — пообещал Стасик.

— Верю в тебя, человек Стас! — произнес Зархад, и потрепал его лапой по плечу. — Сразу понял, что ты нам подойдешь. Ну, удачи.

После чего гоблины скрылись из виду, затаившись за холмиками, а Стасик остался один. Он сидел на дне ямы и ждал. С каждой секундой в его душе нарастал страх. Он опасался, что отряд героев сумеет справиться с гоблинами, а его или прибьют на месте, как пособника монстров, или, что куда хуже, доставят в Форинг. А в Форинге его уже ждут Колька и камера пыток.

Одновременно с этим Стасику было не по себе от того, что он собирался заманить в ловушку таких же людей, как и он сам. Кто-то из них, возможно, его земляк, призванный из

того же мира. Не попытаться ли как-то предупредить группу героев и спасти их?

Но эта идея не показалась Стасику умной. Теперь он житель нейтральной полосы, и должен играть по ее правилам. Гоблины, по крайней мере, приняли его в свой коллектив. Кроме них ему не к кому податься. А перспектива вновь остаться в одиночестве пугала больше, чем предстоящие угрызения совести.

Время шло. Он сидел и напряженно ждал команды. Герои увлеклись зачисткой могильника. Вероятно, радовались тому, что удастся набить мешки трофеями и по возвращению в Форинг обменять их на звонкую монету. И даже не подозревали, какая опасность нависла над ними.

Вдруг откуда-то сверху донесся сдавленный крик Зархада:

— Человек Стас, давай! Начинай кричать. Они уже вышли из могильника. Кричи!

Пробил час принять решение. Стасик колебался пару секунд, а затем распахнул рот и разразился самым талантливым криком, на какой только был способен:

— Помогите! Кто-нибудь! Я ранен! Не могу идти! Спасите! Не бросайте меня на верную смерть!

— Ты великий зазывала! — донесся до слуха Стасика восхищенный голос Зархада. — Тебе нет равных в этом искусстве. Они услышали тебя. Они идут. Кричи еще!

И Стасик послушно закричал, вкладывая в это дело весь талант и всю душу.

В тот момент, когда он в очередной раз сделал небольшой перерыв, чтобы наполнить грудь новой порцией воздуха, поблизости послышались человеческие голоса. Это были герои, спешащие к нему на помощь.

— Он где-то здесь, — произнес мужской голос. — Кричали отсюда.

— Осторожнее, — предупредила женщина. — Это может оказаться ловушкой.

— Нет! — уверенно опроверг предположение мужчина. — Ты сама слышала, как он кричал. Этот крик был полон искреннего ужаса. Никто не смог бы так мастерски притворяться.

Слыша эти слова, Стасик горько усмехнулся. Неужели единственным его талантом, проявившим себя в правильном мире, окажется умение убедительно звать на помощь? То есть вместо крутых магических способностей и боевых навыков ему досталось вот это? Стало интересно, как называется его класс. Крикун? Зазывала? Плакальщик? От всех возможных названий воротило с души.

— Он больше не кричит, — произнес один из героев. — Неужели мы опоздали?

Стасик тут же вновь подал голос.

— Я здесь! — прокричал он. — Я близко! Спасите!

Через секунду на краю ямы появились герои. Весь отряд. Вся пятерка отчаянных храбрецов, не побоявшихся отправиться на нейтральную полосу, проникнуть в кишачий нежитью могильник, и славно там повоевать. Вероятно, всех их хорошо подготовили к боям с солдатами империи и монстрами, но только не к коварству. Иначе они не клюнули бы на эту приманку.

Как и сообщила разведка, отряд состоял из воина, лучника, двух магов и целителя.

Воин выглядел внушительно. Это был крепкий высокорослый парень лет двадцати, явно не пренебрегавший в своей жизни спортивными упражнениями. Его доспехи были довольно дешевого типа — подобный металлолом продавался в оружейных лавках Форинга на вес. Меч, тоже простенький, с широким клинком, едва ли стоил больше пары серебряных монеток. Но вот щит в его левой руке был хорош. Высококачественное оружие и предметы брони легко можно было отличить от дешевок по их внешнему виду. Мастера, создающие их, как правило, украшали дорогие и высококачественные творения либо живописным орнаментом, либо, если предмет содержал в себе магию, выбивали на нем текст заклинания. Щит воина был как раз таким. Трудно было сказать, где новичок разжился им. Возможно, ему крупно повезло, и он нашел его в ходе рейда в тот же могильник. Или же долго копил деньги, экономя на всем, чтобы затем приобрести эту важную часть своей экипировки.

Лучник оказался худощавым парнем не старше самого Стасика. Его оружие было самым обычным, простеньким и дешевым. Стасик знал, что крутые луки стреляли магическими зарядами и не требовали для себя боеприпасов. Но паренюку было еще расти и расти до подобных эпиков. Его нынешний лук был обычной палкой с натянутой тетивой. На поясе болтался пустой колчан. Похоже, лучник израсходовал весь свой боезапас в могильнике.

Еще один парень был магом в дешевой мантии и с базовым посохом. Такие катализаторы выдавались всем начинающим чародеям бесплатно. Судя по всему, это рейд был дебютным для мага-новичка. И он явно возлагал на него большие надежды. Рассчитывал хорошо заработать и купить себе приличный посох, или какой-нибудь усиливающий амулет.

Или же глупо потратить все деньги на новое красивое одеяние, дабы если и не являться по факту, то хотя бы выглядеть великим чародеем.

Остальные члены группы были девушками. Одна из них, целительница, принадлежала к категории ничем не примечательных серых мышек, а вот вторая, волшебница, обращала на себя внимание. Стасик едва взглянул на нее, и тут же влюбился. Он с жадностью уставился на высокую стройную, по-настоящему красивую, девушку с большими синими глазами и пышной гривой рыжих волос. Текущий рейд явно не был для нее первым. На это указывала ее экипировка: и мантия приличная, и посох не за три копейки. На пальцах волшебницы Стасик заметил пару колец, явно магических, усиливающих чары. Такие вещицы стоили дорого.

Отряд героев выстроился на краю ямы. Затем они заметили мнимого подранка и заспешили к нему. В этот момент Стасику со страшной силой захотелось предупредить их об опасности. Эти люди выглядели такими классными, такими добрыми. Он бы хотел, чтоб они приняли его в свою группу.

— Держись, мы идем, — крикнул ему воин. — Ты как? Сильно ранен?

Стасик изобразил на лице болезненную гримасу, и слезно проронил:

— У меня что-то с ногой. Не могу идти.

Герои обступили его. Целительница, опустившись на колени, поднесла ладони к его ноге.

— Странно, — произнесла она. — Я не чувствую никаких повреждений.

— У меня другая нога болит, — оперативно выкрутился Стасик.

— Хорошо, давай на нее взглянем.

Воин стащил со спины туго набитый мешок и выудил из него фляжку. Откупорив ее, он протянул емкость Стасику.

— Держи, — предложил он. — Утоли жажду. Тебе, похоже, неслабо досталось.

— Вы даже не представляете, через что я прошел! — ничуть не кривя душой, выпалил Стасик.

Он схватил фляжку и припал к ней. Внутри оказался какой-то сладковатый травяной чай, довольно приятный на вкус. Стасик так увлекся, что выхлебал все до дна.

— Не понимаю, — пробормотала целительница, завершив осмотр второй ноги. — Здесь тоже никаких повреждений.

— Ой, вечно ты все путаешь, — произнесла красавица-волшебница, и тоже присела на колени перед Стасиком. — Давай просто его осмотрим.

Она закатала штанину на ноге Стасика и стала нежно щупать его икру. Стасик, которого за это место девушки прежде не щупали никогда, побагровел, как спелый томат.

— Как же тебя угораздило? — спросил воин. — Что с твоей группой?

Стасик с трудом возвратил себе дар речи, и соврал первое, что пришло на ум:

— Все погибли. Мы попали в засаду. Спасся только я.

— В засаду? — переспросил воин. — Кто это был? Злодеи?

— Я точно не помню, — пробормотал Стасик. — Было темно. На нас напали вечером.

— Не следовало вам задерживаться на нейтральной полосе до темноты, — заметила волшебница, принявшись ощупывать вторую ногу Стасика. — Так, тут тоже ничего. Действительно, никаких ранений нет.

— А вдруг это магическое повреждение? — вмешался чародей-новичок.

— Если так, то сами мы с этим не справимся, — сказал воин.

Он ободряюще потрепал Стасика по плечу и сказал ему:

— Не бойся, друг. Мы доставим тебя в Форинг, и там тебе помогут. Доверься нам. Мы, воины добра, не бросаем своих соратников в беде.

— Спасибо, — слезно пробормотал Стасик, изо всех сдерживая себя, чтобы не предупредить героев о грозящей им опасности. — Я вам так благодарен. Правда. Я...

Закончить фразу он не успел. В дело вступили Зархад и его ребята.

Гоблины показали себя опытными мастерами атаки из засады. Они терпеливо дождались того момента, когда их жертвы максимально расслабятся и полностью утратят бдительность, и только после этого ударили со всех сторон. Их стремительные и слаженные действия не оставили отряду героев ни единого шанса.

Целительница, всецело поглощенная изучением ног Стасика, даже не успела ничего понять. Грыбан, толстопузый и с виду неповоротливый, с неожиданным проворством выскочил из-за гребня холма и метнул в нее нож. Клинок с противным хрустом вошел девушке в спину, и она с криком повалилась прямо на Стасика. Тот с ужасом уставился на рукоять орудия, торчащую из ее позвоночника. Серая мантия целительницы начала набухать от крови. Ее худенькое тельце напряглось. Стон сорвался с губ и она, обмякнув, повисла на Стасике.

Тем временем атака разворачивалась стремительно и интенсивно. В героев со всех сторон летели ножи и стрелы. Молодой маг едва успел вскинуть свой посох и начал шевелить губами, выговаривая заклинание, как тут же получил в лоб камнем, выпущенным из пращи. Голова его резко мотнулась назад, и он замятво рухнул на землю.

Следующим выбили лучника. Тот по привычке потянул руку к колчану, но слишком поздно вспомнил о том, что растратил весь боекомплект в могильнике. Попытался схватиться за кинжал, что висел в ножнах у него на поясе, но сразу три стрелы нашли его тело, и он и с предсмертным криком повалился на серый грунт нейтральной полосы, окрасив его собственной кровью.

Все произошло с такой ужасающей скоростью, что Стасик не успел и опомниться. Буквально в долю секунды трое из пяти героев уже были мертвы. Воин и волшебница, явно не новички в переделках, попытались организовать сопротивление, но им не доставало сил для эффективной и продолжительной обороны. К тому же оба крепко вымотались, истребляя нежить, и не были готовы к серьезной схватке.

Воин успел отразить большую часть летящих в него снарядов, когда под его щит ужом проскользнул Зархад. Гоблин действовал быстро и безжалостно, демонстрируя хладнокровие бывалого убийцы. Клинок своего короткого меча он ловко запустил под кольчужную юбку противника, и воин, закричав, рухнул на колени. Щит выпал из его руки, превратив тело в легкую мишень. Тут же в него полетели стрелы, ножи и камни. Доспехи какое-то время спасали воина, но вот одна из стрел угодила ему точно в глаз, и парень завалился на бок, прекратив подавать признаки жизни.

Волшебница успела запустить во врагов два огненных шара, но наспех созданные снаряды были слабы и не точны. Третью попытку ей сделать не дали. Камень, выпущенный из пращи меткой лапой гоблина, угодил ей в голову, и девушка, выронив посох, упала на землю.

Все сражение продлилось секунд десять, не больше. Стасик вообще не успел понять, что произошло. Только что он наблюдал вокруг себя пятерку живых людей, а вот уже вокруг него лежат пять окровавленных трупов. От вида зверских ран и обилия крови его тут же стошнило

прямо на тело целительницы. Всхлипывая, он поспешно отвернулся и попытался отползти от места бойни.

— Вот это я понимаю — чистая работа! — восторженно прокричал Зархад, потрясая окровавленным мечом. — Ни одной царапины.

— Я плечо потянул, — сообщил Грыбан, но командир не счел возможным включить эту травму в число боевых ранений.

— Все молодцы! Все! — не скупился на похвалу Зархад. — Особенно наш новый зазывала. Как он кричал, а! Вы когда-нибудь слышали, чтобы кто-нибудь так кричал? Вот что называется — талант! А кто его разглядел? Я! А вы его еще съесть хотели. Стыдитесь!

Стасик пропустил прозвучавшие комплименты мимо ушей. Ему было нехорошо. И не только от вида пролитой крови. Он ощутил себя конченным гадом. Как он только мог подвести под монастырь этих людей? Пусть он и знал их всего пару минут, но даже за это время они успели ему понравиться.

Гоблины с головой ушли в мародерство. Одни выворачивали наизнанку мешки polegших героев, проверяя их содержимое. Другие бесцеремонно стаскивали с еще не остывших тел одежду, прикидывали размер трофейной обуви. За ценный приз — щит воина, развернулась настоящая борьба. Каждый из гоблинов с пеной у рта доказывал, что это именно он внес решающий вклад в победу над врагами, а потому, следовательно, и щит должен принадлежать ему.

— Костей-то, костей набрали, — сокрушался Зархад, вытрясая из мешка добытые на могильнике трофеи. — Ага, что-то есть.

На дне мешка оказался сверток, в котором отыскалось несколько бутылок с лечебным зельем.

— Это мы припасем, — ухмыльнулся Зархад, перекладывая зелья в свою сумку. — Эй! — прикрикнул он на своих подчиненных, которые уже схватились за оружие, так как не видели иного способа поделить трофейный щит. — Что вы там устроили? Я воина убил, и щит мой. Кто-то считает иначе?

Таковых не нашлось. Оставив в покое трофей вождя, переключились на дележку одежды с убитых людей. Но едва утихший спор вспыхнул с новой силой. На этот раз его предметом оказались сапоги лучника — прочные, удобные, из тонкой кожи.

— Вы еще поубивайте друг друга, — укоризненно сказал подчиненным Зархад. — Чисто дикари. И вот еще что — все подчистую не растаскивайте. Здесь доля зазывалы. Он честно ее заработал.

— А где он? — спросил Грыбан, на секунду прервав свое занятие — совлечение штанов с убитого воина.

Зархад поднял голову и огляделся. Стасика поблизости не было.

— Эй, человек Стас? — позвал вождь. — Ты куда ушел? Иди сюда, возьми свою долю. Ты сегодня молодец, справился отлично. С таким талантливым зазывалой нам теперь голод не грозит.

Стасик слышал крик Зархада, но не отозвался. Он успел отойти от места кровавого побоища метров на тридцать, и остановился на краю глубокой ямы, наполненной черной зловонной жидкостью. Его непрерывно мутило. Из глаз лились слезы. До сих пор ему не верилось, что он совершил столь ужасный поступок. Если в прошлый раз он оказался жертвой обмана, и ненамеренно помог обрушить стены Форинга, то сегодня все было иначе. Сегодня он точно знал, что грядет, и все же согласился принять в этом участие. И теперь уже

не удастся убедить себя в том, что кровь пятерых героев не на его руках. Именно на его! Гоблины, конечно, тоже постарались, но они ведь гоблины. А он человек. И, фактически, убил таких же людей.

Стасику как никогда захотелось закатить истерику. Ведь он должен был стать героем, могущественным магом или грозным паладином, и сокрушать зло. А вместо этого превратился в какого-то гнусного душегуба. И сколько он ни пытался убедить себя в том, что виноват в этом правильный мир, обделивший его талантами и умениями, у него не получалось обмануть себя.

— Домой хочется, — шмыгая носом, произнес он.

Стастик был сыт правильным миром по горло.

— Человек Стас, иди к нам, — вновь позвал его Зархад. — Иди скорее, пока эти мерзавцы все добро не разобрали. А после перекусим.

Стастик содрогнулся от омерзения. Перекусим? Чем перекусим? Человечиной, что ли? Ему что же, теперь и людей придется жрать, наравне с новыми подельниками?

Вдруг со стороны ямы прозвучал встревоженный крик Зархада:

— Эй! Осторожнее, олухи! Она еще жива! Назад! На....

Вслед за тем над ямой сверкнуло зарево вспышки. Прозвучал пронзительный визг одного из гоблинов. Новая вспышка, новый ужасный крик. Закричала женщина, вероятно, волшебница, которую ударивший в голову камень не убил на месте, а лишь отправил в глубокий, но непродолжительный нокаут. После чего вновь полыхнуло.

Стастик увидел, как из ямы с проворством кошки вылетел Зархад. Не оборачиваясь, он прокричал ему:

— Беги, человек Стас! Беги! Спасайся!

Затем из ямы появился Грыбан. Тот тоже демонстрировал завидное проворство, и даже почти сумел уклониться от пронесшегося над ним огненного шара. Тот все же зацепил упитанного гоблина, прожег ему штаны и подрумянил ягодички. Грыбан взвыл, схватился ладонями за пораженную огнем область, и помчался прочь с удвоенной прытью.

Нужно было последовать примеру гоблинов и уносить ноги, но Стастика словно сковал паралич. Застыв столбом, он буквально не мог сдвинуть свое тело с места. А затем увидел, как некто медленно, с болезненными стонами, выползает из ямы, в которой не так давно геройский отряд нашел свою смерть. Вначале Стастик решил, что это кто-то из чудом уцелевших гоблинов. Но затем различил копну рыжих волос и перекошенное гримасой боли лицо юной волшебницы. Из ее разбитого камнем лба сочилась кровь. Девушка выбралась из ямы и попыталась выпрямиться, но, вместо этого, со стоном рухнула на колени. Левую руку она прижимала к своему животу, из которого торчал всаженный по самую рукоять кинжал.

Девушка медленно подняла затуманенный болью взгляд и заметила Стастика. Тот продолжал стоять столбом на одном месте и дико пучить глаза. Губы волшебницы дрогнули. Она выплюнула вместе с кровью:

— Ты! Тварь! Заманил нас....

— Я не хотел, — всхлипывая, начал зачем-то оправдываться Стастик, как будто его поступок можно было хоть чем-то оправдать.

— Сдохни! — прохрипела волшебница, поднимая руку и направив на Стастика раскрытую ладонь. — Ты хуже монстров! Стори заживо!

Вокруг ее окровавленных пальцев заплясали языки пламени, начавшие сплетаться в огненный шар. Стастик дернулся, пытаясь удариться в бегство, но его ноги словно приросли к

земле.

— Не надо! — завопил он, уже не соображая, что несет. — Я больше не буду!

Огненный шар стремительно разросся до воистину ужасающих размеров. Похоже, волшебница выжимала в свое последнее заклинание все оставшиеся в ее распоряжении силы.

Все, что сумел сделать Стасик, когда магический снаряд сорвался в руки волшебницы и понесся в его сторону, это закрыть руками лицо. Как будто это могло его спасти.

Стуток пламени налетел на него, причинив такую жуткую боль, что Стасик, завизжав, тут же сорвал голос. В нос ему ударил аромат подгоревшего на сковороде мяса, и Стасик с ужасом осознал, что этот запах источает его тело. А сам он уже летел куда-то вниз, весь объятый жарким пламенем. Последним, что успело зафиксировать его гаснущее под натиском невыносимой боли сознание, это погружение в какую-то вязкую зловонную жижу. Но эта жижа не принесла ему облегчения, не остудила страшные ожоги. Она впиалась в него черными щупальцами, и на фоне новой боли прежняя показалась Стасику пустяком.

Он понял, что умирает, и что смерть его не будет легкой. Барахтаясь в черной жиже он, захлебываясь ею, орал и бился в агонии. Сознание его медленно гасло, все его существо заполняла боль. Боль столь сильная, что ее, вероятно, никогда прежде не испытывал ни один человек.

Стасик уже не увидел, как рыжеволосая волшебница, выпустившая в него огненный шар, без сил повалилась на бок и сползла по склону на дно ямы, присоединившись к своим павшим соратникам. Там же лежали обугленные тела гоблинов, угодивших под удары огненных шаров. Последним, что услышала волшебница в своей жизни, был жуткий крик нестерпимой боли, звучавший где-то поблизости и доставляющий ей странное извращенное удовольствие.

Часть третья. Глава 30

Все, что ощущал Стасик, было болью. Эта всепоглощающая боль распадалась на миллионы оттенков и полутонов. Раскаленным жалом вонзалась она в каждую клеточку его тела, разрывала каждый атом его существа. Эта боль была настолько сильна, что уже перестала быть болью, перейдя на какой-то новый уровень. Стасик растворился в ней полностью, он сам стал ею.

Останься у него голос, он бы давно сорвал его диким криком. Повинуйся ему его тело, оно бы билось в бесконечной агонии. Если бы он только мог убить себя, он бы без колебания сделал это. Он готов был разорвать свое горло ногтями, лишь бы остановить эту невыносимую своей бесконечностью пытку.

Но он не мог ничего. Ему оставалось лишь тонуть в жуткой, вероятно, уже сведшей его с ума, боли. Боли, которая, как ему казалось, собиралась терзать его всю следующую вечность.

Но в какой-то момент все внезапно закончилось, и на место жуткому, сжигавшему его живо, жару пришел неожиданно приятный холод, а тот, в свою очередь, вскоре сменился просто пустотой бесчувствия. И тут Стасик понял, что он либо уже умер, либо стоит у самой последней черты, готовясь сделать шаг в безвозвратное небытие.

Он ждал, но смерть не приходила за ним. Его разум, оглушенный болевым шоком, начал медленно проясняться. Стасик стал вспоминать. Вспомнил, кто он такой, где находится. Вспомнил последние события. Схваченная гоблинами волшебница сумела вырваться и запустила в него огненным шаром. И что с ним теперь? Он еще жив? Вроде бы да. Но в каком состоянии пребывает его тело? Судя по всему, магический снаряд не прошел мимо. Он не убил его на месте, но, вероятно, крепко зацепил. Вот откуда взялась эта жуткая боль. Но почему она вдруг закончилась? Что же с ним стало?

Стасик попытался вернуть себе контроль над своим телом. Попытался не без страха. Больше всего его пугала перспектива возвращения боли. Этого он совсем не хотел. Уж лучше смерть, чем такая пытка.

Он силился ощутить свои руки и ноги, но улавливал на их месте пугающую пустоту. Что же с ним случилось? Неужели огненный шар лишил его конечностей?

От этого кошмарного предположения ему захотелось кричать. И он обязательно закричал бы, останься у него голос. Но его тоже больше не было.

Стасик вообразил себе, что в настоящий момент он валяется на краю ямы, наполненной зловонной черной жижей. Обугленный кусок мяса без рук и ног, с выжженными глазами и горлом. Так почему же он до сих пор жив? Какая сила удерживает его на этом свете?

Вдруг в темноте, которая окутывала его плотным саваном, он различил слабое, едва заметное, свечение. В любой другой ситуации оно напугало бы его, но сейчас Стасик был рад любым переменам. Он попытался двинуться навстречу этому свечению и вначале у него ничего не вышло. Затем он сообразил, что пытается сдвинуть вместе с собой тело, которого у него больше нет, и устремился к цели только силой мысли. Это сработало. Он поплыл сквозь тьму в направлении света. Тот становился все ярче, постепенно приобретая знакомые очертания. Вскоре стало ясно, что это дверь. Дверь, висящая в черной пустоте. От двери исходил яркий свет, будто всю ее поверхность покрывали тысячи крошечных лампочек.

Стасик быстро сообразил, что эта дверь появилась здесь специально для него. Это было приглашение. Дверь вела куда-то в иное место. Возможно, в тот самый сказочный загробный

мир, в существование которого Стасик никогда не верил. Либо же она вела обратно в царство боли, в котором он совсем недавно побывал.

Стасик в нерешительности остановился напротив двери, с недоверием поглядывая на нее. Что-то подсказывало ему, что если он откроет эту дверь и пройдет сквозь нее, то обратного пути не будет. Но вот захочется ли ему возвращаться обратно? Что ему делать здесь, в этой холодной черной пустоте? Здесь, конечно, не было боли, но не было и ничего другого.

Решившись на риск, Стасик двинулся вперед и мысленно толкнул дверь от себя. Та легко распахнулась перед ним. Он не успел разглядеть, что скрывалось за ней, поскольку неодолимая сила вдруг подхватила его и повлекла внутрь. Стасик попытался сопротивляться, но это не принесло результата. У него не осталось ни рук, ни ног, которыми он мог бы схватиться за повисшую в пустоте дверь. Неведомая сила втянула его в проем, и Стасик услышал позади себя глухой грохот — дверь за его спиной резко захлопнулась.

Не успел он толком удариться в панику, как вдруг осознал, что слышит звуки. Где-то рядом потрескивали горящие в костре дрова, а еще до его ушей доносилось ритмичное металлическое звяканье.

В следующую секунду Стасик услышал голос, прозвучавший рядом с ним. Судя по голосу, говорившему человеку было крепко за пятьдесят.

— О, я вижу, ты, наконец, вернулся в мир живых, — произнес он.

Стасик попытался ответить. Ему было что сказать. У него накопилась целая уйма вопросов. Но он не сумел выдать из себя ни слова. Стасик вообще не был уверен в том, что он все еще способен говорить.

— Ну-ну, не нужно дергаться, — строго потребовал незнакомец. — Бинты сорвешь.

Бинты? До Стасика дошло, что неизвестный тип имел в виду бинты, покрывающие его тело. Ну, конечно же. Он ведь обгорел. Огненный шар попал прямо в него. Но кто, в таком случае, этот незнакомец?

— Для начала попытайся-ка успокоиться, — посоветовал голос. — Знаю, ты сейчас растерян и напуган, но бояться нечего. Ты жив. Тебе, конечно, прилично досталось, но ты жив и это главное. А теперь расслабься.

Легко ему было раздавать подобные советы. Слова незнакомца ничуть не успокоили Стасика, напротив, встревожили еще больше. То, что он жив, он и сам понимал. Но вот насколько сильно ему досталось? Точнее говоря — много ли от него прежнего осталось?

— Эй, ты что, слов не понимаешь? — сердито прикрикнул на него незнакомец. — Я же сказал — не дергайся. Сорвешь бинты, где я тебе новые буду искать? А я скажу где — нигде. Вообще с тобой возиться перестану. Брошу здесь на растерзание монстрам и уйду своей дорогой.

Угроза возымела действие, и Стасик прекратил панику. Он постарался успокоиться и взять себя в руки, хоть сделать это было и непросто. Более всего его пугала неопределенность во всем. Он хотел знать, что с ним теперь. Сколь тяжелы его ожоги? И почему он совершенно ничего не чувствует?

Затем он расслышал приближающиеся шаги. Кто-то шел прямо к нему и остановился совсем рядом. Прозвучавший голос указывал на то, что собеседник находится возле него и над ним.

— Сейчас я открою тебе глаза, — произнес незнакомец. — Постарайся держать себя в руках. И еще раз прошу — не дергайся. Если сорвешь с себя бинты, хуже от этого будет

только тебе.

Стасик не хотел, чтобы ему становилось еще хуже. Подозревал, что ему и так не слишком хорошо. Он попытался ответить незнакомцу, пообещать тому, что не станет делать никаких глупостей, но по-прежнему не сумел вытолкнуть из себя ни слова.

Вдруг окружающую его темноту прорезала узкая горизонтальная полоса красноватого света. Она начала расширяться, приобретая форму овала. Стасик понял, что это его глаз. Кто-то размыкал ему веки.

— Вот так, — прозвучал над ним удовлетворенный голос. — А теперь следующий.

За первым глазом последовало открытие второго. Теперь Стасик мог видеть. И осознание того, что он, по крайней мере, не ослеп, привело его в неистовую радость.

Когда муть перед глазами рассеялась, и взгляд его приобрел четкость, он обнаружил над собой незнакомое лицо. Тот высился над ним на фоне звездного неба, подсвеченный с одного бока красноватым светом костра. Человек этот был стар — так, во всяком случае, Стасику показалось в первую минуту. Его морщинистое лицо почти полностью скрывали длинные сальные волосы и густая борода. И волосы и борода были заметно тронуты сединой.

— Видишь меня? — спросил старик. — Если видишь — моргни.

Стасик не был уверен в том, что у него получится, но он попытался. И внезапно смог. Правда, он не чувствовал при этом ни глаз, ни век. Вообще ничего.

— Сейчас открою твой рот, — предупредил старик. — Говорю сразу — не вздумай орать. Если поднимешь крик, я тотчас же уйду, а тебя оставлю здесь. Но не надейся, что тебе придется долго скучать в одиночестве.

Губы старика скривились, изобразив недобрую ухмылку. Стасик без труда догадался, о чем идет речь. Он, судя по всему, все еще находился на нейтральной полосе. А в этом месте действительно не стоило заявлять о себе громкими звуками. Они могли привлечь чудовищ.

Старик поднес руки к его лицу и что-то проделал длинными подвижными пальцами. Что именно — Стасик не понял. Сам он ничего не почувствовал.

— Теперь попробуй что-нибудь сказать, — предложил старик. — Только тихо.

Стасик попытался, и с удивлением услышал собственный голос: тихий, хриплый, показавшийся ему чужим.

— Что со мной? — прохрипел он.

Старик расслышал его и улыбнулся шире, выставив напоказ частокол черных зубов, многие годы не вступающих в контакт со щеткой и пастой.

— Так сразу и не ответишь, — произнес он и хихикнул. Смешок этот вышел каким-то жутким, отдающим легкой формой безумия.

— Я ранен? — вновь прохрипел Стасик.

— Можно и так сказать.

— Почему я ничего не чувствую?

Старик громко вздохнул и присел на землю рядом с ним.

— За это скажи спасибо мне, — ответил он.

— Вам?

— Если бы не я, ты бы уже умер от болевого шока. Вообще удивительно, как ты сумел дожить до моего появления.

Стасик по-прежнему ничего не понимал, но из слов незнакомца следовало, что тот оказал ему некую медицинскую помощь.

— У меня ожоги? — спросил Стасик.

— Ожоги это меньшее, из-за чего тебе стоит беспокоиться, — усмехнулся старик. —

Вначале скажи — что здесь произошло?

— Произошло?

— Да. Как тебя угораздило поймать огненный шар?

Стасик не видел смысла врать. К тому же он находился в таком состоянии, когда просто не сумел бы выдумать никакую более-менее правдоподобную байку. А потому выложил все, как было, ничего не утаивая и не пытаясь приукрасить горькую правду. Рассказал о том, что трудоустроился зазывалой в шайку гоблинов, о том, как они заманили в засаду отряд неопытных героев, и что из всего этого, в итоге, вышло.

Выслушав его рассказ, старик весело захихикал.

— Нашел ты с кем связаться, — произнес он. — Гоблины, они же тупые.

Стасику надоела эта милая беседа.

— Что со мной? — взмолился он тихо. — Пожалуйста, ответьте.

— С тобой, приятель, много чего. Если бы все ограничилось только огненным шаром, ты бы сейчас уже был мертв. Но тебе повезло... или не повезло — как посмотреть. После попадания ты свалился в одну из ям и упал прямо в эту черную дрянь. Окунулся, так сказать, с головой.

Стасика объял ужас. Черной дрянью старик называл ту субстанцию, что скапливалась во впадинах и представляла собой отходы магической деятельности. Жуткая токсичная смесь из остатков сотен заклинаний. И он упал в нее? Если так, то почему он до сих пор жив?

Стасик сам не заметил, как произнес последний вопрос вслух.

— Ну, ты раньше времени-то не радуйся, — посоветовал ему в ответ старик. — То, что ты жив в настоящий момент, вовсе не означает, что ты останешься в том же отрадном состоянии и, скажем, завтра. Одним богам ведомо, что за коктейль чернеет в этих ямах. И какое воздействие он способен оказать на живой организм.

— Я слышал, что если упасть в него, то умрешь, — прошептал Стасик.

— Болтают всякое. Но ты вот, пока что, жив. Правда, это исключительно моя заслуга. Не вмешайся я вовремя, ты бы уже не обременял своим присутствием этот поганый мир.

— Вы меня спасли? — пискнул Стасик. — Спасибо.

— Не спеши благодарить, — посоветовал старик и вновь захихикал самым безумным образом. Стасик догадался, что его собеседник не в ладах с головой. С другой стороны, разве нормальный человек, находясь в здравом уме, задержится на ночь на нейтральной полосе?

— Так что со мной? — вновь спросил Стасик. — Я сильно пострадал?

— Ох, даже не знаю, как тебе и сказать — с трудом сдерживая безумное хихиканье, ответил старик. — Купание в черной жиже не пошло тебе на пользу. Ткани твоего тела, они....

Он запнулся, подыскивая подходящее слово.

— Они, скажем так, нестабильны.

— Что? — не удержавшись, вскрикнул Стасик.

— Тише! — зашипел на него старик. — Сказал же — здесь не место для криков.

— Что значит — ткани нестабильны? — снизив громкость голоса, повторил Стасик.

— То и значит. В них протекают какие-то процессы, природа которых для меня непостижима. Будь в наличии лаборатория со всем необходимым оборудованием, я бы

попытался разобраться. Но в настоящих условиях не могу сказать ничего определенного.

— Боже мой! — захныкал Стасик. — Что же со мной будет? Я умру, да?

— Все умрут, не переживай. Но кое-что я все-таки сумел сделать. Мне удалось замедлить аномальные процессы в твоём организме. Не думаю, что все, но, по крайней мере, большую и худшую их часть.

— О каких процессах вы говорите? — простонал Стасик. — Скажите прямо, пожалуйста. Не жалейте меня.

— Процессы самые разные, но суть их сводится к одному, — ответил старик. — Они, так или иначе, ведут к разрушению целостности твоего организма.

— А? — вырвалось у Стасика. — К разрушению целостности? Это как? Это что? Я ваших медицинских терминов не понимаю. Вы скажите по-человечески!

— Это когда ты начинаешь медленно превращаться в бесформенный кусок биомассы, — просветил его старик с нескрываемым удовольствием. — Так тебе понятно?

Стасик сам не понял, каким чудом удержался от крика ужаса. Ему стало дурно. Впервые он пожалел, что огненный шар не убил его на месте.

— Сам же просил тебя не жалеть, — напомнил старик.

— И сколько мне осталось? — дрогнувшим голосом спросил Стасик.

— Понятия не имею. Говорю же — я не могу в должной мере изучить все эти процессы. Но принятые мною меры помогли. Сейчас ты не распадаешься, не бойся. Я перетянул твоё тело бинтами, пропитанными целебным зельем, и отключил твою нервную чувствительность. Иначе ты непрерывно орал бы от жуткой боли. Поэтому ты ничего не чувствуешь.

Стасик попытался выровнять дыхание и взять себя в руки. То, что с ним произошло, было ужасно, он сам ещё не до конца осознал все это. Но он, по крайней мере, все ещё был жив. А, значит, рано было вешать нос. Ведь этот мир — мир магии и чудес. В этом мире полно целителей, в том числе и настоящих мастеров своего дела. Наверняка кто-то из них сумеет исцелить его от всех этих ужасных недугов. Нужно только продержаться до тех пор, пока он не сможет получить квалифицированную медицинскую помощь.

И тут Стасика, как обухом по затылку, оглушило жуткое осознание: целителей в этом мире и вправду полно, но все они проживают либо в империи зла, либо в королевстве добра. А ему, Стасику, в обе эти державы вход отныне заказан. В Англэдзии его считают предателем, и не сказать, чтобы не заслуженно, и едва он угодит в лапы добряков, те тотчас же вздернут его на ближайшем дереве. И в империю ему тоже лучше не возвращаться. Сбежав из черного замка, он, фактически, подписал себе смертный приговор. Если его поймают лорд Мортус, он, вместо лечения, устроит ему мучение, организовав бесплатную экскурсию в камеру пыток. И экскурсия эта будет посмертной.

— Скажите, — простонал Стасик, уже не сдерживая рвущихся из груди рыданий, — а меня можно вылечить?

— Вылечить, в смысле — полностью вылечить? — уточнил старик.

— Да. Чтобы я стал таким, как раньше.

— Ну, даже не знаю. Если все самые лучшие целители сфокусируют на тебе свою исцеляющую мощь, тогда, возможно, им удастся достичь подобного результата.

Именно этого Стасик и боялся. Собрать всех самых лучших целителей и заставить их лечить его — заведомо невыполнимая задача. Он и прежде был никем, а теперь вообще превратился в какого-то уродца, которого забавы ради забьют камнями, едва он решит выйти

к людям. Или посадят в клетку и станут возить по городам и весям, показывая его добрым людям за мелкую денежку. Как будто мало он в своей жизни хлебнул горя и позора.

— Ладно, давай-ка я помогу тебе встать, — предложил старик. — У меня там похлебка подоспела. Поешь и сразу взбодрисься.

— Не хочу! — закапризничал Стасик. — Ничего не хочу. Оставь меня. Лучше бы ты дал мне умереть.

— Умереть-то никогда не поздно, — философски заметил старик.

Он ткнул Стасика в плечо, но тот ничего не почувствовал.

— Эй, не вешай нос, — посоветовал старик. — Все могло быть гораздо хуже.

Стасик так не считал. По его субъективному мнению с ним в этом мире произошли все самые ужасные вещи, какие только можно было представить. Вместо славы, могущества и женского обожания он стал изгоем, а теперь и вовсе превратился в какого-то мутанта.

— Вставай! — потребовал старик.

Он силой усадил Стасика, а затем помог ему встать на ноги. Ощущения при этом были чудовищными. Стасик совершенно не чувствовал свое тело. Вообще ни капельки. Чтобы не упасть, он попытался вцепиться в плечо старика, но непослушные руки промахнулись мимо цели и схватили пустоту. Стасик не удержался и заплакал от отчаяния.

— Ничего, ничего, — утешительно произнес старик, поддерживая его под руку. — Со временем обвыкнешься.

— Хочу домой! — рыдал Стасик, пока старик тащил его непослушное тело к костру. Он усадил его лицом к огню, а чтобы Стасик не опрокинулся на спину, подпер его сзади своим рюкзаком.

— Вот, держи, — предложил старик, протягивая Стасику миску, наполненную похлебкой.

Стасик попытался взять предложенное кушанье, но его непослушные руки упорно промахивались мимо цели. Наконец, он понял, что нужно не отрывать от них взгляд, визуальное контролируя каждое движение конечностей. Это сработало. Он сумел принять чашку, целую секунду удерживал ее в руках, после чего уронил на землю. Густая похлебка с шипением выплеснулась в костер.

От отчаяния Стасик вновь расплакался.

— Как мне теперь жить? — бормотал он. — Как? Я даже тарелку взять не могу.

— Научись, — заверил его старик. — Если будешь стараться.

Он внимательно посмотрел на Стасика из-под кустистых бровей, и спросил:

— А ты будешь?

— В каком смысле? — уточнил безутешный Стасик. — Что вы имеете в виду?

— Ну, просто если ты не намерен жить дальше, я не вижу смысла с тобой возиться. Мне, признаться, требуется помощник по хозяйству. Возраст уже не тот, чтобы все поспевать. Останешься со мной, и будешь помогать, я тоже помогу тебе, чем сумею. Но если твоя нынешняя форма существования не устраивает тебя настолько, что ты твердо намерен отказаться от борьбы за жизнь, скажи об этом сейчас. Я просто оставлю тебя здесь. Или же могу дать тебе надежный яд, он убивает быстро и почти безболезненно.

Стасик испугался.

— Не надо яда! — быстро выпалил он. — И бросать меня тоже не надо. Я жить хочу. Просто, я не знаю, как буду жить в таком виде.

— Как-нибудь будешь, — усмехнулся старик. — Так ты идешь со мной?

— Иду, — обреченно проронил Стасик.

— Ну, тогда давай знакомиться. Меня зовут Гамал. А ты у нас кто?
Стасик громко шмыгнул носом и назвал свое имя.

У костра они просидели до рассвета. Поскольку Стасик так и не сумел взять свои непослушные конечности под контроль, Гамал, сжалившись над ним, покормил нового знакомого с ложечки. Стасик покорно глотал похлебку, не чувствуя ни ее вкуса, ни запаха. Он лишь смутно ощущал, как что-то вязкое стекает вниз по пищеводу, и только. Приговорив целую тарелку, он не почувствовал сытости, точно так же, как до этого не чувствовал голода.

Ближе к утру Стасик немного успокоился. До полного примирения со своим новым состоянием было еще далеко, Стасик осознавал, что на это уйдут недели, если не месяцы, но больше его, хотя бы, не трясло от страха, что уже радовало. К тому же новый знакомый пообещал оказать ему всю возможную медицинскую помощь. Трудно было сказать на глаз, многое ли мог сделать Гамал на этом поприще. Стасик, по большому счету, вообще ничего не знал об этом человеке. И человеку ли? Выглядел Гамал как мужчина лет шестидесяти, но на деле он явно был моложе. В заблуждение вводила его внешняя неряшливость. Длинные седые волосы и густая борода превращали его в старца. Одежда выглядела ветхой и поношенной, но не вся. Из-под широких, покрытых заплатками, штанин выглядывали отличные, совсем новые, сапоги. А еще его то ли халат, то ли пальто, в общем — верхняя одежда, которую Стасик так и не сумел классифицировать, была перехвачена в талии очень недурным ремнем, широким, новым, дорогой работы. Откуда у этого бомжеватого бродяги взяли новые сапоги и новый пояс? Он мог либо купить их, либо украсть. А поскольку Гамал не производил впечатления кредитоспособного человека, вариант оставался всего один.

Все время до рассвета Стасик подвергался интенсивному допросу. Гамал оказался ужасно любопытным, и расспрашивал его обо всем. При этом интересовала его именно личная жизнь Стасика, его, так сказать, биография. Когда же Стасик вскользь упомянул о разрушении Форинга лордом Мортусом, Гамал воспринял эту новость равнодушно.

— Они постоянно дерутся, — заметил он пренебрежительно, имея в виду империю зла и королевство добра. — С незапамятных времен. Я уже давно перестал обращать на это внимание.

Когда разговор коснулся темы войны, Стасик с содроганием вспомнил о том, что где-то здесь, поблизости, в яме лежат трупы убитых людей и гоблинов. Он спросил Гамала, не наткнулся ли тот на это маленькое поле боя.

— О них не волнуйся, — ответил старик. — Я всех прикопал.

— Это было очень человечно с вашей стороны, — пробормотал Стасик.

— Дело не в человечности. Падаль способна привлечь незваных гостей. Я принял некоторые меры, чтобы обезопасить наш лагерь, но запах поживы может оказаться сильнее их. В этих землях водится много опасных существ.

— Знаю, — буркнул Стасик.

— Нет, не знаешь. И никто из тех молодых дураков, что ходят сюда, как за покупками, не знают. Те монстры, что бегают по поверхности, это ерунда. Куда опаснее иные, что таятся в недрах земных, выжидая своего часа. И когда он пробьет, мало не покажется никому.

— О чем вы? — испугался Стасик. — Вы что-то знаете? Если знаете, то скажите сразу!

— Не бойся, — зловеще ухмыльнувшись, посоветовал ему старик, — такая мелочь, как мы, немногим интересна. Скоро ты поймешь, что и здесь, на нейтральной полосе, можно

жить. Главное, не привлекать к себе слишком много внимания.

После чего вновь принялся расспрашивать Стасика о его прошлом. Узнав о том, что того призвали из иного мира, ничуть этому не удивился.

— Да, выбора у них нет, — заметил он с усмешкой. — Кто-то же должен за них воевать.

— Что вы имеете в виду? — спросил Стасик. — Война настолько ужасна, что в Ангдэзии закончились люди?

— Людей там полно, — отмахнулся Гамал. — Проедься по королевству, и увидишь сам. Повсюду деревни, полные крестьян. Города кишат ремесленниками и торговцами.

— Значит, они не хотят воевать с империей сами, и используют для этого тех, кого выдергивают из иных миров? — попытался угадать Стасик.

— Не совсем так. Народонаселение в Ангдэзии велико, это правда. Но состоит оно, как я уже сказал, из землепашцев, ремесленников и торговцев. Оно, конечно, можно и сапожника в бой послать, но много ли он навоюет? А вот так называемых героев, то есть людей с высоким воинским и магическим потенциалом, у них действительно почти не осталось. В империи, кстати, та же история.

— Мне говорили, что империя не имеет доступа к другим мирам, — сообщил Стасик. — Как же они пополняют свою армию?

— Если не можешь пойти и взять что-то нужное, придется создать это самому. Многие черные рыцари империи созданы искусственно, в специальных лабораториях. С магами сложнее, их еще не научились штамповать в промышленных масштабах. Но работы в этом направлении ведутся.

— Вот оно что, — протянул Стасик. — Но я не понимаю — если эта война так сильно истощила обе стороны, почему ее просто не прекратят?

— Если хочешь знать мое мнение, — сказал Гамал, — то они просто не знают, чем бы еще заняться. Говорю же, эти клоуны бьются друг с другом с незапамятных времен.

— Но я слышал, что во всем виноват император Дакрос.

— Дакросу едва за сорок. Как он может быть виновником войны, которая началась задолго до его рождения? Просто до Дакроса был его папаша, а до него дедуля, а там еще кто-то.

— Мне сказали, что империя хочет поработить все существующие миры, даже мою родину.

— А кто этого не хочет? — усмехнулся Гамал.

— Но если так, то война вовсе не бессмысленная. Ведь Ангдэзия, в этом случае, действительно борется со злом.

Старик посмотрел на Стасика нелестным взглядом, и тот благоразумно притих.

— Ты ничего не знаешь ни об империи, ни о королевстве, — произнес Гамал. — Поэтому не спеши делать выводы. И вообще, не лезь в эти дела. Как я понял, за недолгое пребывание в этом мире ты успел стать врагом для обеих сторон конфликта. Вот и держись от них всех подальше. Я, например, так и поступаю. И потому до сих пор жив. А кучка молодых дурней, позволивших навешать на свои уши сказок о благородной борьбе добра со злом, ныне удобряет своими тушками почву нейтральной полосы.

И Гамал указал пальцем себе за спину. Видимо где-то там он и похоронил погибших героев.

— Мой тебе совет — забудь и об империи, и о королевстве, — сказал Гамал. — С ними каши не сваришь. И те и другие спят и видят, как бы отправить на убой очередную порцию

мяса.

— Что же мне делать? — упавшим голосом спросил Стасик.

— Оставайся со мной. Роскошной жизни не обещаю, но зато никто не пошлет тебя в очередную битву, в ходе которой тебя или испепелят заклинанием, или разрубят надвое мечом.

— Да у меня, похоже, и выбора нет, — констатировал Стасик.

— Верно! — заулыбался Гамал. — Поэтому хватить лить слезы, будто у тебя на базаре кошель срезали. Лучше расскажи еще о своем родном мире. Если можно, поведай о тамошних достижениях в области алхимии.

Стасик попытался, но он мало чем мог порадовать нового знакомого. По химии он имел четверку, знал предмет на тройку, а когда попытался сообщить Гамалу какие-то научные сведения, то быстро понял, что не помнит вообще ничего. Система образования в его родном мире не была рассчитана на то, чтобы наполнить голову ученика полезными и долгосрочными знаниями. Она требовала только вы зубрить то-то и то-то, сдать контрольную работу, и сразу же все забыть. Стасика учили десять долгих лет, а весь усвоенный им объем материала мог бы легко уместиться в полугодовой курс. Все остальное прошло через голову, вышло наружу и растворилось в воздухе.

— Жаль, что ты не силен в науках, — посетовал Гамал. — Информация из другого мира могла бы мне пригодиться. У вас там вообще как, сильно отсталое общество?

— Да нет, мы цивилизованные, — с чувством гордости ответил Стасик.

— А что насчет медицины? Как ваши лечебные зелья, хороши ли?

Стасик стал сбивчиво рассказывать о том, как в его родном мире пользуют больных. Перечислил поверхностно знакомые ему методики лечения, кое-как описал медицинское оборудование. Чем дольше Гамал его слушал, тем больше округлялись его глаза. Наконец, не выдержав, он перебил Стасика.

— Подожди-ка! Это вот что такое — сверление зубов? Я тебя о врачевании спрашивал, а не о пытках.

— Ну, это такое лечение, — пояснил Стасик.

— Сверление зубов — лечение? — ужаснулся Гамал. — Но зачем? От любых проблем с зубами помогает специальный эликсир, разработанный лет триста назад. Достаточно одного глотка, и зубы как новые. Почему же ваши лекари его не используют?

— Наверное, у нас его еще не изобрели, — признался Стасик.

— Такой простой эликсир, и не изобрели! И продолжают сверлить людям зубы! Заживо! Я уже боюсь спрашивать о том, как у вас врачуют внутренние органы. Только не говори, что разрезают живого человека, и руками копаются у него внутри.

Стасик порадовался, что все его лицо покрыто бинтами — не пришлось краснеть за историческую родину.

— Да вы просто варвары! — воскликнул Гамал. — Из какого же дикого мира ты пришел!

— Не варвары мы, — начал зачем-то оправдываться Стасик. — У нас.... У нас.... У нас ядерное оружие есть, вот чего!

— Какое оружие?

— Ядерное. Оно такое мощное, что тебе и не....

— Постой-ка, — перебил его Гамал. — Ты сейчас говоришь о расщеплении ядер атомов и выделяющейся в процессе тепловой энергии?

Стасик осторожно кивнул головой.

— Любой маг-новичок без труда остановит ядерную реакцию простейшим заклинанием, — сообщил Гамал. — Подобную ерунду могут считать оружием только отсталые дикари, живущие в пещерах и грешащие с козами.

Эти слова окончательно убедили Стасика в том, что он действительно пришел из отсталого мира. Можно было бы похвастаться и иными достижениями исторической родины, вроде полетов в космос, но Стасик чувствовал, что и они едва ли впечатлят собеседника.

— Ладно, — подытожил Гамал, — пусть ты и пришел из отсталого мира, и пусть твой уровень знаний непростительно низок, это не так уж и важно. Мне нужен помощник в простых житейских делах. Ты с ними справишься. А теперь....

Он огляделся по сторонам, и выяснил, что окружавшая их прежде тьма начала рассеиваться. Зарождался новый день.

— Теперь нам пора, — закончил Гамал. — Путь предстоит неблизкий. Я вообще-то стараюсь не заходить так далеко от дома, но мне понадобились кое-какие ингредиенты. Ну, ты готов?

— Не уверен, что смогу идти, — поделился своими опасениями Стасик.

На самом деле, он точно знал, что не сможет. Он даже тарелку в руках не мог удержать.

— Придется учиться, дружок, — обрадовал его Гамал. — А я тебе в этом помогу.

Сказал — и не соврал. Действительно помог. Вот только Стасик ждал от старика помощи иного рода. А тот просто взял веревку, и обвязал ею Стасика вокруг талии. Второй конец веревки он привязал к своему ремню.

— Идем, — предложил Гамал, когда костер был заброшен землей, а все походные пожитки убраны в рюкзак.

Стасик попытался подняться на ноги. Было страшно. Собственное тело казалось ему чужим и удивительно непослушным.

— Вот так, вот так, — подбадривал его Гамал. — У тебя отлично получается.

Тут он, конечно, покривил душой. Получалось у Стасика скверно. Он кое-как сумел воздвигнуть себя на ноги, но о том, чтобы пойти, ему и думать было страшно.

— Смелее, юноша! — приказал Гамал, и резко дернул веревку.

Чтобы не упасть, Стасик вынужденно сделал шаг вперед, но непослушная нога предательски подломилась. Он вновь рухнул на землю.

— Я не смогу! — заплакал он, всеми силами давя на жалость.

— Сможешь! — возразил Гамал. — Вставай!

Примерно полчаса Стасик только тем и занимался, что вставал и следом падал. Затем произошло чудо — ему удалось сделать целых три шага подряд. Потом, конечно, все равно упал, но все-таки три шага-то осилил. Окрыленный этим скромным успехом, он отчаянно бросился предпринимать новые и новые попытки. Падать было обидно, но не больно, зато он стал замечать, что с каждым следующим разом поднимается на ноги все увереннее. Вскоре он уже смог стоять и почти не шататься.

Освоить ходьбу оказалось непросто. Пойти-то Стасик пошел, вначале мелкими, а затем и более уверенными шажками. Но стоило ему чуть расслабиться, стоило на мгновение утратить пристальный контроль над телом, как то тут же подводило его.

— Ты делаешь отрядные успехи, — похвалил его Гамал. — А говорил, что не сможешь.

Успехи действительно были, но Стасик не спешил их переоценивать. Да, он шел. Кое-как, не слишком быстро, но шел. Правда, каждые метров десять он стабильно падал, но поднимался быстро и ловко.

Через час однообразной пытки он падал уже каждые пятьдесят метров. Гамал, то и дело, дергал веревку, торопя его, что всякий раз кончалось падением. Стасик злился, орал на старика, один раз исполнил полномасштабную истерику с реками слез и катанием по земле. Непрошибаемый спутник лишь скалил зубы и ничего не говорил. И продолжал дергать веревку.

К полудню Стасик шел уже более-менее уверенно. Он все еще продолжал периодически падать, но теперь не так часто, как утром. У него даже стало получаться устоять на ногах в те моменты, когда Гамал дергал веревку. Но не всегда. Чаще это оборачивалось новым падением.

Полностью сосредоточившись на контроле над телом, Стасик не заметил, как время перевалило за полдень. Они все шли по равнине, изрытой воронками и утыканной мертвыми пнями. Кое-где мимо них проплывали руины неведомых строений, но Гамал избегал приближаться к ним.

Рухнув на землю в тысяча двести сорок девятый раз, Стасик тяжело поднялся, и

спросил:

— Куда мы, вообще, идем?

— Домой, — ответил Гамал.

— И где этот дом?

— Увидишь сам. Если пошевелишься, то увидишь уже сегодня.

Стасик и рад бы был идти быстрее, он и так делал все возможное. Но непослушное тело продолжало жить своей жизнью и часто подводило его.

— Почему вы не боитесь здешних монстров? — спросил он.

— Боюсь, — ответил Гамал. — Как их можно не бояться? Сожрать ведь могут.

— Вы так свободно разгуливаете по нейтральной полосе. Ночевали на голом месте, без всякой защиты.

— Почему же без защиты? Я принял действенные меры безопасности.

— И какие же?

— Здешние монстры ведут преимущественно ночной образ жизни, поэтому ориентируются на слух и обоняние. Если ты пахнешь как еда, они обязательно придут за тобой. Ну а если источаемый тобой аромат вызывает у них отвращение, то они будут держаться на расстоянии.

— Выходит, вы натерлись какой-то мазью, которая отпугивает чудовищ, — догадался Стасик.

— И не только чудовищ. Благодарю богов за то, что у тебя отключено обоняние. В противном случае ты мог бы потерять сознание.

— Все так плохо?

— Ну, сам-то я привык, — пожал плечами Гамал. — Уже почти не замечаю запаха. А вот на других людей он действует убойно. Недели, примерно, две назад столкнулся я случайно с отрядом черных рыцарей. Не знаю, что привело их на нейтральную полосу. Успел спрятаться, пока они меня не заметили, но один из них все же подъехал слишком близко. А тут ветерок возьми, да и подувай в его сторону.... Видел бы ты, как их рвало!

— Кого — их? — уточнил Стасик.

— Их. Черного рыцаря и его коня. У коня даже судороги начались, а черный рыцарь не успел снять шлем, и начал захлебываться собственной рвотой. Не знаю, чем все закончилось. Я поспешил удалиться, чтобы не связываться с этими типами.

Стасику оставалось только порадоваться тому обстоятельству, что он не ощущает запахов. Если даже могучий и тренированный черный рыцарь, понюхав Гамала, едва не отошел в мир иной, уж его-то, изнеженного цивилизацией и гигиеной школьника, убило бы на месте с первого же вдоха.

День клонился к закату, а они все шли и шли по равнине. Стасик уже давно сбился со счета, сколько раз он упал. Усталости он не чувствовал, как и ничего иного. Но брести неизвестно куда, рушась носом в грунт через каждые сто метров, порядком надоело.

— Далеко еще? — простонал он, поднимаясь после очередного падения.

— Если поднажмем, успеем добраться до темноты, — ответил Гамал. — И лучше бы нам успеть. Защитный запах выветривается, а приготовить новую порцию мази здесь не из чего. Так что шевелись, мой друг, если хочешь жить. Ты, конечно, не почувствуешь боли, когда монстры начнут разрывать твоё тело своими клыками, но это еще не повод умирать.

Стасик сгреб все силы в кулак и пошел так быстро, как только мог. Ему не хотелось быть съеденным, и не важно, почувствует он при этом боль, или нет.

Уже в вечерних сумерках впереди показалось какое-то большое строение. По мере приближения оно приобрело узнаваемые очертания. Крепость. Точнее — развалины крепости. Судя по степени сохранности объекта, в далеком прошлом здесь произошло что-то страшное. Возможно, лютая битва добра со злом, или иной катаклизм. Так или иначе, но от крепости мало что осталось. Защитная стена лежала в руинах, уцелели только небольшие, чудом устоявшие, фрагменты. Но и они выглядели скверно. В кладке зияли глубокие вмятины, будто стену бомбардировали огромными камнями. Во многих местах кладка оплавилась, словно на нее воздействовали чудовищно высокой температурой.

— Где это мы? — спросил Стасик, разглядывая мрачные руины. Сделал он это зря. Стоило отвлечься на осмотр достопримечательностей, как вышедшие из-под контроля ноги тут же подло подломились, уронив своего хозяина на землю.

— Дома, — ответил ему Гамал. — Успели. Давай войдем внутрь. Уже достаточно стемнело, чтобы опасаться появления незваных гостей.

Сквозь широкий пролом в стене они вошли туда, где некогда располагался обширный внутренний двор. Ныне все это место было завалено каменными обломками разной величины и формы.

От внутренних строений крепости осталось немного. Некоторые были разрушены до основания, другие наполовину. Лучше прочих сохранилось массивное здание, невысокое, с чудовищно толстыми стенами, сложенными из блоков исполинских габаритов. Его тоже пытались разрушить — об этом свидетельствовали выбоины, участки оплавленной поверхности и несколько дыр, пробитых в кладке какой-то неведомой и жуткой силой. Но попытки не увенчались успехом — здание устояло назло всему.

От всей крепости веяло какой-то неприятной жутью. Руины выглядели мрачно и производили тягостное впечатление. Стасик ощутил это еще на подступах, и невольно начал притормаживать. Ему почудилось, что какая-то сила не желает пускать его внутрь. Веревка, которой он был привязан к Гамалу, натянулась и резко дернула его вперед. Стасик упал.

— В чем дело? — раздраженно спросил старик. — Ты что, опять разучился ходить?

— Мне здесь не по себе, — признался Стасик, воздвигая тело обратно в вертикальное положение. — Это место какое-то плохое. Тут негативная энергетика.

— Какая еще энергетика? — удивился Гамал. — Нет, если хочешь, можешь оставаться снаружи, я ведь ни на чем не настаиваю. Только сделай одолжение — когда ночью тебя начнут поедать заживо, будь так любезен, не кричи во все горло. Я и без того неважно сплю.

— А вы уверены, что внутри безопасно? Потом что мне кажется, что....

— О чем ты? Да это самое безопасное место на всей нейтральной полосе. Нет, это самое безопасное место в мире. Или ты мне не веришь?

— Верить-то верю, — ответил Стасик, — просто это место....

Он не мог внятно выразить словами свои ощущения. А ощущал он, и ощущал довольно интенсивно, исходящую от руин угрозу. Как будто что-то большое и страшное затаилось внутри, и сидит тихо. Сидит и выжидает. Но ты все равно знаешь, что оно там. Интуиция, что ли, подсказывает. А в случае со Стасиком интуиция не просто нашептывала, она кричала во весь голос, оглушительно громко. Не ходи туда! — кричала она. И Стасик действительно не хотел идти. Будь он один, то не приблизился бы к этим развалинам и на километр. Но рядом с ним находился Гамал, который повторил:

— Здесь безопасно. Для нас безопасно. А теперь идем!

Пришлось подчиниться. Ведомый на буксире, Стасик потащился вслед за своим новым

знакомым. Пока они пересекали заваленный обломками двор, упал раз тридцать. Не лишись он чувствительности, уже катался бы по земле и выл от боли.

— Я ведь так покалечусь, — сетовал Стасик. — Пусть я не чувствую боли, но травмы-то получаю. На мне уже живого места нет. Наверное.

— Об этом не тревожься, — успокоил его Гамал. — Дам тебе целебный эликсир, и будешь как новенький. Ну, то есть, как новенький ты, конечно, не будешь. Но если мне удастся понять процессы, протекающие в тканях твоего тела после купания в луже магических отходов, возможно, я сумею стабилизировать или даже обратить их. Впрочем, на многое не надейся. Без хорошей лаборатории это почти невыполнимая задача.

Стасик и так ни на что хорошее не надеялся. Его бы вполне устроил любой исход, не связанный с превращением в кусок бесформенной биомассы. Даже если придется провести остаток жизни в таком вот неприглядном состоянии, это все же лучше, чем растечься на молекулы.

Когда-то в стене здания имелась дверь. Когда-то давно. До того, как некая страшная сила не заменила ее огромной дырой с неровными краями. В этот-то пролом, черный и страшный, Гамал уверенно устремил свои стопы. Стасик опять начал упираться — чувство поджидающей внутри опасности резко возросло. Даже страх перед монстрами нейтральной полосы отошел на второй план. Но веревка неумолимо тянула его вперед, и он вынужден был повиноваться ей. Пытался жаловаться, сообщать, что ему здесь не по себе, но Гамал все эти слова пропускал мимо ушей и никак на них не реагировал.

Сквозь дыру они вошли внутрь и погрузились в непроглядную тьму. Стасик тут же упал. Поднялся, и вновь упал. Пока было хоть что-то видно, ему худо-бедно удавалось контролировать свое тело, но в крошечном мраке он полностью потерялся. В какой-то момент он даже перестал понимать, где верх, а где низ.

— Когда мы уже хоть куда-то дойдем? — застонал он в отчаянии.

— Уже почти, — прозвучал впереди голос Гамала. — Потерпи. Будь мужчиной.

Стасик честно попробовал им быть, и следующие десять падений пережил по-мужски, без жалоб и стонов.

Затем все пошло еще хуже — начался подъем по каменной лестнице. Гамал, похоже, прекрасно ориентировался в этом месте и не нуждался в освещении, а вот для Стасика восхождение обернулось настоящим подвигом. Он опробовал своим непослушным телом каждую ступеньку, а иные, особо вкусные, отведал несколько раз. Ему стало казаться, что старик делает все это нарочно, что это какая-то изощренная пытка. Но в тот момент, когда Стасик собирался плюнуть на образ мужчины и закатить хорошую крепкую истерику, Гамал произнес:

— Мы на месте. Стой спокойно, я зажгу свет.

Стасик прижался спиной к каменной стене, и стал ждать. Он слышал, как Гамал возится в темноте. Вот что-то звякнуло, затем нечто с грохотом покатилося по полу. Гамал ругнулся.

— Ага! Готово! — наконец, провозгласил он.

Сразу после этих слов во тьме начал разгораться огонек. Вначале он был тусклым и бледным, но быстро набрал силу, превратившись в яркий, лучащийся светом, шар. Стасику уже доводилось видеть подобное устройство в пещере гоблинов.

— Что ж, — произнес Гамал, — добро пожаловать в мою скромную обитель.

Стасик огляделся. Они находились в большом запущенном помещении, с потолка

которого свисали гирлянды наполненных пылью паутин, а на стенах друзьями драгоценных камней поблескивали густые заросли мха. Окон в помещении не было. Имелась мебель, знававшая лучшие, почти забытые, дни. На столах и прямо на полу лежали небрежно брошенные предметы одежды и всевозможное оружие. Здесь были и мечи, и луки, и магические посохи. Древними они не выглядели. Похоже, их принесли сюда уже сильно позже того, как крепость была разрушена.

— Значит, вы живете здесь, — разочарованно протянул Стасик, окинув взглядом помещение, подозрительно похожее на логово бомжа.

— Не волнуйся, это всего лишь склад. Идем, покажу тебе твою комнату. Уже поздно, я устал и хочу спать. Экскурсию отложим до завтра. Ты как, сильно голоден? Не потерпишь до утра?

Стасик напомнил старику, что он вообще ничего не чувствует, и даже если начнет умирать от голода, не узнает об этом, пока не околет.

— Ну, значит, потерпишь, — сделал вывод Гамал. — Идем.

Старик повел его узкими коридорами, освещая путь стеклянным шаром, который нес в руке. Иногда на их пути попадались двери. Напротив одной из них Гамал остановился.

— Тут немного пыльно, — виноватым тоном признался он. — Гости у меня случаются нечасто. Ну да ведь ты парень не привередливый, так?

Стасик промолчал. Ему было безразлично, в каких условиях его собираются поселить. Лишь бы Гамал нашел лекарство от его жуткой болезни, а мелкие бытовые неудобства он уж как-нибудь стерпит.

Старик не соврал — в предложенных ему апартаментах действительно оказалось пыльно. Пыль составляла основу интерьера, кроме нее внутри почти ничего и не было. Приглядевшись, Стасик заметил на полу плоский серый тюфяк, который успешно сливался с окружением.

— Располагайся, — предложил Гамал, похлопав Стасика по плечу. — Дверь, если что, не заперта. Но лучше не покидай своей комнаты до утра. Ты еще не знаешь крепости, и можешь угодить в неприятности.

Стасик даже не стал спрашивать о том, какого рода неприятности имеет в виду радушный хозяин. Для себя он решил, что не покинет комнаты, пока сам Гамал не придет за ним поутру.

— Спокойной ночи, — пожелал ему старик, и широко зевнул. — Свет я уношу, так что ты сразу ложись на тюфяк и спи.

— А если вдруг что-то случится, — осторожно спросил Стасик, — как мне вас найти?

— Ничего не случится, — заверил его Гамал. — Спи спокойно, тут безопасно. Поверь мне.

С этими словами хозяин покинул его. Стасик, оставшись в темноте, послушно улегся на тюфяк. По идее, за день тяжелого пути он должен был порядком вымотаться, но усталости, как и всего остального, он не чувствовал.

Не надеясь ни на что хорошее, Стасик прикрыл глаза и почти сразу же провалился в сон.

Стасик вознесся на седьмое небо на крыльях невысказанного счастья, ибо сбылась его заветная мечта. После многих лет ужасной жизни в неправильном варианте реальности он, наконец-то, угодил в мир меча и магии. И тут же выяснил, что попал старого по нужному адресу. Это там, на своей исторической родине, в том мире несправедливости и безнадёги, он был обычным забитым школьником, чьей единственной отдушиной оставались видеоигры. Но стоило ему перенестись в правильный мир, как все тотчас же встало на свои места.

Проверка на способности выдала поразительный результат — Стасик оказался уникалом, в равной степени наделенным как воинским, так и магическим потенциалом. Волшебный прибор, производящий определение, даже вышел из строя, задымился и заискрился, стоило величайшему герою вселенной поместить в него свою могучую руку. Волшебница, увидев результат проверки, рухнула в обморок, а пока летела к полу, успела по уши влюбиться в этого невероятного вундеркинда, почтившего своим присутствием правильный мир.

Не успел Стасик опомниться, как его уже зачислили в королевскую магическую академию. Проучился он там ровно три дня, за какой срок успел освоить весь курс белой магии, а заодно, в свободное от занятий время, изучил и черную. За проведенное в академии время Стасик успел влюбиться в себя всех тамошних волшебниц. Девчонки бегали за выдающимся чародеем толпой, куда бы он ни пошел, и дружно падали к его ногам, в полете срывая с себя трусики. На церемонии вручения ему красного диплома красавицы прорвали оцепление, бросились к сцене, и стали хором признаваться Стасику в любви. Слух о его божественной красоте и магической мощи дошел даже до принцессы, та тоже приехала в академию, увидела Стасика и сразу же в него влюбилась.

В качестве дипломированного мага Стасик отбыл на передовую, прямо в Форинг, дабы давать отпор силам зла. Сам ехал в карете с открытым верхом, запряженной четверкой белоснежных единорогов, а бесчисленная толпа фанаток следовала за ним по дороге, оставляя за собой вытоптанную землю и глубокие лужи. Все встреченные по пути красавицы тут же влюблялись в Стасика, бросали свои дела и присоединялись к огромному гарему.

Пока добрался до Форинга, собрал три тысячи поклонниц. Не успел въехать в городские ворота, как повстречался с верховной волшебницей Лаурой. Едва увидев величайшего чародея всех времен, та тут же влюбилась в него раз и навсегда и начала раздеваться прямо на улице.

Остановился Стасик в резиденции ордена паладинов, в личных покоях Ильнура. Сам верховный паладин города заявил, что рядом с таким великим человеком он никто и звать его никак, и ушел жить на конюшню. Армия поклонниц обосновалась вокруг резиденции. По ночам они хором пели Стасику серенады и бросали в открытое окно любовные послания, цветы и нижнее белье.

На второй день пребывания в Форинге великий волшебник Стасик Непревзойденный выяснил, что вместе с ним в правильный мир переместился его прежний одноклассник и обидчик Колька. Судьба жестоко обошлась со школьным хулиганом. При проверке в нем не было выявлено никаких способностей, и его обрекли на унижительную участь свинопаса, так как ни на что иное он не годился. Всеми осмеянный, всеми презираемый, весь с головы до

ног в состоянии глубочайшего позора, жил Колька на ферме за городом, пас свиней и каждую ночь горько плакал в подушку. Стасик вначале хотел испепелить своего обидчика огненным шаром, но затем передумал и проявил благородную снисходительность. Ограничился тем, что вместе с пятитысячным гаремом пошел на ферму и долго насмеялся над Колькой, доведя того до состояния слезной истерики.

На следующую ночь несколько поклонниц тайно пробрались в его покои и попытались отдаться Стасику насильно. Вовремя подоспевшая стража пресекла попытку непотребства. В это время прочие фанатки строили снаружи осадную башню и готовились идти на любовный приступ.

Наутро случилась мелкая неприятность — к Форингу пожаловали враги. Лорд Мортус, известный злодей, истязатель и душегуб явился во всей красе, прихватив с собой десятитысячную группу подельников. Страшно было глядеть в сторону злодейской армии — такая силища подтянулась. Испугались жители Форинга, даже Ильнур расплакался, осознав свое бессилие перед мощью империи зла. Колька же, едва завидев на горизонте черные знамена неприятеля, бросился в свинарник и зарылся с головой в нечистоты, где его позже отыскали, извлекли, отмыли и дружно осмеяли.

Ильнур и Лаура прибежали в таверну, где в это время, в плотном окружении поклонниц, завтракал великий герой Стасик Обожаемый, и стали на коленях умолять его защитить город от темных сил. При этом Лаура изловчилась, и незаметно подсунула в геройский карман свой портретик пикантного характера. Позже выяснилось, что свой обнаженный портретик подсунул и Ильнур — даже суровые паладины не могли устоять перед блистательной красотой и невыносимым обаянием великого героя.

Великий маг Стасик даже трапезы не прервал. Не вынимая ложки изо рта, сотворил он заклинание страшное, мощью невиданной наделенное, щелкнул пальцами, и тут-то лорду Мортусу с его войском стало не до смеха. Тут-то прочувствовали они на своих злодейских шкурах, каково оно, связываться с великим магом Стасиком.

Что конкретно случилось со злодеями, того никто не понял. Только что стояло под стенами Форинга вражеское войско, колыхались на ветру знамена, солдаты в черных шлемах скалили гнилые зубы, Мортус выделялся перед строем, толкая речи brave и воинственные. И вдруг все они исчезли. Только что были, а потом исчезли. Даже запаха от них не осталось.

Увидев такую магическую мощь новоявленного героя, половина горожан попадала в обморок. Мужская половина попадала, а женская незамедлительно присоединилась к гарему, который, к тому времени, насчитывал уже десять тысяч голов.

Покончив с завтраком и армией тьмы, Стасик заявил, что желает отправиться на поиски приключений. И начнет с визита в империю Кранг-дан, которую намеревается в ближайшее время разгромить и призвать к капитуляции. Уже и в дорогу собрался, и на дракона взгромоздился (герою такого масштаба на лошади ездить несолидно), но выдвигаться не пришлось. Император Дакрос пришел сам. Точнее, приполз, сдаваться в плен и молить о пощаде.

В сопровождении несметной орды поклонниц Стасик вышел из ворот Форинга, чтобы принять капитуляцию от императора Дакроса. Тот как услышал о великом чародее Стасике, так сразу на коленях к нему и пополз. Стал он слезно просить непревзойденного героя, чтобы тот сохранил ему его жалкую жизнь. В обмен же Дакрос обещал впредь вести себя хорошо, злых дел не творить, а вместо вынашивания планов по захвату вселенной заняться

выращиванием одуванчиков. А кончил свою речь император тем, что неожиданно и сенсационно признался Стасику в любви.

Тут, конечно, Стасик немного растерялся, и попытался объяснить Дакросу, что не является приверженцем содомских отношений, но император не дал ему договорить, и снял со своей головы шлем. Все, в том числе и Стасик, дружно ахнули. Оказалось, что Дакрос вовсе не мужчина, а самая настоящая женщина. Да не просто женщина, а эльфийка няшной наружности. Стасик с детства питал слабость к эльфийкам, и охотно согласился принять Дакроса в свой гарем. Вместе с Дакросом в гарем вступили все красавицы бывшей темной империи, которых набралось тысяч где-то семьдесят или даже сто.

В это время из грязной лужи вытащили Кольку. И все стали над ним смеяться. Стасик смеялся, Дакрос смеялся, девушки смеялись. А Колька стоял и горько плакал. По нему было видно, что бывший школьный хулиган подумывает о суициде.

Стал герой Стасик собираться в поход, чтобы исследовать неведомые земли и победить могучих чудовищ, уже и рюкзак наполнил, и дракона оседлал, и выбрал из гарема десяток красавиц, что должны были сопровождать его в пути и восхищаться его подвигами, но тут сладкий сон резко прервался.

Стасик распахнул глаза. Вокруг него царил ночная тьма. Он лежал на пыльном тюфяке в разрушенной крепости, посреди нейтральной полосы. Не было у него ни славы, ни могущества, ни выдающихся магических способностей, ни даже бесчисленного гарема обожательниц.

Пока Стасик пытался понять причину своего внезапного пробуждения, та сама заявила о себе. Раздался жуткий низкий звук, смесь рычания и рева, от которого содрогнулись стены древней цитадели. Стасик в страхе подпрыгнул, но тут же упал обратно на тюфяк и сжался в трусливый комочек. Ему еще не доводилось слышать подобных звуков. Особо же ужасало то, что звук явно имел животное происхождение. То есть его источником являлось некое существо. И оно находилось где-то неподалеку, раз рев его звучал громко и четко. Возможно, к стенам разрушенной крепости во мраке ночном пожаловало невероятное и голодное чудовище.

Не успел Стасик отдышаться и пощупать исподнее, как звук повторился, и на этот раз вышел громче прежнего. Напуганному до икоты Стасику почудилось, что жуткий рев исходит не снаружи, из-за стен крепости, а откуда-то снизу. Будто его источник находился прямо под руинами. Но возможно ли такое? Разве что это какой-то подземный монстр, роющий огромные норы. Тут вспомнились слова Гамала, упоминавшего неких ужасных чудовищ, таящихся под землей. Не является ли автор рева одним из них?

Когда звук сотряс ночную тишину в третий раз, Стасик понял — он этого не переживет. Если даже подземное нечто не доберется до него, он помрет сам, от страха.

Лежать в темноте и слушать эти жуткие звуки, было выше его сил. Стасик сполз с тюфяка и стал на ощупь искать дверь. Дело осложнялось тем, что он не чувствовал своего тела, и не мог различить каменную и деревянную поверхности. Стасика охватило отчаяние. Он понял, что так и погибнет здесь, в этой пыльной комнате, ползая по ней, как слепой червяк. Вот сейчас подземное чудовище вырвется из недр, разрушит крепость, и каменные обломки навеки погребут под собою останки бывшего школьника.

Вновь прозвучал ужасающий рев, и нервы Стасика сдали. Он закричал во все горло: — Помогите! Спасите! Дед! Дед, ты где? Иди сюда, дед!

Но Гамал то ли не слышал его, то ли слышал, но успешно игнорировал. Стасик ощутил

приближение паники — сейчас он сорвется и вконец лишится рассудка. В последней отчаянной попытке спастись он вновь пополз вдоль стены, толкая ее непослушными руками. И вдруг ему повезло — твердая поверхность при нажатии подалась вперед. Стасик с криком вывалился в коридор.

За пределами комнаты тоже царил темнота. Уже очень плохо соображая, что и зачем он делает, Стасик вслепую побрел по коридору, сквозь крошечный мрак и неизвестность. То и дело он ударялся плечами об стены и выступы, но не чувствовал боли. Не закрывая рта, он звал Гамала, но тот словно сквозь землю провалился. Возможно, так и случилось. Подземный монстр мог уже добраться до старика, и подзакусить им. Следующим блюдом в меню был Стасик.

Новый жуткий рев расколол ночную тишину. Стены загудели, пол задрожал. Стасик, обезумев от ужаса, помчался по коридору. Ударился в одну стену, повернул, вновь побежал, затем ударился в следующую. О своем здоровье он не думал, как и ни о чем другом. Страх перед неведомым чудовищем поглотил его с головой. Стасику хотелось только одного — больше не слышать этого жуткого, сводящего с ума, звука. Весь в слезах и соплях неся он сквозь тьму, и вдруг осознал, что уже не бежит, а летит, бултыхая ногами в пустоте. Летит, как и положено, вниз. Завопил во все горло, инстинктивно замахал непослушными руками, после чего состоялось жесткое приземление на твердую неровную поверхность.

Ничего не видя вокруг, Стасик не мог определить, с какой высоты он упал, и насколько сильно при этом пострадал. От отчаяния он горько разрыдался, но вновь прозвучавший рев заставил его притихнуть.

— Мне конец! — простонал Стасик, который твердо уверился в том, что его смертный час пробил. Не пережить ему этой ночи, никак не пережить. Хуже того, он даже не почувствует, как подобранный во мраке монстр начнет поедать его с ног. Даже не будет знать, что его едят. А его, ведь, возможно, уже едят!

Тут истерика грянула во всю мощь, и Стасик долго оглашал стены древней крепости своими криками и рыданиями. Успокоился он нескоро, но, на его счастье, неведомое чудовище больше не подавало голос. Всхлипывая и постанывая, Стасик лежал в темноте, и смиренно ждал смерти. Он решил, что больше не будет шевелиться — еще не хватало свернуть себе шею. Возможно, он уже фатально травмирован, и Гамал завтрашним утром обнаружит здесь его хладный, истекший кровью, труп.

Эта страшная мысль без труда ввергла Стасика в еще большую панику.

— Эй? Эй, ты? Ты там живой, или как?

Голос звучал откуда-то сверху. Стасик, который решительно не помнил, как и когда он успел заснуть, резко распахнул глаза.

Он лежал на дне колодца квадратного сечения, на куче щебня и какого-то мусора. Высоко над собой он увидел яркий белый свет и склонившегося над краем колодца Гамала. Старик держал в руке светящийся шар и смотрел вниз.

— Что ты там, позволь узнать, делаешь? — недовольным тоном спросил Гамал, заметив, что Стасик открыл глаза. — Я же тебе сказал оставаться в своей комнате. Какого паладина тебя понесло на ночную прогулку? Неужели ты решил, что у меня тут спрятаны девчонки, и хотел нагряться к ним в гости? Ух уж эта молодость. Вот, помню, я в твои годы....

— Помогите мне! — жалобно простонал Стасик, пресекая устные мемуары отшельника. — Я не чувствую ни рук, ни ног!

— Было бы странно, окажись иначе, — заметил старик. — Ладно, оставайся там, никуда не убегай. Я вернусь с веревкой.

Гамал отсутствовал минут десять. За это время Стасик вспомнил свое ночное злоключение, и едва не разрыдался. Мало ему было купания в магических отходах и его пагубных последствий. Так теперь еще какой-то ужасный монстр положил на него хищный глаз. Стасик мог поклясться, что ночное чудовище приходило именно за ним. За кем же еще? Было странно, что при его фантастическом невезении все монстры нейтральной полосы до сих пор не сбежались по его душу.

Гамал вернулся с длинной прочной веревкой. На одном ее конце он связал затягивающуюся петлю, и спустил снасть в яму. Стасик продел в петлю себя и затянул ее поперек живота. После чего старик бодро и без особого труда вытащил его из колодца. Гамал хоть и не выглядел богатырем, оказался довольно силен, и даже не запыхался, проделав это непростое упражнение.

Едва Стасик оказался на поверхности, Гамал силой поставил его на ноги и осмотрел со всех сторон.

— Погляди на себя! — ворчал он. — И как ты только не разбился насмерть?

Осматривать себя Стасику не хотелось — сквозь стянувшие его тело грязные и окровавленные бинты проступало что-то бурое и тошнотворно лоснящееся, ничуть не похожее на нормальную человеческую кожу. Он боялся даже представить себе, как выглядит теперь, после всех произошедших с ним метаморфоз.

— Если ты не чувствуешь боли, это не значит, что ты неуязвим, — заметил Гамал. — Кости, по крайней мере, целы, что уже хорошо. Идем, нужно заменить твои бинты.

Старик привел его в большое помещение с двумя узкими окнами. Сквозь них снаружи вливался яркий дневной свет. Гамал небрежно бросил стеклянный шар на стол и взялся за дело.

Стасик огляделся. Похоже, это была лаборатория. На самодельных столах и полках выстроились горшки и миски, все глиняные, вылепленные в чисто утилитарных целях без намека на наличие у их создателя абсолютного эстетического вкуса. У внешней стены, под самым окном, располагалась сложенная из дикого камня печь.

— Стой здесь, разведи руки и не шевелись, — сыпал приказами Гамал. — Я сниму старые бинты, и наложу новые.

Новые бинты уже были готовы — они, подобно разбухшим макаронам, с горой наполняли большой глиняный горшок.

Гамал вооружился ножницами и подступил к Стасику. Тот напрягся.

— Не бойся, — усмехнулся старик. — Больно не будет. Совсем.

— Не смешно, — проворчал Стасик.

Когда старик начал срезать с его тела бинты, потемневшие от грязи и засохшей крови, Стасик крепко зажмурил глаза. Он не хотел видеть то, во что превратилось его тело. Просто не хотел, и все. Что-то подсказывало ему, что его психика не выдержит данного зрелища и сломается окончательно.

— Не хочешь рассказать, куда тебя понесло среди ночи? — спросил Гамал, ритмично щелкая ножницами.

— Я вас искал, — ответил Стасик. — Звал, а вы не отзывались.

— Зачем я тебе понадобился? Захотелось послушать сказку перед сном?

Стасик поморщился.

— Не делайте вид, что вы ничего не знаете! — потребовал он возмущенным тоном.

— Это ты сейчас о чем?

— О том, что произошло этой ночью, — раздраженно бросил Стасик.

— Так, давай-ка не темни, — потребовал Гамал. — Лично я этой ночью спокойно спал и видел дивный сон. И ни о каких происшествиях знать не знаю.

— Не врите! — сердито потребовал Стасик.

— Слово алхимика!

— Как вы могли спокойно спать, когда тут творилось такое?

— Такое, это какое? И прекрати дергать руками, я же просил стоять смирно.

— Еще скажите, что вы не слышали этот жуткий рев? Да его бы и глухой услышал!

Возникла пауза. Стасик слышал, как Гамал бойко орудует ножницами, но старик ничего не отвечал.

— Значит, вы все слышали, — уличил его Стасик. — Зачем же делали вид, что ничего не было?

— Прости, — прозвучало в ответ. — Это моя вина. Забыл тебя предупредить.

— Предупредить? О чем?

— Да не дергайся ты!

— Я это не контролирую.

— А ты глазки открой и следи за руками.

— Не хочу я этого делать.

Старик мерзко захихикал.

— Что так? — спросил он. — Неужели не любопытно взглянуть на то, каким неопикуемым красавцем ты стал? А тут, поверь мне, есть на что посмотреть. Теперь, братец, все девчонки твои. За ними даже бегать не придется — как тебя увидят, сразу в обморок попадают.

— Спасибо, обойдусь, — проворчал Стасик. — И вообще, не уходите от темы. Что это было прошлой ночью? Кто издавал этот рев? Мне показалось, что он исходил откуда-то из-под земли. Скажите, что я ошибся! Пожалуйста, скажите это!

— Ты не ошибся, — безжалостно ответил Гамал. — Так, старые бинты я снял. Теперь

постояй смиренно, я хочу тебя осмотреть и взять немножко образцов.

— Эй, это что такое значит?

— Не скули. Ты все равно ничего не чувствуешь.

— Ну, давайте теперь от меня куски отрезать. И что значит — не ошибся. Вы знаете, что это было?

— Знаю, знаю, — ворчливо отозвался Гамал. — Можешь не тревожиться. Бояться нечего. Мы в безопасности.

Стасику так не казалось. Судя по силе рева, там, внизу, обитало что-то воистину грандиозное. Для такого исполинского чудовища разнести их крепость не проблема.

— А это точно? — с сомнением произнес Стасик. — То есть, откуда у вас такая уверенность? Если вам известно, что это, то расскажите. Я должен знать.

— Расскажу, как только закончим перевязку и позавтракаем. И не только расскажу, но и покажу.

— Покажете? — испугался Стасик. — Что покажете?

— Да не дергайся ты! Сколько можно повторять? Стой смиренно. Ты все узнаешь в свое время.

Пришлось Стасику смириться, и покорно дожидаться того момента, когда Гамал завершит перевязку.

— Эти бинты лучше прежних, и пропитаны хорошим эликсиром, — сказал старик, завершая процедуру. — Так что постарайся их не рвать. В частности меньше бегай ночами по крепости.

Он щелкнул пальцами перед самым носом Стастика.

— Открывай глаза, не бойся. Уже все.

— Правда? — недоверчиво спросил Стасик.

— Да, да. Я закончил.

Стасик осторожно приоткрыл один глаз и опустил взгляд на свои руки. Гамал не обманул его. Верхние конечности оказались туго обмотаны новыми бинтами. Старик наложил их умело, так что нигде не проглядывало ни кусочка кожи.

— Спасибо, — сказал Стасик. — А это поможет? Я не буду распадаться?

— Пока не могу сказать ничего определенного, — ответил Гамал. — Я взял немного образцов твоих тканей. Попытаюсь разобраться. Но особых надежд не питай. Сам видишь, в каких нечеловеческих условиях мне приходится работать.

Завтракали они на кухне, которая мало чем отличалась от лаборатории — та же печка у окна, те же грубо слепленные глиняные горшки и крынки. Радужный хозяин потчевал себя и гостя какой-то кашей, но поскольку Стасик не чувствовал ни вкуса, ни запаха, ему трудно было оценить угощение. Он быстро опустошил тарелку, послушно выпил предложенный Гамалом напиток, который тот назвал каким-то зельем, и, сгорая от нетерпения, спросил:

— Ну, теперь вы расскажете мне все?

— Слишком ты любопытный, — неодобрительно покачал головой старик, неторопливо вычерпывая кашу из своей миски.

— Я не любопытный, я осторожный. Хочу знать заранее, чего мне следует опасаться.

— Сказал же — бояться нечего, — буркнул Гамал. — Но если уж ты настаиваешь, так и быть, покажу.

Он отхлебнул из своей кружки травяной чай, встал из-за стола и взял в руку светящийся шар.

— Ступай за мной, юноша. С моей стороны было ошибкой не предупредить тебя ни о чем. Но я надеялся, что этой ночью оно не потревожит наш покой. В любом случае, сейчас ты все узнаешь. И поймешь, что нам с тобой следует радоваться всякий раз, когда мы слышим эти жуткие звуки.

— Радоваться? — воскликнул Стасик. — Да вы о чем? Я чуть с ума не сошел от страха.

— Это все о неведения. Вскоре ты поймешь, что бояться нечего. Даже наоборот.

Заинтригованный и немного напуганный Стасик последовал за Гамалом. Тот повел его темными узкими коридорами, которые образовывали настоящий лабиринт. Они миновали большой зал с частично обвалившейся кровлей. Некогда здесь устраивались пиры, герои, сидя за длинными столами, кушали, выпивали и планировали грядущие подвиги. Теперь же банкетный зал превратился в огород. На тщательно разбитых грядках произрастали различные культуры. В отличие от лаборатории и кухни, где царил полный хаос, огород пребывал в идеальном порядке. Чувствовалось, что Гамал заботился о нем больше, чем о себе.

Затем опять потянулись узкие коридоры, приведшие их к широкой лестнице, по спирали уходящей куда-то вниз, в зловещую и пугающую тьму. Стасик остановился на ее вершине, вовсе не уверенный в том, что ему так уж хочется узнать секрет ночных звуков. Заметив его колебание, Гамал усмехнулся.

— Смелее, — подбодрил он Стасика. — Ты же так рвался получить ответ на свой вопрос.

— Да как-то уже расхотелось, — признался Стасик, упираясь ногами в пол.

— Нет уж, идем до конца. Раз ты собираешься здесь остаться, ты должен знать. Не хочу каждое утро вытаскивать тебя из колодцев.

Гамал первым двинулся вниз по лестнице, и Стасику ничего иного не оставалось, кроме как последовать за ним.

Закручиваясь широкой спиралью, лестница уводила их все глубже и глубже. И с каждым шагом Стасик чувствовал нарастающий страх. Аналогичные ощущения он испытал на подступах к крепости, только теперь они были намного более яркими и сочными. В самих развалинах чувство страха как-то отпускало, или же он просто привык к нему и оно, приевшись, перестало восприниматься так остро. Но чем глубже Стасик спускался вслед за Гамалом, тем меньше ему хотелось что-то узнавать об источнике жутких ночных звуков.

— Далеко еще? — пискнул он, и его голосок заметался эхом по широкой, уводящей во тьму, галерее.

— Почти пришли, — ответил Гамал.

И не соврал. Миновав еще дюжину ступеней, они очутились в просторном, но коротком, коридоре. Стены здесь были сложены из блоков-исполинов, таких огромных, что дух захватывало. Плиты перекрытия, нависшие над головой, были высечены из цельных кусков гранита и потрясали своими размерами. Все здесь выглядело древним, словно подземную часть крепости возвели задолго до верхней надстройки.

А в конце короткого коридора высилась дверь. Огромная, зловещая, кажущаяся неприступной. Она была изготовлена из темного металла, на поверхности которого за прошедшие века не появилось ни пятнышка ржавчины. Всю плоскость двери покрывали выгравированные в металле символы, от которых веяло потусторонней жутью. Стасик не разобрался в магических знаках, но эти, нутром чуял, были очень сильны и опасны. У него возникло безотчетное желание отвести взгляд и не смотреть на них — мало ли что. А то вот

так прочтешь случайно, а утром проснешься жабюю.

У двери не было ни петель, ни замочной скважины. Просто огромная металлическая плита, покрытая зловещей символикой.

— Мы на месте, — негромко произнес Гамал. — Если хочешь, можно подойти чуть ближе.

Вот этого Стасику точно не хотелось. Именно от этой двери и несло той лютой жутью, которую он фиксировал всем своим многострадальным нутром. Чувство ужаса порождало нечто, находящееся по ту сторону железной преграды.

Гамал силой подтащил его к двери, и остановился метрах в четырех от нее. В мертвенно-белом свете стеклянного шара она выглядела невыносимо жутко. Стасику почудилось, что символы на ее поверхности вдруг пришли в движение, но это был всего лишь результат игры света и тени. Так ему, во всяком случае, хотелось думать.

— Что это? — с благоговением прошептал Стасик. — Что это такое?

— Разве не очевидно? — удивился Гамал. — Дверь же.

— Нет, — мотнул головой Стасик, — это не просто дверь.

— Какой догадливый мальчишка, — захихикал старик.

— Что там? Что за ней?

Задав вопрос, Стасик тотчас же пожалел об этом. Совсем ему не было любопытно, вот ни капельки. Его одолевало лишь одно желание — унести отсюда ноги. Очень быстро и очень-очень далеко.

— Я не знаю, — дал неожиданный ответ Гамал.

Стасик уставился на старика округлившимися от изумления глазами.

— Что? — выпалил он громко, и эхо его возгласа заметалось меж каменных стен. — Что это значит? Как это вы не знаете?

— Очень просто. Я ведь никогда ее не открывал. А дырочки тут нет, внутрь не заглянешь.

Стасик все еще не мог прийти в себя.

— То есть, — силился понять он, — я правильно понимаю: вы прожили здесь сколько?

— Лет, пожалуй, десять, — задумчиво ответил Гамал. — Или около того. Точного подсчета я не вел.

— Ага, десять, значит. Вы здесь десять лет прожили, бок о бок вот с этим, и даже не потрудились поинтересоваться, что оно такое?

— Не кипятись, — невозмутимо посоветовал Гамал. — Да, я интересовался, но что я мог выяснить? Эти знаки на двери....

Он задумчиво приложил палец к подбородку.

— Они относятся к области высшей магии, а я не являюсь специалистом в данной дисциплине. Полагаю, на двери начертано какое-то сдерживающее заклинание. Но это так, моя гипотеза.

— И что? — не выдержал Стасик. — И все? Все, что вы можете сказать?

— Когда я вселился сюда, крепость уже много лет лежала в руинах. Здесь не сохранилось никаких бумаг, способных пролить свет на тайну подземелья. Мне лишь известно, что эта твердыня некогда принадлежала Ангдэзии.

— То есть, вы десять лет жили здесь, и вас не смущало, что в подвале заперто нечто? — пытался понять Стасик. — Да как вы по ночам-то спали?

— Поначалу смущало, потом привык.

— Вы прикалываетесь?

— Успокойся, бояться нечего. Кого бы ни заперли в этом подземелье паладины прошлого, оно едва ли сумеет обрести свободу. Дверь все еще прочна, сдерживающие заклинания действуют.

— А вдруг оно вырвется прямо сейчас? — предположил Стасик, трусливо косясь на жуткую дверь. — Или следующей ночью? Или завтра?

— Или никогда, — пожал плечами Гамал. — Подумай сам — если бы оно могло обрести свободу, то давно бы сделало это. Нет, дружок, волноваться не о чем. Нам с тобой ничего не угрожает.

— Да вы, однако, оптимист!

— Напротив, я прагматик. И считаю нашего соседа не только безопасным, но и крайне полезным. Я ведь не просто так выбрал эту крепость в качестве своего пристанища.

— Это вы о чем?

— О том, — ответил Гамал, — что запертое за этой дверью существо отлично справляется с ролью сторожа. Скажи, ты ведь почувствовал себя неуютно, когда приближался к крепости?

— Было дело, — не стал отрицать Стасик.

— И тебе очень не хотелось к ней подходить?

— Мне и сейчас не хочется.

— Именно! За этот эффект следует поблагодарить нашего соседа. Даже сидя взаперти, он оказывает определенное воздействие на живых существ в значительном радиусе от себя. И если разумное существо способно преодолеть создаваемую им ауру, то животные просто предпочитают держаться от крепости подальше. Звери устроены проще нас, им чужды любопытство и самоубийственный героизм. Если они чувствуют страх, то сторонятся его источника, и не пытаются идти поперек инстинктов.

— То есть, это нечто отпугивает отсюда всех монстров, — сообразил Стасик.

— Если и не всех, то большую и худшую их часть.

Стасик вновь посмотрел на дверь. Что ж, Гамал, пожалуй, был прав — нечто, запертое в подземелье, действительно приносило им пользу. Не будь его здесь, эти развалины давно облюбовали бы населяющие нейтральную полосу существа.

— А как начет ночных звуков? — спросил Стасик, ежась при одном о них воспоминании.

— Иногда оно проявляет активность, — ответил Гамал. — Просто постарайся не обращать внимания. Так бывает далеко не каждую ночь.

— Легко вам говорить, — проворчал Стасик. — Я сегодня чуть от страха не умер.

— Ну, теперь-то ты знаешь, что бояться нечего. Не волнуйся, скоро привыкнешь, и даже просыпаться не будешь.

Стасик вновь обратил свой взор на дверь. Значит, крепость прежде принадлежала Ангдэзии, королевству добра. Ну, какие они там добрые, Стасик уже выяснил на собственной шкуре. Наверняка доброту паладины демонстрировали только напоказ, не чураясь, при этом, темных и мрачных дел. И одно такое дело как раз сейчас сидело за железной дверью. Что они могли запереть там? Стасик боялся даже строить догадки на этот счет. Одно было ясно — что-то настолько ужасное и сильное, что его не смогли ни укротить, ни убить. Пришлось запереть на веки вечные, ну, или до тех пор, пока усиленная магией дверь не рассыплется в прах и не выпустит на волю таящийся внутри ужас.

Внезапно стеклянный шар в руке Гамала начал тускнеть, будто в нем подвели батарейки. Ощущение жутки резко усилилось. По выражению лица спутника Стасик понял, что тот тоже это чувствует.

— Что это? — чуть слышно прошептал Стасик.

— Похоже, оно подошло к двери, — замогильным голосом произнес Гамал. — Стоит там, по ту сторону, прислушивается, принимает.

Он покосился на Стасика, и злое добавил:

— Прикидывает, насколько ты у нас вкусный.

— Прекратите! — нервно вскрикнул Стасик. — Хватит меня пугать, я и так весь на нервах. Прошлую ночь пережил только чудом.

— Ладно, расслабься, — добродушно рассмеялся Гамал. — Оно до тебя не доберется. Только вот что, запомни хорошенько, друг Стасик — никогда не спускайся сюда один. А если вдруг и спустишься по какой-то надобности, то не приближайся к двери. И, самое главное — ни в коем случае не прикасайся к ней.

— Да у меня и в мыслях такого не было! — честно признался Стасик, которому даже в компании Гамала в этом месте было страшно до икоты.

— Вот и хорошо, — одобрительно кивнул старик. — Ну, что ж, теперь, когда мы прояснили этот вопрос, пора мне посвятить тебя в твои новые обязанности. Они не трудные, не волнуйся. Ты справишься.

— Хорошо, хорошо, идемте уже, — заторопился Стасик. Ему хотелось скорее покинуть это место. Покинуть, и никогда больше сюда не возвращаться.

Обязанности, которые Гамал взвалил на плечи Стасика, и впрямь были просты. Заклучались они в банальной поливке огорода. Гамал подробно объяснил ему, как, что и в каком объеме поливать водой, убедился, что Стасик запомнил большую часть инструкций, после чего предложил своему новому помощнику по хозяйству показать себя в деле.

— Колодец найдешь там, — закончил он, махнув рукой куда-то за пролом в стене зала. — Ведро рядом с ним. Приступай.

Гамал удалился, а Стасик окинул взглядом разбитый среди развалин огород и пришел к выводу, что работы здесь часа на три, не больше. Если все его обязанности исчерпываются поливкой, то у него намечалось много свободного времени. Он даже подумал о том, чтобы попросить Гамала научить его чему-нибудь полезному. Тот был алхимиком, но ведь он наверняка знал что-то и из магии. А Стасик все еще лелеял надежду встать на путь колдовства и чародейства. Но теперь уже не для того, чтобы покорять своим искусством девчонок, а дабы стать менее беззащитным. Пусть запертый в подземелье монстр и отпугивал большую часть здешних чудовищ, но ведь явно не всех. К тому же, помимо чудовищ, на нейтральную полосу часто захаживали герои из Ангдэзии и империи. Уж им-то никакой страх не помешает вломиться в развалины в надежде на богатую добычу. И если Гамала еще можно было принять за человека, то он сам, в своем нынешнем виде, полностью подпадал под определение монстра. Стоит ему попасться на глаза доблестным героям, как те сразу же примут его за ожившую мумию и убьют на месте.

В общем, в планах Стасика было живенько, часа за полтора, покончить с работой в огороде и начать познавать какие-нибудь полезные для выживания навыки. И не важно, что две проведенные проверки выявили его полную непригодность ни для чего приличного. Он еще докажет этому миру, что в его случае произошла серия чудовищных ошибок. Стасик решил, что будет долго и упорно тренироваться, день и ночь, не жалея себя. Как герой старого боевика. А потом выскочит из-за угла и всех победит.

Через пролом в стене Стасик вышел на крепостной двор. Тот был густо завален камнями, на его противоположной стороне, между двух огрызков стены, высилась чудом уцелевшая угловая башня. Ей тоже досталось за прошедшие века — кладка была выщерблена и оплавлена, а на месте бойниц зияли бесформенные дыры. Но башня выдержала все и устояла.

Стасик побрел через двор, огибая разбросанные по нему блоки и минуя глубокие конусообразные воронки. Затем он увидел колодец. Тот был в точности таким же, как и в деревнях его родного мира — дыра в земле, стены которой были выложены плитняком, а наверху механизм с воротом и намотанной на нем цепью. К концу цепи на крюке крепилось мятое жестяное ведро.

Еще на подступах Стасику показалось, что намотанная на вал цепь очень уж длинная. Подойдя к колодцу, и заглянув в его глубины, он понял — нет, не показалось.

Несмотря на ясный день и хорошее освещение, он не смог разглядеть дна колодца. Тот спускался в неведомые недра, куда-то в ад, или даже глубже. Стасик подобрал с земли кусок щебня, бросил его в колодец и прислушался. Он долго стоял и ждал, но так и не услышал всплеска.

— Это что, шутка такая? — проворчал Стасик.

Он решил, что просто ошибся колодецем, и отправился на поиски. Обошел весь двор, но так ничего и не отыскал. В итоге он сунулся в башню, и по сохранившейся каменной лестнице поднялся на ее вершину. Отсюда открывался панорамный вид на крепость, и на нейтральную полосу вокруг нее. Окрестный пейзаж был мрачен и тосклив. Ничего живого насколько хватало глаз — ни кустика, ни деревца, ни травинки, лишь мертвая земля, покрытая сетью зияющих воронок. Осмотр крепости с высоты тоже не дал результатов. Колодец был один, тот самый, бездонный.

— Ладно, — вздохнул Стасик, и поплелся обратно.

Вал с намотанной на него цепью вращался тяжело. Стасик медленно проворачивал рукоять, опуская цепь в неведомые глубины. Он слышал, как жестяное ведро бьется о каменные стены колодца, видел, как цепь исчезает в его черном жерле. Затем крутить стало легче — высвобожденная цепь своим весом давила вниз и помогала ему вращать вал.

— Там что, дно отменили? — пропыхтел Стасик.

Последние метры цепи скрылись в колодце, и та повисла вертикально, натянутая, как струна. Стасик тяжело вздохнул, поплевал на забинтованные ладони, и стал поднимать ведро на поверхность.

Размотать цепь было несложно, а вот обратная процедура оказалась непростой задачей. Пару раз пальцы Стасика едва не соскакивали с вращающейся рукоятки. Он пыхтел от натуги, наваливаясь на нее всем телом. Ему чудилось, что на ведро клюнул синий кит, или аналогичная габаритами рыбка. Или же за цепь ухватился какой-то исполинский подземный монстр, тонны четыре весом, и теперь зайцем едет на поверхность.

Когда над краем колодца показалось ведро, Стасик не поверил своим глазам. Он схватил его, поставил на землю и заглянул внутрь. Ведро было наполовину заполнено водой.

Он добыл всего полведра воды, а чувствовал себя так, будто совершил эпический подвиг. Произведя нехитрые подсчеты, Стасик пришел к выводу, что у него едва ли останется время на обучение магии и каратэ. Хорошо, если оно останется хотя бы на сон.

Перелив воду в другое ведро, Стасик поднял его и понес в огород. И тут непослушное тело сыграло с ним подлую шутку. Он уже более или менее научился стоять на ногах порожняком, но стоило обременить себя дополнительным грузом, как координация тотчас же была утрачена. Не отшагав и десятка метров, Стасик упал на ровном месте, а вся добытая с таким трудом вода расплескалась по земле вокруг него.

Месяца три назад подобный инцидент неизбежно довел бы Стасика до бурной истерики. Он бы обязательно психанул, бросил бы все, забился бы в какое-нибудь укромное место и долго там плакал, всячески жалея себя и проклиная несправедливый мир. Ему и сейчас захотелось поступить аналогичным образом. С отчаянием он глядел на разлитую воду, которая стремительно впитывалась в иссушенную почву, и не мог понять, почему до сих пор не плачет. Но слезы так и не хлынули. Стасик поднялся на ноги, взял ведро и побрел обратно к колодцу.

Первый трудовой день в должности оросителя выдался непростым и довольно безрезультатным. Стасик самоотверженно трудился до заката, но сумел полить лишь четвертую часть всего огорода. Хотя он и не чувствовал усталости, но судя по тому, каким непослушным сделалось его тело под вечер, можно было судить о высокой степени изможденности. Во время ужина он восемь раз пронес ложку мимо рта и выпачкал кашей все лицо.

— Ты в порядке? — участливо спросил у него Гамал.

Стасик только чудом не высказал старику все то, что накипело в нем за день. Но в последний момент передумал, и пробурчал:

— Все отлично.

— Как твои успехи в огороде?

— Не очень, — откликнулся Стасик, не поднимая взгляда от своей тарелки.

— Ничего. Скоро втянешься. Со временем ты научишься хорошо контролировать свое тело.

— А вы не найдете для меня лекарства? — с надеждой спросил Стасик. — Вы же обещали.

— В наших условиях это едва ли возможно. Сделаю все, что смогу. Но на многое не рассчитывай.

Стасик и так ни на что не рассчитывал. Конкретно — ни на что хорошее. Он уже понял, что правильный мир за что-то его ненавидит, и смирился с этим.

После ужина Стасик сразу же направился в свои апартаменты. Гамал вручил ему персональный светящийся шар, дабы новый жилец не переломал себе кости в темных коридорах крепости. Шар, кстати, оказался никаким не магическим, как поначалу думал Стасик. Он был изготовлен из прочного стекла, а внутри наполнен каким-то газом. Газ начинал светиться, стоило встряхнуть шар.

За день обстановка комнаты заметно переменилась. Место пыльного тюфяка заняла вполне себе человеческая кровать. К ней добавился кривоногий стул. Этим перечень мебели исчерпывался. Стасик с горькой усмешкой подумал, что больше ему ничего и не нужно.

Он подтащил стул ближе к кровати, положил на него шар, а сам улегся на свое новое ложе. Оценить постель было затруднительно, с недавних пор Стасику в равной степени комфортно спалось и на мягкой перине, и на бетонном полу. И все же сам факт того, что он наконец-то вновь спит в кровати, порадовал Стасика. У него появился дом. Надолго ли? — этого он не знал. Но теперь, в его нынешнем состоянии, идти ему отсюда было некуда. Оставалось привыкать к новой жизни. Плохой, неинтересной жизни, но она была всем, что сумел предложить ему правильный мир.

С тяжелым сердцем Стасик прикрыл глаза. Его тяготило предвкушение очередных ночных ужасов. Устроенная Гамалом экскурсия в подземелье и прозвучавшие объяснения на тему природы ночных звуков несколько не успокоили Стасика. Хуже того, они лишь усугубили его страхи. Разве можно было сохранять хладнокровие, зная, что там, внизу, нечто свирепое и злобное ждет своего часа. И час этот может пробить в любой момент. Оно вырвется из своей темницы, оно поднимется на поверхность, оно без стука войдет в спальню несчастного школьника....

Стасик вцепился зубами в край старого лоскутного одеяла. Он попытался убедить себя в том, что причин для паники нет. Ведь ему уже доводилось жить в одном замке с чудовищем, а Грыжа Антрекотовна была куда страшнее любого подземного монстра.

Тут Стасик сообразил, что зря он вспомнил верховную кухарку после заката. Ужас накатил на него огромной леденящей волной. Во тьме ему померещилась массивная фигура госпожи Грыжи. Верховная кухарка пришла за беглым гуляшом. Она принесла с собой разделочный нож.

Стасик заскулил и натянул одеяло на голову. А сам подумал о том, что если нынешней ночью сосед снизу устроит очередной концерт, сердце несчастного старшеклассника рискует этого не выдержать.

Но ожидая вторую серию кошмара, он просчитался. Ни один звук не потревожил его сон. Стасик проснулся поздним утром, чувствуя себя непривычно свежим и отдохнувшим — он уже и забыл, когда в последний раз находился в подлобном состоянии.

Придя на кухню, он застал там Гамала. Старик сидел на низенькой короткой скамье и чистил репу массивным боевым ножом.

— Заспался ты, — заметил Гамал, не поднимая глаз. — Ну, хоть эту ночь провел в постели. Я уж боялся, что тебя и сегодня придется вытаскивать из какой-нибудь ямы.

— Этой ночью было тихо, — сказал Стасик. — Я ничего не слышал.

— Оно раз на раз не приходится, — пожал плечами Гамал, и бросил очищенный овощ в кастрюлю. — Иногда шумит, иногда не очень. Вообще постарайся меньше думать об этом существе. Кто знает, вдруг мысли о нем провоцируют его активность.

— Я бы рад не думать, но оно само думается, — признался Стасик. — Что на завтрак?

— Каша. Вон там, в котелке. Она уже остыла, наверное.

— Мне все равно, — заметил Стасик, и взял чистую тарелку. — Сегодня опять поливать огород?

— А как же? Огород — источник пищи. Чем еще здесь кормиться?

Стасик припомнил шайку гоблинов, которые нашли непьющий способ добычи пропитания, никак не связанный с сельским хозяйством.

— А если охотой? — спросил он.

Гамал усмехнулся.

— На кого тут охотиться? — произнес он. — Нормального зверья, считай, нет, разве что какие-нибудь мыши. А монстры сами неплохие охотники. К тому же, я не думаю, что мясо чудовищ является здоровой пищей.

Навалив в тарелку каши, Стасик сел за стол и начал чисто механически запихивать ее в свой рот. Ни вкуса ни запаха пищи он не чувствовал, и ему это совершенно не нравилось. Проглотив порцию, он помыл тарелку и сообщил Гамалу:

— Я на поливку.

— Ступай, — одобрил тот. — Но ты уж себя береги. Помни — то, что ты не чувствуешь усталости, вовсе не означает, что ее нет.

— Ладно, — пообещал Стасик, и покинул кухню.

Следующие два дня были наполнены унылым однообразием. С утра до вечера Стасик вел беспощадную битву за урожай. И эта работа явно шла ему на пользу. Он все лучше контролировал свое тело, а на третий день вполне уверенно держался на ногах и ни разу не упал. Правда, полить весь огород ему так и не удалось, но этого, кажется, от него и не требовалось.

Таская ведра с водой, Стасик старался не думать ни о чем. Стоило ему только дать волю мыслям, как в голову тут же лез сплошной негатив. Начинало казаться, что все в его жизни ужасно, да и от будущего не приходится ждать ничего хорошего. Но Стасик изо всех сил старался не поддаваться пессимизму. Ему отчаянно хотелось верить в то, что череда неприятностей, рухнувших на его голову, не продлится вечно. Должен же и на его улице наступить праздник, пускай бюджетный, без фейерверка и разноцветных шариков. Вот только откуда бы ему было взяться, этому внезапному позитиву? Чтобы изменить жизнь к лучшему в его-то положении требовалось вмешательство настоящего чуда. Но разве этот мир не был миром чудес? Со Стасиком, к примеру, одно чудо уже произошло. Грыжа Антрекотовна — ужасная верховная кухарка с людоедским прошлым и настоящим, каким-то

чудом так и не приготовила из него гуляш. А она очень к этому стремилась. Стасик как вспоминал эту невероятную женщину, так ему хотелось кричать от ужаса.

Он поразительно быстро втянулся в здешнюю рутину. Ему стало казаться, что в крепости он провел не несколько суток, а месяца четыре. Гамала он видел только по утрам, во время завтрака, и вечерами, во время ужина. Такая роскошь, как обед, в крепости отсутствовала, но Стасик не тяготился пропуском полуденной трапезы, поскольку не чувствовал голода.

Каждый вечер Гамал менял на Стасике бинты, заодно проводя тщательный осмотр его многострадального тела. На всем протяжении процедуры Стасик стоял с разведенными в стороны руками и плотно зажмуренными глазами. Он не хотел видеть себя таким. Боялся того, что мог увидеть. Ему хотелось верить, что произошедшие с ним жуткие перемены носят временный характер, и вскоре все разрешится само собой. Произойдет некое чудо, и он вновь станет нормальным человеком.

И вновь он уповал на чудо. Вот только откуда ждать этого чуда, он себе не представлял.

Четыре дня в разрушенной крепости пролетели, как один миг. Рутина сельскохозяйственной деятельности затишила Стасика с головой. После самоотверженных поливочных работ он едва находил в себе силы на то, чтобы дотащить непослушное тело до кровати. Вот и в тот вечер, славно набегавшись от колодца до огорода и обратно, Стасик отключился тотчас же, едва его голова коснулась подушки. Он рассчитывал проспать минимум до утра. Но непреодолимые обстоятельства помешали его планам.

В какой-то момент его сон прервался, и Стасик, распахнув глаза, обнаружил вокруг себя кромешную тьму. В левом углу его комнатки имелась пробоина, ведущая наружу. Днем сквозь нее проникало немного света. Но сейчас Стасик не заметил ни намека на него. Из чего заключил, что снаружи стоит глубокая ночь.

Стасик заворочался на своем ложе, пытаясь понять причину досрочного пробуждения. Он с содроганием решил, что его разбудил рев запертого в подземелье монстра. Если этот звук повторится.... Черт, вот не хотелось Стасику слышать его среди ночи, во тьме и одиночестве. Вместе с Гамалом было не так страшно, а одному ему едва ли достанет храбрости игнорировать завывания соседа снизу.

Стасик лежал во тьме и ждал, судорожно вцепившись пальцами в край одеяла. Это ожидание было сущей пыткой. Стасику уже начало хотеться, чтобы проклятый монстр скорее рывкнул. Что он там тянет, а? Нарочно издевается?

Утекло минут пятнадцать, но ни один звук так и не нарушил ночной тишины. Стасик постепенно расслабился. Похоже, монстр был невиновен в его пробуждении. Причиной мог послужить кошмарный сон. Стасику в последнее время частенько снились разные гадости. Для них имелась солидная почва — на долю Стасика выпало немало тяжких испытаний. Одно знакомство с Грыжей Антрекотовной чего стоило. Эта ходячая психологическая травма легко могла стать причиной кошмарных сновидений. Стоило вспомнить ее тихие шаги во мраке и ее жуткий голос, зовущий гуляша в волшебную страну, как ум заходил за разум от невыносимого ужаса.

Стасик решительно повернулся на бок, натянул на голову одеяло и сомкнул веки. Он сказал себе, что не поддастся страхам. Грыжа чудовищна, но черта с два он позволит ей портить ему сон. В силу отсутствия боевых или магических навыков, Стасик не мог потягаться с реальными монстрами. Но уж со своими страхами он совладать в силах. По крайней мере, ему хотелось так думать.

Он уже почти погрузился в сон повторно, когда в густой тишине древне крепости прозвучал звук, едва не лишивший Стасика рассудка. Если бы это был уже знакомый ему свирепый рев, все обошлось бы просто испугом. Однако трясущийся от страха Стасик четко расслышал в тишине горькие всхлипы какого-то несчастного существа.

Глаза вчерашнего школьника полезли на лоб. Он сжал кулаки, твердя себе, что это галлюцинация, или наваждение, или еще что-то, не имеющее отношения к реальности. Но как можно было обмануть себя, когда в его уши вливался тихий, леденяще кошмарный, плач. Притом, как показалось Стасику, источник этого плача находился где-то поблизости. То есть вот совсем рядом. Либо в коридоре, сразу за дверью его комнатки, либо внутри нее.

Отчаянно боясь рехнуться от ужаса, Стасик протянул дрожащую руку в сторону стоящего перед ложем стула, и уронил ладонь на округлую поверхность стеклянного шара.

Стасик нарочно клал шар в одно и то же место, и уже научился находить его в темноте. Он схватил его, притянул к себе и быстро встряхнул.

Яркий белый свет тотчас же залил всю комнату. Стасик быстро окинул ее взглядом, с громадным облегчением убеждаясь в том, что кроме него в ней нет ни одной живой или не до конца мертвой души.

Опасаясь худшего, а именно того, что его детские страхи обретут материальное воплощение, он свесил голову за край и не без трепета заглянул под кровать. Вплоть до седьмого класса Стасик свято верил в то, что пространство под его ложем является порталом в мир детоядных чудовищ. Вот он теперь и подумал — а вдруг его детские фобии родились не на пустом месте? Вдруг, будучи малышом, он что-то знал? Что-то страшное, что впоследствии предпочел забыть. А они, жители зловещего подкроватья, ничего не забыли. Они ждали удобного случая. Ждали той заветной ночи, когда смогут добраться до маленького вкусного Стасика. Или, что хуже, ждали, пока маленький Стасик подрастет и нагуляет мяса.

Но никто не таился под его кроватью. Там было пусто.

Стасик медленно поднялся на ноги и приблизился к двери. Приложил ухо к ее поверхности и прислушался. Снаружи было тихо. Набравшись храбрости, он взялся за ручку и отворил дверь. Затем осторожно выглянул наружу, осветив коридор светом шара. Но и там не оказалось никого постороннего. Он увидел только серые каменные стены и черный от копоти потолок.

Захлопнув дверь, Стасик вернулся к кровати и сел на нее, опустив стеклянный шар на колени. О том, чтобы вновь лечь спать не могло быть и речи. Стасик прислушался, но жуткие всхлипы смолкли. Кажется, это случилось сразу же, едва он зажег шар.

Парню стало не по себе. Он начал подозревать, что старый алхимик рассказал ему об этом месте далеко не все. Неужели помимо запертого в подzemелье монстра тут есть и другие соседи? Какие-нибудь призраки или иная жуть.

Ох, не об этом Стасик мечтал, грезя правильным миром. То есть, он не имел ничего против призраков и монстров, если бы сам он являлся грозным чародеем с полным набором убойных заклинаний. Он бы тогда показал этим монстрам. Задал бы им славную фаербольную взбучку. Но оказаться перед лицом потусторонней дряни, будучи беззащитным и беспомощным существом.... Это же просто нечестно. Что не так с этим правильным миром? Почему он такой возмутительно неправильный?

Стасик просидел на кровати минут двадцать. Страх и ожидание новых кошмаров сменились откровенной скукой. Похоже, лимит ужасов на сегодня был исчерпан. Тогда он снова лег, укрылся одеялом и положил шар на стул. Решил попытаться заснуть. В конце концов, творящаяся чертовщина еще не повод отказываться от сна.

Свечение стеклянного шара медленно угасало. Комната погружалась во тьму. И чем меньше света давал шар, тем беспокойнее становилось на душе у Стасика. Покосившись на дверь, он решил для себя, что завтра же установит на нее какой-нибудь засов, чтобы запирается на ночь. Шутки шутками, а ведь он сейчас посреди нейтральной полосы, и всяческих чудовищ здесь бродит видимо-невидимо. Нужно принять хотя бы минимальные меры предосторожности, а то вот так проснешься среди ночи, а тебя уже наполовину съели.

В недрах шара погасли последние искорки, и комната погрузилась в темноту. Стасик беспокойно заерзал на кровати. Было страшно. Тогда он начал убеждать себя в том, что опасности нет, что все это ему померещилось или приснилось, но в самый разгар процедуры

успокоительного самовнушения горькие всхлипы зазвучали вновь. Теперь отпали все сомнения — леденящие кровь звуки являлись частью суровой реальности.

Стасик скатился с кровати, схватил шар и яростно затряс его. Хлынувший во все стороны белый свет залил комнату. Оглядев ее, Стасик никого не обнаружил. Под кроватью и в этот раз оказалось пусто.

— Боже ты мой, — простонал он в отчаянии, — у меня что, галлюцинации? Может, это все из-за моего купания в той черной жиже? Вдруг я не только разлагаюсь заживо, но и заодно схожу с ума?

Эта мысль настолько ужаснула Стасика, что он лишь чудом сдержал рвущийся наружу крик. Прижав к груди стеклянный шар, Стасик стал беспокойно мерить шагами комнату. Успел накрутить километр с четвертью, прежде чем звук повторился вновь. От неожиданности Стасик выронил шар из рук, но тот оказался прочным изделием, и выдержал столкновение с каменным полом. Вновь подняв его, Стасик тихим трусливым голосом спросил:

— Кто здесь?

Спросил, и тут же прикусил себе язык. Нашел с кем болтать среди ночи. А вдруг оно возьмет, да отзовется?

Снова зазвучали всхлипы. Горькие, полные нечеловеческой печали и неземной тоски. Так мог бы плакать кто-то глубоко несчастный, в чьей жизни не осталось ни толики радости. Стасик судил по себе. Два дня назад на рабочем месте у него случился нервный срыв, и он рыдал среди грядок схожим образом — безутешно и горестно, как человек, лишившийся последней надежды на гарем тянок и вселенское могущество.

Стасик прошелся по комнате, пытаясь определить, в какой ее точке этот звук наиболее громок. Оказалось, что у входной двери. Из этого следовало, что источник всхлипов находился где-то снаружи.

Стасик уже почти обхватил пальцами ручку двери, но вовремя остановился.

— Стоп! — произнес он. — Не пойду же я искать этого ночного плакальщика. Конечно, не пойду! Я еще не выжил из ума.

На самом деле, он очень смутно представлял себе, кого именно собирается искать в зловещем мраке ночи. Людей в крепости было двое — он сам и Гамал. Но старика из списка вероятных авторов плача Стасик вычеркнул сразу. Этот черствый, склонный к грубым казарменным шуткам дед вряд ли вообще имел слезные железы. Сколько он там прожил один на нейтральной полосе? Лет десять? Старик кремень! Будь он слабонервным плаксой, давно бы протянул здесь ноги или сошел с ума.

Прижавшись спиной к каменной стене, Стасик прислушался к звучащим всхлипам. Как ни странно, но в них не было ничего угрожающего или зловещего. То есть, сам их факт ужасал, это да. Но трудно было представить, чтобы их издавал какой-то кошмарный монстр. Скорее, некое несчастное и одинокое существо. Например, некто, случайно забредший в разрушенную крепость. Одинокий путник, изгнанник, отвергнутый и Ангдэзией и темной империей. И вот теперь этот несчастный и напуганный субъект сидит и рыдает среди развалин. А как ему не рыдать? Он посреди нейтральной полосы, повсюду монстры, и нет никого, кто мог бы поддержать его в столь суровый час.

Стасик с удивлением обнаружил, что уже успел проникнуться сочувствием к этому воображаемому собрату по несчастью. Что было объяснимо — с ним ведь произошло то же самое. Он отлично представлял себе, как чувствует себя одинокий изгнанник в этом суровом

мире. Когда некуда идти, повсюду гибель, а впереди только мрак и безнадежность.

— Нет, нет, никуда я не пойду! — решительно мотнул головой Стасик. — Вот еще! Завтра расспрошу обо всем Гамала. Он наверняка в курсе. Точно ведь забыл меня о чем-то предупредить. Есть у него такая привычка.

Он вернулся к кровати и сел на нее. Посидел минут десять, затем, удивляясь самому себе, подхватил со стула шар и решительным шагом вышел в коридор.

Крепость тонула во тьме и тишине. Свет шара скользил по древним стенам, выхватывая из мрака сетки трещин и гирлянды паутин. Стасик медленно брел по коридору, часто останавливаясь и прислушиваясь. Всхлипы то возникали, то замолкали на какое-то время. Но Стасику казалось, что он движется в верном направлении. Заключение он это потому, что громкость всхлипов как будто возросла. Следовательно, он приближался к их источнику.

Несколько раз храбрость оставляла его, и Стасик почти поворачивал назад. Весь предыдущий жизненный опыт, накопленный в этом мире, настойчиво твердил, что он совершает опасную глупость. Никто добрый и хороший не мог издавать этих звуков. Добрые и хорошие не водились в этих землях. А вот монстры — да. Какой-то из них мог прямо сейчас заманивать его в ловушку, ловко имитируя человеческий плач. И стоит Стасику достичь источника звуков, как из тьмы на него бросится нечто бесформенное, состоящее из огромных зубов и острых когтей.

Минут пятнадцать он безрезультатно блуждал в лабиринте однообразных коридоров старой крепости. Дважды ноги заводили его в тупики. Стасик не сдавался. К не оставляющему его страху примешалась доля азарта. Все это начало напоминать квест. Квесты Стасик любил. Но только те из них, где в конце его не съедали заживо.

В итоге блуждания вывели его в огород. Стасик пересек его, аккуратно ступая по узкой тропинке, проложенной между рядами грядок. Сквозь проломы в крыше он видел засыпавшие небо звезды, непривычно яркие и крупные, каких ему никогда не доводилось наблюдать из окна своей городской квартиры. Стасик полной грудью вдохнул свежий ночной воздух, тихо радуясь тому, что Гамал отключил его обоняние вместе со всеми прочими чувствами. Благодаря этой мере он был избавлен от сомнительного удовольствия ощущать непередаваемую смесь зловоний, пропитавшую собой всю нейтральную полосу. Обрывки тысяч заклинаний гнили здесь, медленно распадаясь, смешиваясь и превращаясь в невообразимый бульон. Эта субстанция отравила землю и воздух. Стасик не сомневался в том, что нейтральная полоса будет стоять безжизненной еще сотни лет, даже если королевство добра и империя зла прекратят свою глупую войну прямо сейчас. Очень нескоро природа сумеет взять верх над делами рук человеческих, переварить их и снова дать начало жизни. Если это вообще когда-нибудь произойдет.

Миновав разрушенный зал, он юркнул в узкую дверь и вновь побрел однообразными коридорами. Горькие рыдания звучали здесь гораздо громче, и Стасик с беспричинной радостью понял, что почти достиг их источника. Ему захотелось отыскать в развалинах живого человека. Такого же доброго, но невинно оклеветанного, как и он сам. Стасик не отказался бы от друга. Ему было одиноко. Имелся, правда, сосед Гамал, но они почти не общались между собой, и тем более не общались так, как общаются друзья. Да и огромная разница в возрасте и жизненном опыте исключала возможность крепкой дружбы.

В свойственной ему манере Стасик тут же начал увлеченно фантазировать, и навдумывал себе много разных глупостей. Его воображение нарисовало картину, вполне типичную для обделенного девичьей лаской старшеклассника. Стасик представил себе в

дивной эротической грезе, что вот прямо сейчас, внезапно и на ровном месте, найдет в развалинах красивую девушку, такую же несчастную и всеми отвергнутую, как и он сам. И между ними тотчас же вспыхнет любовь, потому что как же иначе? Иначе и быть не может! Более того, девушка легко и просто закроет глаза на специфическую внешность Стасика, и полюбит его таким, каков он есть. Стасик был уверен в том, что его есть за что любить. И станут они жить в этой крепости долго и счастливо, и все у них будет очень хорошо.

Охваченный романтическими грезами Стасик миновал очередной коридор и вдруг остановился. Ему понадобилось какое-то время, чтобы понять, куда завели его ноги и любовные фантазии. А как только понимание наступило, несчастному пареньку резко расхотелось любви и столь же резко захотелось в туалет.

Перед ним была каменная лестница, спиралью спускающаяся во тьму. Стасик уже бывал здесь прежде. Несколько дней назад Гамал приводил его сюда на экскурсию. А заодно и для того, чтобы познакомить с соседом снизу.

Стоило Стасику понять, где именно он оказался, как парень едва не бросился бежать прочь. Дело было не в данном старику обещании никогда не спускаться в подземелье. Плевал он на это обещание. Стасика объял ужас. В отличие от своего непрошибаемого соседа, он не мог просто закрыть глаза на тот факт, что в их подвале отбывает вечный срок какая-то кошмарная тварь. Что-то живое и жутко злое, чья аура страха отпугивала от развалин более мелких и слабых монстров. За минувшие дни страх перед этим существом слегка притупился, но забыть о нем совершенно Стасик не мог. Такое разве забудешь. Это ведь все равно, что иметь в подвале атомную бомбу, которая может рвануть в любой момент.

Пока он раздумывал, с какой конкретно ноги начать свое паническое отступление, снизу вновь зазвучали горькие всхлипы. И были они настолько нестрашными, настолько человеческими, что Стасик, уже собравшийся броситься обратно в свою комнату, невольно замер на вершине лестницы. Подумал он вот о чем: а что, если кто-то пробрался снаружи в крепость, спустился вниз по лестнице и сейчас сидит перед заколдованной железной дверью? Сидит и плачет, потому что он одинок, напуган и растерян. Ведь глупо же было думать, что автором рыданий является запертый в подземелье монстр. Монстры, они не плачут. Они злобно рычат, зверски воют, гремят цепями во мраке ночном и издают прочие зловещие звуки. Лить слезы не их стиль.

Стасик понял, что для окончательного успокоения совести необходимо спуститься вниз и проверить все лично. Большой беды от этого не случится. Он лишь дойдет до конца лестницы и одним глазом заглянет в коридор. Если там кто-то есть, он сразу же его обнаружит. А если никого нет, тотчас же унесет ноги.

И вот он зашагал вниз по лестнице. Каждый следующий шаг давался ему с все большим трудом. Непослушные ноги буквально прилипали к ступеням. Светящийся шар дрожал в трясущейся руке Стасика. Сам храбрец был напряжен, как натянутая до звона струна. И если бы сейчас из темноты ему наперерез бросилась маленькая мышка, он наверняка умер бы от испуга прежде, чем успел хоть что-то понять.

Последние ступени дались особенно тяжело. Стасик шагал в вязкой тишине — всхлипы смолкли, едва он преодолел половину лестницы. Ему чудилось, что тьма сгущается вокруг, а свет шара меркнет, и вот-вот погаснет окончательно. Он ступил на последнюю ступень, поколебался немного, и сошел с нее. Затем поднял взгляд и осмотрел короткий коридор. И тотчас же понял, что зря совершил этот героический спуск. Коридор прекрасно просматривался, в нем не было ни нищ, ни иных укрытий. Стасик отлично видел, что здесь

никого нет. Ни внезапной девушки, ни даже внезапного юноши.

— Пусто, — вслух произнес Стасик.

Его голос прогремел в тишине подземелья, заставив паренька вздрогнуть.

Он нехотя взглянул на дверь. Не хотел смотреть — эта чертова плита рождала в нем чувство безотчетного отвращения. Но все же глянул. Теперь, когда он явился сюда один, без моральной поддержки Гамала, дверь показалась ему еще страшнее, чем в день экскурсии. Взгляд Стасика невольно захватили символы, украшающие ее поверхность. Он все никак не мог понять, выгравированы ли они в толще плиты, или живут какой-то своей отдельной жизнью. И чем дольше Стасик смотрел на них, тем больше склонялся к последней версии. А когда жуткие символы вдруг пришли в движение и медленно поплыли в разных направлениях, паренек заставил себя отвести от них взгляд.

Чтобы прийти в себя, Стасик оформил себе сочную пощечину. Боли не почувствовал, но процедура явно пошла на пользу. Муть, возникающая в его голове, тотчас же рассеялась. И когда он бросил на дверь еще один взгляд, все символы снова находились на своих местах и не пытались расползтись, как неугомонные тараканы.

Стасик решил, что пора бы ему уносить отсюда ноги. Он и так значительно превысил собственный лимит героизма, заявившись сюда в одиночку и среди ночи. О том, чтобы повернуться к двери спиной, не могло быть и речи. Еще чего! Стоит только выпустить из виду эту штуку, как обязательно случится что-то нехорошее. Стасик не собирался так рисковать. Он начал пятиться к лестнице, шаркая подошвами по серым плитам пола. Успешно сделал три первых шага, а затем его пятка подло зацепилась за какой-то едва заметный выступ. И этой малости оказалось достаточно, чтобы непослушное тело подвело своего хозяина в самый неподходящий момент.

Стасик с ужасом осознал, что падает. Он попытался развернуться в воздухе, чтобы грохнуться не на спину, а на выставленные перед собой руки, и в ходе выполнения этого маневра выпустил из ладони шар. Тот отлетел в сторону, с глухим звоном ударился о каменную стену, и... разбился! Осколки стекла ссыпались на пол. Вырвавшееся из шара облачко газа еще пару секунд тускло светилось повисшим в пустоте бледным призраком, а затем полностью растаяло в воздухе.

Стасик очутился в непроглядной темноте. Невообразимо долгую секунду он лежал на полу, а затем резко вскочил на ноги и побежал. Еще успел удивиться, почему до сих пор не начались ступени, ведь от лестницы его отделяли считанные метры. А затем всем телом врезался в какое-то плоское и твердое препятствие.

Боли Стасик не почувствовал, но сила удара была таковой, что его сшибло с ног и опрокинуло на пол. И только тут до него дошло, что в темноте он перепутал направление — побежал не к лестнице, а к страшной двери. И врезался в нее на всем скаку.

Задыхаясь от ужаса, Стасик широко распахнул рот, готовясь сделать то, что на его месте сделал бы каждый — заорать во все горло. Но едва он успел наполнить легкие воздухом, как вдруг услышал рядом с собой тихий женский голос. Тот не сказал, а почти прошептал, робко и неуверенно:

— Кто здесь?

Если бы огненный шар не спалил весь волосяной покров на теле Стасика, его шерсть в это миг обязательно встала бы дыбом. Ему почудилось, что незнакомка находится в метре от него. Буквально рядом. Да вот только в коридоре никого не было. По крайней мере, по эту его сторону.

Голос прозвучал вновь:

— Кто здесь? Отзовитесь. Почему вы молчите?

В этот момент Стасик стряхнул с себя сковавший его ступор. Дикий крик наполнил собой подземелье. Стасик бросился бежать, падая на ступенях и ударяясь телом об стены. Лишь чудом не покалечившись, он миновал лестницу, затем долго метался в коридорах, и, наконец, выбежал в разрушенный зал, приспособленный Гамалом под огород. Здесь было достаточно светло — звезды, сияющие в ночном небе, залили мир мертвенно-белым светом.

На середине огорода Стасик рискнул обернуться. Он ждал чего угодно. Как обычно — чего угодно худшего. К примеру — ужасающую черную фигуру, идущую за ним по пятам. Неотвратимую смерть, от которой не сбежать и не спрятаться. Ждал клыков и когтей, ждал тентаклей и прочих чудовищных атрибутов. Но позади себя он не увидел никого. Его не преследовали.

С огромным трудом Стасик отыскал в темном лабиринте коридоров свою комнату, проник в нее, подпер дверь стулом, упал на кровать и с головой накрылся старым, усыпанным заплатками, одеялом. Сердце яростно грохотало в его груди. Он никак не мог отойти от пережитого потрясения.

— Никогда больше не выйду из комнаты ночью! — шепотом поклялся он, громко лязгая зубами во тьме. — Никогда и ни за что. И засов поставлю. Обязательно. А лучше сразу два.

— Вот объясни-ка мне, мил человек, как тебе удалось расколоть свой шар? — проворчал Гамал, пристально и с величайшим подозрением, поглядывая на Стасика. — Их ведь изготавливают из очень прочного стекла. Молотом будешь бить — не разобьешь.

Стасик сидел за столом, сгорбившись над своей тарелкой, и ритмично загружал в рот кашу. После того, как он утратил способность чувствовать все, в том числе и вкус, прием пищи сделался для него малопривлекательной процедурой, которую он выполнял исключительно по необходимости.

— Сам не знаю, как это произошло, — ответил он с набитым ртом. — Наверное, все дело в том, что я очень невезучий.

— Что есть, то есть, — признал Гамал. — И чего это ты опять весь какой-то потрепанный? Только не говори, что снова таскался по крепости ночью.

— Мне приснился страшный сон, — соврал Стасик.

— И откуда у тебя, сопляка, страшные сны? — подивился старик. — Я понимаю, откуда они у человека бывалого, опытного, повидавшего за жизнь дерьма. Но ты-то совсем мальчишка.

— Я его повидал, поверьте, — мрачно произнес Стасик.

— А, не кривляйся, — презрительно бросил ему Гамал. — Ничего ты пока не повидал. Еще и знать не знаешь, какое оно бывает. У тебя еще все впереди.

— Спасибо за радужный прогноз.

— Ну, чем богат. Я человек прямолинейный, стараюсь говорить только правду. И вот я тебе со всей прямолинейностью заявляю — ждет тебя жизнь тяжелая, трагическая, безрадостная и одинокая. А иной на нейтральной полосе и быть не может. Если повезет, отмучаешься вскоре. Съедят ли тебя, или сам себе шею свернешь. А в худшем случае протянешь еще лет десять-пятнадцать. И вот за этот срок ты его и нахлебаешься. Дерьма, я имею в виду.

Стасик поднял на злобного деда полный муки взгляд, и выпалил:

— А можно не говорить об этом во время еды?

— О дерьме, что ли? Экий неженка.

— Нет. Не о нем. Можно не пророчить мне всякие ужасы? Лучше бы подбодрили, обнадежили. Сказали бы — все у тебя, дескать, будет хорошо.

— Но ведь не будет же.

— Вы этого знать не можете!

— Это прогноз, основанный на фактах и логике. Я не вижу ни одной возможности, при которой тебя ждало бы в будущем хоть что-то хорошее.

— А как же чудо? — подсказал Стасик. — Вдруг....

— Не-не, не будет никакого чуда.

— Но они же иногда происходят.

— Только не с тобой.

— Да почему? — разозлился Стасик, и швырнул ложку на стол. — Почему не со мной-то?

Гамал весело поглядел на него и с явным удовольствием произнес:

— Потому что чудо, это такая штука, которая всегда происходит с кем-то другим.

Стасик уже собрался возразить, но не нашел ни одного аргумента в свою пользу. Гамал был прав — в его случае глупо было рассчитывать на что-то хорошее. Приходилось выбирать из разных вариантов плохого.

— Ладно, не дуйся, — примирительно сказал Гамал. — Пока живешь — живи. На многое не рассчитывай, малому радуйся. И постарайся больше не разбивать шары. У меня их не так много. А попадаются они редко.

— Где попадаются? — спросил Стасик.

Еще в первую их встречу у него возникли подозрения, что старик промышляет разбоем. Гамал мало походил на головореза с большой дороги, однако запросто мог им оказаться. Возможно, светящиеся шары, как и прочие предметы, явно изготовленные либо в Англдэзии, либо в империи Краг-дан, он добыл путем циничного грабежа.

— Да не важно, — ушел от ответа старик. — Ты жуй, жуй, а то каша остынет. Она и теплая-то гадость, а холодная просто клейстер.

— Мне, как бы, без разницы, — буркнул Стасик и взял со стола ложку.

Прошлой ночью, чудом добравшись до своих апартаментов, он твердо решил поутру откровенно переговорить с Гамалом. Кажется, старик забыл известить его о том, что запертый в подвале монстр умеет говорить. И еще, что этот монстр, похоже, женского пола. Стасик намеревался поставить вопрос ребром, и потребовать полной информации по этому существу. Хватит с него шокирующих сюрпризов, и так от нервной системы осталось одно название. Пусть Гамал выкладывает все начистоту. Он должен знать все, раз собирается здесь остаться.

Но утром его намерения переменились. Вместе с ночной темнотой ушел и панический ужас перед неведомой тварью, и Стасик на трезвую голову разобрал пережитое им приключение. И пришел к довольно неожиданному выводу. А именно, что ничего опасного с ним не случилось. Никто ведь не пытался его ни съесть, ни покусать, ни навечно утащить в зловещую тьму. Монстр, сидящий за железной дверью, не проявил в его отношении никакой агрессии. Более того, он, кажется, и сам был напуган внезапным ночным визитом соседа сверху.

Прикинув, что к чему, Стасик решил ничего не рассказывать Гамалу. Старик наверняка взбеленится, когда узнает, что его юный помощник нарушил табу и спустился в подземелье один и ночью. Да еще и прикоснулся к запретной двери. Стасику не хотелось гневить алхимика. Хоть Гамал и был порядочной свиньей, он, вместе тем, оставался самым близким для Стасика человеком в этом мире.

Опустошив свою тарелку, Стасик оставил ее в сторону и спросил у старика:

— Слушайте, а вы не могли бы меня чему-нибудь научить?

— К примеру? — уточнил Гамал, разливая травяной чай по глиняным кружкам.

— Ну, чему-нибудь полезному.

— Будь добр, выражайся яснее, — предложил ему старый алхимик. — Я твоих туманных намеков не понимаю.

Стасик замялся.

— Ну, знаете, чему-нибудь такому, — забормотал он, сам с трудом представляя себе, о чем хочет попросить. — Какой-нибудь, скажем, магии. Вот, например, заклинаниям глобального разрушения....

— Я не чародей, — прервал его лепет Гамал. — В академии у нас был краткий курс прикладного волшебства, но я уже давно все забыл. Да там и учили какой-то простенькой

ерунде.

— Ну а если обращение с оружием? — попытал счастье Стасик. — Научите меня виртуозно владеть мечом. Или кинжальному бою. Или....

— Ты меня за кого принимаешь? — фыркнул старик. — За черного рыцаря в отставке?

Знавал Стасик одного черного рыцаря в отставке. Даже какое-то время брал у него уроки. Он до сих пор с содроганием вспоминал это эпическое унижение и проклинал вероломного Трокуса.

— То есть, вы совсем ничего не умеете? — разочарованно протянул Стасик.

— Не умею? — обиженно воскликнул Гамал. — Я? Да как ты смеешь, глупый мальчишка?! Магия, мечи — все это жалкая ерунда. Она и близко не сравнится с благородным искусством алхимии.

— Ну да, ну да. Вам виднее.

Так уж вышло, что Стасик, проведя в этом мире непродолжительное время, по-прежнему знал о нем очень мало. А потому продолжал судить обо всем по опыту, почерпнутому в родной реальности. Опыт же его имел специфический характер, и целиком состоял из запойного поглощения различного художественного контента на тему фэнтези. Реальные алхимики, ровно как маги и паладины, в его мире не водились. Стасик встречал этих персонажей только на станицах книг, на телевизионном экране и мониторе компьютера. В основном, конечно, на мониторе. И что-то он не мог припомнить ни одной более-менее приличной игры, в которой фигурировал бы такой самостоятельный класс, как алхимик. Воины — да. Паладины — сколько угодно. Маги — неувядающая классика. А еще всякие лучники, некроманты и прочие варвары. Но вот алхимиков среди них не встречалось. Да и было бы странно, окажись иначе. Ну чем алхимик мог удивить могучих противников? Закидать их пробирками со слабительным?

Сама-то алхимия была почти обязательным атрибутом любого уважающего себя игрового мира на тему фэнтези, но она всегда представляла как нечто побочное, что предлагалось использовать по желанию. А потому данную дисциплину Стасик никогда не воспринимал всерьез. На его взгляд алхимия была не особо нужной профессией, позволяющей наварить себе различных зелий. Но поскольку точно такие же зелья продавались у торговцев, можно было не тратить время на сбор трав и изучение рецептов. И вообще, в игре ведь главное сражения, исследование мира, выполнение заданий. А варка каких-то зелий, это дело двадцать пятое.

— Если ты желаешь познать благородное искусство алхимии, я, так и быть, могу преподать тебе несколько уроков, — заявил Гамал.

Поступившее предложение не отозвалось энтузиазмом в душе Стасика. Вот если бы старик пообещал обучить его черной магии высшего порядка, он бы очень обрадовался. А какая-то алхимия не казалась ему слишком полезным навыком. И все же, чтобы не обижать Гамала, Стасик ответил:

— Да, спасибо. Я с радостью у вас поучусь.

— Поучишься, но не сегодня, — решительно произнес Гамал. — Если ты до сих пор не можешь без приключений дойти до нужника, тебя нельзя подпускать к лаборатории на полет стрелы. Подождем, пока ты не научишься контролировать свое тело.

— Ладно, — не стал настаивать Стасик, который и сам не больно-то рвался учиться варить зелья. Вот если бы старик обучил его виртуозному владению двуручным руническим топором, тогда другое дело. Таким навыком и похвастать не стыдно. Да и в жизни он

пригодится сильнее, чем варка зелий.

Стасик одним махом влил в себя чай, поставил на стол пустую кружку, и сообщил:

— Пойду таскать воду.

— Да, ступай, — одобрил Гамал. — Только прежде помой посуду.

— Кажется, сегодня ваша очередь, — рискнул напомнить забывчивому старцу Стасик.

— Так и есть. Но у меня имеются более важные дела.

— Это какие? — спросил Стасик, заподозривший Гамала в банальном нежелании исполнять кухонную повинность.

— Завтра мне придется отлучиться, — ответил старик. — Закончились травы, которых нет поблизости.

До Стасика не сразу дошел смысл сказанных Гамалом слов. Затем он встрепенулся и выпалил:

— Отлучиться? Вы что, куда-то уйдете?

— Типа того.

— А я?

— Ты останешься здесь.

Стасику стало не по себе.

— Останусь один? — пискнул он. И тут же понял, что нет, не один. Кое-кто снизу составит ему компанию.

Гамал вопросительно взглянул на него и уточнил:

— А что-то не так?

Стасик замялся с ответом.

— Ну, просто... — забормотал он невнятно.

— Только не говори, пожалуйста, что ты боишься.

Решив не скрывать горькой правды, Стасик вывалил все, как есть.

— Боюсь, — признался он. — Вдруг, пока вас не будет, сюда нагрянут монстры.

— Не нагрянут, — усмехнулся Гамал. — Я ведь тебе уже объяснял — наш сосед успешно отпугивает от крепости всех чудовищ. Мы здесь в безопасности.

— Да, и вот насчет соседа....

— А с ним-то что? — удивился Гамал.

Стасик уже приготовился выложить все, как есть. Уже и рот открыл, и воздуха набрал. Но в последний момент что-то удержало его от акта откровенности.

— Ничего, — выдохнул он. — Просто я его тоже боюсь.

— Экий ты пугливый юноша, — засмеялся Гамал. — Тебе ничего не грозит, не переживай. Делай все, что и обычно. Полей огород, поужинай и ложись спать....

— Что? — взвизгнул Стасик, подскочив со стула. — Спать? Так вы что же, не вернетесь завтра?

— Завтра? Завтра нет, не вернусь. Путь неблизкий, за день не управлюсь. Но ты за меня не переживай. Я давно живу на нейтральной полосе, и умею за себя постоять.

Стасик, на самом деле, в основном переживал за себя. Он еще ни разу не оставался на ночь один в разрушенной крепости. Тут и так-то было жутко, но близкое присутствие Гамала немного ободряло его. Но что же с ним будет, если он окажется совсем один? Стасик верил в нерушимость закона подлости. По крайней мере, в его отношении этот закон работал безотказно. Поэтому он не сомневался в том, что стоит ему остаться в одиночестве, как обязательно случится что-то плохое.

— А если сюда, пока вас не будет, залезет отряд героев? — предположил он. — Они ведь часто бывают на нейтральной полосе.

— В эти развалины они не суются, — отмахнулся Гамал.

— Почему? Людей, особенно героев, не остановишь одной лишь аурой страха.

Гамал пожал плечами.

— Не знаю, по каким причинам герои сторонятся этих развалин, — признался он, — но, полагаю, такие причины у них есть. Эта крепость прежде принадлежала Ангдэзии, и, я думаю, там до сих пор не забыли о ней. Точнее говоря, о том, что сидит в здешнем подземелье. Скорее всего, начальство просто запрещает героям приближаться к крепости, чтобы те случайно не пробудили здешнее лихо. Лично я за десять лет не видел здесь ни одного из них. И ты не увидишь.

— Ну а вдруг....

— Хватит уже! — проворчал Гамал. — Не будь ребенком. Одну ночь ты здесь переживешь. Просто не делай глупостей, и все будет хорошо.

Он пристально посмотрел на Стасика, и строго спросил:

— Ты ведь помнишь мой наказ никогда не спускаться в подземелье и не подходить к той двери? Помнишь, да?

— Помню, — ответил Стасик. — Забудешь такое.

— Помни хорошенько.

— А вы меня с собой не возьмете? — предпринял последнюю отчаянную попытку Стасик.

— Нет.

— Почему же? Я бы вам помог. Сумку бы нес.

— По ряду объективных причин. Во-первых, кто-то должен поливать огород, а это твоя священная обязанность. Во-вторых, я еще не уверен, что ты полностью контролируешь свое тело, а там, снаружи, от этого может зависеть жизнь. Ну и в-третьих, тебе пора приучаться к самостоятельности. Считай это своим испытанием.

— Оно слишком суровое, — недовольно заметил Стасик.

— Справишься. Ты уже большой мальчик. Сколько тебе? Тринадцать?

— Шестнадцать! — обиженно проворчал Стасик. — Мне шестнадцать. А скоро вообще семнадцать исполнится.

Тут он вспомнил о том, что давно сбился со счета дней, и рискует пропустить свой день рождения. Хотя большой трагедии из-за этого не случится. Вряд ли кто-то в этом мире пожалует к нему на торжество с поздравлениями и подарками.

— Почти семнадцать? — воскликнул Гамал. — Да ты взрослый мужик! И боишься остаться на ночь один?

— Все, все, закрыли тему! — сердито сопя, бросил Стасик. — Останусь я, останусь. Только не надо читать мне мужицких лекций.

Стасик ждал, что в эту ночь запертый в подземелье монстр вновь удивит его, придумав что-нибудь новенькое. Он уже слышал злобное рычание, слышал жалкие рыдания. Что следующее на очереди? Стасик даже знать этого не хотел. С тяжелым сердцем лег он в кровать, положив на стул новый, выданный Гамалом, шар. Закрыв глаза, почти не сомневаясь в том, что среди ночи будет разбужен очередным кошмарным звуком.

И просчитался.

Никто не потревожил его сон. Стасик сладко проспал до самого утра.

Пока он завтракал, Гамал собирался в дорогу. По ходу дела старик успел выдать ему сотню разных инструкций, суть которых сводилась к одному простому правилу — делай то же, что и всегда, и все будет хорошо.

— Да понял я, понял, — ворчал Стасик с набитым ртом. — Хватит гонять все по кругу.

— Все вы на словах понятливые, — заметил Гамал. — Так, ты помнишь о подземелье? Не ходи туда!

— Боже мой! — взвыл Стасик. — Да хватит уже!

Все это напомнило ему инструкции, которые выдавались родителями всякий раз, как те собирались покинуть сына на срок более суток. Они объясняли все так подробно, в таких деталях, словно имели дело с несмышленным младенцем. Стасик презрительно пропускал их речи мимо ушей — он уже взрослый, во всем разберется. А после вынужден был унижительно звонить предкам и задавать кучу спасительных вопросов, без которых он не мог ни сготовить еду, ни отыскать чистые носки.

— Ладно, ладно, — произнес Гамал. — Будем считать, что ты все понял.

Стасику тоже хотелось в это верить. Потому что в этот раз позвонить и что-то уточнить ему не удастся.

Сквозь пролом в стене Стасик наблюдал за тем, как Гамал удаляется от крепости. Его фигура становилась все меньше, пока полностью не растворилась в серости окрестного пейзажа. Стасик прислушался к воцарившейся тишине и зябко поежился. А ведь еще только день. Что же будет ночью?

Денек выдался пасмурным. Клубящиеся облака медленно, но верно, сбивались в плотную темную тучу. Стасик понадеялся, что хлынет дождь, и избавит его от необходимости таскать воду в огород, но чаяния его не сбылись. Туча-то собралась, но ни одной капли влаги с нее так и не упало. Постояв на месте и подождав чуда, Стасик ругнулся, и неторопливо побрел к колодцу.

День, проведенный в одиночестве, прошел буднично: до самого вечера Стасик добросовестно исполнял обязанности водоноса. Тучи над его головой сгущались все больше, и в тот момент, когда он уже закончил работу, оросив большую часть посаженных Гамалом культур, издали докатился рокот грома, а вслед за ним на землю упали первые капли дождя.

— Ну, спасибо! — сквозь зубы процедил Стасик, с ненавистью глядя в темнеющее вечернее небо. — Очень вовремя.

Он разогрел на печи остатки каши и поужинал. Снаружи быстро темнело. Поднялся ветер, в чьем протяжном завывании Стасику почудился зловещий голос подбирающихся к развалинам чудовищ. Дождь припустил сильнее. А когда тьма за окном на мгновение озарилась вспышкой молнии, Стасик невольно вздрогнул. Он подумал о том, что старику, бывшему сейчас на открытой местности, придется несладко в эту ночь. Но судьба Гамала волновала его не так сильно, как своя собственная. Страшась непогоды, и видя в ней предзнаменование чего-то зловещего, Стасик отправился в свою комнату, которую не планировал покидать до самого рассвета.

Лежа в кровати и прислушиваясь к приглушенному каменными стенами шуму ливня, Стасик честно пытался думать о чем-нибудь другом, но его мысли упорно, всякий раз, возвращались к таинственному соседу снизу. Что оно такое, это загадочное существо, запертое в подземелье в незапамятные времена? Гамал упоминал о том, что в далеком прошлом эта крепость принадлежала Ангдэзии. То есть, герои добра и света, защитники справедливости и непорочности, упекли кого-то в подвал, а после выбросили ключ. Ну, какие они добрые, эти герои добра, Стасик уже успел узнать на собственной шкуре. Раз уж эти герои не разглядели в Кольке садиста и подонка, то либо они отличались феноменальной близорукостью, либо не были так уж добры. А о том, как жестоко и несправедливо они обошлись с ним самим, Стасик предпочитал не вспоминать — стоило освежить в памяти свою бытность свинопасом, и душа рвалась на части от горя. Его, потенциального великого мага и латентного героя, безжалостно обрекли на крестьянскую участь. А Кольку, негодяя и мучителя, возвысили до звания паладина. И все же, даже такие скверные типы, как воины добра, едва ли стали бы запирают кого-то просто так, без веской на то причины. Наверняка внизу, за железной дверью, томился в неволе ужасный монстр, и лучше вообще не думать о нем, и уж тем более, никогда впредь не спускаться в подземелье.

Но хоть здравый смысл и призывал Стасика к этому, он никак не мог забыть слова, прозвучавшие там, во тьме, у самой двери. Монстр говорил человеческим голосом. А что, если....

Стасик перевернулся на другой бок, и строго запретил себе даже думать о подобных глупостях. Разве мало шишек он уже набил в этом мире? Не хватало еще поддаться глупому любопытству, и навлечь на себя очередную порцию бед и несчастий.

— А если не подходить к двери? — пробормотал он. — Если попробовать заговорить с этим существом издали? Наверное, это безопасно. Более или менее.

И тут же он стал убеждать сам себя, что данная затея ужасна, и ее нужно немедленно выбросить из головы.

— Гамал же приказал никогда не спускаться в подземелье, — припомнил Стасик. — Он ведь не зря это сказал. Значит, там опасно. Лучше этого и не делать.

Но любопытство оказалось сильнее чувства самосохранения. Стасик понял, что он просто не сможет уснуть, пока не проверит все сам. Грядущее дело не казалось ему сложным или рискованным. Он просто спустится вниз, и, не приближаясь к двери, попробует заговорить с тамошним обитателем. Если тот не отзовется, можно будет с чистой совестью махнуть на все рукой и забыть обо всем.

А вот как ему быть, если монстр все же отзовется, этого Стасик себе не представлял.

Вооружившись светящимся шаром, он побрел темными коридорами разрушенной крепости. Миновал огород, обильно поливаемый набравшим силу дождем, и отметил про себя, что завтра ему точно не придется таскать воду. Затем опять потянулись коридоры, древние и мрачные, погруженные в непроницаемую тишину, и вот он вновь оказался перед спуском в подземелье.

Достигнув вершины лестницы, Стасик замешкался. Самое время было одуматься и повернуть назад. Но им овладела какая-то отчаянная решимость, прежде не свойственная робкому школьнику. И вместо того, чтобы отправиться в свою комнату, он зашагал вниз по ступеням.

— Он мне все равно не сможет навредить, — шепотом убеждал себя Стасик. — Он ведь заперт. А дверь крепка, как и прежде.

Но чем глубже он спускался, тем слабее становилась его решимость. А когда впереди замаячил конец лестницы, Стасик был близок к тому, чтобы изменить свои планы и трусливо сделать ноги. Остановившись, он с минуту мешкал, но затем все же заставил свое тело двигаться вперед. Последние ступени проплыли под ним, и он вступил в короткий коридор.

Испускаемый шаром свет упал на поверхность железной двери. Та показалась Стасику еще страшнее, чем в прошлый раз. Таинственные символы ярко выделялись на ее темной поверхности. И стоило надолго задержать на них взгляд, как эти закорючки начинали дрожать, а затем приходили в движение. Одновременно с чем на Стасика наваливалась неприятная слабость, словно нечто извне пыталось подчинить его своей воли. Поэтому на дверь лишний раз он старался не смотреть.

Держась у самой лестницы, откуда наиболее удобно было начать осуществление тактического маневра под кодовым названием «паническое бегство», Стасик негромко позвал:

— Эй, ты?

Его дрогнувший голос глухо канул в тягучую тишину древних стен, и полностью растворился в ней. Ответа не последовало.

— Привет? — вновь позвал Стасик, в этот раз чуть громче прежнего.

И вновь ничего.

Но ведь не показалось же ему в прошлый раз. Он точно слышал здесь чей-то голос. Почему же сейчас ему никто не отвечает?

Стасик, впрочем, догадывался, почему. По всей видимости, он находился слишком далеко от двери. Чтобы быть услышанным, требовалось подойти чуть ближе. Требоваться-то требовалось, но что-то Стасику не очень-то хотелось этого делать.

Не сходя с места, он вытянул вперед шею, и задал глупый вопрос:

— Ты там?

Тишина в ответ.

Стасик оказался перед дилеммой: бросить всю эту затею и вернуться в свою кровать,

или рискнуть приблизиться к двери на пару шагов. Пара шагов, это ведь пустяк. Она погоды не сделает. Если, конечно, речь не идет о прогулке по минному полю. Или по древнему сооружению, окутанному проклятиями и темными древними чарами. Потому что в таких интересных местах и одного шага может быть достаточно, чтобы он оказался последним событием в биографии.

Первый шаг дался относительно легко, а вот второй потребовал от Стасика всех его сил и всей храбрости. Ноги буквально приросли к полу и отказывались повиноваться. Страх удерживал их на месте лучше любого клея. И все же Стасик превозмог свой трусоватый организм. Два крошечных шага были сделаны. Он приблизился к двери сантиметров на семьдесят, а чувствовал себя так, будто только что одолел хворостиной двух драконов, подбил из рогатки три немецких танка, и спас из пожара пятьдесят человек.

— Доброй ночи, — произнес Стасик, уже не зная, что ему говорить. Он с трудом находил общий язык даже с обычными людьми, поскольку не имел реальных живых друзей и богатого опыта общения с ними. А сейчас ему предстояло наладить контакт с каким-то неведомым существом, которое может быть настолько же далеко от человека, как он, Стасик, был далек от таракана.

— Я здесь был позавчерашней ночью, — напомнил он. — И ты тогда что-то говорила.

Стасику не был наверняка известен пол томящегося в застенках существа. Он не был уверен даже в том, есть ли у него вообще какой-то пол. Но он мог поклясться в том, что в прошлый раз точно слышал возле двери женский голос, и решил ориентироваться на эту информацию. Больше, потому что, было не на что.

Ответа вновь не последовало. Подземелье тонуло в вязкой древней тишине. Единственным источником звуков в этом месте был сам Стасик.

— Если не хочешь разговаривать, то я тогда пойду, — пригрозил он. — Уже поздно. Мне спать пора.

А сам с содроганием подумал — нужно подойти ближе. До двери слишком далеко.

Нужно-то нужно, но храбрости на этот подвиг у Стасика уже не осталось.

В нерешительности он топтался на месте. Уйти сейчас, значило не добиться ничего. Но подходить ближе было слишком страшно. Стасик, чуть поразмыслив, решился на еще один шаг в сторону двери. Всего один небольшой шаг. И ни шагом больше. Если и это не поможет, он просто покинет подземелье, и никогда больше сюда не вернется.

Он осторожно шагнул вперед.

Дверь, огромная и страшная, резко надвинулась на него своим темным зловещим монолитом. Жуткие символы на ее поверхности вновь пришли в движение. Стасик моргнул, но в этот раз наваждение никуда не исчезло. Звезды, кресты, совершенно непонятные, не виданные им прежде, фигуры медленно плыли по поверхности металла.

Внезапно свет шара в его руке начал тускнеть, отступая от двери и стен. У Стасика от страха перехватило дыхание. Интуиция и кишечный спазм однозначно сигнализировали о том, что на него надвигается нечто. А еще невольно подумалось, что за недолгое время, проведенное в правильном мире, он успел превратиться в удивительно безрассудного храбреца. Препятствие Стасик уже давно бежал бы отсюда без оглядки, оглашая руины своим паническим воплем. Точнее, прежний Стасик ни за что не пришел бы сюда. Особенно в одиночку. Особенно ночью. Да и днем, в принципе, тоже.

Но и теперешний Стасик не блистал великой храбростью. Он невольно заскулил от ужаса, больше всего на свете боясь выронить единственный источник света из своих

непослушных трясущихся рук. Пусть шары и были сделаны из особо прочного стекла, но именно в этом месте они почему-то раскалывались с поразительной легкостью.

Свет сжимался вокруг него, сужая круг, за границами которого стеной вставала жуткая тьма. Стасик уже с трудом мог разглядеть дверь, но все же заметил, что ее поверхность изменилась. По ней пробежали волны, магические символы суетливо смешивались и разлетались.

Нужно было уходить. Нет, бежать. И чем скорее, тем лучше.

Стасик уже приготовился взять низкий старт, как вдруг в тишине, которую до этого нарушал только грохот его смертельно перепуганного сердца, прозвучал тихий женский голос. Стасику уже доводилось слышать его во время своего прошлого визита.

— Кто здесь? — донеслось из-за двери.

Голос словно бы долетал издалека. Такой эффект, вероятно, создавала непомерная толщина металлической плиты. Та глушила звуки, отчего казалось, что собеседница находится от него на порядочном расстоянии.

— Здесь кто-то есть? — спросила она. — Пожалуйста, отзовитесь.

Несмотря на то, что долгожданный контакт с обитателем подzemелья наконец-то был установлен, Стасик не испытал по этому поводу бурной радости. Испытал он иное чувство, зато такое бурное, что едва не грохнулся на пол без чувств. Он попытался взять себя в руки, но не вышло. Ужас, охвативший его, был слишком силен.

— Где вы? — позвала из-за двери незнакомка. — Мне кажется, что вы где-то рядом. Почему вы молчите?

Ее тихий голос был каким-то печальным. В нем не чувствовалось ни ужасающей мощи, ни затаенной угрозы. И от этого, почему-то, было еще страшнее. Если бы монстр заговорил со Стасиком басовитым демоническим гласом, перемежая слова инфернальным хохотом клишированного злодея, он, наверное, напугал бы его куда меньше.

Стасик попытался отдышаться и нормализовать скорость сердцебиения. И убедить себя в том, что он находится вне досягаемости чудовища. Дверь ведь стоит на прежнем месте, а сквозь нее обитатель подzemелья пройти не сможет, иначе он давно бы уже сделал это.

— Наверное, мне показалось, — с грустью произнесла незнакомка. — Такое уже бывало прежде. Я чувствовала чье-то присутствие, но никто никогда не отвечал мне.

Стасик ясно осознал, что сейчас существо уйдет от двери в глубины своей подземной обители, и он упустит шанс наладить с ним контакт. Возможно — упустит навсегда. Прилагая титанические усилия, Стасик чуть ли не руками извлек язык из того места, куда он привычно втянулся под напором ужаса, и нервным срывающимся голосом выпалил:

— Я здесь!

В тот же миг тьма резким рывком надвинулась на него со всех сторон. Круг света сжался вокруг Стасика, а стеклянный шар в его трясущихся руках почти полностью погас. Скуля от ужаса, юноша крепко пожалел о том, что опрометчиво подал голос.

— Я это слышала! — с нескрываемой радостью воскликнула незнакомка, и эхо ее голоса волной прокатилось по окутанному тьмой коридору. — Я так и знала, что там кто-то есть. Ты ведь тоже меня слышишь?

Разлепив трясущиеся губы, Стасик с трудом вытолкнул из себя:

— Слышу.

— Вот это да!

В голосе собеседницы прозвучали нотки неподдельного восторга.

— Это так удивительно и необычно, — продолжила она. — Мне и прежде доводилось ощущать чье-то присутствие, но никто еще не заговаривал со мной. Ответь, где ты?

Стасик растерялся. Прозвучавший вопрос поставил его в тупик.

— Я здесь, — ответил он первое, что пришло в голову.

— Здесь, это где?

Тьма прильнула к нему вплотную. Шар в ладонях Стасика едва светился. Юноша уже не видел ни жуткой двери, ни каменных стен древнего подземелья. Все вокруг него поглотил непроглядный плотный мрак.

— Я здесь, снаружи, — пропищал он чуть слышно, из последних сил стараясь не поддаться панике.

— Снаружи? — удивилась незнакомка. — Что ты имеешь в виду? Как это понимать?

И вновь Стасик растерялся. На его взгляд, все было предельно ясно: монстр сидел в темнице, а он находился вне ее. То есть — снаружи. Разве это было не очевидно?

— Ну, я здесь, за дверью, — попытался объяснить он.

— За дверью?

В голосе собеседницы вновь прозвучало удивление. Она явно не понимала, о чем он говорит.

— Да, за дверью, — подтвердил Стасик. — У входа в подземелье.

— Во что?

Стасик вконец растерялся, не в силах найти разумное объяснение странному поведению собеседницы. То ли монстр издевался над ним, и говорил все это нарочно, то ли он действительно не понимал, где находится. Стасик уже почти собрался объяснить все прямым текстом, но в последний момент передумал. Вместо этого он спросил:

— Можешь описать то место, в котором ты сейчас находишься?

— Описать? — озадаченно произнесла незнакомка. — Ну.... Я даже не знаю, как это сделать. Тут все как обычно.

— А обычно, это как?

— Тут темно, холодно, везде камень и еще какие-то предметы. Я не знаю, что они такое. А у тебя там по-другому?

— Немного, — медленно произнес Стасик.

Тут его посетила одна жуткая мысль, и он осторожно задал следующий вопрос:

— Послушай, а ты вообще знаешь, где находишься?

Ответ не особо его удивил.

— Здесь, — произнесла незнакомка. — Где же еще?

— А как называется это место?

— Как называется? Не знаю, как оно называется. А оно должно как-то называться?

Чтобы окончательно подтвердить свою догадку, Стасик спросил:

— Скажи, а как тебя зовут?

После секундной паузы незнакомка удивленно ответила:

— Что такое — зовут? Я не понимаю.

— Ну, каково твое имя? У тебя же есть имя?

— Кто?

Стасику стало не по себе. Если монстр не дурачил его нарочно, чего тоже не следовало исключать полностью, то получалось, что он попросту не понимал, где находится. Возможно, он даже не осознавал того факта, что является узником. И отсутствие имени, в

подобном случае, объяснялось довольно просто: имя ни к чему, если ты один во всей вселенной.

Стасик постарался припомнить все то, что Гамал рассказывал ему об этой крепости. Та уже сотни лет лежала в руинах, всеми покинутая и забытая. Существо, запертое в ее подземелье, могло за столь долгий срок утратить все свои воспоминания. Или же лишиться разума. Или оно с самого начала ничего не знало ни о себе, ни о мире за пределами его темницы.

— Скажи, откуда ты родом? — спросил Стасик.

— Откуда? Что это значит?

— Ну, ты ведь где-то родилась. Где-то жила до того, как попала сюда.

— Что? О чем ты говоришь?

К удивлению Стасика в тоне собеседницы послышались нотки тревоги. Кажется, прозвучавшие вопросы несколько напугали ее.

— Ну, ты ведь откуда-то и где-то появилась, — попытался объяснить Стасик. — Никто ведь не существует всегда. Мы появляемся и исчезаем. Как долго ты уже там сидишь?

— Долго?

— Да. Тебе известно, что такое время?

Тьма, обступившая Стасика, начала зловеще колебаться. Голос собеседницы прозвучал нервно и испуганно:

— Я ничего не понимаю из того, что ты говоришь. Меня это тревожит. Больше не хочу с тобой разговаривать!

Не успел Стасик опомниться, как тьма резко отхлынула в стороны, и шар в его ладонях засветился с прежней яркостью. Взглянув на дверь, Стасик обнаружил недвижимую металлическую плиту. Магические знаки больше не ползали по ней, как крупные наглые жуки, а сидели каждый на своем месте.

— Эй? — позвал Стасик. — Ты еще здесь?

Ответа не последовало.

Стасик уже занес ногу, чтобы сделать следующий шаг к двери, но вовремя одумался. Постоял немного в ожидании, надеясь на то, что незнакомка вновь заговорит с ним. Однако этого не случилось. Судя по всему, она ушла от двери куда-то вглубь своего подземелья. Стасик тоже не стал задерживаться в коридоре. Пятясь спиной, он добрался до лестницы, и быстро взбежал вверх по ступеням. Планируя перекинуться словечками с нижним соседом, он рассчитывал на что угодно, но только не на то, что в итоге получил. Из состоявшейся беседы стало ясно, что обитатель подземелья не понимает, где находится, не знает, кто он, а еще ему не чуждо такое сугубо человеческое чувство, как страх.

— Очень странно, — пробормотал Стасик, остановившись на вершине каменной лестницы. — Кого же паладины заперли в этом подвале? И зачем?

И хотя в нем еще сохранялся немалый страх перед неведомым чудовищем, томящимся в вечном подземном мраке, Стасику захотелось поговорить с ним еще раз. Вот только согласится ли загадочный узник продолжить общение?

С рассветом дождь закончился, тучи стремительно рассеялись, и сквозь их рваную пелену проглянули солнечные лучи. Выйдя в огород, Стасик с радостью выяснил, что как минимум на два следующих дня он избавлен от служебных обязанностей. Все грядки стояли в воде, почва обильно насытилась влагой.

Разогрев остатки позавчерашней каши Стасик сел завтракать. Он пытался придумать себе занятие на свободные дни, но быстро выяснил, что список возможных развлечений удручающе мал. Сейчас он с огромным удовольствием погрузился бы в видеоигру или хотя бы посмотрел какой-нибудь интересный фильм. Но об этих прелестях покинутого неправильного мира оставалось только мечтать. Все, что мог предложить ему мир меча и магии, это либо скучное лежание на кровати, либо скучная прогулка по развалинам. Прогулка выглядела чуть менее уныло, Стасик даже подумал о том, что, возможно, сумеет найти в разрушенной крепости что-нибудь ценное или интересное. Хорошо бы обзавестись забытым паладинами магическим мечом, а еще лучше — крутым чародейским посохом. Но самой ценной находкой стал бы самоучитель по волшебству для безнадежных и бездарных чайников. Стасику ужасно хотелось освоить хоть какую-то магию, пусть и самую простенькую. Какую-нибудь сущую мелочь. Неужели он не способен даже на это?

Но был и еще один вариант времяпровождения. После вчерашнего разговора Стасика как магнитом тянуло в подземелье. Успешно налаженный контакт с нижним соседом воодушевил его. Стасик мечтал подружиться с этим таинственным существом, которое, к тому же, оказалось девочкой. У него никогда не было настоящих друзей, а уж настоящей подруги и подавно. Стасик готов был сблизиться с кем и с чем угодно, при условии, конечно, что новый друг не попытается отужинать им заживо.

Замечтавшийся Стасик неторопливо погружал в себя холодную кашу и строил планы на грядущий день, как вдруг сквозь окно-бойницу в кухню ворвался подозрительно знакомый голос.

— Эй, старик! — кричал кто-то снаружи. — Старик? Ты еще живой? Ты там где? Спишь, да?

От неожиданности Стасик пронес ложку мимо рта и размазал кашу по стягивающим лицо бинтам. Голос определенно не принадлежал Гамалу, и, тем не менее, Стасик был уверен, что уже слышал его прежде.

Взобравшись на стол, Стасик ухватился руками за край окна, привстал на цыпочки и выглянул наружу. Но с этой позиции он сумел разглядеть только часть разрушенной стены.

— Старик! — вновь прозвучал голос. — Старик, хватит спать! Иди сюда. Мы тебе кое-что принесли.

Угрозы в словах неизвестного не звучало, но Стасику все равно было страшновато выходить наружу. В конце концов, он ведь на нейтральной полосе, а в этих краях добрые люди в дефиците.

Проклиная Гамала, которого так некстати понесло за травами, Стасик стал пробираться наружу темными коридорами. Вот впереди замаячил пролом в стене, сквозь который внутрь просачивался солнечный свет. Не дойдя до него метров двух, Стасик попытался разглядеть незваных визитеров. В пределах крепостного периметра их не оказалось. А увидеть, что делается снаружи, мешали обломки стен. Требовалось подойти ближе.

Собравшись с духом, Стасик выбрался из пролома и, низко пригибаясь, словно боясь попасть под обстрел, потрусил к крепостной стене. Он достиг ее уже на четвереньках, после чего осторожно поднял голову.

Метрах в пятидесяти от крепости, на голом пространстве равнины, стояли два невысоких коренастых существа. Одно было чуть повыше, с широкими плечами и длинными, ниже колен, руками. Второе, ниже ростом, отличалось упитанной фактурой. Рядом с парочкой на земле лежали два больших серых мешка с неизвестным содержимым.

Стасику потребовалось не слишком много времени, чтобы узнать гостей. То были его старые знакомые, бывшие коллеги по разбойничьему ремеслу, Зархад и Грыбан. В их шайке он начал свою стремительно завершившуюся карьеру зазывалы. И хоть все дело кончилось скверно, гоблины не сделали ему ничего плохого. Стасик решил, что они едва ли могут представлять для него угрозу. Да и потом, судя по всему, гоблины были хорошо знакомы с Гамалом, и пришли к нему с каким-то делом.

— Старик, ты пойми, мы тут вечно торчать не будем! — пригрозил Зархад. — Мы найдем, кому добро сбыть. А добро славное! Потом жалеть будешь, что не тебе досталось. Локти будешь кусать. Слышишь?

Стасик поднялся во весь рост и взобрался на обломок стены. Заметив его, гоблины встрепонулись и тут же схватились за оружие.

— Ты кто? — закричал Зархад, воинственно потрясая мечом. — Куда старика дел?

— Это же я, — ответил Стасик, бесстрашно подходя к старым знакомым. — Вы что, не узнаете меня?

— Не знаем мы тебя, кто бы ты ни был! — отрезал Зархад. — Что ты такое?

Тут Стасик сообразил, что в его нынешнем виде его не признала бы и родная мать. Все его тело покрывали самодельные бинты, пропитанные лечебным зельем, а о том, что делается под бинтами, он вообще предпочитал не думать. Очень хотелось верить, что Гамал все же сумеет исцелить его, если не полностью, то хотя бы частично. Но особых иллюзий на этот счет Стасик не питал.

— Где старик? — потребовал ответа Зархад. — Почему он не вышел?

— Его сейчас нет, — ответил Стасик. — Он отлучился.

— Отлучился, значит. А ты что такое?

— Да это же я, — в отчаянии прокричал Стасик. — Стас. Помните? Зазывала.

Гоблины обменялись удивленными взглядами.

— Человек Стас? — с сомнением уточнил Зархад.

— Да!

Кажется, гоблины еще сомневались.

— Разве ты не погиб там, вместе со всеми? — спросил Зархад.

— Я все понял! — вдруг суетливо забормотал Грыбан, с видом адепта теории заговора, которому наконец-то удалось увязать воедино фазы луны, движение облаков и курс национальной валюты. — Он нежить! Старик нашел тело человека Стаса, и воскресил его при помощи своих колдовских снадобий. Я всегда, всегда знал, что это старый нечестивец вершит черные дела.

— Да живой я! — воскликнул Стасик. — Просто был сильно ранен. Гамал нашел меня и спас.

— Нет, я ему не верю! — категорически заявил Грыбан. — Нельзя его подпускать. Нежить одержима жаждой плоти.

— Тихо! — шикнул на него Зархад.

Он подошел ближе, продолжая держать обнаженный меч перед собой. Стасик замер на месте, и ждал. Ему было страшно.

Зархад остановился от него в пяти шагах, и какое-то время буравил Стасика пристальным взглядом. Тому стало не по себе. Он понимал — если гоблины вобьют себе в головы, что он нежить, они легко могут пустить в ход оружие.

Вдруг Зархад шумно выдохнул и быстро убрал меч в ножны.

— Человек Стас! — воскликнул он. — Вот так дела! Выжил, значит!

Стасик робко улыбнулся.

— Ты меня больше нежитью не считаешь? — спросил он.

— Уж я живого от мертвого отличить сумею, — с гордостью за себя заявил Зархад. — Я на нежить в могильнике насмотрелся, и в других местах. Разная она бывает, но есть у нее общая черта: особенный, ни с чем несравнимый взгляд. Такого взгляда не бывает у живых. Взгляд, будто на тебя через эти глаза смотрит что-то жуткое, запредельное, что-то извне, не из этого мира. А у тебя взгляд такой же, как и прежде.

Стоило Зархаду озвучить свой вывод, как Грыбан тут же успокоился. Он тоже подошел к Стасику. Зархад в это время уже тискал его в объятиях, притом с такой неподдельной страстью, будто они были родными братьями, много лет проведенными в вынужденной разлуке.

Через минуту все они уже сидели на земле и увлеченно беседовали. Стасик поведал о том, что приключилось с ним после неудачного нападения на отряд героев, гоблины рассказали о своих мытарствах. Теперь, когда большая часть их банды полегла, совершать нападения на беспечных новичков стало намного сложнее. Однако вчера им неожиданно улыбнулась удача. На могильник нагрянула группа искателей приключений, сильно переоценивших себя и свои скромные силы. Похоже, кто-то наплел этим начинающим героям, что истребление нежити есть занятие легкое и безопасное, во что они тотчас же охотно поверили. И совершенно напрасно, поскольку нежить хоть и отличалась такими характерными чертами, как медлительность и тупость, но легкомысленного отношения к себе не прощала никому. Не простила и этим новичкам.

— Зашли голубчики на могильник, — увлеченно вещал Зархад, помогая себе яростной жестикуляцией зеленых лап, — а мы со свояком неподалеку залегли. Ни на что не рассчитывали — куда нам двоим на семерых бросаться? Но все же верили, что боги от нас не отвернуться. Ведь мы так истово им молились! Я уже давно подметил любопытную закономерность — чем дольше голодаешь, тем истовее молишься. А мы были очень голодны к тому времени, человек Стас. Я даже на свояка начал поглядывать с некоторым этаким интересом, и разные кулинарные планы на его счет лелеять. А кто бы на моем месте устоял? Полюбуйся на него: жирный, сочный, так и просится на вертел!

— Ты вот прекращай это! — проворчал Грыбан, с опаской поглядывая на компаньона. — Гоблин гоблина не ест... без крайней нужды.

— Она, родимая, и подступила, нужда-то крайняя, — продолжил Зархад. — И только я, значит, приготовился поживиться филейной частью свояка, как вдруг слышим, на могильнике крики, вопли, суматоха какая-то. Пока мы думали, что там к чему и зачем, из ворот выбегают двое, все окровавленные и заплаканные. Третьего на себе тащат, он сам идти не мог. А прочие вовсе не выскочили. Решили там задержаться. Навечно.

Два перепуганных до икоты новичка с подранком на руках оказались легкой добычей.

Гоблины настигли их и перебили, не встретив никакого сопротивления. Юнцы были до того потрясены только что состоявшейся встречей с нежитью, что почти ничего не соображали.

— Понятно, — сказал Стасик, который при всем желании не мог осуждать гоблинов за их кровавое ремесло — он ведь и сам успел запятнать себя преступными деяниями. — А что вы делаете здесь?

— Пришли к Гамалу, — ответил Зархад. — Принесли добро на обмен.

Выяснилось, что гоблины давно и хорошо знали старого алхимика, и частенько сбывали ему свои трофеи в обмен на различные зелья. Именно этим путем старик и получал те предметы, которые не мог изготовить сам — одежду, стальные орудия и светящиеся шары.

— Привереда он и скупердяй великий, — емко охарактеризовал Гамала Грыбан, и сплюнул через плечо. — Каждую вещь переберет, каждую осмотрит, ко всему придерется. Абы что купит, а от дельного нос воротит.

— Вот оно что, — протянул Стасик. — Ну, Гамала-то сейчас нет. Он, вроде бы, сегодня должен вернуться, правда, я не знаю, когда именно. Может, вы его внутри подождете? У меня там чай травяной есть.

Однако на поступившее предложение гоблины отреагировали странно. Стасик мог поклясться, что в их глазах промелькнул ужас, и оба они, как по команде, зябко поежились.

— Не прими в обиду, человек Стас, — медленно произнес Зархад, — но от чая твоего мы, пожалуй, воздержимся. Не знаю, какие дела у тебя с нечестивцем Гамалом, и какой силой завлек он тебя в свое логово, да только мы в те руины ни ногой. Люди и гоблины по-разному устроены. Вы-то, может, ничего не чувствуете, а вот мы очень даже чуем. Веет от этой крепости чем-то жутким, нехорошим, и идти туда нам совсем не хочется.

— Знаю, — кивнул головой Стасик. — Я тоже это чувствовал. Но вы не бойтесь, там ничего страшного нет. А ощущение опасности быстро приедается, и вскоре его перестаешь замечать.

Зархад невесело усмехнулся.

— Ощущение, оно ведь не на пустом месте возникает, — сказал он. — Мы не ощущений опасаемся, а того, что их рождает. Нет, человек Стас, не уговаривай нас, не соблазняй чаями. Не пойдем мы в крепость. Мы и с Гамалом, старым жмотом, здесь торг ведем, и с тобой здесь побеседуем. Оно и здесь-то не больно приятно, но тут еще терпимо. А ближе ходить нельзя. Не верь Гамалу, человек Стас, что бояться нечего. Брешет он бессовестно. Что-то там, в этих руинах, притаилось, и ждет своего часа. И несладко придется тем, кто окажется поблизости, когда пробьет тот час роковой.

Стасик не стал настаивать, поскольку гоблин, в целом, был прав. В крепости действительно обитало нечто. Вот только что оно такое и насколько опасно, Стасик сказать не мог. Судя по тому, что он вынес из общения с этим загадочным существом, оно не ведало о своем нынешнем положении, не имело ни имени, ни представления о времени, казалось растерянным и напуганным. Все это, конечно, не значило, что оно безвредно. Было ясно, что оно не человек, и вообще имеет некую непостижимую природу, раз сумело просидеть в подземелье долгие годы без пищи. Но вот вопрос — являлось ли оно злом или жертвой?

— Ты про чай что-то говорил, — напомнил Грыбан, и потер ладонью свое выпуклое бледно-зеленое брюхо. — В крепость-то мы не пойдем, ибо проклята, а если бы ты его сюда принес, угостились бы, пожалуй.

— Хорошо, — сказал Стасик. — Я мигом.

— Если к чаю деликатес какой завалаялся, пирог там, или копченый окорок, их тоже

тащи, — крикнул ему вслед упитанный гоблин. — Что ее, воду голую, промеж зубов гонять?

Стасик вскоре вернулся с закопченным чайником и тремя железными кружками. Из еды на кухне ему удалось отыскать только репу, и один овощ он принес Грыбану на пробу. Гоблин не отказался от угощения, и умял его в одно лицо, невзначай позабыв разделить трапезу с Зархадом.

Несколько часов пролетело незаметно. Стасику было приятно пообщаться с кем-то кроме Гамала. К тому же гоблины оказались словоохотливы. Зархад поведал ему немало историй, заодно расширив представления Стасика об этом мире. Он рассказывал об удивительных землях и населяющих их диковинных созданиях. Из его рассказов следовало, что нейтральная полоса является самым худшим и неинтересным местом во всем этом мире. И самым опасным.

— А эльфы, эльфы в этом мире водятся? — с интересом спросил Стасик, который всегда был равнодушен к этим сказочным созданиям. Точнее говоря, интересовали его не столько эльфы, сколько эльфийки. Стасик воцелел их, и не стыдился этого. А на одну картинку с изображением ушастой красавицы неглиже, он на протяжении трех месяцев налюбоваться не мог, пока однажды родители не застучали его за процессом активного любования.

— Есть и эльфы, — кивнул головой Зархад. — Но они сами по себе. Живут в своем царстве, в чужие дела не лезут и в свои никого не пускают. Да только недолго это продлится. Война охватывает все новые и новые земли, дойдет она однажды и до них. Придется им выбирать между Ангдэзией и темной империей. И кого бы они ни выбрали, кончится их спокойное житье.

— А гномы, они тоже есть?

— Есть, — равнодушно пожал плечами Зархад.

— А какие они из себя? — с жадным любопытством спросил Стасик.

— Какие?

Зархад задумчиво поскреб лапой затылок.

— Да обычные. Что тебе до них? Гном в земле роется, вечно грязный, потный, лохматый сильно.

— И мясо у них жилистое, не угрызешь, — сообщил о главном Грыбан.

— Ну а драконы, драконы тоже есть? — не унимался Стасик.

— А как же, и эти водятся, — ответил Зархад. — Но в здешних краях их, пожалуй, не встретишь. Они все больше в горах, или на отдаленных островах обитают.

— Почему же их не дрессируют и не используют в войне?

Гоблины обменялись странными взглядами, после чего дружно расхохотались.

— Сразу видно, что ты нездешний, — утирая слезы, сказал Зархад. — Дрессировать дракона — где это видано? А даже если и получится, то какой с них прок в бою? Любой приличный маг сшибет его на землю заклинанием. Я уже не говорю о том, какие убытки нанесет дракон своей прожорливостью. Его же кормить придется, а жрет он, доложу тебе, немало. Нет, человек Стас, дракон в военном деле решительно неприемлем.

К тому времени, когда Гамал возвратился из своего путешествия, Стасик успел выслушать немало удивительных историй. Правильный мир оказался велик и многообразен, и Стасику хотелось побывать всюду, в каждом его неповторимом и самобытном уголке. И он смог бы осуществить эту мечту, если бы судьбе было угодно сделать его великим чародеем. Или хотя бы могучим паладином. Но в нынешнем положении ему не приходилось мечтать об

увлекательных экскурсиях. Его местом обитания отныне стала нейтральная полоса, угрюмая и безрадостная земля, навеки убитая войной. И не увидать ему ни драконов, ни эльфов, ни прочих диковинных созданий. Разве что кто-то из них пролетит или пробежит мимо старой крепости, да только едва ли такое случится.

Гамала они заметили издали. Тот неспешно брел по равнине, а за его спиной высился большой, туго набитый, мешок на лямке. Старик тоже приметил сидящую у стены компанию, и свернул в их сторону.

— Доброго денечка, уважаемый дедуля, — широко и ненатурально улыбаясь, поприветствовал его Зархад. — Как сам? Как здоровье? Поясница, простата, иные телесные области, не доставляют ли больших хлопот?

Ничего не ответив, Гамал сбросил с себя набитый травами мешок, довольно неласково схватил Стасика за руку и отвел его в сторонку.

— Тебе что, жить надоело? — спросил он грубо, но негромко, так, чтобы Зархад и Грыбан не могли их услышать.

— О чем вы? — растерялся Стасик.

— Зачем ты вышел из крепости к этим существам? Ты хоть знаешь, кто они?

— Гоблины.

— Гоблины! — передразнил его Гамал. — То боишься один остаться, то храбро выбегаешь навстречу незнакомцам. Ты уж определись, кем быть по жизни: трусом или безумцем.

— Но я их знаю! — возмущенно ответил Стасик, резким движением высвободив свою руку из хватки Гамала.

Старик покосился на гоблинов, которые терпеливо ждали у своих мешков.

— Знаешь? Откуда?

— Это в их банде я работал зазывалой, пока.... Ну, пока не произошел несчастный случай на производстве.

Выражение лица Гамала немного смягчилось. Он выпрямился и шумно выдохнул.

— Вот оно что, — произнес старик уже без прежнего негодования. — Ну, хорошо. Но впредь запомни: кто бы ни пришел сюда, кто бы ни звал тебя наружу — не выходи!

— Этого вы могли бы и не говорить, — проворчал Стасик, который и сам бы никогда не осмелился выйти к чужакам. Он и прежде, еще в неправильном мире, придерживался того же золотого правила. Если, например, находился один дома, никогда никому не открывал. Даже к двери не подходил, чтобы спросить, кто там.

Разобравшись со всем, Гамал вернулся к гоблинам. Стасик шел рядом с ним.

— Ну, что вам, бездельникам, надо в этот раз? — без намека на любезность спросил старик.

— Добро принесли на обмен, — ответил Зархад.

Гамал тяжело вздохнул, всем своим видом показывая, что делает гоблинам большое одолжение, тратя на них свое драгоценное время.

— Ну, хорошо, — произнес он. — Давайте взглянем на это ваше, так называемое, добро.

— Ты погляди, ты внимательно погляди, — убеждал его Зархад, опускаясь на корточки возле мешков и развязывая веревки, стягивающие их горловины. — Нынче у нас добро царской категории. Даже не знаю, сможешь ли ты его себе позволить.

Из мешка начало появляться то самое добро. Стасик ничуть не удивился, увидев одежду и оружие. Собственно, что еще там могло оказаться? Гоблины принесли то, что взяли с

убитых ими героев. Одежда была обильно выпачкана кровью, на ней кое-где остались пробитые оружием дыры.

На оружие — небольшой меч и два тяжелых боевых ножа, Гамал даже не посмотрел. Склонившись, он стал перебирать тряпки, что-то чуть слышно бормоча себе под нос. Гоблины стояли рядом, и, не вмешиваясь, терпеливо ждали.

— Ну, такое себе добро, — брезгливо произнес Гамал, закончив осмотр. — За тряпки, пожалуй, дам четыре бутылочки лечебного зелья.

— Что? — вознегодовал Зархад, подпрыгнув на метр от земли. — Всего четыре? За все?

Он огляделся по сторонам и прокричал:

— Помогите! Спасите! Грабят среди бела дня! Старик, однажды боги страшно накажут тебя за твою жадность! Ты ходишь по лезвию ятагана. Небесное терпение на исходе.

— Это я еще, кстати, очень добрый, — возразил ему старик. — Потому как вся эта ветошь и трех бутылочек не стоит.

Зархад подхватил с земли снятые с убитого героя штаны, грязные, окровавленные, пропоротые то ли мечом, то ли ножом в районе паха, и стал совать их Гамалу в лицо.

— Ты ткань пощупай, злодей! — требовал он визгливо. — Это тебе не мешковина. Качество, а!

— Купи еще меч, — стал канючить Грыбан, поднося к Гамалу оружие. — Хороший меч. Совсем новый.

— Сто раз вам говорил мечи не приносить, — отрезал Гамал. — На кой они мне сдались? И ножи вон те заберите. Если попадутся кинжалы из доброго сплава, приносите. А этот металлолом мне ни к чему.

— Накинь за тряпки одну бутылку, не гневи богов! — сердито потребовал Зархад. — Мы тебе скоро много добра принесем. У нас план есть.

Гамал нехотя проворчал:

— Ладно. Пять бутылок за все. Но железки не возьму.

Он обратился к Стасику:

— Забирай их ветошь. А вы тут ждите. Сейчас пришлю зелья.

Следуя за Гамалом, Стасик затащил в крепость мешки с одеждой. Старик, покопавшись в своих закромах, принес небольшой тряпочный мешочек. В нем постукивали боками небольшие глиняные пузырьки, плотно закупоренные деревянными пробками.

— Отнеси им, — велел Гамал. — И не торчи там долго. Я устал и проголодался. Ужин сегодня на тебе.

Вернувшись к гоблинам, Стасик вручил им плату.

— Мир не видывал такого скупердя! — в сердцах произнес Зархад, заглядывая в мешочек. — И бутылочки какие-то маленькие. В прошлый раз они точно были больше.

Стасик виновато пожал плечами, давая понять, что он в этом не замешан.

— Ну, так что думаешь на будущее? — спросил у него Зархад. — Не хочешь обратно к нам? Нам бы зазывала пригодился.

— Нет, я, пожалуй, пас, — быстро ответил Стасик. Работа зазывалой ему не понравилась. Это было откровенно грязное и гнусное дело — заманивать людей на убой. В самый раз занятие для какого-нибудь бессердечного отморозка, но точно не для испорченного гуманизмом старшеклассника. И, к тому же, дело крайне рискованное. Свой дебют в этой роли он пережил только чудом, и повторно искушать судьбу не рвался.

— Ты подумай, пораскинь умом, — посоветовал Зархад. — Ты не смотри, что нас

только двое. У нас со свояком план есть.

— Подумаю, — пообещал Стасик, но лишь для того, чтобы гоблин от него отвязался.

Уже засобиравшись, Зархад поднял с земли меч, который до этого тщетно пытался продать Гамалу, повертел его в руках, и протянул Стасику.

— Вот, — сказал он, — возьми.

Стасик неуверенно принял меч. Тот оказался неожиданно легким, вместе с ножнами он весил меньше килограмма.

— Мне нечем за него заплатить, — признался Стасик. — У меня ничего нет.

— Бери так, — махнул рукой Зархад. — Нам он все равно не нужен. А тебе пригодится. Здесь, на нейтральной полосе, без оружия нельзя.

— Спасибо, — растрогался Стасик, прижав к груди подарок.

— Ну, бывай! — произнес Зархад, потрепав его лапой по плечу. — Выздоровливай. А о моем предложении подумай. Такие талантливые зазывалы, как ты, на вес золота. Можешь сделать хорошую карьеру.

Грыбан прощально махнул ему рукой, и гоблины быстро пошли прочь от крепости, шустро перебирая короткими кривыми ногами. Стасик долго стоял, глядя им вслед, затем развернулся и медленно побрел обратно в свой новый дом.

Каменные ступени медленно проплывали под ним, мертвенно-белый свет шара скользил по древним замшелым стенам. Стасик спускался вниз, время от времени останавливаясь и прислушиваясь к звенящему безмолвию руин. Он боялся не запертого в подземелье чудовища, а внезапного появления Гамала. Ох и задаст же ему старик трепку, если застучает здесь!

Впрочем, Стасик принял все возможные меры предосторожности, чтобы не попасться на горяченьком. После того, как они с Гамалом поздним вечером разошлись по своим покоям, он честно выждал пару часов, и лишь после этого рискнул выглянуть в коридор. Крепость погрузилась в вязкую тишину, по узким проходам и тесным помещениям бывшей цитадели разлилась густая тьма. Накрыв светящийся шар плащом, дабы снизить интенсивность его сияния, Стасик украдкой пробрался к покоям Гамала. За прошедшие дни он научился худо-бедно ориентироваться в лабиринте коридоров, поэтому до комнаты старика добрался с первого раза, ни разу, при этом, не заблудившись.

Дверь в покои была приоткрыта. Внутри царила тьма. Сквозь узкую щель в коридор изливался поток громкого заливистого храпа. Стасик постоял немного, вслушиваясь в эти дивные трели. Алхимик спал, как убитый, хорошенько нагулявшись за минувшие сутки по нейтральной полосе. Вряд ли стоило ждать его внезапного пробуждения.

И Стасик, решившись, двинулся к своей цели.

Он пересек огород, миновал несколько коридоров и очутился у лестницы, уводящей в зловещую тьму. Впрочем, не такая уж она была и зловещая. Спускаясь в подземелье в прошлый раз, Стасик от ужаса едва не отдал богу душу. До сих пор удивлялся, как это ему хватило храбрости дойти до конца лестницы и не запятнать портков.

Теперь все изменилось. Загадочное существо, заточенное внизу, уже не вызывало в нем необоримого страха. Стасик, конечно, осознавал, что их таинственный сосед принадлежит к числу матерых монстров, но он уже не был уверен в том, что это существо является однозначно злым. Такое мнение у него сложилось после их прошлой беседы. И теперь у Стасика появилась дикая идея подружиться с этим созданием. Хотя бы попытаться сделать это. А то обстоятельство, что монстр, похоже, являлся девочкой, лишь усиливало это желание. У Стасика никогда прежде не было подруги, а потому он готов был закрыть глаза на какие угодно недостатки своей потенциальной возлюбленной. Хвост, рога, крылья, дополнительные конечности, демоническая природа — все это Стасик мог бы пережить, и со всем этим смириться. К тому же, он и сам теперь был красавец хоть куда — жуткий мутант, покрытый бинтами. В самый раз крутить роман с чудовищем. Потому как кто еще, кроме монстра, может клюнуть на него нынешнего?

Стасик медленно сошел вниз по лестнице, на ходу прикидывая, о чем бы поведи разговор с новой знакомой. Его немного пугала возможность того, что соседка попросту не откликнется на его зов и не явится поболтать. И что тогда? Как вариант — подойти ближе к двери. Совсем близко. Вплотную. Ага, а заодно и полить себя кетчупом, дабы улучшить вкусовые показатели собственной тушки.

Пусть обитательница подземелья больше не внушала ему великий ужас, Стасик был бесконечно далек от того, чтобы полностью ей доверять. К тому же одна назойливая мысль постоянно изводила его, хоть он и пытался гнать ее прочь: не зря ведь эту особу заперли в

подземелье. Да не просто заперли, а еще и ключ выбросили, то есть не собирались выпускать ее на волю никогда.

Но всякий раз, как только эта мысль возникала в его голове, Стасик тут же приводил контраргумент. У него он был, и неплохой. И заключался в собственном горьком опыте общения с местными силами добра и зла. Ведь он, Стасик, не был никаким монстром, а являлся обычным человеком, как по сути своей, так и по паспорту. Но как же жестоко с ним обошлись! Возможно, что и узница, отбывающая вечный срок в подземелье древней крепости, как и он, пострадала ни за что. Стасику хотелось верить именно в это. Потому что если заточенная девушка на самом деле окажется кровожадным и коварным чудовищем, он просто не переживет этого облома. Сколько можно-то? У него ведь здоровье не железное. Его в этом мире только и делали, что кидали да обманывали. Стасик уже начал чувствовать себя каким-то профессиональным лохом, который раз за разом вкладывает свои кровные в одну и ту же финансовую пирамиду, стабильно остается без штанов, но ничему не учится и продолжает обогащать мошенников. Не о такой роли он мечтал, когда грезил правильным миром. Хотелось могущества, силы, уверенности в себе и гарема влюбленных в него без ума красавиц. А получил череду страданий, мук и поруганных надежд, плюс из него еще несколько раз пытались приготовить гуляш.

Миновав лестницу и войдя в коридор, Стасик предусмотрительно опустил шар на пол, чтобы вновь случайно не разбить его. Затем он выпрямился и поглядел на дверь. Та была столь же ужасна, как и всегда. От нее веяло непостижимой, вгоняющей в трепет, мощью.

— Эй? — позвал Стасик негромко.

Он выждал, но ответа не последовало.

— Эй, ты там? — спросил он, слегка возвысив голос.

Вновь тишина.

Стасик помедлил, а затем сделал крошечный шаг вперед. При этом он неотрывно и со страхом смотрел на дверь. Парень всерьез опасался того, что эта огромная железная плита, покрытая жуткими колдовскими письменами, может внезапно ожить, надвинуться на него всей своей многотонной тушей, рухнуть сверху и размазать по полу кровавой лепешкой.

— Привет, — позвал он.

Голос его противно задрожал.

— Если я тебя в прошлый раз чем-то обидел, то извини, — заговорил он. — Я не нарочно.

И вновь тишина.

Стасик все понял: он находился слишком далеко от двери. Требовалось подойти ближе, иначе обитательница подземелья не сможет его услышать.

Он стал подбираться к ней смешными короткими шажками, а сам думал лишь о том, успеет ли он унести ноги, если ужасная дверь оживет и набросится на него. Когда до нее оставалось метра два, Стасик встал, как вкопанный, и понял, что подойти ближе его не заставит никакая сила на свете. Он и так значительно превысил предел своего мужества.

— Давай поговорим, — предложил он громко. — Хотя бы скажи, что слышишь меня. Мне тут вообще-то не по себе.

Он стал ждать. И с каждой следующей секундой Стасика все сильнее охватывало отчаяние. Узница либо не слышала его, либо слышала, но намеренно игнорировала.

Стасику почувствовал подступивший к горлу ком. Никто в этом поганом мире его не любил, все избегали его и презирали. Добряки обрекли на жалкую участь свинопаса и

подвергли публичному унижению путем вручения на глазах всего города отвратительного свинского носа. Злодеи тоже издевались, как могли, плюс пытались съесть. И вот теперь его отверг даже запертый в подземелье монстр. А ведь у него и в прошлой жизни не было друзей. Стасик вечно пытался убедить себя в том, что отсутствие друзей, это его осознанный выбор. Дескать, ему и без них хорошо. Он одиночка, и его это полностью устраивает. А вот теперь понял, что нет, не по своей воле он стал отшельником. Просто он никому не нравился, ни в том мире, ни в этом. И даже если судьбе будет угодно протащить его за шиворот через сотню разных миров, в них повторится та же самая история.

Стасик сам не заметил, как из глаз его хлынули слезы. Привалившись спиной к твердому камню стены, он зарыдал в голос, упиваясь жалостью к себе. Каким несчастным, каким ничтожным он казался себе в этот миг. Горько причитая, Стасик вслух вопрошал у безжизненных каменных стен, что же с ним не так, раз никто в целых двух мирах не хочет видеть его своим другом. Даже Гамал, и тот приютил его лишь потому, что старику требовался работник в огороде. А не требовался бы, так и остался бы Стасик валяться в той луже, пока жуткая черная жижа не прикончила бы его окончательно.

С головой уйдя в свое горе, Стасик не заметил, как свет вокруг него начал меркнуть, трусливо прижимаясь к лежащему на полу шару. Поэтому прозвучавший из-за двери голос застал его врасплох:

— Что случилось?

Стасик подпрыгнул и громко взвизгнул от неожиданности. Он инстинктивно попятился от двери, но на третьем шаге нашел в себе силы остановиться.

— Это ты? — спросил он, и громко шмыгнул носом.

— Я, — донеслось из-за двери. — Ты, кажется, плакал?

— Что? Нет-нет, что ты! Совсем не плакал. Я же мужчина.

— А мне показалось, что я слышала рыдания.

Тут Стасик подумал — какого черта? Перед кем он пытается изобразить альфа самца?

— Да, это я плакал, — сознался он.

— Тебе грустно? — участливо спросила незнакомка.

— Было грустно, — подтвердил Стасик.

— Почему?

— Долго рассказывать.

— Ты уже уходишь?

В голосе собеседницы прозвучала тревога.

— Нет, я никуда не уйду, — поспешил успокоить ее Стасик.

И добавил с грустным смешком:

— Куда мне идти? Мне идти некуда.

— Тогда расскажи, что тебя печалило, — попросила незнакомка. — Или еще что-нибудь. Мне ужасно скучно. Я хочу узнать что-нибудь новое.

— А ты не разволнуешься и не уйдешь, как в прошлый раз? — спросил Стасик.

— Нет, не уйду. Только подойди чуть ближе, тебя плохо слышно.

— Я тебя слышу хорошо, — заметил Стасик, которым овладела подозрительность. Уж не заманивает ли его узница сладкими речами? Вот подойдет он к двери, а она как схватит его, да как утащит во мрак. И сделает с ним то, что так мечтала сделать Грыжа Антрекотовна.

— Или говори громче, — предложила девушка.

Стасик решил, что лучше сделает лишний шаг к двери. Так хоть не придется орать во все горло.

Он шагнул ближе, стараясь не смотреть на страшную поверхность металлической плиты. Шар едва светил, тьма сгустилась вокруг него, погрузив в себя весь коридор. Но магические символы на поверхности двери по-прежнему были хорошо видны. Стасику почудилось, что они светятся самостоятельно.

— Так лучше? — спросил он.

— О, так намного громче! — радостно заверила его собеседница. — Теперь я слышу тебя очень хорошо. Кажется, что ты совсем рядом. Мне даже хочется протянуть руку и коснуться тебя.

Стасик отметил про себя, что у его новой знакомой есть руки, и ему полегчало. Руки, это хорошо. Руки, это намного лучше, нежели лапы с огромными острыми когтями, или какие-нибудь липкие тентакли, или еще бог знает что.

— А ты попробуй! — вдруг, неожиданно для самого себя, предложил он.

— Попробовать что?

— Протянуть руку и коснуться.

Возникла пауза, а затем прозвучал странный ответ собеседницы:

— Лучше не надо. Мне почему-то не хочется этого делать.

— Но ведь только что хотелось, — напомнил Стасик.

— Хотелось. И сейчас хочется. Но стоит мне настроиться на это, как желание сразу пропадает, и...

Она запнулась.

— Что? — подтолкнул ее Стасик.

— И делается страшно, — ответила девушка.

Вначале Стасик решил, что новая знакомая боится его, но затем его будто осенило. Он все понял — это дверь! Точнее, это чары, наложенные на нее. Похоже, они как-то воздействовали на разум узницы, и стоило той подумать о попытке побега, тут же глушили эти мысли волнами страха.

А следом у Стасика случилось настоящее прозрение. Он вдруг понял, что та отвратительная аура липкого ужаса, что окутывала развалины крепости, тоже создана дверью. Чары работали в обе стороны: они сдерживали пленницу внутри, и отпугивали любопытных прохожих снаружи.

— Почему ты замолчал? — спросила девушка.

— А? — вздрогнул Стасик. — Нет-нет, все нормально. Я просто на секунду задумался.

— Так ты расскажешь мне что-нибудь?

— Что рассказать?

— Ну, не знаю. Расскажи о себе: кто ты? откуда? Мне все интересно.

Стасик присел на каменный пол и прислонился спиной к стене.

— Да обо мне и рассказывать особо нечего, — признался он. — Я скучный, и жизнь у меня скучная.

Он покосился на дверь, и добавил:

— Хотя, наверное, не настолько скучная, как твоя.

— Вот и расскажи! — потребовала собеседница.

— Ну, ладно, — согласился Стасик. — Даже не знаю, с чего начать.

— Начни начала, — посоветовала слушательница.

— Хорошо. Попробую.

И Стасик повел рассказ о своей невеселой жизни. Начал с краткого описания родного, неправильного мира. Наиболее болезненные для самолюбия моменты тактично опускал, кое-что намеренно приукрашивал. Делал он это без злого умысла, вовсе не с целью выставить себя в лучшем свете. Просто без основательной цензуры его биография выглядела столь жалко и убого, что хоть записывай ее на картонке, и иди с этим транспарантом в подземный переход, просить милостыню. Одиноким, забитым подростком, единственная отдушина которого, это видеоигры и интернет — вот что Стасик мог бы сказать о себе, и это была бы исчерпывающая информация. Жизнь его была до того серая, до того скучная, до того бедная на хоть какие-то события, что о ней не то что рассказывать, ее даже жить было невыносимо. Но имелась у него заветная мечта, которая крошечным огоньком грела душу. Мечталось Стасику очутиться в правильном мире, в мире меча и магии, где все его глубоко сокрытые таланты дружно вылезут наружу, как прыщи по весне, а все сокровенные желания тотчас же исполнятся.

На этом моменте Стасик плавно перешел к своим приключениям уже в правильном мире. Собеседница внимала молча, ни разу не перебив его ни вопросом, ни репликой.

В правильном мире его жизнь пошла заметно веселее. Если родная реальность медленно убивала серостью и рутинной, то в новом мире на Стасика обрушились яркие обломы, феерические беды и потрясающие несчастья. Скучать было некогда. Не проходило и дня, чтобы он не проливал реки слез. Опять же, опуская самые постыдные моменты, Стасик вкратце поведал о своих злоключениях вплоть до того момента, как Гамал подобрал его на просторах нейтральной полосы и привел в эту крепость.

— Вот такая она, моя жизнь, — подытожил свой рассказ Стасик, изо всех сил сдерживая слезы. Рассказал о себе и тут же захотелось разрыдаться. А потом пойти и удавиться.

Он ждал от собеседницы слов сочувствия и утешения, но вместо этого воздух сотряс ее громкий крик, полный неподдельной зависти.

— Какая интересная у тебя жизнь! — воскликнула девушка. — Это просто невероятно! Ты такой счастливый. Как бы я хотела пережить хотя бы сотую долю того, что выпало тебе.

— Ты прикалываешься? — обиженно проворчал Стасик.

— Я многого не поняла из твоего рассказа, — продолжила собеседница, — но, тем не менее, это потрясающе. С тобой случилось столько всего интересного.

— Ты так говоришь только потому, что сидишь в темнице, и вообще не видела белого света, — заметил Стасик. — Тебе не с чем сравнивать.

— Где я сижу? — насторожилась девушка.

Голос ее прозвучал напряженно. Стасик подумал о том, что если он попытается просветить собеседницу касательно ее положения, магия двери может воспрепятствовать этому: или найдет страх на узницу, заставив ту прервать беседу и уйти, или сделает что-нибудь жуткое с назойливым посетителем.

— Нигде. Забудь.

Он помолчал, а затем осторожно спросил:

— А ты не хочешь рассказать мне о себе?

— Да мне и рассказывать нечего, — с горьким вздохом призналась собеседница. — В сравнении с твоей яркой и насыщенной жизнью мое существование даже не стоит упоминания.

— Не скромничай, — подтолкнул ее Стасик. — Давай, расскажи. Как ты живешь? Как проходит твой день?

— Кто?

— Ну, ладно. Как ты проводишь свободное время? У тебя есть хобби?

— Кто?

— Эх, как же объяснить? Чем ты увлекаешься?

— Увлекаюсь?

— Ну, да. Вот ты просыпаешься утром....

— Просыпаюсь?

Стасик запнулся.

— Ты что, вообще не спишь? — спросил он удивленно и немного испуганно.

— Точно не знаю. А это как?

Пришлось Стасику объяснять, что такое сон. Затем он растолковал, что такое еда. Затем еще множество очевидных любому человеку вещей, о которых его собеседница не имела ни малейшего представления.

— Поразительно, сколько всего ты знаешь! — восхитилась им девушка, и Стасику это очень понравилось. Прежде ни одна девушка не восхищалась им. Даже когда однажды он дал списать контрольную работу однокласснице, и та ограничилась сухим, походя брошенным — спасибо.

— Да нет, — скромно отрекся от лавров мудреца Стасик, — это просто ты знаешь мало. То есть, я не хотел тебя обидеть, не подумай.

— Я и не обиделась, — грустным голосом произнесла девушка. — Это правда. Я совсем ничего не знаю. У меня даже нет этого... Ты в прошлый раз о нем спрашивал.

— Имени?

— Да. А я поняла по твоему голосу, что оно есть вообще у всех, но только не у меня.

— Ну, имя ведь можно и придумать, — подсказал Стасик. — Это не так уж сложно.

В следующий миг стены подземелья содрогнулись от крика:

— Придумай! Придумай мне имя!

Собеседница просила с таким пылом, будто пыталась уговорить Стасика поделиться с ней каким-то невероятным сокровищем.

— Хорошо, я придумаю, — согласился он. — Так, дай-ка секунду подумать....

Он подумал, потом подумал еще. Дело на практике оказалось не столь уж и легким, как ожидалось. Стасик перебирал в уме известные ему женские имена, и ни одно из них не казалось ему подходящим. А еще он боялся, что выбранное имя не понравится его новой знакомой, но она из вежливости постесняется от него отказаться и будет страдать всю оставшуюся вечность.... В общем, как и во всех случаях, когда требовалось принять какое-то решение, у Стасика включился режим паникера.

В итоге он случайно вспомнил эпизод из своего многострадального прошлого. В шестом классе с ним приключилась беда — он по уши влюбился в девочку, что перевелась в их школу и угодила в его класс. Звали ее Светланой. Любовь была пылкой и мучительной — Стасик, страдая, украдкой поглядывал на объект обожания, и даже подумать боялся о том, чтобы подойти и заговорить с девушкой. А вот Колька, его вечный мучитель, не побоялся. Подошел, заговорил, и уже через пару дней активно лапал чужую возлюбленную на переменах.

Для Стасика эта влюбленность обернулась очередной пыткой. Но, вместе с тем, он

запомнил и восхитительное томящее чувство, какое-то беспричинное возбуждение и странную болезненную жизнерадостность, так несвойственную ему в обычном состоянии. Пусть эта любовь и была односторонней, она все-таки была. И она оказалась одним из немногих светлых воспоминаний Стасика.

— А что если ты будешь зваться Светланой? — спросил он осторожно.

— Светланой? — осторожно повторила собеседница.

— Да. Сокращенно — Света. Тебе нравится?

— Да! — радостно воскликнула новоявленная Света. — Это великолепно. У меня теперь есть имя! Что еще мне нужно? Подсказывай, я ведь ничего не знаю сама. А что мне делать с моим именем? Как мне его использовать?

— Использовать? — засмеялся Стасик. — Ну, если кто-то спросит, как тебя зовут, назовешь его.

— Невероятно! — выдохнула девушка. — А еще что?

— Ну, еще если кто-то обращается к тебе по имени, ты должна понимать, что имеют в виду тебя.

— Потрясающе! А что еще?

— Еще? Хм... Ну, вроде бы это все.

— Даже этого очень много. Давай, расскажи еще о чем-нибудь.

Стасик сам не заметил, как их разговор превратился в непринужденную беседу добрых приятелей. Он забыл о том, что сидит в темном подземелье, перед заколдованной дверью, и что его собеседница не является человеком. Еще ни с кем и никогда ему не было так легко общаться, как с новоявленной Светланой. Они проговорили часа четыре, и болтали бы дальше, если бы Стасик вдруг не вспомнил о двух важных вещах. Первая заключалась в том, что завтра, а точнее уже сегодня, ему предстояло рано вставать и весь день таскать воду на грядки. Второй важной вещью был Гамал. Стасик не знал, в котором часу просыпается старик. Это могло произойти в очень ранний час. Гамал мог застукать его здесь, или поймать, когда он будет возвращаться в свою комнату. Разборок с хозяином крепости Стасик не хотел.

— Мне пора, — сказал он Свете.

— Ты уже уходишь? — огорчилась она. — Так скоро?

— Я завтра приду, в это же время.

— Тогда я буду ждать, — произнесла она. — Ты только обязательно приходи.

Стасик еще раз пообещал, что обязательно вернется, подобрал шар и стал быстро подниматься по ступеням. В этот миг он впервые за все пребывание в правильном мире чувствовал себя счастливым. Наконец-то с ним случилось хоть что-то хорошее. Он нашел друга. Первого друга за всю свою жизнь.

С тех пор как у Стасика появилась тайная подруга, его жизнь, прежде казавшаяся ему безнадежным кошмаром, заиграла новыми красками. Просыпаясь поутру, он сразу же начинал страстно ждать ночи. Таская воду от колодца к огороду, он придумывал темы для ночных разговоров со Светой. Та буквально засыпала его вопросами, и Стасику приходилось пускаться в долгие объяснения, которые порождали новые и новые вопросы, и всему этому не было конца. Но Стасик не роптал. Ему это нравилось. К тому же Света схватывала все на лету, а если что-то и ставило ее в тупик, она не заикливалась на этом и просто шла дальше.

Ее интересовало все об окружающем мире. Она расспрашивала об Ангдэзии и империи Кранг-дан, пыталась вникнуть в причину их бесконечно долгой распри. Стасик отвечал на все ее вопросы так подробно и честно, как только мог, старательно обходя лишь одну тему — тему ее заточения. После нескольких экспериментов ему окончательно стало ясно, что Света по каким-то причинам не может говорить о себе и месте своего пребывания. Стоило начать подобный разговор, как тут же срабатывал магический блок, и девушка замолкала, а после непродолжительной паузы меняла тему. У Стасика возникла идея надавить на нее, не позволить ей отступить, и посмотреть, что из этого получится. Вдруг выйдет так, что Света, преодолев страх, сумеет сокрушить дверь подземелья и вырваться на свободу? Но ему было слишком жалко свою подругу, чтобы подвергать ее такому жестокому эксперименту. Он помнил, как Гамалу пришлось силой тащить его в эту крепость — так велика была окутывавшая ее аура страха. А ведь на Свету она могла действовать куда сильнее. И Стасик не решался обречь ее на подобную пытку.

Через пару дней Гамал неожиданно появился во дворе крепости и позвал Стасика за собой.

— Что-то случилось? — с беспокойством спросил Стасик, следуя за стариком. У него промелькнула тревожная мысль, что его тайные свидания с соседкой снизу перестали быть таковыми.

— Ничего особенного, — успокоил его Гамал. — Я, не покладая рук, пытаюсь приготовить для тебя эффективное снадобье. Кое-что получилось, и я хочу выяснить, что именно.

Стасик заранее обрадовался. Ему надоело ходить в бинтах, которые приходилось менять каждое утро. Да и вернуть себе свой прежний, человеческий, облик тоже хотелось.

— Вот, выпей это, — предложил Гамал, когда они вошли в лабораторию.

Этим оказалась глиняная кружка, наполненная вязкой жидкостью темно-зеленого цвета. Стасик возрадовался тому, что не ощущает ни запаха, ни вкуса. Что-то подсказывало ему, что предложенное лекарство не порадовало бы его органы чувств.

Не ожидая подвоха, он взял со стола кружку и опрокинул ее содержимое залпом. Что-то густое стекло вниз по пищеводу. Стасик прислушался к своим ощущениям после приема лекарства. Ощущений, как и прежде, не было никаких.

— Что-то не действует, — заметил он, обращаясь к Гамалу.

— Не гони драконов, — предложил алхимик. — Присядь. Давай немного подождем.

Так они и сделали. Точнее, сделал один Стасик. Он сидел на стуле и ждал чуда. Гамал же занялся своими алхимическими делами и перестал обращать на пациента внимание.

Примерно через четверть часа, когда Стасик уже потерял всякую надежду, он вдруг что-

то почувствовал. Это было тепло, зародившееся внутри его тела.

— Ой! Ой! — испуганно заверещал он, вскакивая со стула.

— Что такое? — спросил Гамал, поворачиваясь к нему.

— Я чувствую! — радостно выпалил Стасик. — Тепло. Вот здесь.

И он провел ладонью по груди.

— Ага! — торжественно произнес Гамал. — Сработало. Если чувствительность начнет распространяться по всему телу, значит, ткани твоего организма стабилизируются. Не молчи. Сообщай мне о своих ощущениях.

— Так, теперь вот стало немного теплее, — сказал Стасик.

Но радость его начала сменяться тревогой по мере того, как приятное тепло в груди стало превращаться в болезненное жжение.

— Ой! — вскрикнул он. — Горячо! Сильно горячо! Мне больно!

— Как странно, — задумчиво произнес Гамал, равнодушно наблюдая за корчами пациента. — Этого не должно было случиться. В чем же дело?

Стасик знал — в чем. Дело было в том, что он, похоже, умирал. В груди его пылал настоящий пожар. От страшной боли он хрипло кричал и катался по полу, а Гамал стоял над ним, теребил пальцами бороду и, закатив глаза, что-то бормотал.

— Я не мог напутать дозировку, — произносил он, глядя в покрытый слоем копоти потолок. — В чем же дело?

Стасик чувствовал, что он сейчас воспламенится. От боли у него потемнело в глазах. Он содрогался в конвульсиях и уже не кричал, а предсмертно хрипел. Будто издалека до него донесся возмутительно невозмутимый голос Гамала.

— Выпей вот это, — произнес он. — Должно помочь.

Стасик кое-как схватил кружку и влил в себя ее содержимое. Ни на что хорошее не надеялся, и напрасно, потому что стоило осушить емкость, как ему сразу же заметно полегчало. Пылающий в груди пожар начал стремительно затухать. Вскоре Стасик смог существовать, не крича от боли. А еще спустя пару минут, к нему возвратилась уже ставшая привычной бесчувственность. И Стасик был несказанно рад ей.

— Что это было? — простонал он, медленно поднимаясь на ноги. — Я думал, что мне крышка.

— Не сгущай краски, — отмахнулся Гамал. — Вечно ты все драматизируешь.

— Какие еще краски? — разозлился Стасик. — Зачем ты поишь меня этой отравой? Я ведь мог умереть!

— Я держал ситуация под контролем, — самоуверенно заявил Гамал. — У меня, как ты мог заметить, был заготовлен нейтрализатор снадобья.

— Не больно-то ты спешил мне его дать, — проворчал Стасик. — Я чуть с ума не сошел от боли.

— Не столь уж велик твой ум, чтобы так за него трястись, — с нескрываемой издевкой произнес алхимик.

Это глумливое замечание окончательно вывело Стасика из себя. Вообще-то он редко впадал в ярость, точнее говоря — прежде такого никогда не случалось. Но сейчас в нем будто что-то надломилось. Гнев неудержимой волной хлынул наружу, и Стасик страшным голосом прокричал:

— Я тебе не подопытный кролик! И я сам решу, ценен мой ум, или нет!

После чего Стасик совершил совершенно нехарактерный для себя поступок: он ударил

кулаком по столу. Ударил сильно, благо отсутствие болевых ощущений позволяло не заботиться о последствиях.

Стол, на который обрушилась ярость Стасика, был большим и массивным. Гамал сколотил его из прочных брусьев, а столешница состояла из досок в два пальца толщиной. Этот стол мог бы легко выдержать удар кувалдой.

Но кулак Стасика оказался более сокрушительным, нежели пудовый молот. Доска, по которой пришелся удар, с жутким треском преломилась пополам. Стол, весящий, должно быть, пару центнеров, подпрыгнул, а часть глиняной посуды, стоявшей на нем, с грохотом ссыпалась на пол.

Весь гнев тут же покинул Стасика, и он попятился от поврежденного стола, переводя изумленный взгляд со своего кулака на сломанную доску.

— Что случилось? — пробормотал он. — Что это было?

— Начинаю жалеть, что подобрал тебя и приютил, — проворчал Гамал, обозревая учиненный разгром. Из попадавших на пол горшков высыпалось все содержимое и безвозвратно превратилось в мусор.

— Это не я! — выпучив глаза, прокричал Стасик.

— Ну а кто же, если не ты?

Стасик вновь уставился на сломанную доску. Нет, он не мог этого сделать. Он не сумел бы перерубить ее и топором, притом с двадцати попыток, не то, что голой рукой, и с первого раза.

— Я не знаю, — промямлил он, — но это точно не я.

— Вот и делай добрые дела, — ворчал Гамал. — Подумаешь, лекарство попало неприятное. Зачем из-за этого мебель ломать?

Постепенно до Стасика дошло, что доску перешиб именно он. Подняв ладони к глазам, Стасик посмотрел на них с невольным уважением. А сам подумал о том, что купание в черной жиже все же возымело хоть какой-то положительный эффект. Похоже, он стал сильнее. Значительно сильнее, нежели был прежде. Да что там, он стал настоящим сверхчеловеком. Если он одним ударом способен переломить пополам толстую доску, что же будет, если его мишенью окажется живой человек. Этак ведь с одного попадания можно и убить.

— Большая сила это большая ответственность, — произнес Стасик, чувствуя себя супергероем на старте карьеры.

— Что ты там бормочешь? — спросил Гамал. — Иди за метлой. Здесь надо прибраться. И постарайся больше не психовать. У нас не так много мебели, и восполнить ее негде.

— Хорошо, — пообещал Стасик. — Я постараюсь контролировать свою невероятную силу.

— Какую силу? Ты о чем?

— Ну, я ведь стал сильнее, — пояснил Стасик. — Это все из-за купания в той черной луже. Это как будто меня паук-мутант укусил.

— Сильнее ты не стал, — возразил Гамал. — Не выдумывай.

— Но я сломал доску голым кулаком. Вы же сами видели!

— Не слепой.

— И как вы это объясните?

— Очень просто, — пожал плечами Гамал. — Странно, что я не предупредил тебя об этом раньше. Забыл, должно быть. Видишь ли, в силу того, что твое тело почти полностью

потеряло чувствительность, ее функции постепенно начнут брать на себя эмоции. Так что сильнее ты не стал. Просто благодаря эмоциональному всплеску сумел сконцентрировать значительную силу и вложить ее в один удар. Навык не такой полезный, каким кажется. Резервы организма не бесконечны, нельзя расходовать собственную энергию в бездумных объемах. Тебе следует научиться сдерживать свои эмоции, иначе они, в буквально смысле, опустошат тебя.

Разочарованный Стасик кивнул головой, давая понять, что он все усвоил. Но в душе ему было обидно. Он уже морально настроился принять на себя большую ответственность, связанную с большой силой, но тут случился очередной облом.

— Пускай свою новую способность в ход только в самом крайнем случае, — посоветовал Гамал. — Когда речь идет о жизни и смерти. Если начнешь баловаться этим впустую, сам не заметишь, как загонишь себя в могилу. Энергетические резервы организма легко исчерпать, но трудно восполнить. Так что тренируй самообладание. Больше никаких истерик.

— Хорошо, так и сделаю, — пообещал Стасик.

Он чувствовал себя подавленным. Правильный мир продолжал отнимать у него одну мечту за другой. Он лишил его возможность стать великим чародеем, доблестным паладином, могущественным злым колдуном, любимцем юных дев, а теперь вот и стезя супергероя проплыла мимо него.

К счастью, у него все еще оставалась Света, и Стасик с нетерпением ждал ночи, чтобы спуститься в подземелье и поговорить со своей подругой. Их отношения длились всего несколько дней, но они уже успели заметно сблизиться. Никто прежде так хорошо не понимал Стасика, как Света. Ни с кем ему не было так легко и хорошо, как с ней. И чем дальше, тем больше в душе Стасика крепла решимость перевести их отношения на новый уровень. Под новым уровнем он понимал общение лицом к лицу, а не через толстую железную плиту. Пусть он и жалел Свету, но ее нужно было заставить пойти против своего страха и попытаться разрушить преграду.

С наступлением ночи Стасик выскользнул из своей комнаты и беззвучной тенью побрел по коридорам крепости. Миновал комнату Гамала, и услышал льющийся оттуда храп. Старик не страдал бессонницей. Скорее всего, он принимал какие-то снадобья, благодаря которым дрых до утра, как убитый.

Убедившись, что Гамал крепко спит, Стасик направился в подземелье. Света уже поджидала его, и едва он подошел к двери, радостно вскрикнула:

— Наконец-то! Я думала, ты сегодня не придешь.

— Вот еще, — смутился Стасик. — С чего бы мне не приходиться?

Какое-то время они болтали ни о чем. Затем Стасик, собравшись с духом, решил коснуться опасной темы.

— Послушай, — сказал он, — я вот о чем хотел с тобой поговорить. Сразу предупреждаю, тебе этот разговор может не понравиться, но ты уж постарайся быть сильной.

— Хорошо, — пообещала Света. — Постараюсь.

— Речь пойдет о том, где ты сейчас находишься...

Света перебила его с какой-то суетливой поспешностью.

— Лучше расскажи мне еще о своем родном мире, — предложила она, торопясь сменить неприятную тему.

— Нет, мы поговорим о твоём положении, — с нажимом произнес Стасик. — Это необходимо. Я знаю, что определенные темы тебе неприятны. Но ты должна понять — это не твои эмоции. Это внешнее воздействие. Заклинания....

— Хватит! — вдруг рявкнула Света, и было в этом крике столько неприкрытой, леденящей кровь, злобы, что Стасик отшатнулся.

— Хватит, — повторила она тише и спокойнее.

Голос ее прозвучал грустно, в нем послышались нотки горечи.

— Я все знаю, — сказала она. — Всегда знала. Но заставила себя забыть.

— Так тебе известно, что ты узница, запертая в подземелье? — изумился Стасик.

— Я догадывалась об этом. Точных сведений у меня не было, но я все понимала.

— Но почему бы тебе, в таком случае, не попытаться вырваться на свободу? — с жаром предложил Стасик. — Попробуй. Вдруг у тебя получится.

— Все не так просто, — печально произнесла Света. — Я не вижу выхода. Его просто нет.

— Ты ошибаешься, — возразил Стасик. — Вот же она — дверь. Мы разговариваем через нее. Все, что нужно, это ее сломать.

— Ты, может быть, и видишь дверь, а я не вижу. Я знаю, что она где-то есть, но не могу ее найти. Я долго искала, но у меня ничего не вышло.

Стасик вздрогнул, осознав, что это тоже результат воздействия сдерживающей магии. И какие же нелюди воздвигли этот барьер! Разве можно было обрекать живое существо на вечное страдание в неволе?

— Если бы я увидела хоть какой-то ориентир, — с чувством произнесла Света. — Хотя бы крошечную точку во мраке. Но здесь ничего нет.

— А ты все равно попробуй! — с жаром предложил Стасик. — Прямо сейчас.

— Думаешь, это так легко? — спросила его Света. — Когда я пытаюсь сделать это, мне становится больно. И чем больше усилий прилагаю, тем сильнее боль.

Но Стасик не унимался. Им овладела какая-то детская уверенность в том, что все получится именно сейчас. И совершенно неважно, что все прошлые попытки кончились неудачами.

— Попробуй! — взмолился он. — Пожалуйста.

— Ну, хорошо, — нехотя сдалась Света. — Попробую. Но я не знаю, на что ты рассчитываешь.

Стасик тоже этого не знал, он просто верил в чудо. Хотя при его-то жизненном опыте это было чрезвычайно наивно.

Света замолчала. Стасик тоже притих и стал ждать. На всякий случай он даже отошел от двери, опасаясь того, что та может рухнуть наружу под ударом его подруги.

Утекали секунды, но ничего не происходило. Стасик уже хотел окликнуть Свету, но тут почувствовал, что воздух сделался каким-то непривычно плотным. Он с трудом шел в легкие, и давил на плечи с такой силой, что Стасику захотелось присесть.

Затем возник звук — монотонный глухой гул, который стремительно набирал силу. С потолка посыпалась каменная крошка. Светящийся шар вдруг ярко вспыхнул, и лопнул с оглушительным грохотом. Стасик оказался в полной темноте. Но в ней он пробыл недолго. С ужасом Стасик увидел разгорающееся впереди свечение. Это была дверь. Металлическая плита наливалась краснотой, будто угодила в горнило домны. Магические символы на ее поверхности то ярко вспыхивали, то затухали, и частота этой пульсации все возрастала.

Стасик ощутил резкий толчок в грудь, затем еще один, который сбил его с ног. Дверь пылала ярко-красным светом, вокруг нее дрожал раскаленный воздух. Казалось, еще немного, и преграда падет, но внезапно все закончилось. Свечение двери медленно потухло, воздух вернул себе прежнюю плотность.

Поднявшись на ноги, Стасик подошел ближе к двери.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да, — отозвалась Света, и голос ее прозвучал устало. — Я же говорила, что ничего не выйдет.

— У тебя почти получилось. Нужно было приложить еще немного силы.

— Больше у меня нет, — призналась девушка. — Я сделала все, что могла.

Стасик выругался сквозь зубы. Он готов был броситься на эту чертову дверь с кулаками.

— Ничего страшного, — с фальшиво прозвучавшим оптимизмом произнесла Света. — Даже если мне и не удалось освободиться, жизнь моя сейчас все равно гораздо лучше, чем прежде. Ведь теперь у меня есть ты.

— А у меня ты, — отозвался растроганный до слез Стасик.

Всю свою жизнь он мечтал о большой и чистой любви, но никогда бы не подумал, что его мечта осуществится в такой странной форме.

Весь следующий день Стасик пребывал в траурном настроении. Чертова заколдованная дверь стояла на его пути к счастью, и он понятия не имел, как устранить это препятствие. В его голове рождались самые разные, подчас совершенно безумные идеи на этот счет. Он думал о том, чтобы соорудить таран, или попытаться пробиться в подземелье иным путем, в обход двери. Осознавая, что Гамал знает об этой крепости гораздо больше него, Стасик подступил к старику с расспросами. Нарочно принял беззаботный вид, дабы собеседник не заподозрил неладного, а свое любопытство объяснил в том духе, что вот просто интересно стало, и все. Так, от скуки.

Но Гамал ничем не смог ему помочь. Он хорошо знал устройство крепости, но лишь до тех пор, пока дело не касалось подземелья.

— Внутри я, сам понимаешь, никогда не бывал, — ответил он. — Да и любопытства особого к тому месту не испытывал. Есть ли иной вход в подземелье? Едва ли. А если и есть, он запечатан так же надежно. Иначе и быть не может.

Это Стасик понимал и без него.

Ночь спустя Стасик уговорил Свету предпринять еще одну попытку освобождения. Та нехотя согласилась на повторный эксперимент, но, как и в прошлый раз, он закончился неудачей. Вновь Стасик чувствовал, как из подземелья могучими волнами изливается сила его подружки, как от нее содрогается воздух и колеблются древние стены. Вновь проклятая дверь раскалилась докрасна, но выстояла. Казалось, ничто не способно сокрушить ее. Маги прошлого, воздвигнувшие эту преграду, постарались на совесть.

Злость охватила Стасика. Какая-то дверь, жалкая тупая дверь, мешает ему встречаться с девушкой. А ведь он всю жизнь об этом мечтал. Ну, о девушке, в смысле. Прежде тоже что-то мешало — то собственная робость, то девчонки воротили от него нос. Но теперь-то, теперь-то все, наконец, склеилось. И единственная преграда на его пути к счастью, это металлическая плита, поставленная здесь века назад какими-то давно сгнившими в своих могилах придурками.

Охваченный яростью, Стасик на следующее свидание прихватил с собой меч. Он решил показать двери, кто в этой крепости мужик. Если ее не разрушить магией, как ей понравится грубая физическая сила?

Спустившись по лестнице и войдя в коридор, Стасик сразу же, без предварительных ласк, обнажил клинок. Дверь темной громадой маячила в полумраке. Стасику показалось, что он чувствует на себе ее пристальный и весьма недобрый взгляд. Но он не остановился, и пошел на нее, поигрывая оружием.

— Лучше откройся по-хорошему! — сквозь зубы предупредил он. — Не стой на моем пути к большой и чистой любви!

Дверь не шелохнулась. Но и Стасик не дрогнул. Он наступал на нее, весь переполненный решимостью, и когда до препятствия оставалось метра полтора, резко замахнулся мечом. Решил не сдерживать себя и вложить в удар всю свою злость. Но решить-то решил, да вот только до удара дело так и не дошло.

Какое-то время он стоял с занесенным над головой мечом, затем медленно попятился назад и опустил оружие. Всю решимость как рукой сняло. Ее сменил страх. И преодолеть его Стасик не смог.

Со злостью и обидой глядя на дверь, Стасик проворчал:

— Я не сдамся. Не надейся! Все равно найду способ тебя сломать.

Дверь, разумеется, ничего не ответила, но Стасику показалось, что она имеет наглость не воспринимать его угрозы всерьез.

Жизнь в разрушенной крепости постепенно приобретала рутинный характер. Днем Стасик либо таскал воду на грядки, либо, если ему улыбалась удача в лице осадков, бездельничал, бродя по руинам или упражняясь с мечом. Ночи он проводил в подземелье, воркуя со Светой. Все общение со стариком сводилось к совместным трапезам да дежурным разговорам о погоде и прочей ерунде. И хотя подобную жизнь трудно было счесть пределом мечтаний, Стасик то и дело ловил себя на мысли, что она его вполне устраивает. И действительно, пусть в крепости жилось и скучно, но зато спокойно. Никто не издевался над ним, не подвергал унижениям, не пытался съесть заживо. В сравнении со школьными годами чудесными и его мытарствами в правильном мире, старая крепость казалась той самой тихой гаванью, о которой всегда мечтал Стасик. Если бы еще удалось разрушить заколдованную дверь и выпустить на свободу Свету, тогда бы он смело мог заявить о том, что по-настоящему счастлив.

Без пяти копеек счастливая жизнь продлилась в сумме где-то две недели. Стасик уже успел привыкнуть к ней. Более того, он успел привыкнуть к своему новому странному состоянию, и перестал непрерывно доставать Гамала требованиями скорее приготовить для него лекарство. В конечном счете, отсутствие чувствительности было не такой уж большой трагедией.

День, когда счастливая жизнь Стасика резко прервалась, сменившись сущим кошмаром, начался как обычно. Ничто не предвещало грядущей катастрофы.

Проснувшись и позавтракав, Стасик отправился таскать воду на грядки, а Гамал заперся в своей лаборатории. Так они и занимались каждый своим делом почти до самого вечера.

Время уверенно шло к ужину, когда до слуха Стасика донеслись какие-то чуть слышные крики, звучащие, как показалось, снаружи. Опустив ведро на землю, и взяв в руки меч, Стасик добрался до крепостной стены и осмотрел подступы к руинам.

Две сгорбленные фигурки стояли снаружи. Одна из них размахивала длинными руками, всячески привлекая к себе внимание. Стасик сразу узнал эту парочку, убрал оружие в ножны, перебрался через стену и поспешил к старым знакомым.

В этот раз гоблины явились в гости с пустыми руками. Никакого товара на обмен они не принесли. Но удивление Стасика возросло еще больше, когда он взглянул на Зархада. На гоблине живого места не было. Вся его бледно-зеленая физиономия была расписана многоцветными гематомами, правый глаз заплыл, одно остроконечное ухо распухло, и стало вдвое больше второго. На ногах он держался с видимым трудом, дышал тяжело и непрерывно демонстрировал болезненные гримасы.

— Что случилось? — участливо спросил Стасик, с жалостью глядя на побитого гоблина.

— Не спрашивай нас ни о чем, человек Стас, — горьким голосом произнес Зархад. — Одно тебе поведаю — план провалился с треском.

— Позови старика, — попросил Грыбан. — Видишь, брату гоблину нездоровится.

— Сейчас я за ним сбегаю, — пообещал Стасик.

Гамала он застал в его лаборатории. Старик был с головой погружен в некую загадочную работу. Он что-то смешивал в большом глиняном горшке.

— Там гоблины пришли, — сообщил ему Стасик.

— Мне сейчас не до них! — отрезал алхимик. — Передай, пусть приходят завтра.

— Они не с товаром. Зархад ранен, ему помощь нужна.

Гамал что-то проворчал себе под нос, затем произнес уже громче:

— Ладно. Веди их сюда.

Стасик замялся.

— Они, я думаю, не пойдут в крепость, — заметил он.

— Если не пойдут в крепость, пусть идут в... Ну, ты понял. Я занят, и не могу здесь все бросить.

Стасик поплелся обратно к гоблинам и передал им слова Гамала.

— Старик, верно, шутит! — воскликнул Грыбан. — От этих развалин за версту разит злом. Зархад лучше помучается, но внутрь не войдет.

Но Зархад придерживался иного мнения. В крепость он тоже не рвался, но больно уж крепко ему досталось.

— Ты Грыбан говори, да не заговаривайся, — посоветовал он. — Разве ты предпочтешь, чтобы твой однополчанин страдал? Вот, значит, какова твоя благодарность за всю мою нескончаемую доброту. А ты уже запамятовал о том, как однажды тебя укусила змея? Забыл, кто спас твою подлую шкуру от неминуемой гибели?

— Да помню я, помню, — прогудел Грыбан. — Забудешь тут. Ты же восемь раз на дню об этом вспоминаешь.

— Если бы я не помочился на укус, лежали бы сейчас твои косточки под ракитовым кустом, — продолжил стыдить соратника Зархад.

— А в какое место тебя укусила змея? — осторожно спросил Стасик.

— В верхнюю губу, — ответил Грыбан. — И то правда, если бы не братишка, быть бы мне покойником. Ладно, что ни сделаешь для друга. Веди нас, человек Стас, в эту мрачную обитель.

Сам Стасик давно уже перестал замечать ту ауру страха, что окутывала руины. Но всякий, кто сталкивался с ней впервые, испытывал целую гамму неприятных ощущений. Вот и гоблины, по мере приближения к крепости, стали скулить и вздрагивать.

— Да вы не бойтесь, там, внутри, не опасно, — убеждал их Стасик.

— На погибель идем! — суеверно пуча глаза, бормотал побледневший Грыбан.

— Оно, может, и само пройдет, — начал прикидывать Зархад, который вдруг усомнился в острой необходимости получения немедленной медицинской помощи.

Стасик чуть ли не силой втоптал гоблинов на территорию крепости, а затем ввел за собой в темный пролом входа.

— Что, вышла тебе боком разбойничья жизнь? — с нескрываемым злорадством спросил Гамал, любясь расписанной рожей Зархада.

— Благородный разбойничий промысел тут не при чем, — проворчал гoblin. — У меня был план. Но он потерпел неудачу.

Алхимик заставил Зархада раздеться до пояса и бегло осмотрел его жилистое, несуразно широкоплечее, туловище. Несмотря на обилие ссадин и синяков, серьезных ран у Зархада выявлено не было. И, тем не менее, досталось ему крепко. Гамал заставил его выпить два разных снадобья, и сообщил, что этого будет достаточно. Грыбан же, в это время, все же решился поведать о том, что случилось с его товарищем.

Тот самый гениальный план гоблинов состоял в том, чтобы захватить власть в одной из многочисленных банд, орудующих на нейтральной полосе. Смена руководства в

разбойничьих шайках гоблинов осуществлялась старинным и благородным манером — дракой между действующим вожаком и дерзким претендентом. Зархад бросил вызов предводителю крупной банды, но исход поединка оказался не в его пользу.

— Боги сыграли со мной злую шутку, — ворчал Зархад, медленно прихлебывая целебное зелье. — Победа была близка. Я его почти одолел. Вы не думайте. Ему еще больше досталось. Он уже почти начал униженно молить о пощаде.

Грыбан негромко спросил у Стасика:

— Где у вас тут отлить можно?

Стасик объяснил гоблину дорогу, и тот удалился. Немного побыв внутри крепости, он перестал трястись от страха и уже не боялся бродить здесь в одиночку.

— Вот помяните мое слово, — ворчал Зархад, — я с этим гадом еще поквитаюсь. Как ребра перестанут болеть, я снова вызову его на бой.

— В этом случае заранее запасись добром на обмен, — посоветовал Гамал. — Потому что лечить тебя в долг я больше не стану. Оно и сейчас-то через себя переступил. Больше такого не повторится.

— Эх, старик, — досадливо протянул гоблин. — Откуда в твоей гнилой душе столько мелочной скупости? Разве не в том состоит священный долг лекаря, чтобы бескорыстно врачевать больных? Когда свояка змея за губу укусила, я ему бесплатно на лицо помочился.

— Ну, если речь об этом, — усмехнулся Гамал, — то я всегда рад помочь. Обращайся в любое время.

— Злой ты человек, Гамал, — укоризненно произнес гоблин. — Неудивительно, что среди своих не ужился.

В этот момент в лабораторию влетел запыхавшийся Грыбан. Одной рукой он придерживал спадающие штаны, второй размахивал так, будто отбивался от роя разъяренных пчел. По его виду было ясно, что он только что совершил интенсивную пробежку.

— Там! Там! — заорал он с порога.

Стасик со страхом уставился на гоблина, про себя гадая, что могло его так напугать.

— Что, брат? — спросил Зархад. — Что стряслось?

— Там такое! — выпалил Грыбан, и глаза его дико выпучились.

— Хватит уже дурью маяться, — не оборачиваясь, потребовал Гамал. — Это не смешно.

— Там всадники! — наконец, сумел вытолкнуть из себя гоблин.

После прозвучавших слов даже Гамал соизволил повернуться к нему лицом.

— Что ты сказал? — быстро переспросил алхимик.

— Всадники там, — повторил Грыбан. — Много! Целое, мать его, войско!

— Там, это где? — уточнил Гамал, и в голосе его Стасик расслышал нотки страха.

— Там, снаружи, — махнул рукой Грыбан. — Неподалеку.

— И что они делают?

— Часть стоит на месте, а другие, спешившись, идут сюда. У них оружие, на самих латы. Жуть и ужас! Я только, значит, портки приспустил, глядь, а их там тьма тьмуца прет.

Глаза Гамала полезли на лоб.

— Сюда? — простонал он. — Идут сюда? Нет! Этого не может быть! Ты ошибся, или тебе показалось.

Но взъерошенный и напуганный вид Грыбана говорил об обратном.

— Клянусь печеным поросенком! — выпалил он, ударяя себя кулаком в грудь. — Чтоб мне одним сельдереем всухомятку давиться!

— Дед, свояк не брешет, — заявил Зархад. — Я его знаю. Да и такими страшными клятвами просто так не разбрасываются.

Стасик удивленно моргал глазами, силясь понять, что происходит. Какие еще всадники? Какое войско? Откуда оно здесь, и зачем пожаловало?

И хотя он еще ничего не понимал, ему уже заранее стало очень страшно.

— Вашу мать! — выкрикнул Гамал. — Так, все живо за мной! Живо!

Он схватил впавшего в ступор Стасика и толкнул его к двери. Затем рывкнул на гоблинов:

— А вам, зеленым, надо дважды повторять?

Они всей гурьбой выбежали в коридор.

— Гамал, что происходит? — простонал Стасик, чувствуя все больший ужас.

— Не знаю! — отрезал старик. — Но если Грыбан сказал правду, у нас крупные неприятности.

Стасик едва не разрыдался в голос. Опять неприятности! Опять! Едва его жизнь хоть чуточку наладилась, как правильный мир тотчас же подвез ему свежую порцию отборных гадостей.

Часть четвертая. Глава 43

Элария, верховная волшебница Ангдэзии, главная советница короля и четвертое лицо в государстве, быстрым шагом шествовала по столичным улицам, вызывая у всех встреченных зевак острые приступы шейной болезни. Люди глазели на нее с таким жадным любопытством, будто она была диковинкой, привезенной из заморской страны и выставленной на бесплатный показ. Хотя, казалось бы, ведь это же столица, и здешние обитатели привыкли каждый день воочию наблюдать различных высокопоставленных особ, вплоть до самого монарха, который частенько прогуливался по улицам с небольшой свитой и охотно общался с подданными.

Возможная причина интереса столичной публики крылась в довольно небрежном наряде волшебницы. Ее простенькое платье и видавшие виды башмачки никак не вязались с тем образом модницы, которого она строго придерживалась все годы своего нахождения на высокой должности. Длинные каштановые волосы, обычно убранные в замысловатую прическу и украшенные цветными лентами, теперь свободно спадали до самых ягодиц. Да что там волосы, на лице волшебницы не было ни следа косметики, что сразу бросалось в глаза — все мелкие, но неисчислимы, морщинки проступили дружно и вызывающе. Будто они, сговорившись, именно сегодня решили прокричать на все королевство страшную правду — верховная волшебница не вечно юная фея, она такая же, как и все, и время не обходит ее стороной.

Конечно, Элария могла бы навести на себя иллюзию ослепительной красоты, могла бы просто сделать себя невидимой для всех любопытных глаз. Но ей было не до того. Она слишком сильно торопилась, и была слишком сильно взволнована, чтобы думать о подобных мелочах.

Как назло, путь предстоял неблизкий, и волшебница, отшагав приличное расстояние по городским улицам, спохватилась и пожалела о том, что не додумалась взять экипаж. Но теперь об этом поздно было волноваться. Над черепичными крышами столичных зданий она уже видела покосившийся на сторону шпиль темно-синего цвета. Оставалось пересечь переброшенный через канал мост и преодолеть парочку узких улочек.

Стайка детишек, запускавших деревянные кораблики в воды канала, прервала свою забаву и уставилась на волшебницу, как на дивное диво. Одна маленькая девочка с выпачканными грязью коленками и щеками так широко и надолго раскрыла рот, что Элария, бросив в ее сторону беглый взгляд, сумела опередить соотношение молочных и коренных зубов. Мальчишка в коротких штанах увлекся наблюдением и упустил свой кораблик. Течение тут же подхватило его и быстро повлекло по рукаву канала.

Элария почти перешла на бег. Она пресекла мост, поразила своим видом парочку, гулявшую по набережной, и скользнула на узкую улочку, зажатую между двумя высокими зданиями. Здесь ей вновь довелось очутиться в роли достопримечательности. Плотники, устанавливающие входную дверь, старый мастер и мальчишка-подмастерье, вперили в нее глаза с такой неумной жадностью, будто она являлась бутылкой сивухи. Волшебница пробежала мимо них, не повернув головы, и уже не увидела, как пришедшие в себя ремесленники отвесили ей запоздалые поклоны.

Улочка вывела ее к высокому забору из дикого камня, уродующему городскую архитектуру своим угрюмым серым видом. Над забором поднималась несурзная

конструкция — грязно-серая цилиндрическая башня с узкими, как бойницы, окнами, увенчанная покосившимся на сторону темно-синим шпилем. Впрочем, шпиль был скорее темно-бурым, поскольку большая часть краски давно отлетела с него, обнажив тронутый ржавчиной металл.

Элария двинулась вдоль забора, надеясь больше никого не встретить. Она уже видела вход во двор — тяжелую железную дверь, висящую на исполинских петлях. Обычно эта дверь была накрепко заперта изнутри, а подвешенный подле нее колокольчик не очень-то помогал проникнуть внутрь, поскольку издавал чуть слышный глухой стук вместо положенного звона. Но сегодня дверь была приоткрыта. Сквозь щель наружу выглядывало хорошо знакомое Эларии лицо — старое, морщинистое, вечно угрюмо-невозмутимое. Древний слуга был тем еще истуканом. Ничто на свете не могло выдавить из него хотя бы тень эмоции. Передвигался он медленно, с какой-то траурной торжественностью, а говорил не чаще раза в месяц. Обычно приходилось долго ждать, прежде чем он доковыляет до калитки и отопрет ее. Но сегодня все обстояло иначе. Старик уже поджидал ее у входа.

Элария сама распахнула тяжелую дверь, и быстро спросила:

— Что с ним?

На каменной физиономии слуги не дрогнул ни один мускул. Взгляд его был до того равнодушен, что Эларии захотелось вlepить истукану пощечину, лишь для того, чтобы хоть на миг пробудить его к жизни.

Вот узкие губы старика медленно разошлись, и он гулко проронил следующие слова:

— Господин ожидает вас.

После чего неторопливо запер калитку на все засовы, и побрел по тропинке, ведущей к башне. Та уродливым столбом высилась посреди неряшливого двора, заросшего сорняком и молодыми деревцами. Элария шла за ним следом, с трудом сдерживая злость. Одним богам было ведомо, сколько раз ей хотелось отвесить пинка этой старой заднице.

— Он здоров? — спросила она, не выдержав.

Слуга даже не повернул головы.

Кулаки Эларии сжались, зубы закрипели. Но вслед за вспышкой злости пришло смирение. Она просто отвыкла от всего этого, вот и все. Следовало быть терпеливее.

В башне царил зловещий сумрак. Воздух внутри был несвежий, тяжелый, наполненный целой палитрой раздражающих и откровенно неприятных запахов. Повсюду, куда ни падал взор, Эларии являлись следы ветхости и упадка. Мебель, изготовленная некогда лучшими мастерами Англэзии, давно превратилась в древнюю рухлядь. На стенах кое-где красовались темные пятна неизвестного происхождения. Пятна были и на полу. Похоже, никто даже не пытался бороться с ними. А еще внутри было пыльно. Очень пыльно.

Казалось, башня одряхлаела вместе со своим хозяином, и находилась в одном шаге от смерти. Однажды хороший порыв ветра неминуемо опрокинет ее. Если не осуществлять регулярного ремонта, так и случится. А ремонта тут не было уже многие годы.

— Хозяин у себя, — прогудел слуга, взглядом указав Эларии на винтовую лестницу, ветхую и жутко скрипучую.

— Ясно, — ответила волшебница, и быстро заспешила вверх по ступеням. Те выли и стонали, как живые, под ее башмачками.

Прежде башня казалась Эларии гораздо больше. Когда она попала сюда впервые, очень давно, целую пропасть лет назад, башня потрясла ее. Для деревенской девчонки, видевшей прежде только невысокие сельские домики да приземистые сараи, башня была чем-то

непостижимым и величественным. Но теперь она казалась Эларии крошечной и неудобной. Башня будто ужалась, усохла и стала меньше за прошедшие годы.

Под страдальческий стон ступенек Элария взбиралась все выше. Мимо нее проплывали узкие окна-бойницы, сквозь которые открывался вид на столицу. Элария припомнила, как часто она застывала возле этих окон, любуясь красотой огромного города, и мечтая очутиться там, снаружи, за пределами башни и огораживающей ее стены. Там кипела жизнь, непостижимо захватывающая и интересная. Она уже тогда возненавидела эту башню и воспринимала ее тюрьмой. И рожденная в детстве неприязнь не исчезла до сих пор. В этих стенах ей было неудобно: они давили на нее, сжимались вокруг каменным капканом, словно желая запереть ее на веки вечные, высосать остатки ее молодости и красоты, и превратить в старую развалину, под стать себе.

Преодолев лестницу, количество ступеней которой Элария прекрасно помнила до сих пор, она очутилась напротив простой деревянной двери. С этой дверью у нее тоже было связано немало воспоминаний.

Ощущая робость, которую она так и не сумела преодолеть в себе, Элария подняла руку и негромко постучалась. Ответа не последовало. Она постучала громче, и вновь ничего. Собравшись с духом, Элария осторожно толкнула дверь от себя, и выяснила, что та не запрета.

Комната, в которой она очутилась, напоминала чулан неисправимого скряги, на протяжении всей жизни старательно складывающего весь хлам, так или иначе попавший к нему в руки. Вдоль стен выстроились книжные полки, уставленные тяжелыми фолиантами. И полки и книги покрывал толстый слой пыли. Повсюду царил беспорядок. На затоптанном ковре, некогда ярком, а ныне однотонно-сером, рассыпались клочки бумаги. На краю стола, который трудно было разглядеть под горой свитков и томов, стояла грязная тарелка с обглоданными куриными костями. Стояла она там уже не первый день, и тоже успела покрыться пылью.

Из комнаты наружу выходило большое застекленное окно, но свет с трудом пробивался сквозь него, увязая в слоях грязи, пыли и дохлых мух. Запах стоял отвратительный, и Элария только чудом сдержалась, чтобы не зажать пальцами нос.

Ей понадобилось некоторое время, чтобы разглядеть единственного обитателя этих роскошных апартаментов. Его не так-то просто было заметить в полумраке. Сгорбленный худой старик в сером халате успешно маскировался на фоне такого же серого хлама. Он сидел в глубоком кресле с высокой спинкой. Сидел неподвижно, как уродливая статуя. Полуприкрытые глаза его смотрели прямо перед собой и не моргали.

На какой-то миг Эларии показалось, что старик мертв. Он до ужаса напоминал покойника, иссохшую мумию, которая просидела в этом кресле последние лет десять и развалится на куски, стоит только до нее дотронуться.

Элария медленно приблизилась к креслу. Старик продолжал глядеть прямо перед собой, не замечая ее. Элария с содроганием поняла, что не узнает своего учителя. Она редко навещала его в последнее время, и вид того, во что превратила его старость, вызвал у нее невольное отвращение. Она помнила его иным — высоким, крепким мужчиной, взгляд которого лучился мудростью, а от всего облика веяло тайной мощью. В свое время верховный маг Доригер был красавцем хоть куда и пользовался успехом у придворных дам. Вот только время это давно миновало, а придворные дамы, которых бывший верховный маг щупал за мягкие места, теперь удобряли собой землю городского кладбища.

Элария остановилась на почтительном расстоянии от кресла, и попыталась привлечь к себе внимание старика деликатным покашливанием. Успеха это не возымело. Доригер не шелохнулся.

— Учитель? — негромко позвала Элария.

Старик продолжал недвижимо сидеть, все больше напоминая мертвеца. Сделав еще один шаг вперед, Элария наклонилась, и тронула его за тонкую морщинистую руку.

Медленно, будто с трудом возвращаясь в мир живых, Доригер повернул голову, поднял взгляд и посмотрел на нее. Какое-то время в его взгляде Элария явственно читала непонимание. Старик мучительно пытался вспомнить ее. Затем он моргнул, шевельнулся всем телом, отчего по комнате разнесся скрежет старческих суставов, и скрипуче произнес:

— А, это ты. Что тебе нужно?

На самом деле, этот вопрос собиралась задать Элария. В последние годы она редко навещала учителя, и не было случая, чтобы он хоть раз призвал ее сам. Не было, до сегодняшнего дня. Вот почему она так встревожилась, и помчалась в башню старого мага, позабыв и о прическе, и о косметике и о наряде. Ей представлялось самое худшее. Она ожидала застать учителя на смертном одре, на стадии последнего издыхания. Но Доригер, которого она обнаружила, вовсе не выглядел умирающим. Да, он был чертовски стар, и жить ему оставалось недолго, но он явно не собирался покидать этот мир прямо сейчас.

— Учитель, зачем вы меня позвали? — мягко спросила Элария.

Доригер уже давно не был ее учителем, и давно уже не носил никаких высоких титулов. Но Элария, даже став верховной волшебницей Ангдэзии, так и не смогла привить себе привычку называть бывшего наставника по имени, как приятеля или коллегу. Для нее он оставался учителем, даже теперь, когда почти выжил из ума.

— Я? — удивленно переспросил Доригер, косясь на Эларию с недоверием. — Я тебя звал?

— Звали.

— Не помню этого.

Он застыл в одном положении, сильно наклонив тело вперед и глупо приоткрыв беззубый рот. Затем опять посмотрел на Эларию, и наставительно произнес:

— Тебе следует меньше гулять и больше работать. Чтобы достичь успеха в нашем деле, нужно трудиться денно и нощно. Если станешь тратить время на забавы, не удержишься в числе придворных магов. Не хочу за тебя краснеть.

Элария не стала напоминать старику, что она уже не просто придворный маг, а верховный маг всего королевства, и выше по карьерной лестнице ей уже не взлететь, потому что выше некуда.

— Учитель, так, значит, ничего не случилось? — ласково, будто обращаясь к малому ребенку, спросила Элария, испытав скорее не раздражение, а облегчение.

Старик причмокнул губами и провел по ним трясущейся рукой, стирая брызнувшую на подбородок слюну. Затем вновь повернулся к Эларии, и та невольно вздрогнула, заглянув ему в глаза. Сквозь мутную пелену старческого слабоумия во взгляде мага проступило прежнее выражение. Он смотрел на нее насмешливо и высокомерно, как и полагалось мудрецу взирать на несмышленную девчонку.

— Ничего не случилось? — резко произнес он. — Да. Конечно. Ничего не случилось. Я позвал тебя просто для того, чтобы на тебя поглазеть. Как будто у меня нет других дел! Как будто я не насмотрелся на тебя за все те годы, что потратил на твое обучение.

Он резко встал и даже попытался выпрямиться, но в итоге сдался и позволил спине принять привычное сгорбленное положение.

Шаркая ногами по серому ковру, он направился к столику, стоящему возле окна. Заметив, что Элария продолжает стоять на месте, Доригер слегка повернул голову, и резко бросил ей:

— Тебе требуется особое приглашение? Тащи сюда свою задницу, да поживее.

Элария покорно последовала за ним.

Возле столика старик остановился, и некоторое время глядел на него будто в недоумении. Тот был завален скрученными в рулоны картами. Доригер взял одну и бросил на пол. Затем поступил так же с двумя следующими. Наконец, когда четвертая карта оказалась в его руке, он одобрительно хмыкнул, и стал разворачивать ее на столе.

— Прижми чем-нибудь края, — потребовал он.

Элария взяла несколько книг, и разместила их по краям карты. Она не понимала, что происходит, но решила просто ждать и наблюдать. Даже если все это какое-то очередное чудачество потерявшего рассудок старика, она не многое потеряет, приняв в нем участие.

Карта, развернутая на столике, изображала участок нейтральной полосы. Самый обычный, ничем не примечательный участок. Разве что сама карта была довольно старой — в той точке, где ныне располагался приграничный Форинг, на ней зияла пустота. Карте этой было лет сто, если не больше. И Элария позволила себе расслабиться. Похоже, она угадала, и впавший в маразм учитель просто чудачит. А как же иначе? Что важного может быть на карте столетней давности?

Расслабляться, впрочем, не следовало. Доригер вдруг схватил ее за руку и резко притянул к себе.

— Надеюсь, ты еще помнишь перечень запретных мест нейтральной полосы? — спросил он строго.

— Да, конечно, — растерялась Элария.

— Одно из них есть на этой карте. Покажи его.

Эларии не понадобилось много времени. Уже через секунду она уверенно ткнула пальцем в точку на карте. Эта точка никак не была отмечена, просто пустое пространство, где якобы нет ничего интересного. Но Элария знала, что это не так. Запретные места потому и считались запретными, что отнюдь не пустовали.

— Верно, — одобрительно кивнул Доригер. — Уже неплохо. Ты можешь удивить меня еще больше, и сказать, что находится в том месте.

Элария этого не знала. Она вообще никогда не интересовалась запретными местами нейтральной полосы. Их перечень составили задолго до ее рождения, и все, что от нее требовалось — знать о них. Эти места категорически запрещалось посещать. Каждому герою, воину или магу, вбивали это в голову на протяжении всего обучения. Нейтральная полоса в вашем распоряжении — уничтожайте чудовищ, сражайтесь с войсками империи, ищите сокровища в древних руинах. Но ни в коем случае не приближайтесь к запретным местам!

— Мне это неизвестно, — призналась Элария.

— Плохо! — осудил ее Доригер. — Уж верховной волшебнице королевства положено знать подобные вещи. Не вечно же ты собираешься надеяться на меня. В этом месте, — он вновь ткнул в карту своим пальцем, — расположена старая крепость. В прежние времена там проходила граница с нейтральной полосой. И как ты сама, должно быть, догадываешься,

эти руины попали в список запретных мест неспроста.

— Что же там? — спросила Элария, с тревогой поглядывая на старого мага, к которому в кой-то веки возвратился его прежний разум. — Что в той крепости?

— Это случилось в те годы, когда наши предки только-только нашли путь в иные миры, — ответил Доригер. — Тогда еще о них мало что было известно. Двери открывали наобум, и тащили оттуда все, что ни попадя. Казалось, что удачная находка может переломить исход войны. Какое-нибудь могущественное существо из иного мира, которое удалось бы поставить себе на службу.

Всего этого старик мог бы и не говорить. Уж историю-то Элария знала. Этот предмет Доригер считал важным, а потому его ученица провела немало бессонных ночей, сидя над толстыми пыльными фолиантами, содержащими в себе летописи далекого прошлого. Из них она почерпнула знания, в том числе, и о периоде первых опытов по проникновению в иные миры. И прекрасно знала, что некоторые из этих опытов закончились трагически. Поскольку, иногда случалось так, что открытая дверь вела в какое-нибудь ужасное место, и если ее не успевали вовремя закрыть, гибли люди. Уже позднее маги составили перечень допустимых для взаимодействия с ними миров, и больше никогда не открывали двери наобум.

— Что же тогда случилось? — спросила Элария.

— Случилось, да, — шамкая беззубым ртом, пробормотал Доригер. — Наши предшественники открыли дверь в какое-то очень нехорошее место, и что-то притащили оттуда....

— Невозможно! — вскрикнула Элария. — Этого не может быть. Такого никогда не делали. Это же безумие.

— Хватит визжать! — сердито потребовал старик. — Слушай, что было на самом деле, а что ты думаешь об этом, то держи при себе. Да, они что-то принесли в наш мир. Какое-то существо, полагаю. Руководствовались они благими намерениями. Им казалось, что ради победы над темной империей, можно пойти на определенный риск. Но их проект вышел из-под контроля. Подробности мне неизвестны, но я слышал от своего учителя, а уж ему можно было верить, что существо до сих пор заперто в подземелье, под руинами старой крепости. Чародеи прошлого употребили все свои силы и знания на то, чтобы заточить его в темнице на веки вечные. Хотя бы на это им ума хватило.

Доригер замолчал. Молчала и Элария. Она была потрясена и напугана услышанным. Как будто мало им проблем с темной империей, так теперь еще выясняется, что предки совершили великую глупость, и притащили в этот мир нечто. Нечто, чему здесь совсем не место. Нечто, что теоретически может представлять большую опасность, чем даже Дакрос Безжалостный вместе со всеми своими несметными полчищами.

— Да, они заперли это существо, — внезапно вновь заговорил Доригер. — И нам не с чем было бы беспокоиться. Чары, лежащие на той темнице, крепки. Даже время не властно нам ними. Пройдут тысячи лет, прежде чем их сила иссякнет.

— Но? — осторожно подтолкнула старика Элария.

— Но, — кивнул головой старый маг, и криво усмехнулся. — То-то и оно, что но. На протяжении последних веков руины крепости обходили стороной. Мы запрещали героям приближаться к ним, злодеи, похоже, тоже о чем-то догадывались, и сторонились этих развалин. Но недавно что-то изменилось. Существо, запертое в темнице, стало проявлять нетипичную активность.

Элария вздрогнула.

— Что ты имеешь в виду? — быстро спросила она у своего учителя.

— Мне кажется, оно пытается разрушить сдерживающие чары. И это очень странно. Потому что темница построена с таким расчетом, чтобы отбивать у узника всякое желание рваться на волю. Полагаю, существо едва ли может предпринимать все это по собственной инициативе. Его кто-то подначивает. Понимаешь? Кто-то пытается освободить его.

— Но кто может быть этим безумцем? — спросила Элария. — Разве он не понимает, чем это грозит нашему миру?

— Возможно, что и не понимает. А возможно он отлично понимает все и делает это целенаправленно. Так или иначе, все это нужно прекратить. Само по себе существо не опасно, пока оно сидит в темнице. Но если кто-то поможет ему обрести свободу, нам всем придется несладко. Точнее, вам всем, потому как мне уже недолго осталось бременить собою землю.

— Значит, нужно что-то делать, — засуетилась Элария. — Нужно отправить в крепость отряд и прекратить все это. Я лично возглавлю его. Хочу убедиться сама, что защитные чары до сих пор крепки.

— Э, нет, ты туда не поедешь, — строго произнес Доригер.

— Почему же? Разве кто-то кроме меня сможет разобраться с этим делом лучше?

Старик, шаркая ногами по стертому ковру, добрался до своего кресла и тяжело опустился в него. Взгляд его глаз начал медленно гаснуть, на время пробудившийся ум вновь погружался в пучину старческого маразма.

— Чары, наложенные на темницу, сильны и могущественны, но их количество и сложность делают их уязвимыми для внешнего магического воздействия, — негромко произнес Доригер. — Ты, конечно, все еще бестолковая девчонка, но твоя магическая мощь велика. Тебе не следует приближаться к тем развалинам. Любое неосторожное действие, любое случайно брошенное заклинание, могут поколебать сдерживающие чары. Образуется крошечная брешь. Она будет шириться, расплзаться, и со временем барьер ослабнет настолько, что уже не сумеет сдержать запертое внутри существо. И потом, мы ведь точно не знаем, что там происходит, и кто пытается взломать темницу. Лишившись возможности колдовать, ты станешь уязвимой. Если Ангдэзия потеряет свою верховную волшебницу, это станет настоящей трагедией. Кто займет твое место? Я уже одной ногой в могиле. А твой ученик всего лишь мальчишка, который достигнет нужного уровня еще очень нескоро. Мы не можем так рисковать. Оставайся в столице. Отправь в крепость героев с пограничья. Им привычны рейды на нейтральную полосу. Они все сделают сами. Если опасность невелика, они устранят ее своими силами. А если в крепости обосновался кто-то могущественный, мы ничего не потеряем, лишившись двух-трех десятков рядовых героев.

Старик говорил все тише, и в конце Эларии пришлось напрягать слух, чтобы разобрать его слова. Взгляд бывшего верховного мага потух окончательно, он уронил голову и погрузился в дрему.

Элария немного постояла подле него, затем быстро вышла из комнаты, сбежала вниз по винтовой лестнице и выскочила из старой башни. Теперь ей предстоял обратный путь во дворец. А там она тотчас же свяжется с Форингом, и отдаст приказ. Ее нисколько не смущало, что отправленные ею в старую крепость герои могут погибнуть. Эларию давно не волновали такие вещи, как потери среди личного состава. На кону стояло нечто большее, чем десяток-другой жизней.

Она почти бежала по городским улицам, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих, а про себя гадала, что еще знает старый учитель, и о чем он забыл рассказать ей. Какие мрачные тайны прошлого хранит его седая голова? Нужно как-нибудь посетить его, и расспросить обо всем. Вытянуть из старика все, что удастся.

Но прежде следовало решить насущную проблему: любыми средствами не допустить, чтобы загадочное существо, доставленное магами древности из иного мира, обрело свободу. А чтобы подобного не случилось и впредь, хорошо бы засыпать старую крепость землей, воздвигнув над ней огромный курган. И пускай себе зловещий узник сидит в своей темнице до скончания времен, пока дворцы Ангдэзии и темные башни Кранг-дана не обратятся в прах, и ветер не развеет его по пустыне отжившего свой век мира.

Откинувшись на спинку кресла, Ильнур шумно выдохнул и потряс головой. Только что состоявшийся сеанс связи со столицей обернулся порцией дурных вестей. Элария, верховная волшебница Ангдэзии, была не на шутку встревожена. Никогда прежде Ильнуру не доводилось видеть ее такой взволнованной. Чародейка сохраняла завидное хладнокровие в самых сложных ситуациях, но в этот раз она полностью растеряла все свое самообладание.

Лаура, сидящая по правую руку от верховного паладина Форинга, была столь же мрачна и погружена в свои думы. Ее знакомство с Эларией носило более тесный характер. А потому поведение верховной волшебницы встревожило Лауру больше, чем Ильнура. Та никогда не стала бы так нервничать по пустякам. А по меркам Эларии пустяками могло считаться все, вплоть до конца света. Но в этот раз у нее нашлись причины для волнения.

Помимо них в зале совета находились двое — Колька и молодой паладин, на днях прибывший в Форинг из столицы. Звали его Андис. Он являлся отпрыском знатного рода, богатого и влиятельного, имевшего прямые выходы на королевскую семью. И жить бы этому юнцу в столице, не зная горя, но в дело вмешались непреодолимые обстоятельства любовного характера. Воспылав страстными чувствами к одной прелестной особе, Андрис вбил себе в голову ни на чем не основанную идею, что лишь великими подвигами сумеет произвести на избранницу неизгладимое впечатление. А где же вершить эти подвиги, как не на самой границе с землями врага? Вот и принесло его, молодого да несдержанного, в Форинг.

Ильнура загодя предупредили о его прибытии. Предупредили не только об этом. Родичи похлопотали на самом высоком уровне, и оттуда, свысока, Ильнуру прямо приказали следить за юнцом внимательно, в оба глаза, от всех возможных опасностей его оберегать, но и в подвигах препятствий не чинить. Верховный паладин Форинга до сих пор не мог понять, как увязать одно с другим. Подвиги вершатся в бою, а бой — дело опасное. Случается, что даже самые могучие герои гибнут от сущего пустяка. Вот так подкрадется со спины какой-нибудь мелкий злодей, да всадит отравленный кинжал в щель между латными пластинами. И все, и нет Андиса. А следом за ним и Ильнуру лучше бы шагнуть за смертную черту, потому как могущественные родичи возжаждавшего подвигов юнца точно не дадут ему житья.

Да, не в добрый час свалился на голову верховного паладина этот Андис. Ильнур искоса поглядел на юношу. Тот был высок и хорошо сложен, и титул паладина получил не за красивые глазки. Его учили лучшие наставники столицы, великие мастера меча. Одна беда — бывать в настоящем бою Андису еще не доводилось. А настоящий бой совершенно не походил на тренировку с наставником. Ильнур это знал по себе. Он тоже был отлично подготовлен ко всему, когда вступил в свое первое настоящее сражение. Точнее, он думал, что подготовлен ко всему. Оказалось, что ошибался.

— Вот, значит, как, — нарушил молчание Ильнур. — Старая крепость. Я слышал о ней.

— Слышал что? — быстро спросил Андис, глаза которого сверкали в предвкушении скорых подвигов. Он беспокойно ерзал задом на стуле, будто ему не терпелось скорее облачиться в доспехи, вскочить на коня и мчаться на нейтральную полосу.

— Ничего определенного, — ответил Ильнур. — Просто знал, что она есть. Мой предшественник говорил мне о ней, и предупреждал сторониться ее.

— Видимо, неспроста, — нарушила молчание Лаура. — Верховная волшебница сказала

немногое, но я догадываюсь, о чем она умолчала. Там что-то есть. Что-то сокрыто в этой крепости, и оно должно оставаться таковым.

— Могла бы объяснить все обстоятельно, — проворчал Колька. — Какие недомолвки могут быть между нами? Или в столице не доверяют нам, защитникам Форинга? Мы стоим на переднем рубеже, в любой час готовые принять на себя удар черных орд. А эти столичные клоуны подозревают нас в чем? Уж не в измене ли?

Ильнур со страхом уставился на Кольку. Он и сам иной раз любил отпустить излишне острую критику в адрес руководства, но только в компании надежных друзей, про которых знал точно, что они не побегут следом писать на него донос. Ильнур происходил из бедного дворянского рода, всего в жизни добился сам, трудом и упорством, и закономерно недолюбливал столичных богачей, получающих все на золотом блюде. Но нельзя же так вольно выражаться в присутствии Андиса! Кто знает, что он за фрукт? И о чем разболтает, когда вернется в столицу?

— Следи за своим языком, Николай! — строго приказал Ильнур, и глаза его сверкнули недобрым блеском. — Не нам обсуждать приказы короля, и не нам их осуждать.

Колька вспыхнул, явно готовясь бурно возражать, но поймав многозначительный взгляд Ильнура, передумал и поник головой.

— Прости, — пробормотал он виноватым тоном. — Я забылся.

— Не стоит обвинять верховную волшебницу в сокрытии от нас какой-то важной информации, — мягко произнесла Лаура, с нежностью взирая на Кольку. — Может оказаться и так, что Элария сама не знает больше, чем сообщила. Та крепость покинута сотни лет назад. Никто не посещал ее за это время. Память о ней старательно вымарывали, и, возможно, перестарались с этим.

Произнося свою речь, Лаура буквально пожирала Кольку глазами. Ильнур, разумеется, все это прекрасно видел. И не только это. И не только видел. Ничто в Форинге не происходило без его ведома. Он знал обо всем, как и положено хорошему военачальнику. В том числе и о том, в чьей постели проводит ночи верховная волшебница города.

Любовные делишки подчиненных не слишком его заботили. Но Ильнур знал, что иногда подобные отношения могут принести ощутимый вред. Если придется выбирать — Форинг или Николай, каков окажется выбор Лауры? Та влюбилась, как девчонка, и целыми днями бегала за Колькой хвостом. Столь сильные чувства могли толкнуть на безрассудные и откровенно преступные поступки. А это вдвойне опасно здесь, на границе. Нейтральная полоса рядом, враг только и ждет момента, чтобы обрушиться на Форинг. Сначала резкое снижение активности имперских войск, теперь вот что-то непонятное со старой крепостью, хранящей некую древнюю и жуткую тайну. Недобрые предчувствия одолевали Ильнура. Враг что-то затевал. И вдвойне беспокоило его то, что на стороне темной империи теперь находился невероятно хитрый и коварный злодей Свиноста. Однажды он уже обрек Форинг на гибель. Каков же его следующий план? Не замыслил ли он более масштабную операцию? И если так, лучше бы Лауре скорее вытрясти из головы весь этот любовный дурман, и вернуть себе прежнее здравомыслие.

— Да что тут думать-то? — вскочив со стула, выпалил Андис. — Нам отдали приказ. Так едем же! Если силы зла заняли крепость, мы отобьем ее.

— Сядь, прошу, — тихо произнес Ильнур. — Никто здесь не оспаривает приказов, но столица далеко, а враг близко. И это коварный враг. Подлость и вероломство его не знают пределов.

— О, я слышал! — воодушевленно закивал головой Андис. — Бездушный злодей Свиностас угрожает нашей любимой Ангдэзии.

Он мечтательно закатил глаза, и произнес с чувством:

— Как бы я хотел срубить голову этому грязному нечестивцу, и привезти ее в столицу на своем копье. Велика была бы слава героя, добывшего такой трофей.

— На голову Свиностаса можешь не нацеливаться, — довольно грубо посоветовал ему Колька. — Свиностас мой! У нас с ним давние счеты.

Андис без страха взглянул на молодого паладина, презрительно усмехнулся и бросил:

— Кто успел, тот и съел. Посмотрим, кому улыбнется удача на бранном поле. Но если мне выпадет шанс сразить Свиностаса, принесшего Ангдэзии столько горя, ничто не удержит мою руку.

— Как и мою, — быстро сказал Ильнур, пресекая разгорающуюся ссору. — Как и любого, кто уцелел в тот роковой день, когда Мортус и Свиностас залили кровью улицы Форинга. Все мы жаждем мести. И ты прав, Андис — кто успел, тот и съел. Многим бы хотелось лично расправиться со Свиностасом, но эта честь достанется лишь одному. Кому? — то ведомо только богам.

— Так не будем же мешкать! — вновь принялся рваться в бой Андис. — Мы можем выступить сегодня же.

Ильнур покосился в окно. До заката оставалось часа три, или около того, и верховный паладин мученически вздохнул. Может быть, Андиса и обучили хорошо владеть мечом, но война состояла далеко не из одних только битв. Точнее говоря, из битв она состояла в меньшей степени. Большой же частью это была скучная и рутинная хозяйственная деятельность. Где знать Андису, которого всю жизнь обхаживали слуги, какое это непростое дело — сбор войска в поход? Такие дела не делаются за пять минут. А если поторопишься, то в походе обязательно выяснится, что подготовка прошла отвратительно, нет того, этого, ничего не учтено и не просчитано. Похоже, учителя не объяснили Андису, что солдатам в походе следует создать надлежащие условия жизни, а если заставить их спать на голой земле и питаться подножным кормом, то одна половина личного состава в первую неделю сляжет от болезней, а вторая дезертирует.

— Нет, сегодня уже поздно, — возразил Ильнур. — Я отдам приказ к приготовлению, но раньше завтрашнего полудня мы не выступим.

Он склонился над картой, что лежала на столе, и провел пальцем черту от Форинга до пустой области, где и располагалась та самая древняя крепость.

— Верхом мы успеем добраться до места засветло, — задумчиво произнес он.

— А как же пехота? — спросил Андис.

— Пехота останется в Форинге.

Все удивленно посмотрели на верховного паладина. И не без причины. Коней в Форинге было не так уж и много, основную силу города составляли пешие воины. Большинство героев тоже предпочитали странствовать на своих двоих.

— Разумно ли отправляться туда малым числом? — спросила Лаура. — Особенно с учетом того, что госпожа Элария запретила применять магию вблизи крепости.

— Вот-вот, — поддакнул Колька. — Мы ведь даже не знаем, что там происходит. Нас может поджидать ловушка.

— Именно этого я и опасаясь, — с мрачным видом произнес Ильнур. — Но я боюсь не за себя и не за тех, кто отправится со мной. Не так уж и глупы злодеи, чтобы нападать в

чистом поле на многочисленный конный отряд паладинов и магов. Особенно, когда имеется иная, более заманчивая цель.

— Какая? — спросил Андис.

Ильнур поднял на него взгляд и невесело усмехнулся.

— Форинг, — ответил он. — Если мы уведем из города все войско, его некому будет защитить. Вот чего я боюсь. Того, что это уловка злодеев. Они хотят выманить наши силы, а потом, воспользовавшись отсутствием защитников, повторно разорить и разграбить Форинг. Я не могу этого допустить. Одного раза с меня достаточно. Именно поэтому мы оставим большую часть героев здесь. Столько, сколько нужно, чтобы отбить возможный штурм.

Тут Ильнур попытался убить одной стрелой двух зайцев — и обезопасить город, и избавиться в предстоящем походе от навязанного ему мажора.

— Кстати, — произнес он, — кто-то должен остаться и руководить обороной города. Это важная миссия, я могу поручить ее лишь надежному человеку.

Тут он посмотрел на Андиса, и спросил у него:

— Что скажешь? Справишься ты с этим заданием?

Юный паладин удивленно округлил глаза.

— Что? — чуть не закричал он. — Хотите отправиться за подвигами, а меня оставить на хозяйстве? Нет, так не пойдет. Я прибыл в Форинг не для того, чтобы отлеживать бока. Я жажду битв и славы! Я еду с вами!

Выражение лица Ильнура стало кислее лимона. Мог ли он заставить мальчишку исполнить свой приказ? Теоретически — да. В иерархии ордена он стоял выше него. Но проверять теорию практикой не стоило. Иерархия ордена, это одно, а влияние семьи мажора на самого короля, дело иного рода.

— Хорошо, — сдался Ильнур. — Ты с нами.

Андис засиял, демонстрируя всем свою широкую белозубую улыбку.

— Тогда, может быть, ты, Лаура? — предложил Ильнур. — Там ведь, все равно, нельзя колдовать.

— Ну, уж нет! — решительно произнесла волшебница. — Я не отпущу вас одних на это дело.

Ильнур помрачнел еще больше. Он отлично знал, кого именно не хочет отпускать Лаура. Потерявшая голову чародейка не желала расставаться с Колькой даже на несколько дней. А Ильнур с удовольствием оставил бы ее в Форинге. Одно дело — любовные пашни в городе, другое — они же в боевом походе. На нейтральной полосе нужно думать головой, а не иным местом, иначе возникает высокая вероятность лишиться и того, и другого.

— Ладно, я найду, кого назначить главным на время моего отсутствия, — сдался Ильнур, который понял: в походе ему придется следить за жаждущим подвигов мажором и за парочкой влюбленных голубков.

Задача вырисовывалась непростая, а ведь следовало еще и миссию выполнить — добраться до разрушенной крепости и выяснить, кто и зачем пытается выпустить на волю неведомое зло. Элария, в ходе сеанса связи, не сказала об этом зле ничего конкретного, но ее встревоженный вид был красноречивее любых слов. То, что таилось в подземельях старой твердыни, не должно обрести свободу, иначе грянет большая беда.

Ильнур поднялся на ноги, и произнес:

— Готовьтесь. Завтра выступаем. Я отдам все необходимые приказы.

Он посмотрел на Кольку, и сказал ему:

— Можно тебя на пару слов.

Вдвоем они вышли на широкий балкон, нависший над двором резиденции ордена. Убедившись, что ни Лаура, ни Андис их не слышат, Ильнур сказал:

— Ты давно знаешь Свиноста. Скажи — не может ли все это быть делом его рук?

Колька едва удержался от смеха. Он шутки ради насочинял небылиц о Стасике, и его забавляло, как легко поверили окружающие в его рассказы о вымышленных злодействах школьного лоха. Сам же он не верил даже в то, что Стасик каким-то образом причастен к разрушению городских стен Форинга. Его не убедили в этом даже обнаруженные доказательства. Он просто не мог поверить, что беззубый тьюфяк, над которым он измывался десять лет, способен хоть на какой-то поступок, не важно — злой или добрый. Колька не сомневался в том, что Стасика уже давно нет в живых. Этот беспомощный субъект просто не мог выжить в суровом мире меча и магии.

Но сказал он иное.

— Ильнур, я почти в этом не сомневаюсь, — заявил Колька с самым серьезным видом. — Ты не можешь себе вообразить, сколь коварен и подл Свиноста. Ты сказал верно — я знаю его давно. И потому говорю тебе — он точно стоит за всей этой историей с крепостью. Если не сам лично, то причастен как-то косвенно.

Ильнур тихо выругался.

— Мало нам было проблем, — проворчал он, — так теперь еще завелся этот мерзавец. С каким бы огромным удовольствием я срубил его гнусную голову! А ведь мы были так добры к нему. Даже ты. Вручил ему награду. Но он, неблагодарный, ничего этого не оценил.

— Свиноста всегда был мерзавцем, — вздохнул Колька, едва сдерживая рвущийся из груди хохот. — Его не изменить. Я надеялся, что он исправится в этом мире, но напрасно.

— Чует мое сердце, что этот гад еще попьет нашей кровушки! — процедил сквозь зубы Ильнур. — Это же надо — мы сами притащили в свой мир такого лютого злодея. Скорее бы чья-нибудь благородная рука сразила его, пока он не успел напакостить нам повторно.

Ильнур повернулся к Кольке, похлопал того по плечу, и произнес с улыбкой:

— Ладно, дело пустое. Нам не привыкать сражаться со злом, в каком бы облики оно ни являлось. Ступай, отдохни. Выспись сегодня хорошенько. Кто знает, что ждет нас в той крепости?

— Что бы ни ждало, ему несдобровать! — решительно произнес Колька.

— Это точно, — согласился Ильнур, но в его тоне не прозвучало железной уверенности. — Да, это точно.

Сборы войска начались с раннего утра. Ильнур был на ногах еще до рассвета. Он бегал по городу, непрерывно раздавая приказы, проверяя, осматривая и контролируя все лично. Обычно отличавшийся спокойным нравом, сегодня, будучи на взводе, он еще до завтрака успел устроить подчиненным пару крепких выволочек, не скупясь, при этом, на неуставные выражения.

С рассветом весь город наполнился шумом и суетой. Гомон человеческих голосов ворвался в открытое окно, и разбудил Кольку. Тот нехотя приоткрыл глаза, зевнул, и только после этого вспомнил о том, что сегодня они выступают в поход.

Вчера, вплоть до полуночи, он тоже был занят подготовкой к запланированному мероприятию. И только когда Ильнур приказал ему идти спать, оставил это дело, и побрел в свою квартиру. Паладины, в основной своей массе, проживали в резиденции ордена, но Колька поселился отдельно. И на то у него имелась веская причина.

Эта причина терпеливо ждала его до полуночи, и едва он переступил порог жилища, бросилась к нему на шею. Колька, ухмыльнувшись, тут же дал волю рукам, деловито ощупывая приятные изгибы и округлости. Верховная волшебница была хороша не только на глаз, но и на ощупь.

Тот факт, что ему удалось до беспамятства влюбить в себя Лауру, чрезвычайно льстил бывшему старшекласснику. Вообще-то Колька никогда не страдал от недостатка женского внимания. Он нравился девушкам, и знал это. Но все прежние подружки были его сверстницами, молодыми дурехами с гуляющим в головах сквозняком. А в новом мире ему удалось уложить в постель настоящую красавицу, что была на целых десять лет старше него, и имела значительный сексуальный опыт. После суетливых и неловких совокуплений со своими бывшими подружками, близость с Лаурой потрясла Кольку. Верховная волшебница Форинга творила в постели настоящее волшебство. Тем приятнее было осознавать, что первая красавица и столь значительная особа досталась ему. Колька безмерно гордился своим любовным триумфом. Ему ужасно хотелось получить возможность похвастаться новой любовницей перед старыми, оставшимися в родном мире, друзьями. Тех бы точно удар хватил от зависти.

Потянувшись, Колька осторожно выскользнул из-под простыни, стараясь не разбудить Лауру. Сделать это оказалось непросто — волшебница прижималась к нему всем своим прекрасным телом, и едва он стал отстраняться, начала, не просыпаясь, цепляться за него руками. Колька все же высвободился, и, насвистывая мотивчик родного мира, побрел совершать все положенные утренние процедуры.

Когда он возвратился обратно, Лаура уже сидела перед большим прямоугольным зеркалом, и расчесывала гребнем свою густую гриву, спутанную, после бурно проведенной ночи. Заметив его, она нежно улыбнулась, и спросила:

— Ты уже был снаружи? Что там происходит? Ильнур орет так, будто Форинг разрушили во второй раз.

— Еще не выходил, — ответил Колька, и рухнул на кровать.

Меньше всего на свете ему хотелось куда-то ехать сегодня. Он предпочел бы провести этот день здесь, в компании Лауры. Им было чем заняться. Волшебница, втрескавшись в него по уши, охотно исполняла его самые смелые фантазии, порой даже такое, о чем он стеснялся

сказать вслух. То ли она читала его мысли, то ли просто угадывала, то ли ей и самой этого хотелось. В любом случае, Колька с куда большим удовольствием отдался бы любовным играм, вместо того, чтобы целый день мозолить зад в седле.

— Послушай, — вдруг спросила Лаура, продолжая старательно водить костяным гребнем по волосам, — а не может ли Свиностаc быть причастен к этому делу?

Колька невольно вздрогнул, подумав про себя — и дался им этот Свиностаc? Он не уставал поражаться той легкости, с которой местные поверили в его байки о мнимых злодеяниях Стасика. И это при том, что все они наблюдали Стасика воочию, и не могли не понять очевидной истины — этот тюфяк является последним человеком, от которого следует ждать хоть чего-то.

— Не знаю, — ответил Колька. — Да и какая разница?

— Этот коварный монстр помог Мортусу разорить Форинг, — напомнила Лаура. — По мне, так разница есть. Свиностаc хитер и коварен. Он серьезная угроза для дела добра.

Лишь с огромным трудом Кольке удалось сдержать смех. До какой же степени нужно было погрязнуть в наивности, чтобы поверить в сочиненные им небылицы. Неужели все вокруг не понимали, что Стасик самое безобидное и безопасное существо на свете. Колька десять лет третировал его в школе, и за этот долгий срок Стасик ни разу не попытался выйти из роли покорной жертвы.

Резко поднявшись, Колька подошел к сидящей напротив зеркала Лауре, обхватил ее за талию и потащил в постель. Волшебница притворно сопротивлялась, кокетливо требуя отпустить ее и не мять только что расчесанные волосы.

— Волосы? — ухмыльнулся Колька, падая на кровать вместе с Лаурой. — Я, вообще-то, планировал помять у тебя кое-что другое.

Лаура звонко расхохоталась, запрокинув голову на подушку. Ее тонкая ночная рубашка запахнулась, обнаружив прекрасное юное тело. Казалось, время проходило мимо верховной волшебницы, и хотя ее возраст приближался к тридцати годам, она все еще выглядела восемнадцатилетней.

Но насладиться этим телом Колька не успел. Едва он приготовился приступить к приятному делу, как чьи-то тяжелые и нетерпеливые кулаки забарабанили во входную дверь.

— Да кого там принесло? — проворчал он, нехотя сползая с кровати.

— Наверное, пора собираться, — потягиваясь, предположила Лаура несколько разочарованным тоном.

Она оказалась права. Прибыл посланный Ильнуром воин, и сообщил Кольке, что верховный паладин вызывает его к себе.

— Передай, что я скоро буду, — ответил он посланнику, и захлопнул дверь.

Он быстро вернулся обратно в спальню, и обнаружил, что Лаура вновь сидит перед зеркалом.

— Что там? — спросила она.

— Ильнур требует к себе, — ответил Колька, собирая разбросанную по комнате одежду. — Интересно, как надолго затянется этот поход? И что там с той крепостью? В ней жить-то можно?

— Ты хотел спросить — есть ли там крепкая кровать? — засмеялась Лаура.

— И это тоже, — не стал спорить Колька, прыгая на одной ноге, а вторую пытаясь пристроить в штанину.

— Не думаю, что все это продлится долго, — произнесла волшебница. — Нам нужно

устранить угрозу, и только. Это не займет много времени.

Колька, наконец, совладал со штанами, и стал осматриваться в поисках сапог.

— Все-таки странно, что об этой крепости никому ничего не известно, — заметил он. — Элария сказала что-то о заточенном в ее подземелье ужасе. Разве о таких вещах не положено помнить?

— Попробуй все упомни, — пожала плечами Лаура. — Я знаю, тебе трудно это понять. Судя по тому, что ты рассказал мне о своем мире, у вас такие события происходят нечасто. Но у нас все иначе — что ни день, то какой-то катаклизм. Разные злобные сущности лезут из всех щелей. Ты же читал хроники.

— Скорее, бегло пролистал, — ответил Колька.

Хроники являлись чем-то вроде учебника истории, и представляли собой перечень сколь-либо значимых событий этого мира. И судя по ним, Лаура была права — там почти на каждой странице появлялся какой-нибудь эпический монстр и грозил всему живому тотальным уничтожением. Возможно, летописцы несколько преувеличили подлинный масштаб несчастья, но в том, что от скуки этот мир не страдал, сомневаться не приходилось.

— Поэтому о каком-то заточенном в подземелье чудовище могли и забыть, — сказала Лаура. — Тем более что это случилось так давно.

— Ну и ладно, — произнес Колька. — Лишь бы оно и дальше продолжило сидеть в своей темнице. А уж мы об этом позаботимся.

Квартиру они покинули порознь. Первым вышел Колька, а Лаура выждала минут десять, прежде чем последовать за ним. Их связь не была чем-то преступным, и многие если не знали, то догадывались о ней, но в этом мире не приветствовалась вызывающая демонстрация подобного поведения. У простолюдинов с этим было проще, а вот знать, к числу которой принадлежали и паладины, и волшебники, обременялась нормами приличия, дабы являть окружающим пример благочестия.

Ильнур отдавал последние распоряжения паладину, которого он оставлял главным в Форинге на время своего отсутствия. Распоряжений набралось немало. Решив перестраховаться, Ильнур приказал, чтобы на ночь все жители окрестных ферм вместе со скотом укрывались за городскими стенами, а днем вокруг города должны были постоянно курсировать разведчики и следить за подступами.

— Если заметите вражеское войско, то не вступайте в бой, — наказывал Ильнур. — Запритесь в городе и запросите помощь.

— Слушаюсь! — отчеканил паладин.

— И поглядывайте в оба. Что-то беспокойно у меня на душе.

Как и предполагалось, выступить получилось не раньше полудня. Когда все уже было готово, и отряд расположился в седлах, внезапно выяснилось, что среди них нет Андиса. Столичного паладина никто не видел со вчерашнего вечера — он как скрылся в своих апартаментах, так до сих пор не появился.

Ждать мажора пришлось долго. Миновало не менее получаса, прежде чем столичный паладин осчастливил всех своим появлением. К тому моменту Ильнура уже трясло от злости. Он нервно ерзал в седле, то и дело сжимал кулаки, а сквозь его крепко стиснутые зубы сочились ругательства и угрозы, совершенно неподобающие святому воителю. Весь отряд стоял и ждал одного человека. Да какого! Ладно бы, то был великий герой, способный одним своим присутствием обеспечить нехилый перевес сил. Но нет, явился столичный мажор, жаждущий легкой и быстрой славы, и теперь пляши вокруг него вприсядку.

— Ну, где там этот тормоз? — ворчливо спросил Колька.

Наконец, когда по рядам всадников начал волнами прокатываться возмущенный ропот, Андис изволил явить себя. Ильнур, увидав его издали, глазам своим не поверил. По городской улице на дорогом снежно-белом коне к ним приближалось нечто. Казалось, что верхом на жеребце восседает петух в пестром многоцветном оперении и с гордо встопорщенным гребешком.

— Это что такое? — простонал Ильнур.

Единого образца доспехов или оружия для паладинов не существовало, каждый имел ту амуницию, которую позволял ему его кошелек. Бедные паладины из числа мелкого дворянства довольствовались простыми железными латами, невзрачными и грубо сработанными. Более преуспевшие герои приобретали доспехи из особо прочных и легких сплавов, а то и вовсе делали их на заказ с идеальной подгонкой по своей фигуре. Но самым шиком считались магические доспехи, чей металл был усилен наложенными чарами постоянного типа. Подобная экипировка стоила очень дорого, приобрести ее можно было либо за большие деньги, либо получить в дар от короля за совершенные подвиги.

Андис, будучи выходцем из чрезвычайно богатой семьи, мог позволить себе самые лучшие доспехи. Ильнур ожидал увидеть столичного паладина в зачарованной броне, откованной из какого-нибудь секретного сплава повышенной прочности. Но стоило ему взглянуть на явившегося мажора, верховный паладин Форинга утратил дар речи.

С первого взгляда облачение Андиса напоминало костюм карнавального клоуна. И только когда юный паладин подъехал ближе, Ильнур понял, что на нем все-таки доспех. Но какой! Он переливался всеми цветами радуги, тысячами бликов отражая каждый лучик солнца. По всей его поверхности шел золотой узор, изображающий самые невероятные картины. Тут были и сцены схваток рыцарей с драконами, и какие-то цветочки с ягодками, а на нагруднике, прямо над сердцем, красовалась смазливая мордашка некой юной особы. Пышный плюмаж, высоко вздымавшийся над шлемом, довершал картину.

— Скажите, что я сплю! — взмолился Ильнур.

— Нет, — тихо посмеиваясь, огорчил его Колька.

— Так и знал, — проворчал верховный паладин.

Не было никаких сомнений в том, что доспехи Андиса были выкованы из самого лучшего сплава, что на них наложены самые лучшие чары, и стоят они не меньше, чем весь Форинг вместе с окрестными фермами. Эти доспехи были хороши для столицы, дабы красоваться в них перед придворными дамами и одновременно демонстрировать величину своего кошелька. Но ехать в подобной экипировке на битву было бы полнейшим безумием. Все равно, что в одиночку и без оружия войти темной ночью в какой-нибудь бандитский квартал, будучи увешанным золотыми цепями и кольцами. Все равно, что во всеуслышание крикнуть: эй, на мне тут доспех стоимостью в десяток деревень! есть желающие его заполучить? И желающие найдутся. Едва злодеи увидят Андиса в его роскошных латах, они всем гуртом бросятся на него одного, охваченные желанием скорее сорвать с него драгоценную скорлупу.

И это не говоря уже о том, что кичиться своим богатством перед менее преуспевающими соратниками было просто неприлично. Проявлять столь подчеркнутое неуважение к братьям по оружию не к лицу паладину.

Андис подъехал к отряду, широко и самодовольно улыбаясь. Выглядел он свежим и бодрым. В то время, пока все занимались сборами, столичный мажор успел хорошо

отдохнуть перед предстоящим походом.

— Простите, что заставил себя ждать, — без намека на искреннее раскаяние сказал он, вертясь перед строем так и этак, дабы показать себя со всех сторон.

Только феноменальное самообладание позволило Ильнуру сдержаться и не высказать Андису все наболевшее.

— Выступаем! — громко скомандовал он. — Мы и так напрасно потеряли много времени.

Всадники направились к городским воротам, выстраиваясь в колонну по два. На стенах заиграли трубы, своим торжественным гулом провожая героев на битву. Горожане, выстроившись вдоль домов, во все глаза смотрели на сверкающее железом войско. Кто-то приветственно махал руками отбывающим на подвиги героям. Но на многих лицах Ильнур замечал выражение тревоги. Лучшие воины и маги покидали Форинг. Лучшие его защитники. И если в их отсутствие нагрянет враг, кто встанет у него на пути и защитит мирных жителей?

Отряд проскакал мимо ферм, выехал на большую дорогу и бодрой рысью двинулся на восток, в сторону нейтральной полосы. За их спинами, на городских стенах, в последний раз торжественно взвыли трубы.

Но не успела еще улечься пыль, поднятая копытами лошадей, как на дороге появился одинокий всадник. Этот всадник не напоминал ни доблестного паладина, ни искусного мага. Ехал он верхом на тощей лошаденке, на угрюмой морде которой застыло удивленное выражение. Лошаденка эта привыкла тянуть плуг или возить телеги, и ей непривычно было ощущать на своей спине наездника. Еще непривычнее было то, что вместо неторопливого размеренного шага всадник побуждал ее зачем-то идти рысью.

— Шевелись, животное! — ворчал человек, вонзая пятки в ее тощие бока.

Животное, привыкшее безропотно подчиняться чужой воле, послушно шевелилось, хоть это и не доставляло ему большой радости.

Верхом на тощей кобыле, в простом, выдавшем виды, седле, по дороге, вслед за отрядом героев, двигался Васек. Одет он был в свою обычную крестьянскую одежду, но на его поясе в деревянных ножнах висел настоящий меч. На это оружие Васек потратил все свои сбережения, скопленные за годы честного труда на ферме. Меч был дешевый, из обычной стали, без примесей дорогих сплавов и, уж конечно, без наложенных на него чар. Но Ваську не требовалось большего. Он не сомневался в том, что сумеет свершить месть даже этим простеньким оружием. Да что там, он был уверен, что сможет отомстить и голыми руками, если вдруг и до этого дойдет.

Оправившись от полученных в ходе геноцида ран, Васек пошел в резиденцию паладинов и попытался напроситься в солдаты. Он бил себя в грудь и клялся всем, чем только мог, что сумеет стать настоящим воином, что будет стараться изо всех сил. Своего мотива он не скрывал. Мотивом была месть. Силы зла, устроившие в городе резню, убили всех его друзей и даже не пощадили грудастую доярку с которой Васька связывали отношения романтического характера. Смиренно проглотить все это Васек просто не мог. Притом гнев его был направлен не на силы зла вообще, а на вполне конкретного их представителя. Представителем этим был коварный злодей и невероятный подлец Стасик, он же проклятый всеми, кому не лень, Свиностас.

— Возьмите меня в армию! — умолял Васек, обращаясь к Ильнуру. — Я же жить спокойно не могу. Ночами не сплю, кусок в горло не лезет. Ничего мне не мило. Не видать

мне покоя, пока не отомщу за убитых друзей.

Ильнур заверил Васька в том, что хорошо понимает и разделяет эти чувства, но в армию его принять не может.

— Ты же проходил проверку на способности, — напомнил верховный паладин. — В тебе не выявлено ни воинского, ни магического потенциала. Если действительно хочешь помочь делу добра, занимайся своим ремеслом. Так будет лучше всего.

— Да как вы не понимаете? — сквозь слезы обиды закричал Васек. — Как я могу заниматься своим делом, когда этот гад, эта змеюка подлая, где-то там живет и здравствует, и ничего у него, паразита, не болит? Нет, не могу! Пока жив на свете Свиностаc, не видать мне покоя.

Но Ильнур остался непоколебим и решения своего не изменил.

Еще дважды обращался Васек с просьбой зачислить его в армию и дважды получал решительный отказ. Ему стало ясно — так он ничего не добьется.

Но и смириться он тоже не мог. Каждую ночь ему снились кошмары, в которых, снова и снова, оживали ужасные картины кровавой бойни. И всякий раз, просыпаясь во тьме, в холодном поту, Васек выкрикивал с гневом и ненавистью одно единственное имя — Стасик. Это он, подлый Свиностаc, обрек на гибель всех его друзей и грудастую доярку. Это он подло втерся в доверие, а сам, в то же время, планировал жуткое дело. Васек не мог ни простить своего бывшего коллегу, ни смириться с невозможностью воздать ему по заслугам.

И тогда он решился. Если уж паладины не хотят принимать его в армию, он отомстит Свиностаcу сам. Отыщет его, в какой бы норе тот ни прятался, и по самую рукоять вонзит клинок в его черное сердце.

В рамках подготовки к осуществлению жуткой мести куплена была тощая, заморенная трудом, кобыла, которую Васек успел немного откормить. Тайно куплен был меч. Абы кому оружие в Форинге не продавали, приобрести его могли только герои. Пришлось пойти на преступление и приобрести меч подпольно.

Все уже было готово, когда Васек внезапно узнал о том, что войско Форинга готовится к походу на нейтральную полосу. У свинопаса не возникло ни тени сомнения в том, что герои отправляются на поиски Свиностаcа. А если так, то ему следует поехать с ними. Точнее — за ними. Так у него будет больше шансов отыскать злодея Стасика и собственноручно выпустить тому кишки. Ваську хотелось сделать это лично, он никому не желал уступать священного права поквитаться с гнусным предателем.

И вот, дождавшись в роще, когда войско проскачет мимо, Васек выехал на дорогу на своей кобылке и двинулся следом. Впервые со дня разрушения Форинга на душе его было светло. Наконец-то он шел верной дорогой, ведущей к долгожданному отмщению. Свиностаc обречен. Васек намеревался лично погрузить клинок в его тело, глядя предателю в его бесстыжие глаза. Только это могло утолить ярость Васька.

— Скоро свидимся, Стасик! — процедил он сквозь зубы и вновь пришпорил лошадь. — Скоро. Очень скоро. Жди. Жди и бойся!

Несмотря на то, что все шторы были распахнуты, а окна открыты настежь, в личных покоях лорда Мортуса все равно царил полумрак. Снаружи тянуло вечерней прохладой, в воздухе пахло скорым дождем. Со двора доносились голоса людей, скрип тележных колес, приведенная на заклятие коза непрерывно блеяла, будто предчувствуя ожидающую ее скорбную участь.

Лорд Мортус сидел в своем любимом кресле и, мрачно нахмурившись, рассматривал лежащий у него на коленях лист бумаги. Послание доставили час назад, и за это время владетель черного замка успел перечитать его уже раз двадцать. Дело оказалось нетрудным — письмо от императора было как всегда лаконичным и сугубо деловым. Дакрос Безжалостный не относился к числу людей, имевших привычку поздравлять знакомых с днями рождения или иными праздниками. Он был не из тех, кто напишет просто так, чтобы доставить удовольствие и себе и другому. Единственные письма, которые рассылал правитель черной империи, это письма с приказами. И несладко приходилось тем, кто игнорировал поступившее повеление, либо же исполнял его ненадлежащим образом. Дакрос любил повторять, что незаменимых подданных не бывает. И постоянно подтверждал этот тезис экспериментальным путем. Притом, как правило, процедура замены включала в себя публичную и за пределами жестокою казнь замененного, дабы его приемник точно знал, что ждет его в случае ненадлежащего исполнения императорских повелений.

Письмо из столицы доставил отряд жутких типов в черных одеяниях, чьи лица скрывались под железными масками. Это были гвардейцы императора, лучшие из лучших, отборные воины. Отбирали их по тому принципу, что чем большая сволочь и изверг, тем оно предпочтительнее. Самые конченые мерзавцы, душегубы и садисты состояли в гвардии, и засиживаться без дела им не приходилось. Они постоянно разъезжали по империи, тут и там чиня расправы над неудобными, изменниками, просто вольнодумцами, в общем, над всеми, кто так или иначе не нравился их повелителю.

Все боялись этих черных душегубов. Даже такой бывалый и жестокий вояка, как лорд Мортус, не мог не испытывать трепета при виде отряда черных всадников, въезжающих в ворота его замка. И думал он, глядя на них из окна: с чем они пожаловали в этот раз? принесли ли послание от императора, или приехали по его, Мортуса, душу?

Лорду Мортусу не в чем было себя упрекнуть. Верой и правдой служил он империи и делу зла. Но даже самая искренняя и безупречная преданность не гарантировала защиты от черного навета. Могли ведь и оболгать. Такое случалось постоянно. Донос в империи являлся исконной традицией. Им пользовались, чтобы разобраться с соперниками, устранить препятствие на карьерной лестнице, или просто поквитаться с тем, на кого накопился зуб. Нередко доносы строчились просто так, по зову гнилой души, а уж в гнилых душах в темной империи недостатка не было.

Так что сегодня, когда черные гвардейцы въехали в его замок, Мортус слегка оробел. Уж не сочинил ли кто-нибудь грязную клевету и о нем?

Но страх его оказался напрасен. Командир отряда вручил ему конверт из плотной бумаги, скрепленный печатью, и бросил одну лишь короткую фразу:

— От императора!

Этого было более чем достаточно. Дополнительных пояснений не требовалось. Раз от

императора, то в конверте содержится приказ, который следует исполнить максимально быстро и точно.

Когда мрачные посланники удалились, лорд Мортус заперся в своих покоях и осторожно вскрыл конверт. Внутри оказался всего один лист бумаги, исписанный меньше, чем наполовину. Мортус узнал подчерк императорского секретаря.

Как и ожидалось, письмо содержало в себе приказ. То, чего последнее время ожидал и опасался лорд Мортус, началось. Намечалась грандиозная военная операция, подготовка к которой шла уже давно. В черный замок ежедневно приходили обозы с провиантом, амуницией, стрелами. Мортус все ждал — когда же? Его и возбуждало и пугало предстоящее дело. И злило собственное неведение. Подготовка проводилась в условиях строжайшей секретности, и даже он, правитель приграничных земель империи, не имел никакой конкретной информации.

Но вот, кажется, его неведению пришел конец. Скоро он все узнает. Более того, ему-то и предстояло начать все дело. Честь, конечно, высокая, но Мортус не спешил радоваться. Он по-прежнему не знал всей картины и это его беспокоило.

Но в том, что грядет полномасштабное наступление на Ангдэзию, сомневаться не приходилось. Император приказывал ему выдвинуться вглубь нейтральной полосы и занять старую крепость, в незапамятные времена принадлежащую силам добра. Эти руины Мортусу надлежало превратить в опорный пункт, укрепить их по мере возможности и начать концентрировать там свезенные в черный замок припасы.

Перечитав полученное из столицы послание в двадцать первый раз, Мортус поднял взгляд и поглядел в окно. Близилась ночь. И едва ли в эту ночь кому-то в черном замке удастся выспаться. Потому что сейчас он встанет, выйдет из своих покоев и начнет отдавать распоряжения. Следовало готовиться к походу, чтобы выступить завтра, чем раньше, тем лучше. Но прежде всего Мортус обратился к картам и изучил предполагаемый маршрут. Ему было известно, о какой крепости шла речь в послании. Он даже видел ее издали еще по юности, когда отправился вместе с отцом в свой первый набег на земли добряков. Давно это было. Давно. И Мортус никак не мог вспомнить, что именно отец сказал ему о той крепости. Кажется, что-то важное. Запомнилось лишь одно — родитель строго-настрого запретил отпрыску приближаться к тем развалинам. А потом еще что-то добавил. Но прошедшие годы стерли его слова из сыновьей памяти.

— Да какая разница, — проворчал Мортус, ведя пальцем по шершавой поверхности старой карты. — Что бы он там ни говорил, но приказ есть приказ.

Да, приказ был, и его следовало выполнить любой ценой. Потому что не было на свете ничего страшнее императорского гнева. Так, во всяком случае, полагал Мортус, а он уже немало прожил на свете и многое повидал.

Он вышел из своих покоев и покликнул стражника, а когда тот явился, отдал ему ряд распоряжений. Подле себя лорд Мортус держал людей понятливых, смысленых, вот и этот боец был таковым. Он все уяснил с первого раза и, выслушав господина, тут же испарился. Мортус вернулся к себе, рухнул в любимое кресло, вновь взял в руки письмо и стал ждать.

Первой явилась Риана — старшая ведьма черного замка. Мортус не стал ей ничего объяснять, лишь предложил налить вина и расположиться на кушетке. Вскоре к ним присоединился еще один человек. Трокуса явно оторвали от занятий на арене — он был потный, пыльный, и выглядел недовольным.

— Теперь, когда все в сборе, поговорим, — сказал Мортус, дождавшись, пока Риана и

Трокус устроятся подле него.

Вкратце хозяин черного замка изложил своим подчиненным императорский приказ.

— Что ж, этого следовало ожидать, — сказал ничуть не удивленный Трокус. — Ежу понятно, что готовится большое наступление. Все склады уже забиты провиантом и боеприпасами.

— Давно пора поставить добряков на место! — радостно выпалила Риана. — В прошлый раз мы разрушили один Форинг. Теперь сотрем с лица земли половину Ангдэзии.

— Так-то оно так, — согласился Мортус. — Но меня вот что беспокоит: я ничего не знаю о той крепости, которую император избрал для создания опорного пункта. Даже название ее мне неизвестно. Может быть, кто-то из вас слышал о ней?

Риана сразу же отрицательно мотнула головой, а вот Трокус задумчиво нахмурился.

— Не могу сказать ничего конкретного, — произнес он медленно, — но какие-то слухи до меня доходили. Давно, еще по молодости, когда я служил у вашего батюшки. Старики что-то такое болтали. Какие-то байки, вроде тех, что солдатня травит вечерами у походного костра.

— И что за слухи? — нетерпеливо спросил Мортус.

— Да я уже и сам не помню, — виноватым тоном признался Трокус. — Ну, обычные небылицы, что там еще может быть? Сказки о чудовищах, таящихся во мгле. Проклятия, ожившие мертвецы, и все в том же духе. Полагаю, за этими байками ничего не стояло. Но крепость, и это я помню точно, обходили стороной, а ваш батюшка строго запрещал приближаться к ней.

— Да, что-то папаша знал, — горько вздохнул Мортус. — Жаль, не успел мне всего рассказать.

Он посмотрел на императорское послание, лежащее перед ним на столике, и произнес:

— Так или иначе, а у нас есть приказ. И мы его выполним, какие бы слухи ни ходили вокруг этих развалин.

— Мы? — удивился Трокус.

— Да-да, мы! — проворчал лорд Мортус. — Ты прекрасно знаешь, что командир черных рыцарей слег вчера в лазарет с венерическим недугом. И кроме тебя заменить его некем. Так что даже не начинай ныть о своей старости, о своих больных суставах, о своих проблемах с простатой. Дело намечается серьезное, и ты мне нужен.

— Не стану утомлять вас перечислением своих бесчисленных старческих недугов, — произнес Трокус голосом идущего на смерть мученика, — но если того требует благо империи, то я, как патриот и офицер, готов исполнить любой приказ, пусть бы это и стоило мне жизни.

— Ну, до этого, скорее всего, не дойдет, — успокоил его Мортус. — Крепость давно заброшена, ее никто не охраняет. Возможно, мы вообще ни разу не вступим в бой. Разве что туда занесет отряд героев из Ангдэзии, искателей приключений и славы, но уж с ними мы разберемся играючи. Нам всего-то нужно, что укрепить разрушенную твердыню и перевезти туда припасы. Скорее всего, армия пойдет мимо и будет получать там довольствие.

— В таком случае, нужно объявить мобилизацию, — заметил Трокус. — На сбор войска уйдет несколько дней. Как скоро мы должны выступить?

— Завтра, — ответил Мортус.

Бывший черный рыцарь удивленно приподнял брови.

— Завтра? — переспросил он. — Но мы не успеем подготовиться.

— Собрать все войско и не нужно, — объяснил Мортус. — Оно подойдет позже. Выдвинемся небольшим конным отрядом, доберемся до развалин и закрепимся там. К тому же, сбор войска слишком заметное мероприятие. Повсюду шпионы врага, это не укроется от их глаз.

С этими словами Мортус строго посмотрел на Риану. Та, покраснев, пробормотала:

— Господин, я ведь уже объясняла вам, что Стасик не мог быть шпионом добряков. Не знаю, куда он пропал. Возможно, его все же съела верховная кухарка. Незадолго до своего исчезновения, Стасик жаловался, что она прозвала его гуляшом.

— Грыжа клянется, что не ела его, — возразил ей Мортус. — И откуда у тебя такая уверенность, что он не шпион?

— Да будет вам, господин. Вы же сами его видели. Совершенно безобидный, наивный мальчик....

— Безобидный! — грубо перебил ее Мортус. — Наивный! Он ли наивный, а, Риана? Или, может быть, наивной оказалась девочка, а не мальчик? Не нужно недооценивать коварства добряков. Да и как, по-твоему, должен выглядеть шпион? Он и должен выглядеть глупым, наивным и безобидным. Говорю тебе — этого Стасика точно заслали сюда нарочно, чтобы он поразнюхал наши тайны. И одним богам ведомо, что ему удалось узнать.

Мортус сжал кулаки, а его суровое лицо приняло кровожадное выражение.

— Ох, попадись он мне, этот Стасик! Я заставлю его признаться во всем. Я ввергну его в такую невыносимую боль, какую он и вообразить не в силах.

— Да, этот Стасик тот еще фрукт, — согласился Трокус. — До сих пор не могу забыть, как талантливо он притворялся неумехой. Нарочно кривлялся, изображая немощь и беспомощность, а сам-то! сам! Эх, нам бы пару-тройку таких искусных шпионов.

— Не нужны нам шпионы! — отрезал Мортус. — После того, как император обрушит на Ангдэзию могучий удар всей своей армии, добряков уже ничто не спасет. А до Стасика этого я непременно доберусь. Очень мне хочется с ним о многом побеседовать.

После этого Мортус отдал Трокусу и Риане необходимые распоряжения. Трокусу надлежало готовить к выезду отборный отряд черных рыцарей, Риане поручалось отобрать самых лучших колдунов.

— И вот еще что, — вслух помыслил Мортус. — Надо бы взять с собой Грыжу.

— А ее-то зачем? — удивилась Риана, которая недолюбливала и побаивалась верховную кухарку. Впрочем, ведьма была не единственной, кому эта жуткая женщина внушала трепет.

— Неизвестно, сколько придется там сидеть, — заметил Мортус. — Не могу же я все это время питаться сухарями да солониной. Мне уже не двадцать лет, в моем возрасте полагается получать сбалансированное и вкуснее питание. А кто обеспечит мне его, как не Грыжа, которая давно изучила все мои предпочтения?

Мортус тут же отправил стражника на кухню, передать приказ верховной кухарке. Стражник оправился исполнять это поручение без особой радости. Он, как и почти все обитатели черного замка, считал Грыжу Антрекотовну чудовищным созданием, и боялся до дрожи в коленках.

Верховную кухарку он застал на рабочем месте. Та как раз в этот момент наказывала нерадивого работника своим легендарным фартуком. Работник совершил непростительную оплошность — уронил и разбил тарелку, входящую в состав фамильного сервиза, что был подарен кому-то из предков нынешнего лорда одним из предыдущих императоров. За такое злодеяние полагалась лишь одна кара — смерть через побитие фартуком.

— Госпожа верховная кухарка, — робко позвал ее стражник.

— Сейчас, — бросила ему Грыжа, делая новый замах.

Чуть живой мойщик посуды валялся у нее ног в луже собственной крови. Признаков жизни он почти не подавал. Грыжа ухнула, и обрушила на его тело свой убойный фартук. Раздался жуткий хруст ломающихся костей, тело жертвы содрогнулось в предсмертных конвульсиях и замерло навеки.

— Уберите мусор с кухни! — строго приказала Грыжа прочим работникам, которые наблюдали за расправой с почтительного расстояния и были едва живы от ужаса. Получив приказ, одни тут же схватили тело и потащили наружу, а другие бросились стирать кровь с пола.

Покончив с экзекуцией, Грыжа надела на себя свой сокрушительный фартук и повернулась к прибывшему стражнику.

— Ну, чего тебе, пельмешек? — спросила она резко. — Хозяин желает второй ужин?

Стражник с ужасом уставился на окровавленный фартук кухарки и временно лишился дара речи.

— Язык проглотил? — рявкнула Грыжа. — Если ты им не пользуешься, так я его живо отрежу, обжарю с лучком, и съем.

Невольно попятившись от кошмарной поварихи, стражник, запинаясь, кое-как передал приказ лорда Мортуса.

Известие о том, что ей придется отправиться в поход и какое-то время жить вдали от любимой кухни, несколько опечалило Грыжу. Она тут же устроила своим подчиненным взбучку, отлупив их фартуком до полусмерти и строго-настрого наказав им работать усердно вплоть до ее возвращения. Затем она ушла в свой личный кабинет, вычистила от крови фартук, извлекла любимый разделочный нож, сделанный из обломка меча черного рыцаря, и принялась медленно водить клинком по точильному камню. Взгляд ее затуманился, сделавшись мечтательным. Даже вечно свирепое, искаженное злобой, лицо чуть подобрело. Клинок с тихим звоном скользил по камню, а Грыжа думала о том, не является ли предстоящее предприятие знаком того, что черные боги услышали ее молитвы. Она ведь неоднократно просила их вновь свести ее с беглым гуляшом.

О, гуляш! Как долго она нацеливалась на него, и как жестоко страдала, когда этот вероломный сопляк сбежал из черного замка. У Грыжи уже все было готово — она решила приготовить Стасика по новому экспериментальному рецепту. Но негодный мальчишка обманул ее. Он исчез. И унес с собой все свое юное мясо.

— Гуляш, свидимся ли мы? — пробормотала Грыжа и ее губы тронула нежная улыбка, будто кошмарная женщина думала о своем возлюбленном. — Гуляш! Где ты гуляш? Вернись ко мне.

Нож скользил по камню, Грыжа Антрекотовна зловеще улыбалась в полумраке своего кабинета.

Надвигалась ночь.

Ночь эта выдалась беспокойной, и мало кому в черном замке удалось поспать хотя бы несколько часов. Твердыня гудела, как растревоженный улей. Шли приготовления к походу. Подбирались, подковывались и седлались кони. Проверялась амуниция. Точилось оружие. Колдуны осадили лабораторию алхимика и выгребли у того весь запас зелий. Трокус вытащил из сундука вороненые доспехи черного рыцаря, которые не носил уже несколько лет, облачился в них и расхаживал по двору, зычно раздавая приказы. Риана тоже не

бездельничала — полночи она выбирала наиболее сексуальный походный наряд, а вторую половину красилась и причесывалась.

В девятом часу утра ворота черного замка распахнулись, и наружу выехал большой отряд всадников. Впереди, в своих вороненых латах, ехал лорд Мортус, сразу за ним двигались Трокус и Риана. Черные рыцари и колдуны следовали за ними. В арьергарде колонны пристроились немногочисленные слуги, в задачу которых входили обязанности по обустройству лагеря и приготовлению пищи. Среди них находилась и Грыжа Антрекотовна, которая ехала верхом на могучем кряжистом тяжеловозе. С собой она везла личный котел, набор кастрюль, и разделочную доску, сделанную из щита убитого ею паладина. Конечно же, фартук из кожи дракона и любимый разделочный нож верховной кухарки были при ней. Прочие слуги со страхом взирали на нее, Грыжа же демонстративно не достаивала их взгляда. Все ее мысли были заняты беглым гуляшом.

Развалины древней крепости показались на горизонте за час до заката. До этого отряд, не жалея лошадей, мчался по нейтральной полосе, но теперь, когда искомый объект оказался в поле зрения, Ильнур приказал сбавить ход, а затем и вовсе остановиться.

Назвать эти руины крепостью не поворачивался язык. От бывшего оплота сил добра остались жалкие развалины, над которыми дерзко возвышалась чудом уцелевшая угловая башня. Защитные стены были разрушены, где наполовину, а где до самого основания. За ними маячили остатки крепостных строений.

Руины выглядели давно покинутыми, так, словно люди не посещали их веками. Но видимость могла оказаться обманчивой. Верховная волшебница королевства забила тревогу не на пустом месте. Кто-то проник в крепость, и попытался разрушить сдерживающие чары. Другой вопрос — по-прежнему ли этот злоумышленник находится внутри, или уже убрался подобру-поздорову?

По приказу Ильнура воины спешили. Он лично отобрал два десятка самых сильных и надежных бойцов, а остальных, в том числе и всех магов, оставил стеречь лошадей. Колька, разумеется, оказался в отряде Ильнура. Андис, естественно, тоже, хоть верховный паладин и пытался его не взять. Но мажор ничего и слушать не хотел. За время пути он успел распалить себя мыслями о грядущих подвигах, и теперь неудержимо рвался в бой, неважно с кем, за что и почему.

В своих роскошных доспехах Андис заметно выделялся на фоне прочих героев, что делало его первой мишенью для вражеских снайперов. Те ведь тоже были не дураки, и понимали — чем богаче доспех, тем более знатен его владелец. И убить его, соответственно, нужно в первую очередь. От этого и почет, и слава, и когда дойдет до дележа добычи, можно смело требовать повышенную долю.

— Будь осторожен, — тихо шепнула Лаура на ухо Кольке.

Тот улыбнулся.

— Не волнуйся, все будет отлично.

Но встревоженное выражение лица верховной волшебницы говорило о том, что она не уверена в этом. Ей бы хотелось оставить обожаемого Коленьку при себе, под своей защитой, где ему ничего не угрожало. Лауре невыносимо было видеть, как ее возлюбленный собирается пойти к этим руинам, где его может поджидать все, что угодно. Но не могла же она удержать его силой, повиснув на теле любимого. Ее Коленька — паладин. Святой воитель, поклявшийся посвятить свою жизнь борьбе со злом. И ей следует уважать его выбор. Вот только Лауре хотелось бы, чтобы Коленька посвятил свою жизнь ей. А что до борьбы со злом... Да разве некому больше с ним бороться? Зла на свете много, а Коленька у нее один. И если с ним что-то случится...

Стоило только подумать об этом, как Лауре становилось дурно до тошноты. А богатое воображение подло рисовало перед мысленным взором картину, от которой у волшебницы рвалось сердце: ее обожаемый Коленька бездыханным трупом лежит на земле, пронзенный стрелами и изрубленный мечами. Нет, такого точно не могло произойти. Светлые боги не могли этого допустить. Разве мало она сделала для сил добра? Разве не заслужила небольшой награды в виде личного счастья? Если у нее отнимут Коленьку, то она... Лаура, на самом деле, не знала, что она сделает в этом случае. Ей даже думать об этом не хотелось.

Наверное, едва увидев бездыханное тело своего возлюбленного, она тотчас же умрет от горя.

— Прощу тебя, смотри в оба, — произнесла Лаура, обращаясь к Кольке. — Если вдруг заметишь что-то неладное, отступай сюда. Я тебя прикрою.

— Вот еще! — фыркнул Колька. — Предлагаешь, чтобы я опозорился перед своей девушкой? Да я брошусь в самую гущу боя.

Лаура понимала, что Коленька шутит. Но от этого ей было не легче. Она бы с радостью привязал его к себе самими сильными чарами, чтобы он не смог отойти от нее ни на шаг. И уж, тем более, ни за что не пустила бы его ни в какую битву.

Но все, что ей оставалось, так это бессильно наблюдать за своим возлюбленным, идущим вместе с отрядом к старой крепости.

Выстроившись цепью, паладины медленно двинулись в сторону развалин. Каждый из них прикрывал свою грудь большим треугольным щитом, и только Андис вновь отличился — наотрез отказался от щита, сославшись на то, что его доспех ковал лучший мастер королевства, и его не пробить ни стрелой, ни магией. Ильнур только чудом сдержался, чтобы не поставить этого напыщенного индюка на место, но в итоге плюнул, и решил для себя — будь что будет. Укокошат этого болвана, туда ему и дорога.

Остатки крепости медленно приближались. Развалины стояли мертвые, безмолвные, оплавленные и обугленные фрагменты стен торчали из песка, как гнилые зубы. Внешний вид этой твердыни, некогда оплота добра и света, производил тяжелое впечатление. И с каждым шагом оно лишь усиливалось. В какой-то момент Ильнур с удивлением осознал, что непонятный иррациональный страх липкими холодными щупальцами вползает в его отважную душу. Он покосился на своих соратников, и выяснил, что и они испытывают схожие ощущения. На гордых и бесстрашных лицах паладинов отразилось сомнение. Цепь начала замедлять ход, словно по мере приближения к развалинам воздух становился все более плотным и герои увязали в нем.

Колька не выдержал первым.

— Что это такое? — проворчал он, болезненно морщась. — Вы тоже это чувствуете, да?

Паладины неуверенно закивали головами. Кивнул и Андис. От его прежней самоуверенности не осталось и следа. Столичный мажор побледнел и заметно трусил.

— Это какая-то черная магия, — чуть слышно прошептал один из воинов. — Какое-то проклятие.

— Не думаю, — возразил Ильнур. — Скорее всего, этот эффект создает запертое здесь существо. Сомневаюсь, что он несет в себе реальную угрозу. Идем дальше. И смотрите в оба.

Они вновь двинулись вперед. Воздух вокруг крепости был буквально пропитан страхом, и обычно отважные паладины с трудом удерживались от немедленного бегства. Каждому из них чудилось, что кто-то большой и страшный следит за ними, следит и выжидает. Он затаился там, среди руин, и всякий, кто войдет в них, останется там навеки. Но Ильнур решительно шел вперед, и прочие герои следовали за своим предводителем, преодолевая охвативший их ужас.

Они добрались до стены и сквозь широкие проломы проникли в заваленный каменными обломками двор. Тот был пуст. Не было никаких следов того, что крепость посещалась кем-то за последние лет сто.

— Держаться вместе, — приказал Ильнур. — Осмотрим двор, потом пойдем внутрь.

Прикрываясь щитами, паладины двинулись мимо разбросанных каменных блоков, тщательно высматривая хоть какие-то признаки недавнего человеческого присутствия.

Ильнур приказал Кольке взять с собой троих воинов, и проверить башню, что возвышалась над развалинами черной от копоти громадой.

— Осмотрись, — сказал верховный паладин. — Может, увидишь что-то сверху.

Собственно, так и случилось. Едва Колька со своим отрядом поднялся на башню, он сразу же разглядел оттуда развалины большого зала, в котором почти отсутствовала одна из стен и часть потолка, и ровные ряды грядок внутри него. Через минуту паладины уже были там.

— Вот это уже действительно интересно, — признал Ильнур, любуясь разбитым в зале огородом. Тот был обширен, и имел ухоженный вид. Люди, которые заботились об урожае, покинули этого место совсем недавно. Если вообще покинули.

— Веди остальных, — сказал Ильнур, обратившись к Андису.

Вскоре в разрушенную крепость въехала вторая часть отряда. Ильнур, взобравшись на каменный блок, поставил подчиненным единственную задачу.

— Общитесь здесь все, — приказал он. — Внимательно, скрупулезно. Осмотрите все снаружи и внутри. Кто-то жил здесь, и жил, надо думать, долгое время. Если эти люди по-прежнему находятся в крепости, мы обязаны их отыскать. И вот еще что — постарайтесь взять их живыми. Хотя бы одного.

Троих паладинов Ильнур отправил на башню — наблюдать за окрестностями на случай появления незваных гостей. Остальные, разбившись на тройки, разбрелись по двору и проникли внутрь уцелевших строений. С верховным паладином остались Колька, Лаура и Андис.

— Ну и ощущение! — зябко передернув плечами, пожаловалась волшебница.

— Элария говорила, что это существо заперто в подземелье, — напомнил Ильнур. — Полагаю, именно туда нам и следует отправиться прямо сейчас. Нужно убедиться в том, что оно по-прежнему под замком.

— Что? — вздрогнул Андис, который все еще был бледен и никак не мог прийти в себя. — Вы собираетесь искать то, что излучает этот ужас? Да зачем?

— Потому что именно с этой целью мы сюда и прибыли, — терпеливо пояснил ему Ильнур. — Но если вдруг тебе так уж сильно страшно, можешь подождать нас снаружи.

Юный паладин побагровел от обиды, и срывающимся голосом выкрикнул:

— Мне совсем не страшно! Вот еще! Я с вами.

— Ну, в таком случае, идем, — предложил Ильнур, с трудом удержав расцветающую улыбку.

Едва начавшийся обыск сразу же принес богатые плоды. Крепость действительно служила кому-то домом на протяжении многих лет. Этот кто-то успел основательно здесь обжиться. В помещениях обнаружилась мебель и предметы утвари. Еще теплая каша в котле взволновала всех — по всему выходило, что хозяева приготовили ее совсем недавно. Но куда большее волнение вызвала целая гора одежды, явно снятой с трупов. Одежда несла на себе следы от пробитий оружием и была покрыта пятнами засохшей крови.

— А вещи-то наши, — задумчиво протянул Ильнур, разглядывая наваленное горой тряпье. — Сдается мне, не все герои, не вернувшиеся с нейтральной полосы, стали жертвами монстров или рабов темной империи.

— Ты считаешь, здешние негодяи нарочно охотились на наших братьев? — резко спросил Колька.

Верховный паладин склонился над горой одежды и поднял лежащий сверху зеленый

плащ. В том зияли три дыры, оставленные, видимо, стрелами, угодившими в спину бывшему владельцу плаща.

— А как иначе это объяснить? — спросил он.

Лаура потрясенно покачала головой. Судя по горе одежды, изверги, избравшие крепость своим логовом, успели умертвить десятки начинающих героев. И хорошо, если только умертвить. От обитателей нейтральной полосы можно было ждать чего угодно. Волшебницу ничуть не удивило бы, если бы выяснилось, что эти нелюди практиковали каннибализм. Возможно, эта страшная догадка еще подтвердится новыми находками. Лауру даже замутило, стоило ей представить себе огромную гору обглоданных человеческих костей.

— Ладно, — сказал Ильнур, уронив плащ обратно. — Этим займемся позже. А сейчас нужно проверить подземелье.

Спуск в него искать не пришлось. Одна из разведывательных троек случайно наткнулась на него, после чего прибежала обратно с бледными лицами, искаженными гримасами ужаса. Заикаясь, воины доложили Ильнуру, что набрали на каменную лестницу, спиралью сходящую вниз, в зловещую и непроницаемую темноту. И из тьмы этой повеяло таким леденящим ужасом, что у всех троих разом прихватило животы.

— Вот туда-то нам и надо, — сделал вывод Ильнур.

Он покосился на бледного Андиса, который храбрился из последних сил, и не отказал себе в удовольствии спросить:

— Вот тебе и выпала возможность совершить первый подвиг. Ты с нами?

Было видно, что Андис предпочел бы остаться здесь, а еще лучше — убраться от развалин миль на десять. Но ребяческая гордость возобладала. Стараясь, чтобы его голос не дрожал от страха, Андис с фальшиво наигранной храбростью заявил, что готов спуститься куда угодно, хоть напрямик в мир ужасных демонов. Да не просто спуститься, но и показать им там всем, кто в преисподней хозяин.

— Думаю, так глубоко мы не полезем, — улыбнулся Ильнур, откровенно наслаждаясь жалким видом напыщенного петуха. — Но проверить подземелье все-таки нужно.

Разведчики не соврали — на лестнице ощущение жути резко усилилось. Все четверо, вооружившись светящимися шарами, стали медленно сходить вниз по каменным ступеням. И Ильнур тут же отметил себе, что пыли на них куда меньше, чем должно было быть, да и лежит она как-то неравномерно. Лаура тоже это заметила.

— Кто-то побывал здесь до нас, — сказала она. — И визит явно не носил разовый характер.

— Кому это вообще могло прийти в голову? — простонал Андис. — Тут же просто невыносимо находиться. Я всей кожей ощущаю затаившееся зло.

— Полагаю, к этому воздействию можно привыкнуть, — заметила Лаура. — Вероятно, со временем оно теряет свою остроту, и его перестаешь замечать.

— Что-то мне не хочется привыкать к такому, — поделился своими мыслями Колька.

По мере спуска становилось заметно холоднее. Воздух сделался странно вязким и плотным, в нем появился неприятный привкус. А затем лестница кончилась, и все четверо вышли в короткий коридор, упирающийся в огромную железную дверь.

— Вот мы и на месте, — негромко произнесла Лаура.

Они стояли, с изумлением и страхом взирая на металлическую плиту, полностью перегораживающую коридор. На ее поверхности темнели магические символы, складывающиеся в могущественные заклятия. От самой двери несло такой нестерпимой

жутью, что даже отважные паладины с трудом выдерживали это воздействие.

— Ближе не подходите, — предупредила их Лаура.

Она воздела над своей головой стеклянный шар, чтобы свет его упал на поверхность двери, и быстро пробежалась глазами по начертанным на ней заклятиям.

— Ну, что скажешь? — спросил у нее Ильнур. Его пальцы непроизвольно вцепились в рукоять меча, но даже это не придало верховному паладину храбрости.

— На первый взгляд все, вроде бы, в порядке, — ответила ему Лаура. — Не все из этих заклинаний мне знакомы, но те, что я могу разобрать, до сих пор действуют. Полагаю, эту дверь никто не открывал.

— То есть, волноваться не о чем, да? — быстро спросил бледный Андис. — То, что там заперто, не вырвется ведь наружу? Нет ведь, ага?

— До тех пор, пока чары, наложенные на дверь, действуют, так и будет, — подтвердила волшебница. — Никаких признаков того, что их пытались разрушить, нет. Не могу понять, что именно встревожило госпожу Эларию.

— Она говорила об аномальной активности узника, — тихо напомнил Ильнур. Произнес он это чуть слышно, с опаской поглядывая на дверь. Словно опасался быть услышанным заточенной в темнице тварью.

— Аномальная активность могла быть вызвана множеством факторов, — пожала плечами Лаура. — Однако сейчас я ничего такого не чувствую. В любом случае, через эти двери ему не пробиться. Изнутри их не разрушить.

Повернувшись к спутникам, Лаура добавила:

— Хочу напомнить всем еще раз — не вздумайте использовать здесь магию. Сдерживающие чары сплетены в сложный контур. Великолепная работа. Умели же раньше. Но сложность конструкции делает ее уязвимой к внешним воздействиям. Одним богам ведомо, как отреагирует защита на постороннее волшебство.

— Ну, что, все выяснили, да? — нетерпеливо выпалил Андис. — Пора возвращаться. Лошади уже успели отдохнуть, можно ехать хоть сейчас. Не вижу причин торчать тут дальше.

Ильнур неодобрительно посмотрел на него и промолвил:

— Вообще-то мы еще ничего не выяснили. И ничего здесь не в порядке. Пусть дверь и не пытались взломать, в чем мы тоже не уверены полностью. Но вот в том, что в крепости кто-то обосновался, сомневаться не приходится. Эти неизвестные явно не принадлежат к числу добрых людей, раз уж промышляют разбоем. Возможно, сами они не владеют магией, но что будет, если к ним в руки случайно попадет какой-нибудь магический артефакт? Они притащат его сюда, в свое логово, а затем, чего доброго, используют.

— Из-за этого сдерживающие заклятия могут рассеяться? — спросил Колька у Лауры.

— Трудно сказать, — ответила та неуверенно. — Вряд ли они рассеются сразу. Но защитный контур может получить повреждения, которые со временем приобретут критический характер. Это может произойти через год, два, десять. Но поврежденный контур в любом случае не продержится долго.

— Теперь тебе ясно? — строго спросил Ильнур у Андиса. — Нас послали сюда, чтобы устранить угрозу. А в данном случае угрозу представляют поселившиеся здесь разбойники. И пока мы не выследим их и не убьем, мы не вернемся в Форинг. Раз уж ты сам вызвался участвовать в этой миссии, то советую смириться и больше не действовать мне на нервы.

Андис открыл рот, явно собираясь начать качать права и угрожать связями, но вдруг

осознал, где находится, и поспешил захлопнуть варешку.

— Идемте отсюда, — предложил Ильнур. — Нужно узнать, что выяснили остальные. Возможно, им уже удалось обнаружить здешних обитателей.

И они с огромным облегчением поспешили вверх по лестнице, подальше от страшной двери, и того, что скрывалось за ней.

К моменту их возвращения обыск развалин был завершен. Герои осмотрели все, обшарили каждое помещение, даже сбросили светящийся шар в колодец, дабы убедиться в том, что бандиты не прячутся в его глубинах. Ими было выявлено множество следов человеческого пребывания. Они отыскивали спальни, кухню, кладовую, даже алхимическую лабораторию. Эта последняя находка заинтересовала Лауру, и та выразила желание осмотреть ее лично. Ильнур и Колька последовали за ней. Андис, который до сих пор не мог прийти в себя, побоялся отстать от надежных спутников и заторопился за ними.

На первый взгляд лаборатория казалась примитивной и убогой, но Лаура, быстро осмотрев ее, пришла к выводу, что здесь орудовал весьма умелый алхимик.

— Даже в подобных условиях он умудрялся варить зелья очень высокого качества, — заметила она, осмотрев глиняные горшки и изучив их содержимое. — Этому не научишься у деревенского знахаря.

Лаура окинула взглядом лабораторию.

— Никаких записей, — сказала она. — Значит, все формулы он держал в памяти. Да, это специалист.

— И что, во имя добра, толковый алхимик позабыл на нейтральной полосе? — удивился Андис.

— Нечего, если только он не беглый преступник, — ответил ему Ильнур. — В этом месте обитают самые мерзкие и гнусные люди на свете. Те, кого отвергла даже темная империя.

Он повернулся к Кольке и сказал ему:

— Прикажи людям устраиваться на ночлег. Назначь караульных. Завтра начнем поиски. Бандиты не могли навсегда бросить свое логово. Наверняка они затаились где-то поблизости, и ждут нашего ухода.

— Стойте! Стойте! — простонал Андис. — Мы что же, будем ночевать прямо здесь? То есть, прямо вот здесь, в крепости?

— Если ты желаешь, мы можем поставить для тебя отдельную палатку снаружи, — великодушно предложил ему Ильнур. — Но прежде, будь так добр, черкани небольшую записку, и подробно изложи в ней, что в твоей страшной смерти в клыках чудовищ следует винить лишь тебя одного.

Андис побледнел еще сильнее. Кажется, до него начало медленно доходить, что он больше не в столице, и здесь ему ничем не помогут ни деньги, ни связи.

— Пожалуй, я буду ночевать со всеми, — сообщил он.

— Вот это мудрое решение, — довольно улыбнулся Ильнур. — И еще — постарайся не бродить здесь в одиночестве. Особенно ночью. Это, кстати, касается всех. Смотрите в оба. Помните, где мы находимся. Нейтральная полоса никому не дает второго шанса.

— Никогда не чувствовала себя такой отвратительно грязной! — полным возмущения голосом посетовала Риана.

Трокус покосился на ведьму, которая резкими нервными движениями руки пыталась счистить пыль со своих новеньких черных штанишек, и широко улыбнулся.

— А вот нечего было наряжаться, как на императорский бал, — заметил он, и сделал глоток из походной фляги. В той оказался травяной настой, придающий сил и снимающий сонливость, но имеющий довольно специфический вкус. Трокус с куда большим удовольствием влил бы в себя более благородный напиток, но ветеран отлично знал, к чему приводит пьянство в самый разгар боевой операции.

— Никто не предупреждал меня о том, что придется валяться в грязи, — прошипела в ответ Риана.

— Сама бы могла догадаться. Война — грязное дело.

— Я думала, это выражение нужно понимать аллегорически.

— Никаких аллегорий. Исключительно буквальная трактовка. Еще скажи спасибо, что не было дождя.

— Спасибо! — в сердцах выплюнула Риана, и с опаской поглядела на небо, еще недавно чистое, а теперь затянутое плотной пеленой облаков.

— Что думаешь о крепости? — спросил Трокус. — Мортус отправил вперед разведчиков, но ты ведь и отсюда можешь почувствовать присутствие там магии.

Риана прекратила тщетную борьбу за чистоту своего наряда и ответила:

— Ничего определенного я сказать не могу. Применять направленное сканирование слишком рискованно — его могут засечь, если в крепости присутствуют маги. Но одно неоспоримо — там точно что-то есть.

— Что-то? — удивленно приподнял брови Трокус.

— Да. Что-то. Я не могу понять — что именно. Постоянное излучение какой-то энергии неизвестного мне типа.

— Возможно, там находится маг.

— Для мага это очень нехарактерное поведение, — пояснила Риана. — Если маг начнет расходовать свою энергию подобным расточительным образом, он вскоре опустошит себя.

Трокус поморщился.

— Час от часу не легче, — проворчал он. — Неспроста, совсем неспроста, папенька нынешнего лорда запрещал приближаться к этим развалинам. Что-то он знал, покойничек, да вот только рассказать не успел.

— Скоро сами все выясним, — заметила Риана. — Что бы там ни было, а поперек императорского приказа лучше не идти.

— Это точно, — согласился Трокус. — Император-то пострашнее любых странностей будет. С ним шутки плохи. Не в том смысле, конечно, что у властителя скверно с чувством юмора. Пошутить он горазд. После его шуточек неделями кровь со стен отмывают.

Разведчики, отправленные к крепости Мортусом, возвратились уже в темноте. Их доклад оказался полнейшей неожиданностью для всех. Выяснилось, что старая твердыня вовсе не пустует. Внутри засели люди, причем много, и хотя разведчики поостереглись подползать к развалинам близко, они в один голос заверяли, что тамошние обитатели в

доспехах и при оружии.

— Это еще что за новости? — возмутился Мортус. — Кому понадобилось селиться в этих развалинах?

— Может, шайка разбойников? — предположил Трокус. — Запросто могли обосноваться. Крепость сильно разрушена, но еще пригодна для проживания.

Но этим доклад не исчерпывался. Разведчики дополнили его новой порцией странностей. А именно странными и очень неприятными ощущениями, испытанными ими вблизи крепости.

— Какие еще ощущения? — потребовал конкретики Мортус. — Что вы там такое почувствовали?

— Страх, — ответил один из бойцов. — И чем ближе подползали к развалинам, тем сильнее он становился.

— Что же тут странного? — удивился Мортус. — Бояться на войне вполне естественно. Бесстрашны лишь безумцы.

Но разведчики заверили своего господина, что речь идет о страхе иного рода.

— Он как будто приходит извне, — пояснил один из них. — Не рождается в душе, а вползает в нее снаружи. Очень гадкое ощущение. Вблизи крепости весь воздух пропитан им, как ядовитыми парами.

Мортус задумчиво нахмурился. Он перебирал в уме все известные ему типы оружия со схожим воздействием, но ни одно из них, даже новейшие экспериментальные образцы, не подходило под это описание. Генераторов страха не было ни у империи, ни у Ангдэзии.

— Риана, что ты можешь сказать об этом? — спросил он у ведьмы.

— Ничего конкретного, — ответила та. — Подобный эффект способен создать чародей, но это очень утомительная процедура, которая стремительно расходует энергию. Долго подобное поле не продержат никому.

— Если там не маг и не какой-то прибор, то что? — спросил Мортус ни у кого конкретно и у всех сразу. Но ответа не получил.

— Меня больше беспокоят обосновавшиеся там люди, — признался Трокус. — Они наверняка как-то связаны с этим явлением. Кем они могут быть?

Он секунду колебался, а затем сказал:

— Вот что. Тряхну-ка я стариной и сползаю в разведку сам.

Получив добро от лорда, Трокус снял с себя доспехи и в одиночку направился в сторону крепости. Отсутствовал он полчаса и к тому времени, как бывший черный рыцарь пожаловал обратно, успела настать полноценная ночь, да такая черная и жуткая, какой никогда не бывало в империи.

Трокус, запыхавшись, перевалил через холм, за которым прятался отряд злодеев, залпом осушил флягу с травяным настоем и только после этого выпалил:

— В крепости, мать их, добряки.

— Да ты что! — вздрогнул Мортус. — Ты не ошибся? Вдруг показалось?

— Не-не, железно! Они самые. Я хорошо рассмотрел одного на стене. Это паладин. Настоящий.

— Вот зараза! — выругался Мортус. — А что насчет этого страха? Ты его почувствовал? Трокус кивнул головой.

— Все так и есть, — подтвердил он. — Отвратительное ощущение. Будто что-то постороннее лезет в твою душу. Что-то холодное, липкое и мерзкое. Это очень сильно

деморализует. Хочется развернуться и бежать оттуда без оглядки.

— Ну, вот оно все и складывается в одну картину, — произнес лорд Мортус. — Теперь-то мне все стало ясно. Добряки создали какое-то новое оружие и притащили его сюда, чтобы испытать на монстрах нейтральной полосы.

— И что же нам делать? — спросил Трокус.

Все подчиненные посмотрели на своего предводителя. В их глазах читался тот же вопрос.

— Дайте-ка подумать, — сказал Мортус, отходя в сторонку.

А подумать было над чем. У него, с одной стороны, имелся четкий и ясный приказ императора — занять брошенную крепость и превратить ее в опорный пункт. С другой же стороны жизнь внесла в планы командования свои коррективы. Во-первых, крепость оказалась не брошенной. В ней успели обосноваться войска Ангдэзии. И, во-вторых, появилось какое-то новое оружие неизвестного типа, вселяющее страх в сердца воинов, деморализующее их, и даже обращающее в бегство. Все это нужно было учесть и каким-то образом поступить правильно — то есть и выполнить приказ императора и захватить прототип новейшего оружия добряков. Но была одна серьезная загвоздка — Мортус понятия не имел, какова численность засевшего в крепости контингента. Вот тут-то он пожалел, что не потруился собрать в поход все свое войско.

— Ладно, — произнес Мортус. — Теперь уже поздно кусать локти. Возвращаться нельзя — есть ведь приказ. Остается действовать теми силами, что имеются в наличии.

Силы, по правде говоря, были немалые. Пусть отряд не был велик числом, зато брал качеством. С собой Мортус привел самые отборные силы — всех черных рыцарей и всех самых лучших колдунов и ведьм. К тому же эффект внезапности был на их стороне. Добряки формально сидели в крепости, но крепость эта была крепостью только по названию. На самом деле, в своем нынешнем состоянии, она совершенно не годилась для обороны.

Тут из окружающей темноты подле Мортуса возникла огромная широкоплечая фигура, которую близорукий наблюдатель мог бы принять за орка или тролля. На самом деле эта была всего лишь Грыжа Антрекотовна. Она несла в руках железную тарелку, наполненную холодными закусками.

— Поужинать бы вам надо, господин, — сказала она, нависнув над Мортусом. — Вы сегодня и не пообедали толком. Совсем себя не жалеете.

— Не до еды мне сейчас, — отмахнулся Мортус. — Мне решение принять надо. Важное решение.

— Вот вы покушайте, а заодно и подумаете, — ласковым голосом предложила Грыжа.

Верховная кухарка ненавидела все живое, била до смерти своих подчиненных, от ее свирепой рожи шарахались черные рыцари, слабонервные обитатели замка видели ее в ночных кошмарах и просыпались с криком и седыми волосами. Но сколь жестока и груба она была со всеми вокруг, столь же кротка и ласкова со своим господином. Мортус, видевший от Грыжи только доброту и заботу, отказывался верить многочисленным сообщениям о ее зверствах. Он просто не мог допустить мысли о том, что эта прекрасная женщина, ужасная на вид, но добрая и нежная внутри, может хоть кого-то обидеть.

— Ну, ладно, — сдался он. — Давай свое угощение. Перекушу. Вдруг и вправду на что-то решусь, пока буду жевать.

Грыжа постелила на землю свой фартук и Мортус, усевшись на него, принялся за еду. Ужин, пусть и холодный, оказался недурен. Грыжа не подвела даже в походных условиях.

Пока Мортус расправлялся с холодными закусками, его мозг, быстро просчитав все варианты, принял единственное верное решение. Нужно было атаковать крепость. Если бы во главе всей операции стоял он сам, Мортус бы предпочел выждать и понаблюдать за добряками, обосновавшимися на руинах. Но четкий приказ императора не оставлял пространства для маневра. Дакрос желал, чтобы эта крепость была занята войсками империи. Значит, так и должно случиться. А иначе нерадивый полководец может загреметь в застенки. Мортусу туда совсем не хотелось. Он слышал немало историй о том, как люди оказывались в застенках, но не мог припомнить ни одного случая, чтобы кто-то покинул их живым или мертвым. Там просто исчезали навсегда, будто проваливаясь в бездонное ничто.

— Ладно, нечего тянуть дракона за шары, — проворчал он, протягивая Грыже тарелку.

Мортус легко поднялся на ноги и обратился к Трокусу:

— Поднимай людей.

— Будем атаковать? — спросил тот. — Прямо сейчас? Не лучше ли выждать, и сделать это в предрассветный час? Это самое удачное время для подобных дел.

— Думаешь, добряки об этом не знают? — удивился Мортус. — Именно перед самым рассветом они и утратят бдительность. Нет, ударим сейчас. Сейчас нас точно не ждут.

— А что насчет тактики?

— Какая еще тактика, — отмахнулся Мортус. — Просто навалимся всем скопом и порубим их. От крепости одно название, держать оборону там нереально. А в открытом бою добрякам против нас не устоять. Риана, — обратился он к ведьме, — надеюсь, ваша колдовская братия сумеет чем-нибудь удивить воинов добра.

Девушка кровожадно улыбнулась, и завершила правителя, что парочка сюрпризов в ее арсенале найдется.

— Подойдем тихо, атакуем с близкого расстояния, — сыпал командами Мортус. — Сразу создайте освещение, чтобы не пришлось копошиться в темноте. Разведка сообщила об уцелевшей башне. Трокус, назначь штурмовой отряд, пусть займут ее в первую очередь. И старайтесь сразу же выбить самых сильных магов.

Беззвучно, в полной темноте, отряд пешком двинулся к крепости. Лишь несколько слуг осталось присматривать за лошадьми. Но в их числе не было верховной кухарки. Грыжа Антрекотовна шла вместе с черными рыцарями и колдунами. В правой руке она крепко сжимала рукоять своего ножа, в левой ее руке была разделочная доска, сделанная из трофейного щита паладина. Хоть Грыжа и провела немало времени на кухне черного замка, но своих смертоубийственных навыков не утратила. Давно уже мечталось ей об одном изысканном блюде, для приготовления которого требовалась свежая тушка молоденького паладина. И Грыжа Антрекотовна не планировала отказывать себе в этом маленьком удовольствии.

С наступлением ночи, когда развалины крепости погрузились во мрак, они приобрели еще более зловещий вид, нежели при свете дня. Ни один огонек не рассеивал непроницаемую тьму нейтральной полосы. К тому же, как назло, перед самым закатом поднялся ветер, пригнавший откуда-то довольно плотные облака. Те стремительно затянули небо, скрыв за собою свет звезд. И когда солнечный диск полностью канул за горизонт, на мир обрушилась такая темень, которую редко можно было увидеть на территории Ангдэзии. Там даже в самых глухих районах жили люди, где-то да горел одинокий огонек. Но только не на нейтральной полосе.

Не желая афишировать свое присутствие в крепости, Ильнур запретил подчиненным разводить огонь на стенах и во дворе. Караульные, разбившись на тройки, вели наблюдение за окрестностями, больше ориентируясь на слух, поскольку зрение не особо-то помогало окутавшей руины черноте. Когда верховный паладин вышел проверить их, то едва не заблудился, сделав два шага от двери. Подобную темень он наблюдал разве что в мрачных древних подземельях, в которые спускался по молодости в поисках приключений, славы и сокровищ. Андис, которого он взял с собой, дабы приглядывать за горе-героем, уже без стеснения заскулил, как обиженная собачонка, и начал блажить какую-то суеверную чушь на тему древних проклятий и немислимых чудовищ, что восстают из мрака, едва над миром погаснет свет солнца. Эти причитания мажора развеселили Ильнура. Хоть это и не красило его, как паладина, но все же было приятно наблюдать за тем, как безмерно храбрый за стенами Форинга сопляк живо сдулся и явил миру свое истинное трусливое лицо, стоило им выехать на нейтральную полосу.

— Крепись и мужайся, Андис, — посоветовал он юнцу. — Тебе будет, что рассказать, когда ты вернешься в столицу.

— Если вернусь, — мрачно проронил молодой паладин.

Ильнур рассмеялся.

— Не сгущай краски, — посоветовал он. — Мы еще и в бой-то не вступили. Да и неизвестно, вступим ли.

— Я не боюсь противников из плоти и крови, — заверил его Андис. — И хорошо бы мне представился случай доказать это на деле. Но то, что обитает здесь, оно не от мира сего. Для борьбы с этакой нечистью нужны наделенные святой силой жрецы, а не воины.

— Ну, может, и мы на что сгодимся, — весело ответил ему Ильнур. — Ладно, идем. Проверим караульных.

Они обошли все посты и убедились в том, что каждый боец находится на своем месте и бдительно несет дозор. Оборона заметно упростилась бы, будь у них возможность использовать в пределах крепости магию. Но на этот счет они получили от Эларии четкие инструкции: никакой магии! Да и Лаура подтвердила это, изучив начертанные на дверях подземелья заклинания. Начни они колдовать на развалинах и сдерживающие чары могут рухнуть. И тогда неведомое нечто обретет свободу.

Убедившись в том, что все часовые на своих местах и бдительно несут вахту, Ильнур и Андис вернулись обратно в то единственное крепостное строение, которое уцелело в достаточной степени, чтобы служить убежищем. К их возвращению как раз был готов ужин. Поскольку они не решились разводить огня, чтобы не выдать своего присутствия светом или

дымом, пришлось довольствоваться холодными закусками. Они взяли с собой в дорогу достаточно провианта, но если количество пищи радовало едоков, то ее вкусовые качества удручали. Не к такой кормежке привыкли герои. В Форинге войны и маги столовались в многочисленных трактирах и после тамошних разносолов жесткая солонина и безвкусные походные лепешки показались им редкостной гадостью. А о том, каково приходилось вкусовым рецепторам Андиса, оставалось только гадать. Но столичный паладин переносил походные лишения стоически. Он даже сжевал немного солонины и лепешек, правда, физиономия его при этом скривилась так, будто ему в спину вонзили нож.

За трапезой Ильнур распределил сменщиков в караул, освободив от этой повинности только Кольку, Лауру и Андиса.

— Завтра вы понадобятся мне бодрыми и полными сил, — пояснил он. — Нам предстоит выследить бандитов, устроивших здесь свое логово. Этим-то мы и займемся. Так что отправляйтесь спать и спите до утра.

— Не знаю, смогу ли я здесь уснуть, — засомневался Андис. — Мне доводилось слышать о пораженных проклятием местах, в которых лучше не смыкать глаз. Ибо темные чары затягивают жертв в кошмар, из которого невозможно пробудиться. Так несчастные люди и умирают от невыносимого ужаса, не будучи в силах вырваться из объятий сна.

— Давайте без страшилок на ночь глядя, — ироничным тоном предложила Лаура, от внимания которой не укрылась тревога на лицах соратников. Не только одному Андису в этой крепости было не по себе. Каждый из них ощущал близкое присутствие неведомого, но могущественного и злого, существа. Существа, которое хоть и сидело взаперти, но все же, чем черт ни шутит, могло навредить даже из своей темницы. Раз уж источаемый им ужас расплзался по всей округе, то не сумеет ли оно дотянуться до явившихся в его логово жертв даже сквозь магический барьер?

— Да, незачем себя накручивать, — согласился с волшебницей Ильнур. — Просто постарайтесь не оставаться здесь в одиночестве, и все будет хорошо. А теперь давайте-ка устраиваться на ночлег. День был трудным, да и завтрашний едва ли окажется легким.

Герои расположились в трех больших комнатах, устроив, кто из чего сумел, себе постели. На всю крепость имелось лишь две кровати, одну из которых занял Ильнур, а вторую Лаура. Несколько волшебниц попытались составить ей компанию, но Лаура отказалась, сославшись на то, что давно уже не боится спать одна.

— Я не верю, что здешний узник в силах как-то навредить нам, — пояснила она. — Если кого и следует опасаться, так это врагов из плоти и крови. Но им не удастся незаметно проскочить сквозь наши дозоры.

— Вот-вот, — согласился Ильнур. — Так что спите спокойно и не вздумайте травить страшилки.

Оказавшись в своих покоях, Лаура зажгла шар и набросила на него большой платок, тем самым снизив яркость света. Она осмотрела комнату — та была небольшой и фактически пустой. Из мебели в ней находилась старая кровать да древний хромоногий стул. Впрочем, было заметно, что в этой комнате до самого недавнего времени обитал человек. Хотя бы потому, что ни на стенах, ни на полу не было слоя пыли, а постельное белье, пусть и самодельное, сшитое из разноцветных лоскутов, не выглядело древним. И все же прикасаться к нему голым телом совершенно не хотелось. Лаура решила, что успешно сможет поспать не раздеваясь.

Волшебница устроила шар на стуле, а сама прилегла на кровать. Спать ей не хотелось.

Она прислушалась к своим ощущениям и поняла, что жуткое воздействие, которое все они ощутили, едва ступив в пределы крепости, заметно утратило свою остроту. Как и ожидалось, стремительно пошел процесс привыкания. Лаура не сомневалась в том, что она, проснувшись завтра утром, не почувствует вообще ничего. Наверное, бандиты, которые обитали здесь прежде, тоже догадались перетерпеть первые, самые тяжелые часы, а после уже спокойно жили в крепости, не испытывая никакого дискомфорта.

И все же Лаура не могла ни чувствовать страха перед заточенным в подземелье существом. Страх усиливало полное неведение. Что оно такое? Откуда взялось здесь? Является ли оно чудом уцелевшим реликтом древнего мира, сохранившимся с тех невообразимо далеких эпох, когда ужасные чудовища населяли эти земли? Или же оно явилось извне, либо вторгнувшись самостоятельно, либо будучи призванным? Так или иначе, но Лаура предпочла бы точно знать, с чем имеет дело. Неизвестность пугала ее, заставляя фантазию пускаться в полет и рождать самые невероятные и страшные версии.

Спустя полчаса Лаура различила чуть слышные, приближающиеся к ее покоям, шаги в коридоре. Кто-то крался снаружи, изо всех сил стараясь производить как можно меньше шума. Но волшебница не встревожилась. Напротив, улыбнувшись, она поднялась с кровати и подошла к двери. Как раз в этот момент в нее негромко постучали.

Для приличия Лаура все же спросила:

— Кто там?

— Впусти меня уже, — донесся снаружи ворчливый голос Кольки.

Волшебница отперла дверь и позволила своему любовнику проникнуть в комнату.

— Господи! — простонал Колька, бросая на постель меч. — Я думал, что до самого утра не отвяжусь от этого болвана.

— Кого ты имеешь в виду? — улыбнулась Лаура.

— Как будто есть варианты? Я имею в виду отважного рыцаря Андиса Приставучего. Этот придурок вздумал спать со мной в обнимку.

Волшебница тихо расхохоталась.

— Мальчик просто напуган, — пояснила она. — Не нужно на него сердиться. Ты мог бы приласкать его. Мне он показался довольно милым.

— Милые мальчики не в моем вкусе! — отрезал Колька. — Я больше предпочитаю милых девочек.

С этими словами он подошел к Лауре, обнял ее, прижал к себе и поцеловал в губы. Волшебница вначале отвечала ему взаимностью, но когда Колькина рука отправилась в странствие под ее юбку, решительно оттолкнула кавалера.

— Только не здесь! — произнесла она.

— Неужели ты стесняешься того монстра, что сидит в здешнем подземелье? — удивился Колька. — Думаешь, он станет подглядывать?

— Монстров я не стесняюсь, но заниматься любовью в подобном свинарнике считаю недопустимым.

— А, вот ты о чем, — сообразил Колька, окинув взглядом комнату. — Ну, не царски палаты, это да. Но определенный шарм есть. Если подойти к делу без предрассудков, данную обстановку, как и ситуацию, можно счесть довольно романтичными.

Он сел на кровать и повел плечами, которые ныли от тяжести доспехов. Ильнур запретил воинам снимать броню и разоружаться.

Лаура присела рядом.

— Надеюсь, мы не задержимся здесь надолго, — сказала она. — Хорошо бы завтра отловить бандитов и вернуться в Форинг. Вот бы и там все было хорошо.

— О чем ты? — удивился Колька.

— Я все боюсь, что пока мы находимся здесь, Свиностаc с армией злодеев нападет на город. Устоит ли Форинг перед их натиском? Сумеют ли оставшиеся герои отбить штурм?

Колька шумно выдохнул.

— Слушай, забудь ты уже об этом Свиностаcе, — посоветовал он Лауре, обняв ее и прижав к себе. — Говорю тебе — забудь! Ничего он не сделает и не захватит. Его уже давно нет в живых.

— Ты этого знать не можешь, — заметила Лаура.

— Зато я знаю Свиностаcа. Он точно уже помер. Можешь не сомневаться. И ко всей этой истории он не имеет никакого отношения. Давай-ка лучше спать.

— Останешься на ночь здесь? — спросила волшебница.

— А разве нельзя?

— Можно. Но что подумают люди?

Колька отмахнулся.

— Что подумают, то подумают, — фыркнул он. — Мы не дети.

— А что скажет Ильнур?

— Ильнур давно все знает, он ведь не дурак, и не слепой. Но если тебя так уж сильно беспокоит общественное мнение, мы могли бы оформить наши отношения официально.

Лаура вскинула голову и удивленно посмотрела на Кольку.

— Ты имеешь в виду брак? — спросила она тихо и как-то испуганно, словно эта тема застала ее врасплох.

— Ну да, его, — пожал плечами Колька.

— То есть, это ты вот сейчас делаешь мне предложение?

Колька улыбнулся.

— Скажем так — пока прощупываю почву. Для предложения я выберу более подходящее место. А пока что....

Оборвав себя на полуслове, Колька резко вскинул голову. Лаура тоже услышала то, что привлекло его внимание. Снаружи, со двора крепости, доносился приглушенный толщей каменных стен звук сигнального горна.

— Неужели! — выдохнула волшебница.

Колька резко вскочил с кровати и схватил свой меч.

— Подожди меня! — крикнула ему Лаура, беря прислоненный к стене посох.

— Быстрее! — рявкнул Колька, рывком распахивая дверь.

Оказавшись в коридоре, он расслышал людские крики, несущиеся снаружи. Вдруг что-то тяжело бабахнуло, будто где-то поблизости взорвалась бомба.

По коридорам они помчались к выходу. Старая крепость наполнилась шумом, топотом ног и лязгом оружия. Из комнат выбегали герои, с которых разом слетела вся сонливость. Колька увидел Ильнура с обнаженным мечом в руках. Клинок верховного паладина светился во мраке, изливая яркий белый свет, который успешно рассеивал сумрак крепостных коридоров.

— Быстрее! — кричал Ильнур. — Все наружу!

Грохнуло еще раз, теперь уже сильнее. Колька ногами ощутил вибрацию пола. Там, снаружи, творилось что-то невероятное. Мысль о том, что крепость атакована

обосновавшейся здесь шайкой разбойников, отпала сама собой. Ни у каких разбойников не могло быть в арсенале подобных заклинаний.

— Маги! — закричал Ильнур, и его голос перекрыл весь прочий шум. — У выхода создайте щит, и прикройте нас.

— Нельзя! — попыталась напомнить Лаура. — Здесь нельзя колдовать. Ты что, забыл?

— Помню, — отмахнулся Ильнур. — Но иначе нас просто перебьют, как беспомощных щенков. Потому что те, кто пожаловал к нам в гости, явно не стесняются использовать магию.

Колька стиснул пальцы на рукояти меча и призвал усиливающую магию паладина. Клинок начал медленно наливать белым свечением.

— Вперед! — закричал Ильнур.

Теперь они все слышали шум идущей во дворе битвы. Звенела сталь, свистели стрелы, ночную тьму рассеял синий свет, льющийся откуда-то с небес. Звучали жуткие крики раненых и грязные ругательства.

Чувствуя скорее возбуждение, нежели страх, Колька вслед за Ильнуром выбежал из здания во двор.

— Нам конец! — горько стонал Стасик, съежившись в позе эмбриона на холодном каменном полу. — Нам конец! Конец! Крышка нам всем!

И тут, словно опомнившись, резко включил эгоиста и выпалил:

— Мне конец!

— Прошу тебя вновь — замолчи, — прозвучал из темноты утомленный голос Гамала. — Если твои рыдания услышат снаружи, нас уже ничто не спасет.

Стасик и без того давно утратил надежду на спасение. Он не сомневался в том, что его смертный час не за горами. И ему крупно повезет, если смерть его окажется легкой и быстрой. Но рассчитывать на это не приходилось. У Стасика не было ни тени сомнения в том, что герои Англэзии пожаловали в старую крепость по его душу. Он ведь, как-никак, страшный злодей, за чью голову назначена огромная награда в виде целой горы золота. Но еще большая гора достанется тому счастливчику, кто захватит и привезет его в Форинг живым. А уж там, в Форинге, его ждут-дожидаются квалифицированные палачи во главе с садистом Колькой. Ждут, руки потирают — так им хочется скорее схватить его и начать зверски пытаться.

Не вынеся душевных мук, Стасик вновь пустил слезу и тихо разрыдался. Хотелось кричать в голос, но он кое-как сдерживал этот опрометчивый порыв. Как бы ни были толсты каменные стены древней крепости, но звук его стонаний может просочиться сквозь их толщу. И если герои добра услышат его, они быстро поймут, где именно следует искать преступника Свиноста.

— Чужло мое сердце, что не стоило входить в эти развалины, — прозвучал в темноте безрадостный голос Зархада. — На этих древних стенах лежит могущественное проклятие, приносящее зло всякому, кто дерзнет войти под эти мрачные своды. Я поддался на уговоры, и вот что из этого вышло.

— Может, вы все уже, наконец, заткнетесь и дадите мне спокойно подумать? — сердито спросил Гамал.

— Думай, дедушка, думай, — великодушно позволил Зархад и в голосе его Стасик расслышал отчаяние. — Да только что тут думать-то? И так ведь все ясно.

— Может еще обойдется все, а? — осторожно предположил Грыбан. — Глядишь, эти посидят в крепости денек-другой, да отвалят. Уж два дня-то мы тут как-нибудь продержимся. А, братцы? Продержимся ведь?

— Наивный свояк! — с жалостью бросил ему Зархад. — Мы прокляты, пойми это и смирись. Темные чары довлеют над нами.

— Серьезно, достали уже! — прорычал Гамал. — Что вам нейдется-то?

— Мы чем тебе мешаем? — недобрым голосом спросил Зархад. — Мало того, что сидим в этой каменной могиле, так еще и словом нельзя перекинуться.

— Я пытаюсь придумать, как спасти наши шкуры, — ответил ему Гамал. — Или тебя это не интересует?

— Что ты сразу начинаешь? Знаешь, как спастись — скажи. Но и рты нам не затыкай. Для нас, гоблинов, гласность и сытость — первейшие духовные ценности.

Стасик громко, с надрывом, всхлипнул и провел ладонью по влажному от слез лицу. Его собратья по несчастью продолжали надеяться на лучшее, но ему была известна горькая

правда. Герои добра пожаловали сюда за ним. Мало им было выдавить его на нейтральную полосу. Ему, несчастному, и здесь не дали покоя. А ведь он только-только начал привыкать к своей новой жизни. Она, страшно сказать, даже начала ему нравиться. Но стоило ему хотя бы на секунду поверить в лучшее, как злой рок тут же поспешил разубедить его в этом.

На самом деле все могло закончиться уже давно, если бы не предусмотрительность Гамала. За годы, проведенные в крепости, старик успел досконально изучить ее. В том числе им была обнаружена сеть потайных ходов, проложенных в толще каменных стен. Она представляла собой систему тесных лазов квадратного сечения, в которых человек субтильного телосложения мог довольно свободно передвигаться на четвереньках. Входов в эту сеть потайных лазов имелось немало, но они были так тщательно замаскированы, что обнаружить их не представлялось возможным. Древние мастера, возводившие крепость, потрудились на славу. Скрытые двери, опирающиеся при помощи сложных нажимных механизмов, исправно функционировали до сих пор. Мимо одной такой двери, расположенной прямо в стене коридора, Стасик за время проживания в крепости успел пройти раз пятьдесят, но ничто не привлекло к ней его внимания.

Гамал не рассказывал ему о потайных ходах ровно до того момента, когда Грыбан, ворвавшись в кухню, выпалил сенсационное известие. Новость произвела фурор. У Зархада тарелка с кашей выпала и лап и разбилась, ударившись об пол. Старый алхимик побледнел. Один Стасик сохранил подобающее мужчине самообладание — ни в обморок не упал, ни штаны не увлажнил.

— Они едут сюда? — закричал Гамал, выходя из секундного ступора.

— Идут! — выпалил Грыбан. — Часть осталась с лошадьми, а часть чешет сюда.

— Их много?

— Да целое войско! Клянусь желудком — среди них паладины.

Вот тут уж никакое мужество не спасло Стасика, и он поплыл, как от удара в челюсть. От падения на пол его спас Зархад, успевший подхватить полуобморочное тело и привести в чувства серией щедрых оплеух.

Гамал вскочил со стула. Глаза его бешено засверкали.

— Живо все за мной! — скомандовал он тоном, не терпящим возражений.

Они бросились за алхимиком. Стасик все еще был не комильфо, но Зархад тащил его за собой, вцепившись в забинтованное тело мертвой хваткой.

Путь их завершился вскоре, напротив глухой каменной стены. Гамал пробежался пальцами по ее поверхности, нащупал тщательно замаскированный рычаг, и утопил его внутрь. В тот же миг прямоугольный люк беззвучно отъехал в сторону, обнажив черный квадрат входа.

— Туда! — приказал Гамал. — Ну, живее!

Зархада не пришлось уговаривать, он юркнул в лаз первым. Стасик попытался заупрямиться, главным образом потому, что плохо соображал, но его силой запихнули внутрь. Следом в лаз пролез Грыбан, а последним внутрь юркнул Гамал. Послышался щелчок и люк встал на место. Все четверо оказались в крошечной тьме.

Быстро, по-деловому, Гамал объяснил, где они находятся, после чего приказал ползти вперед. Узкий тоннель вскоре привел их в небольшое помещение, низкое и тесное. Но в нем они смогли поместиться все вчетвером.

Здесь Гамал позволил себе проворчать:

— Какого демона? Нет, какого, я спрашиваю, демона они здесь забыли?

Пока алхимик недоумевал, Стасик уже отыскал ответ на прозвучавший вопрос. Воины добра и света забыли здесь его. Они пришли за головой военного преступника Свиноста́са.

— Из этих тоннелей есть выход наружу? — спросил Зархад.

— Нет, — ответил Гамал. — Они все выводят внутрь крепости. Их ведь строили для шпионажа.

— А смотровые щели?

— Парочка имеется. Давайте немного подождем. Потом я сползаю и посмотрю, что происходит.

Выждали полчаса. По их истечению Гамал приказал остальным лежать тихо, а сам куда-то уполз. Отсутствовал он минут пятнадцать, а когда вернулся, принес с собой целый мешок дурных вестей.

— Герои наводнили крепость, — шепотом вещал он, а Стасик, слушая его, скулил и трясся от ужаса. — Их много. Тут и паладины, и маги. Похоже, они собираются здесь задержаться.

— Но что им тут понадобилось? — спросил Зархад.

— Сам не пойму, — признался Гамал. — Эту крепость объезжали стороной на протяжении веков.

— Уж конечно не без причины, — тут же заметил Зархад.

— Да, не без причины. Но сейчас нам следует волноваться не о ней, а о том, что мы оказались в ловушке.

— Может, это просто рейд? — предположил Грыбан.

— Нет, — возразил Гамал. — Какой там рейд? Целое войско нагрянуло.

— Что же нам делать? — спросил Зархад.

— А у нас и выбора нет, — вздохнув, признался Гамал. — Остается только ждать. Ждать и надеяться на то, что добряки не задержатся здесь надолго.

И вот они принялись ждать. Тяжким было то ожидание. Трудно было определить, лежа в темноте, на холодной каменной поверхности, много ли времени прошло с тех пор, как они добровольно замуровали себя. Стасику так и вовсе чудилось, что утекли многие часы. За это время он так накрутил себя, что был чуть живым от ужаса. Гибель представлялась ему неминуемой. Он не сомневался в том, что герои пришли по его душу, и они, вне всяких сомнений, обнаружат его — это лишь вопрос времени. Ведь с ними маги. Достаточно им пустить в ход свои чары, как затаившийся Свиноста́с тут же будет найден. А затем последуют пытки, истязания допросы, и всем этим кошмаром будет лихо дирижировать ненавистный Колька.

Вдруг, после довольно продолжительного молчания, которое воцарилось в каменном мешке, Гамал произнес:

— Я тут прикинул то да се, и, кажется, понял, что могло привести сюда добряков.

— И что же? — спросил Зархад.

— Единственной причиной, которая могла заставить их явиться сюда, может быть обитатель здешнего подземелья, — ответил Гамал.

Стасик вздрогнул. Он был так погружен в свои переживания, что совсем забыл о Свете.

— О чем ты говоришь? — осторожно спросил Грыбан.

— Говорю о том, что под этой крепостью есть подземелье. И в нем что-то заперто. Что-то живое.

— Я так и знал! — торжествующе произнес Зархад. — Я же говорил, что в этом месте

обитают зло, — обратился он к своему соратнику. — Вечно я оказываюсь прав. Нет, не надо было идти сюда. А ты — пойдём да пойдём. Почему ты меня никогда не слушаешь?

Стасик вытер слезы и спросил у Гамала:

— Ты думаешь, они здесь из-за подземелья?

— Это единственная причина, которая пришла мне на ум, — прозвучало в ответ.

— Но что они собираются делать?

— Хотел бы я это знать. Но вот что: прежде эта крепость принадлежала добрякам. Это они заперли существо в подземелье. Они знают, что это такое. Много веков оно просидело здесь. Но о нем не забыли. И возможно, добряки наконец-то придумали, как его использовать.

— Использовать?

— Ну, или окончательно уничтожить. Не знаю, что они собираются делать с ним, но они здесь точно из-за него. Других причин нет.

Новая волна страха накрыла Стасика с головой. В этот раз он испугался не за себя, а за Свету. Неужели ей грозит гибель? И это именно теперь, когда у них завязались такие близкие, можно даже сказать романтические, отношения. Стасик вновь расплакался. В этот миг он люто ненавидел свое невезение. И почему все в его жизни вечно шло через задницу? Что ни начнется хорошего, все тут же и закончится.

— Ну и ладно, — услышал он голос Зархада. — Пусть убивают этого монстра или делают с ним что угодно, и убираются. А мы подождём здесь.

— Вот уж не знаю, дождемся ли, — с сомнением произнес Гамал. — С тем, что сидит в нашем подземелье, не управиться за пару часов. Это может занять неопределенное время. Только на то, чтобы правильно снять печати с двери, у самого лучшего мага уйдет неделя.

— Неделя? — ахнул Грыбан. — За неделю я тут околею от голода. Вот что — давайте, пока не поздно, кинем жребий и определим, кого съедим первым. Но сразу говорю — я в домике.

— Вот так попали, — тоскливо протянул Зархад. — Отсиживаться, выходит, не вариант. В таком случае нужно попытаться унести ноги, пока еще на это есть силы. Старик, ты знаешь тут все. Должен же быть способ незаметно покинуть крепость.

— Пытаюсь его придумать, — ответил Гамал. — Пока что все возможные варианты ведут к стопроцентной гибели.

— Тогда точно придется кидать жребий, — вздохнув, признал Зархад.

Тут Стасик, до того молчавший, негромко предложил:

— А что если нам объединиться с....

Он запнулся.

— С кем? — спросил Гамал. — С добряками, что ли? Это не смешно.

— Я говорил не о добряках, — сказал Стасик.

— А о ком? Выкладывай прямо, нечего загадывать загадки. Мы не в том положении, чтобы отдаваться играм.

Стасик собрался с духом и выпалил:

— Давайте объединимся с тем существом, что сидит в подземелье.

Воцарилось молчание, которое продлилось довольно долго. Наконец, Гамал произнес, обращаясь к гоблинам:

— Спокойно, ребята. Стасик хороший парень, но он слаб духом. Страх перед паладинами помутил его рассудок.

— Ничего у меня не помутилось! — обиделся на скоропалительный диагноз Стасик. — Я говорю серьезно.

— Если так, то ты просто глупец, — заявил Гамал. — Что ты мелешь, мальчишка? Объединиться с этим монстром? Да мы даже не знаем, что оно такое. Не знаем, можно ли вступить с ним в вербальный контакт. Оно само зло, таящееся во мраке. Для него мы такая же пожива, как и добряки.

— Неправда! — резко возразил Стасик. — Оно не злое. Оно....

Он осекся.

— Очень любопытно, — протянул Гамал. — И откуда такие смелые выводы?

— Оттуда, что я говорил с ним. Точнее — с ней. Это не оно, а она. Девочка.

— Постой, постой, — перебил его Гамал. — С кем ты говорил?

— С ней. Ее зовут Света. Ну, то есть, теперь ее так зовут, а раньше никак не звали. Я придумал это имя и ей понравилось.

— погоди, что ты такое городишь? — вновь выпалил Гамал. — Ты что, разговаривал с этим существом? Но как?

Врать уже не имело смысла, и Стасик признался во всем. Рассказал, как нарушил запрет Гамала и спустился в подземелье. Как услышал донесшийся из-за двери голос, как заговорил с ним, и вот так завязалась их нежная дружба с запертой во мраке узницей.

— Нет, я не ошибся, — нервно засмеялся Гамал. — Ты действительно спятил. Придумал себе какую-то воображаемую подругу и морочишь нам голову.

Но тут в беседу вмешался Зархад и спокойным, но твердым, голосом сказал:

— Пускай человек Стас все расскажет. Я готов с кем угодно объединиться, лишь бы спасти свою шкуру.

— Да чушь все это, — не унимался Гамал. — Я здесь прожил десять лет и ничего такого не слышал. Да, оно, иной раз, шумело, выло по-звериному в своей темнице. Но никаких человеческих голосов не было.

— Это потому, что ты черствый и грубый мужлан, — высказал предположение Стасик. — А я добрый и нежный. Она это почувствовала и подружилась со мной.

— Ну, раз вы с ней друзья, так пускай она поможет нам, — загорелся Грыбан. — Кто она вообще такая?

— Да я не знаю, — признался Стасик. — Она, кажется, и сама этого не знает.

— Знает — не знает, — проворчал Зархад. — Силы у нее полно, это ясно. Вот пусть и разберется с добряками. Попроси ее по-дружески. А мы ей потом, когда-нибудь в другой раз, гостинцев принесем. Расплатимся честь по чести.

— Я бы попросил, — виноватым тоном признался Стасик, — но я не знаю, как открыть дверь ее темницы. И она тоже не знает. Мы пробовали....

— Что? — змеей прошипел Гамал. — Нет, ты точно обезумел! Как тебе только хватило дурусти пытаться взломать дверь?

— А что такого? Я просто хотел освободить Свету. Она хорошая и никому ничего плохого не сделала. За что ее держать в заточении сотни лет?

— Это она тебе сказала, что ничего плохого не сделала? А ты и уши развесил. Тупой школьник!

— Ребята, хватит лаяться, — попросил Зархад. — Мне все равно, кто, что и кому сделал. Я просто хочу выйти из этой передраги живым. И если для этого надо подружиться с монстром, то так тому и быть. Так что давайте лучше подумаем, как освободить подружку

человека Стаса, чтобы та затем спасла всех нас. Гамал у тебя на это счет мысли есть?

— На какой? Как взломать дверь в подземелье? Ни единой!

— Да не капризничай ты, я тебе потом атласные шаровары добуду за полцены.

— Сказал же — не знаю я, как ее открыть. Она заколдована — ясно вам? А я, так уж вышло, не маг. Что я могу тут поделаться? Взорвать ее, разве что.

— А это мысль! — оживился Зархад. — Ты же в бомбах сечешь. Помнится, и для нас их изготавливал. Правда, те слабенькие были. Но если сделать большую бомбу, то никакая дверь не устоит.

— Эта-та, как раз, может устоять, — сказал Гамал. — Впрочем, какая разница. Чтобы сделать бомбу, нужно попасть в лабораторию. Я же не могу ее из воздуха сотворить. А потом ее нужно доставить к двери в подземелье. Как мы все это провернем, если в крепости полно добряков?

— А разве добрякам не нужно спать? — спросил Зархад. — Дед, не ворчи ты. Я все понимаю — опасно. Но если они пустят в ход магию, они нас в два счета отыщут. И что тогда? Знаешь, что делают паладины с гоблинами?

Рождающийся в муках план не слишком нравился Стасику. Покинуть надежное убежище и бродить по крепости, полной героев добра — форменное самоубийство. Но Зархад сказал дело — если маги просканируют руины, их тотчас же обнаружат. Стасик не знал, что там паладины делают с гоблинами, зато догадывался, какая веселая участь ждет лично его, окажись он в лапах воинов света. Отсиживаться в убежище и дальше было опасно. Единственный их шанс на спасение заключался в Свете. Вырвавшись на свободу, она, пожалуй, сумеет справиться с целым войском. Стасику, во всяком случае, хотелось в это верить.

— Давайте рискнем, — прошептал он, сам удивляясь собственной отчаянной решимости. Решимостью, на самом деле, и не пахло. Просто Стасик выбрал наименее страшный вариант. Ведь если даже его убьют в ходе вылазки, это, как ни крути, будет быстрая смерть. А вот в том случае, если силы добра и света заполучат его живым, он многократно пожалеет о том, что когда-то упоенно мечтал о правильном мире.

— Экие вы сорвиголовы, — неодобрительно проворчал Гамал. — Даже Стасик расхрабрился. Но я вынужден признать, что иного выхода у нас нет. Попытаемся освободить это существо.

— Ее зовут Света, — напомнил Стасик. — Она хорошая. Она мухи не обидит.

— Надеюсь, ее безобидность не распространяется на паладинов и светлых магов, — заметил Гамал. — Хотя, они ведь не мухи. Ладно, давайте за мной. Эх, только бы лаборатория была цела. Если добряки там все переломали, тогда нам точно крышка.

И они поползли по тесному каменному тоннелю вслед за старым алхимиком.

Следовать за героями оказалось нетрудно. Большой отряд всадников оставил после себя четкий след, так что Ваську всего-то и нужно было, что двигаться по нему. Поэтому он смог позволить себе ехать далеко позади, вне зоны видимости Ильнура и его войска.

Пока путь его пролегал по землям Ангдэзии, Васек чувствовал себя превосходно. Его переполняла воинственность, он жаждал крови. За проведенные в этом мире годы он привык воспринимать войну, ведущуюся между королевством добра и империей зла, как нечто, не имеющее к нему никакого отношения. Но с недавних пор все изменилось. В этом конфликте у него появился личный интерес. После кошмара, пережитого им в Форинге в ходе злодейского набега, после того, как он собственноручно похоронил своих убитых друзей, у Васька не осталось иного желания, кроме как найти и жестоко покарать главного виновника всех этих бед. Лежа в лазарете с ранами и ожогами, он думал лишь о том, каким невыносимо жестоким образом поквитается с ненавистным Свиностаком. Идея мести завладела им целиком. Все радости жизни, которым он отдавался прежде, померкли и потеряли свою ценность. Васька больше не манили ни хмельное пиво, ни грудастые крестьянки. Он хотел одного — срубить голову подлому злодею.

Пока дорога тянулась мимо возделанных полей, тенистых роц и зеленых лугов, Васек был храбр и решителен. Но постепенно привычный пейзаж начал меняться. Зелени становилось все меньше, деревья, если и попадались, выглядели хилыми и болезненными. А затем впереди показалась голое серое пространство, от которого повеяло сухим зловонным воздухом и странной жутью. Стоило увидеть нейтральную полосу, о которой Васек прежде был только наслышан, как вся решимость со свистом вышла из свинопаса.

Он остановил лошадь, чувствуя страх и испытывая сильное желание повернуть назад. Возможно, прав был верховный паладин, когда не пожелал брать его в воины. Он свинопас. Его удел — крестьянская работа. Нет у него необходимых для настоящего героя качеств, и, прежде всего, положенной дозы мужества. Разве стал бы колебаться герой, увидев перед собой выжженную пустыню нейтральной полосы? Разумеется, нет. Он не убоился бы всех многочисленных и ужасных слухов, что ходили об этом месте, но решительно двинулся бы вперед, к своей цели.

Возможно, Васек и повернул бы назад, но стоило ему вспомнить чудом пережитый геноцид, как он понял — нет, этому не бывать. Неважно, что там думал о нем Ильнур. Неважно, что показал определяющий куб. Он поедет на нейтральную полосу, а если потребуется, то и дальше, в сам Кранг-дан, отыщет там злодея Свиностака, и прикончит его. Либо так, либо будет терзаться угрызениями совести до конца жизни. Пусть он сам погибнет на этом пути, но и подлый Стасик не уйдет от возмездия.

С этими мыслями Васек пустил лошадь вперед и вскоре выехал на нейтральную полосу. Он упорно двигался по следу, оставленному отрядом героев. День уже клонился к вечеру, и Ваську меньше всего хотелось оказаться ночью на голой местности. Он слышал немало леденящих кровь историй о чудовищах, населяющих нейтральную полосу, и знал, что те предпочитают выходить на охоту в темное время суток. Поэтому следовало спешить, и либо настичь отряд, либо найти себе какое-нибудь убежище прежде, чем стусятся сумерки.

Он пришпорил старую клячу, заставив ту перейти на галоп. Лошаденка вначале отказывалась понимать наездника, но когда его пятки в пятый раз крепко вонзились в ее

тощие бока, осознала, что тот не шутит. И впервые в жизни перешла на бег. Васек гнал ее без намека на жалость, и к тому моменту, когда он разглядел на горизонте какие-то развалины, несчастная скотина был чуть живой от усталости, и едва не падала без сил.

Издали Васек успел заметить, как всадники въезжают на территорию старой крепости, и догадался, что либо те руины и были целью рейда, либо герои избрали их для ночлега.

Теперь нужно было позаботиться и о себе. Осмотрев местность, он заметил в стороне от своего маршрута какие-то развалины, оказавшиеся остатками крестьянского подворья. От некогда располагавшегося здесь человеческого жилья осталось немного, но это было лучше, чем коротать ночь на открытой местности. Собрав старые доски, Васек соорудил из них нечто вроде хлипкого забора, который давал скорее психологическую, чем реальную защиту. Затем он напоил чуть живую лошадь и дал ей овса, после чего и сам поужинал взятой в дорогу снедью.

Близилась ночь. Разводить костер, по понятным причинам, было нельзя, так что Васек просто сидел на земле, и тискал в руках недавно купленный меч. Особой уверенности в себе наличие оружия ему не придавало. Чем темнее становилось вокруг, тем меньше Ваську хотелось оставаться здесь. Каков шанс, что он благополучно доживет до утра, и не будет съеден местными монстрами? А ведь он не для того пустился в путь, чтобы насытить здешних бестий своей плотью.

Поднявшийся ветер принес откуда-то облака, и те быстро затянули собой прежде чистое небо, полностью скрыв едва зажегшиеся звезды. Стало еще темнее. Грядущая ночь обещала быть беспросветно черной.

Страх овладел Васьком. Небезосновательно опасаясь за свою жизнь, он решился на отчаянный шаг — попробовать пробраться в развалины, где обосновались герои Форинга. Даже если его и схватят, Ильнур не бросит его здесь, на нейтральной полосе, и будет вынужден позволить присоединиться к отряду.

Он попытался поднять свою лошадь, но не добился успеха. Та, поев и попив, легла на землю, и теперь всем своим видом давала понять, что больше уже не встанет. Васек толкал ее, пинал, даже пустил в ход палку. Животное снесло все грубости, безропотно вынесло побои, но даже не предприняло попытки подчиниться.

— Ну и оставайся здесь, тупая кляча! — выпалил Васек, осознав всю тщетность своих усилий. — Когда ночью сюда пожалуют чудовища, можешь передать им от меня пожелание приятного аппетита.

Взяв с собой меч и сумку с припасами, Васек оставил непокорное животное, и стал пробираться к развалинам пешком.

К тому моменту на нейтральную полосу опустилась полноценная ночь. Самая темная ночь из тех, что доводилось видеть Ваську. Казалось, что кто-то выплеснул на мир ведро черной краски. Не было видно ничего — ни звезд на небе, ни огней на земле. Очертания развалин кое-как угадывались впереди, но Васек решительно не видел того, что творится под ногами. Пару раз он едва не провалился в какие-то ямы.

Упав второй раз, Васек присел передохнуть. Он благоразумно соблюдал тишину, не желая привлекать к себе внимание местных плотоядных обитателей, а потому едва не вскрикнул от неожиданности, когда услышал неподалеку какое-то шуршание и шелест. Казалось, кто-то полз по земле, притом совсем рядом с ним. Кто-то довольно крупный. Васек затаил дыхание, больше всего на свете боясь выдать свое присутствие каким-нибудь неосторожно произведенным звуком.

А затем он услышал человеческий голос. Точнее — голоса. Людей было двое, и переговаривались они чуть слышным преступным шепотом.

— Говорю тебе — я кого-то видел на стене, — прошипел один из них.

— Кого ты мог видеть? — возразил второй. — Тебе показалось!

— Ничего подобного. Я видел! Давай подползем ближе.

— Ерундой какой-то занимаемся. Эта крепость уже давно необитаема.

— Ну, раз не хочешь проверять, то сам будешь докладывать лорду Мортусу. И всю ответственность возьмешь на себя. Идет?

Собеседник замялся с ответом, а затем сказал:

— Ладно, ладно, хорошо. Подползем ближе. Раз послали на разведку, то разведаем все, как полагается.

Вновь зазвучало шуршание, которое, постепенно удаляясь, вскоре полностью стихло.

Васек сидел чуть живой, и лишь спустя минуту после того, как загадочные люди удалились, вспомнил о необходимости дышать. Сердце его бешено билось в груди, по спине, в сторону сжавшихся от страха ягодиц, струился обильно выступивший пот. Ваську понадобилось время, чтобы прийти в себя и вернуть себе способность соображать.

Кто были эти люди? Явно не герои. Из их речей следовало, что они разведчики. Но чьи?

И тут Васька осенило. Он вспомнил имя, мелькнувшее в беседе двух неизвестных. Они упомянули некоего лорда Мортуса. О, Васек отлично знал, кто он такой. Это был тот самый злодей, что командовал черным воинством, учинившим в Форинге разгром и геноцид. Тот самый черный всадник с огромным мечом, что стоял на руинах рухнувшей стены и командовал силами зла. Ходили слухи, что Мортус и Свиностаc — лучшие друзья и подельники во всех черных делах. Нападение на Форинг было их совместно спланированной и осуществленной акцией.

Страшная картина начала разворачиваться перед Васьком. Лучшие герои Форинга, в том числе верховный паладин и верховная волшебница, сейчас внутри тех развалин. Наверняка, они уже поужинали и легли спать. И даже не подозревают, какая ужасная опасность нависла над ними. Ибо зло не дремлет. Лорд Мортус и его друг Свиностаc приготовили для них кровавый сюрприз. План этой дьявольской парочки был ясен, как день: вначале внезапно атаковать и перебить спящих героев, а затем....

Ваську стало дурно от следующей догадки. Потому что он понял — одним уничтожением геройского отряда злодеи не ограничатся. Расправившись с ним, они, вне всяких сомнений, пойдут на Форинг. Опять. И кошмар, невольным свидетелем и участником которого однажды стал Васек, повторится вновь. Город, лишенный лучшей части своих защитников, не сумеет отразить удар черного воинства. И вновь, как в ту злосчастную ночь, по улицам рекою польется кровь, запыхают пожары, а беззащитные люди будут метаться в панике, тщетно ища убежище, и падая под ударами злодейских мечей и стрел.

Так все и будет. Именно это жуткое дело и запланировали два грандиозных злодея — лорд Мортус и его приятель Свиностаc. Форинг — оплот добра и света, не давал им покоя одним фактом своего существования. И они решили окончательно стереть его с лица земли.

Васек не сомневался в том, что его догадка верна. Личный интерес, связанный с местью Свиностаcу, тут же отошел на второй план. Теперь, когда на кону стояли жизни сотен невинных людей, не время было думать об удовлетворении собственных капризов.

— Нужно предупредить Ильнура, — прошептал Васек. — Пока еще не слишком поздно.

Он поднялся на ноги и вновь побрел к развалинам. Его так и подмывало перейти на бег,

но Васек сдерживался, опасаясь оступиться во тьме, упасть в какую-нибудь яму и переломать себе все кости. Тогда он точно никуда не успеет, и погибнет здесь, вместе со всеми героями Форинга.

Чем ближе он подходил к руинам, тем больший страх охватывал его. Вначале Васек пытался объяснить это тем, что он сильно переживает за Форинг и его жителей, но вскоре стало ясно — дело не в этом. Страх был иного рода, неприятный, мерзкий, и какой-то чужеродный. Он рождал желание повернуться и уйти подальше, а еще лучше — убежать, чтобы эти отвратительные ощущения скорее прекратились. И если бы от Васька не зависела судьба целого города, он бы, возможно, и поддался этому желанию. Но сейчас слишком многое стояло на кону. И Васек не повернул.

Но это далось ему нелегко. Страх накатывал удушливыми волнами, заставляя тело трепетать, а коленки подламываться. Ваську непрерывно казалось, что в окружающей его тьме копошится целый сонм отвратительных чудовищ. Он буквально видел их шевелящиеся щупальца, их мохнатые лапы, слышал скрежет их зубов и когтей. Волосы Васька встали дыбом. Он замер на месте, парализованный ужасом. Ему чудилось зловонное гнилое дыхание окруживших его тварей. Все его существо требовало одного — бежать! Немедленно бежать отсюда без оглядки, забыв обо всем.

Васек попятился, затем его ноги подломились, и он упал на колени. Выронив меч, он закрыл голову руками и заскулил от ужаса. Сейчас чудовища набросятся на него со всех сторон, начнут рвать на куски его тело, пожирать заживо, жадно пить его кровь. Он услышит, как под их клыками хрустят его кости.

Он сам не помнил, как долго просидел вот так, охваченный невыносимым ужасом. Он плакал, скулил, просил о пощаде. Ему казалось, что он вот-вот сойдет с ума. Время словно остановилось, каждая секунда растянулась до размеров вечности.

А затем тишину непроглядно темной ночи рассек резкий и громкий звук, донесшийся со стороны развалин. Это был сигнальный горн.

Васек опустил руки и вскинул голову. И увидел, как над руинами, до которых он почти успел добраться, в небе расцветают яркие синие бутоны. Вот один из них лопнул, выбросив из себя дюжину светящихся сфер. Те повисли в воздухе, заливая все вокруг синим светом. Вслед за этим зазвучали крики и звон оружия. Что-то тяжело громыкнуло, словно в дело пошли гранаты или, что куда вернее, боевые заклинания.

— Опоздал! — простонал Васек с ужасом. — Я опоздал!

Он понял, что произошло — силы зла начали атаку.

Но вместе с началом боя весь тот страх, что прежде сковывал Васька, слетел с него без остатка. Он взвился на ноги и резким движением выхватил меч из ножен. А затем, забыв обо всем, со всех ног бросился к развалинам, на помощь бьющимся со злом героям.

Ближайший от лаборатории выход из тайных тоннелей находился неподалеку от комнаты Стасика. Гамал, добравшись до него, долго прислушивался, прижав ухо к холодной поверхности камня.

— Вроде бы тихо, — наконец, произнес он.

Затем в темноте послышался резкий щелчок рычага, и квадратный каменный люк плавно отъехал в сторону, открыв для них выход в коридор. Гамал не без опаски высунул голову наружу, и осмотрелся. В коридоре царил мрак, но после непроницаемой тьмы секретных тоннелей он показался белым днем.

Гамал выполз наружу, следом за ним с завидной ловкостью в коридор выскользнули гоблины. Стасик присоединился к ним в последнюю очередь.

В крепости царила тишина. Та казалась необитаемой. Но Стасик знал, что это не так. Тут повсюду были воины света, и перспектива встречи с ними заставляла его сердце медленно стекать в район пяток.

— Так, пока везет, — прошептал Гамал. — Похоже, добряки спят. Теперь идите за мной.

Они прошли по темноте коридору, и свернули за угол. Свернули все, кроме замыкающего отряд Стасика. Тот как раз готовился сделать это, как вдруг услышал скрип дверных петель за своей спиной. Он резко обернулся, и увидел ломаный прямоугольник света, упавший в коридор из распахнутой двери. А затем его закрыла собой человеческая тень.

Парализованный страхом Стасик наблюдал за тем, как из комнаты выходит некто. Он разглядел на нем доспехи паладина, и длинный меч на поясе. Человек остановился в дверях, обернулся и что-то сказал, явно обращаясь к кому-то в комнате. А затем повернул голову так, что льющийся изнутри помещения свет четко обрисовал его профиль.

У Стасика от страха подкосились ноги. Это лицо было ему очень хорошо знакомо. Лучше, чем он того хотел бы. Лицо его вечного мучителя. Лицо главного школьного мачо и альфа-самца, который назначил Стасика своим персональным мальчиком для битья.

Парализованный ужасом Стасик замер на месте. Кольке достаточно было повернуть голову вправо, и он непременно увидел бы стоящую в полумраке человеческую фигуру, обвитую грязно-серыми бинтами. Из-под этих бинтов наружу выглядывали только трясущиеся от страха губы, да глаза, полные неземного ужаса.

Но Колька прикрыл дверь и направился влево по коридору. В противоположную сторону он даже не посмотрел.

Однако и после того, как он скрылся за поворотом, Стасик не смог отойти от шока. И только когда из-за угла высунулась лапа Зархада и, схватив его за руку, потянула на себя, Стасик сумел вырвать свой трусоватый организм из ступора.

— Ты что? — зло зашипел на него Гамал. — Жить надоело? Если так, умирай в одиночестве. Не тащи нас за компанию.

— Я видел... — трясущимися губами пролепетал Стасик.

— Что? Что ты видел?

Но Стасик не стал объяснять. Ни старый алхимик, ни гоблины не поймут и не оценят его чувств. Им ведь неведома трагическая история жизни несчастного Стасика, чья учеба в

школе превратилась в сущий ад стараниями садиста Кольки.

— Ничего, — выдохнул Стасик. — Ничего. Там был паладин. Он пошел в другую сторону.

— Вот еще паладинов нам не хватало, — проворчал Грыбан. — Старик, веди нас скорее в свою лабораторию.

Они заскользили по коридорам вслед за Гамалом. Стасик все никак не мог прийти в себя, страх буквально душил его. Но, вместе со страхом, в его душе поднялась жажда праведной мести. Если только ему удастся освободить Свету, Кольке мало не покажется. Стасик уже успел пожаловаться своей загадочной возлюбленной на издевательства со стороны школьного садиста, и та будет рада разделаться с обидчиком своего бой-френда. Стасику, на самом деле, хотелось бы осуществить это лично, но он слишком боялся Кольки, чтобы помышлять о поединке с ним. Да и где ему справиться с полноценным паладином? Ему, которого распределяющая магия дважды низвергла в бездну отстоя, заклеив свинопасом и посудомойкой. Нет, он не воин и не маг. Он просто Стасик. И не ему скрещивать мечи со святыми воителями.

Никто не встретился им по пути к лаборатории. Когда они добрались до места, Гамал осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Там царил тьма.

Стасик боялся входить в лабораторию Гамала даже при свете дня. Там было столько горшков, кувшинов, склянок — одно неловкое движение, и все это добро с оглушительным грохотом посыплется на пол. А спустя мгновение здесь уже будут воины света с мечами наизготовку, и среди них непременно окажется Колька.

— Стойте тут, — приказал Гамал. — Внутри не лезьте. Я зажгу свет.

Управился он быстро. Источником добытого им света оказалась крошечная лучина, которая едва рассеивала темноту.

— Быстро все внутрь! — скомандовал Гамал.

Он силой втащил в лабораторию Стасика, который все никак не мог прийти в себя после того, как пронаблюдал Кольку, и беззвучно прикрыл за ним дверь.

— Ты как будто увидел привидение, — сказал Гамал, с беспокойством поглядывая на Стасика.

На самом деле, Стасик предпочел бы увидеть целый сонм привидений, жутких, зеленых, гремящих цепями и зловеще завывающих, чем одного живого Кольку.

— Шевелись, старик! — потребовал Зархад. — Мы все в большой опасности. Я чую запах паладинов!

— Это от Стасика несет, — сообщил Гамал, подступая к столу, и передав лучину Грыбану. — Мужество отказало ему.

— Не пытайся ввести меня в заблуждение, — фыркнул гоблин. — Я не спутаю аромат, исходящий от человека Стаса, с мерзкой вонью святых воителей.

Алхимик взялся за дело. Он выбрал большой железный котел, куда начал торопливо засыпать отмеряемые на глаз порции разных порошков. Грыбан стоял рядом с ним и двумя пальцами держал лучинку, на кончике которой колебался крошечный язычок пламени. Зархад отошел в сторону, дабы не пугаться под ногами у старика. А Стасик, прижавшись к каменной стене, все никак не мог отойти от пережитого ужаса. Стоило ему вспомнить о Кольке, как сразу же прихватывало живот. В нем вновь начала крепнуть уверенность в том, что воины добра и света пожаловали в крепость исключительно по его душу. Гамал полагал, что причиной их появления была запертая в подземелье Света, но Стасик сомневался в

истинности этой гипотезы. Нет, за ним они пришли, за ним. Как-то узнали, где он обосновался, и явились всей толпой. Несчастливого Стасика поразила злопамятность воинов добра. Казалось бы, уже немало времени прошло с разгрома Форинга, пора бы все забыть и жить дальше. Нет же, эти святые герои и не думали забывать старые обиды. И, главное, мстить они решили не Мортусу и его банде, а безобидному Свиностаку. Ну, понятно. От Мортуса и получить недолго, тот сам, кому хочешь, отомстит. А вот ополчиться всем войском на бедного школьника, тут они, конечно, герои.

— Не знаю, сколь мощным получится взрыв, — признался Гамал, засыпая в котел очередной компонент будущей взрывчатки. — Приходится делать из того, что есть.

— Ты не жадничай, засыпай все! — посоветовал Зархад.

— Поучи еще! — огрызнулся алхимик. — Ты тамошнюю дверь не видел. Ее ставили навечно, с тем расчетом, чтобы выдержала все, что угодно.

— Света сама справится, — подал голос Стасик. — Ей бы только показать, где выход.

— Ну, будем надеяться, что она почувствует взрыв.

— И благодарность, когда обретет свободу, — добавил Зархад. — Потому что, как я слышал, демонам подобное чувство глубоко чуждо. Есть у них привычка платить злом за добро.

— Света не такая! — возмутился Стасик. — И она никакой не демон. Она хорошая!

— Ты даже сам не знаешь, кто она, — заметил Гамал. — Впрочем, с женщинами всегда так. Свою истинную суть они показывают уже после свадьбы, когда жертве некуда бежать.

Стасик хотел сообщить этим черствым и грубым людям и гоблинам, что ничего-то они не понимают, и еще что о свадьбе речь пока не шла, как вдруг ночную тишину нарушил донесшийся снаружи гул трубы. Не успел он стихнуть, как раздался тяжелый удар, от которого дрогнули древние стены.

— Это что? — простонал Стасик. — Это зачем?

Спустя мгновение крепость наполнилась шумом. Судя по звуку, по коридорам неслись десятки людей, слышался их топот, звон доспехов и лязг обнажаемого оружия. Первое предположение — что они обнаружены, и воины добра бегут в лабораторию по их души, оказалось неверным. Из коридора зазвучали крики, из которых стало ясно, что крепость атакована кем-то извне.

Вновь зазвучали тяжелые удары, будто где-то поблизости рвались бомбы. Стасик в ужасе вжался в стену, дико напуганный непониманием происходящего.

— Что там такое? — спросил Зархад. — Как будто битва. Старик, с кем дерутся добряки?

— Понятия не имею, — проворчал Гамал. — Я вообще сегодня не ждал гостей.

Он ссыпал в котел последнюю порцию порошка, затем опустил туда половник и хорошенько взболтал получившуюся смесь.

— Ну, лучше уже не сделать, — признался он.

Отобрав у Грыбана лучину, он велел гоблинам взять котел за ручки.

— И постарайтесь сильно не трясти, — предупредил старик.

Сам Гамал подобрал с полки длинную палку, и намотал на нее несколько полосок ветоши. Затем поджог от лучины получившийся факел.

— Идем! — скомандовал он. — Если все добряки выбежали наружу, мы сможем беспрепятственно добраться до подземелья.

Он посмотрел на трясущегося от страха Стасика, подошел к нему и встряхнул за плечи.

— Оживай уже! — потребовал Гамал. — Тут всем страшно, не только тебе одному.

Легко ему было говорить такое. Его ведь не разыскивали по обвинению в государственной измене и геноциде.

Приоткрыв дверь, Гамал выглянул в коридор. Там было пусто. Снаружи доносился звон клинков и новые взрывы, но в здании, похоже, не осталось ни одного добряка.

— За мной! — скомандовал старик, распахивая дверь шире.

Он пропустил вперед двух гоблинов, несущих котел, затем Стасика, который переживал такой страх, что едва держался на этом свете.

— Пойдем длинным путем, — сообщил Гамал. — Он безопаснее, и не придется выходить наружу. Не отставайте.

Алхимик первым заспешил по коридорам, гоблины, пыхтя, с трудом поспедали за ним на своих коротких кривых ногах. Стасик оказался замыкающим. Он то и дело оглядывался назад, каждый раз ожидая увидеть там ужасного Кольку, уже занесшего меч для удара. Ему казалось, что ничего страшнее внезапной встречи со старым недобрый знакомым и быть не может.

Ох, как же он заблуждался!

Они успели беспрепятственно миновать пяток коридоров. Похоже, все добряки высыпали наружу, и прямо сейчас вели отчаянный бой во дворе крепости. Оттуда доносились крики, грохот, звон клинков. Стасик по-прежнему не понимал, с кем сцепились среди ночи силы добра, да и не стремился к этому. Ему хотелось одного — скорее освободить Свету. Лишь она одна могла защитить его от всех опасностей этого мира. Главным образом, конечно, от Кольки и его друзей, взваливших на Стасика всю вину за разорение Форинга.

Они миновали точку пересечения нескольких коридоров. Гамал и гоблины прошли ее благополучно, а вот ползущий в хвосте Стасик замешкался. Он случайно повернул голову, и ему почудилось, что во тьме одного из коридоров его глаза заметили какое-то движение. Пытаясь убедить себя в том, что это всего лишь игра расшалившегося воображения, Стасик уже приготовился продолжить путь. Но тут до его слуха донесся тихий, невыносимо страшный голос, который он при всем желании не смог бы не узнать. Этот голос олицетворял собой сам ужас. Прежде у Стасика было много разных фобий, рациональных и не очень, и он затруднился бы воздвигнуть одну конкретную на чемпионский пьедестал. Но так было до его близкого знакомства с самым ужасающим созданием, какое только видел правильный мир. Теперь же у Стасика не возникало проблемы при составлении топа самых ядреных своих страхов. Первое место, с большим отрывом от конкурентов, с недавних пор занимала верховная кухарка черного замка, леденящая кровь Грыжа Антрекотовна.

— Стоять! — донеслось из темноты.

Голос был хриплый, полный лютой злобы. И столько гипнотической силы было в этом голосе, что ноги Стасика буквально приросли к полу.

Содрогаясь от страха, Стасик увидел огромную широкоплечую фигуру, медленно выплывающую из густого мрака.

Грыжа предстала перед ним в своем любимом фартуке из кожи дракона. В правой руке она сжимала огромный нож, в левой лапе держала разделочную доску. Верховная кухарка едва ли могла узнать своего бывшего подчиненного — после приключившегося купания в черной жиже Стасик и сам-то себя перестал узнавать. Но тут Грыжа потянула носом воздух, чем напомнила какого-то грозного хищного зверя, и на ее жутком каменном лице

оформился вгоняющий в дрожь оскал.

— Гуляш! — выдохнула она с нескрываемой радостью.

— Эй, ты? — донесся до Стасика голос Гамала. — Ты чего там застрял? Идем!

Ни алхимик, ни гоблины не видели Грыжу. Счастливики! А вот Стасик видел ее очень хорошо. И верховная кухарка ввергла его в такой невыносимый ужас, что у него помутился разум. Ничего не соображая, Стасик издал пронзительный крик, и бросился бежать по коридору. И почти сразу же услышал за своей спиной тяжелый грохот огромных ног. Грыжа Антрекотовна гналась за ним.

— Иди ко мне, гуляш! — взревела она, и эхо ее жуткого крика раскатилось по каменным коридорам древней цитадели.

Стасик пронзительно завопил, и побежал еще быстрее. Он несся в полной темноте, то и дело ударяясь плечами о стены. Топот исполинских ног за его спиной становился все громче. Грыжа, при своих огромных габаритах и внешней неуклюжести, демонстрировала неплохие скоростные свойства.

Впереди вдруг замаячил красноватый свет, и Стасик сгоряча решил, что добрался до выхода наружу. Но он ошибся. Свет изливался в широкий коридор через распахнутую дверь. Та вела в большое помещение, которое Гамал использовал как склад разного барахла, а нагрянувшие воины добра устроили там спальню. Забегать в помещение Стасик не собирался. Это было равносильно тому, чтобы загнать себя в ловушку. Если он окажется в замкнутом пространстве наедине с Грыжей Антрекотовой, та быстро изловит его и займется приготовлением вожделенного блюда.

Стасик как раз пробежал мимо распахнутой двери, когда увидел прямо перед собой закованную в латы фигуру. Это, вне всяких сомнений, был паладин, о чем красноречиво свидетельствовало белое свечение клинка его меча.

— Я так и знал, что внутри тоже прячутся злодеи! — радостно вскричал паладин, увидевший бегущего на него Стасика.

Его дорогие латы были испачканы пятнами чужой крови. В пылу битвы он потерял свой шлем, обнажив красивое юное лицо и пышную копну золотистых кудрей. В его прищуренных глазах полыхал огонь боевого азарта. На Стасика он смотрел, как хищник на добычу.

Но тут на свет выбежала и Грыжа Антрекотовна. Увидев ее, паладин мигом утратил интерес к покрытому бинтами заморышу.

— Троль! — воскликнул он с какой-то странной радостью.

Его ошибка была простительна — верховную кухарку редко принимали за человека.

— Я повешу твою голову на медальон! — принялся заранее бахвалиться паладин.

Он полностью сконцентрировался на Грыже, и потерял интерес к Стасику. Тот проскользнул мимо героя и помчался дальше. Ему не верилось, что паладин сумеет остановить Грыжу. Целая армия паладинов — возможно. Но у одиночки не было никаких шансов одержать победу над этим кухонным монстром.

Увидев на своем пути вооруженного паладина, Грыжа замедлила ход, а затем и вовсе остановилась. Воздух с тяжелым хрипом вырывался из ее груди, и верховная кухарка с горечью осознала, что за время работы в черном замке потеряла прежнюю форму. Было время, когда она могла преследовать добычу сутками, не отвлекаясь на такие мелочи, как отдых, пища или сон. Однажды она четыре дня выслеживала человека, классифицированного ею как тефтеля. Беглец попался резвый, он успел преодолеть больше

сотни миль. Но Грыжа все равно настигла его. И приготовила тефтели.

Вообще все живое вокруг себя Грыжа Антрекотовна рассматривала с позиции повара. Видя нового человека, она сразу же прикидывала, на какое именно блюдо он годится более всего. Стасик, нареченный гуляшом, не являлся исключением. Почти всем обитателям черного замка Грыжа присвоила подобные прозвища. Лишь лорд Мортус умудрился не попасть в меню. К своему господину Грыжа питала несвойственные ей теплые чувства, реализуя, таким образом, не чуждый даже ей материнский инстинкт.

Вот и сейчас, увидев перед собой незнакомое лицо, Грыжа, по свойственной ей привычке, попыталась прикинуть, как лучше всего распорядиться тушкой этого паладина в гастрономических целях. Но чем дольше она всматривалась в красивое лицо юноши, тем в большее смятение впадала. Он не годился ни на котлеты, ни на колбасу. Грыжа решительно не видела его в качестве отбивной. Возможно, он неплохо бы справился с ролью копчености. Но нет, и этот вариант Грыжа решительно отмела.

И, в конечном итоге, верховная кухарка с волнением осознала, что перед нею стоит не еда.

Что-то шевельнулось в грубой и дикой душе Грыжи Антрекотовны. Где-то в самой глубине, куда ни разу не заглядывало солнце доброты и нежности. Верховная кухарка изумленно приоткрыла рот, во все глаза глядя на паладина. Нет, он определенно не был едой. Это был трофей иного сорта.

Кошмарная повариха мало что знала о любви, и не верила в нее. Когда нашла у одного кухонного работника книжку про любовь, приготовила из него холодец. Грыжа полагала, что любовь бывает только в глупых сказках, а в жизни, в лучшем случае, все обходится пьяным соитием на сеновале, последствия которого вынуждают участников мероприятия вступать в брак. Но ее саму никто не приглашал даже на сеновал, и Грыже было немножко, самую малость, но обидно. Она бы, конечно, не пошла — вот еще! За одно такое предложение открутила бы голову и вырвала печень. Да и не видела она вокруг себя того, кто был бы ее достоин. Даже лорд Мортус не дотягивал до ее высоких стандартов. Вот если бы он, в дополнение ко всему, был бы троллем или горным великаном, тогда, возможно, да.

Паладин, что стоял перед ней в боевой стойке, дерзко поигрывая святым мечом, не отличался могучей статью. По меркам Грыжи, это был мелкий и тощий заморыш, в лучшем случае жалкая треть от полагающихся настоящему мужчине габаритов. Но вот странность — чем дольше Грыжа взирала на него, тем сильнее становилось томление в ее черствой душе.

И, наконец, она все поняла. Любовь, в которую она никогда не верила, получалась и в ее сердце. Перед ней стоял не шашлык, не котлета, ни тефтеля и даже не гуляш.

— Муж! — страстно выдохнула Грыжа Антрекотовна.

— Что ты там бормочешь, тролль? — крикнул Андис. — Давай, подходи! Не оттягивай неизбежное.

Не спуская с паладина влюбленных глаз, Грыжа пошла по коридору прямо на него. В голове ее, меж тем, роились мысли, касающиеся их будущего семейного счастья. Грыжа думала о том, что ее нареченный слишком худ, и его придется откормить. Если воспротивится благому делу, придется кормить насильно. Грыжа была готова и к этому, она умела заставлять людей делать то, чего им не хочется. Так же ее немного тревожил характер будущего супруга. Грыжа слышала, что пары иногда не сходятся характерами, что, в итоге, приводит к разрыву в отношениях. Допускать подобное она не собиралась. В себе-то Грыжа была уверена, а вот над своей второй половиной, вероятно, придется поработать. Это тоже ее

не пугало. Если ей предстоит долго и планомерно бить будущего мужа, она сделает это с радостью. Он потом ей за это еще спасибо скажет. Если, конечно, сможет разговаривать после процедуры перевоспитания. А оно ему, в общем-то, и не нужно. Грыжа верила в то, что влюбленные понимают друг друга без слов. Зачем слова, когда есть кулаки?

Ее будущий супруг предпринял попытку ударить ее мечом. Грыжа парировала удар ножом, и тут же попыталась оглушить строптивного избранника разделочной доской. Он увернулся, и вновь нанес удар.

В тесном коридоре закипела ожесточенная схватка. Каждый дрался за свое: Андис за трофеем в виде головы тролля, а Грыжа Антрекотовна билась за свою первую и единственную любовь.

От некогда высокой крепостной стены, способной остановить идущее на приступ войско, ныне остались жалкие огрызки. В том месте, где Васек достиг ее, стена возвышалась над землей всего метра на два. Между разошедшейся кладкой зияли огромные щели, которые вышедший на тропу войны свинопас использовал в качестве опоры для рук и ног. Без труда вскарабкавшись на стену, он заглянул внутрь крепостного двора, и обмер.

Повисшие в небе синие сферы залили руины своим жутким нездоровым светом. И в этом свете Васек разглядел мечущиеся по двору фигуры людей. До его слуха донесся звон стали, крики раненых и яростная брань. Он увидел огромного, с головы до ног закованного в вороненые латы, воина, который шел по полю боя, как танк, не обращая никакого внимания на свистящие вокруг него стрелы и заклинания. Этот страшный воин держал в руке жуткого вида меч с длинным черным клинком. Вокруг клинка клубилась зловещая зеленая дымка.

На грозного исполина бросился один из героев добра, парнишка лет двадцати. Прикрывая грудь треугольным щитом, он храбро замахнулся мечом, намереваясь проверить на прочность латы противника. Рыцарь в вороненой броне стремительно вскинул меч, легко парировал удар, после чего с жутким криком, от которого у Васька прихватило живот, рубанул сверху вниз, и рассек юного героя от макушки до промежности. Две половинки парнишки легли в разные стороны, на землю хлынула кровь и вывалились внутренности. Черный рыцарь поднял голову, и Васек с содроганием разглядел сквозь прорези его шлема горящие адским огнем глаза. О, он уже видел эти глаза прежде! Тогда, в Форинге, когда подлый Свиностаc разрушил городскую стену, и открыл дорогу черному воинству. Именно этот тип командовал армией злодеев, учинивших в Форинге погром и геноцид. Васек прекрасно помнил имя этого эпического злодея — лорд Мортус.

Немногочисленные воины добра один за другим гибли под ударами превосходящих их числом злодеев. По двору крепости зловещими тенями метались черные рыцари, безжалостно разя немногих уцелевших противников. Трое героев попытались закрепиться на вершине башни. Но недолго им удавалось отбиваться от нападающих злодеев. Васек увидел молодую женщину в черном одеянии и вульгарном макияже. Она вскинула резной посох, страшным голосом выкрикнула заклинание, и всю вершину башни тотчас же охватил вихрь темного пламени. Из огня зазвучали жуткие крики сгорающих заживо людей. Лорд Мортус, огромный и страшный, раскатисто захохотал, наслаждаясь предсмертными воплями своих врагов.

От вида всех этих зверств и ужасов у Васька пропало всякое желание геройствовать. Он понял, что безнадежно опоздал. Воины добра разгромлены, душегуб Мортус со своими подельниками вырезал лучших героев Форинга. Теперь город беззащитен, и не приходилось сомневаться в том, что злодейская рать обязательно нагрянет туда с повторным визитом.

Но не успел Васек проникнуться отчаянием, как услышал знакомый, вселяющий надежду, боевой клич. И вдруг из приземистого крепостного здания во двор выбежал Ильнур. Меч в его руках сиял ослепительной белизной. Верховный паладин воздел его над головой и зычно взревел:

— В атаку, герои добра!

Вслед за тем из дверей хлынули паладины и маги Форинга. В них полетели стрелы, но они бессильно отскочили от несокрушимой тверди святых доспехов. Черные колдуны

бросили в них заклинания, но те с жутким грохотом разбились о выставленные светлыми магами щиты. Васек, захлебываясь восторгом, наблюдал за тем, как все больше и больше героев появляется во дворе. Похоже, рановато он приписал победу силам зла. Тем еще предстояло очень постараться, чтобы заслужить ее.

— Мортус! — страшным гласом вскричал Ильнур, увидев перед собой своего заклятого врага. — Проклятый душегуб! Теперь-то ты не сбежишь от меня.

— Помнится, в прошлый раз сбежал именно ты, — счел нужным уточнить Мортус, поворачиваясь лицом к верховному паладину, и поднимая навстречу ему свой черный меч.

Ильнур налетел на него. Сияющий белизной клинок ударился о черное оружие злодея. От их столкновения по всей крепости раскатился жуткий грохот, а в стороны разошлась ударная волна, взметнувшая в воздух пыль и мелкие камешки. Какую-то юную ведьму, которая оказалась непростительно близко к месту эпического столкновения, подбросило в воздух и отнесло назад метра на три.

Ильнур и Мортус закружились в стремительном и страшном танце, их мечи с ревом взрезали воздух и ударились друг о друга с оглушительным грохотом, рассыпая вокруг снопы белых и черных искр. Никто не осмеливался приближаться к месту эпического поединка. Никто не рискнул вмешаться в его ход. Да и было не до того.

Паладины и черные рыцари сошлись в бою на руинах древней крепости. Воздух сотряс звон мечей и грохот доспехов. Колька, выбившись вперед, отважно бросился на черного рыцаря, планируя разделаться с ним без особых проблем. Но просчитался. Тот легко отразил все атаки, притом у Кольки сложилось впечатление, что лютый враг знает все его действия наперед.

— Неплохо, неплохо, — одобрительно пропыхтел Трокус. — Из тебя бы мог выйти славный паладин, мальчик. Жаль, что уже не выйдет.

— А вот посмотрим! — предложил Колька, и вновь бросился в бой с утроенной яростью.

Подле него яростно рубились боевые товарищи. На их фоне ярко выделялся Андис в своих драгоценных латах. Следовало отдать ему должное, столичный мажор действительно был славно обучен владению мечом. Дрался он умело, хладнокровно, не теряя головы. Черный рыцарь, с которым он скрестил мечи, поначалу активно наседали, явно раскатав губу на быструю победу, но вскоре осознал, что ему попался отнюдь не слабый противник.

Маги, что с одной, что с другой стороны, в основном переключились на нейтрализацию заклинаний друг друга. Лаура еще пыталась сдерживаться в самом начале сражения, но затем азарт боя поглотил ее с головой, и она забыла обо всем. По ту сторону сошедшихся меч в меч воинов она разглядела молодую ведьму, в которой безошибочно опознала сильнейшую противницу. Риана тоже заметила Лауру, и показала ей язык. Хотела показать еще что-нибудь, дабы взбесить вражескую чародейку и спровоцировать ее на какую-нибудь глупость, но тут ей пришлось отвлечься от задуманного дела.

Трокус, старый вояка, ветеран многих битв и признанный мастер меча, нашел-таки на свой зад достойного противника. Паладин, наседающий на него, был очень молод, совсем мальчишка. Но сияющий белизной меч ловко и быстро порхал в его руках. Удары сыпались на Трокуса градом. Поначалу, благодаря своему огромному воинскому опыту, он легко отражал их, но вскоре молодость и скорость начали одерживать верх. Вот Колькин меч скользнул по нагрудной пластине Трокуса, оставив на металле глубокую царапину, затем шибанул по наплечнику, едва не сорвав его с тела. Трокус пошатнулся. Он дышал хрипло и

тяжело, пот заливал ему глаза, а руки, некогда не ведавшие устали, теперь налились свинцовой тяжестью. Возраст брал свое. А молодой сопляк наседа на него, даже не запыхавшись, продолжая с прежней скоростью махать тяжелым мечом и наносить удары.

Риана быстро поняла, что Трокус влип. Командира черных рыцарей нужно было выручать из беды.

Ведьма вскинула посох, направив его в самую гущу боя. Ее глаза поймали цель — молодого и дерзкого паладина, который заставил дрогнуть даже могучего Трокуса. Риана успела подумать о том, что этот юнец, вероятно, неумоим не только в бою, но и в постели, после чего с ее посоха сорвалась стрела тьмы, и черной пулей понеслась к цели.

Парировать такое заклинание мог только великий воин. Такой, к примеру, как Мортус или Ильнур, или Трокус в свои лучшие годы. Но безусый юнец совершил невозможное. Краем глаза он отследил летящий в себя сгусток тьмы, вскинул меч и отразил его. Разумеется, полностью заблокировать действие заклинания он не смог, но большую и самую страшную часть убийственной силы колдовства остановил святой меч. И все же ударом юного паладина опрокинуло на спину. Он тяжело рухнул под ноги своим товарищам.

Риана радостно расхохоталась, отметив про себя, что этот юнец натурально какой-то уникам, и будь он не паладином, а черным рыцарем, она бы обязательно ему дала. Затем прикинула, что ей ничто не мешает дать и паладину. А вот больше она ни о чем подумать не успела, поскольку подняла взгляд, и увидела Лауру. Увидела, и содрогнулась от ужаса.

Верховная волшебница Форинга была страшна. Взгляд ее излучал такую ненависть, что Риане стало нехорошо. Жуткая, переливающаяся разными цветами, аура объяла Лауру. Она вскинула руку к небесам и выкрикнула заклинание. Меж ее пальцев заплясали искры, затем начало разгораться свечение. Через мгновение в ее руке вспыхнуло ослепительно сияющее копьё. Лаура страшно вскрикнула, и метнула копьё в Риану. То молнией пронеслось над головами дерущихся паладинов и черных рыцарей, метясь точно в дерзкую ведьму, посмевавшуюся покушаться на жизнь ее возлюбленного.

Риана быстро сообразила, что можно даже не пытаться парировать эту магию. Вместо этого она с визгом прыгнула в сторону, и копьё пронеслось мимо, самым краешком задев одну из ведьм. Но и этого хватило, чтобы ведьма с жутким криком задымилась, начала чернеть, кожа ее вздулась волдырями страшных ожогов, и вот уже на землю упал обугленный труп.

Над крепостью разнесся громopodobный голос Лауры:

— Убью!

Верховная волшебница Форинга взмыла в воздух. Ее прищуренные, лучащиеся злобой, глаза высматривали Колькину обидчицу. А в руке, меж тем, уже выросло второе световое копьё. И в этот раз Лаура не собиралась промахиваться. Над ее головой с треском змеились молнии, воздух дрожал от магической мощи. Лаура забыла обо всем. Все предостережения Эларии вынесло у нее из головы, едва она увидела, как какая-то злодейская дрянь покусилась на жизнь ее обожаемого Коленьки.

— А ну выходи! — взревела она. — Выходи, тварь!

Из-за кучи каменных блоков в воздух поднялась Риана. Ее посох пылал черным огнем. Его языки скользили по телу ведьмы. И хоть Риане было страшновато сходиться с такой соперницей один на один, она не собиралась отступать и прятаться. В конце концов, она тоже кое-что умела.

— Вот она я! — дерзко крикнула Риана. — Ну, что ты хотела мне сказать?

Лаура молча метнула в нее второе световое копьё. Риана подняла перед собой посох, и направила всю свою энергию в магический щит. Копьё врезалось в него со страшным грохотом, рассыпавшись сонмищем ярких искр. Риану тряхнуло так, что она едва не рухнула на землю. Ведьма почувствовала головокружение, и ощутила на губах солоноватый привкус крови. Чертова волшебница была зверски сильна и сумела пробить ее защиту.

А в руке Лауры уже разгоралось третье копьё. Риане стало дурно, когда она увидела это. Не всякий чародей сумеет сотворить подобное заклинание даже единожды, а эта выдает его трижды подряд.

— Убью! — змеей прошипела Лаура, не сводя злобного взгляда с Рианы. — Испепелю! Сотру в порошок!

И тут снизу прозвучал крик Ильнура:

— Лаура! Что ты творишь? Остановись!

Больше он ничего не успел сказать — короткая передышка кончилась, и они с Мортусом вновь скрестили мечи.

Но Лаура хоть и услышала предостережение верховного паладина, благополучно пропустила его мимо ушей. Она просто не могла остановиться. Ведь эта грязная ведьма покусилась на жизнь ее возлюбленного. Колька не был первым мужчиной в жизни верховной волшебницы Форинга. Не был и вторым. Но он был первым, в кого она влюбилась по-настоящему. И ради него она была готова испепелить своей яростью весь этот мир.

— Сдохни! — выплюнула Лаура, и световое копьё вновь понеслось в цель. Риана создала перед собой щит, направив в него всю свою энергию, но этого оказалось недостаточно. Страшный удар сотряс ее, тело окатила волна невыносимого жара. С истошным криком ведьма полетела вниз, и рухнула на камни. Ее сотрясали конвульсии, она чувствовала, как из пробитого черепа сочится кровь, как вздувается волдырями обожженная световым копьём кожа. Взгляд Рианы начал мутнеть, и она поняла, что умирает. Но и сквозь муть перед глазами она разглядела Лауру. В руке волшебницы вновь возникло сияние. Еще одно копьё! Четвертое! Озверевшая волшебница решила добить ее наверняка. Испепелить, как и обещала. Превратить в горстку праха и развеять его по ветру.

За всем этим жутким побоищем наблюдал застывший на стене Васек. Он распластался на камнях, и во все глаза следил за сражением доблестных воинов и могущественных магов. И как только он мог подумать, что кому-то здесь понадобится его помощь? Что он мог сделать против этих исполинов? Он же свинопас, был им, и останется им, хоть и купил себе из-под полы дешевый меч.

Васек уже было решил ретироваться от греха подальше, и переждать сражение в безопасном месте, но вдруг заметил на поле боя какое-то странное существо. Оно было огромным, с большими задом и грудями. Существо предположительно относилось к женскому полу, хотя Ваську прежде никогда не доводилось видеть столь страшных баб.

Это странное существо, больше похожее на самку тролля, нежели на человека, прошмыгнуло сквозь крепостной двор, ловко просочившись между дерущимися воинами, и скрылось в недрах здания, откуда не так давно выбежали герои добра. В том, что это неведомое нечто является пособницей темных сил, Васек даже не усомнился. На чьей же еще стороне может быть этот монстр, как не на стороне самого злейшего зла? Но что оно задумало? Зачем проникло в здание? Да уж явно не за тем, чтобы осмотреть тамошние достопримечательности. Эта чудовищная женщина замыслила что-то недоброе. И остановить ее было некому.

И тут Васек понял, что все-таки такой храбрец найдется. Если паладины и маги заняты борьбой со злом, то он сам остановит это существо. Пусть он и свинопас, это еще не значит, что он совершенно бесполезен. Его друзья, погибшие во время набега на Форинг, до сих пор не отомщены. И если ему не суждено поквитаться с самим Свиностасом, он убьет хоть какого-нибудь злодея. Пусть всего одного, но непременно убьет. Хотя бы эту человекоподобную бабищу.

Решившись, Васек соскользнул со стены, и перебежками, часто прячась за разбросанными по двору каменными блоками, заспешил к входу в здание, где минутой назад скрылась самка горного тролля.

Подгоняемый лютым ужасом, Стасик мчался сквозь тьму коридоров, пока не увидел впереди выход наружу. Тот обозначился прямоугольником странного синего цвета. Но Стасик не замедлил хода. Что бы ни ждало его снаружи, оно едва ли окажется страшнее Грыжи Антрекотовны, потому что страшнее верховной кухарки черного замка на свете не было вообще ничего. Даже старый враг Колька уже не так сильно пугал Стасика на фоне только что состоявшейся встречи с бывшей начальницей. Он не верил в то, что паладин, с которым ему довелось столкнуться в коридоре, сумеет сразить Грыжу. Стасику казалось, что одолеть жуткую повариху не под силу вообще никому. Она была ужасна, непобедима, и одержима маниакальным желанием приготовить из него гуляш.

Не замедляя шага, Стасик выбежал наружу. В лицо ему пахнул прохладный и свежий, после затхлой духоты коридоров, воздух, а на уши обрушился шум и грохот битвы.

Во дворе древней крепости кипела жаркая сеча. Паладины в сверкающих доспехах яростно рубились с черными рыцарями в вороненых латах. Светлые маги и темные колдуны вели перестрелку заклинаниями. Отдельно от общей свалки сошлись в эпичном поединке Ильнур и Мортус. И над всем этим в небе повисла россыпь синих шаров, заливших мир неестественным светом. Впрочем, в небе присутствовали не только шары. Еще Стасик разглядел там Лауру, парящую на значительной высоте. Верховная волшебница Форинга методично всаживала световые копьё в строй вражеских колдунов. Те коллективными усилиями отражали ее атаки. Черные маги сгрудились вокруг какого-то распластанного на камнях пятна, и словно бы пытались защитить его от гнева Лауры. А верховная волшебница была в еще каком гневе. Когда Стасик, задрав голову, увидел искаженное яростью лицо красавицы, ему стало дурно. Насколько он помнил, Лаура всегда была кроткой и милой, самым воплощением доброты. Что же заставило ее превратиться в разъяренную фурию?

Впрочем, этот вопрос не так уж сильно волновал Стасика. Обнаружив, что в его новый дом, помимо героев добра, пожаловали и старые знакомые из империи Кранг-дан, он не сумел удержаться от истошного крика ужаса. Лорд Мортус тоже был здесь. Этот тип входил в персональный топ-три самых страшных существ по версии Стасика. Первое место в этом топе безусловно занимала Грыжа Антрекотовна, серебро досталось Кольке. А вот владелец черного замка получил заслуженную бронзу. Стасик прекрасно помнил, как этот жуткий человек наобещал ему всяких ужасов, когда принимал к себе на службу. Поклялся, в числе прочего, что из-под земли достанет, в любом облиции узнает, на краю света найдет, после чего ввергнет в муки и боль. И Стасик нисколько не сомневался в искренности слов Мортуса.

Застыв на месте, Стасик во все глаза взирал на развернувшуюся перед ним битву. Он не мог взять в толк, что привело сюда героев добра и воинов зла, и почему именно сюда, но кое-какое подозрение закралось в его душу. Он с ужасом подумал о том, что все эти люди, имеющие, в той или иной степени, зуб на его скромную персону, явились сюда по его душу. И теперь они сражаются за право разделаться с ним.

Едва это осознание пришло к нему, как Стасик, завывая от страха, бросился к разрушенной стене, в намерении перемахнуть через нее и бежать прочь от старой крепости. Его больше не пугала нейтральная полоса со всеми ее чудовищами. На фоне пожаловавших на руины старых знакомых никакие монстры уже не казались сколь-либо опасными.

Он успел преодолеть не более десятка метров, когда прямо перед ним в землю врезался небольшой, пылающий темным огнем, шар. Страшно громыкнуло, ударная волна подбросила Стасика в воздух и грубо уронила на спину. Он не почувствовал боли, но из того, что перед его глазами расплылись красные круги, сделал вывод, что досталось ему крепко.

Не успел опомниться, как рядом с его развалившимся на земле телом в землю вонзились две черные стрелы, одна из которых чиркнула острой кромкой наконечника по бедру Стасика, аккуратно прорезав стягивающие его тело бинты и пустив кровь.

Великий ужас объял Стасика. Он решил, что его заметили и узнали, и сейчас все собравшиеся в крепости силы переключат свое разрушительное внимание на его скромную персону. На деле, разумеется, все обстояло не так. Герои добра и воины зла были слишком увлечены процессом взаимного уничтожения, чтобы обращать внимание на какого-то замотанного бинтами незнакомца. Ведьма, бросившая в него сгусток тьмы, сочла его одним из добряков, а обе стрелы прилетели чисто случайно, и предназначались вовсе не ему. Но Стасик не знал этого, и буквально обезумел от страха. Он вскочил и вновь побежал, но теперь уже не в сторону стены, а в самую гущу боя. Свою ошибку он осознал лишь в тот момент, когда на всем ходу врезался в бронированную спину какого-то паладина.

Тот вскрикнул и резко обернулся. Стасик, которого столкновение вновь уложило на землю, поднял взгляд, и дикий крик ужаса сорвался с его уст. Над ним возвышался Колька. Доспехи школьного хулигана были покрыты вмятинами и царапинами, на них россыпью точек темнели пятна крови.

— Ты еще что такое? — взревел Колька, в глазах которого полыхало боевое безумие.

Стасик пополз от него на пятой точке, и закричал, плохо соображая, что он делает и говорит:

— Не трогай меня! Не надо! Не подходи ко мне!

Колькины глаза распахнулись от удивления, которое быстро сменилось смесью гнева и злой радости.

— Не может быть! — выдохнул он, наблюдая перед собой забинтованную фигуру, копошащуюся в серой пыли. — Голосок-то знакомый!

Он повернулся к Стасику, и пошел на него, поигрывая сияющим волшебной белизной мечом.

— Кого я вижу! — прорычал Колька, совершенно забыв о черных рыцарях, с которыми рубился секунду назад. — Да это же Свиностаc собственной персоной. А я-то думал, что ты давно сдох.

Стасик издал еще один вопль, вскочил на ноги и проворно побежал от Кольки. Тот, сорвавшись с места, устремился в погоню.

— Стой! — заорал он, и от этого крика у Стасика едва не подкосились ноги. — Назад! Догоню — хуже будет!

Стасик достиг стены крепостной постройки, которая была сильно повреждена в том месте. Разъехавшиеся каменные блоки образовали нечто вроде лестницы. Подвывая от ужаса, Стасик стал проворно взбираться по ней. Колька уже набегал сзади, замахиваясь мечом. В последний момент Стасик успел вздернуть ногу, и удар святого меча пришелся не по его пятке, а по каменной тверди.

Подгоняемый страхом, Стасик упорно лез вверх. Ножны меча цеплялись за камни, непослушные пальцы промахивались мимо выступов. Но Стасик лез. А когда он на мгновение остановился и бросил взгляд вниз, то едва не сорвался, пронзенный новой

вспышкой ужаса. Колька взбирался следом за ним. На лице школьного хулигана застыло зверское выражение. Он дико ухмылялся, не спуская с жертвы хищно прищуренных глаз.

— Оставь меня в покое! — завопил Стасик срывающимся голосом. — Что тебе от меня нужно?

— Оставлю! — не преставая скалиться, заверил его Колька. — Скоро оставлю. Только голову твою заберу, а остальное, так и быть, оставлю.

Стасик закричал от страха, и полез дальше. Но вскоре и лезть ему стало некуда. Он достиг крыши строения.

Некогда, в давние времена, это здание имело несколько этажей, ныне же от них остался всего один. Все прочие либо обвалились сами с течением лет, либо были разрушены в ходе какой-нибудь древней битвы. Теперешняя крыша представляла собой нагромождение блоков и щебня, из которых тут и там вздымались огрызки стен. Здесь можно было легко переломать ноги, но совершенно негде было спрятаться. Оказавшись наверху, Стасик быстро огляделся, и понял, что бежать ему некуда. Разве что спрыгнуть вниз. Высота небольшая, он едва ли разобьется насмерть. Но с учетом того, что падать придется на каменное крошево, наверняка приземление обойдется ему парочкой сломанных костей. После чего он уже не сможет бегать, и его, беспомощного, захватят живым. Кто именно захватит — не имело значения. Из тех, кто этой ночью нагрнулся в старую крепость, никто не желал ему добра.

Пока Стасик все яснее осознавал свою обреченность, Колька тоже осилил подъем.

— Попался! — прозвучал за спиной у Стасика полный ядовитой радости голос.

Стасик обернулся и невольно попятился, с трудом удерживая равновесие на неровной поверхности, образованной россыпью бесформенных каменных обломков. Колька наступал на него. Он не торопился, явно смакуя момент торжества. Меч в его руке пылал белизной все ярче, будто ему передался хулиганский азарт хозяина.

Трясущимися пальцами Стасик обхватил рукоять своего меча и с третьей попытки вытащил его из ножен. Когда Зархад подарил ему этот меч, он показался Стасику просто огромным, настоящим оружием воина. Но теперь, сравнив его с волшебным мечом паладина, Стасик едва не расплакался. Нет, меч с большой буквы был именно у Кольки. А он держал трясущейся от страха рукой какое-то жалкое недоразумение, больше похожее на кухонный нож.

— Что тебе надо? — закричал Стасик. — Зачем ты меня преследуешь? Что я тебе сделал?

На Колькином лице отразилось удивление. Эти вопросы, казалось, поставили его в тупик.

— Зачем преследую? — повторил он. — Да потому, что могу. Потому что мне это нравится. Потому что мне за это ничего не будет.

— Ты большой садист! — завопил Стасик.

— А ты жалкое ничтожество, — усмехнулся Колька. — Я ведь тебе говорил в тот день, когда мы оказались в этом мире — иди обратно. Нет, не послушал. Возомнил себя героем? Великим воином? Да ты ведь обычный бесхребетный лох, и останешься таковым до самой смерти. Которая, кстати, не за горами.

Колька ускорил шаг и решительно пошел на Стасика, подняв меч для удара. Стасик обхватил обеими ладонями рукоять своего меча, и поднял его перед собой, пытаясь заслониться клинком от грозного оружия врага. У него и мысли не было, что он сумеет парировать удар святого меча паладина. Да даже сама мысль, что он, Стасик, способен

противостоять Кольке, казалась ему безумной. За десятилетнюю карьеру жертвы школьного насилия в голове Стасика сложился образ Кольки как некоей непобедимой силы, которой невозможно противостоять, и которую остается лишь безропотно терпеть. И вот теперь, когда эта сила вознамерилась прикончить его, Стасик не видел для себя возможности спастись. Бежать некуда, а драться с Колькой невыносимо. К тому же масла в огонь неуверенности подливали и две пройденные им проверки на способности, обе из которых выявили его полнейшую непригодность для любого рода геройской деятельности. Ну и что он, свинопас и посудомойка, мог противопоставить паладину?

Колькин меч стремительно заскользил вниз, метясь прямо в голову Стасика. Тот выставил на его пути свое оружие. Раздался громкий звон, Стасика бросило назад, но он устоял на ногах. Открыв зажмуренные от страха глаза, он выяснил две вещи. Первая заключалась в том, что он все еще был жив. Второй вещью, удивившей Стасика не меньше первой, оказался Колька. Обидчик стоял в двух шагах от него. В глазах школьного хулигана застыло изумление, сменившее полыхавшее там прежде мрачное торжество. Он переводил удивленный взгляд со своего меча на меч Стасика и что-то беззвучно бормотал одними губами.

Стасик тоже посмотрел на свой меч. Как ни удивительно, но тот все еще был цел, благополучно пережив удар святого оружия. Правда, это не прошло для него бесследно. На режущей кромке образовалась глубокая, миллиметров пяти, зарубка. Колькин меч не пострадал, оружие паладинов было выковано из особого сплава, и легко выдерживало контакт и с металлом, и с камнем. Но Колька все равно пребывал в состоянии изумления и растерянности. Он явно рассчитывал на легкую победу, и никак не ожидал, что Стасик сумеет парировать его удар.

Впрочем, он быстро взял себя в руки.

— Черная магия тебя не спасет! — процедил он сквозь зубы, объяснив необычную стойкость Стасика вмешательством колдовских чар.

После этого удары посыпались на Стасика градом. Он едва успевал отражать их. Меч в его руках вскоре стал похож на пилу, зубья которой образовывали бесчисленные зарубки. Но подарок Зархада, даже полностью утратив товарный вид, продолжал верно служить своему хозяину. Страх, охвативший Стасика, придал ему сил, которых вполне хватало, чтобы отражать удары.

А вот Колька после каждой новой попытки чувствовал все большую неуверенность и, стыдно сказать, нарастающий страх. Если у Стасика за десять школьных лет выработалась святая вера в непобедимость садиста-одноклассника, то и Колька убедил себя в том, что Стасик существо безответное и слабосильное. Никогда прежде эта профессиональная жертва не пыталась сопротивляться. Колька и в этот раз ждал, что Стасик просто позволит зарубить себя, даже не предприняв попытки защититься.

Но Колька произвел уже два десятка ударов, а Стасик все еще жил. Своим жалким мечом он умудрялся парировать атаки святого оружия. Его дряблое бессильное тело вдруг оказалось на равных с тренированным и мускулистым телом Кольки. Невольно в голову школьного хулигана полезли всякие нехорошие мысли. Он заподозрил, что Стасик спознал с черной магией, и в ней черпает свою внезапно обретенную силу. С удивлением и стыдом Колька осознал, что этот новый неведомый Стасик пугает его. Это было унижительно. Колька в жизни своей никого не боялся. И страх перед этим беззубым тьюфяком потряс его. Вместе с ним в душе вскипела ярость. Колька поднял над головой меч, и выкрикнул

заклинание. Белый клинок, наполнившись магической мощью, вспыхнул ярким светом. Колька взревел, и обрушил оружие на противника. Раздался звон и грохот. Удар бросил Стасика на колени, а когда он вновь попытался поднять над собой оружие, то с ужасом увидел в руке жалкий обломок меча. Клинок сломался наискось, от него осталась треть.

Колька вновь начал поднимать меч над головой с твердым намерением прикончить своего противника. Но в этот момент Стасик, не вставая с колен, бросился на него.левой рукой он обхватил правую Колькину ногу, а обломком своего меча нанес колющий удар в незащищенную промежность паладина. Меч скользнул под латную юбку, и с отвратительным чавкающим звуком погрузился в мягкую человеческую плоть.

Над головой Стасика раздался страшный крик Кольки. Сияющий белизной меч выпал из его рук, и паладин начал складываться пополам, не прекращая дико и истошно орать. Стасик, охваченный скорее страхом, чем яростью, надавил на рукоять меча, вгоняя его глубже в тело ненавистного человека. Колькины ноги подломились, и он рухнул на каменное крошево. Истошно вопя и содрогаясь всем телом, он катался по щебню, а из-под латной юбки тугими струями била кровь.

Озверевший Стасик бросился на него с обломком меча в руке. Навалившись на агонизирующего Кольку, он стал бестолково колоть его своим оружием, даже не осознавая того, что все удары приходятся в доспех, и не причиняют противнику вреда. Колька не пытался отбиваться или сбросить его с себя. Он захлебывался криком и сучил ногами.

А Стасик, меж тем, припомнил все хорошее, что успел повидать от Кольки за свою недолгую жизнь. И этого хорошего набралось столько, что Стасик вдруг понял — у одноклассника нет шансов. Все, от ежедневных издевательств в школе до прилюдного вручения медного свинского носа, требовало возмездия. И тогда страх в душе Стасика сменился холодной злостью. Он прекратил бестолково бить обломком меча по Колькиным доспехам, и нацелился тому в голову. Один хороший удар, и все будет кончено. Школьный садист заплатит за все.

Стасик успел поднять оружие, готовясь нанести смертельный удар, когда неведомая сила сбросила его с агонизирующего Колькиного тела и откатила по камням. Боли Стасик не почувствовал, но при попытке встать вдруг обнаружил, что тело очень неохотно откликается на команды мозга. Перед его глазами расплывались красные круги. Он закашлялся, и камни под ним запестрели каплями брызнувшей изо рта крови. Затем он повернул голову и посмотрел наверх.

Над крепостной постройкой в воздухе парила Лаура. Стасик не узнал волшебницу — некогда добрая и прекрасная, она в этот миг показалась ему кошмарным чудовищем. Взгляд ее пылал ненавистью, с губ сорвался дикий крик. Коленька, ее любимый Коленька, катался по каменному крошеву, барахтаясь в собственной крови, сучил ногами и пронзительно визжал. И виной тому было странное, обвитое бинтами, существо.

— Убью! — взревела Лаура, и в каждой ее руке вспыхнуло по световому копью.

Стасик попытался подняться на ноги, но не смог. Тело не повиновалось ему. Он оглядел себя, и выяснил, что бинты, покрывающие его тело, во многих местах напитались кровью. Его кровью. Похоже, он был серьезно ранен, хоть и не чувствовал этого.

Задрав голову, Стасик увидел Лауру, приготовившуюся метнуть в него световые копья. Это был его конец. Здесь он и погибнет. Страшная сила, вложенная верховной волшебницей Форинга в заклинания, превратит его тело в горстку праха. Но вот странность, Стасик совершенно не чувствовал страха. Напротив, вид вопящего от боли Кольки, ощутившего

своей промежностью остроту чужого меча, заставил его счастливо улыбнуться. По крайней мере, он успел поквитаться с этим садистом, мучившим его столько лет, а ради такого дела и умереть было не жалко.

После залитого волшебным светом двора утроба старой крепости показалась Ваську обителью самой непроницаемой тьмы. Внутри он проник сквозь пролом в стене, и тут же остановился, напуганный окружившим его мраком. Позади него звенела сталь, и гремели разбивающиеся о щиты заклинания. Там было страшно. Но эта неведомая, загадочная темнота, способная скрывать в себе все, что угодно, пугала ничуть не меньше. И все же Васек взял себя в руки и стал медленно пробираться по коридору, ведя ладонью по грубому камню стен.

Спустя какое-то время, потраченное на блуждание в темноте, в ходе которого решимость Васька воздать по заслугам хотя бы одному злодею заметно ослабла, он вдруг был повергнут в ужас разнесшимся по коридорам криком. Такого крика Ваську не доводилось слышать никогда прежде. В этом крике было столько чистого незамутненного ужаса, что свинопас невольно содрогнулся. Он задался закономерным вопросом — что может заставить человека издать подобный крик? Что он должен увидеть или испытать, чтобы исторгнуть данный звук из своей груди? Ваську казалось, что даже самая страшная пытка, даже оживший ночной кошмар, не в силах вызвать подобный эффект.

Причина его непонимания заключалась в том, что Васек просто не был знаком с Грыжей Антрекотовой. В противном случае он не терялся бы в догадках, а сразу сообразил, что случилось. Ибо ужас, который не под силу вызвать ни страшной пытке, ни лютomu монстру, вполне успешно рождала верховная кухарка черного замка.

Крик, зародившись, не думал замолкать. Он волнами раскатывался по тонущим во тьме коридорам древней крепости, колебля и без того сомнительную храбрость Васька. Того вновь одолели сомнения в разумности своего пребывания здесь. Ну и куда его, свинопаса, несет? На руинах старинной твердыни сошлись в бою великие силы. Могучие паладины скрестили мечи с черными рыцарями, светлые маги бросили вызов злым колдунам. И ему, простому крестьянину, незачем путаться под ногами у этих титанов. Затопчут — не заметят.

Источник крика приблизился — так, во всяком случае, показалось Ваську. Дрожащей рукой свинопас поднял перед собой меч, неминуемо ожидая, что вот прямо сейчас из непроницаемой тьмы на него бросится нечто. Но истошный крик, прозвучав где-то рядом, сменил направление и начал удаляться. Васек облегченно выдохнул и смахнул со лба литр трусливого пота. Ему совершенно не хотелось сталкиваться ни с источником этого жуткого крика, ни с его причиной.

Вновь он стал пробираться по темному коридору. Крик вскоре смолк, но на смену ему пришли новые звуки — лязг стали и человеческие голоса. Похоже, кто-то рубился на мечах внутри здания, и происходило это где-то рядом.

Васек добрался до угла, повернул за него, и вдруг увидел впереди красноватый свет. Он скорее обрадовал Васька, нежели испугал. Любой свет был лучше крошечного мрака.

Миновав коридор, свинопас выяснил источник света. Тот изливался из настезь распахнутой двери, ведущей в некое помещение. А прямо перед этой дверью сошлись в жестоком бою паладин и некое кошмарное существо. То самое, которое Васек приметил во дворе и принял за самку тролля. Паладина он тоже узнал — видел его в Форинге. Тот прибыл в город недавно, как говорили — из столицы. Он был молод, сильно моложе того же Васька, но это не имело значения. Паладина мерили не по возрасту, а по его боевым

навыкам. И вот этот конкретный паладин навыками обладал, потому что успешно противостоял в тесном коридоре наседающему на него троллю. Троль выглядел странно — на его груди темнел кожаный фартук, а орудовал монстр огромным ножом и разделочной доской. Глянув на рожу тролля, Васек едва не лишился чувств. Физиономию этого существа можно было описать одним словом — ужас. Как будто всех самых страшных баб собрали вместе, сделали выжимку их страхолюдности, и из получившегося концентрата зачем-то родилось это существо.

Васек прикинул, не стоит ли помочь паладину в его нелегком бою, но затем решил, что он скорее помешает, чем окажет реальное содействие. Лучше будет пройти мимо, и поискать себе иного противника. Наверняка в крепости прятались и другие злодеи. Да и жуткая баба, к слову, так сильно пугала Ваську, что он ни за что не решился бы вступить с ней ни в бой, ни, тем более, в брак.

Уличив удобный момент, Васек ужом проскользнул мимо дерущихся воинов. Те не обратили на свинопаса никакого внимания, будучи всецело увлечены поединком. При этом, проскальзывая мимо, Васек расслышал, или же ему показалось, как самка тролля выплюнула сквозь зубы слово — муж. Васек решил, что ему, вероятно, все же послышалось. Какой такой муж? Да и откуда у эдакого страшилища может взяться муж? Кто тот несчастный, что согласится вступить в брак с этаким кошмаром? Для этого недостаточно быть даже безумцем. Недостаточно быть и мазохистом. Никто по доброй воле не обречет себя на подобную чудовищную участь. А стоило Ваську представить себе самку тролля в постели, как его едва не стошнило. Свят-свят-свят! Страх-то, страх-то какой! Лучше быть заживо съеденным драконом, чем пережить половую близость с этим чудовищем.

Столичный паладин и жуткая самка остались позади. Васек двинулся дальше. Он прикинул, что ему было бы неплохо отыскать какой-нибудь источник света, поскольку бродить по этим коридорам в кромешном мраке было и страшно, и опасно, но тут он разглядел впереди едва различимое мерцание факела. А затем расслышал приглушенные голоса. Кто-то двигался впереди по коридорам, негромко обмениваясь репликами. Кто это мог быть? Воины добра? Едва ли. Скорее всего, он наткнулся на группу злодеев, очевидно замысливающих какую-то подлость.

Страшновато было Ваську набрасываться в одиночку на нескольких противников, но он все же решил последовать за ними, и выяснить, что задумали эти вершители черных дел. А если удастся, то и покарать их за все плохое. И не важно, имели они какое-то отношение к разгрому Форинга, или нет. Злодеи, они и есть злодеи. Все они виновны, не в том, так в другом. Руки их в крови невинных жертв, сердца их черны, и они не заслуживают никакой жалости.

Злодеями, за которыми крался Васек, были Гамал и гоблины. После того, как Стасик умчался во тьму, повергнутый в ужас невыносимым видом Грыжи Антрекотовны, они продолжили свой путь к подземелью.

— Далеко еще, старик? — ворчал Зархад. — Не ровен час, нарвемся на добряков. Или еще на кого. Неважно на кого. Мы для всех враги.

— А ты помалкивай, — посоветовал ему Гамал. — Глядишь, тебя и не заметят.

— Человек Стас что-то почуял, — произнес Грыбан мрачным тоном. — Ему открылось, что спасения нет. Вы слышали его крик? Это был крик обреченного на гибель существа.

— Мне кажется, он что-то увидел во мраке, — с дрожью в голосе признался Зархад.

— Свою страшную судьбу? — предположил Грыбан.

— Заткнитесь, а! — громким разгневанным шепотом попросил их Гамал. — Вы точно накликаете на нас беду.

— Что ее кликать-то? — удивился Зархад. — Она уже здесь.

Поскольку срезать путь через огород было нельзя, пришлось добираться до спуска в подземелье длинным и тернистым путем. Гамал, впрочем, уверенно вел вперед свой маленький отряд. За годы, прожитые в этой крепости, он наизусть выучил все здешние ходы. И в итоге, поплутав по коридорам, они вышли к каменной лестнице, уводящей вниз, в зловещую тьму.

— Добрались, — облегченно выдохнул Гамал. — Давайте за мной. Живее.

— Может, ты дальше сам? — предложил Зархад. Ему, как и Грыбану, совершенно не хотелось спускаться вниз.

— Нет уж, гости дорогие, — злобно ухмыльнувшись, возразил алхимик. — Мы теперь заодно до самого конца, каким бы он ни оказался. Да и горшок тяжелый. У меня уже не то здоровье, чтобы тяжести таскать.

Пришлось гоблинам подчиниться, и последовать за стариком вниз по ступеням.

По мере спуска аура ужаса делалась все гуще и невыносимее. Воздух был пропитан миазмами страха. Гоблины жалко скулили, из последних сил удерживая себя от панического бегства. Гамал, идущий впереди, сам с трудом переставлял непослушные ноги. Некая сила словно толкала его в грудь, пытаясь остановить и не позволить завершить спуск.

— Черная магия! — суеверно бормотал Грыбан, глаза которого дико расширились от ужаса. — Древние чары. Повсюду тьма и погибель.

— Свояк, заткнись! Без тебя тошно! — бросил ему Зархад.

Миновав лестницу, они вошли в короткий коридор, и остановились, охваченные новой порцией ужаса. Огромная железная дверь, обычно темная и безжизненная, теперь раскалилась докрасна. От нее исходили волны жара. Магические символы на ее поверхности сверкали так, что было больно глазам.

— Пресвятая буженина! — выдохнул Грыбан. — Куда нас занесло? Это же дверь в царство ужаса и мрака. Если она распахнется, весь наш мир погибнет в жутких муках.

— Ты и так в них погибнешь, — утешил его Гамал. — Думаешь, когда тебя схватят паладины, обойдется без мук? Наивный ты.

— Давайте закончим все быстрее, — предложил Зархад, которому, как и остальным, было невыносимо находиться здесь. — Что нужно делать, старик?

— Поставьте бомбу к двери, — ответил Гамал. — Чем ближе, тем лучше.

Но сделать это оказалось непросто. Едва гоблины попытались приблизиться к металлической плите, как та обрушила на них усиленную волну жара и ужаса. Скуля и хныча, те попятились назад.

— Невозможно, — заявил Зархад. — Ближе не подойти. Взрывай ее здесь.

— И какой в этом смысл? — разозлился Гамал. — Если мы не сумеем сокрушить дверь, все окажется напрасным. Давайте, ребята. Я в вас верю.

Гоблины вновь предприняли попытку подобраться к двери. В этот раз они благополучно выдержали и опаляющий жар, и навалившийся удушливой волной страх. Но когда под каменным сводом зазвучал незнакомый женский голос, храбрость их дала трещину. Оба с визгом отбежали обратно к Гамалу.

— Кто вы? — воззвало неизвестное существо. — Зачем вы здесь? Где Стасик?

— Похоже, это та самая Света, про которую рассказывал человек Стас, — негромко

заметил Зархад.

— Ответьте мне! — потребовал голос. — Что происходит? Я чувствую исходящую снаружи мощь. Но ее недостаточно. Я все еще не вижу выхода.

Гамал осторожно шагнул вперед, и сообщил:

— Мы друзья Стасика. Мы хотим освободить тебя. Обещаешь ли ты, что не тронешь нас, когда вырвешься на волю?

— Если вы друзья Стасика, то вам нечего бояться, — отозвалось существо.

— А обещаешь ли ты сокрушить врагов, что вторглись в нашу обитель? — спросил Гамал.

— Врагов? Каких врагов?

— Самых обычных — встрял в беседу Зархад. — Они нас убить хотят. Насмерть.

— И Стасика тоже, — добавил Грыбан. — Его сильнее прочих и с особой жестокостью.

— Стасика? — взревел голос с такой силой, что старый алхимик и гоблины в страхе отпрянули. — Они хотят убить моего Стасика? Скорее, освободите меня!

Гоблины вновь приблизились к двери, и, преодолевая жар, поставили бомбу так близко к ней, как только смогли. Затем Гамал вытащил из кармана своего балахона мешочек, и насыпал из него длинную дорожку серого порошка. Дорожка вела к бомбе.

— Как только подожгу, бегите отсюда со всех ног, — предупредил он гоблинов. — Не могу сказать наверняка, насколько сильным будет взрыв, но потрянет знатно.

— Выпустите меня скорее! — гремел голос, исходящий, казалось, прямо из каменных стен. — Если со Стасиком что-то случится....

Гамал начал опускать факел, и в этот момент за его спиной резко прозвучал незнакомый голос:

— А ну всем стоять! Руки вверх!

Гамал замер, так и не донеся огонь до дорожки из горючего порошка. Гоблины медленно обернулись.

В двух шагах от них стоял незнакомый человек. В его руке был обнаженный меч. Человек этот не казался ни паладином, ни даже обычным рядовым героем, что, впрочем, ничего не значило. Выглядел он довольно крепким, и вполне мог оказаться воином, решившим зачем-то сменить доспехи на крестьянский наряд.

— Эй ты, старик, ну-ка отойди отсюда! — строго приказал Васек. — А вы, мутанты, назад! К стене!

Гоблины послушно попятились. Ребятами они были бывальыми, но все же не настолько, чтобы бросаться на меч с голыми руками. Гамал медленно отошел в сторону от просыпанной на полу дорожки из горючего порошка.

— Почему вы медлите? — прогремел голос заточенного в подземелье существа. — Мой Стасик в беде. Освободите меня скорее.

Васек вздрогнул. Он прекрасно видел, что в коротком коридоре больше никого нет. Откуда же исходит голос? Вероятно, из-за огромной железной двери, пылающей нестерпимым жаром.

Но не это заинтересовало Васька. Неведомое существо произнесло хорошо знакомое ему имя. Имя, столь нетипичное в этом мире, но столь распространенное на его, Васька, исторической родине. Стасик! О, знал он одного Стасика. Бессовестного душегуба и предателя, коварного злодея, погубившего столько невинных людей. Васек ни на секунду не усомнился в том, что речь идет именно об этом Стасике.

— Где он? — потребовал ответа Васек. — Где Стасик? Где прячется этот жалкий трус?

— Так ты ищешь человека Стаса? — осторожно спросил Зархад. — Здесь его нет, сам видишь. Он ушел. Куда-то. Куда именно — нам не сказал.

— И чтоб ты знал, он нам совсем не друг, — добавил Грыбан.

Васек шагнул ближе к гоблинам, и направил на них острое клинка.

— Шутки решили со мною шутить? — процедил он сквозь зубы. — Не советую! Месть привела меня сюда. Гнусный Свиностас ответит за свои злодеяния. А вы, если станете укрывать его, разделите участь этого мерзавца. Живо отвечайте — где он?

— Тебе же сказали — не знаем мы, — проворчал Зархад.

— Значит, по-хорошему не хотите, — зло ухмыльнулся Васек. — Ничего, заговорите по-плохому. Воинам добра не пристало пытаться пленников, но для вас сделают исключение. Паладины развяжут вам языки. А теперь руки за спину, и пошли вверх по ступеням. Старик, отдай мне факел.

Физиономию Гамала исказила гримаса мрачной решимости. Он презрительно покосился на Ваську, и процедил сквозь зубы:

— Да пошел ты!

После чего бросил факел на пол, прямо на дорожку серого порошка. Тот тут же ярко вспыхнул, разбрызгивая в стороны снопы крошечных искорок. Огонь заскользил по нему в сторону котла.

В тот же миг Зархад бросился на Ваську, поднырнул под меч, и с силой лягнул свинопаса ногой в колено. Васек взвыл и повалился на пол. Оружие выпало из его руки.

Мимо него с топотом и криками пробежали злодеи и скрылись на лестнице. Васек услышал, как старик подгонял зеленых мутантов, страдая тех верной смертью, если они не поторопятся.

Превозмогая боль, свинопас быстро поднялся на ноги, доковылял до дорожки из порошка, по которой огонь неумолимо подбирался к большому железному котлу, и ладонью провел поперек нее линию. Огонь добрался до оборванного края дорожки, ярко вспыхнул в последний раз, и потух.

Подняв с пола факел, Васек самодовольно усмехнулся. Ему попались отчаянные, но очень тупые злодеи. Будь они умнее, то добились бы его, прежде чем убежать.

— Освободи меня! — загремел женский голос. — Освободи скорее! Мой Стасик в беде!

— Крышка твоему Стасику! — злобно прорычал Васек. — Ничто его не спасет. Он уже покойник.

Васек подошел ближе к двери, намереваясь забрать котел с взрывчаткой, чтобы никто случайно не взорвал его и не высвободил неведомое создание, так сильно рвущееся помочь злодею Свиностасу. Он уже наклонился за ним, когда неведомая сила вдруг вцепилась в его тело невидимыми, но вполне осязаемыми когтями. Васек вскрикнул, попытался высвободиться из этой страшной хватки, но не сумел.

— Хочешь навредить моему Стасику? — услышал он льющийся из стен голос, полный жуткой злобы. — Этого ты хочешь?

Рука Васька, держащая факел, против его воли протянулась к котлу. Пальцы, один за другим, начали разжиматься. Он стиснул зубы, пытаясь преодолеть подчинившую его силу, но эта борьба была неравна. Железная дверь, полыхая, обжигала ему кожу. Чья-то жуткая, почти осязаемая ненависть, сдавила ему виски с такой безжалостной силой, что из глаз, ушей и носа Васька брызнула кровь.

Пальцы его безвольно разжались, и факел, вывернувшись из них, уткнулся горящим концом прямо в наполненный серым порошком горшок.

— Вашу ж мать! — помертвевшим голосом выплюнул Васек.

А затем грянул взрыв.

Никогда доселе Ильнур и Мортус не сходились в схватке один на один. Оба были наслышаны друг о друге, оба слыли великими мастерами меча. И оба частенько прикидывали, кто же из них двоих окажется сильнее, если судьба однажды столкнет их лицом к лицу на узенькой дорожке.

Час выяснить это пробил. Верховный паладин Форинга и лорд черного замка сошлись в жестоком бою, демонстрируя все свое мастерство и не сдерживая своих сил. Святой меч паладина и проклятый клинок черного рыцаря со свистом разрезали воздух и сталкивались с оглушительным грохотом, рассыпая вокруг снопы искр. Они бились уже долгое время, полностью поглощенные поединком, но ни один из них так и не сумел взять верх над соперником. Оба были одинаково хороши. Молодость Ильнура компенсировалась большим опытом Мортуса. Светлая магия паладина разбивалась об колдовство черного рыцаря.

Поединок опьянил их, заставив забыть обо всем. Оба получали от него странное удовольствие, наконец-то встретив достойного себя противника. Ни шум кипящей вокруг битвы, ни грохот творимых чародеями заклинаний, не могли отвлечь великих воинов от их смертельного танца. Но когда откуда-то снизу донесся страшный грохот, а земля под ними подпрыгнула, как живая, едва не сбив обоих с ног, Ильнур и Мортус словно очнулись, и временно прервали свой бой.

Из входа в крепостное строение с шумом вырвался клуб густой пыли. Спустя секунду, кашляя, чихая и сквернословя, оттуда выбежал седовласый старик с длинной бородой. За ним следовали два гоблина. Троица выскочила во двор, и, не замедляя шага, заспешила к крепостной стене.

Не успели Ильнур и Мортус удивиться этому появлению, как из пылевого облака показалась еще одна фигура, огромная, широкоплечая, бегущая вразвалочку. Ильнур, увидев ее, невольно содрогнулся, ибо на своем геройском веку повидал он всяческих чудовищ, но таких кошмарных тварей ему лицезреть не доводилось. То была помесь черного тролля с горным великаном, а усугублялось дело тем, что страшилище имело все признаки женского пола, и признаки эти ужасали. Огромные груди под кожаным фартуком колыхались на бегу, как два наполненных зерном мешка. Лицо существа ввергало в трепет и одним своим видом отшибало всю потенцию на годы вперед. Ильнур, пронаблюдав это кошмарное нечто, почувствовал пробежавший по спине холодок ужаса. Он бы предпочел сойтись в бою с тремя огнедышащими драконами, чем с этим, внушающим инстинктивный страх, существом.

На Мортуса вид Грыжи Антрекотовны не произвел никакого впечатления. К специфической внешности своей кухарки он давно привык и смирился с ней, хотя, когда увидел ее в первый раз в момент приема той на работу, сам едва не остался заикой. Удивило его иное — Грыжа бежала не порожняком, она тащила за своей широкой спиной огромный серый мешок. И в том мешке явно находилось что-то живое, о чем можно было догадаться по слабому шевелению внутри него.

Не успели Ильнур и Мортус проводить взглядом Грыжу, которая, не выпуская мешка, тоже побежала к крепостной стене, как оба расслышали набирающий силу монотонный гул. Земля затряслась мелкой дрожью, воздух завибрировал от пронзающих его волн неведомой, но темной и злой, силы. Ее ощутили все, и воины, и, особенно, маги. Лаура, уже готовая метнуть световые копья в обидчика своего Коленьки, застыла в изумлении, пораженная той

неведомой мощью, которую она ощутила. Что-то приближалось к ним. Что-то шло сюда, поднимаясь из земных недр. Что-то страшное и чуждое этому миру.

И тут пелена ярости, помутившая ее разум, рассеялась. Лаура вспомнила обо всех предостережениях Эларии, и содрогнулась от ужаса. Только сейчас она осознала, что они наделали. Схлестнувшись с силами зла на руинах древней крепости, они совершили ровно то, что пытались предотвратить. Пустив в ход магию, они сами разрушили сдерживающий барьер. И теперь то, что сотни лет пребывало в заточении, обрело свободу.

Осознание произошедшей беды заставило Лауру на какое-то мгновение забыть даже о своем возлюбленном, что продолжал кататься по камням и пронзительно визжать. Забыла она и об его обидчике — странном существе, с головы до ног покрытом грязными бинтами. Впрочем, о последнем уже незачем было беспокоиться.

Стасик стоял на коленях, низко опустив голову, и покорно ждал своей участи. У него не осталось сил даже на то, чтобы ползти. Под его телом растеклась темная лужа крови, струящейся из многочисленных ран. И пусть он совсем не чувствовал боли, но зато прекрасно ощущал настойчивые прикосновения обжигающе-холодных пальцев подобравшейся к нему смерти. В этот миг, стоя на краю гибели, он жалел лишь о двух вещах: что не добил ненавистного Кольку, и что не доживет до выхода дополнения к своей любимой игре.

Ильнур и Мортус тоже почувствовали неладное. Что-то надвигалось на них. Что-то такое, на фоне чего их взаимная вражда в одночасье перестала иметь какое-либо значение. То же предчувствие грядущего ужаса охватило и всех остальных участников битвы. Они прекратили сражаться, и теперь испуганно озирались, ища источник новой опасности.

Ильнур первым заметил красный свет, пробивающийся сквозь затянувшую выход из здания пылевую завесу. Спустя секунду, на него обратил внимание и Мортус. Оба, как замороженные, следили за багровым сиянием, стремительно набирающим силу. Было похоже на то, что внутри крепостного строения разгорается пожар. Хотя гореть там, вроде как, было и нечему. Кроме нескольких предметов самодельной мебели и вороха тряпья все убранство старой твердыни состояло из совершенно негорючего камня.

— Что это там такое? — хрипло спросил Мортус у Ильнура. — Ваши проделки?

— Нет, — ответил верховный паладин.

— Но ты ведь знаешь, что это?

Ильнур с трудом протолкнул внутрь себя ставший в горле ком. Знать-то он не знал, но кое о чем догадывался. Судя по всему, они своими необдуманными действиями даровали свободу тому существу, о котором предупреждала их Элария.

— В подземелье этой крепости было заперто некое создание, — ответил Ильнур негромко. Кричать уже не имело смысла. Над руинами повисла тишина. Все, и герои добра, и воины зла, прислушивались к пугающему, набирающему силу, гулу, доносящемуся из глубины.

— Какое еще создание? — вздрогнул Мортус, тут же припомнивший своего покойного родителя, что строжайше запрещал приближаться к этим руинам. Да, папаша все знал. А если не знал точно, то о многом догадывался. Жаль только, что он так и не успел поведать об этом своему сыну.

— Некая сущность из иного мира, — произнес Ильнур. — Ее притащили сюда в далеком прошлом. Планировали использовать в качестве оружия, против вас, но что-то пошло не так, и ее заперли здесь.

Мортус злобно покосился на паладина.

— От вас, добряков, больше зла, чем от нас, злодеев! — выплюнул он. — Как вы вообще до такого додумались? Я понимаю — сжечь пару-тройку деревень, ну, допустим, город. Вырезать население, насильничать баб, угнать скот и рабов. Наслать мор, в конце концов, или наложить проклятие. Обычное дело. Вполне приемлемые методы ведения войны. Но призвать из иного мира какого-то монстра с целью натравить его на своих стратегических противников... Ильнур, тебе должно быть стыдно! Даже я не решился бы на подобное безрассудство.

— Я тоже в этом не замешан! — отрезал верховный паладин. — Нечего меня стыдить. Чародеи древности совершили ошибку, а расхлебывать ее последствия придется нам.

— Нам? — удивился Мортус. — Каким еще нам? С каких это пор мы с тобой заодно?

— С недавних, — криво усмехнулся Ильнур. — То, что вырвалось на свободу, угрожает всему нашему миру. Кранг-дан в такой же опасности, как и Ангдэзия.

Мортус помолчал, затем покачал головой и ворчливо заметил:

— Если вопрос стоит подобным образом, то быть посему. Я помогу тебе отправить эту тварь в небытие. Но как только мы отправим ее туда, не жди от меня пощады. Мне нужна эта крепость, и я заполучу ее любой ценой.

— Как только разберемся с чудовищем, я к твоим услугам, — пообещал ему верховный паладин Форинга.

Когда Ильнур, повернувшись к своим героям, сообщил им, что тем предстоит временно сражаться в союзе с силами зла, среди паладинов и магов прокатился ропот недовольства. Таким же ропотом встретили черные рыцари и колдуны приказ Мортуса, повелевшего им встать плечом к плечу с заклятыми врагами.

И все же все подчинились приказам своих предводителей. Все, кроме Лауры. Та опустила на крышу строения и присела на колени подле Кольки. С ее губ сорвались слова исцеляющих заклинаний, свет, струящийся из простертых ладоней, мягким потоком излился на содрогающееся от боли и рыданий тело возлюбленного. Стасик наблюдал за этим со стороны. Предсмертный хлад все больше охватывал его. Он не слышал нарастающего гула, не чувствовал, как мелкой дрожью сотрясается под ним постройка. Он умирал.

Багровое свечение усилилось. Из входа в здание вырвались языки пламени, а Ильнур и Мортус, хоть и стояли от него в дюжине шагов, даже сквозь доспехи ощутили накатывающий волнами жар. Их отряды, объединившись в единое войско, выстроились за спинами предводителей. Неуютно было паладинам стоять в строю бок о бок с черными рыцарями. Светлые маги с отвращением косились на злых колдунов, те отвечали им взаимностью. Но то, что приближалось к ним, пугало настолько, что заставляло временно забыть прежнюю распрю.

Огонь набрал силу, его длинные извивающиеся языки вырвались наружу огромным живым бутоном. Пламя жадно лизало древние каменные стены и растекалось по засыпанному щебнем двору. Герои добра и зла невольно попятнулись от накатившей волны жара. А затем увидели в проломе стены размытый контур человеческой фигуры. Что-то шло на них прямо сквозь огонь.

— Приготовились! — скомандовал Ильнур, поднимая меч.

Объятая огнем фигура ступила во двор. Существо почти невозможно было разглядеть — вокруг него бешеным вихрем кружилось пламя.

— Бей заразу! — взревел Мортус. — Всем, что есть!

Светлые маги и темные колдуны ударили залпом. Воздух сотрясся от пронзивших его заклинаний, а в следующее мгновение огонь вспыхнул сильнее, и над руинами старой крепости до самых небес поднялся столб алого света. Ильнур вскинул меч и выкрикнул заклинание. С его ослепительно засиявшего клинка сорвался белый луч, и ударил прямо в центр огненного ада. Мортус взмахнул мечом, и в пучину бушующего пламени вонзилась зеленая молния. Маги продолжали обстрел, не снижая его интенсивности, паладины и черные рыцари поддерживали их. Языки огня, как живые щупальца, извивались под градом ударом. Рев пламени то затихал, то вдруг становился громче. В нем как будто слышалась человеческая речь.

— Еще! — закричал Ильнур, повторно выпуская в неведомую тварь световой луч. — Еще немного!

Мортус воздел над собой черный меч и заговорил медленно, распевно. Страшные слова падали одно за другим, складываясь в жуткую формулу. Воздух вокруг него завибрировал, Мортус вскрикнул, и резко взмахнул мечом. Огромный сгусток тьмы сорвался с клинка и ударил в центр бушующего пламени, разметав огонь и заметно снизив его интенсивность. Теперь все смогли разглядеть того, кто скрывался в нем.

Перед ними предстало некое существо, похожее на обугленного до черноты человека. Черную кожу покрывала сетка трещин, сквозь которые наружу вырывался алый жар. Вместо волос над головой существа колебался огромный огненный факел. Таким же огнем горели и глаза чудовища.

В этот миг два световых копьа обрушились на монстра с небес, взметнув над землей тучу пыли и щебня. Лаура, забывтая всеми, подлечила раненого Кольку, и поспешила вступить в бой. Огонь, прежде окутывавший существо плотной пеленой, почти погас. Ильнур разглядел монстра, копошащегося на земле. Световые копьа сбили его с ног.

— Пора! — сказал он, обращаясь к Мортусу. — Добьем эту тварь.

Владелец черного замка согласно кивнул головой.

Паладины и черные рыцари дружно пошли в атаку. Они набегали на противника широким полукольцом. Пыль, к тому времени, заметно рассеялась. В центре круга черной оплавленной земли тяжело поднималась на ноги жуткая тварь. Здесь, вблизи, Ильнур с оторопью понял, что это женщина. По крайней мере, у нее была женская фигура со всеми полагающимися атрибутами. Впрочем, верховного паладина это не смутило. Он знал, что чудовища бывают всех полов. Да разве он сам не так давно не наблюдал какую-то кошмарную бабу неведомого вида, то ли самку тролля, то ли просто жуткую страхолюдину? На ее ужасающем фоне даже этот огненный демон уже не казался таким страшным.

Мортус, вырвавшись вперед, первым оказался напротив чудовища. Вблизи эта тварь вовсе не казалась могучей и грозной. Она была худой и щуплой, а ростом едва дотягивала Мортусу до плеча. Факел над ее головой почти погас, отчего существо будто уменьшилось в размере.

Мортус прыгнул на чудовище, нанося удар с плеча. Обугленная тварь подняла руку с раскрытой ладонью, намереваясь встретить ею падающий сверху черный клинок. Мортуса аж смех разобрал при виде этой безумной самоуверенности. Он понял, что все будет проще, чем показалось вначале. Сейчас он развалит эту тварь на две равные половинки, а затем и Ильнур получит свое.

Черный меч, выкованный из лучшего сплава, с оглушительным грохотом столкнулся с ладонью существа. Мортус не сразу понял, что произошло. Его оружие вдруг стало

необычайно легким, и только присмотревшись, он понял, что от проклятого клинка остался жалкий обломок в ладонь длиной.

Не успел Мортус опомниться, как могучий удар подбросил его в воздух. Грудная пластина вмялась внутрь, едва не переломав все ребра. С грохотом и звоном лорд Мортус грянулся оземь, и тут же понял, что уже не сможет встать на ноги. Чудо, что ему удалось сохранить сознание. Правда, рад он этому отнюдь не был, потому что спустя мгновение на него нахлынула жуткая боль. Судя по ощущениям, у него на теле не осталось ни одного живого места. Он хрипло закашлялся, ощутив на губах солоноватый привкус крови.

Пронаблюдав за тем, как демон одним ударом отправил Мортуса в неуправляемый полет, Ильнур невольно притормозил, вдруг осознав, что сильно недооценил противника. К несчастью, у него уже не оставалось времени на то, чтобы приказать паладинам и черным рыцарям прервать атаку. Те навалились на монстра со всех сторон, пустив в ход мечи.

Огонь вновь охватил тело чудовища. Жуткая тварь с умопомрачительной скоростью ринулась в самую гущу наступающих рыцарей. Молниеносные удары посыпались на них градом. Закованные в латы герои разлетались во все стороны, будто сухие листья, подхваченные порывом ветра. Их атаки либо проходили мимо, либо не причиняли существу никакого вреда.

На глазах Ильнура демон схватил одного из паладинов за руку, и легко, без видимого усилия, вырвал ее из тела. Оказавшемуся рядом черному рыцарю существо снесло голову. Не оторвало, не отгрызло, а именно снесло, совершив едва заметное движение рукой. Когти демона распарывали броню, как бумагу, оставляя в ней широкие полосы с оплавленными краями и вырывая куски мяса из еще живых тел. Мечи паладинов и черных рыцарей если и задевали демона, то не причиняли ему ни какого вреда. Впрочем, не так уж и много было успешных попаданий. Объятая огнем тварь была быстра и смертоносна. Люди, даже отлично тренированные и обученные, не могли тягаться с ней ни в скорости, ни в силе.

За несколько ужасных секунд огненный демон навалил вокруг себя целую гору изувеченных тел. Немногие уцелевшие паладины и черные рыцари обратились в паническое бегство. На земле, вяло шевелясь и дико крича, корчились раненые.

Все произошло так быстро, что Ильнур даже не успел понять, как и когда оказался с демоном один на один. Все его паладины были либо мертвы, либо агонизировали на земле, корчась в лужах крови и вырванных внутренностей. Верховный паладин Форинга тщетно пытался прийти в себя и сообразить, что делать дальше. А охваченное пламенем существо уже шло на него. Демон не торопился, но Ильнур, вдруг ощутивший постыдную слабость в коленях, нисколько не сомневался в том, что от него не сбежать. Взгляд пылающих огнем глаз вперился в верховного паладина. Пасть чудовища приоткрылась, и из нее вдруг зазвучали слова.

— Где он? — пророкотало существо.

Растерявшийся Ильнур тупо переспросил:

— Кто?

— Где мой Стасик?

— Стасик? — вздрогнув, повторил верховный паладин. Не так уж много Стасиков он знал на своем веку. Точнее говоря, всего одного. Более известного в Англэдэзии, как Свиностас, злодей и душегуб.

И тут Ильнур понял, что он конкретно недооценил Свиностаса. Все это было частью его черного плана от начала и до конца. Это он, коварный Свиностас, заманил их сюда, а потом

направил на них своего ручного демона. Не о том чудовище волновалась Элария. Демон был всего лишь пешкой в ужасающей игре зловещего Свиноста. И если раньше главной угрозой этому миру был император Дакрос Безжалостный, то теперь его место успешно занял новый, куда более мрачный и жуткий злодей — Свиноста.

— Так вот кому ты служишь! — прорычал Ильну. — Вот чья воля направляет тебя! Но где же он сам? Спрятался, и ждет, пока его послушная собачонка сделает всю грязную работу?

Огненный факел над головой демона полыхнул ярче. Монстр приоткрыл рот, обнажив два ряда угольно-черных зубов. Из пасти вырвался поток опаляющего жара.

— Где мой Стасик? — загремела тварь, надвигаясь на Ильну. — Что ты с ним сделал?

Ильну попятился, выставив перед собой меч. Оружие, похоже, совсем не пугало демона. Тот надвигался на него с мрачной решимостью, не спуская с паладина пылающих огнем глаз.

В этот момент уцелевшие маги вновь дружно ударили по монстру. Ильну едва успел отскочить назад, дабы не угодить под шквал боевых заклинаний. Лаура, поднатужившись, сумела сотворить еще одно световое копьё. Чары, способные убить кого и что угодно, градом сыпались на огненную тварь, но та и не думала подышать. Демон злобно зарычал, затем вскинул руку, и, резко присев, обрушил кулак в землю.

В тот же миг земля по всему крепостному двору вспучилась и пошла широкими неровными трещинами. Из их глубин наружу хлынули языки жаркого пламени. Оно охватило чародеев, превратив их в живые факелы. С жуткими криками они металась по двору, сталкивались и падали, бились в агонии, заживо пожираемые огнем.

Демон вновь повернулся к Ильну.

— Где мой Стасик? — взревел он. — Что ты с ним сделал?

От страха у верховного паладина затряслись руки. Он понял, что Элария была права. Огненное чудовище, призванное в этот мир из неведомого и жуткого места, погубит их всех. Какая сила способна остановить его? Хватит ли коллективной мощи Ангдэзии и Кранг-дана, чтобы отправить эту тварь в небытие?

Демон наступал на него, и Ильну понял, что это конец. Сейчас черная, пышущая жаром, рука вцепится ему в глотку, и сдавит ее с такой силой, что оторвет голову. Но когда монстр уже почти добрался до него, откуда-то сверху на Ильну хлынул поток ослепительно-яркого света. Он вскрикнул, и тут же понял, что лежит на траве. Рядом с ним копошились уцелевшие паладины и черные рыцари. Подняв голову, Ильну увидел Луару, стоящую с вскинутым вверх посохом. Вдруг волшебница пошатнулась, выронила посох и без чувств упала на землю рядом с Колькой.

Поднявшись на ноги, Ильну осмотрелся. Верховная волшебница, истратив на это последние остатки сил, перенесла всех уцелевших из крепости в какое-то безопасное место. Похоже, сейчас они находились на границе с нейтральной полосой. Ильну заметил в траве болезненно стонущего Мортуса, и единственную уцелевшую черную ведьму, которая, впрочем, была больше чем одной ногой в могиле.

Радость по поводу внезапного спасения быстро сменилась тревогой. На ногах находились только он сам, еще один паладин и два черных рыцаря. А вокруг них раскинулись тела их раненых и умирающих товарищей.

Осмотревшись, Ильну не увидел в ночи ни одного огонька. Тогда он запустил руку в поясную сумку, и вытащил из нее прибереженный на экстренный случай флакончик

лечебного зелья. Затем направился к Лауре и силой влил снадобье в рот бесчувственной волшебнице. Та закашлялась, но проглотила снадобье. Почти сразу же после этого ее глаза распахнулись.

— Коля? — выпалила та, едва придя в себя.

— Да здесь он, здесь, — проворчал Ильнур. — Куда ты нас забросила? Нам нужно в Форинг. Много раненых. Они все вскоре умрут, если им не оказать помощь. Тебе хватит сил на еще одно перемещение?

Он помог Лауре подняться на ноги. Та посмотрела на Кольку, который лежал подле нее без сознания, но дышал ровно, и не выглядел умирающим.

— Что с ним случилось? — спросил Ильнур. — Кто это сделал?

— Какое-то существо, — процедила сквозь зубы Лаура. — Какая-то тварь. Не знаю, что это было. Вряд ли человек.

— Еще один монстр? — выдохнул верховный паладин. — Как будто мало нам огненного демона. Лаура, скорее перенеси нас в Форинг.

— Всех? — спросила та, многозначительно покосившись на Мортуса, который лежал в траве и громко стонал от боли.

— Всех! — твердо ответил ей Ильнур. — К добру ли, к худу, но боюсь, что пока мы не разберемся с этой новой напастью, нам временно придется забыть о старой вражде.

Лаура тяжело вздохнула.

— Хорошо, — согласилась она, поднимая с земли свой посох. — Отправляемся в Форинг.

Ильнур еще раз оглядел раненых, и проворчал:

— Так, а где Андис? Я не помню, чтобы он сражался с огненным демоном.

— Забудь о нем, — устало отмахнулась Лаура. — Если его здесь нет, значит, он мертв. Я забрала всех живых, кто оставался во дворе крепости.

— Еще за этого болвана отвечать, — проворчал верховный паладин. — Ладно, двигаем в Форинг. Что бы там ни случилось с этим столичным индюком, у нас сейчас есть куда более важные проблемы.

Эпилог 1

Уже во второй раз за недолгое время Стасик оказался в черной беззвучной пустоте. Но теперь не было никакой двери, приглашающей пройти сквозь нее. Он просто беспомощно барахтался в космическом вакууме небытия, пока неведомая сила вдруг не подхватила его и не повлекла куда-то вверх. Он не сопротивлялся ей, воспринимая все происходящее с несвойственным себе хладнокровием.

Затем он расслышал голоса. Те показались ему смутно знакомыми. Звучали они глухо, и словно бы доносились издалека.

— Человек Стас кажется мертвым, — заметил один из них. Голос, как тут же припомнил Стасик, принадлежал Грыбану.

— Ты только при ней такого не ляпни, — посоветовал другой голос. Его Стасик тоже признал. Ворчливый старческий голос Гамала.

— Кстати, а где она? — спросил третий голос, принадлежащий второму гоблину, Зархаду.

— Отправил ее за травами, — ответил Гамал.

— Думаешь, она разбирается в травах? — усомнился Зархад. — Как по мне, она вообще ничего не знает об этом мире. Странная она, эта Света. Я ей репу предложил, а она испугалась. Что страшного в репе? Вполне сносная кормежка, за неимением мясного ассортимента.

— Посидел бы ты тысячу лет взаперти, тоже бы обзавелся странностями, — заметил Гамал. — Нет, в травах она не разбирается. Просто хотел услатить ее куда-нибудь, чтобы не пугалась под ногами. И потом, она меня немного... хм... нервирует. Неуютно находиться рядом с существом, способным убить тебя одним плевком.

— Я тоже ее слегка побаиваюсь, — не стал скрывать Грыбан. — Что она такое? Демон?

— Кто бы знал? — отозвался алхимик. — Мне ее природа не ясна. К счастью, это не наша забота. Вот очнется Стасик, пускай он с ней и возится.

— У них вроде как отношения любовного характера, — напомнил Зархад. — Верно молвят — любовь зла. Она словно оживший ночной кошмар. Да и человек Стас, между нами, далеко не красавец. Все эти бинты... Что он прячет под ними?

— Лучше тебе не знать, — усмехнулся Гамал. — Стасик купался в неполюженном месте... Так, мне показалось, или он пошевелился?

Гамалу не показалось. Стасик пришел в себя настолько, что сумел осторожно подвигать пальцами руки.

— Ты меня слышишь? — склонившись над ним, спросил Гамал.

— Да, — негромко отозвался Стасик.

— Ну, вот, живой он! — торжественно провозгласил алхимик. — Я же вам говорил — мои снадобья мертвого поднимут. Хотя, стоит признать, досталось ему прилично. Потерять столько крови и выжить, это надо уметь.

Стасик осторожно приоткрыл глаза. Над собой он обнаружил Гамала, из-за спины которого выглядывали гоблины.

— Я жив? — тихо спросил Стасик, который до сих пор не был уверен в этом.

— Довольно глупый вопрос, — заметил Гамал. — Будь ты мертв, то не валялся бы здесь, а уже гнил в могиле.

Стасик осмотрелся, осторожно ворочая головой. Он лежал в лаборатории Гамала, прямо на деревянном столе, прежде заставленном емкостями с различными реактивами. В лаборатории царил разгром. Все полки были пусты, некоторые вообще опрокинулись на пол. Дверь отсутствовала, вместо нее зиял голый проем, выводящий в темный коридор. Сквозь окно в помещение вливался дневной свет.

Стасик попытался восстановить в памяти события прошлой (и прошлой ли?) ночи. Те разрозненные фрагменты, которые чудом сохранились в его мозге, напоминали страшный сон, как своим неправдоподобием, так и кошмарностью. Герои добра, воины зла, ненавистный Колька — все смешалось в леденящий кровь винегрет. А еще Стасику казалось, что он видел в крепости Грыжу Антрекотовну. Скорее всего, ему это просто почудилось. Зачем бы еще и ужасающая кухарка явилась сюда, оставив свое рабочее место?

Он очень смутно помнил, чем закончилось его столкновение с Колькой. Кажется, он все-таки умудрился достать школьного обидчика обломком меча. Это воспоминание оказалось столь приятным, что Стасик невольно улыбнулся.

Однако он решительно не помнил того, как и почему уцелел. Там ведь была Лаура, верховная волшебница Форинга, и она определенно собиралась его убить. Тем не менее, он все еще был жив. И даже если ему каким-то чудом удалось найти в себе силы и, главное, храбрость противостоять Кольке, то отразить боевое заклинание он не сумел бы при всем на то желании.

— Что случилось? — прохрипел Стасик. — Мы сейчас в крепости?

— Где же еще? — пожал плечами Гамал.

— А те, другие?

— Не волнуйся, те, другие, давно разбежались по домам. Точнее, разбежались те, кто еще мог ходить. Остальные до сих пор загромождают наш двор своими тушами.

Стасик удивленно моргнул. Разбежались? Уцелевшие? Но какая сила могла обратить в бегство отважных воинов и искусных магов? Уж явно не он сам, и едва ли старый алхимик с двумя гоблинами.

— Почему они ушли? — спросил Стасик. — Почему не убили нас?

— А ты не помнишь? — удивился Гамал.

Стасик отрицательно покачал головой. Последним, что сохранила его память, были визжащий от боли Колька и Лаура, повисшая в небе и готовящаяся разнести его на молекулы каким-то жутким заклинанием. Затем случился провал. Стасик сообразил, что он просто потерял сознание. И, как теперь выяснилось, проспал все самое интересное.

— Жаль, — подтвердил его опасения Гамал. — Тебе стоило бы посмотреть, какой теплый прием устроила твоя подружка незваным гостям. Реки крови, оторванные конечности, изысканный хруст ломающихся костей — зрелище, достойное гурмана.

— Моя подружка? — тупо повторил Стасик.

Впрочем, он почти сразу же сообразил, о ком идет речь.

— Света! — воскликнул он. — Так вы ее освободили!

— Мы в том числе, — согласно кивнул Гамал. — Но гости тоже внесли в это начинание свою бесценную лепту. Не начни они, как одержимые, колдовать здесь, дверь, скорее всего, смогла бы выстоять после взрыва. Но их магия повредила наложенные на дверь чары, а бомба лишь довершила дело.

Теперь в голове Стасика сложилась общая картина последних событий. Его спасла Света. Она вырвалась из своей темницы и прогнала всех этих паладинов и черных рыцарей,

явившихся по его душу.

— А где она? — тут же встревожился Стасик. — Где Света? Почему ее здесь нет? С ней ведь все хорошо?

— Да, да, хорошо, — проворчал Гамал. — Что с ней будет-то?

Его рука без труда прижала Стасика обратно к столу, прервав его слабую попытку подняться на ноги.

— На-ка вот, прими, — предложил алхимик, протягивая Стасику пузырек с неизвестной жидкостью. — И постарайся обойтись без резких движений. Ты все-таки потерял много крови.

Стасик без возражений выпил предложенное лекарство, и вновь задал мучающий его вопрос:

— Где Света?

— Она тут, неподалеку, — ответил ему Зархад. — Травки собирает. Для тебя.

— Какие еще травы? — удивился и встревожился Стасик, который вдруг вспомнил, что травы, в том числе, используются в качестве приправы к мясу.

Гамал шикнул на гоблина, а затем обратился к Стасику.

— Насколько я понимаю, свою Свету ты прежде не видел, — сказал он. — Ваши с ней отношения до сей поры осуществлялись целомудренным манером, строго через дверь.

— Да, — осторожно подтвердил Стасик. — А что такое?

— Да ничего, — с наигранным равнодушием ответил Гамал. — Когда речь заходит о любви, внешность ведь не главное. Ну, так говорят. Как по мне, это полная ерунда, но я эксперт в области алхимии, а не любовных дел.

Стасик встревожился еще больше.

— Скажите прямо, в чем дело! — потребовал он с дрожью в голосе. — Что-то со Светой, да?

— Со Светой все отлично, — поспешил заверить его Грыбан. — Не женщина — огонь!

— Просто хотел предупредить тебя о ее несколько специфической внешности, — пояснил Гамал. — Будет нехорошо, если ты, впервые увидев свою возлюбленную, бросишься бежать от нее с диким криком. А такое, поверь, не исключено.

— Она что, такая страшная? — тихо спросил Стасик.

— Скорее необычная. Но мне неведомы твои вкусы. Ты ведь у нас из иного мира. Кто знает, какие критерии красоты царствуют на твоей исторической родине. Даже в нашем мире они заметно разнятся.

— Так, я надеюсь, ты сейчас не намекаешь на распущенные врагами и завистниками грязные сплетни о гоблинах и козах? — проворчал Зархад, сверля алхимика сердитым взглядом.

От всех этих мутных разговоров Стасику стало не по себе. Он решил, что должен как можно скорее увидеть Свету сам. Так-то оно, конечно, жуткая внешность не преграда для высоких чувств, но всему же есть предел. А вдруг Света окажется похожа на Грыжу Антрекотовну. В этом случае даже самые высокие чувства могут дать трещину, да и сердце, пожалуй, такого не выдержит.

Стасик осторожно поднялся со стола, и, держась рукой за стену, побрел по коридору к выходу во двор. Яркий дневной свет на миг ослепил его, а когда зрение восстановилось, и Стасик огляделся, то почувствовал поднимающуюся к горлу тошноту.

Крепостной двор был завален телами убитых. Притом не просто убитых, а убитых

зверски, безжалостно, изувеченных и разорванных на куски какой-то страшной силой. Паладины и черные рыцари лежали друг на друге горой мятого железа и окровавленной человечины. Повсюду валялись руки и ноги, неподалеку от входа, среди камней, скромно приютилась чья-то голова. Чуть поодаль Стасик помутневшим взглядом разглядел еще одну группу тел. Те явно стали жертвами огня, и превратились в обугленные головешки.

— Да, вот так вот оно как-то, — раздался за его спиной голос Гамала. — Но ты не унывай. Хорошо уже то, что умерли они, а не мы. Правда, закапывать их все равно придется нам. Не валяйся они на пороге моего дома, я бы не стал с ними возиться. Но они же скоро завоняют. А нам тут еще жить.

Стараясь не глядеть на зверски изувеченные тела, Стасик, пошатываясь, побрел к остаткам крепостной стены. Он чувствовал, что его вот-вот стошнит. Ему не хватало воздуха. Хоть он и повидал в этом правильном мире всякого, но еще не успел привыкнуть к картинам зверского геноцида. От них ему неизменно делалось дурно. Он даже не стал выяснять, есть ли среди убитых его заклятый враг Колька, или школьному хулигану все же удалось спастись. В настоящий момент Стасика это не волновало.

Он почти успел достичь стены, когда сквозь широкий пролом внутрь двора вошло некое существо. Стасик застыл на месте, с удивлением и страхом взирая на него. Обуглено-черная кожа этого создания была покрыта сетью трещин, сквозь которые наружу струился алый жар. Над головой, вместо копны волос, вился огненный факел. Глаза горели двумя раскаленными углями.

Существо прижимало к груди большой букет разнообразных трав. Но едва увидев Стасика, оно бросило свой урожай на землю, и поспешило к нему. Тут-то Стасику очень пригодился совет Гамала. Не предупреди его алхимик о специфической внешности подруги, он обязательно обратился бы в паническое бегство.

— С тобой все хорошо? — участливо спросила Света, подбежав к нему. Голос у нее был прежний, женственный и приятный. И Стасик облегченно выдохнул. Несмотря на ужасающую внешность, это была все та же Света, к которой он тайком бегал на свидания.

— Да, — ответил он. — Старик меня подлечил. А ты...

Он запнулся, сам не зная, о чем именно хочет спросить. Ему было страшновато глядеть в глаза своей подруге, в эти две пылающие огнем точки.

— Со мной тоже все хорошо, — поспешила заверить его Света. — Правда, все вокруг такое странное. Я и не знала, каков он, мир снаружи. Мне он представлялся иным.

— Мне тоже, — признался Стасик. Это была правда. Совсем не так он представлял себе правильный мир и свою жизнь в нем.

Затем возникла неловкая пауза. Оба не знали, чем продолжить беседу. Почему-то общение через дверь давалось им гораздо проще, чем непосредственно лицом к лицу. Ну, как — лицом? Как — к лицу? Физиономия Стасика скрывалась под слоем грязных бинтов, а Светина мордашка была на такого редкого любителя, что искать замучаешься.

Тут, на счастье, их окликнул вовремя появившийся алхимик.

— Эй, голубки, — позвал он. — Как насчет того, чтобы помочь? Надо утилизировать туши, пока на них мухи не слетелись. Или еще кто-нибудь. В этих краях на запах падали такое может прибежать, что сам почувствуешь себя мухой.

Стасик и рад бы был поспособствовать в уборке кровавого урожая, благо выпитое зелье быстро возвратило ему прежние силы. Но едва он наклонился, чтобы поднять чью-то оторванную по локоть руку, как у него тотчас же закружилась голова, и он едва не упал без

чувств. Света тут же оказалась рядом с ним, и заботливо отвела в сторонку.

— Ты еще не поправился, — заметила она. — Лучше посиди здесь, а мы все сделаем сами.

Стасик не возражал. Он устроился на каменном блоке, с невольным отвращением наблюдая за тем, как его друзья бесцеремонно, будто какой-то мусор, собирают разбросанные по двору человеческие останки. Свету, похоже, мертвые люди вообще никак не волновали. Она наклонилась, взяла за ноги двух мертвых черных рыцарей, и легко поволокла их к стене.

— Яму еще рыть, — ворчал Грыбан. — Да здоровую. Эвон сколько их тут. И все что твои кабаны. Почему на нас не напали карлики?

— Не нужно ямы, — заверила его Света. — Я сожгу тела.

Стасик сидел на камне, наблюдая за перетаскиванием останков. Все-таки пребывание в правильном мире не прошло для него даром — будь он прежним, тем самым Стасиком из неправильного мира, он бы уже умер от ужаса, просто от одного вида горы окровавленных трупов. А сейчас ничего: сидел, смотрел, даже не падал в обморок. Он, разумеется, понимал, что это зрелище еще аукнется ему в форме сочных ночных кошмаров. Но Стасику не верилось, что кто-то или что-то в этом мире сумеет повергнуть его в больший ужас, чем незабвенная верховная кухарка черного замка.

Смотреть на изувеченные тела было неприятно до тошноты, но болезненное любопытство брало верх. Стасик пытался узнать старых знакомых — немало их явилось в крепость. Но, главным образом, его интересовал навеки ненавистный Колька. Теперь, немного придя в себя, Стасик вспомнил все. Он дрался с Колькой. И победил. Победил не просто своего вечного мучителя, но и полноценного паладина. Но как ему это удалось? Он ведь никто, пустое место. Свинопас и посудомойка без малейшего намека на воинский потенциал.

— Я не понимаю, — пробормотал Стасик.

Проходивший мимо Гамал обратил внимание на его слова.

— Чего именно ты не можешь понять? — спросил он.

— Не понимаю, как я смог победить паладина, — признался Стасик.

— А ты его победил? Точно? Тебе не приснилось?

Стасик обиженно засопел.

— Не приснилось! — проворчал он. — Так все и было.

— Ну, — пожал плечами старый алхимик, — паладины ведь тоже люди. Их можно ранить и убить.

— Да нет же, — раздраженно выпалил Стасик. — Вы не понимаете. Я ведь.... Ну, я прошел две проверки на способности. Две! И оба раза выяснилось, что воин из меня никакой. Нет у меня потенциала....

— А, вот ты о чем, — перебил его Гамал. — Да ты просто все неправильно понял.

— Чего я не понял?

— Смысла этих проверок.

— Да ведь он же очевиден.

Гамал подбочился и неодобрительно воззрился на Стасика.

— Видимо, не вполне, — проворчал он. — Иначе ты бы не говорил сейчас этих глупостей. Пойми — суть проверки в том, чтобы определить твой потенциал с привязкой к одной из сторон конфликта. Выяснить, в каком качестве ты сможешь послужить делу добра

или зла. А прошлой ночью ты сражался не как добряк или злодей. Теперь смекаешь?

До Стасика не сразу дошел смысл сказанных стариком слов. Затем он все же понял.

— Так вот оно, выходит, как! — простонал Стасик. — То есть, получается, эти две проверки не приговор. У меня по-прежнему остается шанс стать величайшим чародеем этого мира....

— Не-не, вряд ли, — покачал головой Гамал. — Будь у тебя магические способности, они бы уже проявились.

— Ну, тогда я смогу стать эпическим воином с двуручным рунным мечом....

— Для двуручного оружия ты слишком хилый.

— Да хватит уже! — обиженно выпалил Стасик. — Дайте хоть помечтать спокойно!

— Мечтай, мечтай, мечтатель ты наш, — великодушно позволил Гамал.

Он наклонился, поднял с земли чью-то оторванную ногу, и потащил ее в сторону крепостной стены.

Стасик невольно вспомнил все свои приключения, пережитые в правильном мире. До сего момента они казались ему чередой беспросветного ужаса. Его унижали, обманывали, подставляли, пытались убить и даже съесть. Он принял ванну в луже магических отходов, и теперь было неизвестно, сумеет ли он снова стать прежним собой, да и вообще, долго ли еще протянет на этом свете.

Но Стасик вдруг с удивлением осознал, что прежним он становиться не хочет. Каким еще прежним? Прежним, это рохлей и лохом, тюфяком, которого не воспринимают всерьез и обижают все, кому не лень? Разве он прежний сумел бы дать отпор всесильному Кольке? Разве ему прежнему хватило бы смелости завязать романтические отношения с огненным демоном? Его путь в правильном мире пролегал сквозь боль, страдания и сплошные обломы, но теперь, глядя назад, Стасик осознал, что не согласился бы променять все это на свое прежнее существование в родной реальности.

Ни в одном из миров, сколь бы правильными они ни были, ничто не преподносится на блюде. Нельзя, будучи лохом, перенестись в мир меча и магии, и внезапно стать там великим, могучим и обожаемым всеми. За все это нужно бороться, долго, упорно, продираясь сквозь неудачи и на каждом шагу огребая удары судьбы.

Стасик решил, что его приключения закончились не самым худшим образом. Он нашел себе новый дом, друзей и подругу. Он сумел дать отпор Кольке — в его случае это было эпическим подвигом. И теперь, когда силы и добра и зла получили на орехи, они больше не сунутся сюда и оставят его в покое. Он сможет жить, как захочет, здесь, на нейтральной полосе. А в компании Светы ему теперь вообще ничего не грозит. Вместе с нею он сможет путешествовать по этому миру, увидит новые сказочные земли, полюбуется на эльфов и драконов. А королевство добра и империя зла пусть и дальше грызутся друг с другом до скончания времен. Лишь бы не втягивали его в свои разборки.

Вот что думал Стасик, раскатав губу на тихую и мирную жизнь, и еще не зная, какие грозные тучи сгущаются над его головой.

Эпилог 2

Даже сквозь плотно закрытые окна внутрь просторного, предназначенного для собраний и совещаний, зала проникали несущиеся снаружи крики. То и дело среди многоголосого, сливающегося в монотонное гудение, гомона, прорезался чей-то звонкий, визгливый вопль.

— Казнить их! — заходился криком какой-то горластый оратор, и толпа одобрительно вторила своему заводиле. — На плаху злодеев!

— Повесить! — не согласился с ним другой крикун.

— Запереть в темнице и уморить голодом! — завизжала некая милосердная особа. Ее предложение тоже нашло отклик в сердцах собравшейся на площади публики. Она выразила его взрывом аплодисментов и одобрительными возгласами.

— Вот слушаю все это, и душа ликует, — с кривой усмешкой произнес Мортус. — Сразу чувствуется, что находишься не где-нибудь, а в королевстве добра и света. Все вокруг такие неудержимо добрые.

— Неужели ты рассчитывал на радушный прием? — удивленно спросил у него Ильнур. — После того, что ты устроил в Форинге в свой прошлый визит, скажи спасибо, что тебя до сих пор не разорвали на куски.

— Еще не вечер, — заметил Мортус. — Глядишь, и разорвут. Слышишь, как горланят.

Верховный паладин Форинга устало вздохнул и произнес:

— Тебе не о чем волноваться. Сейчас они покричат, выплеснут всю свою ненависть через голосовые связки, и разойдутся по домам. Если кто и приговорит тебя к казни, так это я, а не одержимая жаждой мести толпа.

Мортус исподлобья взглянул на Ильнура. Лорд черного замка за минувшие дни заметно постарел и осунулся. Он напоминал кота, который много лет являлся безраздельным властелином помойки, а потом как-то в одночасье сдал, и вынужден был уступить кормовую точку молодым конкурентам. Целители подлатали Мортуса, срастили сломанные кости, а лечебные зелья направили его организм на путь полного выздоровления. И все же до возврата былой формы Мортусу было далеко. Более того, у него не было уверенности в том, что былая форма когда-либо возвратится к нему в полном объеме. Досталось ему крепко, и даже все искусство целителей и алхимиков не могло полностью устранить последствия тяжелых ранений.

Рядом с Мортусом, за длинным столом, где обычно проводили свои совещания члены ордена паладинов, сидели Трокус и Риана. Оба выглядели еще хуже своего повелителя.

Напротив них расположились Ильнур и Лаура. Верховная волшебница беспокойно ерзала на стуле, и явно не могла дожидаться того момента, когда, наконец, сможет покинуть это собрание и помчаться в лазарет. Там, окруженный заботой лучших целителей Форинга, лежал в палате ее обожаемый Коленька. Но Лаура чувствовала, что без ее непосредственной заботы возлюбленный точно не пойдет на поправку. Ей хотелось находиться рядом с ним, проводить дни и ночи у его постели, а не торчать здесь, в компании злодеев, которых, по хорошему, следовало бы давно отдать на растерзание разгневанной толпе горожан.

Лаура считала величайшей несправедливостью то обстоятельство, что все пострадавшие участники битвы, включая злодеев, уже встали на ноги, а ее Коленька до сих пор лежит без сознания. Рана, нанесенная ему Свиностаком, оказалась не просто серьезной. Она была

страшной. Целители, осмотрев Кольку, сообщили Лауре, что его жизни ничего не угрожает, и об этом можно не волноваться. Но, добавили они, меч подлого Свиностааса нанес ужасный урон мужскому началу юного паладина. Лаура при этих словах побледнела и вскрикнула, а верховный целитель, покачивая головой, с грустью заметил, что шансов на полное восстановление мужской силы паладина Николая немного.

Лаура потребовала, чтобы на исцеление ее возлюбленного были брошены все силы. Она уже связалась со своим знакомым целителем из столицы, гениальным вундеркиндом и давним ее другом, и попросила его незамедлительно прибыть в Форинг, дабы оказать содействие в полном восстановлении ее ненаглядного Коленьки.

По ее просьбе целители ненадолго привели Кольку в чувства. Вот тогда-то он и сумел сообщить, кто конкретно едва не лишил его половой принадлежности. Узнав о том, что ее возлюбленный пострадал от руки Свиностааса, Лаура едва не бросилась мстить подлому злодею в одиночку. Ильнур едва сумел удержать ее в Форинге, убедив верховную волшебницу в том, что нельзя вновь повторять уже совершенную однажды ошибку, и недооценивать Свиностааса. Этот коварный и подлый злодей был слишком хитер и опасен. Он заманил их в ловушку, и натравил своего ручного демона. Кто знает, какие еще сюрпризы припасены в его злодейском арсенале?

— Итак, — прервал затянувшееся молчание Ильнур. — Мортус, я дал тебе возможность связаться с Дакросом. Пойдя навстречу твоей просьбе, я позволил тебе переговорить с темным властелином без свидетелей. Но теперь я хочу знать, что он думает о возникшей проблеме.

Физиономия лорда Мортуса приобрела кислое выражение. Он до сих пор вздрагивал, вспоминая сеанс дистанционной связи с императором Кранг-дана. Дакрос Безжалостный никогда не отличался добротой и сдержанностью. Он был суров, жесток и злопамятен. Последнее качество особо преобладало в его характере. Выразилось оно хотя бы в том, что император успешно отправил на плаху родную сестру. А все потому, что однажды в детстве, на какой-то праздник, родители преподнесли ей более дорогой подарок, нежели ему. Сестре подарили изумрудную диадему, а маленькому Дакросу, который весь год страстно мечтал получить настоящий проклятый меч черного рыцаря с автографом бывшего владельца и каплями засохшей крови на клинке, презентовали свитер ручной вязки, колючий и некрасивый. Будущий император затаил обиду, не забыл об этом случае и не простил более удачливую родственницу — тридцать лет он ждал возможности отомстить, вынашивал черные планы, строил козни, и, в итоге, таки приказал отрубить сестре голову, сфабриковав против нее ложное обвинение в государственной измене.

Вот и Мортус не ждал от беседы с императором ничего хорошего. И не ошибся. Едва узнав о том, что операция по захвату старой крепости провалена, Дакрос впал в неистовство. Он кричал и ругался, он сыпал страшными угрозами. Мортусу оставалось лишь тихо радоваться, что он находится далеко от императора, в Форинге. Попадись он ему под горячую руку сейчас, дело бы непременно обернулось отправкой в камеру пыток.

Когда же Дакрос узнал о том, что Мортус и часть его людей попали в плен и оказались в Ангдэзии, у императора случилась истерика. Он обвинил Мортуса в трусости и в предательстве, и клятвенно пообещал тому трехнедельную путевку на дыбу.

И лишь когда император выплеснул свой гнев и немного успокоился, Мортус перешел к главной теме доклада. Он сообщил о том, что на руинах старой крепости они столкнулись с неведомым существом. Сообщил все, что узнал о том существе от Ильнура. Теперь

император слушал его внимательно, не перебивая. А когда Мортус завершил доклад, спокойным тоном повелел тому оставаться в Форинге и ждать его дальнейших распоряжений, после чего просто взял и отключился.

— То есть, он совсем ничего не сказал? — удивился Ильнур.

— Ничего, — проронил Мортус.

— Как-то это странно, — заметил верховный паладин.

— А я не вижу здесь ничего странного, — проворчала Лаура, испепеляя злобным взглядом сидящую напротив нее Риану. — Ваш психованный император наверняка задумал захватить демона живым и заставить служить себе. Что еще могло прийти на ум этому маньяку?

Тут не выдержал Трокус, старый ветеран и потомственный патриот. Всем своим черным сердцем любил он империю зла, и не мог стерпеть, когда в его присутствии поносили ее национального лидера.

— Да как ты смеешь отзываться об императоре Дакросе подобным образом? — воскликнул он возмущенным и, вместе с тем, гневным голосом. — Немедленно возьми свои грязные слова назад! Император Дакрос не псих, и не маньяк!

— Разве не правда, что его любимым хобби является скармливание живых людей ручному дракону? — спросила Лаура.

— Это-то тут при чем? — проворчал Трокус. — Как низко с твоей стороны столь бесцеремонно копаться в личной жизни императора! И вообще, там не все так однозначно.

— А разве не правда, что он казнил трех своих жен и восемнадцать любовниц? — не унималась волшебница. — Притом всех в один день.

— Какая вопиющая клевета! — вознегодовал Трокус, ударяя кулаком по столу. — Любовниц было всего-то пятнадцать, а вовсе не восемнадцать. Откуда у вас, у добряков, эта отвратительная привычка очернять своих идеологических оппонентов?

— Как я и сказала вначале — псих и маньяк, — констатировала Лаура. — Попомни мои слова, — обратилась она к Ильнуру, — Дакрос точно заимел виды на этого демона. Не стоило ставить его в известность.

— Не думаю, что ты права, — нарушил молчание Мортус. — Император, скажем так, излишне импульсивен, но он не безумец. Если этот демон представляет угрозу для всего нашего мира, его нужно уничтожить. Уверен в том, что император в итоге придет к тому же выводу.

— Да не в демоне дело, — отмахнулся Ильнур. — Демон всего лишь орудие в руках подлинного злодея. За всем этим стоит Свиностас. Вот кто настоящая угроза нашему миру. Николай предупреждал нас об этом. Он знал Свиностаса лучше нас. И поплатился за это.

— Я лично вырву сердце из груди Свиностаса! — прорычала Лаура, сделав очень страшное лицо. — Нет, вначале я оторву ему кое-что другое, а потом заставлю помучиться. И это будет долгое мучение!

— Считаешь, это так легко сделать? — криво усмехнулась Риана, впервые подавшая голос. — Свиностас хитер и коварен. Он всех обвел вокруг пальца. Никогда доселе я не встречала столь хладнокровного и расчетливого ублюдка. Настоящий артист. Признаюсь честно — он пугает меня. Даже не могу вообразить, что еще взбрдет ему в голову.

— Согласен, — поддержал Риану Ильнур. — Свиностас слишком опасен, чтобы недооценивать его. Все мы стали частью его дьявольского плана. Он заставил нас освободить огненного демона, и теперь это чудовище служит ему. Полагаю, у него есть и

иные пособники. Нейтральная полоса кишит всяческими монстрами, она обитель отступников и отщепенцев всех мастей. Если Свиностас сплотит их под своей черной властью, они представят собой грозную силу. Нельзя этого допустить. Ангдэзия и Кранг-дан должны объединить свои усилия и устранить эту новую, страшную угрозу. Пока Свиностас жив, никто из нас не может чувствовать себя в безопасности. Из столицы в Форинг со дня на день выступит войско, а вместе с ним прибудет верховная волшебница Элария, чья мощь воистину велика. И я надеюсь, что империя Кранг-дан поддержит нас. Нанеся совместный удар, мы сокрушим Свиностаса прежде, чем он успеет объединить вокруг себя чудовишнейшей нейтральной полосы.

Ильнур вопросительно взглянул на Мортуса, но тот лишь беспомощно пожал плечами.

— Я не могу говорить за императора, — признался он. — Сам-то я хоть сейчас готов идти войной на этого Свиностаса, но решение примет Дакрос.

— Надеюсь, оно будет верным, — вздохнул Ильнур. — Ведь не только Ангдэзия может оказаться жертвой Свиностаса. Что ему стоит нанести удар и по империи?

— На самом деле, он желает захватить весь наш мир, — со святой верой в свою правоту заявила Риана. — Я теперь это отлично понимаю. Свиностас одержим жадной абсолютной власти. Он поработит всех, а кто откажется склониться перед ним, тех он просто уничтожит. Страшный человек. Да и человек ли? Я слышала, он утратил человеческий облик.

— Да и был ли он когда-нибудь человеком? — с сомнением заметил Ильнур. — Возможно, личина беспомощного юнца являлась маской, под которой скрывалось чудовище. Нам неведом истинный облик Свиностаса. Кто он такой на самом деле? Не имеем ли мы дело с ужасным монстром, что коварно вторгся в наш мир с целью его завоевания?

Стоило прозвучать этим словам, как в голове Рианы как-то ненавязчиво родилась мысль о том, что было бы неплохо, пока еще не поздно, попытаться выйти на контакт с новым темным властелином Свиностасом и предложить ему свои услуги. Нет ничего плохого в том, чтобы выбрать сторону сильнейшего — так прикинула ведьма. Вдруг Ангдэзия и Кранг-дан даже совместными усилиями не сумеют совладать со Свиностасом? В таком случае, единственной возможностью спасти свою шкуру будет примкнуть к нему.

Странно, но такая же мысль посетила и Мортуса. Он, конечно, поспешил изгнать ее из своей головы, но бесследно она не исчезла.

— Дождемся ответа императора, — постановил Ильнур. — Дальше будем действовать в зависимости от того, что он решит. Если же Дакрос откажется принять участие в походе на Свиностаса, мы ударим своими силами, как только прибудет войско из столицы.

Ильнур замолчал, а затем негромко произнес:

— Что же, все-таки, случилось с Андисом? Мне его родня уже весь мозг проклевала до самого копчика. Никто не видел, как он погиб. Никто не знает, что с ним произошло. Мы установили судьбы всех, кто был там, знаем, кто и как пал в бою с демоном. Но Андис словно в воду канул.

— Возможно, он угодил в лапы Свиностаса, — предположил Мортус. — Если так, нам остается только посочувствовать ему. Ибо нет участи ужаснее. Я готов биться об заклад, что этот Свиностас садист, каких мало. Участь вашего Андиса ужасна.

— Бедняга, — вздохнул Ильнур. — Хоть он никогда мне и не нравился, но такой кошмарной судьбы не заслуживает никто. Будем надеяться, что муки его не продлятся слишком долго, и он вскоре обретет избавление в виде быстрой смерти. А я же постараюсь отомстить и за него, и за всех прочих героев, погибших от рук Свиностаса. И не обрету

покоя, пока этот монстр не падет от моего меча.

Дозорные сторожевой крепости никогда не считали повышенную бдительность своей прерогативой. За каменным мостом, переброшенным через обозначавшую границу империи речушку, простерлась нейтральная полоса — гиблое место, обитель чудовищных тварей. И гости из тех краев навевались нечасто. Опасаться следовало разве что большого войска Ангдэзии, коль скоро враждебное королевство надумает пойти на империю крупномасштабным походом. Но и подобных нашествий не случалось уже очень давно. Поэтому солдаты небольшого гарнизона проводили дни в праздности, придумывая себе различные способы увеселения. Основным методом убоя времени являлись азартные игры. Даже стоя в карауле, на вершине дозорной башни, бойцы больше занимались тем, что бросали кости и яростно оспаривали выпавший результат, чем обзоредали подступы к границе. Кого могло принести с нейтральной полосы? Какой безумец отважится пересечь ее? Что же касалось тамошних коренных обитателей, то они никогда не приближались к рубежам империи.

В этот вечер, как обычно, на вершине башни кипела напряженная игра. Бросались кости, прихлебывалось пиво, происходил дежурный обмен любезностями, в ходе которого звучали угрозы, невыносимые для самолюбия сравнения и шокирующие признания в отцовстве. Никто из троих солдат не считал нужным смотреть за зубчатый край стены, а потому появившаяся на горизонте одинокая фигура осталась ими незамеченной.

Она успела почти добраться до моста, когда ее, наконец, засек начальник гарнизона. Пожилой сержант в этот момент как раз подошел к узкому окну, приспустил штаны, и уже приготовился, по сложившейся традиции, справить малую нужду наружу, как вдруг глаза его дико расширились, а изумление было столь велико, что он даже забыл отлить. Кто-то приближался к крепости со стороны нейтральной полосы. И этот кто-то уже успел взойти на мост.

Дикий крик сержанта быстро вывел гарнизон из сонного состояния. Вскакивая с коек, роняя на пол кости и карты, солдаты, похватав оружие, бросились на свои посты. И вот уже небольшая, но мощная крепость, оцетинилась торчащими из каждой бойницы арбалетами.

Путник, в этот момент, как раз пересек мост и оказался напротив твердыни.

— Стой! — грозно прокричал ему сержант из окна. — Стой, стрелять будем!

Человек остановился.

Поглядывая на него с высоты, сержант испытал странную тревогу. Было в этом незнакомце что-то пугающее, что-то грозное, вгоняющее в трепет. Человек был могуч, широкоплеч, а за спиной он нес огромный серый мешок.

— Кто такой и зачем пожаловал? — прокричал сержант, стараясь не поддаваться страху. Все-таки он в крепости, и с ним его гарнизон. Дюжина арбалетов нацелена на этого незваного гостя. И, тем не менее, сержанту было не по себе. Что-то в облике незнакомца пугало его, но он пока не понимал, что именно.

В ответ на прозвучавший вопрос человек повернулся к крепости лицом и медленно поднял голову. В тот же миг сержант почувствовал, как его обычно крепкие и стойкие яички стремительно сжимаются до размеров двух молекул. Табун мурашек проскакал по спине, а вслед за ним в сторону ягодиц с журчанием хлынул поток ледяного пота. Сержант ощутил слабость в коленях и тяжесть в кишечнике. Его сальные волосы вздыбились, подняв над

головой шлем, а расширившиеся глаза полезли на лоб.

Он узнал этого человека. И тут же пожалел о своем неуважительном тоне. И не только о нем. Сержант успел пожелать и о том, что не откосил, в свое время, от армии. Глядишь, в этом случае ему никогда не довелось бы столкнуться лицом к лицу с ожившим ночным кошмаром.

Перед крепостью, широко расставив мощные ноги, стояла верховная кухарка черного замка, леденящая душу Грыжа Антрекотовна.

Прежде сержанту не доводилось встречаться с ней лично, но он слышал довольно историй об этом существе, чтобы иметь массу причин опасаться за свою жизнь. О Грыже Антрекотовне слагали легенды. Легенды ужасов. После их прослушивания люди по нескольку ночей боялись сомкнуть глаза. Они лежали во тьме и тряслись от страха. Но куда больший ужас в них рождала перспектива увидеть Грыжу во сне. Поговаривали, что те, кому снилась верховная кухарка, частенько не просыпались. Их холодные тела находили поутру. И лица этих бедняг искажали гримасы навеки застывшего ужаса.

Спотыкаясь на ступенях, сержант сбежал вниз, распахнул ворота и очутился напротив Грыжи. Он знал, что прятаться от верховной кухарки в крепости бесполезно. Захоти она того, так доберется до него и там. Всю твердыню разнесет по камешку, весь гарнизон порвет на куски. Ничто ее не остановит. Она страшна и неумолима, и нет от нее спасения.

— Простите, госпожа, я вас не признал, — принялся униженно извиняться сержант, даже не пытаясь скрыть охватившего его ужаса. Вживую Грыжа оказалась еще страшнее, чем в легендах. Это был какой-то монстр, ходячий хоррор с грудью восемнадцатого размера. В лицо верховной кухарке сержант старался не смотреть — боялся, что его или хватит удар, или пронесет под себя.

Грыжа имела потрепанный и измотанный вид. Было ясно, что немалые испытания выпали на ее долю. Ее одежда, кожа, вся она покрылась слоем серой пыли. За своей широченной спиной Грыжа несла огромный мешок. Сержант даже знать не хотел, что в нем. Не хотел, но узнал. Потому что когда верховная кухарка, ухнув, опустила свою ношу на дорогу, из мешка донесся тихий, жалобный голос:

— Помогите! Спасите!

Грыжа легонько ударила мешок ногой, тот ойкнул и замолчал.

Взгляд Грыжи сфокусировался на сержанте. Тот почувствовал, как начинают стремительно намокать казенные кальсоны, и мысленно приготовился к смерти.

— Пить! — прохрипела Грыжа.

Сержант подпрыгнул от страха, и невольно разрыдался.

— Не губите! — взмолился он слезно. — Не надо! У меня эти.... Ну, эти.... Как же их...?

Сержант хотел сообщить о бесчисленной родне на своем иждивении, о многих детях, о несчастных стариках, что пропадут без него с голоду, но сразу понял, что это ему не поможет. Жуткую кухарку не разжалобить подобной ерундой.

Грыжа нахмурилась, в ее злобных глазах сержант ясно увидел свою смерть. Медленную, жутко мучительную смерть. Ему не стоило рассчитывать на то, что верховная кухарка просто ушибет его на месте. Она заберет его с собой, в черный замок, в свою страшную кухню, и там он познает все оттенки боли и все полутона ужаса.

— Пить! — вновь взревела Грыжа.

На этот раз до сержанта дошло. Опрометью бросился он в крепость, и вскоре вернулся с

огромной кружкой пива. Грыжа приняла емкость, одним махом осушила ее, и бросила сержанту опорожненную тару. Затем вновь взвалила мешок на спину, и побрела дальше, в направлении черного замка. А сержант еще долго стоял на дороге, медленно приходя в себя и вспоминая, в каком сундуке у него хранится сменное исподнее.

В черном замке внезапное возвращение Грыжи тоже стало сюрпризом. Стражники на воротах чуть не умерли на месте, когда из ночной тьмы выплыла огромная фигура верховной кухарки. Какой-то придворный с притупленным инстинктом самосохранения попытался расспросить Грыжу об участии лорда Мортуса и всех отбывших с ним в поход воинов. С его стороны это было большой ошибкой. Грыжа сильно устала, и была не в духе. Поскольку руки ее были заняты удержанием мешка, она ударила придворного головой. Ударила, и пошла себе дальше, а глупый придворный с разможенным черепом остался валяться во дворе и тихо остывать. Кроме него уже никто не осмелился тревожить верховную кухарку расспросами.

На кухне в это час как раз заканчивали мыть посуду. Работники были веселы и жизнерадостны. Уже несколько дней они не видели свою начальницу, и очень надеялись, что не увидят ее уже никогда. Стоило Грыже отбыть на военную операцию, как они все почувствовали себя счастливыми. Никто больше не избивал их, никто не глядел на них, как на еду. Никто не ввергал в ужас своим кошмарным видом.

Но избавление оказалось недолгим. Грыжа внезапно появилась на кухне, и испортила всем настроение, а следом и здоровье.

— Бездельничали тут без меня, — не спросила, а констатировала Грыжа, и медленно стащила с груди свой сокрушительный фартук.

Через десять минут избитые до полусмерти работники кое-как выползли из кухни, оставляя после себя капли крови и осколки зубов. Один так и не выполз — он навеки остался лежать под мойкой, куда упал с перебитым позвоночником, подергался немного, и опочил. Грыжа же, наведя порядок в своих владениях, хорошенько угостилась оставшимся с ужина кушаньем, после чего вновь взяла мешок и потащила в свои покои.

Апартаменты верховной кухарки располагались здесь же, в подземелье, неподалеку от рабочего места. Ввалившись в них, Грыжа первым делом предусмотрительно заперла крепкую дубовую дверь на три засова, и только после этого позволила себе развязать горловину мешка. Затем ухватила руками за дно вместелища, и резким движением вытряхнула на пол свой ценный груз.

Паладин, некогда гордый и дерзкий, ныне имел жалкий вид. В его глазах застыло выражение ужаса. Связанные руки он подтянул к груди, связанные ноги к заду. Без своих доспехов, которые Грыжа стащила с него еще там, на руинах, чтобы не везти на горбу лишний груз, он казался совсем тщедушным. Окинув его придирчивым взглядом, верховная кухарка поняла, что будущего мужа ей предстоит откармливать долго и упорно.

Со страхом Андис уставился на свою похитительницу. Та высилась перед ним, огромная, как скальный утес. Несчастный паладин уже понял, что его не ждет ничего хорошего, и теперь гадал, каким мукам подвергнет его это исчадие ада. Его ждут пытки — в этом он не сомневался. На иное обращение в лапах злодеев рассчитывать не приходилось. Андис для себя решил, что не доставит радости заклятым врагам. Пусть они растягивают его на дыбе, пусть ломают кости, пусть прижигают каленым железом — ни один звук не сорвется с его уст. Если не ратными подвигами, то стойкостью и бесстрашием, он добудет себе вечную славу.

Он решил сразу дать понять этому монстру, что в его лапы угодил настоящий паладин.

— Что бы ты ни задумала делать, проклятая тварь, ты не услышишь моих криков! — гордо заявил он.

Прозвучало это довольно убедительно, несмотря на заметно дрожащий голос.

Грыжа ничего не ответила. Вместо этого она неторопливо стащила с себя свой фартук, и повесила его на вбитый в стену гвоздь. Затем наклонилась, без труда подняла Андиса на руки, и бросила извивающееся тело суженого на свою кровать. Ложе у Грыжи было большим и прочным. Его делали по индивидуальному заказу, ибо не всякая кровать могла выдержать те без малого два центнера, которые Грыжа честно нажила к своим годам.

— Что ты задумала, тварь? — выкрикнул Андис. На этот раз страх в его голосе прозвучал гораздо явственнее.

Грыжа, в общем-то, и не скрывала своих намерений. Ей все происходящее казалось вполне очевидным. Поскольку свадьба намечалась нескоро, ибо жениха еще необходимо было откормить до нужной кондиции, верховная кухарка решила не ждать первой брачной ночи, и потерять свою без труда сберегаемую девственность прямо сейчас, с пылу с жару, даже не принимая ванны.

Она решительно ухватила за край своего пыльного платья, и потащила его вверх, планируя снять одеяние через голову. По мере того, как ткань, всползая все выше, обнажала все больше женских ужасов верховной кухарки, глаза Андиса округлялись все шире и шире. Вся кровь схлынула с лица паладина, и он стал белее мела. На его физиономии застыло выражение великого ужаса, словно он только что увидел нечто невыносимое, не укладывающееся в голове, словно заглянул в бездну, и почувствовал, что из бездны кто-то злой и страшный смотрит на него в ответ.

Грыжа справилась с платьем, и бросила его на пол. Больше на ней из одежды не было ничего, лишь на толстой шее висел фамильный оберег — сушеное ухо паладина, якобы приносящее удачу. Она какое-то время смотрела на своего жениха, а затем шагнула к кровати.

И в этот момент Андис закричал.

То был страшный, леденящий душу, крик. Он раскатился по всему черному замку, встревожив его обитателей. Он выплеснулся за стены твердыни, и разнесся по окрестностям. Жители ближайших деревень услышали его, и содрогнулись. Отголоски этого крика донеслись даже до сторожевой крепости. Сержант, который в этот самый момент лечил травмированную психику ударными дозами пива, услышал его, застыл с кружкой, не донесенной до рта, и в один миг, прямо на глазах подчиненных, полностью поседел.

Но не успел смолкнуть первый крик, как прозвучал второй, еще громче и страшнее прежнего. А затем еще и еще. Люди содрогались от ужаса, и гадали — что же происходит? Не является ли этот крик зловещим знамением, сулящим великие бедствия? Многим в ту ночь снились кошмары. Обитателей черного замка охватило волнение — они не знали, что и думать. Они почти отважились пойти в покои верховной кухарки и поглядеть, что же там происходит, но так и не набрались для этого смелости. Решили, что уж лучше терпеть крики, и жить, чем сунуть нос не в свое дело, и стать главной составляющей какого-нибудь мясного блюда.

Поэтому так никто и не узнал, что в ту роковую ночь Грыжа Антрекотовна лишилась девственности, а ее будущий супруг рассудка. После акта соития верховная кухарка лежала на кровати со счастливой улыбкой и покуривала трубку, а рядом, пуская пузыри, корчился

обезумевший Андис. Его психика не выдержала этого чудовищного испытания. Он готов был к пыткам, к славной смерти в бою. Но силы зла припасли для него нечто, выходящее за все мыслимые и немыслимые пределы.

— Все у нас будет хорошо, — нежным хриплым басом заверила его Грыжа, и погладила будущего мужа по голове.

Тот вздрогнул и жалобно заскулил. Ни проблеска мысли не осталось в его глазах. Там навеки застыл ужас. Эти глаза увидели такое, что не положено наблюдать смертным. И их хозяин жестоко поплатился за это.

На самой северной окраине империи Кранг-дан, у подножия вздымающихся до небес неприступных гор, с незапамятных времен темным призраком высился на каменном склоне старинный замок. Стены и башни его давно обветшали, холодный ветер свободно гулял по пустынным коридорам мрачной обители. Кто возвел сей замок, когда — не было ответов на эти вопросы. Для жителей крошечной деревни, расположенной в пяти милях от твердыни, эта серая громада, зловеще выступающая из вечно клубящегося на горном склоне тумана, исстари была объектом суеверного страха. Пастухи со своими стадами обходили ее стороной, дети, известные своей бесстрашной глупостью, боялись приближаться к этому месту. За сотни лет никто не посещал древний замок. Немало мрачных легенд ходило о нем, связанных то с жуткими призраками, то с беспокойными мертвецами, что бродят ночами по мрачным коридорам, зловеще воют и гремят ржавыми цепями.

Казалось бы, что может быть хуже такого соседства? Примерно так и думали горцы, ровно до тех пор, пока однажды мимо их деревни в сторону жуткого замка не проследовала целая процессия, состоящая как из всадников, так и из многочисленных повозок. Кто были эти люди? Горцы хотели узнать, но постеснялись спросить. Вид закованных в черные латы всадников, вооруженных огромными мечами, отбил у них всю охоту тешить любопытство. Селяне в страхе попрятались по своим убогим хижинам, и оттуда, сквозь крошечные окна, с опаской наблюдали за чужаками. Им не доводилось видеть прежде черных рыцарей — отдаленные окраины империи жили своей особой жизнью, и знать не знали об идущей уже много лет войне. Да что там, многие селяне даже не были в курсе того, что их крошечная деревушка входит в состав огромного государства, и что есть у них правитель, не какой-нибудь князь или барон, а целый император. Раз в месяц в их глухомань заглядывал сборщик подати, взимал налог шерстью и баранами, а кто он такой и от чьего имени собирает дань, у него не спрашивали. Все знали, как устроен мир: живешь — плати. А кому именно идут твои налоги, то не так уж и важно. Поскольку до сих пор не приехали люди с оружием и не убили всех, значит, плата поступала в нужный карман.

Появившиеся чужаки встревожили горцев. Те справедливо сочли, что их принесло не к добру. Еще большую тревогу вызвало то пугающее обстоятельство, что чужаки, всем своим немалым отрядом, направились в старый замок, и не придумали ничего лучшего, как обосноваться там. Так же наблюдатели заметили среди чужаков одного старика, лысого, страшного, с пронзительным взглядом, который ехал в самой дорогой повозке, восседая на кипе подушек, одним глазом глядел в лежащую на коленях книгу, а вторым люто таращился по сторонам. И на кого из местных жителей пал его взгляд, те после этого долго болели.

Горцы боялись даже предположить, что понадобилось чужакам в старом замке. Но те вселились туда, и, похоже, вселились надолго. Спустя несколько дней из замка прибыл человек, и договорился насчет поставок баранины и молока. Местных не утешило даже то обстоятельство, что гонец дал им щедрый аванс за грядущую продукцию. Не радовали горцев деньги, не радовала намечающаяся торговля. Жили они в страхе, в любой момент ожидая беды. Ибо знали, что нельзя тревожить проклятый замок. Вселившиеся туда чужаки накличут беду и на себя, и на них.

Их суеверный страх обернулся бы полноценным ужасом, узнай они, кто и с какой целью вселился в старый, простоявший сотни лет заброшенным, замок. Ибо тем стариком, чей

недобрый глаз сеял повсюду болезни и несчастья, был собственной персоной Каргарн, один из самых талантливых и известных некромантов империи.

Прибыл он в замок на краю света и поселился в нем отнюдь не из-за своей склонности к уединению. Он оказался здесь по заданию самого императора Дакроса. Давно уже империя изыскивала разнообразные средства, способные даровать ей преимущество в войне с Ангдэзией. И средства эти, подчас, оказывались чудовищными. Но Дакроса не волновала цена, которую пришлось бы заплатить за победу, и он прибегал к помощи самых мрачных и жутких умельцев, сулящих создать для него эффективное и грозное оружие.

В числе таких умельцев был и Каргарн. Даже на фоне прочих некромантов, людей, пользующихся недоброй репутацией, он выделялся особо. Его эксперименты пугали. Старый безумец не гнушался ничем, даже самыми отвратительными и страшными вещами, если те сулили ему успех. В итоге, когда количество жалоб на него превысило все допустимые объемы, Дакрос предложил старику перебраться из столицы на окраину, туда, где он никому не помешает своей чудовищной работой. А работа эта должна была продолжаться. По уверениям Каргарна, он находился в шаге от успеха. Старик обещал Дакросу непобедимую армию, состоящую из оживленных мертвецов. Ему лишь требовалось еще немного времени для проведения самых важных и самых ужасающих экспериментов. С этой-то целью он и прибыл в старый замок на краю мира. Здесь он мог делать все, что угодно. И никто не побежит жаловаться Дакросу на то, что над его лабораторией клубится ядовитый черный дым, а изнутри доносятся столь жуткие крики, что кровь стынет в жилах.

Горцам из деревни тоже вскоре довелось услышать эти крики. Ужас объял их. Несчастные селяне всерьез задумались о переезде. Если прежде старый замок просто пугал их своим мрачным видом, то теперь в нем явно творились какие-то немыслимые ужасы. Крики, доносящиеся оттуда, мало походили на голоса живых людей. Казалось, что кричали какие-то существа, неведомые и страшные, потусторонние твари, проникшие в этот мир извне. Но горцы все терпели, все ждали, что незваные гости, немного побыв в замке, вскоре покинут его. И напрасно ждали. Потому что надо было бежать без оглядки, пока это еще было возможно.

Каргарн отличался фанатичной преданностью своему делу. Он трудился день и ночь, не покладая рук. Спал три часа в сутки, даже во сне продолжая обдумывать, планировать, производить расчеты. Работа его продвигалась успешно. В повозках, которые наблюдали деревенские горцы, он доставил с собой тщательно отобранные для своих экспериментов тела. Теперь эти мертвецы покоились на металлических столах в лаборатории, которую старик оборудовал в подземелье замка. Каргарн вводил в их кровеносную систему различные смеси собственного приготовления, каждый раз достигая все более и более впечатляющих результатов. Он продвинулся уже очень далеко. Ему удалось ненадолго вернуть к жизни мертвое тело, заставить его двигаться и кричать. Но этого было недостаточно. Эффект оживления длился недолго, а подопытные не демонстрировали ни малейшего признака разума. Они извивались на столах, прикованные к ним кандалами, и орали так громко и страшно, что даже прибывшие вместе с Каргарном черные рыцари тряслись от ужаса, а слуги то и дело падали в обморок, слыша эти леденящие кровь звуки, доносящиеся прямо из мира мертвых.

Никто не дерзал спускаться в подземелье по ночам — именно это время Каргарн считал наиболее предпочтительным для своих опытов. Компанию старому некроманту составляла лишь его верная и единственная ассистентка, лаборантка Гэла. Эта юная особа происходила

из знатной столичной семьи, и ей уже по праву рождения было уготовано блестящее будущее. Но Гэла избрала свой особый путь.

С юных лет ее неудержимо тянуло ко всему зловещему и мрачному. Она вечно облачалась в черные одеяния и сверх всякой меры пудрила лицо, дабы то ярче контрастировало на фоне ее траурных нарядов. Говорила редко, а если вдруг и открывала рот, слушатели быстро разбежались от нее. Ибо все речи Гэлы вращались вокруг кладбищ, могил, надгробий и прочих эксгумаций. Запершись в своей комнате, Гэла собственной кровью писала мрачные стихи о ночных прогулках среди надгробий, о прелести погребений заживо, а еще сочиняла поэму о большой и зловещей любви между простой девушкой, вроде нее самой, и качественно подгнившим мертвецом, самоустранившимся из могилы.

Едва дождавшись совершеннолетия Гэла, к несказанной радости родителей, покинула отчий дом и вскоре очутилась в ассистентках у зловещего Каргарна. Работа пришлась ей по душе. Бледным призраком бродила она по лаборатории, невозмутимо выполняя обязанности, которые давно свели бы с ума даже самого непробиваемого человека.

О лаборантке старика Каргарна вскоре пошли гулять зловещие слухи. В столичных трактирах пересказывали мрачные истории о том, будто бы прибывшая к колдуну девица по ночам занимается осквернением тел мертвецов. Поговаривали о тяжелом случае некрофилии. Сторож, некоторое время работавший у Каргарна, клялся и божился, что однажды ночью он случайно заглянул в лабораторию, и увидел там нечто невероятное. Гэла, раздевшись донага, оседлала качественно подгнивший и частично препарированный труп, скакала на нем и издавала жуткие стоны и завывания.

Каждую ночь Каргарн со своей ассистенткой запирались в подземелье. Работа шла в напряженном режиме, без перекуров и ленчей. Тела, доставленные на телегах в герметичных ящиках, извлекались, омывались, клались на столы и подвергались накачиванию различными смесями. Успех был близок — Каргарн чувствовал это. Он трудился не ради награды, не ради почестей и славы. Им двигал энтузиазм настоящего ученого.

Но всякий раз, когда, казалось, вот-вот случится долгожданный прорыв, что-то шло не так. Каргарну удавалось оживить мертвое тело, заставить его двигаться и кричать, но этого было недостаточно. Только возвращенная в тело душа могла превратить дергающийся кусок тухлого мяса в страшное оружие. Но как ни старался Каргарн, он так и не сумел заманить чью-либо душу в мертвую плоть.

В ту роковую ночь, темную и жуткую, когда тяжелые тучи заволокли небо до самого горизонта, а на юге мерцали всполохи молний да доносились раскаты грома, Каргарн предпринял очередную дерзкую попытку оживить мертвеца. На этот раз подопытным оказался высокий худой мужчина средних лет, успевший, несмотря на герметичные условия хранения, порядком подгнить. Вместе с Гэлой они извлекли тело из ящика и уложили на металлический стол. Затем бледная лаборантка приковала покойника кандалами, а Каргарн в это время наполнил массивный стеклянный шприц новой экспериментальной смесью. Ее он вколол мертвецу в шею, после чего, распахнув огромный древний фолиант, принялся читать темные заклинания. Гэла стояла в сторонке, мечтательно подкатив глаза. Всякий раз в минуту покоя она полностью отдавалась эротическим мечтаниям о большой и чистой любви с ожившим мертвецом.

Глухо и страшно раскатывались слова древних заклинаний под мрачными сводами подземелья. Каргарн читал их громким скрипучим голосом. Старик вспотел. Его глаза дико расширились. Трясущимися руками он торопливо переворачивал страницы, стараясь ни на

мгновение не прервать звучание жутких формул. Гэла в это время воображал себе, как она, гуляя ночью по старому кладбищу, среди сухих деревьев и старых надгробий, повстречает там выбравшегося из могилы мертвеца, как вспыхнет между ними любовь с первого взгляда, и как заживут они долго и счастливо. Они поселятся в древнем склепе, будут проводить дни в двухспальном гробу, а по ночам бродить под луной, слушая зловещий волчий вой и любуясь порханием летучих мышей.

Каргарн выкрикнул последние слова древнего заклятия, поднял взгляд от книги, и с надеждой воззрелся на мертвеца. Тот спокойно лежал на столе, и оживать не думал. Некромант выждал минуту, затем, сердито ворча, подошел к неподвижному телу и склонился над ним. Рядом бесшумно возникла Гэла.

— Я не понимаю! — в отчаянии простонал старик, с ненавистью глядя на мертвеца, упорно не желающего оживать. — Все было сделано правильно. Почему же это не сработало?

Он торопливо ощупал труп своими подвижными пальцами, но не нашел никаких признаков жизни. Перед ним, на столе, лежал просто кусок тухлого мяса.

Каргарна охватило отчаяние. Ему казалось, что он движется в верном направлении, но вот, когда наконец-то должен был состояться долгожданный прорыв в его исследованиях, он уперся лбом в очередную неудачу.

— Проклятье! — выругался старик. — Как меня все это достало! Сил больше нет!

— Вам надо отдохнуть, профессор, — мертвенным тягучим голосом произнесла Гэла. — Вы переутомились.

Каргарн подумал, что так оно, пожалуй, и есть. С тех пор, как они прибыли в старый замок, он пахал, словно проклятый, забывая о сне и пище. Возможно, на нем сказались переутомление, и он что-то напутал. В самом деле, следовало взять небольшую паузу, перекусить, вздремнуть пару часиков. Это пойдет ему на пользу.

— Пойду-ка я, в самом деле, развеюсь, — сказал он лаборантке. — Прибери тут все.

— Как пожелаете, — произнесла Гэла, провожая взглядом сгорбленную фигуру своего начальника.

Едва за Каргарном захлопнулась дверь, Гэла, воровато оглядевшись, начала украдкой подбираться к металлическому столу, на котором лежало мертвое тело. Этот покойник сразу ей приглянулся, едва они распечатали герметичный контейнер, в котором тот находился в пути. Особенно взбудоражил Гэлу исходящий от покойника трупный запах. Было в нем что-то пьяняще притягательное.

Склонившись над трупом, Гэла медленно провела пальцами по его холодной липкой коже. По ее телу пробежали мурашки. Гэла ощутила нарастающее возбуждение, и поняла, что вот-вот сорвется. Старый некромант не поощрял ее сексуальных пристрастий, для него мертвецы были рабочим материалом, а не объектом похоти, но Гэла знала, что если Каргарн не вернулся сразу, то не объявится в следующие три-четыре часа. А если старик, в расстройстве чувств, приложится к своим запасам коньяка, то в подземелье он спустится не раньше следующей ночи.

Игривая улыбка расцвела на бледном лице Гэлы. Продолжая водить пальцами по темно-серой груди покойника, она стала второй рукой расстегивать пуговицы своего черного платья. Не один Каргарн трудился, не покладая рук, все последние дни. Ей тоже давно не выпадала возможность расслабиться.

Расстегнув третью пуговицу, Гэла медленно перевела взгляд с груди покойника на его

лицо, и вздрогнула. Веки трупа открылись, обнажив мертвенно-бледные глазные яблоки.

В этом, конечно, не было ничего необычного. Гэла много раз видела, как покойники моргали, вздыхали, двигали конечностями. Каргарн объяснил ей природу этих явлений. И, тем не менее, внезапно распахнувшиеся глаза мертвеца несколько встревожили ее. В конце концов, перед ней лежал не просто труп. Старый некромант успел ввести ему дозу оживляющего препарата, и прочел над телом древние заклинания. Мертвец не ожил сразу, но ведь эффект мог проявиться и с задержкой времени.

Гэла ткнула мертвеца пальцем в грудь, и громко спросила:

— Ты меня слышишь?

Ответа не последовало. Перед ней лежал безжизненный, славно протухший, труп. Гэла расслабилась и облегченно выдохнула.

И в этот миг мертвец медленно повернул голову и посмотрел на нее своими жуткими глазами.

Гэла невольно взвизгнула и отпрянула от стола. Она не могла отвести взгляда от глаз покойника. Те неотрывно смотрели прямо на нее. Гэла чувствовала это. И не могла поверить в то, что происходит. Ибо это был взгляд разумного существа.

Прежде ничего подобного не случалось. Все оживленные Каргарном трупы не демонстрировали никаких признаков разумности. Это были куски мертвой плоти, дергающиеся в кандалах и оружие дурным голосом. Но в этот раз все обстояло иначе.

Черные губы мертвеца дрогнули и медленно приоткрылись, обнажив два ряда гнилых зубов. Даже со своего места Гэла ощутила пахнувший из пасти мертвеца смрад. Он был прекрасен!

А вслед за смрадом из глотки прозвучал хрип. Вначале неразборчивый, он все больше обретал очертания понятных слов. В конце концов, Гэла расслышала вопрос.

— Где я? — глухо пророкотал мертвец.

Потрясенная лаборантка застыла на месте. Покойник дернул руками, заставив цепи кандалов зазвенеть, и вновь спросил, не спуская с Гэлы глаз:

— Где я?

Наконец, лаборантка нашла в себе силы, чтобы ответить.

— Ты в лаборатории мастера Каргарна, — прошептала она.

— Лаборатория?

В голосе мертвеца сквозило удивление. Он медленно обвел взглядом помещение. Затем заговорил вновь:

— Старая крепость. Дверь. Бомба.

Гэла осторожно приблизилась к столу и негромко спросила:

— Кто ты?

— Я? — прохрипел мертвец, вновь впери в нее свой жуткий взгляд. — Кто я?

Казалось, этот вопрос поставил его в тупик. Затем, после нескольких секунд мучительных раздумий, он выпалил:

— Вася! Я Вася!

— Какое необычное и красивое имя, — простонала Гэла, которая вдруг поняла — этой ночью сбылась ее заветная сексуальная фантазия. Как долго мечтала она о большой и чистой некрофильской любви! Как долго ждала своего подгнившего принца в белом гробу! Уже успела отчаяться, уже почти смирилась с горькой мыслью, что не видать ей счастья в этой жизни. А вот, поди ты, любовь нечаянно нагрянула.

Мертвец вновь дернул руками, заставив цепи загреметь. Гэла быстро сказала:

— Подожди. Сейчас я сниму кандалы.

Вооружившись ключом, она освободила мертвеца. Тот, конвульсивно дергаясь, с трудом сел на столе, а затем осторожно спустил ноги на каменный пол. Его вначале неуклюжие движения быстро обрели твердость и уверенность.

Он рывком встал на ноги. Его качнуло, но он устоял.

Гэла взирала на него, млея от любви. Как же он был прекрасен! Трупный запах, темный цвет кожи с зелеными пятнами плесени, молочно-белые глазные яблоки — и как можно было устоять под напором такого великолепия?

— Старая крепость, — вновь пробормотал мертвец, мучительно пытаясь что-то вспомнить. — Дверь. Взрыв. Огонь.... Огонь! И... голос.

Тут он резко вскинул голову, а его лицо исказила гримаса ненависти.

— Стасик! — прорычал он сквозь зубы. — Свиностас! Убью!

Он уставился на Гэлу, и пророкотал:

— Помоги мне!

— Я сделаю все, что ты хочешь! — с готовностью выпалила лаборантка.

— Я голоден, — прохрипел Васек. — Мне нужно поесть. Я очень голоден.

— А что ты хочешь? — спросила Гэла. — Чем тебя угостить?

Васек попытался прикинуть, чем бы он желал угоститься. С его памятью творилось что-то странное. Прошрое он помнил смутно и фрагментарно. Самым сильным воспоминанием была ненависть к Свиностасу. Эта она вернула его из небытия. Он понял, что должен добраться до Стасика и убить его. В этом отныне заключалась цель его существования. Но для осуществления своего замысла ему понадобится сила. Он должен питаться. Но чем?

В прежней жизни Васек не был привередой, и мог успешно закидываться хоть борщами, хоть пельменями, хоть картошкой в мундире. Но сейчас его потянуло на особое, прежде чуждое ему, блюдо.

— Я хочу крови, — медленно произнес он, и посмотрел на бледную девушку в черном платье. — Мне нужна кровь. Понимаешь?

Гэла мило улыбнулась, и взяла его за руку.

— Идем со мной, — проворковала она. — В этом замке немало мешков с теплой вкусной кровью. А если и этого тебе будет мало, я отведу тебя в деревню, что стоит ниже по склону. Там тоже есть вкусная свежая кровь.

— Кровь! — зарычал Васек, и его губы расплзлись в жуткой улыбке. — Да, дай мне крови. А после помощи мне найти Свиностаса.

— Все, что пожелаешь, любимый! — заверила его Гэла, прижавшись щекой к холодному плечу Васька. — Я помогу тебе найти любого, кого бы ты ни пожелал. Но вначале, мой милый, ты должен хорошо покушать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net